

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

К. Д. Бугров

СОЦГОРОДА БОЛЬШОГО УРАЛА

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2018

Ministry of science and higher education of Russian Federation

Ural federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin

KONSTANTIN D. BUGROV

SOCIALIST CITIES OF GREATER URALS

Ekaterinburg
Publishing house of the Ural University
2018

УДК 94(470.4/.5) + 908 + 711.1

ББК 63.3(2)614

Б902

Издание подготовлено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект:
идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Рецензенты:

Нерар Ф.-Кс., профессор (Университет Париж-1 Пантеон-Сорбонна)
Селиванова А. Н., кандидат архитектуры (Научно-исследовательский
институт теории и истории архитектуры и градостроительства)

Бугров, К. Д.

Соцгорода Большого Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та,
Б902 2018. – 472 с.

ISBN 978-5-7996-2490-3

Исследование посвящено трансформации культурной мифологии городов Урала в годы советской индустриализации, осуществленной усилиями местных публицистов, фотографов, художников, старавшихся мотивировать строителей социализма и преодолеть «комплекс провинциальности». Творчески перерабатывая идеи дореволюционной публицистики, описывая новый, социалистический город, они создали для Урала и новый образ «опорного края».

На основании анализа широкого круга публицистических и иллюстративных материалов (газеты, журналы, брошюры), а также изучения архитектурного наследия уральских индустриальных городов (Красноуральск, Нижний Тагил, Лысьва, Березники и многие другие) автор в деталях воссоздает эту мифологию, демонстрирует ее определяющее влияние на формирование ключевых понятий уральской идентичности. Приложения к книге – газетные статьи о соцгородах Урала, «погребенные в периодике» 1930-х гг. и практически неизвестные широкому кругу читателей.

На обложке:

Маркин В. В. «Орджоникидзе на строительстве Уралвагонзавода
(Вагонка строится)». 1970-е гг. Холст, масло.
Нижнетагильский музей изобразительных искусств.

ISBN 978-5-7996-2490-3

© Бугров К. Д., 2018
© Уральский федеральный университет, 2018

УДК 94(470.4/.5) + 908 + 711.1
ББК 63.3(2)614
Б902

This volume was prepared with the support of Russian Scientific Foundation
(project № 16-18-10106 «Early Soviet society as a social project: ideas,
mechanisms of implementation, results of constructing »).

Bugrov, K. D.

Б902 Socialist Cities of Greater Urals. – Ekaterinburg, 2018. – 472 p.

ISBN 978-5-7996-2490-3

This book studies transformations of cultural mythology of Ural cities in the years of Soviet industrialization – transformations that were implemented by the joint efforts of local publicists, photographers, and artists who were trying to motivate the builders of socialism and overcome the ‘complex of provinciality’. Re-working the ideas of pre-revolutionary authors, and developing special ways to describe new, *socialist* city, they created for Urals a brand new image of ‘stronghold’.

The author resurrects this mythology through the analysis of a variety of sources (newspapers, brochures, journals) and the study of architectural heritage of industrial settlements of Urals (Krasnouralsk, Nizhny Tagil, Lysva, Berezniki and many others). Such analysis in turn, highlights the definitive role of such mythology upon the formation of Ural identity. The appendix of the book includes some of the newspaper articles examining different aspects of *socialist cities* of Urals.

Book cover:

Markin V. V. «Ordzhonikidze at the construction site of Uralvagonzavod
(Vagonka under construction)». 1970es.
Nizny Tagil art gallery.

ISBN 978-5-7996-2490-3

© K. D. Bugrov, 2018
© Ural Federal University, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Глава 1. УРАЛ.	14
Ужасы провинциальности.	14
Кладовая богатств	34
Проблема отсталости.	46
Глава 2. ЗАВОДЫ	63
Урало-Кузбасс.	63
География гигантов	82
Рождение соцгорода.	105
Глава 3. СОЦГОРОД	121
Анатомия соцгорода.	121
Жилье и инфраструктура	136
Архитектура и стиль	154
Соревнование	167
Новая культураность	183
Глава 4. МИФОЛОГИЯ.	201
Герои	201
Злодеи.	222
Вожди.	244
Даты и празднества	265
Мировая революция.	273
ОКДВА.	287
Глава 5. ФОРПОСТЫ СОЦИАЛИЗМА.	296
Надеждинск и Лысьва: соцгорода в старых поселках	296
Красноуральск – забытый соцгород.	301
Березники – Соликамск: республика химии.	308
Молотово и Пермь	318
Нижний Тагил и окрестности.	322
Калата: город цветников	333
Большой Свердловск. Уралмаш и другие	336
Первоуральск: соцгород в соцгороде.	344

Каменск-Уральский	351
ЧТЗ и компания: перестройка старой Челябины	355
Златоуст – Сатка – Бакал	363
Магнитка	368
Заключение	377
Приложения.	383
Библиография	424
Список сокращений	457
Указатель имен	458
Список иллюстраций.	466

CONTENTS

Introduction	9
Chapter 1. URALS	14
The Dismay of Provincialism	14
The Wealth Store	34
The Problem of Backwardness	46
Chapter 2. FACTORIES	63
Ural – Kuzbass	63
The Geography of Giants	82
The Birth of a Socialist City	105
Chapter 3. SOCIALIST CITY	121
Anatomy of a Socialist City	121
Housing and Infrastructure	136
Architecture and Style	154
Competition	167
New Habits of Culture	183
Chapter 4. MYTHS	201
Heroes	201
Villains	222
Leaders	244
Dates and Celebrations	265
The World Revolution	273
OKDVA	287
Chapter 5. FORPOSTS OF SOCIALISM	296
Nadezhdinsk and Lysva: Socialist Cities and Old Settlements	296
Krasnouralsk, a Forgotten Socialist City	301
Berezniki – Solikamsk: Republic of Chemistry	308
Molotovo and Perm	318
Nizny Tagil and its Surroundings	322
Kalata: Town of Copper Production	333
Greater Sverdlovsk, Uralmash and the Others	336
Pervouralsk: Socialist City in a Socialist City	344

Kamensk-Uralskiy	351
ChTZ and Co.: Re-making Old Chelyaba	355
Zlatoust – Satka – Bakal	363
Magnitka	368
Conclusion	377
APPENDIX	383
Bibliography	424
List of Abbreviations	457
Index	458
List of Illustrations	466

Введение

С крыши Магнитогорск был виден, точно на ладони.
От центра, где высились небоскребы статистических отделов,
улицы расходились симметричными кольцами,
пересекаемые радиальными бульварами.
Гигантские голубые и белые здания научных учреждений
сверкали отражением солнечного света.

Я. Ларри.
«Страна счастливых» (1931)

Историю города можно понимать по-разному. Она бывает историей архитектуры и градостроения, историей «повседневной жизни» или, например, историей, рассказываемой через биографии – индивидуальные или коллективные. Книга, которую вы держите в руках, представляет собой историко-культурное исследование дискурса о городе. Впрочем, город тоже можно понимать по-разному. Настоящая книга посвящена истории становления *социалистического города* в эпоху первых пятилеток.

По нашему мнению, одной из наиболее крупных проблем в изучении истории СССР – особенно СССР эпохи «великого перелома»! – является стремление провести четкую грань между «идеологией» и «реальностью». Этот риторический ход очень часто используется, когда речь заходит об истории советского города, позволяя историку предстать в роли человека, срывающего маски и обнажающего истину: вот – идеология, а вот – реальность. Даже если историк не считает идеологию сознательным и последовательным обманом (а многие всерьез считают именно так), он все равно чувствует некоторую неловкость: теоретики обещали авангардные дома-коммуны (наподобие тех небоскребов будущего Магнитогорска, о которых с энтузиазмом писал Я. Ларри в своей утопии 1931 г. «Страна счастливых»), а в реальности получились островки кирпичных четырехэтажек посреди моря рабочих площадок, спецпоселков и барачных городков.

Но в нашей книге мы не ищем ответов на вопрос о том, была эта страна и впрямь «страной счастливых» или же скорее «страной несчастных». Говоря о соцгороде, мы имеем в виду язык описания, позволявший индивидам общаться – приказывать, жаловаться, отчи-

тываться, высмеивать, объяснять, убеждать, принуждать, наказывать и, конечно, описывать окружающие реалии именно как «страну счастливых». На структуру такого языка оказали огромное влияние теоретические дискуссии о социалистическом расселении, шедшие в узком кругу интеллектуалов в 1920-х гг. Однако нельзя считать этот язык сугубо кабинетной, абстрактной конструкцией, начавшей разрушаться при первом же соприкосновении с реальностью. Напротив, трансформации этих идей и концепций при использовании их для описания реалий жизни городов СССР эпохи индустриализации сделало данный язык полнокровным; они соотносятся между собой не как чистая идея и ее ущербное отражение, а как прототип и серийный образец.

Образец несет в себе множество черт прототипа, но сфера его воздействия гораздо шире: его продают и рекламируют, на него жалуются, его дорабатывают и изменяют, он превращается в культурный символ, в значимую часть жизни тысяч людей, которые никогда и близко не подходили к опытной лаборатории, где придумали прототип – словом, серийный образец проявляет себя самыми разными способами. В нашем случае таким серийным образцом является дискурс о соцгороде, описания конкретных уральских городов, представленные в публичной сфере Большого Урала*.

В главе I настоящей книги мы прослеживаем, как складывались основные представления об уральском городе – своеобразная уральская идентичность – по состоянию на 1920-е гг. В этой интел-

---

* Под Большим Уралом мы подразумеваем единое культурное пространство горно-заводских городов, ставшее основой для огромной Уральской области 1920-х – 1930-х гг. В фокус анализа попали преимущественно газеты: «Сталь» и «Пролетарий» (Надеждинск), «Гигант» (Красноуральск), «Ударник» (Березники), «Молотовский рабочий» (Молотово), «Вагоногигант» (Нижний Тагил), «Ударник Стальмостостроя» (Верхняя Салда), «Большая медь» (Калата), «Искра» (Лысьва), «Под знаменем Ленина» (Первоуральск), «Уральский рабочий» и «За тяжелое машиностроение» (Свердловск), «Челябинский рабочий», и «Наш трактор» (Челябинск), «Пролетарская мысль» (Златоуст), «Саткинский рабочий» (Сатка), «Встречный Урало-Кузбасса» и «За уральский алюминий» (Каменск-Уральский), «Магнитогорский металл» (Магнитогорск) – всего 19 периодических изданий, представляющих почти все промышленные центры Урала 1930-х гг., где велось интенсивное строительство. Работа осуществлялась с подшивками за 1930–1936 гг. (выбор стартовой даты определяется тем фактом, что массовое строительство новых городов на Урале развернулось лишь с этого года, выбор заключительной даты – завершением второй пятилетки и окончанием периода первичного строительства одновременно с завершением Великой депрессии и корректировкой взглядов советских вождей на мировую революцию). Кроме того, к исследованию привлекались многочисленные брошюры, альбомы, художественная литература, в той или иной степени затрагивавшие тему города и городской жизни на Урале, позволяющие проследить предысторию вопроса в XIX – начале XX в. Изучение этих материалов позволило получить массив из нескольких сотен текстов (главным образом – газетных статей), описывающих облик и специфику, проблемы и перспективы нового советского города на конкретных примерах уральских новостроек.

лектуальной конвенции ключевой была риторика *провинциальности, отсталости и кладовой богатств*. Сформированная этими риторическими средствами сумма идей, образов и представлений об Урале, накопленных дореволюционной культурой, оказалась базой для строительства концепции нового общества, затеянного с приходом к власти большевиков. Часть старых была использована заново, часть – отброшена; советская элита вырабатывала свои риторические ходы, чтобы описывать грядущие социальные и экономические изменения – плановую экономику бесклассового общества. Истории этих концептуальных инноваций, осуществленных на рубеже 1920-х – 1930-х гг., посвящена глава 2.

Практическое использование сложившегося данным путем дискурса о соцгороде определялось, с одной стороны, плановым характером советской экономики, а с другой – мобилизацией всех имевшихся ресурсов для целей гигантской индустриальной стройки. Именно этот *проектный характер*, сочетание мобилизации со специфическими условиями плановой экономики (хозяйство без рыночного обмена и накопления ресурсов в руках частных лиц) придало новому городскому дискурсу уникальный характер, рассмотренный нами в главе 3. Индустриализация с ее тяготами и нехваткой ресурсов на протяжении всей 1-й половины 1930-х гг. подбрасывала новые и новые темы. Какой должна быть новая архитектура с точки зрения эстетики? Какими чертами должен обладать образцовый житель соцгорода? Как организовать жизнь в бараке? Все эти вопросы требовали новых риторических ходов, позволяющих адаптировать сложившуюся концептуальную модель к вызовам повседневности.

На этой почве в начале 1930-х гг. сформировалась своеобразная мифология, которую мы анализируем в главе 4. Миф мы считаем одним из аспектов практики, свойственным социальной жизни вообще. К примеру, в сегодняшнем городе торговля недвижимостью создает мифологию VIP – набор конкретных историй и образов, позволяющих понять, как выглядят и ведут себя владельцы дорогого жилья, и стимулирующих покупку предметов роскоши. А, например, ситуация советского города 1930-х гг. с отсутствием свободного рынка создавала мифологию *стахановца*, которая описывала радость принадлежности к этому слою передовиков производства, создавая стимулы для других работников, желающих конвертировать ударный труд в почетный статус.

И подобно тому, как календарный праздник Рождества по всему миру превратился в могущественный стимулятор продаж, хотя, казалось бы, ничто не заставляет людей взвинчивать траты средств именно к этой дате, календарные праздники в плановой экономике Советского Союза (например, годовщина Октября или «день изгнания с Урала колча-

ковских банд») служили стимуляторами для более интенсивного труда, производственного штурма. Ясно, что способы подобной стимуляции не сводились только к увещаниям с опорой на славные календарные даты, но данное исследование сфокусировано именно на мифологемах стимулирования, порожденных советским соцгородом, который сам был порождением колоссальной индустриальной стройки**.

Хотя мифология соцгорода уходила в прошлое по мере завершения строительного натиска первых пятилеток, пережив к тому же чудовищный удар Большого террора 1937–1938 гг. (уничтожившего, по справедливому мнению Д. Бранденбергера, большую часть достижений советской системы пропаганды и агитации 1930-х гг.), до наших дней дошло богатое архитектурное наследие этого времени – градостроительные комплексы, возведенные между 1928 и 1936 гг. Об этой архитектуре принято говорить как о *конструктивистской*, но в действительности единство этого массива зданий задается не только стилистическим сходством, но и их принадлежностью к той мифологии, о которой мы сказали выше. Как без знания мифологии триумфа России в Северной войне невозможно в полной мере оценить фонтан «Большой Самсон» в Петергофе и отличить его от пластикового аналога сегодняшнего дня, так и жилые массивы «1-го квартала» в Магнитогорске или Вагонки в Нижнем Тагиле ничего не скажут наблюдателю, не знающему о мифологии пятилетки и по этой причине не способного отличить их от массовой застройки 1970-х гг. Полагаем, принадлежность этого градостроительного наследия к единому культурному дискурсу эры индустриализации не менее важна, чем его принадлежность к авангардному методу и стилю конструктивизма. По этой причине глава 5 настоящей работы посвящена общему обзору архитектурного наследия первых пятилеток, сконцентрированному в двух десятках соцгородов Большого Урала – том конкретном городском пространстве, в котором функционировал дискурс о соцгороде и которое само его творило, превращая новостройки (например, жилые дома ЧТЗ или цеха Уралмаша) в культурные символы.

В приложении к настоящей книге мы приводим ряд статей, «пугребенных» в местной периодике еще глубже, чем иные архивные до-

---

** По этой же причине мы должны заблаговременно извиниться за использование таких слов, как «вредитель» или «саботажник» без кавычек: нас интересует практика употребления этих понятий в рамках дискурса о соцгороде, и в этом смысле для газет 1931 г. обвиняемые по делу о поджоге кузнечно-прессового цеха Уралмашзавода были вредителями, тогда как по существу, при анализе всего этого дела, их надо бы называть «вредителями» исключительно в кавычках. Но дело не в том, что мы сегодня знаем о качестве предъявленных на суде в 1931 г. (или любом другом году сталинского времени) обвинений, а во внимании к конвенциональному использованию и этого, и других – таких, как «предатель» или «враг», – понятий.

кументы – в недрах своих хранилищ. Это – статьи уральских авторов (журналистов, инженеров, ответственных руководителей), раскрывающие различные аспекты формирования и функционирования дискурса о соцгороде. Насколько нам известно, ранее данные материалы к изучению истории Урала не привлекались.

Изучение заявленной в этой книге темы стало возможным благодаря наличию обширного массива данных о конкретных городах и заводах, накопленных усилиями уральских историков, исследователей архитектуры и знатоков краеведения – таких, как С. С. Агеев, Н. В. Акифьева, С. И. Гаврилова, О. Д. Гайсин, Е. В. Конышева, Н. Н. Макарова, Л. Н. Смирнов, Л. И. Токменинова, И. А. Фомичев и многие другие. Автор признателен хранителям музеев и библиотек – коллективам Красноуральского историко-производственного музея, музея Челябинского тракторного завода, Нижнетагильского музея изобразительных искусств, музея Первоуральского новотрубного завода, Серовского исторического музея, Свердловской областной универсальной научной библиотеки имени В. Г. Белинского, Челябинской областной универсальной научной библиотеки, Фонда газет Российской государственной библиотеки. Особо поблагодарить автор должен своих коллег по Институту истории и археологии Уральского отделения РАН, в чьих работах воссозданы практически все аспекты истории уральской индустрии и, в частности, Урало-Кузнецкого проекта, сыгравшего в ее судьбе ключевую роль.

«Соцгорода Большого Урала» увидели свет благодаря поддержке гранта Российского научного фонда № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования». Автор книги благодарит руководителя гранта Л. Н. Мазур, оказавшую подготовке данной работы поддержку и содействие, а также Е. Д. Бугрову, М. И. Вебера, О. В. Горбачева, А. П. Килина, А. Ю. Матвеева, Ф.-Кс. Нерара, О. С. Поршневу, А. Н. Селиванову. Источником авторского вдохновения стали рассказы бабушки, Н. Г. Бугровой, о прииске Красный Урал (ныне – Уралец) близ Нижнего Тагила, где прошло ее детство. И, конечно же, ни о какой книжке не шло бы и речи, если бы жена автора, Ольга Марченкова, в течение 7 последних лет не садилась бы за руль автомобиля, чтобы вместе с мужем (а последние 2 года – еще и с маленькой Кирой на детском сиденье) исследовать закоулки индустриального Урала от Серова до Магнитогорска, от Сатки до Соликамска.

Глава 1

УРАЛ

Уральские заводы представляют собой клинику разнообразных болезней задержанного промышленного развития.

И. Х. Озеров.
«Горные заводы Урала» (1910)

УЖАСЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОСТИ

Урбанизм эпохи «великого перелома» сознательно противопоставлял себя *старому*, дореволюционному городу. Как бы ни старались большевики начать все заново, их мысль и творчество существовали в пространстве, уже насыщенном культурными символами и конвенциями. Здесь мы не говорим о какой-либо «матрице» уральского поселения¹, о культурном коде или иной форме эссенциалистской идентичности, которая предположительно воспроизводится местными условиями. Иными словами, дело не касается идентичности; какой она была – вопрос чрезвычайно интересный, но не относящийся к делу. Нас интересует тот массив литературных описаний, риторических стратегий и визуальных репрезентаций, который определял представления об Урале по состоянию на конец 1920-х гг. Определял – значит, был доступен широкому кругу читающей публики, фиксируя уральскую специфику на бумаге и позволяя составить мнение об Урале чиновнику, литератору или предпринимателю, никогда не бывавшему в регионе. Если угодно, дело идет об *уральском дискурсе*.

---

¹ См., например: Харитоновна Е. В. Завод как типичная форма организации жизненного уклада на Урале // Дергачевские чтения – 2004. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы VII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 2–3 октября 2004 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 462–467.

Как отмечает современный исследователь В. В. Абашев, знакомство российской читающей публики с «уральской» тематикой состоялось на рубеже 1880-х – 1890-х гг.²: «В 1888 и 1889 гг., завершая период многочисленных журнальных публикаций, один за другим вышли в свет два тома “Уральских рассказов” Д. Н. Мамина-Сибиряка. Годом позднее была издана книга очерков В. И. Немировича-Данченко “Кама и Урал”. Очерки, из которых она была составлена, до этого были также разбросаны по журналам и газетам 1880-х гг.»³ Уральский литературовед И. А. Дергачев подчеркивает: «Тяготение Мамина-Сибиряка к быту, к прагматическому сознанию героев объясняется сдвигами в социальной психологии демократических масс, находящихся в условиях развивающегося капитализма»⁴.

Современные исследователи А. Л. Фокеев и Е. Г. Чеботарева подчеркивают значение фольклорно-этнографической направленности представлений этого направления, доминирующее жанров очерка и рассказа, «объективное освещение народной жизни»⁵. Впрочем, понятие об объективности здесь нуждается в уточнении: надо согласиться с Б. М. Гаспаровым, полагающим, что «народники и натуралисты» 1860–1880-х гг. – «группа литераторов, уважаемая за ее привер-

---

² Впрочем, хронологически им предшествовал, конечно, Ф. М. Решетников (см.: Созина Е. К. Индивидуальное и общее в судьбе и творчестве литератора-разночинца: размышления над прозой Ф. М. Решетникова // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 С. 41–50). Литературовед Н. Ф. Бельчиков в 1936 г. решительно относил Решетникова к группе «демократических писателей», вдохновлявшейся Н. Г. Чернышевским (Бельчиков Н. Ф. Революционно-демократическая беллетристика 60-х годов // Литературное наследство. 1936. Т. 25. С. 99–105). Прославившая Решетникова повесть «Подлиповцы» (1864), посвященная жизни камских бурлаков и открывающаяся описанием «непривлекательной на вид» деревни Подлиповой, следовала вполне в каноне риторики провинциализма. Как замечает Б. М. Гаспаров, типичные для Решетникова персонажи – «люди со смешанным “региональным” статусом, неуместные, плывущие по течению, зажатые между распадающейся сельской жизнью и враждебной городской средой: крестьяне, ставшие сезонными рабочими, работниками фабрик, мелкими ремесленниками, служащими, единственная цель которых, часто недостижимая, – выжить и дальше владеть свое существование» (Гаспаров Б. М. Платонов и Решетников // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. С. 177).

³ Абашев В. В. «Дикая красота и сумрачное величие...» Панорама Урала в путевых очерках Вас. И. Немировича-Данченко // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2015. № 4. С. 67–68.

⁴ Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870 – 1890-х годов // Дергачевские чтения – 2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы VI Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 2–3 октября 2002 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 8.

⁵ Фокеев А. Л., Чеботарева Е. Г. Демократическая очеркистика 1860-х годов и народническая литература (традиции и преемственность) // Вестник Вятск. гос. гум. ун-та. 2009. № 4–2. С. 132.

женность “истине” социальной критики, но второстепенная, если говорить о собственно литературной ценности; отличительной чертой ее творчества был «прозаический квазидокументальный дискурс, лишенный какого-либо “фикционального” приукрашивания, и нарратив, фрагментарный и избыточный одновременно, неопределенность сюжета и причинно-следственных связей в котором была призвана имитировать течение повседневного существования»⁶. Конечно, Ф. М. Решетников о горнозаводском Урале не писал; но для XIX столетия горнозаводская специфика Урала, как мы постараемся показать ниже, вовсе не была чем-то очевидным.

По каким же линиям был вычерчен облик Урала, который открыл для себя российский читатель в конце XIX в.? В очерках Немировича-Данченко показаны «египетский труд» заводского рабочего, а также ужасы быта – пьянство и проституция, сквозной темой идущие через все очерки. На фоне величественной природы повсюду видны проявления упадка – сведение лесов, разорение деревень. Заводы Урала похожи на преисподнюю: здесь чудовищно шумно и невероятно грязно. Промышленные сооружения Немирович-Данченко описывает всегда одной и той же метафорой – как царство тьмы. Например, соляной завод в Прикамье – «подземное царство мрака и сырости», в котором «слышно хрипение нагнетательного насоса, точно там, в вечной тьме, приковано сказочным колдуном какое-то громадное чудовище»⁷. Разваливающиеся, давно не отремонтированные шуваловские соляные заводы – «отделения ада»⁸, шахты Кизела – «склепы»⁹, рудники – «могила», «черный, адский грот»¹⁰ для заживо погребенных: «Там, внизу, в черных жилах, в подземных ходах и одиноких ячейках работают в вечном мраке сотни народа... Вечно – в могиле»¹¹. Рабочий – «труп в могиле, червяк в орехе»¹², крот, гном.

Само же производство похоже на пыточную камеру, где мучат не только людей, но и материалы. Вывариваемая соль или проковываемое железо издают звуки, словно бы говорят. «Больно ему», – рассуждает старый рабочий о железе. Доменная печь – «громадный алтарь, на котором в огне и дыму неведомое чудовищное божество пожирает сотни

⁶ Гаспаров Б. М. Платонов и Решетников // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. С. 179–180.

⁷ Немирович-Данченко В. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1890. С. 180.

⁸ Там же, с. 201.

⁹ Там же, с. 222.

¹⁰ Там же, с. 230.

¹¹ Там же, с. 725.

¹² Там же, с. 610.

и тысячи жертв ему приносимых»¹³. Описывая «храм Бессемера», Немирович проводит аналогию с устрашающим языческим культом: «Все грандиозно, как в храме, и мрачно, как в языческом капище невидимого, но страшного бога»¹⁴. Отвращение у автора вызывают бездарные заводладельцы, не показывающиеся в собственных горнозаводских владениях и живущие на широкую ногу в «подлейшем Петербурге», выродившиеся и автоматически эксплуатирующие старые заводы. Впрочем, еще меньше симпатии Немирович выказывает местным купцам, относящимся к рабочим и к природе вообще без всякой пощады.

Хотя В. В. Абашев справедливо указывает на присутствие в очерках Немировича-Данченко «теллурического кода» (как и у Мамина-Сибиряка¹⁵), мы не можем согласиться с утверждением о том, что «органическое единство уральского ландшафта, его недр и человеческого труда объединяет очерки Немировича мыслью об Урале как целостном своеобразном мире»¹⁶. Ведь на протяжении всего цикла очерков «Кама и Урал» ужасам производства Немирович *противопоставляет* величественные и прекрасные картины природы, естественное царство красоты здесь постоянно *противопоставляется* рукотворному аду. В конечном счете у Немировича именно «люди – злейшие враги этого тихого и поэтического царства задумчивых вершин». Человек создает противоестественные заводы и фабрики, беспощадно снимает с земли ее зеленую шубу (тема безжалостного уничтожения уральских лесов красной нитью проходит через цикл очерков «Кама и Урал»¹⁷). «Теллурический код» в очерках Немировича служит лишь

¹³ Немирович-Данченко В. Кама и Урал (очерки и впечатления). С. 239.

¹⁴ Там же, с. 740.

¹⁵ Абашев В. В. Увидеть Урал: ландшафтные описания Вас. И. Немировича-Данченко и Д. Н. Мамина-Сибиряка // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 30; Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геоэтики. Пермь: Перм. гос. нац.-иссл. ун-т, 2012. С. 50.

¹⁶ Абашев В. В. «Дикая красота и сумрачное величие...» С. 76.

¹⁷ Рассуждая о беспощадной вырубке камских лесов, Немирович-Данченко замечает: «Мы сняли с земли шубу, обезлесили ее, и ей теперь холодно. Губительному северо-восточному ветру с самого полюса до Черного моря нет никаких преград. Он бесится на просторе, куда еще несколько десятков лет тому назад его не пускали дремучие леса северной полосы» (Немирович-Данченко В. Кама и Урал. С. 309); в другом месте сходную риторику Немирович вкладывает в уста своего тагильского собеседника: «Везде уже с земли шубу сняли – дебри наши кондовые, вековые снесли прочь... Ну и озябла она – земля-то, мерзнет, а согреться ей не в чем. Потому и хлеба она родит меньше, и трава на ней родится самая ничтожная да чахлая. <...> Теперь скоту какое пространство выесть надо, чтобы сытым быть? Вы сочтите, сколько надо луга ныне на небольшое стадо, сравнительно с прежним. А все почему – шубу с земли сняли, ну и остудилась она...» (Немирович-Данченко В. Кама и Урал. С. 691–692). Поднимая «лесную проблему», Немирович-Данченко следовал уже сложившейся публицистической традиции: «Тема истребления лесов, принявшая в пореформенной

для подкрепления антитезы естественного и рукотворного, прекрасного и чудовищного. Горнозаводскому быту отводится, разумеется, роль рукотворного и чудовищного; и одновременно он предстает как страшное лицо российской провинции.

Уралец Мамин-Сибиряк относился к горнозаводской тематике несколько благожелательней, чем внешний наблюдатель Немирович-Данченко. Применяя «теллурический код», он, в отличие от Немировича, не использует противопоставление *естественного / рукотворного и прекрасного / чудовищного*, хотя и певцом промышленности Мамина назвать нельзя. Но, подобно Немировичу, и Мамин использует для описания Урала риторику провинциализма.

Чрезвычайно важное значение для функционирования уральской образности дореволюционной поры (2-я половина XIX в. – начало XX в.) имеет богатейшая российская традиция описания провинциального захолустья, бесчисленных городов N¹⁸. Как пишет Е. Н. Эртнер, с XVIII в. провинция начинает мифологизироваться; «формой феноменологизации провинции выступает “миф” о “жестокой провинции”, доминантный в русской классике, символизирующий ушедшие времена и необычайно художественно ярко репродуцируемый

России грандиозные размеры, была одной из постоянных в русской литературе и публицистике 60–70-х гг. и позднее. В 1876 г. пресса часто возвращалась к этому вопросу в связи с работой правительственной Комиссии для рассмотрения проекта положения об охране леса» (Примечания // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 23. Л.: Наука, 1981. С. 370). Так, А. П. Чехов в пьесе «Дядя Ваня» (1896) вложил в уста доктора Астрова страстный призыв к защите лесов. Призывом к сохранению драгоценных лесов открывается популярная книга видного защитника российских лесов дореволюционной эпохи Д. Н. Кайгородова «Беседы о русском лесе» (1881); сам же Кайгородов ссылался на тексты С. Т. Аксакова, писавшего о сбережении лесов еще в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» (1851). Местами очерки Немировича-Данченко начинают едва ли не совпадать с крупнейшим в отечественной литературе XX в. произведением о «лесной проблеме» России и экологической ответственности человечества – романом Л. М. Леонова «Русский лес» (1953). У Леонова лесной старик Калина увещевает лесорубов капиталиста Кнышева, готового беспощадно сводить лес и уже «снявшего зеленую одежду с трех великих русских рек»: «К тому я и веду, что прозябнет земля без своей зеленой шубеики и здоровьишко станет у ей шибко колебательное. Будет коровка по семи верст за травинкой ходить, а раньше с аршина наедалась. И будет вам лето без тучек, иная зимица без снегов... и оклянут люди свое солнышко! И захотится в баньке веничком похлестаться, а нету. А случится вам сказывать, как на бывалошних-то пнях человек враспяжку ложился, и внучки вам не поверят. И как побьете до последнего дерева русские-то леса, тут и отправитесь, родимые, за хлебушком на чужую сторону!» (Леонов Л. М. Русский лес. М.: Молодая гвардия, 1954. С. 80).

¹⁸ См. об этой традиции: Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. Дис.... доктора фил. наук. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2005. С. 71–97; Белоусов А. Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама российской культуры: провинция и ее локальные тексты. М: Языки славянской культуры, 2004. С. 457–482.

писателями»¹⁹. Современная исследовательница Е. К. Созина указывает на важность «топоса провинциального города» для описываемых уральских заводских городков прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка²⁰ – таких вымышленных локаций, как Пропадинск²¹ или Ключевской завод²². В свою очередь, А. Е. Козлов подчеркивает связь между «провинциальным» и «мортальным» кодами российской литературы: «В современных работах по феноменологии и парадигматике русской провинции выделяется устойчивый вариант, связанный с описанием провинциального города как царства мертвых <...> Мортальный код семантизирует провинциальный, наделяя его набором специфических тем»²³. Как отмечает исследовательница Г. Л. Девятайкина, сам топоним Пропадинска говорит за себя: «Реализация топонима осуществляется в его векторной направленности на судьбы героев. Человек ошибается и буквально пропадает в Пропадинске, падает на “дно”»²⁴.

Это география, а где же антропология? Как отмечает Е. К. Созина, Мамин «был “прогрессистом” по своим взглядам» и готов был признать за уральской индустрией большое будущее при условии ее полной реорганизации, однако «конкретное описание заводского труда и жизни заводских рабочих Мамин дает крайне не часто», предпочитая фокусировать внимание на «людях вольных профессий», таких как старатели или сплавщики²⁵. К заводчикам же Мамин-Сибиряк, подобно Немировичу, относится скверно. Их он описывает как вырождающихся²⁶.

Причин тому несколько. Как видим, для демократической беллетристики XIX в. было характерно полное отсутствие уважения к уральским заводчикам XVIII и начала XIX вв. Причиной этого отторжения было то,

---

¹⁹ Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. С. 128.

²⁰ Созина Е. К. Провинция в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. П. Чехова: топонимология судьбы // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 21.

²¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Поправка доктора Осокина // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений. Т. 4. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915. С. 280.

²² Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений. Т. 2. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915. С. 17–19.

²³ Козлов А. Е. Соотношение мортального и провинциального кодов в русской литературе XIX в. // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 122.

²⁴ Девятайкина Г. Л. Топонимы в поэтике «Уральских рассказов» Д. Н. Мамина-Сибиряка // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2007. № 53. С. 30.

²⁵ Созина Е. К. Провинция в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. П. Чехова. С. 19, 21.

²⁶ А вот как об этом же предмете отзывался далекий от художественности А. Н. Митинский: «Рассматривая другую сторону заводских людей – владельцев уральских заводов, приходится отнестись к части их отрицательно» (Митинский А. Н. Горнозаводский Урал. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1909. С. 118).

Рис. 1. Вид Екатеринбурга. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Ч. 2. Приуральский край. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольф, 1901.

что признать Демидовых или, например, Зотова фигурами, достойными глубокого уважения, означало бы апологию крепостного права. Ведь все эти предприниматели управляли заводами, работавшими на труде приписных крестьян. Апология же крепостничества была для всего демократического сектора российской литературы невозможна. Изображения труда рабочих горных заводов обычно создавались именно в этом ключе²⁷. Отсталость «старого Урала» подпитывалась и тем, что под этим термином понимался в первую очередь Урал крепостнический.

Уральские авторы рубежа XIX–XX вв. следовали обозначенным выше трендам. Е. К. Созина, говоря о «второстепенных» уральских беллетристах рубежа XIX–XX вв., отмечает: «Их творчество было посвящено главным образом рабочему классу и “национальному вопросу” – двум важнейшим темам Урала. Однако, как в произведениях Мамина-Сибиряка, так и у этих писателей большое место занимала

²⁷ Одной из первых в этом поле была, видимо, неоконченная повесть уроженца Верх-Исетского завода А. В. Лоцманова «Негр, или Обретенная свобода» (1823), в котором «Екатеринбург аллегорически представлен как страна Бразилия, где невольники добывают алмазы на приисках» (Клочкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX в. в.). Автореф. дис.... канд. фил. наук. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2006. С. 9).

проблема самоопределения провинциальной интеллигенции, ищущей свои пути в новой жизни России»²⁸. Итак, три ключевые темы: демократизм, этнологизм (работавший в значительной мере на имперско-колониальном интересе к описанию имперского разнообразия) и провинциализм. Разного рода Пропадински продолжали появляться на страницах книг уральских авторов. Так, шадринский писатель Б. А. Тимофеев в романе «Сухие сучки» (1913) описывает провинциальный городок Асеев, соотносящийся с общероссийской образностью провинциального городка, в те же годы разрабатывавшейся М. Горьким («Городок Окуров», 1909) и рядом других авторов²⁹.

Дискурс провинциализма оказывал влияние на самые разные жанровые формы, использовавшиеся для описания Урала. Именно с помощью этой риторики самыми мрачными красками изобразил Ирбитскую ярмарку автор соответствующего очерка в «Живописной России» А. А. Павлов: «Днями идет бойкая торговая деятельность; вечером час счетов и расчетов, а затем купеческий разгул во всю безумную ширь. Некоторый безвредный отдых доставляет пассаж, где по вечерам часов до десяти играет музыка, и плохенький театр, но купеческая натура этим не удовлетворяется. Поэтому к их услугам гостиницы с десятками безголовых арфисток... Там нельзя ни пообедать, ни закутить, а можно лишь пить. <...> Пробыть всю ярмарку в Ирбите в течение целого месяца составляет одно из ужасных наказаний. В самом начале еще можно, пожалуй, заинтересоваться кое-как суетней, движением, торгом, но вскоре одни и те же сцены успеют достаточно-таки примелькаться, а постоянный, безалаберный шум, теснота и грязь в квартирах, грязь на улицах, где в половине ярмарки по колени навоз, смрад и духота в гостиницах — делают невыносимо однообразными дни. Но вот ярмарка начинает утихать, редеть... После шумного движения и толкотни вы начинаете чувствовать себя среди вымирающего города, вымирающего глухо, тяжело, от какого-то страшного поветрия... Начинается жизнь захолустного маленького городка, каждый уголок которого неопрятен до невероятности»³⁰. А Н. П. Белдыцкий, пермский журналист и краевед, в «Очерках Вишерского края» (1899) едва ли не

²⁸ Созина Е. К. «Обыкновенные таланты» // Литература Урала. Очерки и портреты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Изд-во Дома учителя, 1998. С. 157–158.

²⁹ Ершов М. Ф. Художественные тексты как исторические источники о жизни провинциальной России рубежа XIX – XX вв. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 51.

³⁰ Павлов А. А. Пути сообщения на Урале. Ирбитская ярмарка // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Ч. 2. Приуральский край. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольф, 1901. С. 232.

дублировал Немировича, рассуждая о спивающихся крестьянах, покалеченных «цивилизацией», и о каторжном труде рабочих³¹.

При этом уральские города Немирович описывает достаточно благосклонно. Нижний Тагил он увидел так: «Большой город с сотокатысячным населением, хорошо обстроенный и прекрасно содержимый. Он очень красив, если смотреть на него с каменных скал, находящихся около. Направо, внизу, массы домов точно сбегаются к красивому собору и церквам, позади – грандиозная панорама уральских вершин»³². Равным образом и Кунгур показался Немировичу привлекательным: «Городок выглядит очень кокетливо, хотя между чистенькими и щеголеватыми домами здешнего купечества кое-где напоказ выставляется гнилая рвань мещанского убожества»³³.

Какой была визуальная репрезентация Урала рубежа XIX–XX вв. и какое место в ней занимали заводы? Мы рассмотрим этот вопрос на двух крупных примерах – изданиях «Живописная Россия» и фотографических сериях С. М. Прокудина-Горского.

«Живописная Россия» была «одним из самых масштабных издательских предприятий XIX в.»³⁴, колоссальный путеводитель по стране и «энциклопедический труд по изучению нашего отечества»³⁵. В создании этого издания принимали участие крупнейшие ученые и публицисты – достаточно назвать П. Д. Боборыкина, В. П. Семенова-Тян-Шанского, И. В. Мушкетова, В. И. Немировича-Данченко, Д. И. Иловайского, И. Е. Забелина, Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина. 11 томов издания содержали чрезвычайно информативные очерки по культуре, экономике, географии регионов России, написанные изящным языком и сопровождаемые массой иллюстраций. Уралу (точнее, «Приуральскому краю») была посвящена 2-я часть 8-го тома³⁶ (часть 1-ю этого тома занимало описание Среднего Поволжья).

Издание состояло из 11 очерков. Первые три касались географии («Уральский хребет»), этнографии («Население Уральской области») и истории края («История новгородской колонизации и торговые пути

³¹ Белдыцкий Н. П. Очерки Вишерского края. Пермь: Типо-лит. Губ. правл., 1899.

³² Немирович-Данченко. Кама и Урал. С. 696.

³³ Там же, с. 513.

³⁴ Абашев В. В. Урал в монументальной геопанораме (очерк М. В. Малахова в «Живописной России») // Уральский исторический вестник. 2018. № 2 (59). С. 61.

³⁵ Заключительный очерк // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Ч. 2. Приуральский край. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольф, 1901. С. 310.

³⁶ Хотя том был пронумерован как 8-й, на деле он вышел последним, в 1901 г.; по этой причине в конце тома был помещен и заключительный очерк, констатирующий завершение издательской серии «Живописной России».

в Уральской области»). За ними шли три очерка, посвященных субрегионам Приуралья – Вятскому краю, Камской речной области (к которой была приписана и Башкирия с Уфой) и Степной окраины области от Оренбурга до Челябинска и Троицка. Затем следовали очерки, посвященные отдельным отраслям экономики – «Уральский горный промысел» (по существу бывший еще и очерком о субрегионе Средний Урал), «Судьбы горного дела», «Пути сообщения на Урале. Ирбитская ярмарка», «Соляные промыслы». Завершался том «Обзором нынешнего состояния главных производительных сил русской земли», подводившим итоги всей серии «Живописной России».

О горнозаводском Урале речь шла главным образом в очерке «Уральский горный промысел», написанном М. В. Малаховым. Этот раздел, сочетавший в себе историю уральской металлургии с путеводителем по заводским поселкам Среднего Урала, был богато проиллюстрирован. Впрочем, непосредственно заводы в фокус внимания попадали редко, поскольку под заводом чаще подразумевалось поселение, а не само производство.

Какой же была география Урала согласно очерку Малахова? Центром, разумеется, является Екатеринбург, поскольку большая часть заводов – казенные, а резиденция главного начальника Уральских горных заводов находится именно в Екатеринбурге, который «как в отношении внешности, так и по развитию и характеру общественной жизни далеко оставляет за собою большинство наших губернских городов и поистине может называться столицей горнозаводского Урала»³⁷. Далее Малахов выделяет следующие заводы: Каменский, Верх-Исетский³⁸, Невьянский³⁹, Нижнетагильский⁴⁰,

³⁷ Малахов М. В. Уральский горный промысел // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Ч. 2. Приуральский край. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольф, 1901. С. 183.

³⁸ «Завод напоминает собой любой уездный город. Здесь две церкви хорошей архитектуры и замечательный заводский госпиталь, который прекрасно содержится и хорошо обставлен» (Малахов М. В. Уральский горный промысел. С. 186).

³⁹ «С вершины горы “Лебяжки” открывается довольно красивый вид на селение, пруд и притаившийся у плотины самый завод с его домной и кричной трубой, которые выбрасывают снопы искр. За фабрикой видна церковь и обширный, старинный дом Демидова с обширным садом и с высокою наклонною башнею, вблизи стоящей, с которой соединяются многие старинные предания» (Малахов М. В. Уральский горный промысел. С. 186).

⁴⁰ «Невольно поражает величина площади, занимаемой этим заводом. Среди многочисленных кварталов, наполненных домами обитателей, там и сям выступают то обширные фабричные здания, с их характерными трубами, то белеющие здания церквей, то, наконец, многоэтажные заводские каменные дома, в которых помещаются различные конторы и обитают служащие... Внешний вид его – правильное расположение улиц, преобладание в постройках хорошей архитектуры – не заставляет желать лучшего» (Малахов М. В. Уральский горный промысел. С. 194).

Кушвинский⁴¹, Мотовилиха с «наковальной-колоссом» и, наконец, Златоустовский⁴². Без углубления в детали Малахов также упоминал обширную дачу Алапаевских горных заводов с хорошим техническим оснащением, медное производство Богословского горного округа, заводы Бисертского округа графа Шувалова, дачу заводов княгини Абамелек-Лазаревой (в частности, Кизеловский завод с высокой производительностью чугуна).

Рис. 2. Вид Златоуста с восточной стороны. Уральская железная промышленность в 1899 году: по отчетам о поездке, совершенной С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте. СПб.: Тип. В. Демакова, 1900.

Очерк сопровождался обширным иллюстративным материалом, дававшим читателю полное представление об облике горнозаводского края. Промышленные сооружения встречали читателя на ил-

⁴¹ «Селение Кушвинского завода походит на порядочный уездный городок с населением около 8 т. душ. Здесь три церкви, окружное училище, госпиталь и лаборатория с музеем горных пород» (Малахов М. В. Уральский горный промысел. С. 201).

⁴² «Город Златоуст живописно расположен у подножия горного кряжа, покрытого хвойным лесом. Близ вокзала и полотна железной дороги выстроилась на земле, принадлежащей городу Златоусту, целая слобода, имеющая телефон, школу и небольшой театр. На площади, среди сквера, перед арсенальными зданиями и собором, находится памятник императору Александру II» (Малахов М. В. Уральский горный промысел. С. 209).

люстрации «Общий вид г. Екатеринбурга» (передний план занимали корпуса Екатеринбургского завода), «Монетный двор и гранильная фабрика в Екатеринбурге», «Каменский завод-фабрика» (здесь составитель выбрал изображение доменных цехов, проигнорировав изящное здание заводской конторы), «Верх-Исетский завод», «Общий вид Нижнетагильского завода», «Памятник Демидову и вид на Нижнетагильский завод», «Судогорский завод»; конторское здание Нижнетагильского завода попало на фотографию «Нижнетагильский завод. Вид улицы от рынка к заводскому управлению»⁴³. Кроме того, присутствовали здесь фотографии горных разработок – «Магнитная гора Высокая», «Высокогорский железный рудник», «Хребет Сухого камня и Казанский рудник», а также «Модель шахты»⁴⁴. Особенный акцент «Живописная Россия» сделала на Невьянске – фотография вида Невьянской башни была напечатана два раза подряд⁴⁵. Единственной машиной, попавшей на иллюстрацию, была «центробежная машина для промывки золота и платины»⁴⁶.

Другая крупная попытка визуализации Урала – цикл цветных фоторабот С. М. Прокудина-Горского⁴⁷, несколько раз посетившего Урал в 1909–1912 гг. По данным исследовательского проекта «Наследие С. М. Прокудина-Горского»⁴⁸, на территории Большого Урала фотограф сделал 486 снимков (234 – на территории современной Свердловской области, 170 – Челябинской, 82 – Пермского края).

С промышленной тематикой из этих 486 фотографий связаны, по нашим подсчетам, около 100. Наибольшее число «промышленных» фотографий (54) приходится на сегодняшнюю Свердловскую область. Однако львиная доля этих фотографий запечатлела рудные разработки, практически не несущие следов присутствия человека; на этих фото есть также мельницы. В строгом смысле заводские корпуса попали в объектив Прокудина-Горского всего 12 раз – Каменский (6 фото), Кушвинский (2 фото) и Выйский (3 фото) заводы,

⁴³ Малахов М. В. Уральский горный промысел. С. 175, 178, 180, 183, 191, 197, 202.

⁴⁴ Там же, с. 193, 195, 203, 198.

⁴⁵ Там же, с. 181, 182.

⁴⁶ Там же, с. 194.

⁴⁷ Курлаев А. Е. Фотографии С. М. Прокудина-Горского как источник по изучению индустриального наследия Урала // Российский научный журнал. 2016. № 3. С. 46–50.

⁴⁸ Открытый исследовательский проект «Наследие С. М. Прокудина-Горского». Электронное периодическое издание «Храмы России». URL: <http://prokudin-gorskij.ru/index.php> (дата обращения: 28.06.2018).

а также медный рудник под Нижним Тагилом (1 фото). Кроме того, фотографом был детально снят производственный процесс старателей на Березовском руднике – увы, к фабричному производству он отношения не имел. Привлекла внимание Прокудина-Горского и гранильная фабрика.

На Южном Урале, в современной Челябинской области, Прокудин-Горский сделал фотографии «промышленной» тематики 36 раз. Из них производственные помещения либо процессы попали в фокус 16 раз, то есть гораздо чаще, чем на Среднем Урале: Аша-Балашовский завод (2 фото), Бакальский рудник (2 фото), Златоустовский завод (4 фото), Каслинский завод (4 фото), Кыштымский завод (1 фото), Саткинский завод (3 фото). Помимо этого, Прокудин-Горский старательно фотографировал различные типы готовой продукции Златоустовского завода (холодное оружие, столовые приборы) и Каслинского завода (литье). В Перми и окрестностях Прокудин-Горский сделал лишь 2 фото производства – Кыновского завода. В фокус внимания фотографа попадали также мосты и локомотивы.

Как видим, Прокудина-Горского в наибольшей степени интересовали узкоспециализированные производства роскошных предметов: гранильное дело, художественное литье, выделка холодного оружия.

Фотографии были выполнены Прокудиным-Горским в 1909 г. Не то, чтобы фотограф проигнорировал горнозаводской Урал, но в коллекции фотографий заводы явно уступают природным видам. 28 фотографий строго фабрично-заводской тематики составляют около 6% в общем массиве фотографий (486 снимков), сделанных Прокудиным-Горским на территории Большого Урала. Можно сделать вывод о том, что горные заводы к началу XX в. выступали неотъемлемой частью образа Среднего и Южного Урала. Однако сам образ завода оставался – в общероссийском контексте – *маргинальным*. Поскольку он был зарезервирован для изображения уральских заводских поселков, постольку он сохранял налет *колониальности*, специфики, оборачивавшейся экзотикой. В Средней Азии следовало, например, снимать «восточную» экзотику, а на Среднем Урале – горнозаводскую⁴⁹. Универсальным же языком для визуальной образности было не производство, а церковь.

Вот и описание Пропадинска – приведем его полностью, поскольку оно имеет большую важность: «Уездный город Пропадинск совсем не был таким захолустьем, как отзывалась о нем Матрена Ивановна; напротив, это был очень чистенький и бойкий городок с двадцатиты-

---

⁴⁹ А, например, стремительно развивавшийся южный индустриальный район в Донбассе Прокудин-Горский вообще не посещал.

сячным населением, развитою промышленностью и тем особенным бойким складом жизни, каким отличаются все сибирские города. Правильные, широкие улицы, обстроенные каменными и деревянными домами, вытянулись параллельно течению маленькой горной речонки Пропадинки. Издали вид на город был очень красив: чем-то свежим и оригинальным веяло от этой пестрой кучи домов, садов, церквей, общественных зданий, дач и заимок. Трудно было даже разобрать, где кончался собственно город, потому что заимки и дачи уже входили в черту города, а затем почти в центре зеленою шапкой высилась небольшая лесистая горка, служившая местом для общественного гулянья. Из общей массы строений выделялись, как громадные заплатки, четыре городских площади и целый ряд громадных каменных домов казарменной архитектуры времен Александра Благословенного; это были палаты разных заводчиков и золотопромышленников. Половина этих дворцов стояла пустая и медленно разрушалась, потому что владельцы или разорились, или вымерли, или проживали где-нибудь в столицах и за границей»⁵⁰.

Мамин отзывается о выдуманном городе с нескрываемою симпатией, стараясь показать его красоту и подчеркнуть уральскую специфику. Сходным образом построено и описание города Узла, где происходит действие «Приваловских миллионов»: «Привалов свободно вздохнул, когда они вышли на широкий балкон, с которого открывался отличный вид на весь Узел, на окрестности и на линию Уральских гор, тяжелыми силуэтами тянувшихся с севера на юг. <...> Город получил свое название от реки, по берегам которой вытянул в правильные широкие улицы тысячи своих домов и домиков. Вообще вид на город был очень хорош и приятно для глаз пестрел своими садами и ярко расписанными церквями. Это был бойкий сибирский город, совсем не походивший на своих “расейских” братьев. Видно, что жизнь здесь кипела ключом на каждом шагу. В густом сосновом бору, который широким кольцом охватывал город со всех сторон, дымилось до десятка больших фабрик и заимок, а по течению Узловки раскинулись дачи местных богачей»⁵¹.

Вид на горный хребет, река, *нестрота*⁵², дачи и дворцы, а также общая «сибирская» бойкость с промышленным акцентом – вот он, маминский код уральского (или сибирского-на-Урале?) города, Узла или

⁵⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Поправка доктора Осокина // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений. Т. 4. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915. С. 280.

⁵¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915. С. 99.

⁵² Правда, М. Горький в «Городке Окурове» первой же строчкой характеризует описываемую локацию именно как «пестрый городок».

Пропадинска. Сходную образность Мамин использовал и для описания реальных городов – например, Екатеринбург⁵³.

В историческом очерке «Город Екатеринбург» (1888) Мамин старательно суммировал разнообразные впечатления посетителей от «столицы Урала» – в том числе, британского путешественника Т. Аткинсона и немецкого ученого О. Финша – и делал вывод, отмежевываясь, кроме прочего, от своих же более ранних описаний уральских заводских поселений как «бойких сибирских» городов: «Екатеринбург единогласно признан красивым городом и резко отличается как от “расейских” городов, так и от сибирских»⁵⁴. И завершает очерк собственной картиной города: «Если смотреть на город в летний ясный день с вокзала железной дороги или с въезда по упраздненному московскому тракту, картина представляется замечательная: на западе волнистой линией отступает синеватая дымка Урала, р. Исеть разливается широким плесом, а берега усыпаны массой построек. Получается самое пестрое впечатление, и глаз напрасно ищет центра. Широко расставленные церкви раздвигают поле зрения на несколько верст. Всматриваясь внимательно в эту пеструю картину, вы невольно приходите к заключению, что это даже не город в собственном смысле слова, а соединение нескольких городов. Так оно и есть в действительности, а картинный беспорядок построек служит только живой иллюстрацией последовательных исторических наслоений: вот четырехугольник бывшей крепости, к югу от нее “заимка” бывших сальников, отдельную высоту занимают палаты заводчиков, на торговой стороне

⁵³ Эти описания можно сравнить с описанием вымышленного Таракановского завода, которое открывает роман Ф. М. Решетникова «Глумовы» (1866): «Две четырехугольные каменные фабрики с красными крышами, четыре длинных здания на заднем плане, потом впереди плотина с вешняками. Но эти фабрики кажутся довольно мизерными сравнительно с остальной массой пестрых и черных домов с высокими крышами и маленькими садиками, сплотившимися так тесно друг с другом, что трудно с первого раза найти в этой массе какой-нибудь промежуток. <...> Почти в середине массы домов виднеется голубая церковь, около церкви лес; правее виднеется что-то похожее на весы, потом длинное одноэтажное белое здание с садом; рынка же на площади вовсе не видать» (Решетников Ф. М. Глумовы // Решетников Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Изд. книжн. магазина П. В. Луковникова, 1904. С. 211–212).

⁵⁴ Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург. Исторический очерк // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу, с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбургской недели», 1889. С. 53. Ср. со знаменитой характеристикой А. П. Чехова, данной, правда, в личном письме: «В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы, и на Гадяч» (Чехов А. П. Письмо Чеховым, 29 апреля 1890 г. Екатеринбург // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 1975. С. 70–73. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/letters/1890-1892/letter-813.htm> (дата обращения: 27.08.2018).

крепко осело гнездо офеней, слобода Мелькова – отдельный мещанский городок и т. д. Другой яркой особенностью Екатеринбурга служит то, что на него со всех сторон надвигаются пригородные селения, как Уктус, Шарташ и особенно Верх-Исетский завод. Ряд заимок, дач, мельниц и заводов составляют отдельные звенья одной живой цепи, которая тянется на десятки верст по течению р. Исети. <...> Вот в чем, по нашему мнению, заключается характерная особенность физиономии Екатеринбурга как города»⁵⁵.

Говоря о Екатеринбурге, Мамин едва ли не дословно воспроизвел собственные описания вымышленных Узла и Пропадинска: горный хребет на горизонте, река, пестрота, палаты с дачами – «изобразительная модель» типичной для Урала формы поселения⁵⁶.

Внешний наблюдатель был строже. Крупный российский почвовед П. Землячченский, участник экспедиции Менделеева, был суров: «Екатеринбург называют столицей Урала. Нельзя сказать, чтобы он произвел впечатление, соответствующее названию. Или столица плоха сама по себе, или Урал плох, и для него Екатеринбург годится в столицы. Говорят, “по Сеньке шапка”. Правда, город большой, но какой-то унылый, сонный. Как будто он и обстраивается и как будто разрушается... В городе довольно много больших хороших построек,

⁵⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург. Исторический очерк. С. 53–54.

⁵⁶ Созина Е. К. Провинция в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. П. Чехова: топология судьбы // Известия Урал. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 4 (82). С. 21. Современная исследовательница И. Д. Тургель отмечает, что «уникальными чертами обладали пространственная планировка и архитектурный облик городов-заводов. В отличие от средневековой концентрической планировки городов горные города и горнозаводские поселки XVIII в. складывались по регулярной системе, со строгой упорядоченностью жилых кварталов» (Тургель И. Д. «Вторые» города горнозаводского Урала: опыт институционально-эволюционного анализа // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 44. С. 9). Действительно, многие заводские города обладали «регулярной» схемой застройки, но для России это не было уникальным явлением. Как отмечают авторы классического издания по истории градостроительства, во 2-й половине XVIII в. городское планирование по европейским лекалам шагнуло за пределы Санкт-Петербурга, и уже в екатерининскую эпоху провинциальные города – Ярославль, Тверь, Полтава, многие другие – начинают подвергаться масштабным трансформациям по хорошо структурированным радиальным либо регулярным прямоугольным планам: «В конце XVIII и начале XIX в. появилось немало городских планов, решенных в виде многоугольника (Золочев, Серпейск), квадрата с диагоналями (Семенов), треугольника со срезанными углами (Евремов) и других геометрически неправильных фигур... В 30-х годах XIX в. постепенно утрачивалась оригинальность и острота композиционных замыслов и планировка сводилась к механической разбивке городской территории на сеть прямоугольных улиц и неизменно равных прямоугольных кварталов. Таковы Нахичевань, Моздок, Кизляр и ряд других городов» (Бунин А. В., Ильин Л. А., Поляков Н. Х., Шквариков В. А. Градостроительство. М.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 212). Застройка Екатеринбурга не избежала этого же эффекта: видимое сегодня архитектурное наследие города свой старейший слой имеет в архитектуре начала XIX в., эпохе неоклассического упорядочивания.

но нет жизни, движения. Возьмите театр, например. Он имеет вид заброшенной конюшни. Его фундамент бурьяном порос, между тем, он находится на главной улице. Возьмите рынок – все в том же роде. <...> Спит Урал, спит и его столица». Земятченский поразил Екатеринбург в больное место, осмелившись разругать святая святых – набережную городского пруда (ту самую, с которой открывается, согласно Мамину, прекрасный вид на горы): набережная когда-то была красивой, но теперь «перила сгнили», а «каменные столбы облезли». Не впечатлил Земятченского и Верх-Исетский завод, когда-то удививший Александра I во время путешествия по Уралу: «Огромные строения, говорящие о широком размахе основателей, облезли и постарели... Старинный дух витает над заводом: получать барыши, ничего не расходуя»⁵⁷. Единственное, что произвело на ученого впечатление – это музей Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ).

Как бы то ни было, уральские поселения обладали своеобразной географией размещения, определявшейся совокупностью производственных факторов, формировавших единый «паттерн» горнозаводского округа, с собственным центром и окружающей его периферией: «Организация горнозаводского пространства в принципе одинакова: несколько похожих элементов (заводы-цеха, места добычи сырья, делянки углежогов, реки, перегороженные плотинами, “подзаводские” деревни, пристани) расположены на территории округа с соблюдением одного и того же порядка»⁵⁸.

Эта изобразительная модель выламывалась из дискурса провинции, выступая фундаментом для своеобразного локального патриотизма. К примеру, В. А. Весновский в своем путеводителе по Уралу так описывал «живописную панораму “столицы Урала”»: «Особенно красивый вид представляется с горки от здания окружного суда: широкий пруд окаймлен гранитной набережной, в глубине его тонут в густой зелени дачи; прямо – красивый собор, направо – 3-х этажное здание мужской гимназии, налево – целый ряд зданий с колоннадами – это помещение Уральского горного управления»⁵⁹. Описание Весновского чрезвычайно сходно с той манерой, в которой Мамин-Сибиряк описывал воображаемый Пропадинск. Но сюжетные ходы, подчерпнутые из арсенала демократической беллетристики 2-й половины

⁵⁷ Уральская железная промышленность в 1899 году: по отчетам о поездке, совершенной С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте. СПб.: Тип. В. Демакова, 1900. С. 348.

⁵⁸ Голикова С. В. Пространственная организация горнозаводского Урала (XVIII – начало XX вв.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1. С. 38.

⁵⁹ Весновский В. А. Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург: Тип. «Уральской жизни», 1904. С. 249.

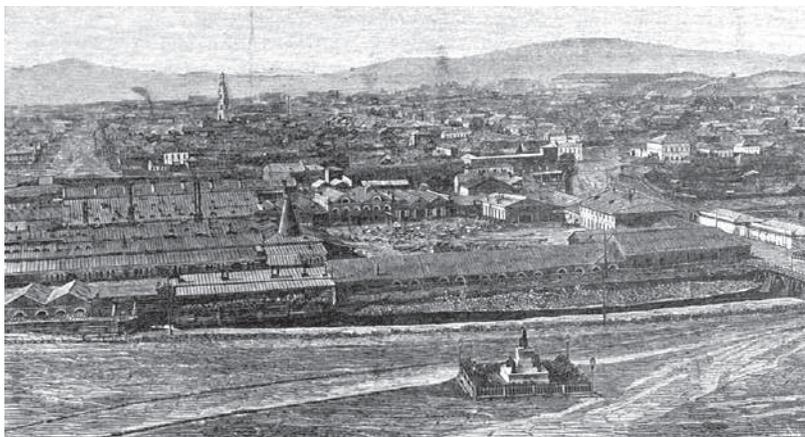

Рис. 3. Вид Тагильского завода. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Ч. 2. Приуральский край. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольф, 1901.

XIX в., направляют прозу Мамина по другому пути. За приятным обликом скрывается все та же унылая провинция, и нарочито комплиментарное описание превращается едва ли не в ироническое, постоянно воспроизводя универсальную образность провинции⁶⁰. Дискурс провинциализма продолжал оказывать определяющее влияние; как отмечает Е. Н. Эртнер, «конфликт писателя и края неразрешим»⁶¹.

Важным источником укрепления концепции культурной специфики Урала, понятого как промышленный край, стало краеведение, переживавшее в 1920-х гг. настоящий «золотой век». П. С. Богословский издал статью «О постановке культурно-исторических изучений Урала» (1927), в которой содержалась знаменитая фраза о «горнозаводской цивилизации», позднее превратившаяся во влиятельное клише благодаря литературному таланту А. В. Иванова, издавшего в 2014 г. свою одноименную книгу⁶². Впрочем, сам Богословский никакой особенной формулы «горнозаводской цивилизации» не предлагал: «Исследователь-краевед должен обратить свое внимание, помимо народной культуры, и на культуру, созданную в условиях крепостни-

⁶⁰ Клочкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX в. в.) Автореф. дис.... канд. фил. наук. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2006. С. 15.

⁶¹ Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. С. 412.

⁶² Иванов А. В. Горнозаводская цивилизация. М.: АСТ, 2014.

чества, трудами народа по заданиям и в интересах владельцев заводов и разного рода угодий. Продукт своеобразной горнозаводской цивилизации, эта культура заслуживает полного внимания краеведа во всех формах своего выражения. Она интересна и по своей идеологической сущности, и по стилю своего художественного оформления»⁶³. Из этой цитаты видно, что «горнозаводская цивилизация» для Урала была со стороны Богословского мягкой попыткой реабилитировать «высокую» культуру, создававшуюся народом для эксплуататоров. Богословский четко разделял народную и «горнозаводскую» культуру, прекрасно помня о феодальных чертах уральской промышленности. Это различие можно проиллюстрировать аналогией с помещьем: как для крестьян, трудящихся на помещика, культура помещья не является *своей* (хотя от того не перестает быть по-краеведчески интересной), так рабочее население, трудящееся на предприятии магната, отчуждено от «горнозаводской» культуры⁶⁴.

В любом случае, в своем определении Богословский не совершал

⁶³ Богословский П. С. О постановке культурно-исторических изучений Урала // Уральское краеведение. Свердловск: Изд. Урал. обл. бюро краеведения, 1927. С. 35.

⁶⁴ Статья Богословского крайне невятно разъясняла, зачем, собственно, в период социалистической реконструкции хозяйства нужно знать фольклор, кроме как из любви к народной истории. Фольклор и краеведение в советскую эпоху оказались заложниками сложной игры, развертывавшейся в большевистской политической культуре: с одной стороны, фольклор – это замечательно как манифестация подлинно демократической, народной культуры; но с другой стороны, сама-то эта народная культура была отсталой, поскольку отсталой была страна. По мере исчезновения отсталости (декларированного уже к концу 1930-х гг.) и хронологического отдаления от дореволюционного периода это противоречие начало исчезать, и во 2-й половине XX в. первый тезис получил над вторым решительное преобладание. Это видно, например, в трудах крупнейшего исследователя уральского фольклора В. В. Блажеса, где подчеркнуто, что уральские рабочие с самого начала были особенными, что они обладали – в силу своеобразного социально-экономического окружения – особыми качествами технологической сметки и культурными манерами, резко отличавшими их от крестьян (Блажес В. В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. С. 25–27). Блажес также подверг критике замечания Т. К. Гуськовой о том, что большая часть досуга рабочих в дореволюционный период заключалась в пьянстве, расценив это как воспроецирование штампа из либеральных газет рубежа XIX – XX вв., которые охотно фиксировали любой случай пьяной драки среди рабочих, но молчали, когда то же происходило в среде чиновничества или купечества (Блажес В. В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. С. 19). Иными словами, Блажес использовал различные средства, чтобы избавить уральских рабочих от клейма отсталости. Такого рода риторика, возможная в 1980-е гг., была, однако, невозможной в 1930-е гг. Если уральские рабочие обладали какой-то особенной технической сметкой, тогда в чем же заключается культурническая миссия пролетарской диктатуры? Забегая вперед, подчеркнем: в массиве публицистики начала 1930-х гг. мы не встречали никаких ссылок на специфические качества уральского пролетариата, такие, как особенное мастерство, техническая сметка и т. д. Это, пожалуй, и неудивительно – в условиях размаха миграции, текучести рабочей силы, притока на Урал населения из самых разных частей страны, превратившего слой кадровых рабочих уральских заводов в узкую прослойку.

здесь никакой новации, поскольку представление о специфике Урала как горнозаводского промышленного региона (параллельно со складыванием аналогичных представлений о Донбассе) утвердилось, как мы видели выше, существенно раньше. Одновременно краеведение двигалось в русле того же локального патриотизма, который мы уже отмечали в сочинениях Мамина-Сибиряка и который стал основой для складывания визуального кода Урала: природные картины плюс города-заводы специфического облика. В этой картине горнозаводского царства, однако, сам завод был периферийным фактором. Краеведение было движимо интересом к народной культуре, фольклору и быту. Не является ли оно скрытым прославлением отсталости, столь ненавистной большевистским планировщикам?

Дискурс провинциализма в значительной степени доминировал в публичной сфере, определяя то, каким видела Урал российская образованная публика. Сам этот дискурс был, повторимся, инвариантом общего риторического подхода к описанию провинции, характерному для отечественной литературы рубежа XIX–XX вв. Подобная манера говорить об Урале оставалась влиятельной и после революции. В качестве примера приведем стихотворение Вен. Горна (В. Гершгорна) «Свердловску» (1925), опубликованное в журнале «Товарищ Терентий»⁶⁵:

В калейдоскопе быстрых дней,
Где встречи спутаны и лица,
Хранится в памяти моей
Урала милая столица.
Урала хмурая столица –
Меня взлелеяла не ты ль?
Вот вновь над улицей клубится
Неповторимая пыль:
Вот вновь у каменного моста
Базара неприглядный вид...
Передо мной легко и просто
Провинциальный день открыт.

Пыль, базар... Классическая образность провинциальной «столицы». Кажется, добрых слов о заводовладельцах не нашлось ни у кого из публицистов конца XIX и начала XX вв. *Если бы* наследственность бесчисленных Приваловых не была такой тяжелой, *если бы* обстоя-

---

⁶⁵ Горн В. Свердловску // Голдин В. Н. Поэзия периода военного коммунизма, НЭП и первой пятилетки. Кн. 1. Екатеринбург: БКИ, 2007. С. 71.

тельства были иными, *если бы* «пьяный потоп» куда-то схлынул – все эти «бы» делали историю о возрождении Урала визионерской, возможной только в грядущем.

КЛАДОВАЯ БОГАТСТВ

Конечно же, образность Урала и уральских городов не сводилась всецело к воспроизведению общероссийских штампов о провинциальном захолустье.

Целый ряд уральских авторов – геолог Е. Н. Барбот де Марни, земский деятель В. Д. Белов, горные инженеры Л. Е. Воеводины, А. Н. Митинский и С. П. Фармаковский – изучали различные аспекты уральской хозяйственной специфики и на этом основании выдвигали идеи консолидации Уральской области⁶⁶. Многие из этих авторов были членами УОЛЕ, созданного в 1870 г. и игравшего в истории уральского областничества ключевую роль⁶⁷.

Мероприятия, организовывавшиеся УОЛЕ, были разнообразны, но важнейшим была Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка 1887 г., ставшая одним из символов промышленного подъема России 1880-х гг. По своему содержанию выставка была весьма разнообразной, поскольку включала 11 отделов, от сельскохозяйственного до художественного. Главным был 4-й «горнозаводской отдел». Именно так считал, например, московский журналист С. А. Кельцев, сопровождавший в поездке на выставку великих князей Михаила Николаевича и Сергея Николаевича: «Горнозаводский отдел выставки, в котором ясно выражались как разнообразие богатств, добываемых из недр Урала, так и степень благосостояния и совершенствования горной и горнозаводской промышленности приуральского края, являлся и по составу экспонентов, и по достоинству экспонатов самым важным, полным и лучшим отделом выставки»⁶⁸.

Концепция *кладовой* на рубеже XIX–XX вв. оказывается встроена в контекст общероссийского интереса к освоению восточных и северных территорий, стимулированный амбициозной экономической программой министра финансов Российской империи С. Ю. Витте,

⁶⁶ Голикова С. В. Горнозаводской субстрат уральского областничества // *Studia Culturae*. 2016. Т. 1. № 27. С. 165–175.

⁶⁷ Поршнева О. С., Казакова-Апкаримова Е. Ю. Столица Урала: эволюция административного статуса Екатеринбурга и идентичности горожан в XVIII – начале XX в. // *Известия Урал. фед. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки*. 2015. № 2 (139). С.187–188.

⁶⁸ Кельцев С. Сибирско-уральская научно-промышленная выставка // Кельцев С. Из поездки на Урал. М.: Тип. О-ва распр. полезн. книг Мохова, 1888. С. 13.

основанной на протекционистских идеях и одновременно предполагавшей привлечение иностранных инвестиций⁶⁹. Как отмечает Г. Е. Корнилов, «идея экономического освоения восточных территорий страны, широкого использования их естественных богатств была выдвинута еще в 90-х гг. XIX в. Она развивалась в “Зауральском плане” С. Ю. Витте, его лекциях и выступлениях, в экономических работах Д. И. Менделеева, трудах XVI–XXI съездов уральских горнопромышленников (1912–1916)»⁷⁰. В свою очередь, К. И. Зубков совершенно справедливо подчеркивает колоссальный рост интереса российской предреволюционной экономико-политической мысли самых разных идейных направлений к вопросу о связи между российским международным могуществом и экономическим развитием территорий за пределами исторического ядра Российского государства: «Идеология “восточного сдвига”, несомненно, находилась под мощным влиянием крепнущего “оборонного сознания”, переплетающегося с экономическим национализмом»⁷¹. Часть российского истеблишмента, озабоченная геополитическими позициями России и стремившаяся использовать индустриальный рост 1880-х гг. для укрепления этих позиций⁷², рассматривала «восточный сдвиг» как процесс закрепления на тихоокеанском рубеже.

О «восточном сдвиге» рассуждали крупнейшие ученые страны. Так, Д. И. Менделеев, стараясь спрогнозировать ход развития России, уделил немало сил поиску «центра России» и расчету хода его перемещения. По-видимому, на ученого произвели впечатление процессы экономико-демографического развития США, где «центр», согласно Менделееву, сместился с берегов Атлантики в район Чикаго и Сент-Луиса. Нечто подобное должно было случиться и в России. «Центр России» по состоянию на 1897 г. (год переписи) Менделеев обнаруживал в Тамбовской губернии (между Козловом и Моршанском) и предсказывал, что в грядущие десятилетия этот центр будет перемещаться на восток, в район Омска. Менделеев даже разработал особую карту, которая позволяла бы, с одной стороны, не разъединять европейскую и азиатскую части России, а с другой – поместить найденный им грядущий «центр России» на подходящее ему место

⁶⁹ Анянич Б. В. Россия и международный капитал. 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л.: Наука, 1970. С. 20.

⁷⁰ Корнилов Г. Е. Урало-Кузбасс в советской экономической стратегии: историография проблемы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4 (42). С. 288.

⁷¹ Зубков К. И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта // Уральский исторический вестник. 2011. № 1. С. 24.

⁷² Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 51–54.

в центре карты⁷³. Итак, будущее страны связано – хотя бы того правительству и общество или нет – с продвижением на восток; к такому выводу приходил создатель периодической таблицы элементов.

О движении на восток писал и крупнейший российский географ В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Подобно Менделееву, он в работе «Город и деревня в европейской России» (1910) использовал материалы переписи и статистики для того, чтобы вывести тренд будущего развития России. Семенова заботил резкий разрыв в степени освоенности между центром и периферией⁷⁴. Свою работу Семенов завершал вполне визионерски: «Когда же наша волна окончательно закрепится на своем восточном конце, наша почва успеет претворить в новые виды пересаженные из атлантического мира растения и наши крепкие дубы, произошедшие из них, наконец получают должную их численности и самобытности даровитости дань от всего мира и выдержат какие угодно бури и какое угодно соперничество с восходящими от Тихого океана хризантемами и двойными драконами. Но тогда наша культура будет называться уже маститой и почтенной, а не молодой и во многих отношениях незрелой, как теперь»⁷⁵.

Сходные взгляды ученый высказывал и в сочинении «О могущественном территориальном владении применительно к России» (1915)⁷⁶. Семенова заботил вопрос о том, как можно укрепить российское присутствие на востоке и юге; примечательно, что в качестве возможного решения проблемы он называл перенос столицы страны в ее географический центр – Екатеринбург (правда, эта лестная для уральцев мысль сопровождалась комментарием о невозможности в XX в. повторить опыт Петра Великого)⁷⁷. Продвижение России на восток, в евразийские глубины и к берегам Тихого океана, Семенов считал «начальным звеном построения новой пространственной структуры российской экономики, опирающейся на четыре новые колонизационные культурно-экономические базы – на Урале, Алтае, в горном Туркестане и Кругобайкальской области»⁷⁸. Создание этих баз и мыслилось Семеновым как стратегическое решение упомянутой проблемы.

⁷³ Менделеев Д. И. К познанию России. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1907. С. 145.

⁷⁴ Жилкина Л. Геополитические взгляды В. П. Семенова-Тянь-Шанского и современность // Власть. 2013. № 4. С. 180.

⁷⁵ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в европейской России. С. 211.

⁷⁶ Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России (очерк по политической географии) // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 74–91.

⁷⁷ Там же, с. 83.

⁷⁸ Зубков К. И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта // Уральский исторический вестник. 2011. № 1. С. 23.

Итак, взгляд на Урал как на *кладовую богатств*, тщательно разработанный многочисленными уральскими специалистами и закрепленный на общероссийском уровне такими авторитетами, как Менделеев, был стартовой точкой для того, чтобы выявить региональную специфику в более широком смысле. Речь идет о понимании Урала как горнозаводского края. Само это понятие указывает на образ кладовой-сокровищницы. Заводы занимаются извлечением скрытых в горах богатств, и в этом смысле «горный» край – это не край, изрезанный горами, а край, имеющий залежи полезных ископаемых. С. В. Голикова, говоря о «горнозаводском субстрате уральского областничества», подчеркивает: «Авторы, писавшие об Урале, наперебой подчеркивали, что это – очень богатая различными ресурсами территория. <...> Слово “богатство”, видимо, пользовалось у специалистов, изучавших край, особой популярностью»⁷⁹. «Сокровища» Урала неоднократно упоминаются и в альбоме «Живописная Россия»⁸⁰. К началу XX в. представление о кладовой превратилось в настоящий штамп⁸¹.

Рис. 4. Вид Челябинска. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. СПб.: М-во путей сообщ., 1902.

⁷⁹ Голикова С. В. Горнозаводской субстрат уральского областничества // *Studia Cultureae*. 2016. Т. 1. № 27. С. 168–169.

⁸⁰ Малахов М. В. Уральский горный промысел // *Живописная Россия*. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Ч. 2. Приуральский край. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольф, 1901. С. 174, 215.

⁸¹ Нужно упомянуть в данной связи изученные Ю. В. Клочковой фельетоны екатеринбургского журналиста В. П. Чекина (1910-е – 1920-е гг.), буквально доведшего образность кладовой до насмешливого абсурда. См.: Клочкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX в. в.) Автореф. дис.... канд. фил. наук. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2006. С. 17.

Как отмечает Е. Ю. Казакова-Апкаримова, «в уральской периодике популяризировались идеи сибирских областников о доминирующей роли географических и хозяйственных условий при формировании областных единиц»⁸². В 1918 г., посреди ужасов гражданской войны, в Екатеринбурге было создано общество уральских областников; его органом стала газета «Наш Урал», позиционировавшая себя как «демократическая и областническая»⁸³. В ноябре 1918 г. здесь была опубликована программная статья географа и журналиста К. Д. Носилова⁸⁴ «К автономии Урала». Носилов настаивал на самобытности Урала, проистекающей из его «экономической жизни»: «Его население ничего не имеет общего с населением Сибири и центральной России, а его горный промысел, горнозаводская деятельность даже чужды последним. <...> Смешивать, сливать их немислимо, потому что горнозаводская промышленность никогда не сольется с земледелием и скотоводством, потому что горы Урала никогда не сольются с равниной центральной России и степями Сибири, потому что молот уральского рабочего ничего не имеет общего с сохой пахаря и плетью скотовода».

Носилов одновременно упирал на статус Урала как сокровищницы, упоминая его несметные богатства, а с другой – на его высокую цивилизованность в противовес слабо заселенной Сибири с ее «жалким, диким, непрогрессирующим» населением. Описывая Урал как «сгусток» горнозаводской мощи, Носилов настаивал на том, что

---

⁸² Казакова-Апкаримова Е. Ю. Идеология областничества как фактор формирования региональной идентичности (на примере Сибири и Урала) // Вестник Вятск. гос. гум. ун-та. 2014. № 12. С. 48.

⁸³ В составе редакции «Урала» была такая яркая личность, как И. И. Войтов. Уроженец украинского Чугуева (1884), переехавший на Урал, он с юношеских лет был в рядах социал-демократов и даже был избран в состав ВЦИК на 1-м Всероссийском съезде Советов от фракции меньшевиков. В 1904 г. тоненькая (24 страницы) книга стихов «Мои стихотворения» за авторством И. Войтова вышла в Харькове; скорее всего, написал ее именно этот Войтов. А в сентябре 1918 г. Войтов вместе с другим членом редакции «Урала» А. А. Кошечевым представлял Временное областное Уральское правительством на Уфимском государственном совещании; публикатор материалов совещания А. Ф. Изюмов считал, что Войтов, «принадлежал к социал-демократической группе “Единство”» (Уфимское государственное совещание. Предисловие и примечания А. Ф. Изюмова // Русский исторический архив. Прага: Орбис, 1929. С. 266). В начале 1920-х гг. Войтов, очевидно, преподавал на рабочем факультете в Омске, где выпустил книгу «Опыт теории пролетарского творчества» (1921; рецензию на книгу см.: Искусство. Журнал искусств, литературы и техники. Временник Гублитосекции и Сибирского художественно-промышленного практического института. 1922. № 2. С. 122). В 1931 г. И. И. Войтов, на тот момент, согласно Книге памяти Уральской области – консультант Уралколхозсоюза, был осужден на 5 лет лагерей.

⁸⁴ См. о нем: Омельчук К. Носилов. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1989.

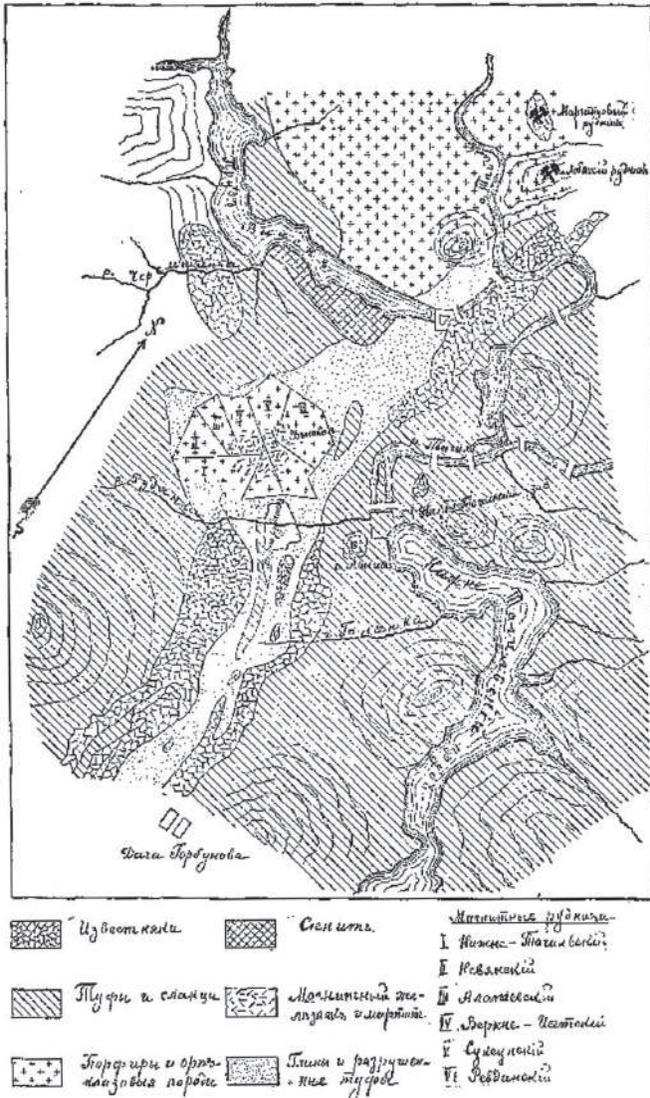

Рис. 5. План горы Высокой (Нижний Тагил). Уральская железная промышленность в 1899 году: по отчетам о поездке, совершенной С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте. СПб.: Тип. В. Демакова, 1900.

именно Уралу надлежит стать «гвоздем» России, держащим вместе ее расплывающуюся, аморфную массу. В конечном счете, Носилов заключал: «Урал представляет из себя совершеннейший уголок нашей громадной России, где есть решительно все для его благоустройства – леса и земли, руды и драгоценности, население и богатства природы, реки и рельсовые пути, горнозаводская деятельность и земледелие со скотоводством, моря и суша... И все это так удачно, уже по одному географическому положению дополняющее друг друга, все это так удачно расположенное смежно, все это так вылитое, чтобы слиться только воедино». Как будто бы испугавшись смелости собственных дифирамбов, нарисовавших картину неслыханного процветания, и вспомнив, что все-таки богатства кладовой еще только предстоит освоить, в конце статьи Носилов добавлял, что для подобного освоения все же требуется хорошая администрация. Именно она «вскроет природные богатства Урала и даст толчок его, заглохнувшей теперь, горнопромышленной и горнозаводской деятельности»⁸⁵.

Что значит – «хорошая администрация»? Этому вопроса Носилов не раскрыл.

Эта же тема затрагивалась в докладе одного из издателей «Урала», члена временного комитета по учреждению Общества уральских областников С. А. Груздева, прочитанном 12 ноября 1918 г. в Народном университете Екатеринбурга (здание женской гимназии на улице Карла Либкнехта, носившей тогда имя Вознесенского проспекта). Судя по краткому газетному отчету, выступление Груздева содержало примерно те же тезисы, что и развернутая статья Носилова: кладовая богатств, горнозаводское ядро Урала с довеском его, аграрной округи, определение границ области, выход к Ледовитому океану. Груздев отметил обвинения в сепаратизме, называя Урал «штатом единой Великодержавной России» и предполагая, что возрождение страны начнется именно с Урала⁸⁶.

Тот же С. А. Груздев уже в советское время в очерке «Екатеринбург областной центр», включенном в официальное издание «Екатеринбург за двести лет (1723–1923)» (1923), посвященное 200-летию города, старался проследить «столичную» историю города. Стараясь обосновать этот тезис, Груздев подчеркивал историческую преемственность: «Хотя Екатеринбург жил долгое время отраженной жизнью, но к концу XVIII века он превращается в самобытную организацию оригинального горного центра и не менее своеобразного центра

⁸⁵ Носилов К. К автономии Урала // Урал. 24 (11) ноября 1918 г.

⁸⁶ Урал и его будущее // 19 (6) ноября 1918 г. В газете ошибочно напечатана дата доклада – 10 октября.

колонизации во главе с самобытной раскольничьей средою, состоявшею и из крупнозавиточных и рабочих слоев населения»⁸⁷. Груздев старался показать превосходство Екатеринбургa в самых разных отношениях: объединение промышленников, развитие торговли и здравоохранения, земское движение, книгоиздание и издание газет. В этот же ряд он поставил и «работу общественных подпольных групп».

Прекрасно понимая недостаточность ссылок на историю, Груздев выдвигал также экономические аргументы: Екатеринбург является географическим центром железной дороги, по которой следует по линии Запад – Восток транспорт: «Завершением этого строительства было бы достижение связи Екатеринбургa с выходом непосредственно за границу, и независимо от Сибири, по западному склону Северного Урала, в Ледовитый океан – к морскому порту, и с низовьями Оби и Дальним Севером через комбинированный железнодорожный на Печору – Тавду – Тобольск – Березов – Обдорск»⁸⁸.

Переход от истории к событиям недавнего прошлого должен был, по мысли Груздева, показать правомерность столичных амбиций Екатеринбургa. Конечно, «с первых же дней Октябрьской революции Екатеринбург сконцентрировал в себе управление Уралом и принялся за объединение отдельных частей его». Передачу в руки Уралоблсовета контроля за обширной территорией Груздев с удовлетворением охарактеризовал как «проявление несомненно правильного чутья уральца-областника»⁸⁹.

Интересно, что и Временное областное Уральское правительство Груздев расценил положительно, хоть и не решился назвать его еще одним проявлением областнического чутья. Ясно, что для С. А. Груздева и Уралоблсовет, и ВОПУ были лишь разными формами проявления на практике уральского областничества. В поддержку областничества Груздев привел в своей статье содержание «официальной записки» ВОПУ, «определяющей понятие области» и конфискованной колчаковским правительством. Здесь Урал уже однозначно трактовался как продукт специфических хозяйственных отношений, «экономическое целое», сложившееся на основе горнозаводской промышленности на территории 4 губерний – Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской (со ссылкой на уже упомянутый нами выше труд Семенова-Тян-Шанского «Торговля и промышленность Европейской

---

⁸⁷ Груздев С. А. Екатеринбург областной центр // Екатеринбург за двести лет (1723 – 1923). Екатеринбург: Изд. юбилейн. комиссии Екатеринбургск. гор. совета раб. и красноармейск. деп-тов, 1923. С. 80.

⁸⁸ Там же, с. 82.

⁸⁹ Там же, с. 85.

России по районам»)⁹⁰. Проект также включал разработки Носилова относительно уральских «естественных границ», которые бы обеспечили «потенциальную всестороннюю производительность и обособленное культурно-экономическое самоопределение»⁹¹: горнозаводское ядро с центром в Екатеринбурге, сельскохозяйственные районы Тюмени и Ялуторовска, снабжающие индустриальные центры продовольствием, и принципиально важный выход к Северному океану, открывающий возможности для морской торговли.

Итак, движение за «особость», «самобытность» Урала, развернувшееся на рубеже XIX–XX вв., было основано на признании исторически сложившейся экономической специфики горнозаводского края. Хотя уральское областничество сравнивают с областничеством сибирским, наиболее интересно провести параллель с другой концепцией регионального обособления, ставившей во главу не этнические либо историко-культурные соображения, а экономическую специфику. Речь, конечно, идет о Донецко-Криворожской республике.

Это сходство было для современников очевидным. Упомянутый выше Семенов-Тянь-Шанский в работе «Город и деревня в европейской России» (1910) предлагал классификацию типов городских поселений, опирающуюся на два критерия – численность жителей и экономический профиль (доля населения, полностью утратившего связи с деревней). Одним из таких типов был горнозаводской тип, где «географическое распределение экономических городов всецело следует степени богатства и разработки полезных ископаемых»⁹². Семенов выделял три географических ареала бытования этого типа в Российской империи – Уральский, Донецкий и Польский. К категории «больших городов» на Урале Семенов отнес только Екатеринбург и Пермь, оговорив при этом, что центральное положение Екатеринбурга по отношению к другим частям Урала лучше помогает городу развиваться⁹³. Административные границы имперских провинций Семенов проигнорировал («административный» город он считал «неистинным» типом⁹⁴), и Урал у него предстает именно как «горнозаводской» регион, имеющий в своей основе экономическую специфику. «Горнозаводским» Семенов назвал и Донбасс; это словоупотребление ясно показывает,

---

⁹⁰ Груздев С. А. Екатеринбург областной центр. С. 89.

⁹¹ Там же, с. 95.

⁹² Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в европейской России: очерк по экономической географии. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1910. С. 167.

⁹³ Там же, с. 168.

⁹⁴ Лаппо Г. Истинные города В. П. Семенова-Тянь-Шанского сегодня // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. С. 79.

что в данном случае в виду имелись не реальные «горы» (Донбасс – степной регион, не имеющий крупных горных массивов и возвышенностей), а залежи полезных ископаемых – руды и угля.

Южный промышленный район испытывал мощнейший экономический подъем, начиная с 1870-х гг., когда – благодаря интенсивному строительству железных дорог, а также французским и бельгийским инвестициям – началось освоение Донецкого угольного бассейна. Быстрый рост новых промышленных центров, формирование интегрированных комплексов производства приходило в столкновение со старой административно-территориальной системой. Попыткой преодолеть эту чересполосицу стала концепция особой Донецкой области, презентовавшая Донбасс как своеобразное единство, спаянное не исторической либо этнокультурной преемственностью, но экономическими узами. На эту проблему накладывалась изумительная этническая пестрота Донбасса: растущее производство притягивало людей вне зависимости от национальной принадлежности, превратив Донбасс в настоящий «плавильный котел» Российской империи. Динамичный рост Донецкого бассейна прошел по страницам российской литературы начала XX в., привлек внимание крупнейших литераторов – А. И. Куприна («Молох», 1896), А. А. Блока («Новая Америка», 1913) и других. Так индустриальный регион стремительно обретал своеобразную культурную легитимность. Как пишет современный исследователь В. В. Корнилов, уже «к 1917 г. промышленники довольно четко сформулировали ставший вскоре расхожим тезис о необходимости административного объединения промышленного Донбасса в одну административную единицу»⁹⁵. Созданный в 1877 г. Совет Съезда горнопромышленников Юга России, заседавший в Харькове, превратился в могущественную лоббистскую организацию, оказывавшую большое влияние на имперскую политику.

После Февральской революции Донбасс стал предметом торга между вновь возникшей Центральной радой в Киеве и Временным правительством в Петрограде. Влиятельный предприниматель и администратор Н. фон Дитмар, с 1905 г. руководивший Советом Съезда горнопромышленников Юга России, категорически настаивал на том, чтобы не включать территории Донецкого и Криворожского бассейнов в состав Украины, обосновывая это экономической спецификой упомянутых территорий⁹⁶. И ровно так же, как уралец Носилов проводил грань между индустриальным Уралом и аграрной Сибирью,

⁹⁵ Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. Харьков: Фолио, 2011. С. 29.

⁹⁶ Там же, с. 31–33.

жоганин фон Дитмар отграничивал индустриальный Кривдонбасс от аграрной Украины.

Национализация предприятий, развернувшаяся вскоре после прихода к власти большевиков, лишила Совет Съезда горнопромышленников власти, однако дуализм на Юге сохранялся. На протяжении первых месяцев 1918 г. существовали сразу два большевистских правительства, претендовавших на контроль над территорией Донбасса и Поднепровья – Украинская народная республика советов и Донецко-Криворожская республика. Отстаивая автономию Кривдонбасса, местные большевики во главе с Артемом (А. Ф. Сергеевым) использовали разработанные до революции усилиями местных крупных предпринимателей концепции территориальной организации Донбасса как специфической промышленной области.

Зимой 1918 г., на IV областном съезде Советов рабочих депутатов Криворожского и Донецкого бассейнов видный большевик С. Ф. Васильченко заявил: «По мере укрепления советской власти на местах, Федерации Российской Социалистической Республики будут строиться не по национальному признаку, а согласно особенностям национально-хозяйственного быта. Такой самодостаточной в хозяйственном отношении единицей являются Донецкий и Криворожский бассейны. В силу этого эти районы должны иметь самостоятельные органы экономического и политического самоуправления»⁹⁷. Съезд принял решение о создании автономной Донецко-Криворожской республики. Как и на Урале, экономически-областной принцип здесь действовал через голову старых административных образований. И несмотря на то, что уже в марте 1918 г. большевистские вожди в Москве сделали выбор в пользу единой УССР с Донбассом в составе, особая идентичность промышленного Донецкого региона сохранялась⁹⁸.

Тем не менее уральское областничество как проект состоялось, пускай и после революции. В 1923 г. была создана гигантская Ураль-

---

⁹⁷ Цит. по: Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918–1920). М.: Наука, 1966. С. 14.

⁹⁸ А. А. Агаркова указывает на то, что именно большевики после 1917 г. развивали «образ Донбасса как показательного молодого “соцрегиона”» с опорой на экономические (шахты) и географические (степь) доминанты (Агаркова А. А. Образно-символические аспекты регионального пространства в контексте исторической трансформации культурной идентичности (опыт Донбасса) // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности. Материалы I Международной научной конференции. Донецк, 16–18 мая 2016 г. Ростов-на-Дону: Южный фед. ун-т, 2016. С. 112). Украинский исследователь В. А. Войналович и вовсе оценивает Донбасс как «лабораторию» советской власти, где реализовывался проект «наднационального по своей сути сообщества» (Войналович В. А. Историчні передумови формування соціокультурного профілю українського Донбасу // Гілея: науковий вісник. 2016. № 4. С. 401).

ская область, границы которой в целом были проведены по разработкам ВОПУ⁹⁹. Центром ее оказался Свердловск, наконец-то прибавивший к своей символической и исторической роли административный статус. Путеводитель по городу, вышедший в 1924 г., так и назывался: «Свердловск столица Урала»¹⁰⁰.

Однако культурный капитал горнозаводского края был не очень велик: горнозаводская «самобытность» не имела четкого выражения. Она, например, так и не нашла отражения в художественной культуре. Крупнейшие уральские художники рубежа XIX – XX вв. – А. К. Денисов-Уральский и В. Г. Казанцев – были по преимуществу пейзажистами¹⁰¹. Уральскому пейзажу было преимущественно посвящено творчество художников Екатеринбурга, экспонировавшееся на выставках Уральского общества любителей изящных искусств с 1897 по 1905 г.¹⁰², и Перми, где в 1909 г. было основано Пермское общество любителей живописи, валяния и зодчества. При этом на Урале уже существовала традиция изображения специфических уральских видов и, в частности, производственного процесса – центром такой традиции в XIX в. стал Нижний Тагил¹⁰³. Достаточно назвать работы тагильской династии крепостных художников Худояровых, создавших такие выдающиеся картины, как «Листобойный цех» (П. Ф. Худояров, 1830-е гг.), «Гулянье на Лисьей горе» (И. Ф. Худояров, 1840-е гг.) и «Медный рудник» (В. П. Худояров, 1849 г.).

Однако на рубеже XIX – XX столетий, в эпоху складывания «горнозаводского субстрата уральского областничества», определявшего Урал через его индустриальную экономическую специфику, визуализация заводской жизни оказалась востребованной слабо. Полагаем, это объясняется отсутствием интереса к заводскому труду как таковому: в нар-

---

⁹⁹ Соловьева Т. В. Идея Уральской республики в условиях революционных потрясений // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 292.

¹⁰⁰ Издание вышло курьезным: пока его готовили к печати, «столица Урала» успела сменить имя, став из Екатеринбурга – Свердловском. В начале книги был помещен специальный лист с текстом постановления о переименовании, а на титульном листе старое название было перечеркнуто и сверху впечатано новое; однако по всему остальному тексту город именовался как раньше. Издатели разъясняли: «К моменту опубликования постановления ЦИК'а СССР о переименовании Екатеринбурга в Свердловск большая часть настоящего справочника-руководителя (так! – К. Б.) была отпечатана, вследствие чего в тексте везде названия города и учреждений остались старые» (Свердловск столица Урала. Справочник-путеводитель на 1925 год. Екатеринбург: Уралкнига, 1924. С. I).

¹⁰¹ Зайцев Г. Б. Художественная жизнь Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. // Известия Урал. гос. ун-та. 1997. № 7. С. 112–115.

¹⁰² Там же, с. 109–112.

¹⁰³ Гольнец Г. В., Гольнец С. В. Академия художеств и искусство Урала // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 35. С. 191–192.

ративе провинции не было никакого места пресловутым «мастерам» и «умельцам». Заводской труд не был поэтизирован: в худшем случае он представлял одной из форм общего гнета, характерного для провинции вообще, а в лучшем – приложением к уральской кладовой, позволяющим придавать ее богатствам привлекательный для состоятельных покупателей облик граненых камней или гравированных клинков. Общероссийский индустриальный подъем рубежа XIX – XX вв. так и не нашел адекватной формы представления в изобразительном искусстве Урала. «Самобытность» горнозаводской цивилизации, о которой с таким удовольствием писали публицисты вроде Носилова или Груздева, не имела определенного визуального облика: Урал испытывал острый дефицит эффектных стратегий репрезентации.

ПРОБЛЕМА ОТСТАЛОСТИ

Как мы видели выше, Урал мог представлять в культуре пореформенной России и как инвариант общероссийского провинциального захолустья, и как «горнозаводской край», основанный на извлечении природных богатств из «кладовой». Эти два видения увязывались между собой в рамках наиболее важной для российской общественной мысли рубежа XIX – XX вв. проблемы – проблемы *отсталости*.

Современный исследователь Я. Коцонис подчеркивает легитимационные функции, которые выполняла риторика отсталости при описании России: «Антагонистические во всем остальном группы могли вести дебаты устно или в печати, обходясь друг с другом как “культурные люди” и становясь своего рода сообщниками, когда заходил откровенный разговор о тех, кто “культурным” не был. <...> Человек, в чьем словаре этот термин занимает видное место, утверждает, что он сам “передовой” и способен высказывать свое мнение о тех, кто представляется ему неспособным (*illegitimate*) из-за своей отсталости»¹⁰⁴. В той или иной степени об отсталости речь заходила по меньшей мере с XVIII в.; однако в пореформенной России этот вопрос оказался связан с темой развития индустриального капитализма.

Развивавшийся в пореформенной России капитализм страшил российские элиты: в нем усматривали угрозу революционного взрыва, что пугало консервативно настроенную часть истеблишмента, или путь к обнищанию крестьянства, что вызывало отторжение в среде народнической интеллигенции. Вместе с тем, по мере подъема инду-

¹⁰⁴ Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861 – 1914. М.: НЛЮ, 2006. С. 17.

стриальной экономики в западных странах, отсталость все в большей мере выдвигалась на передний план в рассуждениях о грядущих судьбах страны. Описания Урала, создававшиеся во 2-й половине XIX в. и в начале XX в., в полной мере отдавали дань дискурсу отсталости: это не просто провинция, а *отсталая* провинция.

Почему же она отсталая? Да потому, что исторически сложившийся горнозаводской профиль экономики с самого начала был порочным, основанным на принудительном труде крепостных. Промышленный расцвет Урала, сформировавший его особый культурный ландшафт, оказывался в этой перспективе не просто безвозвратно утерянным, а еще и отвратительным. Например, М. В. Малахов характеризует уральскую промышленность в упомянутом выше очерке для «Живописной России» как такой хозяйственный мир, у которого все лучшее осталось в прошлом и у которого все лучшее при этом было основано на варварских, крепостнических методах хозяйствования. Разумеется, когда-то металлургия Урала имела «всемирное значение»; но сегодня зарубежные рынки утрачены, а страна ввозит металл. Основой могущества уральских заводчиков была монополия, превратившая их в крупнейших землевладельцев и культивировавшая худшие стороны крепостного права¹⁰⁵.

Д. Н. Мамин-Сибиряк, хотя он и не относился к числу апологетов наступающего капитализма, тоже описывает уральское горное хозяйство как идущее через полосу кризиса. И. А. Дергачев называл маминский роман «Три конца» «эпосом уральского разорения»¹⁰⁶; Г. К. Щенников добавляет, что «это определение можно применить и к другим полотнам писателя»¹⁰⁷. Мамин раскрывает эту тему в «Приваловских миллионах» (1883) устами самого главного героя, Привалова. Тот – в беседе с Бахаревым – упрекает заводчиков в паразитизме, напоминает, что горное дело Урала поднялось исключительно благодаря «безумным привилегиям и монополиям, даровым трудом миллионов людей при несправедливейшей эксплуатации чисто национальных богатств». Что еще хуже, этот горнозаводской комплекс порождает уродливые формы паразитизма и вырождения. Протекционистская система монополии привела – в отличие от аналогичных систем западноевропейских стран – к стагнации промышленности.

Вырождаются уральские заводчики: «Системой покровительства заводскому делу им навсегда обеспечены миллионные барыши,

¹⁰⁵ Малахов М. В. Уральский горный промысел. С. 176.

¹⁰⁶ Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк: Личность. Творчество. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1981. С. 173.

¹⁰⁷ Щенников Г. К. Натурализм социального романа Д. Н. Мамин-Сибиряка // Вестник Челябин. гос. ун-та. 1996. № 1. С. 30.

и все на заводах вертится через третьи и четвертые руки, при помощи управителей, поверенных и управляющих. В таких понятиях и взглядах вырастает одно поколение из другим, причем можно проследить шаг за шагом бесповоротное вырождение самых крепких семей». Промышленность стагнирует, заводы обратились в «государственных нищих», причем эти предприятия теперь даже и нельзя закрыть, поскольку с ними «связаны интересы полумиллионного населения». Привалов констатировал: «Чтобы вырваться из этой системы паразитизма, воспитываемой в течение полутора лет, нужны нечеловеческие усилия, тем более, что придется до основания разломать уже существующие формы заводской жизни»¹⁰⁸.

Маминский Привалов дублирует народнические аргументы (которые, кстати, мы видим и у Немировича-Данченко), настаивая на том, что промышленность везде развивается за счет «основного источника народного благосостояния», земледелия; искусственно созданные и насильно поддерживаемые тарифами и монополиями горные заводы – «язва» на теле государства¹⁰⁹. В этом же русле идет и агрессивный обскурантизм заводского начальства, гноящего вернувшихся из-за границы крепостных специалистов на черной работе; этот сюжет привлекал Мамину, и он неоднократно воспроизводил его в разных произведениях. В «Трех концах» (1890) работников, получивших европейское образование, гноит управляющий Лука Назарыч: «Гений крепостного управляющего проявился в полном блеске: горные инженеры получили места писцов в бухгалтерии, техники были приставлены приемщиками угля и т. д. <...> Первый ученик École polytechnique каждый день должен был спускаться по стремянке с киркой в руках и с blendочкой на кожаном поясе на глубину 60 сажен и работать там наравне с другими; он представлял в заводском хозяйстве ценность как мускульная сила, а в его знаниях никто не нуждался»¹¹⁰. А в рассказе «Братья Гордеевы» (1891) этот сюжет стал основным – управляющий заводами Федот Якимыч отправляет молодых выпускников европейских школ на работы, вовсе не соответствующие их квалификации: «С одной стороны, старик отлично понимал великую силу образования, а с другой – ему делалось совестно за собственное крепостное невежество, точно приехавшие молодые люди являлись для него упреком»¹¹¹.

¹⁰⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. Кн. 1. Пг.: Т-во А. Ф. Маркс, 1915. С. 146–147.

¹⁰⁹ Там же, с. 89.

¹¹⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений. Т. 2. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915. С. 46.

¹¹¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Братья Гордеевы // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений. Т. 2. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915. С. 347.

Самодурство Федота Якимыча и одновременно страстная и разрушительная любовь к «немке», жене одного из братьев Гордеевых (эту страсть можно трактовать в русле тяги управляющего к европейской культуре и «образованию»: Федот Якимыч дважды совершал продолжительные путешествия в Европу, чтобы увидеть хозяев, и путешествия эти «оставили после себя известное впечатление») ведут к чудовищной катастрофе, распаду семей, смерти. Итак, горнозаводской Урал у Мамина выступает пространством разорения и вырождения; страсть – атрибут сильных личностей – обычно ведет к гибели.

Показательны сравнения между Маминым и Дж. Лондоном, которые любили проводить публицисты начала XX столетия. К примеру, видный публицист и проповедник Г. С. Петров утверждал: «У Джека Лондона герои – народ жесткий, суровый, кованный из стали, сильный... Хищник-Наполеон, из которого при удаче выходят Морганы, Карнеджи, Рокфеллеры, короли стали, хлопка, железных дорог, потрясатели мировой биржи... Герои наших Урала, Сибири, герои приисков, сплава по рекам – жалкая мелочь, или убогая забитая нищета, или дикое и жалкое, мелкое самодурство. Золотоискатели наши – изголодавшееся уральское или сибирское крестьянство, истощенное, обнищавшее, спившееся. Золотопромышленники – чаще всего люди, одичавшие от случайно привалившего дикого счастья... Это все те же решетниковские Пила и Сысойка¹¹², только Пила и Сысойка разбогатевшие. Как талантлив писатель ни будь, но описание жизни серых, убогих Пилы и Сысойки он никогда не сделает таким красочным, кричащим, как описание жизни, например, Наполеона»¹¹³.

Упомянутый уже Н. П. Белдыцкий использовал ту же антитезу, сравнивая Лондона и Мамина: «Выкованные из стали, сильные и жестокие герои Лондона везде остаются верны сами себе – и в пустынях Севера, и в центре цивилизации... У нашего русского писателя нет таких ярких красок для изображения сверхчеловека, ибо настоящий русский писатель всегда верен истине, а наша серая и нудная жизнь дает и героев того же колера»¹¹⁴. Но Белдыцкий – в отличие от, например, Петрова – идет дальше. Дело не только в реализме. У Мамина, на взгляд Белдыцкого, сильные и жестокие герои все время сохраняют способность к покаю, этим выгодно отличаясь от джек-лондоновских сверхлюдей:

¹¹² Главные герои повести Ф. М. Решетникова «Подлиповцы» – убогие и вырождающаяся прикамские бурлаки; «Подлиповцы» были настолько популярны, что Пила и Сысойка (в оригинале у Решетникова – Сысойко) сделали именами нарицательными.

¹¹³ Петров Г. С. Наши пролежни. Сборник статей. М.: Тип. А. П. Поплавского, 1913. С. 100.

¹¹⁴ Белдыцкий Н. П. Памяти родных писателей. Пермь: Электротип. губ. земства, 1914. С. 8–9.

«Вот два взгляда на ценность жизни. С одной стороны – все дозволено сильному человеку: бей, рази, убивай, и ты прав в случае успеха. Но знай, что успех заключается в свинстве. С другой – уважай ближнего, поддержи его, но да не поднимется рука твоя на него ни при каких обстоятельствах. Загубить чужую душу – значит и свою обречь на погибель. Помни, что люди должны жить по Божьему закону, а живут они “для лучшего”... Таково внешнее сходство и такова огромная разница между американцем Д. Лондоном и русским Маминым-Сибиряком»¹¹⁵.

Рис. 6. «Тагил. То, что нам досталось в наследство от Демидовых». Планировка и строительство городов. 1933. № 3.

Рассуждая о Мамине и Лондоне, Белдыцкий все время остается в зоне противоречий. С одной стороны, персонажи Лондона воплощают «свободный мир» деловитого прогресса, тогда как персонажи Мамина представляют «серую», болотистую российскую действительность; различия между ними – это различия между энергичными *делами* и бесконечными *разговорами*. С другой стороны, персонажи Мамина этически совершеннее. Обе тенденции были ярко представлены в отечественной общественной мысли начала столетия, и Белдыцкий, конечно, воспроизводил устоявшийся нарратив.

Положительное отношение к капиталистической индустриализации пробивало себе дорогу с трудом¹¹⁶. Как справедливо отмечал

¹¹⁵ Белдыцкий Н. П. Памяти родных писателей. С. 10.

¹¹⁶ В 1882 г. в газете «Екатеринбургская неделя» была помещена статья, гневно бичевавшая сговоры «капиталистов» и с презрением отзывавшаяся о «сладкогласных» экономистах, проповедующих свободу конкуренции. Формальная свобода конкуренции не защищает бедняков от окончательного разорения; автор статьи горячо оправдывал ев-

американский экономист А. Гершенкрон, для обеспечения «поздней индустриализации» требуется мощная идеология: «Российская интеллигенция смогла примириться с появлением капитализма и с разрушением старой веры в “мир” и артель только благодаря такой идеологической системе, в которой капиталистическая индустриализация страны представлялась результатом действия железного закона исторического развития»¹¹⁷. Протекционистская политика С. Ю. Витте, нацеленная на поддержку отечественной индустрии, наряду с притоком франко-бельгийского капитала стала основой для ускоренного индустриального роста Российской империи на рубеже XIX – XX вв. Одновременно постепенная адаптация на российской почве марксистской экономической теории все в большей степени разворачивала российское общество лицом к индустриальному капитализму¹¹⁸, вырабатывая основы для той идеологии, о которой говорит А. Гершенкрон.

Одной из ключевых фигур в освоении дискурса отсталости применительно к проблеме индустриального развития оказался «легальный марксист» П. Б. Струве. В статье «Интеллигенция и народное хозяйство» (1908) Струве однозначно высказывался в защиту капитализма как основанного на «идее личной годности». В противовес капиталистической деловитости, русская интеллигенция «воспиталась на идее безответственного равенства», а потому «никогда не способна

рейские погромы, видя в них – ни много ни мало – средство борьбы со сговором предпринимателей. Так страх перед капитализмом сомкнулся с антисемитскими взглядами анонимного автора (Екатеринбургская неделя. № 35. 8 сентября 1882 г.)

¹¹⁷ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе // Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Изд. дом «Дело», 2015. С. 85.

¹¹⁸ Современный специалист И. А. Христофоров так суммирует ход развития российской экономической политики 2-й половины XIX в.: «После Крымской войны в экономической политике России стартовал масштабный “либеральный эксперимент”, который имел целью преодолеть глубокую отсталость страны. Реформы диктовались стремлением режима к сохранению международного статуса державы и стабильности внутри страны. Преодоление отсталости символизировалось прежде всего масштабным железнодорожным строительством и отменой крепостного права. Кроме того, «новая экономическая политика» правительства Александра II предполагала либерализацию таможенного тарифа, ликвидацию казенной кредитной системы, отмену многих ограничений в сфере государственного контроля за рынком и т.п. Однако в 1870-х гг. сначала случился мировой финансовый кризис, а затем, благодаря появлению на рынке дешевого американского зерна, начали падать мировые цены на хлеб – главный продукт российского экспорта. С этого времени либерально-экономический курс подвергался все более масштабной общественной критике и постепенно был свернут. Доктрина *laissez faire*, *laissez passer* вышла из моды и сменилась мощной протекционистской, патерналистской волной, продолжавшейся по меньшей мере до начала XX в.» (Христофоров И. А. Между рынком и утопией: либеральные экономисты и начало эпохи Великих реформ // Российская история. 2015. № 3. С. 107).

была понимать самого существа экономического развития общества». Например, в капитализме эта интеллигенция усматривает только «хищничество», тогда как на деле капитализм является «торжеством победы более производительной системы» и служит двигателем «хозяйственного воспитания» общества¹¹⁹.

Впрочем, источником идеологии индустриализма вовсе не обязательно должен был быть марксизм. Апологетом индустриализма был, например, Д. И. Менделеев. В сочинении «К познанию России» (1906) он подчеркивал, что при наличии «истинной “свободы” промышленного свойства» Россия могла бы производить огромное количество угля, нефти и металла, превосходя не только бедные ресурсами европейские страны, но и США¹²⁰. Менделеев заключал: «Преобладание промышленников составляет сущность современной эволюции, предвестник предстоящего и то, чего многие даже из передовиков у нас еще не поняли, потому что это идет спокойно, хотя и твердо, без руководства греко-латинскими преданиями. В древности этого не бывало, революциями этого не достигалось. Это естественный, новый плод умножения: народонаселения, знаний, потребностей и недостатков. Пока этого не поймут – старая чепуха неизбежно будет повторяться. Если наша Государственная дума и все правительство хотят добра народу, а себе вечной славы, они должны понять эти новые начала и положить их в основу своих действий и усиленно – всякими законами – покровительствовать расцвету промышленности. Социалисты тут кое-что увидели и даже отчасти поняли, но сбились, следуя за латинщиной, рекомендуя прибегать к насилиям, потворствуя животным инстинктам черни и стремясь к переворотам и власти. В указанном – мировое новшество и залогом предстоящего мирного решения внутренних и внешних недоумений. Пойдем же твердо вперед по новому пути»¹²¹.

Но самым ярким примером индустриалистской риторики можно считать творчество видного экономиста начала XX в. И. Х. Озерова¹²². Этот автор был неутомимым проповедником индустриального подъема и деловитой предприимчивости (которая в текстах Озерова,

---

¹¹⁹ Струве П.Б. Интеллигенция и народное хозяйство // Струве П. Б. *Patriotica*: политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. С. 203.

¹²⁰ Менделеев Д. И. *К познанию России*. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1907. С. 79–80.

¹²¹ Там же, с. 121.

¹²² См.: Барышников М. Н. У истоков отечественного институционализма (из творческого наследия И. Х. Озерова) // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). 2010. Т. 2. № 3. С. 153–161. Хотя Озеров был «трубадуром» индустриального развития, чрезвычайно успешная карьера при «старом режиме» полностью закрыла ему доступ к какому бы то ни было участию в разработке экономической теории в СССР. В 1930-е гг. Озеров подвергся репрессиям, был заключен в Соловецкий лагерь.

владевшего эффективным литературным стилем, часто фигурирует как «бодрость духа»). Озеров был убежденным сторонником форсированного индустриального развития¹²³. На страницах иллюстрированного издания «Торгово-промышленный мир России» (1915) он сетовал: «Мы слишком инертны, и нам надо применять такие мероприятия, которые пробуждали бы нашу энергию, а не увеличивали бы нашу инертность»¹²⁴. Виновником инертности, согласно Озерову, была российская бюрократия, чья «тяжелая рука» сковала инициативу промышленного класса, которому, впрочем, теперь предстоит «встать на государственную точку зрения» и наконец вывести политическую жизнь из «маразма» и «тупика»¹²⁵. С аналогичной просьбой-призывом Озеров в сентябре 1914 г. обратился к императору Николаю II в специальной записке¹²⁶.

К началу XX в. апология индустриализма, основанного на протекционистской политике, стала крупнейшим фактом отечественного интеллектуально-политического пространства. Как отмечает М. Колеров, протекционистский взгляд потеснил более старые фритредерские предпочтения российского истеблишмента. Однако здесь важно добавить: будучи сторонниками протекционизма в отношении внешней политики, апологеты индустриализма были сторонниками ликвидации бюрократического контроля в политике внутренней. Индустриалисты от Струве до Озерова считали необходимым «освобождение» от пут централизаторской бюрократии, развертывание творческой инициативы капиталистов. Такой переход помог бы вытянуть Россию из болота отсталости и полностью использовать ее колоссальные природные богатства.

Но именно на этом пути апологию индустриализма подстерегал опасный вызов. Само по себе освобождение не является достаточным для развертывания творческой инициативы, поскольку страна уже является отсталой, а провинция безнадежно погрязла в малокультурности. Откуда же у выродившихся уральских монополистов или забитого, безграмотного заводского населения сможет возникнуть высокий, «американский» уровень культуры организации и производства? Уже позднее, в 1916 г., Озеров констатировал: «Надо, чтобы люди начали

---

¹²³ Современный исследователь М. Н. Барышников относит экономические взгляды Озерова к институционализму (Барышников М. Н. У истоков российского институционализма (из творческого наследия И. Х. Озерова) // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. № 3. С. 160).

¹²⁴ Озеров И. Х. От слов к делу! // Торгово-промышленный мир России. Петроград: Торгово-промышленный мир России, 1915. С. 26–27.

¹²⁵ Там же, с. 28.

¹²⁶ Дмитриев А. Докладная записка Ивана Озерова Николаю II // Звезда. 2014. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/4/84z-pr.html> (дата обращения: 16.08.2018).

работать не только побуждаемые перспективой больших барышей, но и из чистого побуждения святой жажды творчества. Надо сделать так, чтобы у людей чесались, что называется, руки, чтобы они были обуяемы жаждой творения»¹²⁷. Важное средство стимулирования к тому, чтобы «руки чесались», по мнению Озерова, – всеобщее образование, прививающее не только знания, но и любовь к родине. Но еще важнее обеспечить «свободное экономическое творчество» промышленного класса, идущее рука об руку с дисциплинированием и пробуждением инициативы у масс. Например, России нужна свободная «рабочая печать», поскольку она «успевает вырабатывать и дисциплину среди трудящихся»; а наряду с ней – профсоюзы, потребительские общества и иные организации. В этом месте Озеров попал в логическую ловушку, характерную для всех вообще визионерских текстов начала XX в.: создать «крепкую общественность» можно «только в результате большой культуры». А если «большой культуры» нет, то откуда тогда взять творческую инициативу? Озеров приходилось перейти от мажорного тона к минорному, констатируя: «Наша промышленность сделает все от нее зависящее, но потребуются немало времени, прежде чем мы получим от нее то, что нам нужно»¹²⁸. Озеров выпутывался из ловушки, переключаясь на обсуждение актуальных вопросов военного производства (Первая мировая война в разгаре): пока отечественная индустрия не способна выполнить высокую роль, можно обратиться за помощью к США, «вплоть до мобилизации американской промышленности в интересах России»¹²⁹.

В своих разных обликах российская апология индустриализма – от Струве до Озерова – клеймила российскую отсталость, призывала к снятию барьеров, душачих развитие, и одновременно оказывалась перед сложным вопросом: как построить высокопроизводительную индустрию в отсталом и малокультурном обществе? Как наделить решетниковских Пилу и Сысойку «бодростью духа» джек-лондонских персонажей и «идеей личной годности» Моргана, если они, в общем-то, ни на что и не годны и совершенно не бодры духом? Агентом трансформации в этой апологии выступало *время*: правильно оценив момент и вовремя став на сторону побеждающего капитализма, правительство может расчислить ему путь грамотной политикой и создать такие условия, чтобы – говоря словами Струве – с течением времени прогресс капитализма сформировал в стране необходимую культуру «личной годности» и переделал «бедную капиталистиче-

¹²⁷ Озеров И. Х. Новая Россия. Пг.: Тип. акц. об-ва изд. дела «Копейка», 1916. С. 25.

¹²⁸ Там же, с. 34.

¹²⁹ Там же, с. 35.

скую Россию» (а с ней и убогоных Пилу и Сысойку) в «богатую капиталистическую Россию».

Вера в созидательные способности капитализма, основанная на социально-историческом объективизме, была столь сильна, что практическая программа апологии капитализма по большей части сводилась к созданию инфраструктурного обеспечения грядущего капиталистического прогресса. Струве, например, полагал, что «единственная рациональная государственная политика может состоять в расчищении почвы для этого процесса и смягчения социальных его последствий»¹³⁰. Огромное пространство и население России, воспринятые теперь в контексте американской аналогии, казались гарантией того, что, начавшись, рост капитализма будет осуществляться на базе внутреннего рынка и на основании использования пресловутых ресурсных богатств. Тогда России остается, словно яхте на морском просторе, развернуть паруса и грамотно поймать попутный ветер, чтобы полететь вперед. Конечно, оставалась проблема: как же все-таки Пила и Сысойка будут перековываться? Апология капитализма на этот вопрос не отвечала, предпочитая вновь и вновь обращаться к инфраструктурным вопросам.

Урал же в большинстве описаний, сделанных на рубеже XIX и XX вв., представлял именно как царство провинциальной отсталости. Вот как описывает индустрию дореформенного Урала Н. И. Березин, автор очерка, вышедшего в серии «Библиотека юного читателя» (1910): «Заводские рабочие, именно работники непременные, были настоящими рабами завода. Тысячи их насильно загонялись в рудники и мастерские. Изнеможенные каторжным трудом, недоедающие, они тосковали, не видя никакого просвета в своей судьбе. Оттого кнут, батоги, плети и тюрьма являлись главными мерами укрощения. В старых палатах Демидовых на Невьянском заводе находили человеческие трупы, прикованные на цепях к стенам, на дне заводских прудов находили десятки человеческих остовов»¹³¹. Путеводитель Березина с самого начала обещал показать неприглядную картину: «Вы узнаете, что не только теперь, всегда на Урале было неладно, всегда массе людей, заселивших его склоны и долины, жилось тяжело среди богатств, которые в короткое время могли бы превратить страну в цветущую местность»¹³².

Д. И. Менделеев, стараясь ответить на вопрос о причинах уральской «медленности» промышленного развития, формулиро-

¹³⁰ Струве П. Б. Критические заметки. С. 284–285.

¹³¹ Березин Н. И. Урал. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1910. С. 76.

¹³² Там же, с. 3.

вал с предельной ясностью: «Очевидно, что причины ее могут заключаться только в недостатке внутреннего побуждения в лицах, действующих на Урале, или в необходимости им лишь медленно подготавливать условия для расширения производства, если их нет заранее подготовленных, или, наконец, в сочетании этих внутренних причин с внешними... Само собою разумеется, что “медленность” останется, если устранимое не будет устранено впредь»¹³³. Иными словами, виновата все та же косность узкого круга монополистов, которые не торопятся развивать свое дело благодаря «покровительственной» системе. Менделеев добавлял, что Донбасс показал такие быстрые темпы роста благодаря тому, что там «“пущали”, не было стесняющих и запрещающих властей и волей, а были только поощряющие»¹³⁴. Есть, конечно, и другие причины – «примитивности с землевладением», плохая транспортная система – но главной все же остается «покровительственная система», и только «великие природные богатства» Урала позволяют в таких неудачных условиях увеличивать объем производства чугуна¹³⁵.

А вот крупный публицист и проповедник рубежа XIX – XX вв. Г. С. Петров писал: «А наш Урал и знаменитые уральские заводы! Что это за неистощимая сокровищница Урала!. Да будь этот сказочный сундук в руках англичан, немцев, шведов, французов, они бы с Урала засыпали всю страну миллионами, миллиардами. У нас же и не знают, что делать с уральскими заводами. Рабочие голодают, заводы останавливаются, не хватает средств вести дело. Нищета при миллиардах. Разорение при рассыпанных под ногами сокровищах»¹³⁶. Впрочем, для Петрова отсталость и нищета Урала были лишь одним из проявлений общероссийской отсталости и нищеты.

Отсталость, наследие эры крепостного права, считалась бичом пореформенного Урала. Именно на нее сетовал инженер В. Я. Александров, критикуя упомянутый выше труд Менделеева и его коллег: «Отсутствие культуры, отсутствие света сильно сказывается на Урале! Вот почему мы имеем об Урале лишь описания à vol d’oiseau, вот почему и до наших дней Урал спит или топчется на месте и вперед

---

¹³³ Уральская железная промышленность в 1899 году: по отчетам о поездке, совершенной С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте. СПб.: Тип. В. Демакова, 1900. Ч. 3. С. 98.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же. С. 103.

¹³⁶ Петров Г. С. Наши пролежни. Сборник статей. М.: Тип. А. П. Поплавского, 1913. С. 35.

не двигается»¹³⁷. Видный экономист В. Э. Ден осторожно замечал, что, хотя в пореформенный период экономическое положение края улучшилось, но «и теперь еще в уральской горной промышленности наблюдается значительная доля косности и отсталости, и производительность уральских доменных печей должна быть признана довольно низкой»¹³⁸. Причины этой общеизвестной отсталости Урала В. Э. Ден видел в монополизации, отсутствии транспортных сетей и нехватке минерального топлива, не говоря уже об общей инерции «косности», которую нельзя – по мнению лектора – преодолеть в короткий срок.

Взгляд на Урал как на отсталую провинцию разделял и В. И. Ленин. В работе «Развитие капитализма в России» (1899) он упоминает Урал как слабо развитый край, где царят низкая заработная плата, кабальное положение рабочих, техническая отсталость. В примечаниях к основному тексту Ленин говорит об Урале как о месте, где время словно бы течет медленнее: «Когда читаешь, напр., в земской статистике “сведение о рабочей команде, находившейся в задолженности при цеховых работах Артинского завода”, то невольно оглядываешься на обложку и спрашиваешь с датой: неужели это в самом деле девяносто четвертый, а не какой-нибудь сорок четвертый год?»¹³⁹ Эти соображения Ленина соответствовало общему представлению столичных кругов интеллигенции об Урале как о крае, где до сих пор царит архаика¹⁴⁰.

И, наконец, упомянутый выше певец «бодрости духа» И. Х. Озеров, посетивший Урал в 1909 г. и издавший по итогам поездки книгу «Горные заводы Урала» (1910). Сочинение Озерова заслуживает самого пристального анализа: оно в полной мере воплощает дискурс об отсталости Урала. Причины отсталости, согласно Озерову, коренятся главным образом в низком уровне управленческой и предпринимательской культуры на уральских заводах. Руководители уральских заводов не изучают рынок, не имеют «предпринимательской жилки» – тяжкое наследство эры феодализма, приучившего заводчиков игнорировать рыночные нужды и полагаться на искусственно созданную монополию. Управленческий слой, по мнению Озерова, никуда не годится именно из-за своей почти феодальной косности: например, горные инженеры Урала представляют собой едва ли не касту, а по-

¹³⁷ Александров В. Я. Урал. Его действительность и исследования о нем. (Отдельный оттиск из «Горнозаводской газеты»). СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1901. С. 49.

¹³⁸ Ден В. Э. Экономическая география. СПб.: Лит. Трофимова, 1907. С. 193.

¹³⁹ Правда, отмечал Ленин, «в последнее время и Урал начинает преобразовываться под влиянием новых условий жизни» (Ленин. Развитие капитализма в России. С. 486).

¹⁴⁰ Мурзин А. Э. Советский миф в судьбе Урала. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. С. 34–35.

тому мало знакомы с коммерцией и не обладают административными способностями¹⁴¹. Порочность феодальной системы сказалась и на рабочих: «полублаготворительный» характер занятости на уральских заводах, в комбинации с чрезвычайно низким уровнем культуры рабочих (усугубляемой алкоголизмом, из-за которого «нередко нельзя применять машины тонкой конструкции»), провоцирует отсталость.

Таким образом, отсталость Урала проявляется в «дурном управлении», «бесхозяйственности и нерасчетливости». Одновременно эти пороки – следствие общего нездорового состояния российской экономики¹⁴². Кроме того, Урал страдает от нехватки капиталов, от плохих путей сообщения, от вырубки лесов и истощения руд, от технического несовершенства заводов. «Спасение должно лежать в том, чтобы Урал проснулся от своей вековой спячки, стряхнул с себя рутину, начал изучать рынки и иначе перераспределил на своей территории горнозаводскую промышленность»¹⁴³.

Озеров приходил к неутешительному выводу: «Здесь нужны другие люди. Но энергичных людей не воспитали здесь на Урале, как и во всей России. Здесь же особые пути лежали на населении. Если бы условия жизни у нас были иные, иностранные капиталы пришли бы на Урал для пробуждения здешних дремлющих колоссальных богатств, но малая покупательная способность России, запутанность земельных отношений на Урале, особые обязательные отношения здесь заводов к рабочим их пугают»¹⁴⁴. Конечно, заводы магнатов-«белоручек», привыкших игнорировать рыночные тенденции, постепенно вытесняются хозяйственными предприятиями нового типа. Единственным лекарством от бед Озеров как обычно видел уничтожение всех форм опеки и бюрократического давления, позволяющие «пробудить самостоятельность». Необходимые и назревшие преобразования, конечно, будут болезненными, но сделать тут ничего нельзя – «гром не грянет, магнат

---

¹⁴¹ Исключением из этого грустного правила Озерову представлялся князь С. Е. Львов, владелец металлургических заводов в Пожве (правый берег Камы, примерно на полпути между Пермью и Соликамском), внимательно изучавший предпочтения крестьянских потребителей в отношении металлической утвари и поэтому удостоившийся похвалы от именитого экономиста: «Он понимает, как нужно вести торговлю в России. Не так, как ведет ее “Кровля”, а за самоварчиком, чтобы он кипел на столе, с колбасой, сардинками, водочкой – надо обниматься с русским купцом... Когда я слушал его, я видел, как на смену титулованной одряхлевшей России идет другая, свежая Россия, которая не боится запачкать свои белые руки прикосновением к простому деревенскому подойнику» (Озеров И. Х. Горные заводы Урала. М.: Тип. тов. И. Д. Сытина, 1910. С. 12). Брат С. Е. Львова, Г. Е. Львов, уже через семь лет окажется первым главой Временного правительства.

¹⁴² Озеров И. Х. Горные заводы Урала. М.: Тип. тов. И. Д. Сытина, 1910. С. 21.

¹⁴³ Там же, с. 23.

¹⁴⁴ Там же, с. 27.

не перекрестится»¹⁴⁵. Для рабочих школа будет суровой, часть из них потеряет работу, зато оставшиеся выиграют. Это для их же пользы, ведь «промышленность неумолима: она требует другого рабочего, подвижного, эластичного, с более высокими потребностями»¹⁴⁶.

Рис. 7. Нижне-Салдинский завод. Фото К. Д. Бугрова, 2017.

Наконец, техническая отсталость высвечивала один неприятный порок уральской чудо-кладовой – нехватку минерального топлива для металлургических производств. Уральская металлургия была в начале XX в. почти исключительно древесноугольной. Опора на древесный уголь была сдерживающим фактором в развитии производства. Уральские заводы проигрывали соревнование заводам Юга России, работавшим на донбасском угле. Проблему перевода заводов на минеральное топливо прекрасно сознавали владельцы уральских заводов¹⁴⁷; выход приходилось искать в проектах ввоза на Урал коксу-

¹⁴⁵ Озеров И. Х. Горные заводы Урала. С. 252.

¹⁴⁶ Там же, с. 244.

¹⁴⁷ См.: Рукосуев Е. Ю. Перевод металлургических заводов Урала на минеральное топливо в конце XIX–начале XX века (по материалам Съездов горнопромышленников Урала) // Известия высших учебных заведений. Горный журнал. 2016. № 7. С. 86–102.

ющегося угля из Донбасса либо из перспективных угольных районов Сибири (будущий Кузбасс).

Итак, можно говорить о своеобразном консенсусе среди публицистов и экономистов рубежа XIX–XX вв.: прошлое уральской индустрии – темная история о разорении и вырождении, а ее будущее – в ловушке коллизии прогресса и отсталости. *Поскольку* страна и край отсталые, *постольку* вместо Карнеги и Моргана здесь имеются только Пила и Сысойка, а грандиозные сокровища уральской кладовой лежат под спудом. В доступном широкому читателю историческом нарративе эти максимы воплощались с завидным постоянством.

Признать старый Урал идеалом, заслуживающим возрождения, означало бы оправдать ужасы крепостного рабства, загнавшего страну в пучину отсталости и выращивавшего в худшем случае Пилу и Сысойку, а в лучшем – талантливых, но самодурствующих Федотов Якимычей. Этот путь для российской общественной мысли 2-й половины XIX – начала XX вв. был закрыт; понятие «демидовский Урал» не имело никаких положительных коннотаций, ассоциируясь с крепостническим угнетением и технической отсталостью. Но и пореформенное предпринимательство рассматривалось как отсталое (пусть даже кризис уральской индустрии и не был таким глубоким, как это принято было считать¹⁴⁸).

Конечно, уральские картины в духе Мамина могли функционировать и иным образом, давая возможность надеяться на положительный исход медленно идущего прогресса и формируя визуальный ряд для локального патриотизма. Путеводитель по Екатеринбург и окрестностям, изданный Н. М. Корольковым в 1914 г. и опиравшийся главным образом на сочинения Мамина-Сибиряка и В. А. Весновского, описывал «столицу Урала» в смешанных категориях. Здесь подчеркивалось, что это – красивый город (описание панорамы Екатеринбурга повторяло в сокращении текст Весновского), имеющий большое «торгово-промышленное» значение. Кратко изложенная в путеводителе история Екатеринбурга амбивалентна: здесь имеются обширные цитаты из Мамина о золотых капиталах, которые ничего не оставили Екатеринбургу после себя. Неоднозначным предстает и николаевский главный начальник заводов Уральского хребта генерал В. А. Глинка, приведенный в качестве ключевой исторической фигуры 1-й половины XIX в.: «Несмотря на то, что Глинка имел прямой характер, был честен и справедлив, окружавшая его обстановка мало способствовала про-

---

¹⁴⁸ См.: Гаврилов Д. В. Модернизационный взлет Урала в конце XIX – начале XX вв. // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII–XX вв. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2005. С. 40–93.

цветанию Екатеринбурга. С одной стороны население, подавленное суровым правлением Глинки, с другой – взяточничество и хищения, процветавшие тогда маховым цветом, тормозили развитие города»¹⁴⁹.

И в полном соответствии с риторическими ходами демократической беллетристики авторы путеводителя позитивно смотрели на преформенный Екатеринбург, который «страхнул длинное рабство и горячо работает, стремясь к благоустройству», обзаводится гимназиями, библиотеками, собственной газетой и Уральским обществом любителей естествознания¹⁵⁰. Авторы заканчивали на мажорной ноте: «Жизнь в нем кипит, каждый день приносит новые улучшения. . . Высшее учебное заведение “Уральский политехникум”, открытие которого так ждет весь Урал – не за горами. Он привлечет и новые культурные и ученые силы и даст ему не мало людей, сознательно помогающих стать ему настоящей столицей Урала, не только денежной, но и культурной»¹⁵¹.

* * *

Формирование специфической уральской идентичности в общественной мысли XIX – начала XX вв. можно рассматривать как процесс взаимодействия двух внутренне противоречивых риторических систем. Демократическая беллетристика 2-й половины XIX в. рассматривала Урал как локальный вариант общероссийской провинции, царство косности и страданий. Параллельно с этим уральские авторы закладывали фундамент для осмысления региональной специфики в ее историческом, географическом и урбанистическом (как особый тип города-завода) аспектах.

Одновременно этот провинциализм трактовался в широком круге текстов (от упомянутой беллетристики до экономических и инженерно-технических работ) как следствие глубокой отсталости Урала и – шире – отсталости России. Набиравший силу с конца XIX столетия положительный взгляд на промышленное и техническое развитие и, в частности, на прогресс индустриального капитализма, отразился в творчестве целого ряда влиятельных авторов, от Д. И. Менделеева до И. Х. Озерова, убеждавших читателей в возможности эффективно развивать российские ресурсные богатства. Неотъемлемой частью этих богатств была и уральская «кладовая». Лейтмотивом здесь выступала уверенность в возможности эффективного и относительно

---

¹⁴⁹ Путеводитель по Екатеринбургу и его окрестностям. Екатеринбург: Изд. ред. журнала «Разумный кинематограф и наглядные пособия», 1914. С. 8.

¹⁵⁰ Там же, с. 9.

¹⁵¹ Там же, с. 12.

безболезненного освоения ресурсных богатств при развертывании творческого потенциала страны («бодрость духа» по Озерову) и росте ее общей «культурности», при снятии всех и всяческих рогаков на пути развития, при всестороннем освобождении от пут крепостнического и бюрократического прошлого. Это был своего рода исторический оптимизм, его можно называть *визионерским* дискурсом. Визионеры предлагали разнообразные стратегии развития, в частности, концепцию интегрирования Урала и Сибири, позднее осмысленную как проект Урало-Кузбасского комбината.

Но как спровоцировать рост «бодрости духа» и креативной энергии в отсталой стране? Как превратить решетниковских Пилу и Сысойку в активных, динамичных и патриотически настроенных предпринимателей? Как развивать-то Урал, если нет для того ни людей, ни инфраструктуры? Как вообще возможно развитие в Пропадинске? На этот вопрос у визионеров ответа не было; обычно они уповали на естественный ход событий – постепенный прогресс освобождения по мере течения времени. Сколько конкретно потребуется времени, чтобы вылечить уральские, по выражению И. Х. Озерова, «болезни задержанного промышленного развития»? Ответа не знал никто; министр внутренних дел П. А. Столыпин в интервью 1909 г., данном журналисту газеты «Волга» Н. И. Гарвею, говорил о двадцати годах «покоя, внутреннего и внешнего»¹⁵². А между тем, горнозаводская кладовая постоянно угрожала вновь обернуться своей провинциально-пропадинской стороной.

---

¹⁵² Зырянов П. Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М.: Высшая школа, 1992. С. 133.

Глава 2 ЗАВОДЫ

Мы построили за эти годы большое количество заводов, и хороших заводов. Если взять наш тракторный Челябинский завод, то такого огромнейшего и роскошнейшего завода нет не только в Европе, но, кажется, и в Америке.

*Г. К. Орджоникидзе.
XVII съезд ВКП(б), 1934 г.*

УРАЛО-КУЗБАСС

Отсталость, о которой речь шла в предыдущей главе, была для большевистских вождей камнем преткновения. Как отмечает современный исследователь М. Колеров, «проблема индустриальной периферийности России возвращала большевиков к поддержанному Марксом и Энгельсом спору русских марксистов и народников о достаточности внутреннего рынка этой аграрной России для развития в ней капитализма – то есть крупной промышленности, то есть перспектив индустриального социализма, то есть полноценного участия России в мировой революции на пути к коммунизму»¹⁵³.

Не вся Россия была отсталой в равной мере. Большевики прекрасно это сознавали: принципиальное значение для географического описания отсталости имела цитата из знаменитой ленинской брошюры 1921 г. «О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия)»: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства,

---

¹⁵³ Колеров М. Социализм в одной стране. Изолированное государство, протекционизм и первоначальное социалистическое накопление. М: Изд. кн. маг. «Циолковский», 2017. С. 178–179.

на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка – вернее, десятки верст бездорожья – отделяют деревню от железных дорог, то есть от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?»¹⁵⁴ Нарисовав эту грустную картину, Ленин делал обнадеживающее замечание: преодолеть дикость и обломовщину поможет электрификация, правда, дело это долгое и сложное.

Из этого-то ленинского признания и вытекало обоснование необходимости *новой экономической политики* и с ней – интеллектуальная «зацепка», позволившая большинству ЦК осуществить глубокую ревизию марксизма на пути к теории социализма в отдаленной стране. Гигантское пространство и природные богатства страны стали важнейшими аргументами для цекистов, сплотившихся в политической борьбе против Л. Д. Троцкого и считавших возможным создание социалистической экономики даже в отсутствие мировой революции¹⁵⁵. «Правые» (хотя сами себя они так не называли) Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и М. П. Томский считали допустимыми относительно низкие темпы в движении к социализму. Бухарин с характерным экспрессивным красноречием утверждал: «Мы можем строить социализм даже на этой нищенской технической базе... мы будем плестись черепашьим шагом, но все-таки мы социализм строим и мы его построим»¹⁵⁶.

Дебаты о том, как пролетарской диктатуре развивать отсталую российскую экономику, непрерывно велись в СССР с начала 1920-х гг.¹⁵⁷ Обычно среди советских экономистов того времени выделяют две основные группировки – сторонников умеренного («генетического») и радикального («телеологического»¹⁵⁸) подходов.

---

¹⁵⁴ Ленин В. И. О продовольственном налоге // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. С. 228.

¹⁵⁵ Колеров М. Социализм в одной стране. М.: Изд-во кн. маг. «Циолковский», 2017. С. 216–219.

¹⁵⁶ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Декабрь 1925 г. Стенографический отчет. М.: Гос. изд-во, 1926. С. 135.

¹⁵⁷ См. обобщающие работы: Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело АНХ, 2010.

¹⁵⁸ Современная исследовательница С. И. Боженова пишет: «Струмилин объяснял этот принцип как календарное воплощение партийной программы. С методологической точки зрения это означает призыв идти от цели к средствам... Таким образом, суть идеи телеологов состояла в составлении плана-задания. И оправданно, что для подобного принципа

Ведущую роль среди «телеологов» в 1920-х гг. играл глава Госплана Г. М. Кржижановский. Ранее он руководил составлением плана ГОЭЛРО, который оставался главным достижением советской экономики на плановом поприще на тот момент, хотя к концу 1920-х гг. его ореол и померк (ГОЭЛРО вовсе не выглядел впечатляющим по сравнению с циклопической пятилеткой и был перевыполнен уже к 1931 г., слившись с общим «планом великих работ»).

Кржижановский был озабочен «волеустремленностью» масс (И. Х. Озеров, наверное, сказал бы – «бодростью духа»), а не только предугадыванием формирующихся экономических тенденций¹⁵⁹. Во время одного из диспутов о путях социалистической экономики шеф Госплана заявлял: «Я себе не представляю, каким более совершенным путем можно создать волеустремленность для громадных народных масс, как не путем таких планов, в которых мы будем конкретизировать ясно и точно, доступно массам, строительные задания по всем главным направлениям хозяйства и быта, работая в смычке с этими массами»¹⁶⁰. Но, в отличие от Озерова и других апологетов предприимчивого духа капитализма, Кржижановский настаивал на том, что агентом изменений является не *время*, а *организация*: «Путем правильной организации мы сломим медленность этапов, медленность завоевания сознания работников нашими целевыми установками»¹⁶¹. Неудивительно, что Кржижановский объявил экономический путь СССР «совершенно особым путем развития» и отверг любые аналогии с развитием капиталистическим.

Экономист С. Г. Струмилин, другой виднейший «телеолог», тоже использовал понятие *воли*, заявив на том же диспуте: «Когда мы имеем дело с капиталистическим обществом, где воля и интересы отдельных классов взаимно сталкиваются, взаимно противоречат друг другу, то равнодействующее их объективно, стихийно складывающееся соотношение может быть получено лишь путем изучения, одного только изучения этих классовых, социальных соотношений. Но после социалистической революции в той стране, где мы как раз не имеем этой стихии, где мы эту стихию преодолеваем, где мы имеем организованный в диктатуру пролетариата класс производителей, можем ли мы не учитывать его волю как одно из слагаемых и весьма решающее

необходимы были директивные методы управления» (Боженова С. И. Взгляды Г. М. Кржижановского на планирование // Известия Санкт-Петерб. гос. экон. ун-та. 2016. № 1. С. 95).

¹⁵⁹ О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Дискуссия в Коммунистической академии. М.: Изд-во Ком. академии, 1928. С. 62, 65.

¹⁶⁰ Там же, с. 62.

¹⁶¹ Там же, с. 65.

слагаемое в том направлении, в каком будет двигаться общественный процесс»¹⁶².

Обсуждение проблемы отсталости разворачивалось и на уральском региональном уровне. К 1926 г. восстановление уральской промышленности, разрушенной гражданской войной, в целом завершилось¹⁶³. Для уральского руководства реконструкция экономики означала пробуждение «седого Урала» и шла вполне в русле дореволюционных интеллектуальных схем: дремлющая кладовая, куда наконец-то приходит решительный человек, вооруженный новейшей техникой. Еще в 1923 г. в журнале «Работник связи Урала» появились стихи А. Уральского «Урал златоруд», где Урал представлял и про странством первозданной дикости, и сокровищницей, правда, освоение богатств здесь развертывалось помимо большевиков¹⁶⁴:

Задымились заводы машинные;
Забурлил в печах домны металл;
Опясали линии длинные
Проводами скалистый Урал,
Поднялись до небес мачты радио;
Зазвенел в небесах небосвод:
Телефон без проводки наладили;
Стально-крыльный взлетел самолет.
Электрический ток – знойный, пламенный
Сгладил высь недоступную скал.
Седовласый Урал, златокаменный,
Звоном, лязгом машин грохотал.

Например, составители генерального плана хозяйства Урала на 1927–1941 гг.¹⁶⁵ объявляли Урал «одним из главнейших и наиболее

¹⁶² О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Дискуссия в Коммунистической академии. М.: Изд-во Ком. академии, 1928. С. 35.

¹⁶³ Гаврилов Д. В. Урало-Кузбасс: грандиозный проект мирового масштаба // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XI Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 26–27 сентября 2013 г. Т. 1. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. С. 19.

¹⁶⁴ Голдин В. Н. Поэзия периода военного коммунизма, НЭП и первой пятилетки. Кн. 1. Екатеринбург: БКИ, 2007. С. 112.

¹⁶⁵ Сами составители плана подчеркивали преемственность разработок по отношению к дореволюционному периоду (Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия. (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск: Уралплан, 1927. С. VI). Как отмечает М. А. Фельдман, часть составителей, включая инженера В. А. Гассельблата, находилась на руководящих должностях экономического сектора еще до 1917 г. (Фельдман М. А. «Генеральный план развития Свердловской области на 1928–1941 гг.»: между мифом и реальностью //

мощных индустриальных районов Союза», тут же снижая пафос важным уточнением – «даже при нынешней совершенно недостаточной развернутости его производственных возможностей». Урал располагается центральным географическим положением, исключительными богатствами, вносит огромный вклад в союзное хозяйство (прежде всего, по линии металлургии); и все же эти замечательные достижения – лишь основа для будущих «много более широких перспектив индустриального развития»¹⁶⁶. Составители плана жаловались – Урал «привыкли называть “старым Уралом”, отсталым, убывающим районом архаической, отжившей горнозаводской техники», хотя правильнее было бы говорить о *молодом* индустриальном районе, готовом к дальнейшему росту: «Громадные компактные месторождения железных руд, пригодных для производства коксового чугуна, почти нетронуты. Уральская металлопромышленность и машиностроение находятся в начальной и во многом в весьма успешной стадии развития. <...> Сырьевые богатства Урала настолько велики, что совершенно бесспорно обеспечивают за ним общесоюзное индустриальное значение»¹⁶⁷.

Однако апелляции к природным богатствам региона¹⁶⁸ не могли исправить главной ущербной черты. Как мы видели выше, Урал считался отсталым не только из-за тяжелого наследия старого режима, но и из-за того, что представлялся зоной древесноугольной металлургии, определявшей своеобразную техническую отсталость региона и одновременно образовывавшей брешь в образе кладовой. Все минеральные богатства на Урале есть, а вот коксующегося угля – нет!

Именно поэтому в 1920-е гг. дело шло не просто об Урале, а об Урало-Кузнецком комбинате – единой промышленной системе, которая связывала бы вместе уральскую руду и кузбасский каменный уголь. Большевицкое руководство стремилось к развитию новой, технологически емкой промышленности; в конкуренции региональных группировок за ресурсы развертывающейся «реконструкции» социалисти-

---

Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 324).

¹⁶⁶ Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. С. 63–64.

¹⁶⁷ Там же, с. 71.

¹⁶⁸ Выступая в 1929 г. с приветствием XVI партсъезду от рабочих Урала златоустовец Омелянюк использовал именно риторику кладовой: «Урал, как всем вам известно, содержит в себе очень много богатств, но все эти богатства, несмотря на то, что прошел уже ряд лет, полностью не исследованы и не использованы. Хотя их теперь исследуют, но очень и очень плохо, несмотря на то, что где бы вы ни тронули Урал, везде безошибочно найдете природные богатства. Но эти богатства часто нам остаются неизвестными и скрытыми от нас врагами революции» (XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. С. 518).

ческого хозяйства технологическое превосходство и наличие своего каменного угля было мощным аргументом в пользу Донбасса. Первая планка чугуна на кузнечком угле прошла в Нижней Салде в 1924 г.¹⁶⁹

Связующими нитями новой уральской географии должны были стать энергетические и транспортные сети. Согласно плану ГОЭЛРО, на Урале предполагалось возвести 4 новые электростанции – Кизеловскую, Егоршинскую, Верх-Исетскую и Челябинскую¹⁷⁰. В мае 1929 г., на V всесоюзном съезде Советов, Г. М. Кржижановский говорил об «огромных энергетических хребтах, которые создадут для Урала могучую опору его индустриализации»¹⁷¹. Но по-настоящему «огромными» эти хребты стали лишь в ходе реализации первого пятилетнего плана¹⁷². Как подчеркивает М. А. Фельдман, «комбинированный характер уральской промышленности основывался на энергетическом единстве»¹⁷³. Современный исследователь Н. Н. Мельников называет создание единой энергосистемы «одним из важнейших достижений первых пятилеток на Урале», отмечая, правда, высокую степень аварийности системы, обусловленную форсированным характером строительства¹⁷⁴. План ГОЭЛРО также оказался вкладом в концепцию Урало-Кузбасса, предполагающая создание «сверхмагистральной» Кузбасс – Урал – Москва, позволяющей решить топливный вопрос для всего пространства от Кузбасса до Волги, стимулировать развитие индустрии Урала и Волго-Вятского района.

В дополнение к концепции Урало-Кузбасса и концепции электрификации уральские экономисты подчеркивали наличие в регионе собственной угольной базы в Кизеле. Еще Менделеев обратил внимание на потенциал Кизелбасса как базы для собственной уральской коксохимии¹⁷⁵. Кизел был важнейшим центром добычи угля на Ура-

¹⁶⁹ Гаврилов Д. В. Урало-Кузбасс: грандиозный проект мирового масштаба. С. 19.

¹⁷⁰ См.: Баканов С. А. Строительство районных электростанций по плану ГОЭЛРО на Урале в 1920-е – начале 1930-х годов // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2009. № 32. История. С. 65–70.

¹⁷¹ Чрезвычайный VIII всесоюзный съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. М.: Изд. ЦИК СССР, 1936. Бюлл. 8. С. 20.

¹⁷² Баканов С. А. Строительство районных электростанций по плану ГОЭЛРО на Урале в 1920-е – начале 1930-х годов. С. 70.

¹⁷³ Фельдман М. А. Урало-Кузбасс: между замыслом и реализацией. Взгляд из другого века // Вопросы управления. 2011. № 3. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2011/03/33/> (дата обращения: 02.09.2018).

¹⁷⁴ Мельников Н. Н. Реализация плана ГОЭЛРО на Урале: от первых сетевых объединений до единой энергосистемы региона (1920–1930 гг.) // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 292.

¹⁷⁵ Уральская железная промышленность в 1899 год: по отчетам о поездке, совершенной С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте. СПб.: Тип. В. Демакова, 1900. Ч. 3. С. 108.

ле (на 1917 г. он давал 50% общеуральской добычи и удерживал эти позиции в последующие десятилетия), однако местным углям отводилась главным образом роль топлива для вновь вводимых в строй электростанций и железных дорог. Для металлургической индустрии этот уголь годился слабо: «Качественные характеристики углей всех месторождений и бассейнов Урала (теплотворность, зольность, ломкость, самовозгораемость и т.п.) позволяли использовать местное минеральное топливо только на энергетические нужды»¹⁷⁶.

Но уральское начальство настаивало на том, что кизеловский уголь годится для нужд металлургии. В 1930 г. «За индустриализацию» поместила статью Рикмана «Опорные проблемы Большого Урала», призывавшую перестать вести вокруг кизеловского угля «азартную игру». Первый секретарь Уралобкома И. Д. Кабаков немедленно ответил Рикману, подробно остановившись на кизеловской проблеме в речи перед свердловским партактивом 8 апреля 1930 г.: «Вредители к проблеме кизеловского угля подошли весьма рассчитанно. Они хорошо понимали, хорошо предвидели, что сочетание уральского угля с рудой создаст особо благоприятные условия для индустриализации страны. Сейчас на Урале работает комиссия Гипромеза во главе с тов. Бутовым, в которую входят американские инженеры. В своей телеграмме тов. Бутов сообщает о том, что американские инженеры считают, что достоинство кизеловского топлива и его качества не вызывают никаких сомнений для тысячной домны. И мне думается, что Рикману нужно кончить азартную игру и перенести вопрос о кизеловской проблеме из области изучения в область непосредственного практического разрешения»¹⁷⁷. Считалось, что «в связи с большим содержанием золы и серы кизеловские угли не могут быть применены для коксования без предварительного обогащения»; для промышленного применения этого кокса его необходимо смешивать с коксом из Кузбасса или Донбасса¹⁷⁸. И все же в 1936 г. в строй вошел Губахинский коксохимический завод¹⁷⁹.

Впрочем, современный специалист Н. Н. Мельников подчеркивает, что и уральская энергетика остро нуждалась в подвозе «легкокок-

---

¹⁷⁶ Баканов С. А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Автореф. дис. доктора исг. наук. Екатеринбург, 2012. С. 21.

¹⁷⁷ Кабаков И. Д. Мобилизовать массы на строительство Большого Урала. Из доклада тов. Кабакова на Свердловском партактиве 8 апреля 1930 г. // На смену! № 84 (1139). 11 апреля 1930 г.

¹⁷⁸ Гутман А. Что такое губахинская коксохимическая установка и для чего она передается Березниковскому химкомбинату // Ударник. № 186 (2266). 22 августа 1933 г.

¹⁷⁹ См.: Еркин Л. И., Сухоруков В. И. Развитие и совершенствование коксохимического производства Урала. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987.

сующегося высококалорийного топлива» из Кузбасса и Караганды¹⁸⁰. Потенциал же Кизелбасса оказался вскоре исчерпан; уже в 1960-е гг. этот район столкнулся с жестоким экономическим кризисом, превратившись в «зону сплошной депрессивности»¹⁸¹.

Итак, в 1920-х гг. концепция Большого Урала как единого экономического комплекса приобрела заверченный вид стараниями местных экономистов, занимавшихся районированием и перспективным планированием. В ее основе, помимо наработок областников и осуществленного на их основе районирования, лежали такие проектные идеи, как Урало-Кузбасский комбинат, организация единой энергосистемы и промышленное использование кизеловского коксующегося угля. Эти проекты развития показывали планировщикам центра, на каких именно направлениях может быть преодолена пресловутая отсталость Урала.

Расчеты этого плана, как отмечает М. А. Фельдман, основывались на уверенности в том, что нэп будет продолжаться в течение длительного времени¹⁸². Центральными понятиями, позволявшими описывать ожидавшееся развитие, были понятия *спроса* и *предложения*. Именно так рассматривал план индустриального развития один из виднейших советских экономистов 1920-х гг. В. А. Базаров, относившийся к умеренной группировке Госплана и подвергшийся по этой причине нападкам со стороны «телеологов»: «В первую очередь должны быть реконструированы отрасли, производящие предметы широкого потребления и те виды производств, потребность в которых уже теперь носит достаточно массовый характер. Во всех прочих отраслях следует предпостичь, пока они не приобрели достаточно широкой базы внутри СССР, закупку необходимых продуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам»¹⁸³. Мощные инфраструктурные системы – такие, как сети электрификации или сверхмагистраль – позволят стимулировать рост товарообмена.

¹⁸⁰ Мельников Н. Н. Реализация плана ГОЭЛРО на Урале: от первых сетевых объединений до единой энергосистемы региона (1920–1930 гг.) // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 289.

¹⁸¹ Расчеты С. А. Баканова показывают: уже в 1960-е – 1970-е гг. именно города угледобывающих районов Урала – Кизел, Гремячинск, Волчанск, Карпинск, Коркино – испытывали максимальный отток населения (Баканов С. А. Демографическая деградация городов в старопромышленных районах Урала (1959 – 2010) // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 77–78).

¹⁸² Фельдман М. А. «Генеральный план развития Свердловской области на 1928–1941 гг.»: между мифом и реальностью. С. 331.

¹⁸³ Базаров В. А. Принципы построения перспективного плана // Базаров В. А. Избранные произведения. Т. 2. М.: Изд. дом «Дело» РАНХИГС, 2014. С. 230.

Еще в феврале 1928 г. «Уральский рабочий» поместил обширную статью о проведении очередной Свердловской ярмарки, где рисовал задачи уральской индустрии в следующих словах: «Суть вовсе не в мелких ларьках Соболевых из Городца, Климовичей – “из Юга” – суть в развивающихся серьезнейших торговых взаимоотношениях Урала, как части хозяйства СССР, с пробуждающимся Востоком. Растущий индустриальный Урал – стык, рубеж Европы и Азии, самое подходящее место для встречи советской промышленности с восточным купечеством¹⁸⁴. Урал дает изделия металлургии и всех других видов советской промышленности – Восток в обмен привозит сырье для нашей легкой и средней индустрии – вот настоящее и будущее лицо Свердловского торга. Растущие связи с восточным купечеством, 6-миллионный оборот с ними – гарантия неуклонного развития и укрепления ярмарки. <...> Восточные купцы повезут пермский сепаратор, льсьвенскую и каслинскую эмалированную посуду, продукцию многих уральских заводов. И качество каслинской жарехи и льсьвенского чайника там будет иметь не меньшее пропагандистское значение за укрепление связи СССР, чем сотня-другая летучек»¹⁸⁵.

А рядом со статьей Н. Геля было помещено стихотворение «Плечут мои пятиалтынные», подписанное псевдонимом «Гез»:

Беру – даю! За сделкой сделки,
Плывет товар во все концы,
И чувствуют в своей тарелке
Себя советские купцы.

Хлопок, железо, жир, овчины,
Меха, щетина, комсырье,
Без надувательской личины
Давай твое – бери мое!

Стихотворение Геза заканчивалось упреком Ярмаркому, который повысил цены в столовой для «советских купцов». Еще зимой 1927/1928 г. уральский истеблишмент представлял себе картину промышленного подъема Урала примерно по тем же лекалам, которые

---

¹⁸⁴ О развитии ярмарочной торговли с Синьцзяном см.: Шеметова Т. А. Восстановление приграничной ярмарочной торговли с китайской провинцией Синьцзян в начале 20-х гг. XX века: проблемы и перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8-3. С. 209–212.

¹⁸⁵ Гель Н. Свердловская ярмарка открыта // Уральский рабочий. № 44. 21 февраля 1928 г.

были разработаны инженерами и экономистами еще до революции 1917 г. Той зимой «Уральский рабочий» регулярно помещал к статьям эпитафии из Бухарина...

Разумеется, никто из планировщиков середины 1920-х гг. не собирался отказываться от создания новых крупных предприятий. Однако речь о них шла пока что в спокойном тоне. Именно так о предстоящих крупных стройках сообщали составители издания «Урал после районирования» (1926), вышедшего под эгидой Уралсовета. Авторы соответствующего раздела, Б. А. Железнов и Б. И. Эвенчик, отмечали: «Намечается постройка машиностроительного завода в Свердловске, большого вагоностроительного в Тагиле с выпуском 5 000 вагонов в год, металлургического завода с производством до 40 млн пудов чугуна в год на Южном Урале у г. Магнитной, коренное переоборудование ряда заводов в Алапаевске, Кушве, Тагиле, Златоусте, где уже строится новый косный завод и ставится вильный завод и холодная протяжка стали, постройка текстильной фабрики, постройка нового медеплавильного завода на Богословском месторождении с производством около 1,5 млн пудов меди, перестройка Челябинского завода по изготовлению с.-х. машин, выдвинут проект постройки на Тавде бумажной фабрики с производством до 3 млн пудов бумаги в год»¹⁸⁶.

Выступая в январе 1928 г. на страницах «Уральского рабочего» с докладом о проекте строительства машиностроительного завода в Свердловске, придерживался спокойного тона главный инженер Уралгипромеца В. А. Гассельблат. Хотя его заметка и была озаглавлена «Машиностроительный гигант», никакой гигантомании в ней не было. Автор заметки разъяснял, почему место для возведения завода выбрано именно в Свердловске, и показывал, что будет производить завод. Общее число работников завода, согласно тексту Гассельблата, должно было составить 2 768 человек¹⁸⁷.

По мере разработки пятилетнего плана большевистскую верхушку все сильнее раздирали противоречия, носившие принципиальный характер, подогревавшиеся развернувшейся борьбой за власть и невероятно обострившиеся на фоне «военной тревоги» 1927 г. и совпавшего с ней кризиса хлебозаготовок. Как отмечает современный исследователь Е. Т. Артемов, в организации Урало-Кузбасса «важную роль также играли идеологические представления правящей элиты»¹⁸⁸. На-

¹⁸⁶ Урал после районирования. Свердловск: Изд. Уралсовета, 1926. С. 135.

¹⁸⁷ Машиностроительный гигант // Уральский рабочий. № 24. 28 января 1928 г.

¹⁸⁸ Артемов Е. Т. Восточное направление в российской экономической политике XX в.: преемственность приоритетов // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург: АМБ, 2010. С. 23.

раставшие трения внутри руководства партии вели к тому, что представления о плане менялись, темп этих изменений нарастал.

В ноябре 1928 г. Сталин, выступая на пленуме ЦК, дал пространное описание новых экономических ориентиров. Значимость этой речи трудно переоценить – Сталин впервые настолько детально углубился в принципиально важный вопрос об *отсталости*: «Мы пришли к власти в стране, техника которой является страшно отсталой. Наряду с немногочисленными крупными промышленными единицами, более или менее базирующимися на новой технике, мы имеем сотни и тысячи фабрик и заводов, техника которых не выдерживает никакой критики с точки зрения современных достижений. А между тем мы имеем вокруг себя целый ряд капиталистических стран, обладающих гораздо более развитой и современной промышленной техникой, чем наша страна. Посмотрите на капиталистические страны, и вы увидите, что там техника не только идет, но прямо бежит вперед, перегоняя старые формы промышленной техники. И вот выходит, что, с одной стороны, мы имеем в нашей стране наиболее передовой Советский строй и наиболее передовую власть во всем мире, Советскую власть, с другой стороны, мы имеем чрезмерно отсталую технику промышленности, долженствующей представлять базу социализма и Советской власти <...> Для того, чтобы добиться окончательной победы социализма в нашей стране, нужно еще догнать и перегнать эти страны также в технико-экономическом отношении. Либо мы этого добьемся, либо нас затрут. Это верно не только с точки зрения построения социализма. Это верно также с точки зрения отстаивания независимости нашей страны в обстановке капиталистического окружения. Невозможно отстоять независимость нашей страны, не имея достаточной промышленной базы для обороны. Невозможно создать такую промышленную базу, не обладая высшей техникой в промышленности. Вот для чего нужен нам и вот что диктует нам быстрый темп развития индустрии»¹⁸⁹.

Интересно, что Сталин этим выступлением фактически дезавуировал самого себя – всего лишь год назад, на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г., вождь был настроен по отношению к темпам роста промышленности вполне миролюбиво¹⁹⁰. Теперь же пресловутые невиданные темпы роста социалистической промышленности периода реконструкции хозяйства, о которых речь шла в декабре 1927 г., из ар-

¹⁸⁹ Сталин И. В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. С. 247–248.

¹⁹⁰ Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XV съезду ВКП(б). 3 декабря 1927 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 10. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. С. 296–299.

гумента в пользу *сохранения status quo* (темп достаточен для того, чтобы спокойно и без паники догнать капиталистов) превратились в аргумент в пользу его безжалостного *нарушения* (темп недостаточен, но его можно ускорить, если бросить на развитие все силы). Отсталость не будет преодолена на базе имеющегося роста, с ней нужно целенаправленно *бороться* – таким был лейтмотив сталинской речи.

Сталин уверял: отсталость страны не выдумана, она – факт, главная проблема жизни дореволюционной России, не только феодальной, но и капиталистической. Вождь даже провел историческую аналогию с Петром I, который тоже «строил фабрики и заводы», чтобы «выскочить из отсталости». Петру это, конечно, не удалось, потому что «вековую отсталость нашей страны можно ликвидировать лишь на базе успешного социалистического строительства» (примечательно, что этому тезису Сталин не предложил никаких дополнительных обоснований, дав его как аксиому). Выполнение этой задачи требует максимального темпа развития индустрии. Если бы имелись пролетарские диктатуры в других, развитых странах, то можно было бы повременить (Советская Германия или Франция могла бы компенсировать неразвитость промышленности СССР, предоставляя свои машины в обмен на продукцию сельского хозяйства), но изоляция Советского Союза делает потребность в ликвидации отсталости абсолютно необходимой. Эту мысль Сталин подтверждал цитатой из Ленина – «погибнуть или на всех парах устремиться вперед»¹⁹¹. Подобно апологетам промышленного капитализма, о которых шла речь выше, Сталин обосновывал потребность в развитии по индустриальному пути; в отличие от них, Сталин отказывался считать агентом изменений *время*. Вместо *времени* теперь агентом изменений должна была стать большевистская *воля*, организующая массы на победу над временем и над отсталостью.

Итак, важнейшими сталинскими указаниями, авторитетными цитатами вождя, оказались следующие. Во-первых, как узнали широкие партийные круги в ноябре 1928 г., для строительства социализма необходимо взять куда более быстрый темп, чем тот, что имелся до сих пор, поскольку главной задачей теперь является не просто экономический рост, а быстрое преодоление вековой, доставшейся

¹⁹¹ Американский исследователь А. Эрлих, комментируя это высказывание Сталина, отмечает: «Любому читателю ленинского текста (“Грозящая катастрофа и как с ней бороться”) должно быть предельно ясно, что, когда в сентябре 1917 года Ленин писал о том, чтобы “догнать передовые страны и перегнать их экономически” и “на всех парах устремиться вперед”, он имел в виду необходимость использования организационных форм западной “военной экономики” и их усовершенствования. А Сталин, наоборот, говорил о том, чтобы перегнать уровень развития западных стран, что было совершенно нелепой задачей для отсталой страны, пережившей тяготы разрушительной войны» (Эрлих А. Сталинизм и марксистские модели роста // Экономическая политика. 2009. № 4. С. 133).

в наследство отсталости страны. Во-вторых, наличие внешней угрозы делает сверхвысокие темпы безальтернативными: если пролетарская диктатура не покажет таких темпов, капиталисты «затрут» ее. В-третьих, строительство социализма предполагает развертывание энтузиазма масс (в частности – подъем самокритики) и одновременно должно привести к укреплению пролетарской трудовой дисциплины; за этими формулировками скрывалось достаточно ясное послание об увеличении интенсивности труда¹⁹². Быстрый темп, внешняя угроза, интенсивный труд – на этой эклектичной концептуальной матрице теперь развивался дальнейший разговор о пятилетке, ведущий к принятию судьбоносных для страны решений.

Как именно надлежит преодолевать отсталость? Сталин этого не уточнял. Разумеется, его новый подход шел в русле тех соображений, что высказывали госплановские «телеологи». Внезапное, насколько мы можем судить, выступление Сталина означало полную и сокрушительную победу «телеологов». Во время дебатов в Комакадемии Струмилин обвинил Базарова в нападках на Сталина – Базаров-де критиковал сталинские экономические установки как автаркию, называл их «поверхностной экономической экспансией»¹⁹³. Странники «генетического» планирования так же, как и «правые», оказались мишенями для агрессивной критики, хотя экономические взгляды Бухарина не были похожи на взгляды ведущих «генетиков», Н. Д. Кондратьева или В. Г. Громана. Агрессивная травля «правых», развернувшаяся вначале внутри высшего эшелона партийного руководства, вскоре выплеснулась на страницы газет. Березниковская газета «Ударник» осенью 1930 г. перепечатывала стихи крупнейшего комсомольского поэта А. И. Безыменского, подчеркивавшего связь между «правым» Бухариным и сторонниками умеренного планирования, к тому времени обвиненными во вредительстве¹⁹⁴:

...Враг наш забыл,
что такое печатъ,
А потому
он друзьям благодарен.
Он позволял себе
роскошь молчать,

¹⁹² По выражению французского историка Г. Меке, современника индустриализации, населению предстояло «кредитовать государство своим трудом» (цит. по: Колеров М. Социализм в одной стране. Изолированное государство, протекционизм и первоначальное социалистическое накопление. М.: Изд. кн. маг. «Циолковский», 2017. С. 261).

¹⁹³ О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Дискуссия в Коммунистической академии. М.: Изд-во Ком. академии, 1928. С. 36.

¹⁹⁴ Безыменский А. И. Удар за ударом // Ударник. № 263 (1461). 13 ноября 1930 г.

Ведь за него
говорил Бухарин.
Молния наша
ударила в них,
Грянули мы
большевистским громом,
И за спиной у того,
кто сник
Вмиг обнажились
Кондратьев и Громан.

Но вскоре и Госплан перестал играть первую скрипку в планировании. Ведь более амбициозные планы строительства выдвигал ВСНХ, возглавляемый сторонником Сталина В. В. Куйбышевым. В 1929–1930 гг. основными ораторами из числа верхушки большевистской элиты, говорившими о пятилетке, были – помимо самого Сталина – глава Совнаркома А. И. Рыков, глава Госплана Г. М. Кржижановский и глава ВСНХ В. В. Куйбышев. Все эти выступления были выдержаны уже в «телеологическом» духе, все они упоминали крупные стройки, высокие темпы и строгую дисциплину. Но наиболее интенсивно о строительстве гигантов говорил Куйбышев (единственный из всех трех представлявший ближайший сталинский круг); его речи обычно начинались с характеристики важнейших отраслей экономики, с упором на сложное машиностроение и на металлургию, в их региональном аспекте: какой гигант где будет строиться. И Куйбышев мастерски привязывал вновь планируемые производства к промышленным районам и центрам, рисуя впечатляющую картину¹⁹⁵.

В строго организованном докладе шефа ВСНХ на XVI партконференции логика была такой: сверхамбициозные задачи пятилетки можно выполнить (не только потому, что это «нужно», но и потому, что имеющиеся темпы роста, по мнению Куйбышева, показывают объективную реальность быстрого развития), при этом выполнение плана зависит от энтузиазма масс, вытекающего из сознательной дисциплины, позволяющей повысить производительность труда. Кроме того, Куйбышев говорил и о «культурной пятилетке» – «проектировке в области большего культурного обслуживания рабочего класса и населения вообще», куда относились жилищное строительство, а также строительство «клубов, прачечных, бань и т. д.»¹⁹⁶

Конечно, этот рост не будет легким и быстрым делом. Куйбышев напоминал, что ситуация все же не вполне благоприятная: на-

¹⁹⁵ XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 30–31.

¹⁹⁶ Там же, с. 35.

лицо «низкая техническая и культурная база, которую мы получили в наследство от капитализма», а также внешнее окружение, от которого приходится зависеть в технологическом отношении¹⁹⁷. Наконец, строительство социализма наносит удар по «классовым врагам», их «остервенение и ожесточение» будут возрастать, деревня будет «социализирована не мирным путем», а поэтому строительство будет встречать противодействие и с этой стороны.

В ноябре 1929 г., выступая на пленуме ЦК и ЦКК, Куйбышев продолжал в уверенном тоне говорить о крупнейших промышленных объектах, привязанных к конкретным локациям. Речь уже шла не о двух-трех гигантах типа ДнепрГЭСа и Сталинградского тракторного завода! Куйбышев уверенно оперировал огромным количеством наименований – Уралмашинстрой, Луганстрой, Штеровка, ЧТЗ, Ростсельмаш, Бобрики, Чиатурский марганец... Разумеется, все контрольные цифры выросли («пятилетка нарушается по всем швам»¹⁹⁸).

Шефа ВСНХ время от времени прерывали руководители областей, интересовавшиеся, почему та или иная стройка на их территориях не запланирована или не поддерживается должным образом. Вместе с тем, Куйбышев держался

Рис. 8. «Лампочка Ильича»: Челябинская ГРЭС. Челябинский рабочий. 21 января 1933 г.

менее уверенно, чем в апреле 1929 г. – теперь главной угрозой плану строительства он видел техническую безграмотность, а важнейшим условием выполнения плана, наряду с пресловутой «активностью масс», называл «отказ от нашего чванства», интенсивное заимствование передовых технологий с Запада¹⁹⁹.

К XVI съезду партии, прошедшему в июле 1930 г., все три оратора, выступавших на хозяйственные темы на партконференции 1929 г., оставались на своих должностях, но с докладом выступал только один.

¹⁹⁷ XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 34.

¹⁹⁸ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. Т. 5. С. 60.

¹⁹⁹ Там же, с. 68.

Разумеется, это был Куйбышев: развенчанный и ошельмованный Рыков говорил на съезде не об экономике, а о собственных ошибках, Кржижановский же выступил только в прениях по куйбышевскому докладу. Глава ВСНХ по-прежнему говорил о магистральных направлениях индустриального развития, особо выделяя строительство, электрификацию, металлургию и машиностроение. Он вновь подробно осветил географический аспект индустриализации, доказывая на примерах, что восточные районы СССР, Урал и Сибирь повышают свой удельный вес в общесоюзной структуре промышленности²⁰⁰. Осуществляемая «передвижка» на восток, подчеркивал Куйбышев, имеет не только хозяйственное, но и военно-политическое значение; впрочем, это не значит, что старые промышленные районы перестанут расти. Но в остальных вопросах Куйбышев, как и в ноябре 1929 г., выступал осторожно, подчеркивая, что количественные показатели превалируют над качественными и что необходимо опираться на техническую помощь из-за рубежа.

Как видим, именно Куйбышева можно считать ключевой фигурой в географии развертывания пятилетки. Концептуальные разработки «телеологов» стали основой для кардинальной ревизии всех представлений об отсталости, сложившихся еще до революции в отечественной общественно-политической мысли. Однако помимо уверенности в том, что непреклонная *воля* пролетарской диктатуры способна победить само *время*, нужно было еще и понять, как победить географию с ее диспропорциями и очагами отсталости. С начала 1920-х гг. Госплан вел работу по экономическому районированию²⁰¹, бывшую важнейшим условием для построения какого бы то ни было плана²⁰². Районирование было большим вопросом – в ходе дебатов в Комакадемии С. А. Бессонов (бывший, что интересно, несколько лет ректором Уральского университета) замечал: «Когда вы в Госплане получите планы всех отдельных республик и районов и попытаетесь их согласовать, то прежде всего произойдет драка районов»²⁰³.

Бессонов был прав: экономические районы начали конкурировать друг с другом за капитальные вложения. На Урале борьба за ресурсы шла с украинскими экономистами, представлявшими интересы индустриального Донбасса и требовавшими максимума

²⁰⁰ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 495–496.

²⁰¹ Ласточкина В. Б. Организация экономического районирования в Советской России в 1920-е – 1930-е годы // Вестник Чувашского ун-та. 2015. № 4. С. 117–118.

²⁰² Ярош Н. Н. Планирование городского хозяйства в период формирования советского государства // Экономический журнал. 2012. № 27. С. 127.

²⁰³ О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Дискуссия в Коммунистической академии. М.: Изд-во Ком. академии, 1928. С. 42.

вложений именно в промышленность Юга²⁰⁴; одним из главных доводов южан была экономическая нецелесообразность минерализации уральской металлургии²⁰⁵. Украинские экономисты относили урало-кузнецкий проект к области «промышленного мифотворчества»²⁰⁶.

Однако уральцам удалось настоять на своем. Первый пятилетний план фиксировал уверенную победу Урало-Кузбасса, на всякий случай добавляя к нему детище Кржижановского – Сибирскую сверхмагистраль²⁰⁷: «Глубокая связь Урало-Кузнецкой проблемы и Сибирской сверхмагистралы – очевидна. Сверхмагистраль создает предпосылки для роста районов востока. Урало-Кузнецкий проект их реализует. В настоящий момент оба проекта находятся в высоких стадиях зрелости, позволяя Госплану СССР принять твердые решения по плану... Опыты теоретической критики развертывания уральской металлургии на кузнецком топливе, произведенные

---

²⁰⁴ «Большая группа специалистов и работников Госплана УССР, таких, как профессор Я. Б. Диманштейн, А. А. Главацкий, В. В. Лепешинский, А. Н. Заварицкий, В. Г. Постриганев и другие выступили за скорейшее восстановление металлургического центра Украины... Практически они выступали против постановки самой проблемы Урало-Кузбасса как непродуманной и затратной идеи, разорительной для государства» (Казанцева Л. К. Исторический опыт разработки Урало-Кузнецкой проблемы. Автореф. дис.... канд. ист. наук. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1993. С. 15). См. также: Михеев М. В. Урал в системе межрегиональной конкуренции в период сталинизма (1930–1940-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 1. С. 66–72.

²⁰⁵ Например, инженер А. А. Главацкий категорически заключал: «От минерализации Уральской металлургии за счет подвоза Кузнецкого кокса следует решительно отказаться, следует развивать Юг и создавать в надлежащей доле Сибирскую (Кузбасс) металлургию. Положение это не исключает естественного роста металлургии Урала на древесном угле и своем уральском минтопливе (Главацкий А. А. К вопросу о районировании союзной металлургии с транспортной точки зрения // Федорович И. И. Кузнецкий бассейн и Урало-Кузнецкая проблема. Харьков: Госплан УССР, 1926. С. 129). Примечательно само издание: в Харькове была переиздана обширная статья И. И. Федоровича, обосновывавшая проект Урало-Кузнецкого комбината, а рядом были помещены две статьи В. В. Лепешинского и А. А. Главацкого, с разных сторон критиковавшие Урало-Кузбасс. Предисловие к сборнику давало понять, что издатель полностью находится на стороне Южного промышленного района.

²⁰⁶ Зубков К. И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта. С. 25.

²⁰⁷ В 1930 г. видный экономист и сотрудник Госплана Н. Н. Колосовский издал специальную работу, посвященную Сибирской сверхмагистрале. Будучи убежденным сторонником Урало-Кузбасса, Колосовский превозносил выгоды, которые сверхмагистраль откроет уральской промышленности, при этом игнорируя «демидовскую» отсталость и сводя отсталость индустрии Урала только к неопасности минеральным топливом (Колосовский Н. Н. Великая Сибирская сверхмагистраль. М.: Планхозгиз, 1930. С. 51–52).

украинским Госпланом и НКПС, не привели к опровержению исходных положений проекта»²⁰⁸.

Окончательно спор разрешило постановление ЦК «О работе Уралмета» от 15 мая 1930 г., которое декларировало: «Индустриализация страны не может в дальнейшем опираться только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири»²⁰⁹. Речь шла о минерализации уральской металлургии и о создании на Урале могучего машиностроительного комплекса. Постановление задавало следующую географию: три мощных завода на минеральном топливе (Магнитогорск, Нижний Тагил, Бакал) и шесть деревоугольных заводов (Надеждинск, Чусовой, Златоуст, Аша, Миньяр, Белорецк); Нижнюю Салду дооборудовать в целях перевода на кокс, остальные заводы не реконструировать. В реконструируемых центрах планировалось усилить жилищное и культурное строительство.

Победа Урало-Кузбасса была закреплена на XVI съезде партии летом 1930 г.: здесь об экономике, кроме Кржижановского и Куйбышева, публично высказался Сталин. Он назвал в числе первоочередных общих задач «правильное размещение промышленности по СССР» и, в частности, создание новой топливно-металлургической базы: «Этой базой должен быть Урало-Кузнецкий комбинат, соединение кузнецкого коксующегося угля с уральской рудой. Постройка автозавода в Нижнем, тракторного завода в Челябинске, машиностроительного завода в Свердловске, комбайных (так в тексте стенограммы! – К. Б.) заводов в Саратове и Новосибирске; наличие растущей цветной металлургии в Сибири и Казахстане... наконец, решение о постройке новых текстильных фабрик в Новосибирске и Туркестане – все это повелительно требует немедленного приступа к делу образования второй угольно-металлургической базы на Урале»²¹⁰. Представителю украинских большевиков Н. А. Скрипнику пришлось окончательно капитулировать – говоря о плане Урало-Кузбасса, он упомянул «отдельные робкие высказывания, что, дескать, это подорвет экономику Украины», по которым украинской компартии пришлось «резко ударить»²¹¹.

Так развертывалась невиданная еще программа индустриального развития. В 1929 г. Сталин, декларировав, что СССР идет «на

²⁰⁸ Первый пятилетний план. Т. 3. С. 191.

²⁰⁹ Тиунов В. Гиганты на Урале. Свердловск: Гранит, 1931. С. 78.

²¹⁰ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 42.

²¹¹ Там же, с. 213.

всех парах по пути индустриализации – к социализму», заключал: «И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, – пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей “цивилизацией”. Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда “определить” в отсталые и какие в передовые»²¹². По всем линиям цифры были пересмотрены в пользу увеличения; Кржижановский, отстаивавший в 1927 г. ускоренные темпы роста, к 1929 г. уже оказался недостаточно радикальным, и командование пятилеткой полностью сосредоточилось в руках ВСНХ.

Это же касалось и рассмотренного выше уральского плана, который задавал такие темпы строительства, которыми сталинская группировка удовлетвориться не могла²¹³. Впрочем, региональное руководство Урала могло быть довольно: Урало-Кузнецкая концепция сработала должным образом. Форсированная реконструкция уральской экономики должна была покончить с вековой отсталостью. Дискурс гигантов, кристаллизовавшийся к 1929 г. и ставший *modus operandi* для обсуждения пятилетки в среде территориального руководства (сведясь к утилитарному вопросу: где какой завод строить?), рисовал картину невиданного строительного размаха.

---

²¹² Сталин И. В. Год великого перелома: К XII годовщине Октября // Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. С. 135.

²¹³ К примеру, план намечал в 1935–1936 гг. выпуск 400 тракторов, в 1940–1941 г. – 10 000 тракторов, при этом тракторный завод намечалось возвести в Челябинске «в течение ближайших 15-ти лет» (Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия. (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск: Уралплан, 1927. С. 263, 260). Однако уже в 1929 г. был заложен ЧТЗ, который в одиночку должен был давать 40 000 тракторов в год (Шмакова Н. П. Челябинск в 30-е годы // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2000. № 1. С. 56; Первый пятилетний план. С. 198). Правда, давать такое огромное количество машин с ходу ЧТЗ был не в состоянии; нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, подводя в конце 1934 г. итоги достигнутому развитию, упоминал о суммарном производстве всего 8 377 гусеничных тракторов за годы пятилеток (Индустрия социализма. С. 28). А вот как описывал процесс роста требований к темпам и размаху строительства управляющий Всесоюзным объединением тяжелого машиностроения (ВОМТ) А. Ф. Толоконцев: «Главметалл, в развитие постановления СТО от 3/VI 1927 г. о необходимости постройки завода, одобрил и утвердил проект Уралмашзавода на мощность в 18.000 тонн. Но уже в 1928 году мы видели, что развивающаяся уральская металлургия нас оставит далеко позади. ВОМТ выносит через некоторое время решение об увеличении мощности завода, учитывая потребность растущей металлургии. <...> Партия требовала от нас ударных темпов, увеличения мощности машиностроения и, осуществляя директиву партии и правительства, ВОМТ выносит 31 июля 1931 года окончательное решение: увеличить производительность завода до 100 тысяч т. продукции в год с последующим увеличением мощности до 150 тысяч т. продукции в год. Это уже завод-гигант, завод, производящий завод» (Уральский завод тяжелого машиностроения. 1928–1933. Свердловск; М.: Урал. обл. гос. изд-во, 1933. С. 4).

ГЕОГРАФИЯ ГИГАНТОВ

Итак, усилиями Куйбышева и с подачи Сталина дискурс промышленных гигантов входил в силу, строительные планы повсеместно пересматривались в сторону увеличения. Однако декларировать гигантскую стройку было куда легче, чем возвести новые твердыни индустрии! На XVI партконференции региональные руководители жаловались на то, что центр не уделяет достаточно внимания их областям и территориям. В частности, представлявший Урал председатель облисполкома М. К. Ошвинцев жаловался: «Мы неоднократно в течение более двух лет со стороны планирующих и регулирующих органов слышим, что капитальные вложения должны быть в большей своей степени направлены на Восток... Тем не менее, мы в достаточной степени не видим претворения в жизнь этих слов»²¹⁴. Ошвинцев приводил разнообразные примеры того, как именно центральные ведомства пренебрегают стройками на Урале.

На пленуме ЦК и ЦКК осенью 1929 г. ВСНХ подвергся яростной критике уже со стороны уральского партийного руководителя И. Д. Кабакова: «Машиностроительный завод. Стоимость его немного более 40 млн руб., строится три года, срок окончания работ неизвестен. Богомолковский завод проектировали на 12 тыс. тонн, строится 4 года, теперь переделывается проект на 20 тыс. тонн, а в перспективе придется расширить этот завод на 35 тыс. тонн, и все это изменение производится на ходу, в процессе самого строительства»²¹⁵. Недоволен был Кабаков и отсутствием крупных вложений в энергетику Урала, и отказом ВСНХ рассматривать в качестве перспективного пути для минерализации уральской металлургии угли Кизела (в этом последнем вопросе Кабакова репликами с места поддержал Сталин)²¹⁶.

А XVI партийный съезд стал местом настоящего боя между ЦКК-РКИ, руководителем которого был Г. К. Орджоникидзе, и ВСНХ, возглавляемым В. В. Куйбышевым. Как отмечает современная исследовательница Ш. Фицпатрик, по мере разворачивания пятилетнего руководства ЦКК-РКИ все в большей мере занималось промышленными темами, тесня Госплан и ВСНХ, проводя собственные исследования и пытаясь выявить скрытые резервы роста индустрии по линии трудового энтузиазма. На XVI партийном съезде Орджони-

²¹⁴ XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 45.

²¹⁵ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. Т. 5. С. 191.

²¹⁶ Там же, с. 265.

кидзе развернул настоявшее наступление на ВСНХ, изнемогавший под грузом пятилетки и готовый поступиться некоторыми из собственных амбициозных проектов²¹⁷. Орджоникидзе настаивал на необходимости использовать все имеющиеся мощности, не исключая и устаревшие, и раскритиковал ввоз оборудования из-за границы, заявив, что более грамотное использование имеющихся мощностей позволит целиком заменить ввозимые товары собственными (вспомним, что Куйбышев в ноябре 1929 г. закончил речь призывом черпать опыт из-за рубежа). Руководители ЦКК-РКИ настаивали на том, что – как это формулировал глава РКИ УССР В. П. Затонский – «злейшим бюрократом и фактическим уклонистом является тот, кто, независимо от его

голосования и его теоретических взглядов, фактически на практике нашу партийную линию не проводит»²¹⁸. Вредительство – согласно руководителям ЦКК-РКИ – оказывается возможным именно благодаря бюрократизму с его формально-равнодушным отношением к делу. Атака со стороны ЦКК-РКИ произвела на Куйбышева самое гнетущее впечатление; руководству ВСНХ пришлось соглашаться с критикой²¹⁹. Как отмечает исследователь экономической истории Р. Дэвис, «дебаты на съезде отразили трения внутри промышленности, вызванные давлением индустриализации и навязыванием ВСНХ нереалистично высоких целей со стороны центральных партийных органов. Орджоникидзе, пользуясь поддержкой машины Рабкринина, верно определил, что ВСНХ при текущем руководстве не сможет справиться с выполнением пересмотренного пятилетнего плана, одновременно будучи страстно, хоть и ошибочно, уверенным в том, что пересмотренный план может быть реализован»²²⁰.

Рис. 9. Г. К. Орджоникидзе – народный комиссар тяжелой промышленности. За тяжелое машиностроение. 22 февраля 1934 г.

²¹⁷ Fitzpatrick Sh. Ordzhonikidze's Takeover of Vesenkha // Soviet Studies. 1985. № 37. P. 159–161.

²¹⁸ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 327.

²¹⁹ Davies R. W. Soviet Economy in Turmoil, 1929 – 1933. London: Macmillan Press, 1989. P. 335–336.

²²⁰ Ibid., p. 338.

Уральская делегация играла роль тарана. Секретарь Уральского обкома Л. И. Мирзоян жаловался на нехватку поддержки из центра по хозяйственной линии (в частности, по вопросу об освоении кизеловских углей, продолжая тем самым полемику между Кабаковым и Куйбышевым, шедшую осенью 1929 г. на пленуме ЦК и ЦКК). К уральским стройкам нет того внимания, что было к Сталинградскому тракторному заводу, Турксибу или Ростсельмашу, а потому «получается какое-то своеобразное сочетание передовой техники с уральской отсталостью и с уральской грязью»²²¹. В свою очередь, заместитель главы Уралоблсовета, опытный хозяйственник Н. М. Андроников, один из авторов уральского плана развития хозяйства, пожаловался на ряд «вредительских» затяжек в уральском экономическом строительстве и обвинил Кржижановского в нападках на план Большого Урала²²². Основной мотив был ясен: без внимания центра, без своевременных и ясных указаний уральцы не смогут выполнять пятилетку²²³.

Руководство ЦКК-РКИ поспешило на помощь уральцам. Видный работник ЦКК А. М. Назаретян в классической манере комбинировал образ кладовой и риторику отсталости: «Целый ряд необычайных для других районов условий Урала играет роль, отбрасывающую Урал далеко назад: при наличии несметных богатств Урала – крайняя нищета и культурная отсталость населения; бездорожье, удорожающее лесные заготовки и стоимость продуктов, низкий уровень зарплаты, на 20% ниже среднесоюзной; полное отсутствие культурно-бытовых очагов; рабочее снабжение приравнено ко второй категории; слабо

²²¹ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 265.

²²² Г. М. Кржижановский вынужден был защищаться: «Урал по своим запасам является не только нашим станovým оборонным хребтом, но и пролетарская оборона мира будет утверждена, опираясь на этот громадный хребет. Нужно сказать, что мы еще не знаем всех действительных богатств и возможностей Урала. Я объявил войну тем, кто хочет замкнуть Урал в кустарничестве старых дней, тем, кто проблеме Урало-Сибирского комбината противопоставляет кизеловский уголь». Кржижановский сам обвинил Андроникова в срыве пуска Красноуральского комбината, добавив: «Вообще нужно сказать, что если мы провозгласили лозунг Урало-Сибирского комбината – это не значит, что мы будем поощрять и аплодировать каждому уральскому работнику, независимо от качества его работы. А Урал в настоящее время работает плохо» (XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 560, 562).

²²³ Следом за уральцами в драку пробовали ввязаться руководители других районов, стараясь привлечь внимание к собственным проблемам. Например, председатель исполкома Нижне-Волжского краевого совета М. И. Хлопьянкин грустно заметил, что Куйбышев ничего не сказал о промышленности в Поволжье, кроме того, что она «должна развиваться»: «Новым является вопрос об Урало-Сибирской угольно-металлургической базе... Та историческая несправедливость, которая была проявлена в отношении Урала и Сибири, должна быть безусловно ликвидирована. Но мы должны так же твердо заявить о том, что эта несправедливость должна ликвидироваться с тем, чтобы и другие районы не впадали в тот печальный удел» (XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 546).

развито рабочее жилищное строительство; ничтожная сеть почтово-телеграфной связи»²²⁴. Поддержал уральцев и сам Орджоникидзе, прямо обвинивший ВСНХ в неспособности разобраться с пресловутым кизеловским углем: «Вся проблема как “большого Урала”, так и реконструкции, была свалена на плечи местных организаций, которые, конечно, одни не в силах были ее целиком поднять... Нельзя дальше оставлять в загоне этот крупнейший район»²²⁵. Могуущественный глава ЦКК-РКИ протягивал руку местным руководителям.

В августе 1930 г. в советской промышленности начался спад²²⁶. Строительство новых индустриальных гигантов (главным образом – тех, которые располагались на Урале и в Сибири) затягивалось, срывая все сроки. Магнитогорск представлял из себя огромную стройплощадку, страдавшую от директорской чехарды (только за 1929–1930 гг. во главе Магнитостроя стояли четыре разных начальника); в конце мая 1930 г. газета «На смену!» обратилась с письмом к члену ЦК, председателю правления Востокостали И. В. Косиору, который в марте посетил стройку с правительственной комиссией: «Строительство магнитогорского гиганта, вернее, подготовительные работы (так! – *К. Б.*), ведутся рабскими, разгильдяйскими, безобразнейшими темпами»²²⁷. Уралмашзавод строился с лета 1928 г., но все еще не был окончен. Березниковский химический комбинат, который начали строить в 1929 г., в 1930 г. уже должен был быть запущен, но пуск состоялся лишь в 1932 г.²²⁸ Старт же массового производства на вступивших в строй заводах оказался невозможен: преждевременный, форсированный пуск многих предприятий (таких как Сталинградский тракторный завод) привел к чрезвычайно болезненному периоду освоения сложного производства²²⁹. «Восходящая кривая», обоснованию кото-

²²⁴ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 404.

²²⁵ Там же, с. 303.

²²⁶ Davies R. W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. P. 370.

²²⁷ Владский В. Забытый гигант // На смену! № 121 (1176). 26 мая 1930 г.

²²⁸ Сидорова И. Т. Становление химической промышленности в Верхнем Прикамье на примере Березниковского химкомбината // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2010. № 2. С. 83.

²²⁹ Самой известной является история освоения выпуска тракторов на Сталинградском тракторном заводе. Гордость пятилетки, первый тракторный завод страны, невероятными усилиями выстроенный существенно раньше планового ввода в строй, оказался неспособен выпускать столь нужные тракторы – не хватало квалификации у рабочих, у руководства завода, а поступающие от предприятий-поставщиков материалы и комплектующие зачастую были недостаточного качества. Гонка за количеством оборачивалась провалом качества, поломками станков; скверные условия быта распугивали рабочую силу (Чолахян В. А. Проблемы освоения новой техники на Сталинградском тракторном заводе в годы первой пятилетки // Известия Саратовского гос. ун-та. Серия: История. Международные отношения. 2007. № 1. С. 66–75).

рой так много усилий посвятили «телеологи» Госплана, теперь оборачивалась стагнацией или даже откатом в индустриальном производстве. Дефицит рабочей силы нарастал, а остановить текучесть кадров административными мерами не представлялось возможным.

3 сентября 1930 г. ЦК ВКП(б) издал обращение «Все силы партии, все силы рабочего класса на выполнение промфинплана». Оно открывалось впечатляющим перечислением уже построенных (Сталинградский тракторный, Ростсельмаш, ДнепроГЭС) и строящихся (Магнитка, «Уральский гигант тяжелого машиностроения», первая очередь Березников и другие) заводов. ЦК на разные лады требовал от партийных и хозяйственных органов еще более полной мобилизации сил рабочего класса в свете надвигающегося срыва плановых показателей. Для ликвидации прорывов нужно использовать внутренний ресурс, лучше развивать ударничество и рационализацию, а главное – остановить чудовищную текучесть рабочей силы. Пресса удостоилась высокой оценки ЦК, но и ее кампания 1929 г. была признана поверхностной²³⁰ (13 сентября 1930 г. Сталин в письме к В. М. Молотову довольно злобно отозвался об «истерическом троцкистско-правоуклонистском тоне» печати)²³¹.

Кроме того, сталинское руководство постаралось свалить вину за провалы на «вредителей» и «шпионов»: осенью 1930 г. состоялся печально известный процесс «Промпартии», за которым последовали дело «Союзного бюро РСДРП» и целая волна аналогичных процессов в различных отраслях промышленности. И, наконец, той же осенью были наказаны те из партийных руководителей, которые по тем или иным причинам критиковали взвинченные темпы пятилетки (Л. А. Сырцов, В. В. Ломинадзе и ряд других). Их обвиняли в «право-левацком» уклоне и бичевали наряду с «правыми».

Одновременно началась замена руководства наркоматов и структур ВСНХ. Пять месяцев спустя после XVI съезда ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе пересел в кресло главы ВСНХ, вскоре переименованного в народный комиссариат тяжелой промышленности (НКТП); В. В. Куйбышева переместили на пост главы Госплана, а Г. М. Кржижановский оказался теперь подчиненным Орджоникидзе в качестве руководителя Энергоцентра ВСНХ. В свою очередь,

---

²³⁰ Все силы партии, все силы рабочего класса на выполнение промфинплана, на обеспечение программы третьего года пятилетки // Правда. № 243. 3 сентября 1930 г.

²³¹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М.: Россия молодая, 1996. С. 219.

Орджоникидзе начал назначать на ключевые посты в структуре ВСНХ своих людей из ЦКК-РКИ²³².

Одним из важных результатов тех отчаянных мер и усилий, к которым прибегло партийное руководство осенью 1930 г., стала трансформация публичной сферы. В прессе и публицистике, во всей публичной сфере язык об индустриальном строительстве изменялся, становясь все более жестким, агрессивным и решительным²³³. Это означало, что дискурс гигантов, который уже успел стать довольно-таки распространенным (стараниями Куйбышева, а также и самого Сталина, который к 1930 г. тоже начал говорить о пятилетнем

---

²³² Ш. Фицпатрик отмечает, что, сделавшись главой гигантского ведомства, Орджоникидзе стал гораздо терпимей относиться к специалистам и перестал приветствовать охоту на вредителей (Fitzpatrick Sh. Ordzhonikidze's Takeover of Vesenkha // *Soviet Studies*. 1985. № 37. P. 163–166). Впрочем, кампании по борьбе с вредителями среди старых специалистов продолжали бушевать: согласно подсчетам А. И. Делицыя, в конце 1930–1931 гг. на Урале было арестовано ОГПУ около 125 техников и инженеров, то есть 15–20 % старой технической интеллигенции, трудившейся на производстве (Делицай А. И. Осуществление политики форсированной советизации технической интеллигенции на Урале в 1930–1931 гг. // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2010. № 18. С. 98). Уже позднее, в феврале 1935 г., Орджоникидзе, выступая с докладом на VII съезде Советов, замечал: «За эти годы была проделана огромная организационная работа. Сначала разукрупнены совершенно неспособные к конкретному руководству громоздкие объединения, а потом и ликвидированы. Вместо 4-звеньевой системы управления организована 2-звеньевая. Ликвидирована, но еще не окончательно, функционалка» (Индустрия социализма VII съезду Советов. М.: Изогиз; «Строим», 1935. С. 33). Вряд ли, конечно, экс-главе ЦКК-РКИ удалось сократить бюрократизм, но определенное изменение в организации работы налицо.

²³³ Говоря о риторическом сдвиге, мы вовсе не имеем в виду «чередование» культурных моделей в духе известной концепции В. З. Паперного, презентовавшего весь ход советской культуры довоенной поры как ряд бинарных оппозиций: растекание – затвердевание, равномерность – иерархия, лирика – эпос. Аналогичную модель использует, например, А. П. Романенко, характеризуя первую языковую модель как «революционную» и демократическую, опирающуюся на риторику, а вторую – как триумф «канцелярита» 1930-х гг. (Романенко А. П. «Великий перелом» – символ советского культурного слома // *Эпоха «Великого перелома» в истории культуры*. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2015. С. 271–273). С. Коткин отмечает: «Тот факт, что план принимал тон и стиль военной кампании, отчасти вытекал из многовековой истории страны как осознанно милитаризованного (self-consciously militarized) общества, а отчасти – из того факта, что большевистские понятия о планировании были по существу восприняты из германского опыта больших времен войны» (Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 31). Однако подобная формулировка затушевывает уникальность политического языка пятилетки – хотя бы тем, что берет большевистский «план» как единую, цельную и непротиворечивую сущность. Определение Коткина игнорирует то развитие, которое сама пятилетка претерпевала по ходу своей реализации; характерный военизированно-агрессивный язык вырабатывался по мере втягивания страны в колоссальный строительный проект – и вырабатывался в значительной степени под давлением чудовищных тягот индустриализации.

плане не только в абстрактных цифрах, но и в ссылках на конкретные «точки роста»), теперь сделался главным ресурсом убедительности для обсуждения новой экономики и географии. «Кирпичиком» здания новой страны, поднимавшегося из строительной лихорадки пятилетнего плана, окончательно стал *завод*. Пятилетка превратилась в историю о возведении огромного числа гигантских предприятий в конкретных локусах.

Местная печать концентрировала усилия почти исключительно на том, чтобы поддержать строительную программу, которая превратилась в *modus operandi* для всех видов беседы о стране. Чем более суровыми оказывались испытания пятилетки, тем старательнее творцы печатного слова от цеховых стенгазет до иллюстрированных альбомов искали новые пути разжечь энтузиазм, то есть стимулировать усталых, изнемогших строителей социализма работать еще больше. Поиск новых возможностей *мобилизационной выразительности* осуществлялся в первую очередь путем все большего и большего наделяния гигантских строек самооценностью. Вокруг этого исходного пункта стремительно и спонтанно формировалась специфическая мифология, обретавшая в начале 1930-х гг. яркие героико-патриотические образы²³⁴. И хотя импульсы, которыми вдохновлялась эта система, исходили из центра, от относительно небольшого круга вождей, ее главным звеном были многочисленные районные и заводские многотиражки (рядом с которыми находилось царство стенгазет, не сохранившихся до наших дней): это им нужно было в сжатые сроки найти способы заставить людей работать, создавая локальную мифологию при помощи интеграции поступающих «сверху» цитат и образов в местный контекст.

Как отмечает современная исследовательница М. А. Литовская, «в результате модернизационной политики СССР составлявшие его регионы кардинально меняли свой облик и вследствие этого как будто теряли свою уникальность»²³⁵. Думается, это утверждение нуждается в уточнении. Если еще двадцать лет назад «самобытность» Урала искали в истории и этнологии, то теперь интеллигенции надлежало создавать ее самостоятельно, ориентируясь не на уникальность наследия, а на динамизм соревновательности. Новая риторика была нацелена

²³⁴ Об этом см.: Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, полтипросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2017. С. 143–144.

²³⁵ Литовская М. А. «Фабульные крючочки и петельки»: поэтика компромисса в творчестве П. П. Бажова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 16. К сходному выводу приходит и Ю. В. Ключкова (Ключкова Ю. В. Образ Екатеринбургa / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX в. в.) Автореф. дис.... канд. фил. наук. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2006. С. 20).

Рис. 10. Костяницын В. Н. Выбор площадки для постройки Челябинского тракторного завода. Индустрия социализма VII съезду Советов. М.: Изогиз; «Строим», 1935.

на то, чтобы мотивировать огромное число работников эти изменения *осуществить*, несмотря на трудности, подстерегающие на этом пути.

Печать и публицистика должны были компенсировать экономические провалы не только еще более грандиозной картиной близкого индустриального будущего, но и искусным описанием имеющейся стройки. На протяжении всего 1928 г. – первого года пятилетки – на первых полосах местных газет шли, как правило, международные новости. С 1930 г. международные новости (исключая самые важные) помещают на последней полосе. Отныне все самое главное происходит на уральской, донецкой, сибирской земле, на стройках-гигантах. Грандиозные уральские стройки – ЧТЗ, Березники, Магнитка и другие – определяют ход мировой революции, а не иностранный пролетариат. Характерным было провозглашение вновь строящихся предприятий не просто «гигантами», а «величайшими», «невиданными», крупнейшими в мире или по крайней мере – в Европе. Географическое воображение совершало движение от колоссальных (но эфемерных)

межрайонных комбинатов к конкретным стройкам²³⁶. М. А. Фельдман приходит к выводу о том, что уже во втором пятилетнем плане Урало-Кузбасский комбинат упоминался «весьма скупо»²³⁷.

Своеобразными вехами в складывании новой географии Урала можно считать серию выступлений регионального уральского вождя, И. Д. Кабакова²³⁸. Разумеется, вряд ли Кабаков сам был креативной силой, разрабатывавшей новую географию Урала. Но именно в его выступлениях новая география была озвучена с той весомостью, которая и превратила ее в новую норму. Контуры новой уральской географии Кабаков нащупывал в речи на X Уральской областной партконференции летом 1930 г., используя ту же гигантоманскую риторику, что и Куйбышев²³⁹, и одновременно сохраняя целый ряд областнических идей (расширение территории Большого Урала в Сибирь и Башкирию, продвижение на Полярный Урал и к Северному океану). В дальнейшем географическое искусство Кабакова совершенствовалось, а в стройную систему соображения о географии региона сложились в отчете Уральского областного комитета на XII областной партконференции, проходившей с 18 по 22 января 1934 г. – как раз в момент разделения гигантской Уральской области на две.

Здесь первый секретарь мастерски развертывал экономико-географическую панораму нового Урала, весьма четко устанавливая

²³⁶ Мотивационным задачам должны были быть подчинены все виды печатного слова, все формы коммуникации. «Уральский рабочий», стараясь летом 1931 г. поторопить издателей краевого учебника, констатировал: «Создание краевого учебника на Урале определяется одним фактом – мы строим на Востоке СССР вторую угольно-металлургическую и оборонную базу – Урало-Кузнецкий комбинат... Сейчас необходимо, во-первых, вооружить ребенка учебником, помогающим ему включиться в социалистическую стройку, распознавать и уметь бороться с классовым врагом. Во-вторых, учебник должен отразить специфические особенности промышленности и сельского хозяйства Урало-Кузбасса и в частности Урала, должен включить детвору в практическое коллективное строительство второй индустриальной базы СССР» (В задержке издания учебников вивонат УралОНО // Уральский рабочий. № 178 (4679). 30 июня 1931 г.)

²³⁷ Фельдман М. А. Урало-Кузбасс: между замыслом и реализацией. взгляд из другого века // Вопросы управления. 2011. № 3. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2011/03/33/> (дата обращения: 02.09.2018).

²³⁸ Впрочем, на объединенном пленуме ЦК и ЦКК 1927 г. – историческом пленуме, где посреди страшного скандала и шума завершилась история «левой оппозиции» в ВКП(б) – Кабаков оказался среди наиболее стойких ораторов от большинства. Его выступление было содержательным, корректным и вызвало удивительную полемику с Троцким по поводу статьи Кабакова, вышедшей в тульской газете «Молодой коммунар». Троцкий заявил Кабакову: «Написано хорошо, нечего говорить, но линия плохая у вас» (Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 21–23 октября 1927 г. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2018. С.195).

²³⁹ Кабаков И. Д. Доклад на X Уральской областной партийной конференции // Уральский рабочий. № 136 (4323). 11 июня 1930 г.

иерархию крупнейших и крупных индустриальных центров. Географическая панорама была поистине ошеломляющей: «Партийная организация, рабочие и колхозники Урала добились крупнейших достижений на громаднейшем пространстве от Вишеры до Магнитогорска. На Оби, за полярным кругом, на юге, на востоке и западе – всюду создались предприятия самых разнообразных отраслей промышленности... Из великого седого кустаря, из края с отсталой, кустарной промышленностью Урал превратился в один из мощных, передовых промышленных центров Советского Союза»²⁴⁰.

Изящная формулировка о «великом седом кустаре» показывает, что Кабаков, прибывший на Урал в 1928 г.²⁴¹, вполне овладел уральским дискурсом. В своем воображаемом путешествии над Уралом он шагал с севера на юг, демонстрируя делегатам партконференции «силу и мощь великой партии Сталина» с помощью названий крупнейших центров строительства. География «силы и мощи» была такова. В Северном Прикамье разместились Березники с «крупнейшим в Европе заводом» химических удобрений и калийными рудниками Соликамска; севернее Березников – Вишера с ее целлюлозно-бумажным комбинатом, где теперь «построен целый город на 23 тыс. жителей». Вишера была самым северным пунктом больших строек. Затем – район Кизела с угольными шахтами и Губахи с коксохимическим комбинатом. Пермь выросла с 90 до 200 тыс. жителей: реконструированы завод имени Дзержинского, Молотовский завод, выстроен завод № 19 и бумажный комбинат, а также электростанция и «целая вереница различных предприятий». Березники-Вишера, Кизел-Губаха, Пермь – три крупнейших центра на северо-западе; помимо них, Кабаков кратко упомянул Лысьву и Чусовой, где заводы «заново реконструированы».

Перемахнув через хребет, первый секретарь сообщил о том, что «резко изменился» Надеждинский район (19 января, посреди партконференции, город Надеждинск сменил имя на Кабаковск!) с рудниками и заводом, где наконец-то построен штанго-волоочильный цех. Кушвинский и Красноуральский районы «созданы заново», тут буквально с нуля был построен крупнейший медеплавильный комбинат. Нижний Тагил располагает массой предприятий, из которых Кабаков выделил вновь возводимые металлургический завод и «мощнейший завод вагоностроения на 54 тыс. вагонов»; город вырос до 150 000 человек. Южнее Нижнего Тагила – Калата (ей в декабре 1935 г. предсто-

²⁴⁰ Кабаков И. Д. Отчет Уральского областного комитета ВКП(б) XII областной партийной конференции. 18 января 1934 г. // Под знаменем Ленина. № 18 (672). 24 января 1934 г.

²⁴¹ Кырчиков М. С. И. Д. Кабаков и уральский регионализм конца 1920-х – середины 1930-х гг. // Научный диалог. 2017. № 5. С. 199.

ит стать Кировградом), где находятся медеплавильный завод и завод серной кислоты; и рядом – реконструированный Невьянский завод.

Наиболее пространным описанием удостоился Свердловск, столица области! «Свердловск изменился, Свердловск обстроился, Свердловск превратился в новый город». Он обрел промышленное лицо: здесь построены Уралмаш, Пышминский завод («об этом заводе мало говорят, но его производственная мощность рассчитана на 100 тысяч тонн металла... В Европе этот завод единственный по мощности»), полностью реконструирован Верх-Исетский завод, строятся трансформаторный завод и завод химической аппаратуры.

В 40 км от Свердловска – Первоуральск: трубный завод, реконструированное хромпиковое производство, крупнейший динасовый комбинат, медеплавильный и химический заводы. В Верхнем Уфалее – «первый и единственный в СССР» никелевый завод, и рядом – реконструированный Карабашский завод. Еще один узел – Егоршинско-Сухоложско-Асбестовский; он, по выражению Кабакова, «чрезвычайно яркий, но мало знакомый» партийной массе. И впрямь – «Асбест построен незаметно, между больших дел – Магниткой, Челябинском, Свердловским заводом тяжелого машиностроения и другими гигантами». Зато по добыче асбеста СССР готовится перегнать Канаду! В Егоршино работает электростанция, а в Сухом Логу – цементное производство. Наконец, Каменско-Синарский узел «заложен в 1933 г.», он включает трубный и фасонно-литейный заводы, а также алюминиевый комбинат и паровозоремонтный завод, которые, правда, еще едва начали строить.

Южнее – Челябинск с 214 тыс. жителей: крупнейший в мире тракторный завод, еще более мощный завод тяжелого станкостроения, цинковый, ферросплавный (странно, что Кабаков не назвал здесь Челябинскую ГРЭС, которая к тому же носила его имя). Рядом – реконструированные шахты Копейска и разрезы Коркино, а также Златоустовский район. Кабаков особенно превозносил Златоуст: хотя Златоустовский завод «в представлении некоторых товарищей мыслится как завод с двумя домнами, несколькими мартеновскими печами старого типа», на самом деле он – один из двух заводов Урала (вторым был, разумеется, Верх-Исетский имени Кабакова), дающих качественную сталь. И, наконец, Магнитогорский район – о Магнитке Кабаков высказался пространно, хотя и без восторга: «С большим трудом строилось это предприятие... Но эта суровая страница осталась позади... Магнитогорскими пролетариями достигнуты крупнейшие победы в деле освоения техники». Свое воображаемое путешествие по Уралу Кабаков завершил упоминанием вновь построенных консервных заводов на Оби, а затем принялся щедро цитировать иностранных наблюдателей, восторгавшихся вновь выстроенной уральской индустрией.

Рис. 11. Челябинские промышленные гиганты. Челябинский рабочий.
1 мая 1934 г.

Что *не попало* в географию нового Урала по Кабакову? Такие старые города, как Алапаевск, Полевской, Сысерть, Касли, Кунгур – пропали с воображаемой карты. Никаких слов Кабаков не нашел и для огромного пространства к востоку от Асбеста – Ирбит, Троицк, Курган, Тюмень, Тобольск... Из промышленных центров Кабаков не упомянул только – зная бы, почему? – Верхнюю Салду с заводом «Стальмост» и Сатку с магнетитовым заводом.

Соответствующим образом в начале 1930-х гг. трансформируется риторика об Урале. Еще в мае 1930 г. И. Б. Горшин, бывший тогда секретарем Уралобкома ВКП(б), говорил об амбициозных задачах уральской экономики и о превращении Урала в одну из «наиболее

Рис. 12. Вид цехов ЧТЗ – оформление газетной рубрики «День нашего завода». Наш трактор.

крупных баз» металлургии, химии и машиностроения, но при этом не называл гигантов по именам²⁴². Но в том же 1930 г. комсомольская газета Урала «На смену!», специально посвятив целый разворот комсомольской мобилизации, с гордостью описывала социалистический Урал именно как череду строек-гигантов, заключая: «Рождается новый, социалистический край. Коммунистические формы труда рвут традиции старого, рабского труда»²⁴³. Публицист В. Тиунов брал восторженный тон в книге с красноречивым названием «Гиганты на Урале» (1931), говоря о возведении в уральских городах «невиданных в мире», крупнейших заводов-гигантов²⁴⁴. А уральский экономист

²⁴² Горшин И. Б. Доклад о работе Уралобкома ВКП(б) // Челябинский рабочий. № 130 (1297). 27 мая 1930 г.

²⁴³ Баянов Б. Когда пылают горны... // На смену! № 21 (1076). 25 января 1930 г. Рядом со статьей был помещен коллаж фотографий уральских строек, из которых опознать нам удалось лишь характерную башню Челябинской ГРЭС.

²⁴⁴ Тиунов В. Гиганты на Урале. Свердловск: Гранит, 1931. С. 10–11.

Б. И. Эвенчик в 1932 г. рисовал блестящую перспективу «невиданной в мире мощи, невиданного в мире размаха Урало-Кузнецкого комбината», называя его ««образцовым хозяйством» Советской Азии»²⁴⁵.

В мае 1932 г. о важности момента говорил один из ведущих уральских хозяйственников Л. Е. Гольдич²⁴⁶. Он отдал должное дискуurse кладовой, напомнив о «неисчерпаемых естественных богатствах» Урала, становящегося «крупнейшим форпостом индустриализации» и «основной срединной индустриальной и оборонной базой нашей страны», превознес невиданные темпы «в создании на Урале самой передовой в мире мощной индустрии, означающей гигантский скачок от старого, отсталого производственного уклада к передовой индустриальной технике». Гольдич уверенно описывал географию этого нового Урала, называя новых промышленных гигантов по именам²⁴⁷. При этом никаких «косных» и «вильных» заводов Гольдич уже не упоминал; на его карте совершенно исчезли завод сепараторов в Перми и завод сельхозмашин в Челябинске (завод имени Коллющенко), казавшиеся еще в 1927 г. такими важными для эффективного осуществления смычки города с деревней.

Ровно в тех же категориях спустя неделю с лишним говорил о строительстве глава советского правительства В. М. Молотов, визит которого старательно освещали уральские газеты. Утром 10 мая 1932 г. Молотов прибыл в столицу Урала, Свердловск; на вокзальной площади немедленно состоялся митинг, на котором глава СНК выступил с речью. Вождь начал с международной обстановки, затем подчеркнул необходимость перевыполнения планов, а закончил обращением к уральской специфике: «На наших глазах Урал превращается в одну из решающих промышленных баз Советского Союза. И раньше промышленный Урал играл большую роль в народном хозяйстве всей страны. Но он завоевывает себе еще более крупное значение. Строительство, развернувшееся на Урале, указывает на его будущее, такое будущее, которое и не снилось до той поры, когда пролетариат взял власть в свои руки. Строительство Магнитогорска, Челябинско-

---

²⁴⁵ Эвенчик Б. И. Урал в плане Урало-Кузнецкого комбината. М.: Советская Азия, 1932. С. 87.

²⁴⁶ Член большевистской партии с 1916 г., Л. Е. Гольдич в 1924–1929 гг. был председателем Уралплана, занимал ряд руководящих хозяйственных должностей на Урале, в частности, с 1933 г. был заместителем председателя Президиума Уральского филиала АН СССР. В 1937 г. Гольдич, узнав об аресте И. Д. Кабакова, покончил с собой (Колосова Е. Н., Филатов В. В. К истории создания Уральского филиала АН СССР (1932–1939). Неубойливые заметки // Уральский геологический журнал. 2007. № 4. С. 35, 83).

²⁴⁷ Гольдич Л. Урал – крупнейший форпост экономической независимости // Уральский рабочий. № 100 (4945). 1 мая 1932 г.

го тракторного завода, Березниковского комбината, других крупнейших предприятий Урала – величайшее в истории мира строительство. И это строительство рабочих Урала обязаны вести образцово»²⁴⁸.

Итак, к концу первой пятилетки уральская социально-экономическая география свелась в первую очередь примерно к 20 «счастливым», форпостам социализма на седом Урале²⁴⁹. Среди них четко выделяется группа гигантов. Это им – колоссальным ЧТЗ, Березниковскому химическому, Уралмашу, Магнитке и другим – предстоит победить дикость, патриархальщину, идиотизм и отсталость. «Вереница городов», по выражению Кабакова, оказалась центрами нового освоения Урала, понятого одновременно как край первозданной дикости, нуждающийся в освоении, и как сокровищница, из которой надо взять богатства. Капиталисты и царизм не смогли использовать богатства Урала, а большевики – смогут, опираясь, конечно, на сеть своих

Рис. 13. Березниковский химический комбинат имени Ворошилова. Уральская советская энциклопедия. Т. 1. М.; Свердловск: Изд-во Уралоблисполкома «Уральская советская энциклопедия», 1933.

²⁴⁸ Главное – высокие темпы, выполнение и перевыполнение промфинплана // Уральский рабочий. № 107 (4952). 12 мая 1932 г.

²⁴⁹ В 1930 г. постановление ЦК ВКП(б) «О работе Уралмета» разделило металлургические заводы региона на 3 группы: новые гиганты (такие, как Магнитка, Бакальский и Ново-Тагильский заводы; из них за время первых пятилеток была пущена лишь Магнитка), подлежащие реконструкции старые заводы (Надеждинск, Чусовой, Златоуст) и не подлежащие реконструкции предприятия слабой технической оснащенности, которые в большинстве своем оказались в 1930-е годы закрыты или перепрофилированы (Гаврилов Д. В. Модернизационный взлет Урала в конце XIX – начале XX вв. // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII–XX вв. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2005. С. 88–89).

форпостов. Старый дискурс об Урале-сокровищнице, сложившийся еще в конце XIX в., теперь оказался осмыслен по-новому: кладовая превратилась в крепость.

Само понятие форпоста означало, что перед грандиозностью пятилетки все двухсотлетние достижения уральской индустрии выглядят малозначительными: Урал подвергается новому освоению. Здесь было своего рода противоречие – мы помним, что созданное интеллигентами конца XIX – начала XX в. определение Урала, Уральской области уже опиралось на констатацию исторически сложившейся экономической специфики горнозаводского края. Впрочем, новому дискурсу вовсе не нужна была опора на историю: теперь доказывать кому бы то ни было необходимость особого внимания к Уралу с помощью его горнозаводской специфики уже не требовалось. Требовалось мотивировать строителей на героический труд в тяжелых условиях, и первым шагом на этом пути было – объявить текущие строительные задачи беспрецедентными по своей исторической значимости.

Посмотрим вновь на выступление Кабакова 1933 г.: в Березниках – «крупнейший в Европе» завод, в Верхней Пышме – «единственный по мощности в Европе», в Асбесте – без пяти минут крупнейшее мировое производство... Эта постоянная оглядка на мировых конкурентов была в числе главных риторических новаций, осуществленных в языке первой пятилетки. Березники или Асбест переставали быть глушью не просто потому, что туда пришли строители и возвели завод с городом; сам по себе факт освоения еще не уничтожал провинциализм и отсталость. Преодоление патриархальности, дикости и отсталости заключалось, кроме прочего, в приобщении к глобальному контексту: не просто завод, а – крупнейший в Европе, один из крупнейших в мире. А если из марксистской политэкономии мы знаем, что наиболее развитые страны мира – это центры концентрации крупного и сложного производства, то легко додумать вывод: возникновение самого большого в Европе химпредприятия на берегах Камы или величайшего тракторного завода в Челябинске переносит мировой центр с Запада на Урал.

Риторика гигантов превращалась в основу стратегий самоописания и для локальных сообществ. Местные журналисты, публицисты, агитаторы использовали эту риторику, стараясь стимулировать рабочих громадных строек, вселить в них чувство всемирной значимости собственного дела. Передовица красноуральской газеты «Гигант» 15 июля 1933 г., в день 14-летия «изгнания Колчака с Урала», вещала о новой географии, создаваемой победоносным пролетариатом: «Могучие крепости индустрии – Магнитогорский, Березниковский комбинаты, Челябинский тракторный, Уральский завод тяжелого ма-

шиностроения и ряд других, крупнейшие совхозы и колхозы в корне изменили прежнее лицо Урала, превратив его в Урал передовой промышленности и крупного земледелия». Перечислив поименно колоссов пятилетки, газета вписывала в этот контекст собственный завод: «Красноуральский комбинат должен являться одним из основных поставщиков меди всей нашей электромашиностроительной промышленности Союза. Одну четверть всей союзной меди должен дать Красноуральск»²⁵⁰.

В столь же восторженных тонах следовало вести речь о главной гордости уральских большевиков – Челябинском тракторном заводе имени Сталина. «Челябинский тракторный – это завод, равного которому нет в мире... Литейный цех по своим размерам и техническому вооружению – самый большой в мире. Таких цехов нет ни у Форда, ни у Катерпиллера»²⁵¹, – радостно сообщал журнал «СССР на стройке» в тематическом номере 1933 г., посвященном Челябинскому тракторострою. Здорово же, что на Урале есть нечто такое, чего нет у «Форда» и даже у «Катерпиллера»?

Иногда гиганты возникали «из ниоткуда» в буквальном смысле. В 1932 г., когда Уралмаш готовили к пуску, журнал «СССР на стройке» так описывал процесс: «В дремучем уральском лесу на громадной “просеке” вырастают здания из стекла и бетона для станков и машин. Рядом воздвигается новый город в окружении того же леса. В городе живут свыше 40 тыс. жителей. Большинство рабочих завода – молодежь. По окончании работы, приняв душ и сменив одежду, она отправляется в клуб, театр, библиотеку, на собрание, на учебу. Так из цехов труда уральские рабочие переходят в цех учебы, в цех культуры, в цех отдыха»²⁵². Логика размещения фотографий в этом выпуске «СССР на стройке» не оставляла сомнений: город мыслился как продолжение производства, как приложение к нему: основные фотографии – это рабочие у станков и возведение цехов, а дополнительные – это новые здания жилых домов, клубов, школ, всей социальной инфраструктуры городков, возникающих близ предприятий. Заметка Ф. Мускатблита сообщала: «Каких-нибудь 5 лет назад в 6 км. от Свердловска был пустырь с несколькими лачужками и свалочными ямами, а сейчас там уже действует раскинувшийся цехами и подсобными предприятиями на 7 кв. км. величайший в мире завод – Уральский машиностроительный. “Если бы я сам не работал здесь и мне рассказывали бы о том, что я тут увидел”, – сказал иностранный специалист Гаусман, – я не поверил бы в возможность существования завода с такой технической

²⁵⁰ Крепить оборонную мощь страны // Гигант. № 158(650). 15 июля 1933 г.

²⁵¹ СССР на стройке. 1933. № 8.

²⁵² СССР на стройке. 1932. № 7.

вооруженностью Это колоссально». Мы скромнее и скажем: это просто по-большевистски²⁵³. «Нет и не было, не знает этого история, чтобы в такой короткий срок был выстроен подобный гигант, уже раскинувшийся громадами-цехами на так недавно еще пустынным месте, в глухом лесу, где уже проложены шоссейные дороги, где живет сейчас до 70 тыс. населения»²⁵⁴, – сообщала первая же страница предисловия за подписью главы Всесоюзного объединения тяжелого машиностроения А. Ф. Толоконцева к книге «Уральский завод тяжелого машиностроения» (1933).

Колоссально, грандиозно, невиданно, ибо нет ничего подобного ни в Европе, ни в Америке! В этой логике заново обретала смысл вся уральская история: если старый горнозаводской Урал был слаборазвитым, то он естественным образом являлся периферией, если сегодня советский Урал становится высокоразвитым, то он столь же естественным образом утрачивает периферийный статус. На такой игре с понятиями основывался дискурс гигантизма, который полагалось использовать для беседы о пятилетке. Адекватно воспринять эту игру можно только с помощью марксистского интеллектуального аппарата: именно в нем гигантский завод был не просто выражением амбиций планировщиков, но и необходимой предпосылкой для сбрасывания статуса периферии и последующего социального и культурного расцвета. Провинция – нигде, центр – везде²⁵⁵.

К концу пятилетки эта речевая манера сделалась доминирующей. Издание «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» (1933), официально презентуя результаты пятилетки, едва ли не основным итогом провозгласило сдвиг промышленности на восток, «более равномерное распределение промышленности, приближение промышленности к источникам сырья, специализация экономических районов, изживание экономической и культурной отсталости национальных районов, усиление

---

²⁵³ Мускатблит Ф. Завод, производящий заводы // Вагоногигант. 15 июля 1933 г.

²⁵⁴ Уральский завод тяжелого машиностроения. 1928–1933. Свердловск; М.: Урал. обл. гос. изд-во, 1933. С. 3.

²⁵⁵ В феврале 1937 г. на страницах «Правды» увидела свет примечательная статья С. Дидковского, описывавшая преобразование захолустного Муром. Автор торжествовал: «Унылое слово “провинция” потеряло право на местожительство в нашей стране. Когда сегодня хотя упомянуть о пунктах, отдаленных от центра, говорят – “периферия”. Это точное, никому не обидное слово. Сколько чернил, желчи, темных красок истратили в свое время литераторы и художники, чтобы доказать, как уныла, однообразна провинция, как чудаковата, скучны интеллигенты в уездных городах. И сколько интересных, талантливых, безгранично увлеченных работой советских интеллигентов живет сегодня в районном центре Муроме!» (Дидковский С. Периферия // Правда. № 57 (7023). 27 февраля 1937 г.

«разрешение исторически сложившихся диспропорций в развитии народного хозяйства отдельных районов страны, ликвидацию глубочайшего разрыва между относительно высоким уровнем промышленного развития небольшой группы центральных и южных районов и исключительной отсталостью хозяйственного и культурного развития остальной территории страны»²⁶⁰.

Новая география Урала, создававшаяся усилиями творцов пятилетки, оказалась географией *индустриальных гигантов*. Это было принципиально важной новацией; раньше даже самые почтительно настроенные авторы не именовали уральские предприятия так. Проект Урало-Кузбасса, послуживший основным источником легитимности для амбициозной строительной программы Большого Урала, по мере практического развертывания этой программы уступал место риторике гигантомании, которая становилась самодовлеющей²⁶¹. Строители того или иного промышленного гиганта, от руководителя до рядового трудящегося, могли подвергаться жесточайшей критике, но сам гигант – будь то «роскошнейший» ЧТЗ или «величайший» Уралмаш – оставался вне любых нападков, оставался абсолютной ценностью.

Публицисты эпохи пятилеток творчески использовали упомянутую в начале этого раздела ленинскую цитату, чтобы – отталкиваясь от нее – провозгласить: мечта осуществилась! К примеру, именно эту цитату старательно обыгрывал в «кратком экономико-географическом очерке» об СССР 1937 г. И. Фрейдин. Ленинская цитата была вынесена на титульный лист; рядом с ней разместились другая цитата – из сталинского отчетного доклада XVII партсъезду в 1934 г. Текст вводной обобщающей главы книги Фрейдина, озаглавленной «Великая индустриальная держава», завершался парафразом ленинских слов: «Посмотрите теперь, спустя 16 лет после речи Ленина, на карту СССР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска – на всей огромной территории великого Союза выросли за годы революции десятки и сотни индустриальных гигантов, мощных электростанций, новые города. Страна покрылась сетью железных и шоссейных дорог. Сотни тысяч тракторов и комбайнов возделывают плодородные поля колхозов и совхозов. Бурно расцветает национальная по форме, социалистическая по содержанию культура десятков народностей, населяющих СССР»²⁶².

²⁶⁰ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. С. 237.

²⁶¹ Отдельные голоса предостерегали против повального увлечения гигантоманией, как, например, заместитель председателя Госплана Г. И. Ломов

²⁶² Фрейдин И. Страна Советов. Краткий экономико-географический очерк СССР. М.: Молодая гвардия, 1937. С. 72.

Больше того: Фрейдин и всю свою книгу организовал в соответствии с ленинской цитатой. О соответствующих районах СССР повествовали главы с названиями «К северу от Вологды», «К юго-востоку от Ростова-на-Дону», «К юго-востоку от Саратова», «К югу от Оренбурга и Омска», «К северу от Томска». На этом географический материал ленинской цитаты исчерпался, и Фрейдину пришлось давать собственные названия, чтобы описывать оставшиеся регионы. Среди них был, конечно, и «Урал – страна богатств». Хотя Урал, если строго следовать ленинской цитате, находился в той части страны (внутри громадного неправильного четырехугольника Вологда – Томск – Омск – Ростов-на-Дону), где не «царили» дикость с патриархальщиной, в политико-символической географии пятилеток ему все-таки отводилось место вновь осваиваемого региона.

Об Урале Фрейдин вел речь в точном соответствии с описанными выше концептуальными моделями, постоянно эксплуатируя тему преобразования. Урал – кладовая Союза (Фрейдин привел старый анекдот о гимназисте, которому перед экзаменом студент посоветовал на все вопросы о полезных ископаемых указывать Урал). Старый Урал был когда-то великим металлургическим краем, но достигалось это отвратительной крепостнической системой Демидова, похожей на каторгу. Демидовский Урал оставил в наследство глубочайшее технологическое отставание: потомки Демидова стали аристократами, уральские леса оказались сведены, вместо механизмов использовалась мускульная сила, а отсутствие коксующегося угля тормозило развитие. Со 2-й половины XIX в. уральская индустрия «влачила жалкое существование»²⁶³.

Затем пробил час большевистского преобразования. Партия решила вопрос о снабжении Урала коксом через систему Урало-Кузнецкого комбината. Выполняя указания Сталина о создании второй металлургической базы, вся страна двинулась на стройку Урало-Кузбасса: «Шли в бой с природой, как в 1918 г. шли в бой с Колчаком. Нужно было победить лютые морозы и снежные бураны, нужно было победить неблагоустроенность и дикость захолустий, взорвать мертвую природу, поставить ее богатства на службу социализму»²⁶⁴.

Конкретно же историю преобразования Фрейдин раскрывал, описывая «вереницу» заводов и городов. Магнитогорский комбинат имеет равного себе только в Америке, здесь работают крупнейшие в мире мартены, блюминги, прокатные станы, сооружена одна из величайших в мире арочных плотин. Рядом с заводом – созданный с нуля «город с каменными домами, водопроводом, канализацией, школами и банями,

²⁶³ Фрейдин И. Страна Советов. С. 254–255.

²⁶⁴ Там же, с. 225.

театрами и прачечными»²⁶⁵. Челябинск, «в прошлом грязный уездный город, центр хлебной торговли, стал теперь крупным промышленным центром Урала»; здесь есть целая россыпь заводов, но главный из них – ЧТЗ, «один из мощнейших заводов в Союзе и во всем мире» (впрочем, Фрейдин заверял читателя, что возводимый рядом с ЧТЗ Станкострой превзойдет тракторного гиганта по размерам). Свердловск, подобно Челябинску, «был до революции уездным городком, городком уральских заводчиков, купцов и чиновников», а теперь превратился в «большой город, культурный центр Урала, крупный центр машиностроения» с таким прекрасным заводом, как Уралмаш. Наконец, Соликамск и Березники – свидетельства того, как скрытые от глаз капиталистов богатства, залежи калийной соли, оказались освоены большевиками, создавшими целую новую отрасль уральского хозяйства – химию. На Урале есть также алюминий и медь, но в отношении этих заводов и городов Фрейдин ограничился простым перечислением. Фрейдин заключал: «Преображенный Урал растет как неприступная крепость социалистической индустриализации»²⁶⁶. История о преображении была проиллюстрирована в книге Фрейдина впечатляющими фотографиями: теплоэлектроцентраль Магнитогорского комбината, арочная плотина, панорама ЧТЗ, «новый жилой дом» в Свердловске²⁶⁷, тракторы «Сталинец» в сборочном цехе, калийный рудник в Соликамске, классическая панорама Березников с ТЭЦ и огромными газгольдерами.

Мифология «опорного края» черпает силу именно отсюда, из этого языка о распахнутой наконец сокровищнице и о выстроенной на Урале крепости социализма. Визионеры рубежа XIX–XX в., областники времен гражданской войны – никто из них не мог бы сказать, что Россия каким-то образом зависит от Урала, пусть даже в потенциале регион способен сыграть, по оброненному еще в 1918 г. выражению уральского областника К. Д. Носилова, роль общероссийского «гвоздя». Нельзя же зависеть от слаборазвитого края!

А вот история о новой союзной кузнице, о цитадели социализма, затверженная пропагандистами, публицистами и поэтами начала 1930-х гг. и переосмысленная под давлением драматических событий первых лет Великой Отечественной войны, в конечном счете привела к богатой образности, обычно описываемой знаменитыми строками А. Т. Твардовского об «опорном крае державы».

---

²⁶⁵ Фрейдин И. Страна Советов. С. 226

²⁶⁶ Там же, с. 237.

²⁶⁷ Для иллюстрации издатели подобрали фото так называемого «второго дома Советов», бывшего на тот момент самым высоким зданием Свердловска, Урала и, видимо, всего Союза на пространстве от Волги до Тихого океана.

Образы крепости социализма теперь трансформировались в образы могучего арсенала страны:

Могучий и грозный
Железный Урал,
Священную клятву
Ты Сталину дал,

Как сталь броневая
Та клятва тверда:
Первыми будем
На фронте труда.

Это «заклинание» – фрагмент текста А. Барто «Уральцы бьются здорово» (1942) на музыку Т. Хренникова. Текст Барто был насыщен историческими реминисценциями – «еще в штыках Суворова сверкала наша сталь». Но наиболее востребованы были первые два четверостишия, говорившие о клятве. Они регулярно появлялись на плакатах, в парадных отчетах о выполнении планов. В январе стихотворный «ответ» авторства уралмашевского рабочего-«тысячника» А. В. Глебова появился в тексте новогоднего отчета уральцев за 1942 г.²⁶⁸, а после войны, сжавшись до двух наиболее выразительных первых строк, был помещен на постаменте памятника самоходке, установленного на территории Уралмашзавода близ проходной:

Снарядами, танками, тоннами стали
Уральцы священную клятву держали.
Народная доблесть трудом обновляла
Старинную грозную славу Урала.

Хотя поэты Великой Отечественной представляли Урал в качестве «старинной» кузницы обороны, риторика «опорного края державы» была по существу новым истолкованием тех «форпостов социализма», о которых твердили публицисты и пропагандисты начала 1930-х гг. В соответствии с трансформациями советской культуры конца 1930-х гг. здесь возникало историческое измерение, простиравшееся до эпохи Суворова и еще раньше²⁶⁹. Связь между оборонной мо-

---

²⁶⁸Новогодний отчет уральцев товарищу Сталину // Уральский рабочий. № 2 (8232). 3 января 1943 г.

²⁶⁹Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. СПб.: ДНК, 2009. С. 97.

пью страны и уральской индустрией, акцентированная в годы первой пятилетки, оказалась «опрокинута» в прошлое: если Суворов и Кутузов – славные предшественники РККА, то и уральская индустрия когда-то снабжала Суворова и Кутузова точно так же, как она сегодня снабжает РККА. Так география гигантов пятилетки перевоплотилась в дискурсе опорного края. Можно, пожалуй, сказать, что одним из творцов дискурса о крепости-Урале оказался сам первый секретарь Уралобкома И. Д. Кабаков.

РОЖДЕНИЕ СОЦГОРОДА

В конце 1920-х гг., на старте политики индустриализации, уральские поэты еще старались комбинировать старую эстетику уральского пейзажа с новыми тенденциями промышленного преобразования. Иногда результат оказывался курьезным, как в стихотворении В. А. Макарова²⁷⁰ «Магнитная гора», появившемся 3 февраля 1928 г. на страницах «Уральского рабочего»:

Урал наш сед, но крепок и богат,
В нем что ни шаг – то шахта и завод.
Вот от того так пышен здесь закат
И так прекрасен солнечный восход.

Поэт Б. Сокуров предрекал «седому Уралу» в стихотворении «Урал», появившемся в газете «На смену!» 5 июня 1927 г.²⁷¹, судьбу «сердца вольных стран»:

Суров и дик седой Урал.
Вершины его гор угрюмы.
И под броней могучих скал
Хранит таинственные думы....
В его горах добудет труд
Владыки жизни – человека –
Не кучи, – горы лучших руд
На стройку будущего века.

---

²⁷⁰ В. А. Макаров был видным уральским литератором 1920-х – 1930-х гг. – руководителем литературного отдела газеты «На смену!», позднее – главой магнитогорской литературной группы «Буксир».

²⁷¹ Голдин В. Н. Поэзия периода военного коммунизма, НЭП и первой пятилетки. Кн. 1. С. 194.

Сходную тему разрабатывало и стихотворение челябинской поэтессы А. Шелест²⁷², напечатанное в газете «Челябинский рабочий» 28 сентября 1928 г.²⁷³:

Лежит угрюмый великан,
Стекает медью шевелюра...
Сдавила жадная рука
Сокровища в камнях бурых.
В лесах столетних тишь и тлен,
Как будто век еще пещерный,
У водоемов пьет олень
И топчет мох зелено-серый...
Поют стальные провода,
Пусть жутки волчьи баллады,
А все же из Москвы сюда
Летят по радио доклады.

Седой Урал в 1920-е гг. выступал ключевым образом для регионального воображения²⁷⁴: горная кладовая, дикий край, ждущий освоения. Как мы видели выше, по мере развертывания пятилетки образ дикого края постепенно уступал место географии форпостов индустриализации. Уральская глушь становилась подручным материалом,

---

²⁷² Уже в 1930 г. Шелест будет исключена из Уральской ассоциации пролетарских писателей за «проведение в творчестве троцкистско-меньшевистских взглядов» и «неопределенное отношение к коммунистической партии и ее ведущей роли» (Голдин В. Н. Поэзия периода военного коммунизма, НЭП и первой пятилетки. Кн. 1. С. 37).

²⁷³ Голдин В. Н. Поэзия периода военного коммунизма, НЭП и первой пятилетки. Кн. 2. С. 218–219.

²⁷⁴ Уже в годы Великой Отечественной войны этот образ был творчески осмыслен И. И. Воскобойниковым, автором картины «Седой Урал кует победу» (1942). Сам Воскобойников был кадровым рабочим Харьковского паровозостроительного завода имени Коминтерна и художником-любителем; будучи эвакуированным вместе с заводом из Харькова в Нижний Тагил, он быстро усвоил на новом месте азы локальной мифологии. Сходный мотив можно усмотреть в памятнике Уральском добровольческому танковому корпусу (скульпторы В. А. Дружин, П. А. Сажин, 1962), где старик-сталеваар, провожающий на фронт молодого танкиста, визуально воспроизводит тот же образ таинственного бородатого старца – седого Урала. Этот же мотив был уже в 2005 г. повторен в монументе «Уральцам, ковавшим победу» Г. Геворкяна, установленном на площади Обороны в Екатеринбурге (Иванов С. Горнозаводская цивилизация. М.: АСТ, 2014. С. 271). Образ старика с мечом, конечно, амбивалентен: картина Воскобойникова была создана в Нижнем Тагиле, старом промышленном центре. Другой знаменитый меч Урала, иезвийный на монументе «Тыл – фронту» (скульптор Л. Н. Головницкий, 1979) в Магнитогорске, обошелся без старика: здесь молодой рабочий вручает его солдату. В новом промышленном центре, «молодом городе», образ старика оказался совершенно ненужным.

из которого человеку предстоит создать величественные города и заводы. В 1934 г. березниковский поэт-рабочий С. Якамсин использовал все тот же образ седого Урала, кладовой богатств²⁷⁵:

В лесах густых,
В снегах глубоких,
В ущельях диких
Горных скал

Сердитый вид
И дики нравы
Хранил в себе
Седой Урал,
В себе хранил
Он также много
Железных руд,
Цветной металл

И никому
Свои богатства
Не отдавал.

Но за этими образами у Якамсина следовал пафос социалистического преобразования, осуществившегося на камских берегах и на уральских утесах:

Топор блеснул,
Сосна упала,
В глуши раздался
Звон кирки,

На фронт борьбы
С тайгой, болотом
Пришли сюда
Большевики.

И вот
В краю глухом и диком,
Где «зверь» умел
Лишь есть и спать,

---

²⁷⁵ Якамсин С. Урал // Ударник. № 147 (2550). 28 июня 1934 г.

Не для себя,
Для миллионов
Здесь стали новый
Край ковать.

Ковали крепко,
Дружно, смело,
Взрывая цепи
Горных скал.

Сердитый вид
И дики нравы
Здесь потерял
Седой Урал.

Теперь вот здесь
Громады зданий,
Дворец, театр,
Их каждый зал

Как в зеркале
Отображает
Переродившийся
УРАЛ.

Опубликованное летом 1930 г. в «Челябинском рабочем» стихотворение Г. Чугунова «Пустыри» в лирических тонах описывало пустошь, бывшую когда-то на месте Тракторостроя, и одновременно радовалось ее гибели, из которой рождается созидание²⁷⁶:

Помню время, песнею пропетое,
Помню, в детстве пустыри любил,
Вместе с ветром пустырями этими
Я вдвоем задумчиво бродил.

Там, где ветры ковыли тревожили,
Там вот, позапрошлый год
С песнями да флагами заложили
Тракторный завод.

---

²⁷⁶Чугунов Г. Пустыри // На смену! № 126 (1181). 7 июня 1930 г.

И теперь он линиями четкими
Высится незыблемый такой.
И, как прежде, тихую походкою,
Я бреду полынной тропой.

Я бреду и напряженно думаю,
Как из этих заводских ворот
Выступят на пустыри угрюмые
Тракторы в решительный поход...

И распашут заросли полынны
Под ядерные да хлебные поля.
Будет ветер виться над равниной,
Всходы молодые шевеля.

И тогда, быть может, поседевший,
Радостью за эту явь горя,
Вспомню гибель отзвеневшую
Дорогого в детстве пустыря.

Различия стихотворений конца 1920-х гг. и середины 1930-х гг. показывают как преемственность в образе седого, дремлющего Урала-сокровищницы, так и разрыв, связанный с тем, что преобразование седого Урала приобрело теперь совершенно четкие и ясные формы. Не будем преуменьшать глубину разрыва: весь романтический дискурс о кладовой был построен вокруг контраста между угрюмым настоящим и прекрасным будущим, когда решительный и смелый человек заберет-таки у Урала его богатства. Романтико-созерцательный лиризм оказался ненужным для идеологии строительства. Реализация строительного проекта предполагала, что *будущее* стало теперь *настоящим*, и дело должно идти отныне о контрасте между угрюмым прошлым и прекрасным настоящим, полностью заменив лирическое любование природой ее агрессивным преобразованием.

Но если все виды средств выразительности для критики *прошлого* уже имелись в наличии, будучи хорошо разработанными еще до революции (критика крепостных порядков демидовского Урала, описания угрюмой и дремучей природы), то вот подходящий язык для описания *настоящего* предстояло создавать. Его основой стала промышленная гигантомания, становившаяся тем сильнее, чем более устрашающими оказывались тяготы строительства. Но хотя заводы-гиганты и были важнейшим, ключевым звеном всей программы сталинского социализма, все же они не были самоцелью. Целью

было изменение жизни людей, трудящихся на заводах. Гигантскому заводу, описываемому при помощи аналогии с капиталистическими образцами (как у Моргана, только лучше! как у «Катерпиллера», только лучше!), должен был соответствовать небывалый город. Как описать, помыслить, представить его?

Хотя большевизм предполагал радикальный разрыв с предшествующими коммунальными реалиями, большевистские элиты 1920-х гг. не имели ясного и четкого представления о том, каким будет расселение при грядущем социализме, руководствуясь преимущественно дореволюционными представлениями о новых городах. Представления эти следовали в русле обширной утопической традиции XIX в. – например, знаменитых описаний грядущего расселения в «Что делать?» Н. Г. Чернышевского: огромные дома-коммунуны из «чугуна и стекла», в окружении «садов и рощ», алюминиевая мебель, машины работают за людей, общие трапезы. Городов осталось немного, люди свободно перемещаются по земному шару и живут непредставимо счастливой, полноценной жизнью – утопия Чернышевского постоянно делает акцент на удовольствии, счастье, бодрости обитателей будущего, трудящихся, веселящихся и предающихся любви: «Здесь всякое счастье, какое кому надобно. Здесь все живут, как лучше кому жить, здесь всем и каждому – полная воля, вольная воля»²⁷⁷.

А вот каким видел город будущего близкий к большевикам литератор Я. М. Окунев в утопическом сочинении «Грядущий мир» (1923): «Изящные домики-усадыбы в 2–3 этажа, утонувшие в цветах и зелени, домики из папье-маше, уплотненного до твердости железа, обшитые алюминием. Дома слили свои плоские крыши перекинутыми воздушными кружевными мостами в гигантскую, бесконечную террасу, обсаженную ровными рядами деревьев, с зелеными лужайками, с фонтанами, с павильонами. Кой-где высятся громады университетов и общественных зданий, сверкающие золотом и лазурью своих куполов и шпилей. А внизу – тротуары и мостовые из папье-маше – вся земля зашита в плотную непроницаемую броню»²⁷⁸. Этот город охватывает весь земной шар; Окунев населяет его техническими чудесами – «радиомобилями», воздушными кораблями, приборами для чтения мыслей и так далее. В обоих случаях упоминается алюминий, но у Чернышевского речь идет о домах-гигантах, а у Окунева – о маленьких домиках.

²⁷⁷ Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1906. С. 265.

²⁷⁸ Окунев Я. Грядущий мир. Пг.: Третья стража, 1923. С. 38.

Огромное влияние на то, как в СССР понимали город будущего, оказала концепция города-сада²⁷⁹, принадлежавшая британскому философу Э. Говарду. Впрочем, как справедливо подчеркивает советская исследовательница В. Э. Хазанова, «из понятия “город-сад” в советской архитектурной среде... было полностью изъято то, что составляло основу говардовской идеи и всего последующего “движения за города-сады” в начале века, а именно – особый характер землепользования жителями»²⁸⁰. Надо сказать, представление о «городе-саде» было шире разработок Говарда (оригинальным заглавием говардовского эссе было красноречивое «Будущее: мирный путь к социальным реформам», и лишь у второго издания в заглавии появились прославленные «города-сады»). Ведь и сам Говард вдохновлялся утопическим романом американского автора Э. Беллами «Взгляд назад» (1888), который обладал огромной популярностью в России на рубеже XIX–XX вв.²⁸¹ Идея строительства города будущего в гармонии с природой и в противовес уродливо растущим мегаполисам оказалась востребована в России²⁸²; как правило, в российской публичной сфере «город-сад» и обозначал такую альтернативу в самом широком смысле. Хотя малоэтажную застройку уже к середине 1920-х гг. в Москве и Ленинграде начинают вытеснять многоэтажные жилые массивы,²⁸³ эта концепция города-сада остается привлекательной.

Градостроительные идеи 1920-х гг. комбинировали, по словам В. Э. Хазановой, две тенденции: «Одна из них была введена “пересказом” проектов, принадлежащих членам Общества современных архитекторов, другая словесно воспроизводила фотографии коттед-

---

²⁷⁹ Мазур Л. Н. Соцгород как исторический феномен раннесоветской эпохи // Город, социум, среда: история и векторы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил: Нижнетагильск. гос. соц.-пед. ин-т, 2017. С. 8–9.

²⁸⁰ Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. Проблема города будущего. М.: Наука, 1980. С. 22. См. также: Меерович М. Г. Градостроительная политика СССР 1917–1929. От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: НЛЮ 2017. С. 7–26.

²⁸¹ Среди отечественных публицистов ей, по-видимому, отдал должное крупнейший экономист А. В. Чаянов в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии».

²⁸² Как пишет О. М. Барковская, такие поэты, как А. Блок и А. Белый, «видели в росте городов торжество “жирной паучихи” капитализма, разрушение мирного домашнего очага “дворянских гнезд”, уподобляли город спруту, который тянет в просторы России свои щупальца – железные дороги, высасывая кровь. Город – “пьяный приплясывающий мертвец”, – сказал А. Блок в статье “Безвременье” (1908)» (Барковская Н. В. Поэзия серебряного века. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1999. С. 8).

²⁸³ Конышева Е. В. Градостроительство и архитектура г. Челябинска конца 1920-х – середины 1950-х годов. С. 27.

жей в английских городах-садах»²⁸⁴; несколько десятков популярных книг, вышедших в 1920-х гг., оперировали подобными концепциями²⁸⁵. Кое-где в середине 1920-х гг. и впрямь были выстроены новые поселки, которые гордо именовали «городами-садами», велось соответствующее жилищное строительство²⁸⁶, но по большей части облик городов СССР – особенно провинциальных городов – изменился к концу 1920-х гг. мало.

Старт индустриализации привел к тому, что момент появления социалистических городов будущего в реальности оказался – внезапно для многих! – приближен едва ли не на расстояние вытянутой руки. Архитекторы старались поймать тренд; так состоялась знаменитая дискуссия урбанистов и дезурбанистов.

Урбанисты отстаивали концентрацию населения в крупных жилых комплексах, одновременно соглашаясь с дезурбанистами в том, что старый город с его скученностью и теснотой обречен. Своего рода манифестом урбанизма стала книга сотрудника Госплана Л. Сабсовича «Города будущего и организация социалистического быта» (1929).

Сабсович рассуждал в жесткой и прямолинейной марксистской логике: «Вместо нынешних гипертрофированных городов, скученных и нездоровых, и вместо нынешних совершенно диких и некультурных поселений деревенского типа, мы должны будем строить поселения какого-то иного типа, наиболее приспособленные как к типу экономической организации социалистического хозяйства, так и к наибольшему удовлетворению потребностей трудящихся в удобных, культурных и здоровых условиях жизни»²⁸⁷. Переход к новому, социалистическому хозяйствованию приведет к тому, что потребуются совершенно новые системы расселения. Так же, как «тракторизация и химизация» в аграрной сфере уничтожают индивидуальные крестьянские хозяйства, социализация быта уничтожит индивидуальные дома и квартиры в социалистическом городе. Старые города придется сносить и строить заново. Новые же, социалистические города будут характеризоваться следующими параметрами: они будут не слишком крупными и основанными на обобществлении быта (общественное питание, прачечные, бани, уборка, воспитание детей и обслуживание «культурно-бытовых» потребностей, а также «полное

²⁸⁴ Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. С. 36.

²⁸⁵ Там же, с. 39–40.

²⁸⁶ О жилстроительстве в Свердловске 1920-х гг. см.: Бурцев А. Г. Самодеятельное строительство жилья в Свердловске 1924–1925 гг. Кооперация и частники // Архитектон: известия вузов. 2014. № 8. URL: http://archvuz.ru/2014_4/10#13 (дата обращения: 02.09.2018).

²⁸⁷ Сабсович Л. М. Города будущего и организация социалистического быта. М.: Гос. тех. изд-во, 1929. С. 21.

раскрепощение женщины)»²⁸⁸. Сабсович отдавал дань характерной гигантомании тех лет, полагая свой амбициозный план легко выполнимым, поскольку обобщение быта «позволит в 2–3 раза (в денежном выражении, а фактически в значительно большее число раз) повысить реальный уровень жизни рабочих, создать для них вполне культурные условия жизни, не хуже, а вероятно, лучше условий жизни среднего американского рабочего»²⁸⁹.

В противовес теории Сабсовича была выдвинута концепция дезурбанизации²⁹⁰, сформулированная философом М. А. Охитовичем и поддержанная влиятельной архитектурной группой ОСА²⁹¹. Хотя уже вскоре Сабсович превратится в настоящий символ «левацкого загиба», в целом большевистский истеблишмент был с его планом солидарен. Так, скорректировать радикальные идеи Сабсовича постарался заместитель наркома просвещения РСФСР Н. А. Милютин, автор книги «Соцгород» (1930). Он тоже высказывался за развитие общественного воспитания, раскрепощение женщины и «ломку» семьи; люди социализма будут проживать в «ячейках» с «минимумом всего необходимого»²⁹². Но произвести кардинальный переворот в быту за короткий срок невозможно, поэтому по всем линиям преобразований нужна определенная постепенность (жилая единица – «ячейка», а не спальная кабина).

Взгляд на социалистический город будущего, сложившийся к рубежу 1920-х – 1930-х гг. в СССР, можно охарактеризовать как *эkleктику*, включавшую, как правило, пять главных элементов: основополагающий постулат о полноценной и счастливой жизни в городе будущего, а также идеи города-сада, политехнической педагогики, обобщения быта, футуристического техницизма. Кроме того, чрезвычайно важной чертой представлений о социалистическом городе будущего была его характеристика как *принципиально нового*, предполагавшая радикальный разрыв с прошлым²⁹³. Как справедливо отмечает современный исследователь М. Г. Меерович, объективный подсчет сравнительной стоимости единицы площади коттеджа и многоквартирного

²⁸⁸ Сабсович Л. М. Города будущего и организация социалистического быта. С. 29.

²⁸⁹ Там же, с. 56.

²⁹⁰ См.: Меерович М. Г. Советский город в дискуссии 1929 – 1930 гг.: урбанизация или дезурбанизация // Уральский исторический вестник. 2016. № 3. С. 100–111.

²⁹¹ Охитович М. К проблеме города // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 130–134.

²⁹² Милютин Н. А. Соцгород. Проблема строительства социалистических городов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. С. 39.

²⁹³ Ильченко М. С. Образ «социалистического города» в публичной риторике: дискуссии межвоенного периода и современные языки описания // Вестник Перм. ун-та. Сер. История. 2017. № 4 (39). С. 163.

дома «и в те годы, и особенно сейчас представляется невозможным»²⁹⁴. Однако на советское руководство огромное впечатление произвела реализовывавшаяся в 1920-х гг. в Германии программа строительства социального жилья; именно эту программу планировалось использовать для СССР – и потому, что ее финансово-организационная сторона в значительной мере совпадала с советской, и потому, что германский опыт воплощал стандартизованный подход к строительству, восхищавший советскую сторону своей технологичностью²⁹⁵.

Взгляды урбанистов взяли верх; градостроительное планирование на первом этапе пятилетки следовало именно их разработкам. Проекты соцгородов предполагали застройку домами-коммунами и создание системы обобществления быта. Примерами этого могут служить проекты поселка Автозавода в Нижнем Новгороде²⁹⁶, поселков тракторных заводов в Челябинске²⁹⁷ и Сталинграде²⁹⁸, Сибкомбайна в Новосибирске²⁹⁹, района Красный Камень в Нижнем Тагиле³⁰⁰. Первый проект соцгорода Уралмаш 1927 г. был, можно сказать, буквальным следованием концепции города-сада; уже к 1932 г. он был переработан в духе соцгорода с обобществлением быта³⁰¹. Застраивать домами-коммунами планировалось и Магнитогорск³⁰².

Еще в первой половине 1930 г. концепция домов-коммун выглядела победительницей, пользуясь поддержкой в локальной прессе. Например, газета уральской комсомольской организации «На смелую!» ругала вновь выстроенные в Свердловске «дома горсовета»³⁰³

²⁹⁴ Меерович М. Г. Градостроительная политика в СССР. От города-сада к ведомственному поселку. М.: НЛО, 2017. С. 190.

²⁹⁵ Там же, с. 195–197.

²⁹⁶ Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. С. 54; Орельская О. В. Нижегородская архитектура XX века как отражение российского и зарубежного зодчества. Дис... доктора архитектуры. Нижний Новгород: Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2009. С. 118.

²⁹⁷ Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. С. 145.

²⁹⁸ Там же, с. 77–78.

²⁹⁹ Невзгодин И. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. Новосибирск, 2013. С. 48.

³⁰⁰ Олохова О. П. Строительство социалистического города Нижний Тагил: планы и реальность (начало 1920-х – конец 1930-х гг.) Дис... канд. ист. наук. Нижний Тагил: Нижнетагильск. гос. пед. ин-т, 2016. С. 59–60.

³⁰¹ Ильченко М. С. Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда: градостроительный эксперимент 1920–1930-х гг. С. 60.

³⁰² Социалистический Магнитогорск // На смену! № 39 (1094). 15 февраля 1930 г.

³⁰³ Один из домов горсовета был как раз закончен в январе 1930 г.; соответствующее фото было напечатано в «Уральском рабочем» (Уральский рабочий. № 18 (4215). 21 января 1930 г.).

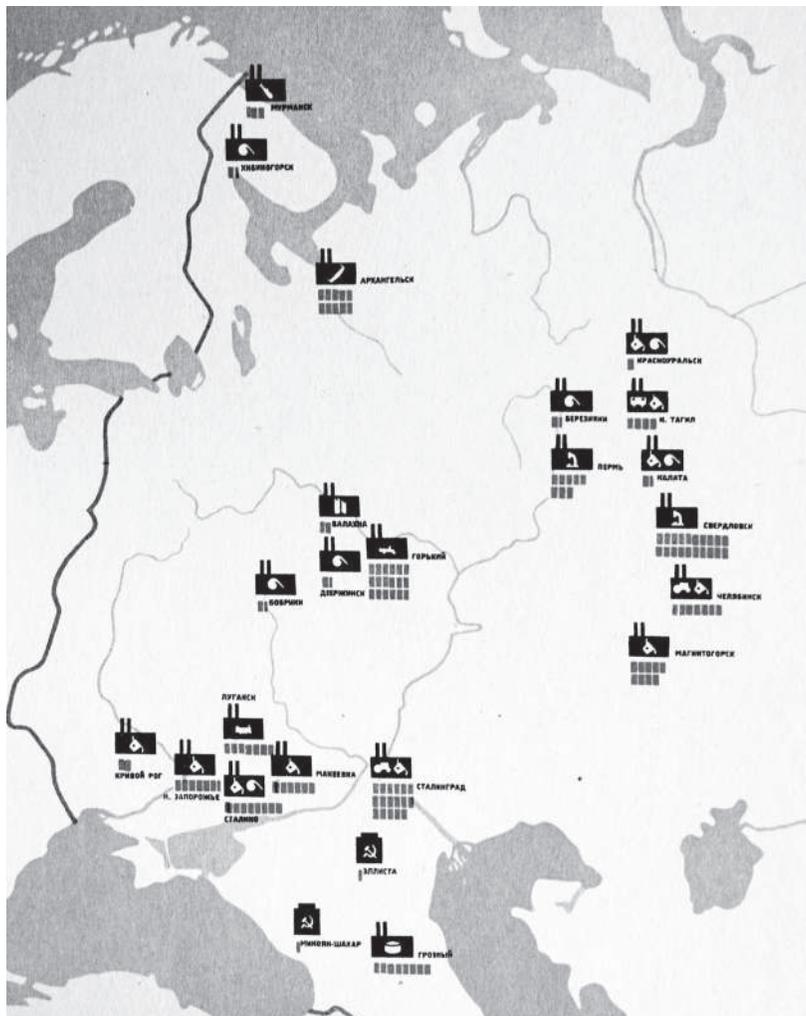

Рис. 15. Новые города СССР (европейская часть). На стройке социализма. Достижения первой пятилетки. М.: ОГИЗ; ИЗОГИЗ, 1933.

за отсутствие в них обобщественного быта, отсутствие яслей и коллективных столовых. Еще больший гнев газеты вызвали коттеджи, которые планировалось строить в рабочих районах: «Коттеджи нам не нужны. На пути к социализму не следует насаждать мешанско-обывательские квартирки, хотя бы и с газовой плитой!»³⁰⁴ В преамбуле к заметке про поселок Челябинкопей редакция комсомольской газеты заключала: «Оздоровление рабочей окраины, развертывание массовой культурно-бытовой работы, насаждение вместо тесных землянок домов-коммун – являются самыми неотложными делами пролетарской общественности и в первую голову комсомола и профсоюзов»³⁰⁵. 15 февраля 1930 г. «На смену!» сообщила о создании студенческой коммуны Уральского политехнического института³⁰⁶. Строителям социализма нужен громадный фаланстер, а не коттедж!

Но особенно привлекал внимание комсомольской газеты Магнитогорск. В статье «Как не надо планировать социалистический город» описывалось выступление архитектора и теоретика градостроения А. У. Зеленко на Магнитострое. Зеленко популярно излагал собравшимся (их, правда было не очень-то много, хотя организаторы обещали собрать тысячу слушателей) суть дебатов между урбанистами и дезурбанистами, обрисовывал главные подходы к планированию соцгорода: возведение домов-коммун на 2 000 человек, строительство двухэтажек на 32 жильца и организация индивидуальных домиков «на столбах». Проведенное тут же анкетирование выявило предпочтения аудитории: 71 % высказался за громадные коммуны, 15 % – за «средние» дома-двухэтажки, и 14 % – за дома на 2–3 семьи. Странников домов на столбах не было, по замечанию газеты, вовсе³⁰⁷. Итоги, впрочем, не должны удивлять: сам лектор Зеленко был сторонником именно первой, урбанистской, концепции расселения. Редакция «На смену!» сочла важным дополнить материал о выступлении Зеленко собственной статьей, которая вышла уже назавтра³⁰⁸. В том же 1930 г. о коммунах писала и главная газета Большого Урала. Статья за подписью Ладыгиной требовала развития системы обобщественного быта от имени женщин-работниц,

³⁰⁴ В. В. Коттеджи нам не нужны! Создадим дома-коммуны! // На смену! № 61 (1116), 14 марта 1930 г.

³⁰⁵ В дебрях «Афона» (от нашего спец. корреспондента) // На смену! № 61 (1116), 14 марта 1930 г.

³⁰⁶ Росе Н. Бытовая коммуна УПИ // На смену! № 39 (1094). № 83 (1138), 15 февраля 1930 г.

³⁰⁷ Б. Вас. Как не надо планировать социалистический город // На смену! № 83 (1138), 10 апреля 1930 г.

³⁰⁸ С. Роз. Контуры города социализма. Против старых идей под новой вывеской // На смену! № 84 (1139), 11 апреля 1930 г.

причем тема возведения домов-коммун и борьбы с мелкобуржуазными «гнездышками» здесь была лишь риторической прелюдией для требования увеличить количество мест в яслях³⁰⁹.

Дома-коммуны считались тогда частью форсированного перехода к социалистическому быту, наряду с ликвидацией торговли и денег, уравнительной заработной платой, организацией трудовых и ударных коммун. В начале 1930 г. «многие видные чиновники и экономисты считали, что постепенное уничтожение торговли... означает, что деньги уже теряют свое значение», а «системы финансового контроля и арбитража были по большей части упразднены; бюджет отошел на вторые роли по сравнению с “единым финансовым планом”»³¹⁰. Но все углублявшийся на протяжении 1930 г. кризис строительства привел к краху этих начинаний³¹¹; начался болезненный процесс поиска «новых форм и механизмов трудовой мотивации»³¹², которые были бы совместимы с плановым хозяйством и отсутствием частной собственности. Проект форсированного обобществления быта потерпел быстрое и жестокое поражение. В частности, от строительства домов-коммун большевистское руководство окончательно отказалось по итогам визита комиссии председателя правления Востокостали И. В. Косиора в Магнитогорск, прошедшего в начале весны 1930 г.³¹³

Уже 16 мая 1930 г. появилось постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта», с откровенностью констатировавшее: «Наряду с ростом движения за социалистический быт имеют место крайне необоснованные полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные

³⁰⁹ Ладыгина. Социалистическую перестройку быта – в порядок дня // Уральский рабочий. № 20 (4217). 24 января 1930 г.

³¹⁰ Davies R. W. *The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930*. London: Macmillan Press, 1989. P. 478–479.

³¹¹ «В 1930 г. распространялись утверждения о том, что нормированное распределение не порождение временных трудностей, а непреходящая черта социалистической экономики. В ноябре 1930 г. наркомат торговли был переименован в наркомат снабжения, однако эти ортодоксальные веяния оказались недолговечными. Несколько месяцев спустя понятие “торговля” было восстановлено, и в мае 1931 г. было отменено нормирование многих промышленных товаров» (Дэвис У. Р., Хлевнюк О. В. Отмена карточной системы в СССР. 1934 – 1935 г. // Отечественная история. 1999. № 5. С. 88). Сам В. М. Молотов в докладе 1934 г., посвященном отмене карточного нормирования хлеба, представлял карточную систему как временное ограничение во имя коллективизации, одновременно подчеркнув, что переход к новой «торговле без капиталистов» и дифференциация зарплат добьет «мелкобуржуазную обезличку» и поможет организовать «материальное поощрение лучших работников, честных в своей работе» (Правда. 30 ноября 1934 г. № 329).

³¹² Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. С. 7.

³¹³ Федосихин В. С. Сергей Чернышев – автор жилого квартала № 1 в Магнитогорске // Архитектура. Строительство. Образование. 2016. № 1 (7). С. 120.

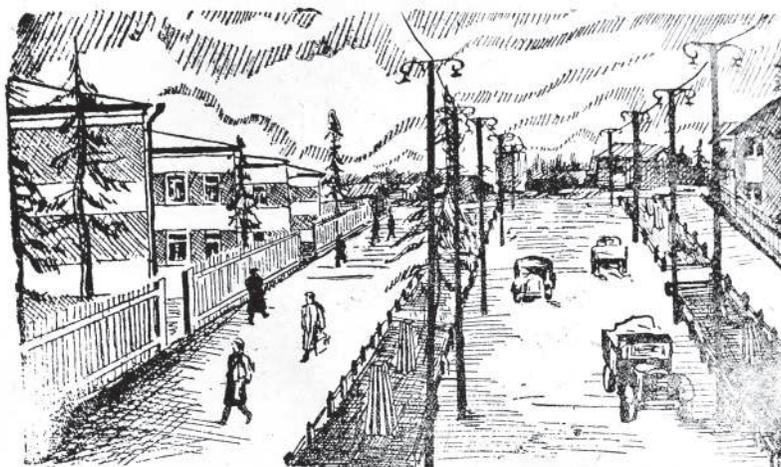

Рис. 16. Улица Пятилетки в Берзениках. Ударник. 8 октября 1934 г.

попытки отдельных товарищей (Сабсович, отчасти Ларин и др.) “одним прыжком” перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся, с одной стороны, в экономической и культурной отсталости страны, а с другой – в необходимости в данный момент сосредоточить максимум ресурсов на быстрой индустриализации страны, которая только и создает действительные материальные предпосылки для коренной переделки быта»³¹⁴. В противовес этому ЦК требовал усилить финансирование с помощью привлечения кооперации к возведению новых городов³¹⁵, а также сфокусировать усилия на строительстве общественной инфраструктуры (фабрики-кухни, школы, ясли, прачечные, бани и прочее), то есть на «частичном обобществлении» быта.

От обобществления быта как принципа большевистское руководство отказываться не собиралось. Так, в 1934–1935 гг. оно фигурировало в качестве основной цели в генеральном плане Челябинска³¹⁶.

³¹⁴ Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.; Л.: ОГИЗ, 1931. С. 127.

³¹⁵ На самом деле проект кооперативного строительства к концу 1930-х гг. будет окончательно свернут (Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917 – 1937 годы). М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. С. 281).

³¹⁶ Конышева Е. В. Градостроительство и архитектура г. Челябинска конца 1920-х – середины 1950-х годов. Дис... канд. искусствоведения. СПб.: Санкт-Петербургский гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, 2003. С. 107.

Аналогичным было и внимание к другой части Урало-Кузбасса – осенью 1931 г. в журнале «Смена» было опубликовано впечатляющее описание строящихся соцгородов Кузнецкого угольного бассейна с прелестями обобщественного быта и высокоразвитой социальной инфраструктуры – озеленение и чистота, ясли и механические прачечные, жилые дома без кухонь, бесшумные троллейбусы на улицах, совхозное изобилие вокруг городов³¹⁷. Но для нового взгляда на город определяющим понятием все в большей мере становились культурное обслуживание и благоустройство. Натиск же на твердыни традиционного быта был приостановлен в 1932–1934 гг., когда была постепенно ликвидирована карточная система и СССР вернулся к использованию денег в системе распределения – само «определение социализма было кардинально модифицировано»³¹⁸, исключив возможности быстрой перестройки быта в духе предложений Сабсовича.

При этом, хотя быстрый рост населения в поселках реконструируемых заводов всегда подчеркивался в публицистике и был предметом гордости, гигантомания в отношении новых городов была сдержанной. Если новые заводы должны были быть как у «Катерпиллера», только больше, то новым городам вовсе не следовало целиком копировать капиталистические мегаполисы. Рациональное размещение производственных мощностей предполагало определенную децентрализацию, невозможную при капитализме, где рост городов «шел стихийно, хаотично, путем нагромождения каменных, а впоследствии железобетонных массивов»³¹⁹. В отличие от таких капиталистических чудовищ, социалистические города будут опираться на подчеркнута рациональные системы расположения жилья и, не будучи удерживаемы «стальными законами» рынка, в полной мере используют потенциал научной урбанистики.

Кроме того, к концу 1930 г. окончательно стало ясно, что трансформирующиеся города по существу являются заводскими поселками – если завод является основным кирпичиком строительства пятилетки, то социалистические города непосредственно привязаны к заводам. Это было предметом для гордости; к примеру, авторы одной из книг о Магнитогорске, Б. Н. Булатов и Г. Н. Геккер, прямо заявляли: «Разве не было бы кричащего противоречия между тем, что рабочий Магнитогорского завода – передового социалистического предприятия, вооруженного с головы до ног всем тем, что дали соединенные

³¹⁷ Тимошенко А. И. Решение социальных проблем в программе «Урало-Кузбасс»: проекты и реализация // Уральский исторический вестник. 2011. № 1. С. 36.

³¹⁸ Davies R. W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. P. 485.

³¹⁹ Булатов Б. Н., Геккер Г. П. Магнитогорск. М.; Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1931. С. 139.

усилия науки и техники – видел бы у себя в цеху и за стенами завода – в поселке, дома. Бытовая надстройка была бы в явном несоответствии с его производственной базой. <...> Здесь не может быть ни полумер, ни паллиативных путей решения вопроса. Социалистический город как социально-бытовой комплекс должен стать четвертым звеном всего Магнитогорского комбината»³²⁰. Одновременно соцгорода являются стройплощадками, куда постоянно прибывает все новое и новое население³²¹. Это накладывало отпечаток не только на архитектуру и городское планирование, но и на все аспекты социальной жизни новых городов.

Какими же были основные черты соцгорода на Большом Урале?

---

³²⁰ Булатов Б. Н., Геккер Г. П. Магнитогорск. С. 143.

³²¹ Б. Булгаков в работе «За образцовое обслуживание новостроек» (1932) подчеркивал, что по численности населения Магнитогорск уже обогнал Свердловск, Самару, Ярославль и другие «города-старика». Вместе с тем социалистический «город будущего» только начат постройкой, а основным типом жилья является «временный барак», соответственно, основная масса населения – это «временные» жители, которым по завершении строительства придется переместиться в другое место (Булгаков Б. За образцовое культобслуживание новостроек. Очерки по культработе в Магнитогорске. М.: Профиздат, 1932. С. 13).

Глава 3

Соцгород

Это будет город простой и светлый,
где дома и вся окружающая обстановка, работа и отдых
рождают бодрость и жизнерадостность.

А. Галл.

*«Строится социалистический Свердловск»
Уральский рабочий, 23 марта 1930 г.*

АНАТОМИЯ СОЦГОРОДА

Соцгород – это поселение при заводе-гиганте, коммунально-бытовая надстройка, опирающаяся на производственный базис. Новый быт социалистического города вытекал из экономического «перелома» и возникновения новой экономики. Стремительный рост заводов-гигантов превращал города начала 1930-х гг. в конгломераты заводских поселков³²². Вначале этим гордились. Так, журналист Л. П. Неверов в статье, посвященной челябинским новостройкам и вышедшей в «Уральском рабочем» в декабре 1933 г., превозносил строительство заводов-гигантов как главный путь к эффективному городскому развитию: «Пройдитесь

---

³²² Конечно, новый соцгород сохранял многие черты вполне традиционного заводского поселка. Вместе с тем, принципиально важно видеть различия между «горным гнездом» до-революционной идентичности и «социалистическими гигантами» пятилетки. Современная исследовательница М. В. Капкан анализирует эту же проблему сквозь призму противопоставления двух мифов – мифа города и мифа завода: «Здесь налицо два типа самоопределения поселения – промышленный город и поселок при заводе. Решение проблемы идет двумя путями в зависимости от избираемой идентичности. В первом случае идет обращение к универсальным метафорам урбанизации и актуализация собственно городской составляющей культуры города-завода. Во втором случае происходит разработка базовых мифологем Урала и эксплуатация структур сельской культуры» (Капкан М. В. Уральские города-заводы: мифологические конструкты // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2006. № 47. С. 43). Если использовать эти категории, то в начале 1930-х гг. большевистские идеологи и пропагандисты, отдававшие приоритет технологиям производства и урбанистической инфраструктуре, обеспечили именно первому типу самоопределения решительный перевес.

по улицам сегодняшнего Челябинска, поезжайте на трамвае в северный куст гигантов, садитесь в автобус и посмотрите на кварталы тракторного, всюду, бродя по городу, вы упретесь в заводы, в целые шеренги предприятий, выстроенных большевиками. Заводы выращивают новый город, целую систему прекрасных городов»³²³. Группа челябинских архитекторов в статье для журнала «За социалистическую реконструкцию городов», увидевшей свет осенью 1932 г., настаивала: «Новое жилищное строительство во второй пятилетке будет по-прежнему развиваться преимущественно вблизи промплощадок, окаймляя селитьбу старого города жилыми домами отдельных промышленных предприятий. <...> Новые социалистические города должны быть построены строительствами соответствующих промышленных предприятий»³²⁴.

В чем же заключалась эта новизна красного урбанизма? Прежде всего, она проявлялась в отрицании тех характерных черт старого города (в нашем случае – уральского города), которые мы вкратце перечислили в 1-й главе настоящей книги. Новый город во всем должен был противостоять старому, каждая черта провинциальной образности должна была стать своим антиподом.

В 1933 г. в парадном номере «Уральского рабочего», посвященном очередной годовщине Октября, статья И. И. Ликстанова³²⁵ «Новый город» брала городские пейзажи Мамина-Сибиряка за отправную точку, чтобы описать грандиозные преобразования пятилетки на Урале³²⁶. У Мамина, – пишет Ликстанов, – «скупно и скучно ложились на бумагу слова, выцветали краски, когда речь заходила о глухой провинции, о житье-бытье уральских городов». В подтверждение этого тезиса Ликстанов приводит цитаты из «Осенних листьев» и «Именинника». Город Мохов (место действия целого ряда произведений Мамина) с пригородом Тербиловкой – это, конечно же, Екатеринбург и Верх-Исетский завод, причем «Мохов и Тербиловка бесконечно типичны для всей

³²³ Неверов Л. П. Его костяк // Уральский рабочий. № 296 (5530). 26 декабря 1933 г.

³²⁴ Новый Челябинск. Заводы, жилища, водопровод, трамвай // За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 9–10. С. 69.

³²⁵ Статья подписана псевдонимом Кожан; под ним в «Уральском рабочем» писал именно Ликстанов – в будущем писатель всеоюзной известности, автор знаменитейшей повести «Малышок», награжденной Сталинской премией.

³²⁶ Мамина-Сибиряка уральская пресса еще не раз вспомнит в этом же контексте. В 1937 г. К. В. Боголюбов писал в «Уральском рабочем»: «Волею партии и рабочего класса демидовский Урал превращен в Урал социалистический. И теперь, оглядываясь в прошлое, мы еще и еще раз вспоминаем мрачные картины, раскрытые перед нами в картинах знаменитого писателя-уральца». К Демидовым отношение было однозначным: «Писатель дал собирательный портрет всех уральских магнатов, в течение двух столетий жадно сосавших кровь многих поколений крепостных рабов» (Боголюбов К. В. Д. Н. Мамин-Сибиряк // Уральский рабочий. № 261 (6698). 15 ноября 1937 г.).

“Рассеи” и для всего Урала, где купеческие палаты теснили к окраинам рабочие лачуги; где культура была представлена дряннейшим театром, городской транспорт – “гитарами”³²⁷, а все в целом заклеяимо печатью заброшенности, грязи и тупой бесперспективности).

Зато теперь исчезают «грязь и гнилые лачуги Теребиловок – безвозвратное прошлое капиталистических уральских гнезд», полным ходом идет урбанизация Союза: «Рост городов СССР – Москвы и Ростова-на-Дону, Сталинграда и Хибиногорска, Кузнецка и Горького, Баку и Сталино – чудесен и не имеет ничего равного в мировой истории. Что же сказать о городах Урала, где размах индустриализации исключительно широк, где экскаваторы роют гигантские котлованы, а строительные леса особенно высоки? На союзной карте вдоль Уральского хребта вспыхнуло целое созвездие новых промышленных центров: Магнитогорска, Березников, ЧТЗ, Уралмашзавода, Красноуральска, Каменска и многих других. И показателем этого общего роста является Свердловск, в кипящих улицах которого бьется пульс всей гигантской уральской стройки».

В 1931 г. «Челябинский рабочий» упрекал УралУЗП в том, что привезенная в город «буффонада» оказалась «обывательской, пошлой стряпней», и грозно спрашивал: «В какой Челябинск привез УралУЗП этот театр? В старую ли Челябину, купеческую, мещанскую, пьяную Челябину спекулянтов, лавочников, лабазников? Или в новый, ударный, индустриальный Челябинск, город социалистического труда, невиданных темпов строительства?»³²⁸ Брошюра «Прошлое и настоящее Челябинской области» (1937) описывала отсталое прошлое Южного Урала с помощью цитат из все того же Мамина-Сибиряка, который в рассказе «Ночевка» (1891) «мимоходом дал уничтожающую характеристику состояния городского хозяйства дореволюционного Челябинска»³²⁹. На фоне этой неприглядной картины, созданной средствами дискурса провинции, составители брошюры развертывали образ нового города: «Внешний вид наших социалистических городов резко изменился. На месте подслеповатых, покосившихся халуп высятся многоэтажные светлые дома-дворцы, заселенные рабочими и служа-

---

³²⁷ «Гитара» – сленговое название дешевой извозчицей повозки в дореволюционной России.

³²⁸ Наш вопрос УралУЗП // Челябинский рабочий. № 158 (1609). 10 июля 1931 г.

³²⁹ Из всего рассказа, впрочем, составители подобрали фрагмент об отсутствии на невероятно ухабистых улицах старой Челябины тротуаров, который в «Ночевке» был еще наименее «уничтожающим»: рассказ повествует о пытающихся найти в Челябинске ночлег Мамине и его кучере Андрониче и попадающих то в заваленную грязью избу, то в оккупированный клопами и блохами флигель, и завершается тем, что атакованный блохами Андронич, неистово чешась, на чем свет стоит ругает город и его жителей.

щими фабрик и заводов. Вырос новый город – Магнитогорск, выросли рабочие городки при ЧТЗ имени Сталина, ЧГРЭС, ЧЭМК и др. Культурно и счастливо живут трудящиеся нашей области»³³⁰. В 1936 г. березниковская газета «Ударник», помещая материалы в рубрику «День нашего города», начинала так: «Там, где еще в 1928 году простирались болотистые, мшистые пустыри, старый, густой лес, теперь вырос новый город сталинской эпохи: Березники. Жизнь Березников бьет ключом. Пульс этой жизни – пульс победоносного социализма. Любой день жизни города, его учреждений, предприятий наполнен богатым содержанием... Без шума и треску советские люди творят новую жизнь, своими делами ускоряя построение величественного здания, имя которому – бесклассовое социалистическое общество»³³¹.

Имена дореволюционных заводоладельцев отныне приобрели пейоративное звучание. Основную роль играли, конечно, ненавистные Демидовы; нелюбовь дореволюционной публицистики к Демидовым, считавшимся символом крепостнического гнета, теперь превратилась в универсальный метод для описания старого Урала. Демидовых отныне поминали проклятиями даже там, где настоящие Демидовы никогда не подвизались. Так, 7 ноября 1931 г. газета «Молотовский рабочий» вышла с лозунгом: «Мы ударники, а не рабы Демидовых! Построим мы такой Урал, какого мир не видывал!» А в 1938 г. первоуральская газета «Под знаменем Ленина», делая своего рода смотр итогов строительства в районе, противопоставляла счастливый социалистический город дореволюционному кошмару: «Старожилы помнят, чем была проклятая Шайтанка с ее многочисленными церквями, кабаками, которыми кровопиец Демидов со сворой своих лакеев одурманивал трудящихся. Старожилы помнят кошмарное прошлое, беспощадный гнет, дикий произвол на заводах Демидовых»³³². Зато большевики повели прогресс семимильными шагами: «Быстро растут культурные социалистические городки. Ширится сеть школ, клубов, детских яслей, магазинов, кинотеатров и т. д. Это радует сердце каждого патриота нашей страны, нашего города, нашего района». Перечислив разнообразные промышленные мощно-

³³⁰ Прошлое и настоящее Челябинской области. Челябинск: ОГИЗ, 1937. С. 26–27.

³³¹ День нашего города // Ударник. № 1 (2989). 1 января 1936 г.

³³² К сожалению для автора заметки, даже старейшие жители Первоуральска не помнили и не могли помнить Демидовых. Как отмечает автор соответствующей статьи энциклопедии «Металлургические заводы Урала» Д. В. Гаврилов, Н. Н. Демидов еще в 1767 г. продал завод братьям Е. А. и С. А. Ширяевым, из их рук завод попал в казенное управление, в 1810 г. его купил М. Ф. Ярцев, а его сын разделил завод между своими дочерьми, М. И. Кузьминой и О. И. Берг. В 1869 г. муж О. И. Берг, полковник П. В. Берг, смог выкупить у Кузьминой ее часть и до 1918 г. оставался владельцем предприятия (Металлургические заводы Урала. Энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2001. С. 514–516). Единственным «кровопийцей», которого могли помнить старожилы, был, таким образом, полковник Берг.

сти, введенные в строй за годы первых двух пятилеток, газета гордо заключала: «Нет больше проклятой демидовской шайтанки!»

В отдельных местах жупелами старого мира выступали местные заводчики. Лысьвенская газета «Искра» постоянно вспоминала недобрым словом графов Шуваловых, а калатинская «Больше меди» рядом со статьей о новой Калате поместила заметку «Калата графини Стенбок-Фермор», живописавшую ужасы капиталистического угнетения³³³.

А в 1934 г. заметка о Сталинском районе города Свердловска, помещенная в «Уральском рабочем», даже обыграла клише о «новых городах»: «Мы уже привыкли к ярким сравнениям. Уездный город, который превратился в крупнейший индустриальный центр – явление нередкое на Урале». Это, однако, была лишь прамбула к беспрецедентно яростному использованию противопоставления *тогда / теперь*: «Но с чем сравнить рост Сталинского района? Нельзя сказать, что район был в 28 или 29 г. захолустным пригородом Свердловска. Этого никак нельзя сказать – ибо никакого пригорода на его месте не было. <...> Еще в 1928 г. для того, чтобы создать историю территории, на которой расположен сегодня

Рис. 17. «Тогда» и «сейчас»: картины дореволюционной жизни (а) и социалистического строительства (б), видны здания дома культуры и кинотеатра, реально выстроенные в Березниках). Ударник. 15 июля 1935 г.

³³³ Калата графини Стенбок-Фермор // Больше меди. № 244. 7 ноября 1935 г.

крупнейший индустриальный район, оставалось лишь добросовестно записать историю охоты в дичайших здешних лесах»³³⁴. Зато теперь поселок Уралмашзавода «вырастает в благоустроенную индустриальную столицу нового промышленного района», в которой «высятся прекрасные многоэтажные здания ФЗУ, фабрики-кухни»³³⁵, имеются «свои поликлиники, свой хлебозавод, несколько клубов», а также «свое кино и свой цирк», радиоузлы, газеты... Эта картина неслыханного урбанистического развития подкреплялась фотографиями – панорамой Уралмашзавода и видом жилой застройки улицы Ильича с площади 1-й пятилетки (выполненном так, чтобы в кадр «случайно» заглянул трамвайный вагон – символ коммунального процветания).

Конечно, форсированная урбанизация оказалась чрезвычайно болезненной. Стремительный приток населения в города обострил и без того тяжелый жилищный кризис (к тому же советские планировщики совершили ряд ошибок в определении темпов и объемов роста городского населения), породив масштабную *трущобизацию*. В СССР эры первых пятилеток трущобы приняли облик барачных поселков, самстроев, «шанхаев» из лачуг и землянок. Это был тот же самый процесс трущобизации, через который прошли и до сих пор проходят страны Латинской Америки, Африки, Азии и с которым западноевропейские страны столкнулись в основном в более ранний исторический период. Как показывает мировой опыт, трущобизация является неизбежной при быстром росте городов; промышленные поселки Донбасса, интенсивно разраставшиеся в последние десятилетия царской России, до определенной степени иллюстрируют это соображение³³⁶.

Но хотя *трущобизация* в СССР была лишь частным проявлением глобального процесса, неразрывно связанного с урбанизацией, в условиях плановой советской экономики она имела свою специфику. Для определения этой специфики можно воспользоваться знаменитым определением Н. И. Бухарина, который отмечал когда-то, что плановая экономика переходного периода страдает кризисами «навыворот»³³⁷: в отличие от капиталистических кризисов перепроизводства, когда предложение превосходит спрос, плановая экономика подвержена кри-

³³⁴ Район, созданный заново // Уральский рабочий. № 6 (5540). 6 января 1934 г.

³³⁵ Чтобы быть точным, все же ни школа ФЗУ, ни фабрика-кухня не дотягивали и до 4 этажей.

³³⁶ См.: Куликов В. А. Корпоративный порядок и общество в заводских и рудничных поселках Юга Российской империи в последней трети XIX – начале XX в. // *Tractus Aevorum*. Сетевой научный журнал. 2018. № 5 (1). URL: <http://ta.bsu.edu.ru/ru/current-issue/144> (дата обращения: 01.09.2018).

³³⁷ Бухарин Н. И. Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1988. С. 394.

зисам дефицита, когда предложение не в силах удовлетворить спрос. Если трущобизация в рыночных условиях связана не с дефицитом жилья, а с отсутствием платежеспособного спроса, вынуждающего людей, не способных приобрести либо арендовать дорогую жилплощадь, ютиться где попало, то советская трущобизация протекала в условиях отсутствия свободной торговли недвижимостью и определялась жесточайшим дефицитом свободного жилья, которое вводилось в строй в недостаточной мере по совокупности причин разного рода. В силу этого распределение жителей осуществлялось не на основании их дохода (богатые люди – в дорогих кварталах с большим количеством жилой площади, бедные – в дешевых кварталах с минимумом жилой площади), а на основании того, что М. Г. Меерович называет «наказанием жилищем»³³⁸, то есть сложной системы дифференциации жителей по их роли в строительном и производственном процессах.

Сами же советские вожди считали, что новые социалистические города радикально отличаются от капиталистических мегаполисов и, в частности, не страдают от трущобизации. В начале 1930-х гг. Л. М. Каганович закрепил за собой позиции главного авторитета по жилищно-коммунальным вопросам, вытеснив с этой роли обладавшего несравнимо меньшим аппаратным могуществом главу СНК РСФСР Д. Е. Сулимова. История о Кагановиче как ключевой фигуре советского урбанизма 1930-х гг. заслуживает отдельного исследования; мы же ограничимся здесь обращением к его докладу на пленуме ЦК ВКП(б) 1931 г. – именно с этого доклада, изданного отдельной книжкой в том же году, и начинается история Кагановича-урбаниста.

Доклад Кагановича можно в определенном смысле считать важнейшим текстом по градостроению в довоенном СССР; определения этого доклада оказывали решающее влияние на развитие всех представлений о городском благоустройстве 1930-х гг.³³⁹ Каганович начи-

---

³³⁸ Выражение «наказание жилищем» не отражает советскую специфику должным образом, поскольку не является связанным сугубо с плановой экономикой. Рынок способен наказать жилищем точно так же, как советский планировщик, и может подобно градостроителям первых пятилеток обречь массу людей на проживание в лачугах. Трущобы не были характерны только для СССР с его плановой экономикой, и не было уникальным и стремление советских властей использовать сконцентрированный в своих руках жилой фонд для поощрения тех лиц, которые по тем или иным причинам считались заслуживавшими этого; в рыночной экономике лица, занимающие более значимые позиции, также получают лучшее жилье, и их лояльность точно так же стимулируется материальной стороной дела. Следовательно, уникальной чертой соцгорода являлась вовсе не концентрация жилищного фонда в руках государства, а отсутствие рыночных отношений и связанный с этим перманентный дефицит.

³³⁹ 15 июня 1931 г. пленум ЦК ВКП(б) принял резолюцию «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР», целиком состоявшую из формулировок доклада Кагановича.

нал с противопоставления: «У некоторых наивных людей существует представление о том, что такие города, как Лондон, Нью-Йорк, Париж, Берлин, Вена, во всех своих частях очень благоустроены и чисты. Конечно, эти города имеют богатую материально-техническую базу и в целом благоустроеннее наших городов, но тем ярче там выступает тот факт, что рабочие и беднота живут в тяжелых условиях». Зато в СССР, где не существует прибавочной стоимости, эксплуатации и безработицы, «городское хозяйство служит одной цели, одной задаче: как можно лучше обеспечить рабочие массы и благоустроить рабочие районы»³⁴⁰. Можно сказать, что советские города уже являются социалистическими с 1917 г. Но коммунальное строительство, несмотря на огромные успехи, все-таки отстает от экономического развития.

Выдвигая конкретные соображения о реконструкции Москвы, Каганович прямо заявлял о том, что московский опыт будет лабораторией лучших практик для всего Союза. Что это за практики? Разработка новых стройматериалов и производство их на местах, увеличение роли горсоветов в управлении поселениями, строительство обширной коммунальной инфраструктуры, равномерность распределения новых городов, четкое планирование.

А в 1934 г. уже сам Сталин на XVII партсъезде объявил о том, что в СССР по итогам индустриализации возник новый тип города, сделав акцент именно на трущобах: «Изменился облик наших крупных городов и промышленных центров. Неизбежным признаком крупных городов буржуазных стран являются трущобы, так называемые рабочие кварталы на окраинах города, представляющие груды темных, сырых, большей частью подвальных, полуразрушенных помещений, где обычно ютятся неимущий люд, копошась в грязи и проклятая судьбу. Революция в СССР привела к тому, что эти трущобы исчезли у нас. Они заменены вновь отстроенными хорошими и светлыми рабочими кварталами, причем во многих случаях рабочие кварталы выглядят у нас лучше, чем центры города»³⁴¹.

Выражение Сталина о характере новых советских городов было куда более точным, чем можно подумать! Социалистические города

---

³⁴⁰ Каганович Л. М. За социалистическую реконструкцию Москвы и городов СССР. М.; Л.: ОГИЗ «Московский рабочий», 1931. С. 4.

³⁴¹ Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951. С. 334–335. В отдельном издании сталинского доклада даже были помещены картинки, иллюстрировавшие этот тезис: отвратительная, заснеженная окраина с кривыми домиками и чахлыми деревьями, среди которых бредут пьяные обитатели трущоб, и благоустроенный, летний соцгород посреди зеленых аллей (его облик был написан художником по фотографии реальных новостроек города Иваново).

действительно утрачивали различия между центром и периферией. После ликвидации частной собственности и рыночных отношений, а также сосредоточения практически всего строительства в руках государства городская земля утратила коммерческую стоимость. Важнейший рыночный инструмент, который определял различия между центром и окраиной, оказался упразднен. Как же теперь понять, где центр, а где – окраина?

Разумеется, различия между местоположением конкретных домов по отношению к той или иной локации сохранялись; тот или иной дом мог быть ближе к станции транспорта, к магазину либо распределителю, к зеленой зоне. Равным образом сохранялись и различия в качестве жилой застройки: районы капитальной застройки отличались по своему социальному облику от барачных поселков. У соцгородов имелся и своеобразный административно-политический центр, определявшийся расположением заводоуправления и заводской проходной или, например, городского парка и дома культуры.

Понятие *центра* обладало также эстетическим и идеологическим аспектами, обозначая такое место, которое предполагает особое визуальное оформление. Заводская площадь и проходная, центральная улица и площадь, центральный (так!) парк отдыха – все эти локусы могли пониматься как центральные в идеологическом смысле и потому требующие особого внимания к оформлению, прежде всего – архитектурному. Именно по этой причине крупные уральские города в 1930-е гг. начали обзаводиться «столичной» застройкой, имевшей в первую очередь презентационное значение. Этот архитектурный феномен можно назвать *презентационным проспектом*, своеобразным градостроительным ансамблем, включающим группу зданий высотой от 5 этажей.

Таким ансамблем можно считать застройку проспекта Ленина в Свердловске, осуществленную в годы первых пятилеток. Если сегодня расположиться на городской плотине и смотреть на восток, по направлению проспекта Ленина, то в поле зрения одновременно окажутся здания Уралоблсовета, Дома связи, Уралснабторга, Уралэнерго, театра музыкальной комедии, Дома печати и общежития малосемейных чекистов. Все эти сооружения высотой от 5 до 8 этажей образуют линию из параллелепипедов, кубов и скругленных углов. В 1930-х гг. такого рода парадная застройка, развернутая вдоль проспекта Ленина и тянущаяся от реки Исети примерно на километр вплоть до пересечения с улицей Восточной, символизировала столичный статус Свердловска. Даже несмотря на то, что предполагавшаяся высотная доминанта этой застройки, 17-этажная башня Дома промышленности, так и не была построена, замысел следует признать реализованным. Презентационная застройка проспекта Ленина, такой

социалистический даунтаун, играла для образа Свердловска 1930-х – 1960-х гг. примерно ту же роль, что skyline небоскребов – для образа Нью-Йорка.

Если планировка восточной части Свердловска давала больше свободного пространства, что было характерно для советского градостроения, то расположение зданий вдоль проспекта Ленина было выдержано

Рис. 18. «Презентационный проспект» в Свердловске – район площади Труда. Нейштадт А. Свердловск индустриальный. Свердловск: Уральское изд-во, 1934.

в иной логике: создать впечатление шикарной авеню. В градостроительном плане «Большой Свердловск» (1930) градостроительная специфика центра определялась концентрацией административных и «центральных культурно-просветительных зданий»: «Вновь выстроенные жилые здания остаются, но дальнейшее жилищное строительство прекращается. Здания 5–7 этажные, в отдельных случаях и выше. Плотность застройки 30–40%»³⁴². Таким

образом, центральный район должен был быть единственным, где планировалось возводить здания выше 5 этажей – при том, что жилищное строительство в районе предполагалось свернуть.

Социалистический город, не знавший коммерческого использования земельных участков, все же нуждался в высотных доминантах, которые позволяли показать преимущества новой плановой экономики, подчеркнуть столичный облик. Например, газета «Уральский рабочий» в 1931 г. сообщала о том, что «строительство второй угольно-металлургической базы СССР предъявляет к Свердловску особые требования», а потому 10 кварталов по улице Ленина будут застраиваться «многоэтажными домами» (имелись в виду дома Госпромура с планируемой высотой в 6 этажей)³⁴³. В 1932 г. З. Николаева, описывая строящийся Свердловск на страницах журнала «За социалистическую реконструкцию городов», отмечала: «В Свердловске поражает обилие новых, недавно выстроенных и строящихся зданий. Эти здания в 4, 5, 6 и даже 12 этажей высятся над деревянными лачугами прошлого Екатеринбурга, свидетельствуя о творческой мощи пролетариата – нового хозяина го-

³⁴² Большой Свердловск. URL: <http://www.1723.ru/read/books/sverdlovsk-1930.htm> (дата обращения 01.09.2018).

³⁴³ Строим дома-гиганты // Уральский рабочий. № 55. 25 февраля 1931 г.

рода, пришедшего на смену уральским купцам и промышленникам»³⁴⁴. Итак, многоэтажные здания подчеркивали ведущую роль Свердловска во «второй металлургической базе» (на другом, восточном конце Урало-Кузбасса точно так же отстраивался Новосибирск).

Другим примером последовательной столичной застройки города на Большом Урале был Челябинск. Если презентационная застройка Свердловска была в основном завершена к середине 1930-х гг., то пик строительства в Челябинске, напротив, пришелся на вторую половину десятилетия. Среди новых строительных объектов в Челябинске было несколько настоящих гигантов, возведенных преимущественно в 1934–1936 гг.: гостиница, почтамт, «первый городок чекистов» близ Алого поля, здание областного управления НКВД, дом облизполкома на площади Революции, 7-этажный дом (ул. Свободы, 80) и ряд других зданий. Вдоль центральной улицы Спартак сложился целый ансамбль, вполне отвечающий идее «столичности». В стилистическом отношении центральную часть Челябинска можно считать квинт-эссенцией постконструктивистского стиля.

Аналогичным образом и в других городах СССР концентрация крупных зданий вдоль центрального проспекта или площади превращалась в важный визуальный маркер торжества новой экономики и новой архитектуры. Возведение многоэтажных зданий в региональных центрах развернулось лишь со стартом пятилетки³⁴⁵. Подобные ансамбли характерны практически для всех региональных столиц. Красный проспект в Новосибирске, район площади Чапаева и Красноармейской улицы в Куйбышеве, площадь Павших борцов в Сталинграде, улица Карла Маркса в Хабаровске... Роль этих презентационных проспектов и площадей в системе визуальной репрезентации советского социализма была высока. Строительство высотных зданий оставалось прерогативой крупнейших центров. За годы предвоенных пятилеток на Урале семиэтажный рубеж был взят лишь в Свердловске, Челябинске и Магнитогорске.

Урбанистическая география соцгорода определялась совокупностью трех факторов: поселок при заводе, стирание граней между центром и периферией, презентационный характер крупной застройки.

---

³⁴⁴ Николаева З. Свердловск строится // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. № 4. С. 51.

³⁴⁵ Отличия ярко видны на примере «столичной» застройки Новосибирска 1925–1927 гг., сосредоточенной вокруг площади Ленина: сооружения имели 3–4 этажа, и, хотя их оформление отличалось от старой застройки города, типологически эти здания не выделялись из общей картины. Здания же, построенные в начале 1930-х гг., расположенные южнее по Красному проспекту, отличаются наличием высотных доминант – 7-этажная башня дома-коммуны (известного как «дом с часами»), 7-этажный облизполком, «сто-квартирный дом» и жилкомбинат НКВД, 5-этажное здание треста «Запсибзолото».

Важнейшей частью географии соцгорода была *предзаводская зона*. В определенном отношении ее можно считать эквивалентом дореволюционной заводской площади, где находились контора, господский дом, собор. Но далеко не все соцгорода имели подобную площадь! Уралмаш, Красноуральский медеплавильный комбинат, Магнитка располагали заводскими площадями, где были проходная, заводоуправление и многочисленные объекты инфраструктуры. Часть социальной инфраструктуры тяготела к заводской проходной.

Соцгород Уралмаш был спланирован по лучевой схеме. Улицы поселка выводили на площадь 1-й пятилетки, расположенную перед заводской проходной. В предзаводской зоне Уралмаша, вокруг площади, были расположены школа ФЗУ, проходная, заводоуправление, центральная заводская лаборатория, гостиница, фабрика-кухня, пожарная часть, а также «дом Техучебы», служивший конторским зданием. Банно-прачечный комбинат, поликлиника (ныне утраченная), школа, кинотеатр расположены несколько дальше, не входя непосредственно в предзаводскую зону. Аналогичным образом вокруг Заводской площади в Магнитогорске разместились проходная, заводоуправление, гостиница, центральная заводская лаборатория, банк, сберкасса,

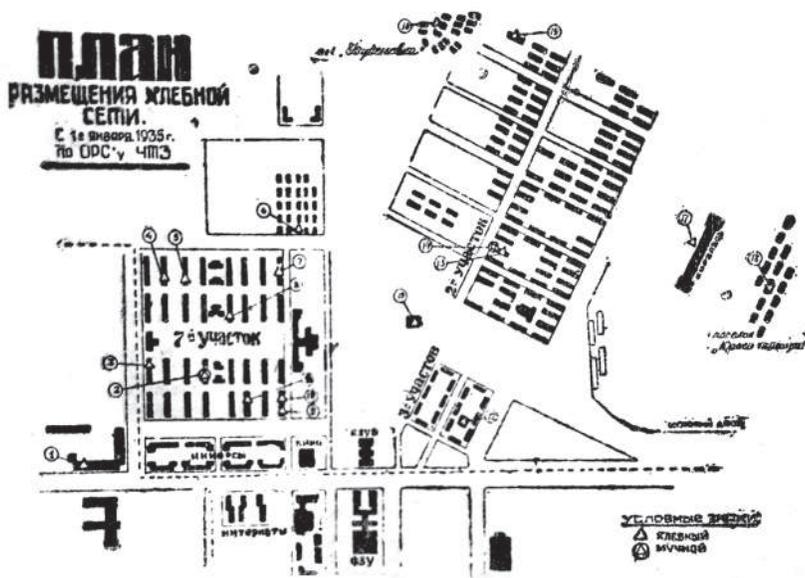

Рис. 19. Схема соцгорода ЧТЗ. Наш трактор. 15 декабря 1934 г.

больница, пожарная станция, ресторан, кинотеатр и дом общественных организаций. Вдалеке от завода, ближе к жилому массиву (он, в интересах здравоохранения, был отдален от завода на несколько километров, хотя и это не уберегло кварталы от поражения выбросами), были построены дворец культуры, ясли, детсады и школы. В Красноуральске элементы социальной инфраструктуры были развернуты словно бы веером: горсовет, баня, школа ФЗУ, техникум, банк, хлебозавод.

А вот соцгород ЧТЗ вовсе не имел предзаводской зоны: социальная инфраструктура завода была развернута почти в километре от проходной, вдоль прямоугольника жилых кварталов. При взгляде на сегодняшнюю карту Тракторозаводского района Челябинска оценить его оригинальную географию сложно. Дворец культуры и театр ЧТЗ расположены на краю капитального жилмассива (7-й участок); когда-то с севера и востока к ним примыкали 3-й участок (рубленные и каркасно-засыпные дома) и 2-й участок (бараки), организованные вдоль нынешней улицы Марченко. Такая география хорошо видна на схеме Челябинска 1939 г. Таким образом, дворец культуры, театр и иные культурно-бытовые мощности поселка ЧТЗ находились в своеобразном центре поселка – посреди различных жилых участков (бараки с востока, капитальное жилье с запада) и на магистрали (улица Спартак), ведущей к заводской проходной. Последовавший во 2-й половине XX в. рост Тракторозаводского района далеко на север сделал центральное положение театра и дворца культуры уже не очевидным.

В Березниках капитальный жилмассив, как и в Магнитогорске, разместился на значительном расстоянии от завода, а социальная инфраструктура была развернута непосредственно в жилом массиве, а не у проходной. Дворец культуры, кинотеатр, больничный городок, горсовет находились в центральной части жилого городка; банно-прачечный комбинат – у юго-западной границы, учебные заведения и центр связи – вдоль западной границы. Таким образом, хотя и Березники, и Магнитогорск были созданы, по сути, на пустом месте, в Магнитогорске социальная инфраструктура тяготела к заводской площади, а в Березниках – к жилому массиву.

В старых промышленных центрах новая застройка наслаивалась на уже существовавшую. В Надеждинске вокруг центральной площади разместились дворец культуры, фабрика-кухня, гостиница, чуть дальше вглубь поселка – больничный городок и школа. Впрочем, сама эта площадь располагалась в непосредственной близости – порядка 100 метров – от заводской проходной и конторы. Однако застройка рядом с проходной уже была сформирована до 1917 г.!

Итак, общественный центр соцгорода (определяемый как зона концентрации сооружений социальной инфраструктуры) мог нахо-

диться в непосредственной близости от проходной (Уралмаш, Красноуральск, Магнитка), а мог – вдали от завода (Березники, ЧТЗ, в определенной степени – Надеждинск). Во многих случаях строительство соцгорода вообще не вело к возникновению какого-то единого центра, ограничиваясь жилым кварталом (Сатка, Верхняя Салда, Вагонка).

Между тем, к середине 1930-х гг. все четче начала обозначаться альтернативная тенденция – планирование города как единого целого. Глашатаем и могущественным покровителем этого подхода был Л. М. Каганович, который – как мы уже отметили – постепенно сделался главным в СССР авторитетом по вопросам урбанистики. Уже в 1932 г. на III московской областной партконференции Каганович наряду с обычными тезисами о развитии коммунального благоустройства (водопровод, социальная инфраструктура, транспортные сети и новые дороги) особое внимание уделил архитектурному оформлению центральных элементов города: «Надо иметь единый план строительства г. Москвы. Ведь мы по сути дела в пределах города создаем ряд новых городов. Изменить надо лицо города, отвести целые участки для застройки их дворцами и новыми зданиями, не разбрасывая строительство по всему городу, украшать и совершенно менять характер архитектуры города»³⁴⁶. Эта тенденция укреплялась; удивительно, что высказывание Сталина по поводу градостроения в 1934 г., которое мы привели в начале этой главы, шло с этой тенденцией вразрез и принадлежало к более старой традиции понимания города как конгломерата благоустроенных рабочих поселков.

Е. В. Конышева отмечает: «К началу второй пятилетки в генпланах подобных крупных и рассредоточенных городских образований появляется новая направленность – на единение городской структуры. В основу нового подхода было положено представление о городе как завершенной целостности, где “...все элементы... подчиняются единому плану и единой архитектурной идее”. Эта тенденция с каждым годом становилась все более отчетливой, все активнее подчеркивалась в проектных документах»³⁴⁷. Советские планировщики городов все более чувствительно относятся к проблеме акцентирования центра средствами архитектуры: центр должен выполнять функциональные и идеологические задачи, опираясь на цельные ансамбли»³⁴⁸. Это была попытка преодолеть фрагментированный характер застройки

³⁴⁶ Каганович Л. М. Улучшение материально-бытовых условий трудящихся и городское хозяйство // За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 1. С. 10.

³⁴⁷ Конышева Е. В. Советское градостроительное проектирование середины 1930-х гг.: на переломе эпох // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2011. № 30 (247). С. 72.

³⁴⁸ Там же, с. 75.

ки, сформировавшийся за несколько лет интенсивного строительства эпохи первых пятилеток; 3 сентября 1934 г. Совет народных комиссаров СССР особым постановлением запретил строительство помимо утвержденных смет и проектов, а также сделал наличие общего плана обязательным для строительства новых поселков. В 1935 г. была введена должность городского архитектора.

Одновременно смена эстетических предпочтений внутри большевистского истеблишмента обуславливала стремление найти торжественную архитектурную выразительность, достойную подходившей к завершению программы построения «фундамента» социализма. Так, архитектор Ленгипрогора Н. Г. Эйсмонт, рассуждая в 1937 г. о готовящемся при его активном участии генеральном плане Челябинска, выстраивал свои соображения вокруг понятия «центр», определяемого по совокупности архитектурных, географических и функциональных моментов. Ядро центра нового Челябинска формируют две площади – площадь Революции (которая и находится на возвышенности, и уже располагает представительной застройкой), и площадь Ярославского. Основными же «организующими ансамблями районов являются площади их административных и культурных центров. Главными сооружениями административных центров будут районные советы, культурных центров – районные дома культуры»³⁴⁹.

Концепция города как конгломерата заводских поселков, полностью утратившего различия между центром и периферией, воспроизведенная в сталинском докладе 1934 г., на протяжении 2-й половины 1930-х гг. все больше и больше подвергалась испытанию на прочность. Вместо системы рабочих городков ведомственной принадлежности теперь предполагалось создавать единый город, спланированный по образу и подобию новой Москвы, строящейся под руководством Кагановича. Грамотное планирование, включающее иерархию городских пространств, теперь стало считаться важнейшим признаком, отличающим новые советские города от старых. Журнал «За социалистическую реконструкцию городов» на протяжении 1-й половины 1930-х гг. вел отдельную рубрику «В капиталистическом городе», где бичевал города Запада, неспособные обуздать генеральным планом пороки капиталистического развития³⁵⁰, и превозносил города СССР. Но попытки советских градостроителей разработать план и воплотить его в жизнь тоже наталкивались на жесткую логику экономики,

³⁴⁹ Эйсмонт Н. Г. Планировка Челябинска // Архитектура Ленинграда. 1937. № 2. С. 64.

³⁵⁰ См.: Города в поисках плана // За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 1. С. 78–83; Ротге П. Распад муниципального хозяйства Запада // За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 5–6. С. 37–40.

в которой основными источниками своеобразного спроса на жилищное и коммунальное строительство были гигантские заводы. Рабочие окраины не сдавались так запросто!

ЖИЛЬЕ И ИНФРАСТРУКТУРА

Итак, соцгорода – это поселения при заводах-гигантах, резко отличающиеся от старых городов по своей урбанистической анатомии (отсутствие различий между центром и периферией, отсутствие рыночных отношений для недвижимости). Помимо этого, новые и обновленные города СССР должны были быть удобными для жизни, располагающими мощной социальной инфраструктурой и жилым фондом.

Проекты обобществления быта в духе Сабсовича предполагали стремительный и сглаженный экономический рост, однако вместо этого к 1930 г. социалистическое строительство начало стагнировать, а страна оказалась в тисках жесточайшего экономического кризиса, за которым шел голод. Архитектурный стиль продолжал играть важную роль маркера нового строя, возникающего по мере развертывания индустриализации. Но претензии архитектурного метода на то, чтобы стать методом преобразования социальной реальности, быстро потерпели неудачу. Какие уж там новые формы домов-коммун в барачных городках Березников или Красноуральска, в одноэтажном частном жилом фонде Молотово или Надеждинска? В 1-й половине 1930 г. местная пресса еще публиковала критические замечания относительно недостаточности радикальной планировки новых поселков, но к концу года, после осуждения «левацкого загиба» и на фоне бушевавшего кризиса, эта критика смолкла.

Коллизии строительного проекта диктовали ход событий. Основными держателями ресурсов выступали крупные заводы (или строительные организации, ведущие сооружение новых гигантов индустрии), а их предпочтения в сфере жилищного и коммунального строительства определялись спросом со стороны жителей соцгородов. Конечно, спрос этот функционировал совсем не так, как в рыночной экономике. Советская плановая экономика строилась вокруг дефицита, однако главным дефицитом – по крайней мере, в 1930-е гг. – были работники. Провалы в области жилищно-коммунального строительства провоцировали текучесть рабочей силы. В начале 1930-х гг. администрациям новостроек приходилось решать сложное уравнение. Приоритетом был ввод в строй новых мощностей, и основные ресурсы направлялись туда. Изъятие ресурсов из сферы жилищного строительства приводило к коллапсу коммунально-бытовой сферы, и неудовлетворен-

ный «спрос» со стороны работников немедленно проявлялся в оттоке рабочих рук, а это, в свою очередь, выливалось в срыв ввода новых мощностей. Маневрировать в этом порочном круге было чрезвычайно сложно, и те руководители строек, которые смогли это искусство освоить, входили в элиту советских хозяйственников.

Острый дефицит жилья был связан, кроме прочего, и с тем, что в расчете на сезонную рабочую силу администрация строек поначалу не возводила собственного жилья³⁵¹. Руководитель магнитогорского ЦРК А. И. Сулимов вспоминал: когда приступали к строительству гиганта, то предполагали, что «строители будут временные, без семей», однако уже в 1930 г. семьи начали приезжать на стройку³⁵². По состоянию на 1931 г., по данным исследовательницы Н. Н. Макаровой, количество жилплощади в Магнитогорске составляло 2,2 кв. м на человека; к январю 1932 г. эта цифра упала до катастрофических даже по меркам своего времени 1,7 кв. м.³⁵³ Несмотря на попытки исправить ситуацию, к 1935 г. в капитальные дома смогли расселиться только 1 700 рабочих-одиночек из 32 000 и 3 800 семейных рабочих из 28 000³⁵⁴. Дополнительными факторами жилищной катастрофы в Магнитогорске выступили отсутствие леса (важнейшего строительного материала других уральских строек) и нехватка железнодорожных путей³⁵⁵. Конечно, магнитогорская ситуация была экстремально тяжелой даже по меркам того времени. Но и другие стройки страдали от тех же проблем – дефицит жилья, низкое качество обслуживания жилья, плохое снабжение товарами первой необходимости, антисанитария, преступность.

---

³⁵¹ Журавлева В. А. Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX в. Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 2007. С. 28.

³⁵² Макарова Н. Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг.: дис.... канд. ист. наук. Магнитогорск, 2010. С. 46.

³⁵³ Там же, с. 71.

³⁵⁴ Впрочем, дефицитом была не только жилплощадь, но и мебель. Н. Н. Макарова описывает типичную комнату обитателя барака на Магнитострое: «Кровати были заменены топчанами – из дерева сбивали низкие помосты, на которые клали матрасовки, набитые соломой. Первоначально не хватало даже топчанов... Не хватало столов и табуреток. Их завозили исключительно в столовые, больницы и другие учреждения. До магазинов товары не доходили, поэтому рабочие в бараках вынуждены были превращать свой топчан и в кухню, и в спальню. Приблизительно в конце 1933 – начале 1934 г., когда бараки в массовом порядке начали переоборудовать в комнатные, рабочие стали делать сами мебель для своих “отдельных квартир”. В комнате справа либо слева размещалась печь для обогрева помещения и приготовления пищи. Довольно часто жители устраивали в своих комнатах под полом погребца для хранения продуктов. Обычно около окна стоял дощатый стол. Вдоль стены размещалась железная кровать» (Макарова Н. Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг. С. 75–76).

³⁵⁵ Макарова Н. Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг. С. 73.

Из всей этой бездны неблагополучия никто не делал тайны. Жилищная проблема постоянно поднималась на страницах местных газет, достаточно откровенно писавших об ужасах барачного быта.

К примеру, газета Молотовского (Мотовилихинского) завода, включившаяся в 1931 г. в борьбу за благоустройство строителей, жаловалась на организацию быта в бараках строителей, в частности, трудившихся по линии треста «Теплобетон». Корреспонденты «Молотовского рабочего» сообщали, что в бараках «Теплобетона» протекает крыша,

Этим орденом «клопа» будет награжден худший барачный совет и командант района

Рис. 20. «Орден клопа». Наш трактор. 4 сентября 1931 г.

отсутствует ванная и даже мыло, нет разделок и прачечной, свирепствует вошь: «Мученье, а не жизнь, заявляют рабочие, и тут же старшая уборщица т. Седельникова (она же отв. за барак) рассказывает: организованного горячего питания в бараках нет, плита, которая имеется в бараке, не обслуживает рабочих, т. к. на ней можно греть не больше четырех мисок или чайников». К тому же рабочих «Теплобетона» из рук вон плохо снабжали одеждой, обувью, инструментами, говорилось и об огромных очередях в столовой. Рабочим приходится иногда выходить на строительство босиком; неудивительно, что по возвращении в мерзкий барак они пьют водку и играют в карты, дерутся³⁵⁶. На этом же газетном листе «Молотовского рабочего» была напечатана цитата Сталина «Улучшить бытовые условия рабочих – наша задача», а рядом красовался рисунок: на фоне убогого барака с отваливающейся дверью администратор-бюрократ размахивает надписью «Ликвидируем прорыв», под руку его держит огромный клоп хищного вида: «Ну, это мы посмотрим...»

В 1932 г. публицист З. Островский на страницах журнала «За социалистическую реконструкцию городов» описывал строящийся Магнитогорск через противопоставление базиса и надстройки. Магнитогорский комбинат – образцовое предприятие с колоссаль-

³⁵⁶ Клоп и вошь хозяйничают в бараках новостроек // Мотовилихинский рабочий. № 78 (177). 1 сентября 1931 г.

ными промышленными мощностями, построенными ударными темпами. Завод вне критики! Иное дело – соцгород, строящийся медленно и некачественно: «Со стройкой рос и город. Но это не был город Магнитогорск. Это все еще был город барачков. Внутри этого города еще не умерла старая казарма – много пыли и грязи, нелепая теснота и самое главное – безответственность руководителей жилищно-коммунального дела»³⁵⁷.

«Общее состояние барака: во время ненастной погоды с потолка не каплет, а бежит вода, так как в бараке необходим капитальный ремонт», – жаловались жители барака № 27 ЧЭМК, рабочие-казахи, в газету «Челябинский рабочий». В бараке была всего одна печь, в красном уголке не было газет, и, в довершение всего, пропал свет. Через газету жильцы барака № 27 обращались напрямую к заводскому треугольнику (поскольку комендант здания отнесся к жильцам «бездушно») с нехитрыми просьбами: провести ремонт, поставить дополнительную печь, оборудовать помещение для хранения овощей, провести дезинфекцию и вставить, наконец, стекла³⁵⁸.

Отчаянные усилия к исправлению коммунально-бытового кризиса осенью 1932 г. прилагало руководство Красноуральска. Статья «Надо по-большевистски повернуться лицом к бараку» в номере местной газеты «Гигант» от 10 ноября 1932 г. живописала неприглядный быт рабочих Красногвардейского рудника: «Рабочие, отбив свои часы в забое-бригаде, остальные 16 часов суток попадают в болото пьянки, мелкобуржуазной стихии – по существу в лапы кулацкого воздействия. <...> Обслуживающий персонал – сторожихи – являются по существу шинкарями, активно участвуют в попойках, барачные коменданты тоже. Пьяные хулиганы терроризируют рабочих, не желающих участвовать в пьяной компании <...> Входят в привычку такие вещи – как пьяный вдребезги приходит в другой барак, заваливается с грязными ногами на чужую койку и награждает ее пьяной блевотиной»³⁵⁹. Газета напоминала: «От благоустройства барачков, от того, как организована жизнь рабочих в бараке, зависит борьба за промфинплан, за высокую производительность труда. В самом деле, если рабочий после смены не может отдохнуть в нормальных условиях, если в бараке не ведется никакой культурно-политической работы, нельзя

---

³⁵⁷ Островский З. Дома, улицы, больницы, транспорт, быт Магнитогорска // За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 1. С. 53.

³⁵⁸ Рабочие бараки не отремонтированы // Челябинский рабочий. № 237 (1924). 12 октября 1932 г.

³⁵⁹ Надо по-большевистски повернуться лицом к бараку // Гигант. № 263. 10 ноября 1932 г.

рассчитывать на успешную борьбу за руду, концентрат и черновую медь»³⁶⁰. Правда, в заметке наряду с изъятиями в культурно-массовой работе приводились и жалобы на несвоевременный подвоз дров.

14 ноября 1932 г. президиум Красноуральского районного совета профессиональных союзов постановил привлечь к уголовной ответственности с организацией «показательного процесса общественного суда» заместителя завхоза Красногвардейского рудника Мотырева «за создание невозможных антисанитарных жилищ и бытовых условий рабочих». Председателю местного шахткома Поварнищину решено было объявить строгий выговор за оппортунизм, а от хозяйственной части рудника профсоюзное начальство потребовало исправить «невозможные» условия к 25 ноября: «Обеспечить требующийся ремонт барakov, их отопление, снабжение инвентарем и постельными принадлежностями, регулярной доставкой дров в бараки, снабдить баками для воды, установить наблюдение за регулярной уборкой помещений». Рука об руку с бытом должна была идти культурная работа – силами профсоюзного актива предполагалось организовывать «беседы, лекции, громкие читки, вечера вопросов», а также выпуск стенгазет, «коллективные походы в кино» и ликбез³⁶¹.

Впрочем, наказание хозяйственника Мотырева ситуацию не поправило. По состоянию на январь 1933 г. на том же Красногвардейском руднике в бараке № 1224, населенном рабочими-нацменами, не было «самых необходимых вещей» (кипятильника, табуреток, скамеек), а семейные и холостые («ребята и девчата») были поселены в одних и тех же помещениях. Кроме того, жильцы жаловались на отсутствие какой бы то ни было «культурной работы» и на то, что выписывают газеты, но не получают их. В бараке № 2 вновь прибывшие из села работники находились «в исключительно плохих условиях»: общие нары, «сырость, грязь, постельные принадлежности находятся в антисанитарном состоянии», а общая кухня не отгорожена от жилого помещения. В этих и многих других бараках не были вставлены стекла, не был засыпан опилками потолок³⁶².

Примеры можно умножать едва ли не до бесконечности. Материалы о бараках, жалобы обитателей трущоб и письма специальных корреспондентов показывают, что картина была одной и той же по всему Уралу, от Березников до Магнитогорска. Бараки были плохо построенные, ими скверно управляли и отвратительно снабжали. Как правило,

³⁶⁰ Организовать борьбу за культурное жилище // Гигант. № 63 (556). 20 марта 1933 г.

³⁶¹ За игнорирование решений РК ВПК(б) и РСФС «Об улучшении жилищных условий горняков» – Мотырева отдать под суд // Гигант. № 270. 18 ноября 1932 г.

³⁶² Борьбы за культурное жилище нет // Гигант. № 8 (501). 8 января 1933 г.

обитатели бараков жаловались на отсутствие кипятка, постельного белья, мебели и дров, на скученность и переполненность жилых помещений, на низкое качество ремонта (выбитые окна, протекающий потолок), на некачественную уборку и, наконец, на отсутствие культурной работы. Из всех этих элементов можно сложить коллективный портрет уральского барака эры индустриализации, и портрет этот получится весьма мрачным³⁶³.

Осенью 1933 г. спасать ситуацию на Урале («прорывы» в медной промышленности и затяжка сроков завершения тагильского Вагонстроя) прибыл заместитель наркома тяжелой промышленности Г. Л. Пятаков. Выступая перед вагонстроевским собранием ИТР в начале осени 1933 г., он заявлял: главный фактор успешного завершения строительства – это рабочая сила; ее надо обеспечить жильем, питанием и «элементарным устройством быта». А потому приоритетами строительства должны быть жилые и бытовые комплексы: «Бани, больницы, детясли, а ведь детские ясли – это не просто благотворительное учреждение, а известный пособник выполнения наших планов». Такими должны быть приоритеты, а если оставшиеся два относительно теплых месяца осени потратить вместо жилья на возведение цехов, то в конечном счете «мы проиграем в отношении рабочих», которые будут со стройки уходить: «Вот хотя бы взять строительство ФЗУ. Я преклоняюсь перед подготовкой кадров, но если поставить на чашу весов ФЗУ и жилстроительство, то последнее будет иметь перевес». Число рабочих Вагонстроя в 1934 г. должно достичь 20 000 человек, и их надо как-то разместить – а между тем, «на строительстве работает 9 тыс. рабочих, а кормится 25, остальная армия в 16 тыс. рабочих остается за бортом. Вы могли бы иметь на стройке из них половину, если бы создали известные условия для этого». Заместитель наркома хладнокровно и зловеще заключал: «Все формальные условия, облегчающие процесс организации производства, разработаны. Помощь оказана. Важно теперь организовать людей, мобилизовать их для того, чтобы обеспечить

---

³⁶³ Да что там бараки! В рубрике «Нам пишут» березниковской газеты «Ударник» за 26 сентября 1934 г. было помещено примечательное по стилистике сообщение за подписью Шукиной: «Проходя мимо фабрики-кухни № 1 на Чуртане, люди любят ее величественным зданием. Конечно, они не замечают во дворе жалкий дровяник. И меньше всего они могут подумать, что в этом дровянике кто-нибудь живет. Однако это так. Пятый месяц я живу в дровянике. Просила квартиру и в райкоме Общепит, и в тресте Нарпит, и у Волкова. Везде сочувствуют и в то же время отказывают. Я – ударница, комсомолка. Несколько раз меня премировали. 2 года работаю завом свиарника. Неужели я не заслужила чистой, светлой и теплой комнаты?» (Живу в дровянике // Ударник. № 222 (2624). 26 сентября 1934 г.).

поворот, который требуют партия и правительство от строителей Вагонного комбината»³⁶⁴.

Красноуральцы и тагильчане поспешили выполнять «четкие, конкретные распоряжения» Пятакова. Красноуральская газета «Гигант» уже 4 сентября бросила клич: «Не в клоповниках, а в чистых уютных квартирах и общежитиях должны жить рабочие»³⁶⁵. Редакция газеты регулярно печатала письма и заметки из барачков, стараясь выявить проблемные точки и взять под контроль их устранение. В одном из писем (под безграмотным заглавием «Мы работаем хорошо и хотим так же жить») говорилось: «Наш холостяцкий барачок 309 хозяйственники и профсоюз рудника считают образцовым только потому, что повесили снаружи 2 красных флага. Внутри этого барачка существует полный беспорядок. Помещение приведено в самый бескультурный вид, спим на голых досках, многие из нас не имеют постельных принадлежностей, кипяток не приготавливается. В ночное время в барачке не бывает сторожихи, отчего участились случаи хищения. <...> Хозяйственники должны в печь вмазать 2 котла, установить кипятильник и поставить одну повариху, которая вполне может обслужить рабочих нашего барачка. Кроме того, надо организовать отдельный ларек, чтобы мы имели возможность получать причитающиеся нам промтовары»³⁶⁶. Другая заметка, не менее безграмотно озаглавленная «Мы хотим жить в уютном барачке» и подписанная именами рабочих Левинского рудника, грустно сообщала: «Мы с тем согласны, что нет квартир, уже не просим их и в барачке жить согласны, но не в таком, в каком мы живем. <...> Когда придешь с работы, то вместо того, чтобы отдохнуть, приходится самим рубить дрова, носить воду, мыть пол или стоять в очереди получить хлеб. Вот в этом изо дня в день проходит вся наша жизнь, не говоря уже о культвоспитании. Спрашивается: за что же хозяйственники с нас удерживают ежемесячно по 8–10 рублей?»³⁶⁷ Письмо ударника Левинского рудника Н. С. Королева под характерным заглавием «Вот почему я думаю уходить...» содержало жалобы на отвратительное качество жилья: «В барачке гуляет ветер. У меня трое детей замерзают»³⁶⁸. Газета напоминала, теперь уже со

---

³⁶⁴ Пятаков Г. Л. Правительственные сроки строительства – это закон. Из выступления на инженерно-техническом партийном собрании 31 августа и 1 сентября 1933 г. // Вагонгигант. № 78 (165). 11 сентября 1933 г.

³⁶⁵ Гигант. № 202 (694). 4 сентября 1933 г.

³⁶⁶ Мы работаем хорошо и хотим так же жить // Гигант. № 202 (694). 4 сентября 1933 г.

³⁶⁷ Мы хотим жить в уютном барачке // Гигант. № 202 (694). 4 сентября 1933 г.

³⁶⁸ Вот почему я думаю уходить // Гигант. № 232 (724). 12 октября 1933 г.

ссылкой на постановление РК ВКП(б) «О фактах пренебрежительного отношения к нуждам рабочих»: «Зима надвигается, и бюрократизму в подготовке теплого светлого жилья для рабочих не место»³⁶⁹.

Жалобы обитателей бараков перемежались с попытками газетной редакции призвать хозяйственников к ответу: «Квартирные условия не привлекают рабочих оставаться в Красноуральске, особенно на Левинском руднике. <...> Система распределения квартир на руднике довольно странная. Управление рудника может давать квартиру горняку только с ведома коммунального отдела. Коммунальный отдел – это организация, которая, кроме путаницы, ничего не приносит. <...> Устранить эти недостатки – первоочередная задача всех организаций в системе рудоуправления и главным образом директора т. Янена³⁷⁰. Открытие столовой круглосуточного питания для одиночек, перестройка работы коммунального отдела, строительство домов на Левинском – это вопросы, которые одни рудничные органы разрешить бессильны»³⁷¹.

Аналогичная кампания шла и на Вагонстрое, где в битву за быт энергично вступил назначенный летом 1933 г. директор Л. М. Марьясин. «Когда ни заглянешь в 35 барак, всегда застаешь одну и ту же неприглядную картину – в бараке холодно, грязно, печи не работают, рамы не остеклены», – писал тагильский «Вагоногигант» в ноябре 1933 г. о бараке грузчиков³⁷².

На протяжении осени 1933 г. медники Красноуральска и вагонстроевцы Тагила старались исправить ситуацию, воплощая в жизнь «четкие, конкретные» указания товарища Пятакова. Но быт упрямо не хотел поддаваться. Никакая пропаганда не могла заменить «культурного барака»: проблемы жилья и снабжения оставались главными, провоцируя отток рабочих рук со стройки. Одна и та же ситуация, авральная подготовка жилого фонда к зиме, повторялась из года в год.

Но не меньшей критике подвергалось и капитальное строительство. Вот как характеризовал летом 1931 г. заместитель редактора лысьвенской газеты «Искра» Б. Грязных капитальную жилую застройку своего города: «Госплан планирует через 7–9 лет закончить

---

³⁶⁹ Перелома еще нет, перелом должен быть решительным // Гигант. № 232 (724). 12 октября 1933 г.

³⁷⁰ А. А. Янен, начавший до революции свою карьеру работой на питерском «Треугольнике», в 1929–1932 гг. руководил строительством электролитного завода в Верхней Пышме, после чего «уехал в Красноуральск, затем управлял строительством Ярославского резино-асбестовского комбината, электростанций в Нижнем Тагиле и на Ангаре, конторой Главснаба цветной металлургии в Свердловске» (Один из первостроителей // За медь. № 42 (1658). 27 октября 2011 г.).

³⁷¹ Ликвидировать текучесть рабочей силы // Гигант. № 202 (694). 4 сентября 1933 г.

³⁷² Барак утепляют резолюциями // Вагоногигант. № 101 (188). 26 ноября 1933 г.

построение социализма. Построенные до сегодняшнего дня каменные дома переживут этот срок больше чем лет на 100. Какая же участь ожидает их, ничем не ушедших от старых шуваловских казарм³⁷³? Смогут ли это позорище лысьвенских строителей стоять при социализме, отвечать запросам социалистического быта? Конечно, не может! Безусловно, лет через семь, через девять эти сооружения либо будут сломаны, либо основательно переделаны»³⁷⁴.

Соцгород ЧТЗ, представший в 1933 г. под пером И. И. Ликстанова образцовой новостройкой, был беспощадно разруган журналом «За строительство социалистических городов».

Показательной является критика уралмашевского поселка. Довольно сурово соцгород Уралмаша был в 1934 г. раскритикован заводской газетой «За уральский блюминг», а затем критика была чуть ли не дословно воспроизведена на страницах все того же журнала «За строительство социалистических городов»³⁷⁵. С критикой соцгорода выступал сам Л. Л. Авербах, в середине 1934 г. ставший секретарем парторганизации Уралмаша. По-видимому, новый партийный руководитель решил начать свое пребывание на посту с критики работы предшественников. Но очень скоро Авербах превратился в старательного защитника Уралмаша, превознося в заводской многоэтажке «счастливый город Серго»; застройка уралмашевского городка перестала быть объектом нападок.

Еще в 1930 г. первый секретарь Уральского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков, выступая на X областной партконференции, рисовал собравшимся перспективу грандиозного коммунального рывка: «Расширение каждого предприятия, завода, рудника, строительство нового жилого здания с неудержимой силой вскрывает нищету, накопленную веками прошлого. Теперь строят целые кварталы новых жилищ, приходят десятки тысяч людей, и квартир снова не хватает. Вчера люди гордились постройкой фабрики-кухни, хлебозавода, холодильника и т. д. Сегодня построили, и уже выросла очередь, фабрика-кухня мала, хлебозавод не успевает печь хлеб, холодильник не удовлетворяет растущих запросов. Сотни лет люди жили без клуба, школ, техникумов, пользовались водовозными бочками, обслуживались ассенизаторами, своей домашней баней, а теперь выросла

³⁷³ Казармы по типовым проектам военного ведомства («типы»), возведенные для сезонных рабочих и военнопленных в Лысьве в годы Первой мировой войны.

³⁷⁴ Грязных Б. Социалистическому быту – социалистические жилища! // Искра. № 97 (239). 28 июня 1931 г.

³⁷⁵ Николаева З. Свердловск строится // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. № 4. С. 52; Крекшин Е. Город завода заводов // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. № 5.

Рис. 21. Трамвай в соцгороде Уралмаша. Индустрия социализма VII съезду Советов. М.: Изогиз; «Строим», 1935.

потребность в ином обслуживании. Для рабочих районов понадобились водопроводы, канализация, трамвай, бани, клубы, школы, техникумы, вузы. То, что еще вчера считалось роскошью, сегодня превратилось в жизненную необходимость»³⁷⁶. Если базис соцгорода (новые социально-экономические отношения) уже сложился, то надстройка запаздывала. Это отставание находили всюду, от коммунальной инфраструктуры до архитектурной эстетики. Отдельные провалы советского градостроения были частными случаями общего правила, которое было единым для всего жилищно-коммунального строительства СССР: *надстройка всегда запаздывает по отношению к базису*.

В упомянутой выше статье «Новый город» (1933) И. И. Ликстанов подробно описывал различные аспекты городского благоустройства, которое пришло на Урал: асфальтированные дороги, электрическое освещение, водопровод, канализация, трамвай и автобус, озеленение, а также «школы, больницы, детские ясли, бани, прачечные, культурные магазины и столовые». Все это благоустройство – наглядная демонстрация того, как проводятся в жизнь распоряжения Л. М. Кагановича (в статье цитируются только Каганович и И. Д. Кабаков; Сталин делается авторитетом в вопросах градостроительства только в 1934 г., когда затронет этот вопрос в отчетном докладе XVII парт-

³⁷⁶ Кабаков И. Д. Доклад на X уральской областной партийной конференции // Уральский рабочий. № 136 (4323). 11 июня 1930 г.

съезда). Образцом для подражания у Ликстанова выступал соцгород ЧТЗ, описанный в самых восторженных выражениях: «Хотите ли вы знать слагаемое этих бесчисленных усилий на фронте городского строительства? Посетите соцгород ЧТЗ. Здесь заасфальтированы и гудронированы улицы. 44 многоквартирных дома тонут в зелени кварталов. Квартиры рабочих – это сгусток удобств – простор, электрический свет, водопровод, канализация, хорошая мебель. Трамвай и автобусы доставляют людей Тракторного на работу и привозят их в город. Фабрика-кухня мощностью в 100 тыс. блюд обслуживает их стол. В школе № 2 учится 3 500 их детей. Прекрасный кинотеатр, хорошая баня, современные лечебные заведения и т. п. к услугам рабочих ЧТЗ и их семей. Город ЧТЗ – это абсолютно культурное поселение счастливых, здоровых и жизнерадостных людей». В конце статьи, впрочем, автор оговаривается, что городское хозяйство пока еще «недопустимо отстает от роста социалистической индустрии и передовиков производства»³⁷⁷. Надстройка запаздывает!

Особенно важной была культурная инфраструктура. Сообщая в октябре 1934 г. о постройке цирка в Березниках, журналист местной газеты А. Бобирец использовал характерный язык, противопоставляя старое и новое: «Лес, болото, несколько десятков ветхих домишек, старый содовый завод, солеварни графа Строганова. Все это в прошлом. Проходили годы. На месте болот и лесов вырос мировой химический комбинат, а вместе с ним и новый социалистический город. Со всех концов Советского Союза съезжались в Березники инженеры, техники, рабочие-строители. Было бы неверно, если бы кто-нибудь стал утверждать, что съехавшиеся сюда люди только и занимаются производством. Нет, они, конечно, хотят и культурно отдохнуть»³⁷⁸.

Социальная инфраструктура, призванная сделать рабочие квартиры «сгустками удобств» и позволить строителям социализма вести культурную жизнь, состояла из определенного набора элементов, повторявшихся во многих поселениях.

Наиболее известным среди этих элементов является клуб (дом культуры, дворец культуры). Пятнадцать крупных конструктивистских (авангардных) заводских клубов было выстроено между 1929 и 1936 гг. – согласно нашим наблюдениям – в следующих городах Большого Урала (в порядке с севера на юг): Соликамск, Березники, Серов, Лысьва, Красноуральск, Нижняя Салда, Кировград, Асбест,

³⁷⁷ Кожан. Новый город // Уральский рабочий. № 256 (5490). 7 ноября 1933 г.

³⁷⁸ Бобирец А. Новый очаг культуры и отдыха // Ударник. № 230 (2632). 5 октября 1934 г.

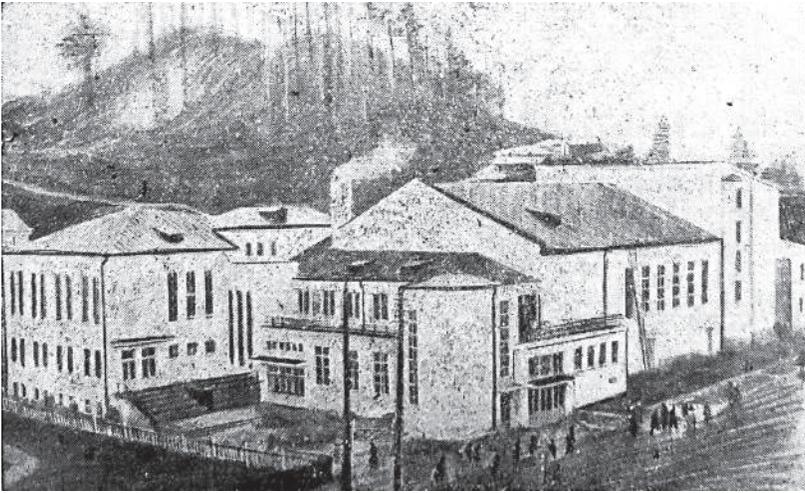

Рис. 22. Рабочий клуб. Златоуст. Опыт стройки. 1933. № 4–5.

Свердловск (клуб Верх-Исетского завода, клуб железнодорожников, клуб «Профинтерн», клуб строителей, клуб имени Дзержинского), Челябинск, Копейск, Златоуст, Магнитогорск³⁷⁹. Некоторые из них – как клубы в Серове или Магнитогорске – хорошо известны; другие – как клубы в Кировграде или Красноуральске – никогда специально не изучались, однако являются яркими примерами авангардной архитектуры.

Сопоставляя примеры клубов, отмеченные выше, с общим расположением крупных заводских строек Урала эры первых пятилеток, можно обнаружить следующую закономерность: чем *больше* жилая застройка в поселке завода, тем *меньше* вероятность сооружения крупного авангардного клуба. В крупных соцгородах зачастую отсутствовали полноценные клубы капитальной постройки – например, на Уралмаше, Уралвагонстрое, Синарстрое, в Молотово и Верхней Салде. Зато в таких поселках, как Кировград, Копейск или Нижняя Салда, где капитальной жилой застройки относительно немного, были возведены крупные авангардные клубы. Можно предполагать, что на крупнейших стройках средства преимущественно направлялись на жилой фонд, а на стройках меньшего размаха – на клубное стро-

³⁷⁹ Возможно, к этому числу следует добавить и крупный конструктивистский клуб в Белорецке – город входил в состав Башкирской АССР, однако по своему экономическому профилю являлся частью уральского металлургического комплекса.

ительство³⁸⁰. Заводские клубы в одних случаях – Кировград, Нижняя Салда, Надеждинск – выступали зримой манифестацией нового мира, возвышаясь посреди деревянных жилых кварталов. Однако в других случаях такой манифестации вовсе не было, и клуб оставался зданием второго, а то и третьего порядка по сравнению с более существенными элементами социальной инфраструктуры, такими, как жилой дом, баня или фабрика-кухня. В поселке Уралвагонзавода, например, под клуб была – стараниями жен ИТР – приспособлена бывшая деревянная столовая; в то же время здесь было выстроено крупнейшее из известных нам на Урале громадное здание бани. Оказалось, что архитектурное лицо культурно-бытового комплекса Вагонки определяли школы и бани, а не клуб.

Фабрика-кухня – другой архитектурный элемент реконструкции быта, определявший облик новых городов. Капитальные здания фабрик-кухонь, весьма различающиеся по своему облику и планировке, были представлены в Молотово, Надеждинске, поселках Уралмаша и ЧТЗ.

Больничные здания соцгородов резко выделяются на карте благодаря тому, что, как правило, они имеют павильонную планировку. Некоторые из них – как больничные здания в Березниках, Соликамске, здание НИИ охраны материнства и младенчества в Свердловске – имеют планировку «уступами». Здание единого диспансера ЧТЗ в плане напоминает крест (сходную планировку имеет, например, больница соцгорода Автозавода в Нижнем Новгороде). Больничные здания практически никогда не выходят на улицы и магистрали, располагаясь в глубине озелененных кварталов, образуя больничные городки. Почти все больничные здания в высоту не превышают 2–3 этажей; исключением являются крупнейшие сооружения в Свердловске (больница скорой помощи) и Челябинске (дорожная больница).

Бани и банно-прачечные комбинаты были другим обязательным атрибутом соцгорода. Здания бань различаются по своей планировке и расположению – некоторые из них находятся ближе к проходным (Березники, Уралмаш, Красноуральск), а некоторые – в глубине жилого массива (Уралвагонстрой).

Школьные здания соцгородов относились к одному из двух типов. На рубеже 1920-х – 1930-х гг. строились крупные здания сложной пла-

---

³⁸⁰ Характерно, что Уральская советская энциклопедия 1933 г. в обстоятельной статье «Архитектура» за авторством Н. Серебренникова приводит иллюстрациями только жилые, промышленные и административные здания, не найдя места для клуба – чтобы проиллюстрировать социальную инфраструктуру, составители выбрали фотографию свердловской фабрики-кухни; на отдельной вкладке приведены огромные фотографии-панорамы Уралмаша и ЧТЗ.

нировки, рассчитанные на организацию обучения лабораторно-бригадным методом³⁸¹. Яркими примерами таких школьных зданий могут считаться школы-гиганты Уралмаша, Магнитогорска, ЧТЗ. В 1934 г. от этой системы отказались под предлогом ее неэффективности, перейдя к массовому строительству не таких сложных по планировке и меньших по площади зданий: «Для школ 1935–1938 гг. характерна следующая планировочная схема: размещение вестибюля с двумя входами и комнат для младших классов в первом этаже; в остальных этажах – одностороннее расположение классов, выходящих в рекреационный коридор шириной 3–3,5 м, и значительная протяженность фасадов»³⁸². Школьные здания этого типа куда более многочисленны, однако, в отличие от школ-гигантов, они практически не играли значимой роли в организации городского пространства.

Иное дело – здания *школ ФЗУ*. Архитектура этих учебных заведений так и не стала в довоенный период массовой, поэтому внешний вид «фазанок» уральских городов сильно различается. Различается

Рис. 23. Школа ФЗС соцгорода ЧТЗ. Челябинский тракторный завод имени Сталина. 1930–1933. Фотоальбом. Музей Челябинского тракторного завода.

³⁸¹ Педагогика «детских городков», которой уделил внимание и Сабсович, вытекала из установок советского образования, в котором «производительный труд провозглашался “источником здорового, активного, целостного познания”, средством политехнической подготовки подрастающих поколений». Очерки истории педагогической науки в СССР (1917–1980). М.: Педагогика, 1986. С. 68. К примеру, уральский детский врач, педагог и писатель-фантаст А. В. Подсосов «еще в 1917–1918 гг. предпринял попытки внедрения в детских учреждениях “воспитания на трудовой основе”. Доктор был увлечен созданием “политехнических игр”, развивающих трудовые навыки. Подсосов считал, что мальчишкам и девочкам вместо кукол и мишек лучше предложить лопатки, тележки, действующие модели шахт или электростанций» (Бухаркина О. А. А. В. Подсосов: судьба личности на фоне истории // Десять Татищевских чтений: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20–21 ноября 2013 года). Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. С. 489).

³⁸² Тарасова Е. А. Архитектура жилых и массовых культурно-бытовых зданий (часть 2). 1933–1941 // Всеобщая история архитектуры. Т. 12. Кн. 1. Архитектура СССР. М.: Стройиздат, 1975. URL: http://ussr.totalarch.com/general_history_architecture/1933_1941/house (дата обращения: 21.08.2018).

и логика их размещения: иногда они входили в состав предзаводской зоны (Уралмаш, ЧТЗ), иногда – располагались на пути к заводу (Красноуральск) или вообще не были на него ориентированы (Березники).

Особое значение имели комплексы зданий заводской администрации. Поскольку здания для размещения местных органов власти строились в соцгородах чрезвычайно редко (среди примечательных исключений следует назвать горсовет Красноуральска, дом общественных организаций Магнитогорска, здания городского и областного советов в Свердловске), здания заводских контор оказывались своего рода архитектурной репрезентацией властной иерархии. Именно так следует расценивать здания заводских контор ЧТЗ, Красноуральского медеплавильного комбината, Магнитогорского металлургического комбината, Синарского трубного завода, Уральского алюминиевого завода, не говоря уже о циклопическом заводоуправлении Уралмаша. Недалеко от здания администрации завода обычно располагалось *пожарное депо* (Синара, Уралмаш, Магнитогорск). В крупнейших из соцгородов имелось и отдельное здание гостиницы, располагавшееся в непосредственной близости к заводским проходным (Магнитогорск, Уралмаш, Надеждинск). Строились гостиницы и вдали от заводов – например, в Свердловске (гостиница «Большой Урал»), Челябинске (гостиница на ул. Воровского и гостиница «Южный Урал»), Нижнем Тагиле (гостиница «Северный Урал»).

Итак, коммунально-бытовой комплекс заводского соцгорода в своем полном составе должен был включать здания заводоуправления, заводской лаборатории, проходной, пожарного депо, клуба (иногда отдельно и кинотеатра), фабрики-кухни, бани-прачечной, больницы, школы, школы ФЗУ, яслей, детского сада, узла связи, гостиницы. Ни в одном из построенных в годы первых пятилеток на Урале заводских городков эта строительная программа не была воплощена в полной мере: соцгород Магнитогорск не имел капитальных зданий узла связи и больницы, в соцгороде Уралмаша отсутствовал клуб, а в Березниках, ближе всего подошедших к «полной комплектности», не было своей гостиницы.

Впрочем, городская инфраструктура новых городов не исчерпывалась сооружением описанного выше набора коммунально-бытовых сооружений. Важнейшим направлением инфраструктурного обслуживания было озеленение и строительство парков культуры и отдыха. Исследователи Е. С. Кочухова и Е. И. Рабинович в данной связи отмечают: «Центральный парк как новый инструмент трансформации городской культуры задумывается как “культурно-политический комбинат”, способный переработать негативные характеристики жителей новых советских городов и создать на выходе новую, позитивно

сформулированную культуристскую. <...> Большие центральные парки устанавливали в городах иерархию паркового хозяйства, занимая его вершину. К середине 1930-х гг. началось движение за создание парков культуры и отдыха, ставшее общесоюзным трендом»³⁸³.

И впрямь, ближе к середине 1930-х гг. города Урала охватила настоящая эпидемия паркового строительства. Свердловский парк, открытый летом 1933 г., номинально считался главным парком Уральской области. По образу и подобию парков в Свердловске и Москве планировалось создавать «культурно-политические комбинаты» в других промышленных центрах региона. Парк культуры и отдыха становился едва ли не важнейшим элементом коммунального благоустройства.

25 мая 1935 г. был презентован план создания парка культуры и отдыха в Березниках. Парк культуры и отдыха должен был занимать 52 га и простирались от дворца культуры до деревни Кропачево. Парк планировалось разделить на 5 зон: физкультурную (со стадионом), «обороны и пропаганды», тихую зону, детскую зону и «зону переключения» (для прогулок по дорожкам вдоль живописных мест). Кроме того, в парке должны были разместиться несколько столовых «типа кафе», пруд, открытые сцены, фонтаны, клумбы³⁸⁴. Открытие парка состоялось 5 июня 1936 г.³⁸⁵

На Уралвагонзаводе, где в 1935 г. едва удалось обуздать жесточайший строительный кризис, уже в 1936 г. началось интенсивное обсуждение проекта парка культуры и отдыха. 5 июня 1936 г. в «Вагоногиганте» появилась пространная статья авторства прославленного инженера М. А. Тамаркина (о нем подробнее сказано в следующей главе). Постоянно ссылаясь на опыт Московского парка имени Горького, Тамаркин по пунктам представлял свои соображения. Надо составить точный перечень аттракционов, распланировать территорию парка. Аттракционы должны быть «занимательными и культурными»: «Лабиринт, “чертово колесо”, вертикальная карусель, горизонтальная карусель, “качающиеся люди”, вращающиеся комнаты, комнаты смеха, канатные дороги... А сколько таких чрезвычайно простых и дешевых развлечений, как набрасывание кольца на бутылку, вращающиеся бочки, штормовая тележка, городки, ке-

³⁸³ Кочухова Е. С., Рабинович Е. И. «Культурно-политический комбинат» под открытым небом: центральный парк 1930-х vs. клубные сады 1920-х: случай Свердловска // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 2. С. 15.

³⁸⁴ Лежнев М. В Березниках будет парк культуры и отдыха // Ударник. № 156 (2529). 3 июня 1934 г.

³⁸⁵ Официальный сайт МАУ МОК «Парк культуры и отдыха», Пермский край, город Березники, пр. Ленина, 50. URL: <http://parkber.narod.ru/p2aa1.html> (дата обращения: 30.08.2018).

гельбан, бильярд и т. д. и т. п.» Самые лучшие аттракционы должны были быть сконцентрированы в детском городке, где также должны работать организаторы-затейники.

Особое внимание Тамаркин уделил питанию. Помимо филиала ресторана «Москва» (который будет слишком дорог для основной массы посетителей), надо открыть в парке «павильоны типа американских баров»³⁸⁶. Отдельные павильоны надо будет открыть для продажи мороженого, «где в безукоризненно чистых халатах, в культурной обстановке – официант подаст любое из десяти сортов, превосходное по вкусу и дешевое мороженое, так, как это сейчас организовано в Свердловске, в Москве». Наконец, нужно продавать прохладительные напитки «в десятках киосков, без всяких очередей и перебоев в снабжении», а ОРС «должен создать завод сельтерских вод» и сиропов. Словам автора придавали дополнительный вес две фотографии, показывающие, как замечательно веселятся и отдыхают посетители парка Горького в Москве.

План красивый, но как все это осуществить? Тамаркин полагал, что за создание великолепного парка культуры должен отвечать завод: деньги у завода имеются, а начальники отдельных цехов должны будут оказать необходимую помощь «за счет наших внутренних ресурсов» (опытный производственник знал, о чем говорил, – он сам был начальником цеха). Каждый цех будет отвечать за конкретный участок работы в соответствии со своим профилем. А уж изготовить аттракционы – дело несложное: «Я думаю, что мы, строители и эксплуатационники, строящие и осваивающие сложнейшие электропечи, мартены, огромные цехи, воздвигаемые на нашей площадке, как-нибудь справимся с этой “сложной” задачей, справимся между делом, не в ущерб нашей основной работе»³⁸⁷.

В последовавших номерах газеты руководители вагоностроительного гиганта один за другим соглашались с идеями Тамаркина и обещали всяческую помощь «в прекрасном деле создания парка». Член совета жен ИТР Уралвагонзавода Н. Ерасова делилась мыслями о том, как обустроить детский городок. В дополнение к «очень насыщенному полю аттракционов» Ерасова считала нужным иметь читальню для проведения бесед, эстраду для детской самостоятельности, станцию юных натуралистов, кружок юного техника, не говоря

³⁸⁶ Тамаркин старательно описывал примерное меню этих «баров»: «Разные салаты, винегреты, селедки, горячий “картофель в мундире” очищенный, жареный, молоко, кофе, какао, гречневая каша с молоком, пудинги, компоты, кисели, пирожки, пончики, ромовые бабы и т. д.»

³⁸⁷ Тамаркин М. Создадим лучший в области парк культуры и отдыха // Вагоногигант. № 128 (867). 5 июня 1936 г.

про физкультуру, работу по ГТО, конкурсы по шахматам и шашкам, соревнования по шарадам и головоломкам. Играм следует быть занимательными: игры с песком, стройматериалами, с куклами и «транспортными игрушками», а также изо-работа, лепка, работа с книгой и многое другое. Впрочем, это была программа-максимум, а в заключение своей статьи Ерасова формулировала программу-минимум: огородить детский городок штaketником, сделать душ и фонтан, клумбы, поставить три-четыре палатки для работы с детьми и три киоска для продажи молочных продуктов, фруктовой воды с кондитерскими изделиями, игрушек, наконец, построить эстраду и «иметь хороших педагогов и массовиков»³⁸⁸.

Примеры Березников и Вагонки показывают, что «политическая» составляющая парка сильно уступала «культурной»: строителей парков в промышленных поселках больше всего волновало наличие аттракционов, точек питания, маршрутов для прогулок. О политической мобилизации провинциальные газеты обычно молчат. Способов осуществить политическую «накачку» населения хватало и помимо парков! Коммунальная инфраструктура для советских начальников была в первую очередь средством создания комфорта, которого вновь обустроенной городской среде чудовищно не хватало. А парки должны были стать в первую очередь центрами новой культуры, повышать привлекательность проживания в соцгороде, вытеснять архаичные формы досуга.

Как же оценивать усилия советских градостроителей по созданию коммунально-бытовой инфраструктуры? В конце 1920-х гг. многие из теоретиков индустриализации полагали, что высокоразвитая социальная инфраструктура – фабрики-кухни, бани-прачечные, дворцы культуры – позволят кардинально преобразовать старый быт³⁸⁹. И хотя наиболее радикальные попытки сломать «старый быт» уже в 1930 г. оказались осуждены, для советской провинции (по крайней мере – для Большого Урала) крах коммунальной утопии оказался только началом строительной программы. Трансформации быта были связаны в большей мере с логикой развития колоссального строительного проекта пятилетки, а не с абстрактными предпочтениями теоретиков.

Парадокс: чем шире разворачивалась индустриализация, тем меньше жилищное и культурное строительство поспевало за нуждами растущего населения городов, и одновременно тем ярче описывала советская публицистика осуществляющуюся трансформацию. Хибары,

³⁸⁸ Ерасова Н. Каким я себе представляю наш детский городок? // Вагоногигант. № 132 (871). 10 июня 1936 г.

³⁸⁹ Подробнейшим образом вопрос проанализирован у С. О. Хан-Магомедова (Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Кн. 2. Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 1996).

землянки, переполненные бараки соседствовали с проектируемыми новыми домами, и это не скрывалось. Поэтому нельзя считать, что образы новых домов и просторных жилищ должны были маскировать реальную бездну неустройства. Вместе с тем, вряд ли целью второго языка была только мотивация: просторное и качественное жилье, доступное узкому кругу счастливицков. Конечно, мотивация такого рода была важным фактором, и все же только ей этот язык объяснить нельзя.

АРХИТЕКТУРА И СТИЛЬ

Как именно должен выглядеть этот новый город? Проблемы формообразования в архитектуре находились в эпицентре оживленных дискуссий, шедших на протяжении 1920-х гг.³⁹⁰ и бывших лишь частью общего обсуждения о путях и задачах искусства в пролетарской диктатуре. Существовало несколько крупных творческих концепций, претендовавших на ведущую роль, причем ситуация осложнялась тем, что большевистская элита не имела собственных взглядов на архитектурную стилистику.

Однако нас в данном разделе волнует не столько обсуждение проблем формообразования и стиля, сколько поиск новой выразительности в средствах тиражирования. Дискуссии о формообразовании оставались делом для узкого круга профессионалов, хотя их творческие разработки оказывали сильнейшее влияние и на то, как новую архитектуру презентовали в средствах массовой информации широкого охвата.

Сдвиг в дискурсе об архитектурном стиле можно проследить на примере очерков о внешнем виде областной столицы – Свердловска.

В справочнике-путеводителе по Свердловску на 1929–1930 гг. внимательный читатель мог обнаружить любопытную двойственность языка. В разделе «Коммунальное хозяйство» авторы старательно фиксировали все новостройки советского времени, обращая внимание на скверное качество доставшегося от «старого режима» инфраструктурного наследия. В разделе «Архитектурные и исторические памятники» Свердловска, напротив, речь шла почти исключительно об архитектуре «старого режима» (даже несмотря на то, что пореформенные годы были заклеены как «самая бесцветная стра-

---

³⁹⁰ См.: Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки: Проблема города будущего. М.: Наука, 1980; Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996; Меерович М. Г. Советский город в дискуссии 1929–1930 гг.: урбанизация или дезурбанизация // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (52). С. 100–111.

ница в архитектурной истории города»). Зато вот «бурное строительство послереволюционного периода не может похвалиться особым изяществом большинства своих сооружений», так как здесь «преобладают прямые конструктивные линии и преследуется, главным образом, простота и емкость построек». Хотя среди этих домов «найдется немало высокохудожественных архитектурных форм», автор все же отдавал предпочтение клубу работников народного хозяйства (ныне – Свердловская филармония), представляющем собой «очень изящное сочетание античного и египетского стилей, внутренняя же отделка главных частей... выполнена в духе строгого классицизма», и зданию управления Пермской железной дороги, которое назвал «элегантнейшим сооружением советской современности, выдержанном... в строго классическом стиле». Зато для здания Госбанка (улица Вайнера, 24) у автора нашлось только сухое замечание – выстроено «в духе новейшего конструктивизма»³⁹¹.

А вот Н. Серебрянников, автор статьи «Архитектура» Уральской советской энциклопедии, первый (и единственный) том которой вышел в 1933 г., говорил об архитектурном стиле города совершенно в иной манере: «Архитектура эпохи развернутого по всему фронту социалистического наступления должна завершить начатый еще в восстановительном периоде процесс решительной замены убогого и хаотичного архитектурного наследия, оставленного уральскими крепостниками и капиталистами». Практически ничего ценного в архитектуре помещиков и капиталистов автор статьи не находил, египетским и классическим стилем не восхищался. Зато восторженных оценок удостоилась новая, социалистическая архитектура: «С ростом строительства на Урале новых больших зданий, преимущественно для общественно-коммунальных целей, выростали черты нового архитектурного стиля, резко отличного от дореволюционных традиций. В восстановительный период взамен дореволюционных рабочих казарм и лачуг, взамен замкнутого, частнособственнического индивидуального жилья, взамен скученных, неблагоустроенных кварталов и грязных дорог было подготовлено создание нового типа жилья. <...> Перепланировка старых и планировка новых городов, устраняя ту хаотичность, которая возникала при бессистемном индивидуальном строительстве, организует охват архитектурным оформлением целых комбинатов, предприятий, кварталов, площадей, улиц»³⁹². В качестве примера приводились новостройки Свердловска.

---

³⁹¹ Свердловск. Справочник-путеводитель на 1929–1930 год. Свердловск: Изд. Свердл. горсовета, 1929. С. 484–485.

³⁹² Уральская советская энциклопедия. Т. 1. М.; Свердловск: Изд-во Уралоблисполкома «Уральская советская энциклопедия», 1933. С. 189–190.

Рис. 24. Фабрика-кухня соцгорода Уралмаша. Фото К. Д. Бугрова. 2016 г.

А все же в каком стиле они выстроены? Об этом Серебренников не говорит *ничего*. Из текста его статьи ясно, что стиль этот – новый, что он организованный, что он используется для больших зданий и что он совершенно не похож на то, что было раньше. Никакого больше «египетского» или «античного» стиля, о котором с такой симпатией было написано в путеводителе по Свердловску 1929 г. При этом творческие разработки архитекторов ОСА Серебренников проигнорировал.

Такое игнорирование было нормой: популярные издания рубежа 1920-х – 1930-х гг., превозносившие советские новостройки, обычно молчат о конструктивистском стиле, хотя уже к середине 1930-х гг. критика конструктивизма, как явная, так и замаскированная (в виде филиппик по адресу «казарменности» и «скучных фасадов») становится все более интенсивной. Опять-таки, сама по себе эта критика не была чем-то принципиально новым: архитектура никогда не была надежно застрахована от нападков, поскольку даже самое восторженное описание стройки обычно завершалось предостерегающим замечанием, начинающимся со слова *впрочем*. Такой была возобладовавшая к 1930-м гг. доктрина социалистического реализма, которую современный исследователь Б. Г. Гройс характеризует следующим образом: «Абсолютная новизна социалистического реализма не требовала себе внешнего, формального доказательства, ибо вытекала из “абсолютной новизны советского социалистического строя и задач, которые ставит партия”. Новизна советского искусства определялась новизной его содержания, а не “буржуазной” новизной формы, лишь скрывающей старое “буржуазное” содержание. <...> Для такого апокалиптического сознания вопрос об оригинальности художественной формы представлялся чем-то бесконечно устаревшим»³⁹³. Итак, *доминирование содержания над формой*.

³⁹³ Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. С. 66.

Но, конечно, без формы обойтись было нельзя. Со стартом пятилетки газеты и журналы оказались наводнены фотографиями и рисунками новостроек; было выпущено множество открыток, издано немало парадных альбомов. В этой коммуникации образы зданий играли чрезвычайно важную роль: фотографии новых дворцов культуры, жилмассивов, бань, цехов с разных концов Союза позволяли наглядно показать ход социальных перемен. Возможно, архитектурная образность никогда ни до, ни после не играла в отечественной культуре столь значимой роли.

Образность эта была обнаружена в порядке экспромта. Современный исследователь А. Н. Макаров замечает: «Подходящая модель визуализации процесса индустриализации страны была найдена отнюдь не одновременно с началом осуществления первого пятилетнего плана. Так, например, в рекомендациях, предлагавшихся в 1929 г. “рупором советского фотодвижения” журналом “Советское фото”, нельзя обнаружить даже упоминания о необходимости фотосъемок на строительстве крупных промышленных предприятий. <...> В последующие годы журнал “Советское фото” кардинально изменил модель руководства фотографическим движением страны, взял курс на политизацию фотодвижения, призывая фоторепортеров и фотолюбителей к активности на строительстве промышленных гигантов»³⁹⁴.

О конструктивистском стиле газеты и журналы по большей части молчали, давая определения в духе упомянутой выше статьи Серебренникова – «большие», «красивые», «светлые» здания. Но визуальный ряд позволял вычленить несколько закономерностей этой новой урбанистической эстетики. Этот стиль известен как *конструктивизм*.

В строгом смысле под конструктивизмом нужно понимать архитектурную манеру, соответствующую творческой программе группы ОСА. Журнал «Современная архитектура» пытался бороться со стилизациями под конструктивизм и, в целях защиты собственной ортодоксии, яростно критиковал проекты Центрального телеграфа И. И. Рерберга («скачок к идейной беспринципности купеческого заказа старой Москвы»), дома Кожсиндиката в Москве и ряд других обитателей «архитектурной кунсткамеры»³⁹⁵. Группа сторонников ОСА из Харькова

---

³⁹⁴ Макаров А. Н. Информационно-пропагандистское сопровождение индустриализации 1929-1941 гг. средствами советского фоторепортажа. Дис... канд. ист. наук. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. ун-т, 2013. С. 74. Новые визуальные модели наилучшим образом соответствовали общей смене фокуса, поставившей в центр внимания именно индустриальных гигантов. В оформлении визуального образа новых заводов и городов фотография играла ключевую роль. Впрочем, не менее важную роль играл и рисунок: большинство местных газет имело низкое качество полиграфии, и рисунки зачастую смотрелись привлекательнее фотографий.

³⁹⁵ Как не надо строить // Современная архитектура. 1928. № 2. С. 41–47.

жаловалась на «архитекторов консервативного пошиба», застраивающих города «домами, напоминающими об итальянском Возрождении на нижегородский лад, или прямо домами модернистского пошиба»³⁹⁶. Но сами конструктивисты все же представляли лишь одно – пусть и наиболее влиятельное – из авангардных течений в архитектуре³⁹⁷.

Современный исследователь Л. Н. Смирнов особо выделяет здания, выстроенные в Свердловске во 2-й половине 1920-х гг. в стилистике *протоконструктивизма* и характеризующиеся лаконизмом, геометризацией, ритмом остекленных и глухих поверхностей, часто – асимметрией³⁹⁸. Эти здания – гостиница «Центральная», дом жилтоварищества «Уральский старожил», Промбанк и целый ряд других – можно относить к поздним формам модерна³⁹⁹, однако их практически всегда включают в число конструктивистского наследия Свердловска. Единство здесь главным образом идеологическое: именно так объединяли эти здания советские публицисты межвоенной эпохи, расценивавшие подобную архитектуру как зримые проявления «реконструктивного периода».

Как подчеркивает современный исследователь С. О. Хан-Магомедов, на российской почве архитектурный авангард запоздал – авангардные поиски 1920–1930-х гг. практически не были связаны в стили-

³⁹⁶ Письмо харьковской группы ОСА // Современная архитектура. 1928. № 1. С. 40.

³⁹⁷ С. О. Хан-Магомедов предостерегает: «Неправильно придавать этому термину сугубо стилистический смысл или связывать его с буквальным выявлением конструкции. А так нередко делают (особенно зарубежные авторы), зачисляя все новаторские произведения советской архитектуры 20-х гг. в конструктивизм или же считая конструктивистскими те из них, которые демонстрируют новые конструкции. В советской архитектуре 20-х гг. конструктивизм – это одно из влиятельных (но отнюдь не единственное) течений, отличающееся своим творческим методом, в том числе и подходом к проблемам формообразования» (Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения).

³⁹⁸ Екатеринбург: наследие конструктивизма. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2009. С. 12–14.

³⁹⁹ Иногда об этой архитектуре говорят как о примере стиля ар-деко: «“Пролетарская красная дорика”, “суприматизация” ордерных форм явились для советской власти первых лет Октября своеобразным вынужденным компромиссным переходом к более идеологически ясным идеям радикального модернизма, известного, согласно терминологии А. Гана, как “конструктивизм”. Удаляя из стилистики революционного модерна “буржуазную манерность” архитектурных форм, ассоциирующихся у революционных масс с упадком буржуазного искусства, новая синтетическая трактовка модерна и неоклассицизма вызывала острую критику со стороны радикально настроенных политизированных искусствоведческих кругов, прежде всего связанных с идеологией Пролеткульта. Таким образом, стилистика “протоардеко” явилась своеобразным нэпом в архитектуре, когда конструктивизм еще только начинал складываться в модернистскую революционную идеологию в архитектуре, но еще не готов был занять господствующее общегосударственное положение» (Журин Н. П. Стилистика ар-деко в архитектуре Новосибирска – до и после конструктивизма // Вестник ТГАСУ. 2016. № 6. С. 66).

Рис. 25. Рабочий клуб в Нижней Салде. Фото К. Д. Бугрова. 2017 г.

стическом отношении с архитектурой дореволюционной России, где доминировали «русский стиль» или неоклассика. Думается, именно в этом и кроется секрет той колоссальной популярности, которую приобрело конструктивистское *stredo* к середине 1920-х гг. Один из лидеров ОСА, М. Я. Гинзбург, еще в 1927 г. говорил о «первом этапе “нового стиля”», исчерпывающую характеристику которого составляет каркасная система вертикалей и горизонталей с заполнением ее или телом стены, или сплошным застеклением»⁴⁰⁰. Свою роль должны были сыграть и тесные связи конструктивистов с творческими группировками архитекторов авангарда за рубежом, претендовавшими на звание глашатаев прогресса, и интерес к эстетике промышленного производства.

Разумеется, отнести советских вождей к поклонникам авангарда невозможно. Наркому просвещения А. В. Луначарскому, например, принадлежат пространные высказывания в защиту классического наследия – Луначарский считал, что стиль пролетарской диктатуры должен напоминать возвышенную античность⁴⁰¹. Возможно, мнения, подобные этому, имели бы больший вес при сохранении нэпа, однако старт пятилетки отодвинул почтенного наркома просвещения на третьи роли во властной когорте СССР. Настал звездный час конструктивизма: новаторство, интернационализм, технологизм, индустриализм – такое

⁴⁰⁰ Гинзбург М. Я. Итоги и перспективы // Современная архитектура. 1927. № 4–5.

⁴⁰¹ Луначарский А. В. Речь о пролетарской архитектуре // Архитектура СССР. 1934. № 8. С. 4–6.

сочетание факторов как нельзя лучше отвечало идеологии форсированной индустриализации и строительства социализма в отдаленной стране. Новый, пафосный язык, сложившийся в годы первой пятилетки, служил основой для описания обновленной страны «победившего социализма», сочетаясь с конструктивистской – в широком смысле «первого этапа» по Гинзбургу – архитектурной эстетикой.

Новостройки рубежа 1920–1930-х гг. обладали характерными визуальными признаками. Огромным вниманием пользовались промышленные сооружения – и именно их следует считать важнейшими визуальными маркерами соцгородов Большого Урала. У фотографов и художников были свои любимцы: домны Магнитки, панорама цехов ЧТЗ, впечатляющая башня Челябинской ГРЭС, огромные газгольдеры Березниковского химического комбината. Возводившиеся рядом с индустриальными гигантами города позиционировались как нечто невиданное, но визуальная репрезентация новостроек явно старалась «продать» их по лекалам западного модернизма: советская Америка, советские небоскребы. Величественные картины новых городов должны были поддерживать дискурс о заводах-гигантах: если ЧТЗ превосходит американские заводы «Катерпиллер», то и Челябинск должен сравняться с Чикаго или Детройтом. Фотографии новых зданий отражали эту тягу к модерности, воплощенной как раз в тех стилистических приметах, о которых с раздражением писал Гинзбург. Яркая примета времени – фальшивые козырьки на крышах новых зданий, призванные визуально добавить дому высоты, сделать его еще более похожим на небоскреб.

Архитектурную среду начала 1930-х гг. современный исследователь М. С. Ильченко вполне справедливо определяет как *эklekтику*⁴⁰². Но в этой *эkleктике* были определенные черты, которые позволяли рядовому зрителю идентифицировать здание как *новое*: сплошное остекление, акцентированные лестничные клетки, геометрические формы, высотность, асимметричность.

Возьмем архитектуру клубов и дворцов культуры. Большинство клубов, возведенных на Урале за годы первых пятилеток, вполне могут быть квалифицированы как конструктивистские сооружения. В их асимметричной планировке отчетливо просматривается функционалистская установка: вынесенный объем зрительного зала и организованная по принципу галереи кружковая часть⁴⁰³. Таковы

---

⁴⁰² Ильченко М. С. Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда: градостроительный эксперимент 1920 – 1930-х гг. // *Quaestio Rossica*. 2016. № 3. С. 55–71.

⁴⁰³ Иконников А. В. Утопическое мышление и архитектура. М.: Архитектура-С, 2004. С. 372.

клубы в Лысьве, Березниках, Калате (Кировграде), Златоусте, Магнитогорске, ряд клубов Свердловска (клуб Рабпроса, клуб железнодорожников, клуб Верх-Исетского металлургического завода, клуб строителей). Однако от них резко отличается выстроенный в те же годы дворец культуры в Надеждинске – огромное здание, возведенное по законам симметрии. О конструктивизме здесь напоминают многочисленные вертикальные лестничные клетки и почти полное отсутствие декора. Следует ли считать дворец культуры в Надеждинске стилистически единым с клубами Лысьвы, Златоуста, Свердловска? Хотя ответ должен быть отрицательным, тем не менее все эти здания объединены визуальными маркерами – вертикальная лестничная клетка, геометризм, крупные окна – которые указывают на контекст их возведения. В этом смысле зритель того времени, скорее всего, безошибочно определил бы эти здания как *новые*. Следовательно, можно говорить о единстве, которое было более идеологическим⁴⁰⁴, нежели стилистическим либо методическим.

Пик строительства в конструктивистском стиле в провинции пришелся на 1932–1934 гг., когда сама ОСА уже начала терять влияние⁴⁰⁵ и оказалась под огнем критики своих противников. Архитектурный проект ОСА был связан с новой индустриальной стройкой, которая была подконтрольна наркомтяжпрому Г. К. Орджоникидзе и развертывалась главным образом в провинции. Но одновременно возрастала строительная активность в Москве, курируемая могущественным Л. М. Кагановичем, враждебно настроенным по отношению к конструктивистам⁴⁰⁶. Все чаще раздавалась критика по адресу конструктивистов; с 1933 г. она зазвучала по-настоящему громко. Между тем, в провинции и, в частности, на Урале к этому времени едва закончилось строительство большинства конструктивистских зданий, и вновь выстроенные сооружения служили важнейшим элементом визуальной репрезентации страны победившего социализма. Так возникала сложнейшая коллизия.

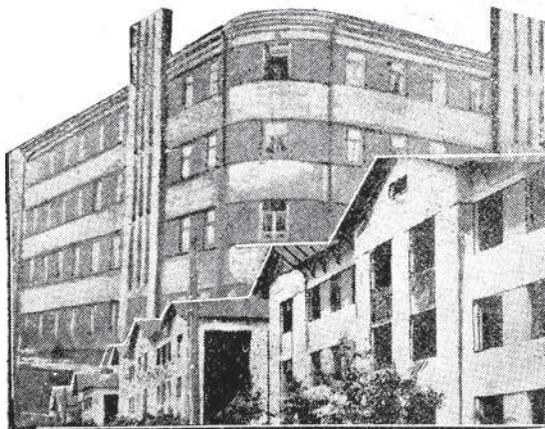
В середине 1930-х гг. локальная пресса оказалась в состоянии своеобразного раздвоения: директивы из центра предписывали критиковать «коробочную архитектуру» и «формализм», а логика пропаганды на местах требовала выставлять на первый план уже имевшиеся стро-

⁴⁰⁴ Ильченко М. С. Образ «социалистического города» в публичной риторике: дискуссии межвоенного периода и современные языки описания // Вестник Перм. ун-та. Сер. История. 2017. № 4. С. 164.

⁴⁰⁵ Хап-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Кн. 1. Проблемы формобразования. Мастера и течения.

⁴⁰⁶ Селиванова А. Н. Творческие поиски в теории и практике советской архитектуры 1930-х годов. Дис.... канд. архитектуры. М.: НИИТАГ, 2009.

ительные достижения пятилетки, которые сплошь были примерами этого самого «формализма». В основе раздвоения лежало столкновение двух проектов: строительства заводов-гигантов в провинции и московского благоустройства. Творцы завершавшегося проекта первой пятилетки склонны были превозносить результаты своего труда: неужели можно критиковать за стиль такие замечательные сооружения, как Уралмаш, ЧТЗ (даже у «Катерпиллер» такого завода нет!) или ДнепроГЭС? Руководители стартующего проекта московского благоустройства, напротив, стремились обосновать свои планы при помощи агрессивной критики. За реконструкцией Москвы должны были последовать и другие города. Но зачем их реконструировать, когда они уже превратились в «абсолютно культурные поселки» и когда там уже дымят лучшие в мире заводы?

Новое жилестроительство: Дом горсовета (перофан ЧТЗ) и рабочий городок ЧГРЭС № 1

Рис. 26. Новое строительство в Челябинске. Челябинский рабочий. 17 августа 1931 г.

Столкновение проектов было, по нашему мнению, движущей силой сдвига в сфере градостроительной эстетики, который к середине 1930-х гг. приобрел драматические формы.

Анализируя этот сдвиг, современный исследователь А. В. Иконников приходит к следующему выводу: «Вместе с раскрестьяниванием деревни, подвергаемой коллективизации, началось окрестьянивание городов. Численность рабочих возрастала за счет выходцев из деревни. К традициям городской культуры эти горожане в первом поколении не были приобщены <...> Для этой культуры язык пространственных форм, создававшихся в экспериментах авангарда, был чужд, отталкивал суровой бедностью, отнюдь не связывавшейся с представлениями о социальной справедливости, техническом прогрессе и целесообразности. Традиционное же обладало авторитетом привычного. Символика “победившего класса” связывалась с парадигмой дворца, которая привычно

ассоциировалась с осевой симметрией, классической колоннадой, венчающим композицию куполом. Архитектура прошлого вошла в повседневную жизнь и более не воспринималась как символическое воплощение враждебных социальных сил⁴⁰⁷. Если действительно смена эстетических приоритетов была делом рук выходцев из деревни, то непонятно, почему же после 1953 г. произошел кардинальный поворот и «парадигма дворца» с куполом и колоннадой вышла из моды до самого конца СССР (чтобы с триумфом возродиться в постсоветской, высокоурбанизированной России)? Как нам кажется, резкий поворот в области архитектурной эстетики и стиля был для местных сообществ шоком: отвечавшая за «производство смыслов» на местах интеллигенция считала выстроенные за годы пятилеток соцгорода достаточно качественными и уж точно не проявляла интереса к эстетической стороне дела, хорошо усвоив примат содержания над формой.

О том, как на местах трактовали эстетические дискуссии, говорит выпуск газеты УЗТМ «За уральский блюминг» от 21 июня 1934 г., специально посвященный архитектуре уралмашевского соцгорода. Номер открывался гневным лозунгом: «Нам нужны не дома-коробки, а благоустроенные красивые здания». Однако «коробочная» архитектура не подвергалась здесь нападкам со *стилистической* точки зрения! Яростная критика уже выстроенной части городка Уралмаша сводилась почти исключительно к ее низкому строительному качеству. В опубликованных газетой письмах жители домов жаловались на то, что дома не оштукатурены, на «отвратительное качество уборной», на протекающую крышу, на щели в стенах, на отсутствие кладовых...

А стоило перелистнуть страницу, как все менялось: в том же номере красовался вполне конструктивистский эскиз новой уралмашевской гостиницы под заголовком: «Вот такие здания нам нужны»⁴⁰⁸. Рядом были опубликованы фотографии конструктивистских зданий бани, яслей, а также вполне «коробочных» домов по улице Ильича: заводская газета гордилась своим «культурным» поселком⁴⁰⁹.

⁴⁰⁷ Иконников А. В. Утопическое мышление и архитектура. С. 383.

⁴⁰⁸ За уральский блюминг. 21 июня 1934 г. № 142 (461).

⁴⁰⁹ Каноническая фотография конструктивистской строчной застройки улицы Ильича, сделанная в 1930-х гг. (Екатеринбург. История города в фотографии. Т. 2. Екатеринбург: Фонд развития фотографии, 2015. С. 148), несмотря на всю критику «формализма», оставалась парадигмальной для образа нового советского города – в 1950 г. она была включена в альбом «Советская архитектура за 30 лет. РСФСР» (Советская архитектура за 30 лет. РСФСР. М.: Изд-во Акад. арх. СССР, 1950. № 283).

Конечно, местному строительству постоянно доставалось за качество строительства и, в частности, за слабое художественное оформление; но критика эта не строилась на какой-либо определенной стилистической программе. Яркими иллюстрациями такой критики могут служить две статьи из березниковской газеты «Ударник» – «Архитектурные Титы» (15 июля 1936 г.) и «Еще об архитектуре нашего города» (24 июля 1936 г.). На протяжении того же 1936 г. «Ударник» публиковал фотографии новостроек СССР, демонстрирующих достижения социализма, – здесь были дом горсовета и Уралэнерго в Свердловске (21 сентября 1936 г.), Энергетический институт на Большой Калужской улице в Москве (11 октября 1936 г., перепечатка из «Строительства Москвы»), дом правительства и телеграф в Алма-Ате (21 ноября 1936 г., перепечатка из «Известий»), поликлиника меланжевого комбината в Барнауле (5 декабря 1936 г., перепечатка из газеты «Труд»), театр ОКДВА в Хабаровске (11 декабря 1936 г., перепечатано из «Красной звезды») – по большей части это были примеры конструктивистского стиля.

Совсем по-другому обращалась с архитектурой центральная пресса. В феврале 1936 г. «Правда» опубликовала очерк писателя С. В. Диковского «Архитектурные уроды», полный злобных нападок на новую свердловскую архитектуру. Новостройкам досталось за неряшливое проектирование, за низкое качество строительных работ, за пренебрежение элементами классического наследия, даже за плохую отделку и ржавые перила на балконах... Особенно свирепой критике подверглись городок Уральского политехнического института («не дома, а пятиэтажные крольчатники»), гостиница «Большой Урал» («здание казарменно снаружи, неряшливо внутри»), Дом промышленности (правда, мозаики и мрамор внутри этого здания Диковскому пришлось по вкусу), жилые дома Госпромураля. Где каслинское литье, где мрамор? Почему «убожество и бездарность выдаются за проявление пролетарского стиля»? Диковский приходил к выводу о том, что «новые здания не соответствуют ни экономике, ни вкусам населения», поскольку «жизнь стала неизмеримо ярче, богаче, культурнее», а человек социалистического общества «ненавидит всякую схоластику, всяческую мертвечину». При этом сам автор очерка в вопросе разбирался плохо, ухитрившись приписать к числу архитекторов Свердловска А. Д. Крячкова – крупнейшего сибирского архитектора, который, однако, в уральской столице постройками не отметился⁴¹⁰. Тем не менее, статья Диковского была уже

⁴¹⁰ Диковский С. Архитектурные уроды // Правда. № 33 (6639). 3 февраля 1936 г.

на следующий день перепечатана в «Уральском рабочем». *Туше!*⁴¹¹

В том же 1936 г. на страницах газеты Уралмаша «За тяжелое машиностроение» появилось небольшое утопическое сочинение, представленное как письмо старого рабочего завода, слесаря Н. Д. Вольхина, английскому писателю Г. Уэллсу⁴¹². Вольхин описывал преображенный Уралмаш в 1950 г.

Какова же архитектура будущего города? Красная площадь Уралмаша окружена зеленым парком и дворцом детей; «мраморные ступени» ведут в «светлый зал», где старый слесарь рассказывает детям, каким был Уралмаш 15 лет назад. Вместо леса поднялись «огромные и красивые сооружения», аэропорт, на месте бараков – «маленькие благоустроенные дома, фруктовые сады», на месте холодильника рабочего поселка – 12-этажная гостиница Красной Звезды, звуковое кино «с огромными колоннами», театр оперы и балета⁴¹³.

⁴¹¹ Впрочем, выбор зданий, которые оказались мишенями для развязных нападок со стороны Диковского, не был случайным! Еще в 1934 г. в журнале «За социалистическую реконструкцию городов» вышла рецензия на книгу Нейштадта «Свердловск индустриальный». Рецензия, подписанная инициалами З. Т., была в целом недоброжелательной, причем особо Нейштадту досталось за невнимание к архитектурному оформлению города: «В самой книге приведены фотографии отдельных вновь выстроенных зданий – вопиюще безобразных (например, на стр. 161 новые корпуса Втузгородка, выстроенные в 1930–1932 гг.) На стр. 113 автор восхваляет новые гостиницы Свердловска... Между тем, одним из наиболее безобразных и неблагоустроенных зданий города является как раз новейшая гостиница “Большой Урал”» (З. Т. А. Нейштадт. Свердловск индустриальный // За социалистическую реконструкцию городов. С. 57). Именно студенческий городок и гостиница «Большой Урал» стали главными мишенями для нападок Диковского два года спустя.

⁴¹² По мнению обнаружившей этот материал исследовательницы Е. Н. Ефремовой, принадлежавшее самому первому секретарю Орджоникидзевского райкома ВКП(б), крупнейшему литературному деятелю Л. Л. Авербаху (Ефремова Е. Н. «Здесь будет город-сад»: утопический образ города в заводской газете Уралмаша. С. 62–64).

⁴¹³ Е. Н. Ефремова обращает внимание на используемую для описания нового города риторику: «Значение включенных в текст для создания утопии эпитетов усиливается их многократными повторами и синонимичностью: “огромный” (9 раз), “большой” (2), “гигантский” и “грандиозный”; “новый” (9); “великий” (4) и “могучий” (2); “счастливый” (4), “любимый”, “прекрасный”» (Ефремова Е. Н. «Здесь будет город-сад»: утопический образ города в заводской газете Уралмаша. С. 65). Исследовательница А. Н. Селиванова относит эти и подобные категории к методу «социалистического реализма», который усилиями молодых архитекторов группировки ВОПРА оказался противопоставлен аналитическому методу архитектуры авангарда, при этом не имея собственной творческой программы, помимо расплывчатой декларации о бодрой и радостной жизни (Селиванова А. Н. Творческие поиски в теории и практике советской архитектуры 1930-х годов. Дис... канд. архитектуры. М.: НИИТАГ, 2009. С. 30). Действительно, архитекторы ВОПРА использовали подобную риторику для свирепой критики эстетических установок авангарда и травли архитекторов-«формалистов». Но сама эта риторика не была изобретением ВОПРА; она целиком вытекала из дискуссии по агитации и в начале 1930-х гг. использовалась провинциальными публицистами, чтобы описывать всевозможные достоинства заводов-гигантов конструктивистских соцгородов.

На Садовой улице вместо деревянных домов стоят Центральный универсам, Дом книги, гостиница для путешественников, клуб работников метрополитена, гранитное здание Дома советов. Примечательным является иллюстративное оформление сочинения, включающее две картинки. Одна из них – фотография фрагмента здания, в котором можно узнать дом на Моховой улице в Москве (архитектор И. В. Жолтовский, 1934 г.), который архитектор В. А. Веснин назвал «гвоздем в гроб конструктивизма». Другая – рисунок проекта уралмашевской «Красной площади» с циклопической башней и полукруглыми структурами.

Рис. 27. Жилой дом соцгорода Уралвагонзавода. Фото К. Д. Бугрова. 2017 г.

В 1933–1935 гг. в прессе царил хаос. Столкновение двух дискурсов – истории о победах первой пятилетки и нарратива «счастливой, зажиточной жизни», воплотившегося в план реконструкции Москвы 1935 г. – на некоторое время создавало ситуацию относительного равновесия⁴¹⁴, однако уже в 1936 г. критика превратилась в свирепый по-

⁴¹⁴ Исследовательница архитектуры О. В. Орельская замечает: «Вектор предпочтений занял промежуточное положение между новаторством и традиционализмом. Среднее положение архитектуры между двумя полосами естественно впитывало в себя и рациональные, и иррациональные начала» (Орельская О. В. Между конструктивизмом и неоклассицизмом в нижегородской архитектуре 1930-х годов // Вестник Волжского регион. отд. Рос. академии архитектуры и строит. наук. 2011. № 14. С. 52).

гром, из которого поднялся идиосинкразический стиль «сталинского ампира» послевоенной поры. Думается, непосредственным поводом разгрома авангардной эстетики в архитектуре конца 1930-х гг. послужило столкновение групп архитекторов, в которое вмешивались партийные руководители (такие как Каганович). Но, по нашему мнению, импульс этого разгрома следует искать не в эстетических предпочтениях выходцев из деревни и даже не в организационных интригах архитектурных групп, а в мифологии. Мифология пятилетки, отражавшая героическое превращение старого мира в новый, переставала быть необходимой по мере завершения строительной программы. Становление нового мифа, мифа о сталинском процветании, нашедшее выражение в растянувшихся на весь 1936 г. торжествах по поводу новой конституции СССР, вело к обнулению всех предшествующих достижений. Пятилетка теперь считалась периодом бедности, а эра сталинской конституции – эпохой изобилия, и в соответствии с этими вводными теперь должны были расставляться приоритеты. Однако старая мифология не была полностью отброшена, она продолжала сопротивляться, оказавшись более живучей, чем миф о сталинском изобилии, рухнувший сразу после 1953 г. Трансформации этой старой мифологии порождали сложную амальгаму эстетических и стилистических предпочтений, в которой соцгорода Урала представляли одновременно прекрасными новыми поселками, возведенными героическими первостроителями, и памятниками «левацкого загиба» пополам с дефицитом стройматериалов, которые предстояло вновь перестроить.

СОРЕВНОВАНИЕ

Новый город предполагал не только новую социально-экономическую географию, новый архитектурно-художественный облик и новую инфраструктуру коммунально-бытового обслуживания, но и нового горожанина. В этом отношении градостроительный и коммунальный проект пятилетки не только отвечал на запросы своих обитателей, но и преобразовывал самих горожан: «Всюду, где творятся замечательные дела, должны быть и замечательные люди, потому что сами собой не вырастают ни города, ни фабрики, ни электрические станции, ни заводы... Люди, собравшиеся в степи Троицкого края строить Магнитогорск, по-настоящему, крепко и просто полны решимости и намерения завершить Магнитострой в срок. Думать, что все эти люди одинаковы, качественно равны друг другу – значило бы заниматься самообманом. Так нигде и не бывает. На Магнитострое, как везде, есть человеческое тряпье, хлам,

чиновники и приказотворцы. И все-таки не они окрашивают магнитостроевскую массу»⁴¹⁵. Газета «Челябинский рабочий» восклицала в 1931 г.: «Растут гиганты-заводы. И на строительстве этих заводов рождаются новые люди, рождаются энтузиасты социалистической стройки, рождаются герои-ударники»⁴¹⁶.

Идеальным типом жителя соцгорода был *энтузиаст*. Откуда берется энтузиазм советских граждан? Сталин, заговоривший об инициативе масс в ходе обострения борьбы с «правыми» в ЦК (ранее эта линия служила цекистскому большинству для отражения упреков «левой» оппозиции в зажиме демократии), поначалу имел в виду только «самокритику» в контексте одергивания бюрократов⁴¹⁷. Если чиновники будут работать плохо, то им, несмотря на все заслуги, нужно – как с характерной грубостью выразился вождь, выступая в мае 1928 г. на VIII съезде ВЛКСМ, – «дать по хребту!»⁴¹⁸

Но куда более важным проявлением инициативы масс было участие в *социалистическом соревновании*. Концепция соревнования выдвинулась на первый план по мере развертывания пятилетнего плана.

⁴¹⁵ Миндлин Эм. Магнитострой // Наша жизнь. Сб. 3. М.: Федерация, 1931. С. 72.

⁴¹⁶ О героизме // Челябинский рабочий. № 160 (1612). 13 июля 1931 г.

⁴¹⁷ Например: «Если рабочие используют возможность открыто и прямо критиковать недостатки в работе, улучшать нашу работу и двигать ее вперед, то что это значит? Это значит, что рабочие становятся активными участниками в деле руководства страной, хозяйством, промышленностью. А это не может не поднять у рабочих чувство хозяина в стране, их активность, их бдительность, их культурность» (Сталин И. В. О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК: Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. С. 37). Об этом же Сталин говорил на VIII съезде ВЛКСМ в мае 1928 г. (Сталин И. В. Речь на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. С. 71–74). 2 июня 1928 г. вышло обращение ЦК «О развертывании самокритики» (Обращение ЦК ВКП(б) ко всем членам партии, ко всем рабочим о развертывании самокритики. 2 июня 1928 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 4. М.: Политиздат, 1984. С. 338–342). Спустя несколько дней Сталин выступил в «Правде» со специальной статьей «Против опшления лозунга самокритики»: здесь он, кроме прочего, назвал главными преградами самокритики бюрократизм, «комчанство» и низкий культурный уровень масс, а также провозгласил самокритику важнейшим созидательным орудием социализма: «Самокритика нужна не для разрушения дисциплины, а для ее укрепления, для того, чтобы трудовая дисциплина стала сознательной, способной устоять против мелкобуржуазной расхлябанности. Другие говорят, что ежели есть самокритика, не требуется больше руководства, можно отойти от руля и предоставить все “естественному ходу вещей”. Это не самокритика, а позор. Самокритика нужна не для ослабления руководства, а для его усиления, для того, чтобы превратить его из руководства бумажного и малоавторитетного в руководство жизненное и действительно авторитетное (Сталин И. В. Против опшления лозунга самокритики // Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. С. 132–133).

⁴¹⁸ Сталин И. В. Речь на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. С. 73.

Еще в январе 1929 г. «Правда» опубликовала статью Ленина «Как организовать соревнование». А уже на XVI партконференции в апреле того же года В. В. Куйбышев заявлял: «Широчайшая активность рабочего класса должна сопрягаться с величайшей дисциплинированностью его рядов. Это может быть достигнуто, и это будет достигнуто, когда вовлечение рабочего класса в работу производственных совещаний, работа по массовому вовлечению рабочих в социалистическое соревнование в области производства станет одной из стержневых задач наших партийных, профессиональных организаций. Как одну из важнейших задач эту проблему должна поставить и наша печать»⁴¹⁹. На протяжении своей речи Куйбышев не переставал подчеркивать важность сочетания дисциплины и единоначалия с активностью масс, а саму эту активность глава ВСНХ считал производной от сплоченности партии. А глава Госплана Г. М. Кржижановский дал показательную характеристику новым советским инженерам и техникам: «Самый тип инженера и техника должен быть другой, чем тот, который наблюдался в прошлые годы. Он нам не годится. Это должны быть люди и холодного расчета, и быстрой американской сноровки, и вместе с тем люди, которые проникнуты энтузиазмом нового строительства»⁴²⁰.

Конференция приняла обращение «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза», которое было напечатано в «Правде» 4 мая 1929 г. Обращение проводило историческую параллель с историей гражданской войны: в 1919 г., посреди войны и «в тисках разрухи», рабочие «стали по собственной инициативе организовывать коммунистические субботники для поднятия производительности труда и для того, чтобы добыть лишнюю сотню пудов угля, хлеба, топлива, нужного для поддержания огня в топке пролетарского государства». Это было то движение, напоминала партконференция, которое Ленин назвал «великим почином». Сославшись также на решения IX партийного съезда, обращение декларировало: «Трудовой героизм и самопожертвование трудящихся выражаются также в добровольном повышении норм выработки, в отработке праздничных дней, в гигантском росте предложений производственных совещаний, в бойкоте лодырей и прогульщиков, в борьбе за поднятие производительности труда. <...> Героические традиции прошлых лет сохранены и приумножены рабочим классом нашей страны»⁴²¹.

⁴¹⁹ XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Гос. изд-во, 1929. С. 36.

⁴²⁰ Там же, с. 27.

⁴²¹ Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 4. М.: Политиздат, 1984. С. 496 – 497.

«Соревнование и пятилетка неразрывно связаны между собой», – таким было заключение обращения партийной конференции. Соцсоревнование должно было «пробуждать творческую энергию и инициативу масс», «стать постоянным методом вовлечения трудящихся в социалистическое строительство» и, наконец, «наряду с самокритикой внутри пролетарских рядов» – сделаться «средством социалистического воспитания рабочего класса, особенно же новых рабочих». Обращение требовало от профсоюзов и хозяйственных руководителей развернуть систему поощрения, а от прессы – систематического освещения хода соревнования: «Имена лучших рабочих, лучших специалистов, лучших хозяйственников, агрономов, названия заводов и шахт, лучших совхозов и колхозов должны стать известны всей стране»⁴²².

Весна 1929 г. стала поистине весной соцсоревнования. В. В. Куйбышев на майском съезде советов развивал ровно ту же тему: «Вопрос о прогулах, вопрос о небрежном отношении к оборудованию трудно решается путем административного нажима, путем приказа, путем распоряжения, путем правил внутреннего распорядка, но он решается социалистическим соревнованием, поскольку все подчиняется единой цели: лучше работать, больше произвести, дешевле произвести. Бережное отношение к машинам, особое чувство пролетария, участника государственной власти по отношению к заводу, на котором он работает, воспитывается под влиянием социалистического соревнования»⁴²³.

9 мая 1929 г. увидело свет постановление ЦК «О социалистическом соревновании фабрик и заводов». Постановление говорило о соревновании как о давно укорененном в советской системе хозяйствования явлении: оно восходит к ленинским идеям, практически воплощается в субботниках, «перекличках», конкурсах, а в последнее время – и в соревнованиях, развернутых комсомолом и газетами (в качестве примеров назывались «Правда» и «Рабочая газета»). Постановление чеканило: «Решающим условием для достижения этих задач и реальных хозяйственных результатов соревнования является сознательное и деятельное участие рабочих масс, а также самое активное участие специалистов в соревновании на предприятии, в цехе и мастерской»⁴²⁴. Осуществление соревнования должно было идти по линии профсоюзов, «культработы», общественных организаций. Предусматривались и конкретные меры стимулирования – матери-

⁴²² Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза. С. 497.

⁴²³ Съезд советов. Бюллетень 9. С. 26.

⁴²⁴ Постановление ЦК ВКП(б) о социалистическом соревновании фабрик и заводов. 9 мая 1929 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 4. М.: Политиздат, 1984. С. 509.

альные (поощрение и премирование лучших коллективов и отдельных работников) и нематериальные («различные формы общественного поощрения: красный список, почетная грамота, трудовое звание, переходящее из цеха в цех и от одного предприятия к другому»). Печать же «должна организовать широкое и всестороннее освещение соревнования фабрик и заводов, мобилизуя внимание масс на живом опыте лучших предприятий, подтягивая отстающих, организуя гласный учет и контроль достигнутых результатов»⁴²⁵.

Наконец, 22 мая 1929 г. в «Правде» вышла статья Сталина «Соревнование и трудовой подъем масс», представлявшая собой предисловие к книге Е. Микулиной «Соревнование масс». Здесь Сталин, ссылаясь на статью Ленина «Как организовать соревнование?», провозгласил «могучий производственный подъем масс» данностью. Вождь также постарался провести грань между конкуренцией и соцсоревнованием: «Социалистическое соревнование и конкуренция представляют два совершенно различных принципа. Принцип конкуренции – поражение и смерть одних, победа и господство других. Принцип социалистического соревнования – товарищеская помощь отстающим со стороны передовых, с тем чтобы добиться общего подъема. Конкуренция говорит: добивай отстающих, чтобы утвердить свое господство»⁴²⁶.

Хотя пятилетний план стартовал еще в 1928 г., именно к лету 1929 г. была выработана концептуальная рамка, определявшая предпочтительную со стороны большевистского руководства жизненную стратегию населения СССР. Этой стратегией было соцсоревнование. Сама идея восходила ко времени революции и гражданской войны (и, без сомнения, укоренена в дореволюционной интеллектуальной культуре, в этике самопожертвования и бескорыстного труда), однако теперь ей предстояло сделаться ключом к массовому социальному движению. Автор одной из пропагандистских книг о грядущем преображении социалистического Урала, М. Лейканд, восклицал в 1929 г.: «Итак, будем работать по-новому! Пятилетка должна переделать не только хозяйство, но и человека. Выполнить пятилетку, приблизить полное осуществление социализма может только передовой, сознательный рабочий, работающий в полную меру своих сил, активно участвующий в организации производства, инициативный и преданный до конца социалистическому строи-

---

⁴²⁵ Постановление ЦК ВКП(б) о социалистическом соревновании фабрик и заводов. 9 мая 1929 г. С. 510.

⁴²⁶ Сталин И. В. Соревнование и трудовой подъем масс: предисловие к книжке Е. Микулиной «Соревнование масс» // Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. С. 110.

тельству, воспитывающий отсталых рабочих, полностью ликвидировавший все религиозные предрассудки»⁴²⁷.

Как заставить людей работать в условиях, когда все формы накопления ликвидированы? Материальное стимулирование соревнования в социалистической экономике типологически соответствовало

Рис. 28. Почетная грамота ударника Новотрубного завода (Первоуральск). Музей Первоуральского новотрубного завода.

и образцовым, идеальным жителем города должен был быть строитель будущего. Но сама по себе фигура строителя не была уникальной. Уникальной ее делали два фактора.

Во-первых, строительство было социалистическим, то есть одновременно создававшим нового человека, безжалостно ликвидируя всю старую систему координат, из которой исходили стимулы к труду. Что заменит теперь старые стимулы, в новой системе ценностей клеймящиеся как «рвачество»?

тому увеличению дохода, которого работник мог бы добиться в рыночной экономике, наращивая интенсивность труда – или, как радостно сообщал работнику более поздний советский плакат авторства В. И. Говоркова (1964), «как работал, так и заработал». Но не менее важным было и нематериальное стимулирование, организовывавшееся в первую очередь с помощью прессы.

Соцсоревнование, ударничество, энтузиазм – именно этот концепт был центральным для описания жизни в новых социалистических городах. Поскольку эти города, как мы видели, были результатом грандиозной строительной программы, постольку

⁴²⁷ Лейканд М. Урал через 5 лет. Свердловск: ГИЗ, 1929. С. 96.

Во-вторых, строительство было всеобщим. К строительству требовалось привлекать огромные массы людей. Если раньше большевистская стратегия ориентировалась на тщательное поддержание доминирования меньшинств – партия и связанные с ней организации, куда доступ был чрезвычайно затруднен, организованный пролетариат городов – над большинствами, то теперь ситуация сделалась зеркальной. Усилиями одних большевиков и комсомольцев – то есть сознательных людей, которые предположительно уже обладали в некоторой степени новыми качествами и прошедших отбор – осуществить индустриализацию было невозможно. Не *меньшинство* становится образцовыми людьми, а *масса*. Как превратить массу в героических тружеников? Для большевистского руководства вопрос был достаточно сложным, если учесть, что политическая философия большевизма огромную роль отводила организованному и сознательному меньшинству.

Исследователь Г. И. Сверлик рассматривает эту концепцию как возрождение «военно-коммунистического» взгляда на соцсоревнование⁴²⁸. Но ссылки на Ленина и постановления IX съезда, разбросанные по партийным резолюциям и речам вождей, не должны вводить в заблуждение: они призваны были сделать понятие о соцсоревновании более весомым в глазах адресатов, а также подчеркнуть серьезность сложившейся на 1929 г. ситуации – как *тогда* Советская республика стояла перед грозным вызовом, так и *теперь* ударный труд является делом жизни или смерти. Но теперь принцип соревнования должен был быть распространен на все хозяйство; обобщественный сектор выдавит все остальные из экономики, и тогда старая система рыночных стимулов более не будет работать. Из чрезвычайной ситуации, которой оно было *тогда*, соревнование превращалось *теперь* в постоянный инструмент, обеспечивающий текущее функционирование плановой экономики.

Современный исследователь С. Коткин отмечает: «Ударный труд, соединенный с социалистическим соревнованием, стал средством дифференциации индивидов, а также техникой политического рекрутинга в рядах рабочего класса. Его эффективность увеличивали с помощью расчетливого использования публичности. Мобильные доски почета и позора, выкрашенные в красный и черный цвета соответственно, демонстрировали списки имен рабочих. Аэропланы символизировали тех, кто стремится вперед, крокодилы – тех, кто застрял позади. Издавались “летучие листки”, в которых называли поименно лучших работников и “лодырей”, а победителям соревнования вручали знамена»⁴²⁹.

⁴²⁸ Сверлик Г. И. Соревнование, не оправдавшее надежд // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2014. № 3. С. 256–268.

⁴²⁹ Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 205.

Дискурс ударничества объединял два важнейших элемента: чрезвычайный труд в экстраординарных условиях и воздаяние за стойкость. При этом ударничество оставалось тонкой игрой: признать, что ударный труд автоматически оплачивается, и предложить понятные расценки, было бы «рвачеством» и «лжеударничеством», с которыми полагалось бороться.

Вот как уралвагонстроевская газета «Вагоногигант» рассказывала о трудовом подвиге арматурщика Немчинова, совершенном зимой 1933 г.: «В декабре стояли морозы, доходящие до 40 градусов. Гудки и сирены хрипели о прекращении работы. Работающие на воздухе бригады, сложив инструмент, уходили с участков в теплушки. Ушла и бригада арматурщиков, в которой работает коммунист Немчинов. Но одно дело мороз, а другое – выполнение строительных планов. От арматурщиков же зависит строительство здания в сроки. Немчинов пробовал уговорить бригаду остаться продолжать, несмотря на холод, плести железную сеть арматуры. Но бригада отказалась. “Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики”. Немчинов решил остаться один и личным примером привлечь собригадников к работе». Поначалу герой работал на пустых лесах корпуса электроцентрали Уралвагонзавода в одиночестве, перевыполнив норму. Однако «с помощью партийной группы и проведенной разъяснительно работы ему удалось увлечь бригаду на ударный труд». Рабочие принялись трудиться, несмотря на лютый мороз, а Немчинов «стал одним из любимых людей участка», рабочие даже решили выдвинуть его в бригадиры⁴³⁰. Рядом с заметкой было напечатано фото электроцентрали в лесах.

Иногда образ ударника-энтузиаста приобретал своеобразные обертону – как, например, в стихотворении «Машинист (посвящается машинисту Темиргалиеву)» авторства надеждинского поэта П. Чулочникова⁴³¹:

Эх, зачем захватила истомой
Связки мускулов белая ночь!
Отойди, не дурмань, я не дома,
И забыться с тобой мне невмочь.
Я ласкаю свой регулятор,
Как зазнобу за ручку вожу, –
Не сердись на меня, экскаватор –
Сорок пятый вагон отвожу.

⁴³⁰ Героический поступок коммуниста Немчинова // Вагоногигант. № 7 (207). 16 января 1934 г.

⁴³¹ «Нам вверено жить и строить, страну уважать и любить...» // Сталь. № 60 (250). 18 июня 1934 г.

Бандажи у колес лоснятся,
Не буксует мой паровоз,
Нашей дружбе вовек не расстаться –
Я ведь в сердце чугунное врос.
Пусть гудит твой гудок, рассыпая
Голос свой на большой волне,
Подо мною породы тают,
Если я поднажму сильнеей.
Я задание на сто выполняю...
Пусть же ветер, свежий и чистый,
Догоняет нас, догоняет
Советской страны машинистов.

И, конечно же, такие люди должны получать бонусы. Один из перестроителей Красноуральского комбината, В. Степанов, вспоминал: «По инициативе комсомольцев была на стройке открыта интересная витрина, на ней были нарисованы самолет, автомобиль, лошадь, черепаха и рак, под ними записывались бригады. Лозунг под щитом гласил: “Кто едет на раке, тот пусть живет в бараке!” Это было одной из форм и методов воздействия на нарушителей трудовой дисциплины. К нарушителям трудовой дисциплины применялась мера выселения из домов в бараки или лишения талонов на обед»⁴³².

В июне 1934 г. заводская газета салдинского Стальмоста «Ударник Стальмостстроя» была тревогу: лучшие работники сборочно-клепального цеха живут в скверных условиях – «в маленьких неблагоустроенных комнатах», практически без мебели. Например, передовой Куликов, проживающий с семьей из 5 человек в «нештукатуренной комнате» на 15 кв. м., имел только две односпальные койки, и те без матрасов, две табуретки и один стул. Кроме того, Куликов «не смог получить из коммунального отдела стол» и сделал его сам из досок, которые отыскал на стройке. Другие рабочие тоже нуждались в матрасах и мебели, а «нагревательницы Данилова и Паунова получили от коммунального отдела квартиру в нежилом доме с разбитыми окнами, со сломанной печью, которую топить нельзя».

Другим узким местом оказалось водоснабжение: воду на заводе развозили только для инженерно-технических работников. При этом коммунальный отдел аккуратно взимал с жильцов плату, ухитрившись – по словам газеты – обложить даже самодельный стол ударника Куликова. Статья заканчивалась программой действий по восстановлению справедливости: «Надо полностью использовать все возможно-

⁴³² Красноуральский медеплавильный комбинат. Годы. События. Люди. Екатеринбург: Филантроп, 2001. С. 45.

сти для создания рабочим лучших жилищных условий... Для клепальщиков, находящихся в сравнении с рабочими других цехов, выделить два дома с благоустроенными квартирами; организовать культурное обслуживание холостяков, немедленно выявить потребность в ремонте квартир и произвести ремонт в сжатые сроки, выявить потребность в необходимой мебели (столы, стулья, табуретки, умывальники, койки и т.д.) и обеспечить ею рабочие квартиры, организовать развозку воды по квартирам рабочих, находящихся в новых поселках»⁴³³.

Мы уже видели выше эти истории об ужасах барачного быта, однако в данном случае они приобретают важное измерение: как правило, истории о барачных неурядицах имели своими героями ударников или по крайней мере отличающихся своими качествами рабочих. Это позволяло создать ощущение вопиющей несправедливости из-за того, что статус человека в производственной системе расходится с доступными ему бытовыми условиями или, говоря в категориях М. Г. Месеро-вича, из-за того, что жилищем «наказывают» человека, который этого вовсе не заслуживает.

Ударничество стимулировалось не только отношениями между начальником (раздающим бонусы) и работниками (стараящимися эти бонусы получить и удержать с помощью «ударного труда»). Принципиально важной была специфическая публичность процесса. Пресса 1930-х гг. больше напоминает не традиционные медиа, а гигантскую социальную сеть, в которой пользователи непрерывно показывают себя (в данном случае, конечно, свои трудовые успехи) и пригlašают делать то же самое других пользователей. Это касается в первую очередь районных и заводских изданий (областные газеты вроде «Уральского рабочего» из-за огромного географического охвата не могли постоянно выступать организаторами соцсоревнования, вмешиваясь лишь в кампании ударничества, по каким-либо причинам поднимавшиеся выше районного уровня). Иногда при чтении газет первых пятилеток возникает чувство, будто речь идет о мушкетерах-забияках Дюма, всегда готовых вызвать соперника на дуэль – настолько коллективы предприятий и отдельные работники вызывали коллег на соревнование, используя в качестве рупора газету.

В октябре 1933 г. в Красноуральске друг друга вызвали на соревнование рудокопы и повара. Бригада забойщиков бригадира Мирошников-ва обещала «своевременно выходить на работу и уходить с работы, не допуская бесцельных хождений и ни минуты не допуская растраты рабочего времени». В ответ коллектив питания столовой № 11 Левинского рудника обязалась «создать в столовой образцовую чистоту и порядок»

⁴³³ Хорошую квартиру ударнику, хорошую мебель в квартиру // Ударник Стальмост-строя. № 57 (320). 4 июня 1932 г.

и «кормить бригаду Мирошникова, при условии исполнения его бригадой всех взятых на себя обязательств, обедом из 4-х блюд»⁴³⁴.

Был и еще один род соревнования – то, что именовалось на страницах газет «финансовым фронтом» (по аналогии с «трудовым фронтом» или «строительным фронтом») и «мобилизацией денежных средств»⁴³⁵. Современный исследователь В. В. Страхов подчеркивает, что «в конце 1920-х – 1930-е гг. государственные займы становятся своеобразным символом экономической модели сталинского социализма, существенным отрицательным фактором повседневной жизни подавляющего большинства семей в СССР»⁴³⁶. Поощрение оставалось важной составляющей всей стратегии распространения займовых облигаций; в числе видов такого поощрения В. В. Страхов называет «награждение трудового коллектива переходящим Красным знаменем, учрежденным, например, районным комитетом ВКП(б), райисполкомом и райпрофсоветом, занесение имен ударников подписной кампании на доску почета предприятия или района, публикация информации о подписке рабочего-ударника в периодической печати (в заводской многотиражке, районной, окружной, областной, краевой или республиканской газете; с портретом или без), награждение почетной грамотой или объявление благодарности и т.д.»⁴³⁷

Механику работы займа раскрывала небольшая статья «В одни сутки...», опубликованная в красноуральском «Гиганте» за подписью

---

⁴³⁴ Гигант. № 238 (730). 21 октября 1933 г. Работники столовой даже напечатали в газете образцовое меню такого обеда: «1. Суп на мясном бульоне – 15 к. 2. Котлеты мясные с гарниром – 50 к. 3. Тефтели из картофеля – 10 к. 4. Пирожки – пара – 20 к.» Но уже 28 октября 1933 г. «Гигант» обрушился на коллектив столовой № 11 с критикой: качество обедов «покапало вниз» по вине «разлагательской работы зав. столовой Антропова»; этого последнего газетная заметка предложила отдать под суд (Гигант. № 243 (735). 28 октября 1933 г.). К концу года ситуация выправилась, и «Гигант» вновь называет столовую № 11 в числе «передовых», в том числе и благодаря соцсоревнованию (Гигант. № 258 (750). 21 ноября 1933 г.).

⁴³⁵ В первые годы пятилетки займы давали «порядка 9,9% от общегосударственных доходов бюджета» (Савин О. И., Данилова Э. В. «Займы индустриализации» и профсоюзы // Федерализм. 2012. № 4. С. 135). Но, как подчеркивает исследователь С. М. Пинаев, не только потребность в увеличении бюджета была локомотив кампаний на «финфронте»: «Правительство загнало себя в ловушку политикой низких цен, которую оно не может обеспечить достаточным количеством товаров. А заработная плата рабочих растет, этот показатель успешности социалистического строительства имеет политическое значение и не подлежит пересмотру. Остается одно – убирать излишки зарплаты займовыми выплатами, которые тоже должны постоянно повышаться, чтобы соответствовать динамике роста зарплат» (Пинаев С. М. «Займы индустриализации» конца 1920-х гг. и особенности их реализации // Вестник Томск. гос. ун-та. 2011. № 8. С. 293).

⁴³⁶ Страхов В. В. Внутренние займы в СССР конца 1920-х – 1930-е годы // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2008. № 2. С. 76.

⁴³⁷ Там же, с. 68.

И. Волгина 16 мая 1933 г. Сюжет статьи был таким. Едва рабочие механического цеха на медеплавильном комбинате имени Красной Армии начали свой трудовой день, как кто-то из членов комсода громко объявил о том, что правительством выпущено новый заем⁴³⁸: «Внезапная весть быстро разнеслась по переделам механического. Каждый рабочий был рад выпуску нового займа». И немедленно началось «писание лозунгов, плакатов, стенгазет и штурмовок», были проведены «собрания, летучие митинги» и, конечно же, вывешены красная и черная доски, данные на которых обновлялись каждые полчаса. Комсод мобилизовал «весь актив финансового фронта» – началась подписка, во время которой «каждый рабочий старался первым подписаться на заем, не дожидаясь, когда его спросят». Даже рабочий Тиманов, «получающий зарплату 48 руб., имеющий на своем иждивении 4 человека, и все они лежат больные», подписался на 50 руб. займа, хотя в комсоде ему «доказали о том, чтобы он не подписывался на заем». Вскоре развернулось соревнование на «скорейшее окончание подписки» между бригадами, сменами и даже отдельными рабочими, и в конце концов механический цех вызвал на соревнование другие цеха Красноуральского комбината: даешь подписку за один день! На помощь комсоду поспешила стенгазета цеха под названием «Молот», выпустившая «экстренный номер», подстегивавший отстающие бригады.

А когда активисты «выявили» рабочего, агитирующего против займа, – им оказался некий В. Курдюков, бывший когда-то «придворным служителем князя в Рыбинске» – в ход пошло тяжелое оружие, вывешенный в цехе на всеобщее обозрение «разоблачающий плакат» со следующим стихотворным текстом:

«Голоснуть-с! За займ! – Не возражаем,
Но... не могу-с. А почему – объясню-с:
Мал итог моей зарплаты,
Велик расход моей семьи.
Сверху донизу заплаты,
Расползлись по швам штаны.
Масла надо для лампадки,
Богу дань я должен дать,
Речи ваши очень сладки.
Но на займ мне негде взять».

---

⁴³⁸ Речь шла о выпуске первого года государственного внутреннего займа второй пятилетки, выпущенного на сумму 3 миллиарда рублей; 14 мая 1933 г. решение о выпуске займа было принято ЦИК и СНК СССР, а 15 мая 1933 г. соответствующее объявление появилось в «Известиях». Как видим, комсод механического цеха комбината имени Красной Армии среагировал молниеносно.

Кто он, по-твоему, товарищ,
Не давший государству взаймы?
Рабочий иль честный пролетарий?
Страну сменявший на штаны...
Конечно, «волк в овечьей шкуре».
Рвач-прогульщик. Кулацкий подпевала.
Оппортунист и ловкий жулик.
Заклятый классовый враг.
Для них – острый нож – пятилетка.
Для нас гигантский рост страны.
Это знаем мы крепко,
Когда даем стране взаймы.

Конечно, рабочие цеха «еще зорче усилили классовую бдительность, выполнением и перевыполнением подписки ответили на вылазку кулацкого подпевалы Курдюкова»; за одни сутки механический цех оказался полностью охвачен подпиской и с честью выполнил «обязательство перед партией и правительством»⁴³⁹.

В тот же день, 18 мая 1933 г., отчитывалась о ходе «финансовой мобилизации» надеждынская газета «Сталь». Поначалу здесь все шло прозаичней и скучнее: сообщалось, что за первый день кампании подписалось свыше 3 000 человек, и что лидирует в реализации займа «охрана завода», тогда как мартеновский цех «позорно отстает»... Но спустя неделю с небольшим и «Сталь» дала драматический сюжет о соревновании на «финфронте». Старый кадровый рабочий Захаров, 28 лет проработавший на заводе «без прогулов и опозданий», на страницах газеты пояснял свое решение подписаться на весь месячный оклад (160 руб.): «Я помогаю своему государству потому, что и оно мне тоже помогает и дает взаймы, у меня было безвыходное положение – старушка больна, я обратился в кассу взаимопомощи, мне взаимобразно дали 150 руб., одним словом выручили из беды, я это помню и никогда не забуду, я имею облигации всех займов, несмотря на свою болезнь и старость». Кроме того, Захарова возмутило поведение молодежи – комсомолец Губашев с зарплатой 185 руб. подписался всего-то на 50 руб., вот и пришлось старику личным примером устыдить молодых⁴⁴⁰.

Верхнесалдинский «Ударник Стальмостстроя» в эти же дни печатал письма участников заемной кампании, не только бравших на себя обязательства, но и вызывавших новых участников присоединиться к кампании на таких же условиях. На взгляд сегодняшнего читате-

⁴³⁹ В одни сутки... // Гигант. № 107 (600). 16 мая 1933 г.

⁴⁴⁰ Государство помогает мне, а я государству // Сталь. № 43 (83). 26 мая 1933 г.

ля такая манера напоминает флешмобы в социальных сетях. Например, сотрудник стройкома Е. Е. Гоголев, говоря на сетевом жаргоне XXI века, *обновил статус* с помощью газеты, сообщив, что он подписался на 300 руб. займа при зарплате 225 руб. в месяц, и поименно назвав тех работников, кого он вызвал на соревнование с условием – подписаться на 115% от своего месячного заработка: «Призываю последовать моему примеру следующих товарищей: Зуева (стройком), Винокурова (главный корпус), Хрулькову, Рыбакова (водострой) и секретаря партячейки жилрайона тов. Дулько»⁴⁴¹. Правда, *затегаемые* (говоря на все том же жаргоне) Гоголевым в его сообщении Хрулькова, Дулько и другие предпочли отмолчаться, по крайней мере, на страницах сталымоостовской газеты их ответы не появились...

МЫ ЗНАЕМ, КУДА ИДУТ НАШИ ЗАИМЫ

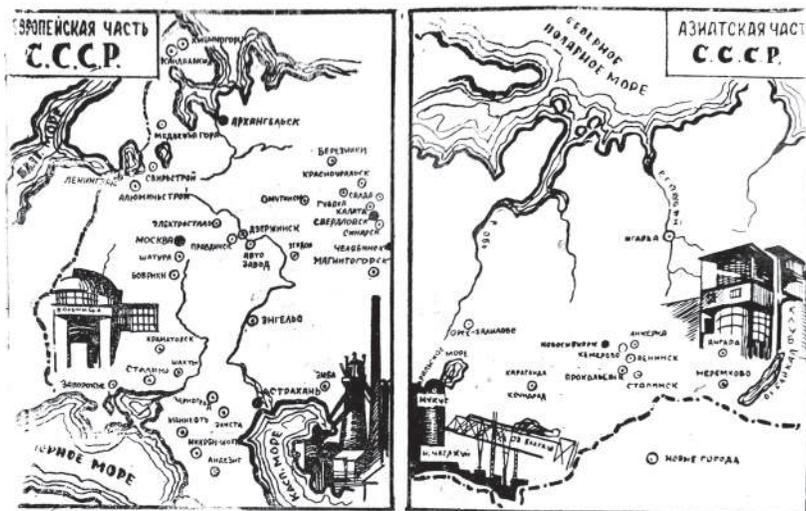

Рис. 29. «Мы знаем, куда идут наши займы». Магнитогорский металл. 9 мая 1933 г.

Соревнование на финансовом фронте дотягивалось и до тех групп горожан, которые не были охвачены обычным производственным соревнованием. 6 сентября 1933 г. красноуральская газета отчи-

⁴⁴¹ Развертываем подписку на всех участках строительства и завода // Ударник Сталымоостроя. № 51 (194). 18 мая 1933 г.

талась о «городском слете работниц и домохозяек», ведущих работу на главных направлениях «финфронта»: распространению подписки на заем и привлечению средств граждан Союза в сберкаассу. При каждом из финансовых учреждений Красноуральска должна была действовать группа активисток, для которых к тому же предполагалось организовать особые курсы. Всего силами женактива планировалось привлечь только в сентябре не менее 2 500 руб. через облигации займа и не менее 3 000 руб. – через сберкаассу. Параллельно на слете районного женактива, прошедшем в заводском клубе, «ударницы финфронта» были премированы суммами от 60 до 100 руб. Красноуральский женактив вызвал на соревнование по «мобилизации денежных средств» женщин другого уральского центра медной промышленности – Калаты, с которой Красноуральск соревновался на «финфронте»⁴⁴². Такая же работа шла в Надеждинске – здесь работницы металлургического завода обратились «ко всем домохозяйкам города», призывая их включиться в работу по «мобилизации средств»⁴⁴³.

«Мобилизация денежных средств» была, таким образом, значимой частью городской жизни: она не ограничивалась только агитацией в цехе, но дотягивалась до отдельных домохозяйств. Она описывалась в тех же категориях, что и «трудовой фронт»; для образцового жителя соцгорода «финфронт» был еще одним участком борьбы, существовавшим параллельно с борьбой за выполнение производственного плана на рабочем месте.

Одновременно массовая печать вела разъяснительную работу о высокой общественной значимости займа. «Мы должны иметь свой самолет», – взывала надеждинская многотиражка «Сталь», публикуя письма рабочих, внесших деньги на благую цель строительства аэроплана «Надеждинский пролетарий». Например, «ударники печи № 2 имени Осоавиахима» сообщали, что решили участвовать в займе на постройку аэроплана «Надеждинский пролетарий», поскольку осознали необходимость иметь «свой собственный самолет для Надеждинска, который послужит не только для подготовки своих авиационных кадров, но и большую роль будет играть в сельхозяйстве»⁴⁴⁴.

Итак, обитатель соцгорода был в первую очередь *homo aemulus*, *человеком соревнующимся*. Соревнование на трудовом и финансо-

---

⁴⁴² В мобилизации денежных средств – равняться на Бурлеву и Черепанову // Гигант. № 204 (696). 6 сентября 1933 г.

⁴⁴³ Обращение работниц Надеждинского металлургического завода ко всем домохозяйкам города Надеждинска // Сталь. № 62 (204). 14 июля 1933 г.

⁴⁴⁴ Мы должны иметь свой самолет // Сталь. № 51 (193). 17 июня 1933 г.

вом фронте играло в соцгороде ту же роль, какую в рыночном городском сообществе играет способность горожанина производить и потреблять, наделяя городскую среду все большей добавленной стоимостью. Соцгород не предполагал никакой добавленной стоимости, поскольку был ориентирован на равномерное развитие среды и инфраструктуры и на замену сегментированного потребления массовым «культурно-бытовым обслуживанием».

Рис. 30. Подписание договора о соревновании советами жен инженеров Златоустовских металлургического и инструментального заводов. Жены инженеров – общественницы тяжелой промышленности. М.: ОГИЗ; ИЗОГИЗ, 1937.

соревнование, постоянно заставлявшее городское сообщество выделять из себя «актив», готовый еще глубже вовлекаться в общественную деятельность.

Нужно отметить и еще одну важнейшую черту социальной структуры соцгорода. Хотя в теории он мыслился

как город равных, на деле соцсоревнование скрывало собой наиболее значимый из всех социальных разломов довоенного советского общества – раскол на грамотную и культурную элиту и малограмотную, малокультурную массу, унаследованный от дореволюционной России. Можно было административным нажимом уничтожить частную собственность и торговлю (пусть и с воследовавшими муками дефицита, от которого страдало население городов), но нельзя было по щелчку пальцев превратить Пилу и Сысойку в инженеров или хотя бы в высококвалифицированных рабочих, заставить их обзавестись той совокупностью манер, которая считалась *культурной*. Агрессивный пафос соцсоревнования с его штурмовщиной и пропагандистским апломбом был предназначен главным образом для массы, нуждавшейся – по мысли большевистских вождей – не только в соревновании, но и в окультивании. Именно рабочие оказывались в фокусе внимания прессы – будь то описания ужасов барачного быта, скверной еды в столовой, тягот освоения техминимума или героического труда на морозе. Почему почти ничего не пишут о жилье и питании ИТР? В городском дискурсе малочисленная, но очень

влиятельная группа образованных технических работников, куда отнесли и партийные начальники, практически отсутствовала: весь этот дискурс был сфокусирован на массе рядовых работников.

НОВАЯ КУЛЬТУРНОСТЬ

Ш. Фицпатрик, суммируя итоги яростных дебатов о культуре в среде большевистских теоретиков 1920-х гг., замечает: «Восторжествовало мнение, что культура – нечто исключительно ценное и внеклассовое... Культурное, как и непристойное, – это нечто такое, что каждый узнает, если увидит. Прибегая к тавтологии, можно сказать, что это комплекс привычек поведения, отношения к окружающему миру и знаний, которые есть у “культурных” людей и отсутствуют у “отсталых”». Можно выделить несколько уровней овладения культурой: элементарная гигиена, затем основная городская культура, требовавшая знания большевистской идеологии и манер поведения в общественных местах, и наконец культура высшего этикета, включавшая способность разбираться в «таких высококультурных предметах, как литература, музыка и балет»⁴⁴⁵.

Что мы имеем в виду под *новой культурностью*? Нарком просвещения А. В. Луначарский, опубликовавший в начале 1928 г. несколько очерков с впечатлениями по итогам своей поездки на Урал, комбинировал гигантоманский «новояз» с традиционным дискурсом провинции, чтобы описать Нижний Тагил, Лысьву и Мотовилиху. Все уральские заводы, по его словам, сейчас находятся на подъеме, который «преисполняет все прикасающееся к производству население соответствующим бодрым духом»; а в Нижнем Тагиле, где построена гигантская новая доменная печь и планируется возвести «громадный вагоностроительный завод», и вовсе «царит всегда возбужденное, творческое, оптимистическое настроение». Но при этом провинциальные городки грязны и страдают от жесточайшего бескультурья: «В результате отсутствия культурных развлечений вырастает хулиганство и пьянство. Нельзя представить себе ничего более стойкого, морально крепкого, революционно выдержанного и трудолюбивого, чем население уральских рабочих городов. Но что же ты подделаешь, если “некуда деться”»⁴⁴⁶. В своих описаниях Луначарский следовал традиции демократической беллетристики: рабочие, конечно, тянутся

⁴⁴⁵ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. С. 99.

⁴⁴⁶ Луначарский А. Города-заводы // Уральский рабочий. № 23 (2913). 27 января 1928 г.

к свету, но когда «некуда деться», все же начинают пить – среда заедает! Этот подход редко отличался от той же более и более жесткой интериоризации дисциплины, которая превратилась для публицистов начала 1930-х гг. в главную цель: конечно, виноват тот бюрократ и «головотяп» (а то и скрытый враг!), который не построил для рабочих кино, но ответственность несет и сам рабочий.

Когда жестокие испытания пятилетки показали, что заявленная на старте программа построения социализма не выполняется должным образом, даже несмотря на героический труд энтузиастов, в дело вступил дискурс новой культурности. Он был одновременно интеллектуальным способом примириться с окружающими реалиями и инструментом интериоризации определенного набора ценностей и поведенческих моделей. *Новая культурность* предполагала, что более интенсивный труд на рабочем месте и за его пределами неразрывно связан с изменением бытовых привычек, с ростом требовательности к организации досуга. Кроме того, новая культурность предполагала ликвидацию того социального разрыва между *культурной* элитой и *бескультурной* массой, который был унаследован от дореволюционной поры⁴⁴⁷.

Если *соревнование* нуждалось в экстраординарных обстоятельствах, то *культурность* предъявляла большие требования к инфраструктуре. А требования к инфраструктуре в конечном счете означали требования к самому себе. Инфраструктура в соцгороде начиналась с собственного жилища, и непременной чертой *культурности* была способность поддерживать чистоту и аккуратность в жилом помещении. Озеленение улицы, чистота в цехе, создание парка культуры и отдыха, благоустройство улиц – все это тоже предполагало личное участие индивида. Конечно, такие потребности, как питание (скатерть, обслуживание, высокое качество пищи), зрелища (кино и театр), чтение и доступ к информации, а также увлечения, требовали создания определенных условий со стороны местных властей, поэтому *культурность* открывала возможности для критики.

В январе 1935 г. И. Д. Кабаков, выступая на I съезде советов Свердловской области, сделал именно «культурно-бытовое обслуживание» темой доклада: «Рост новых людей, героев социалистической стройки, подъем благосостояния трудящихся масс выдвигает перед нами новые крупные задачи. На заводе имени тов. Орджоникидзе, на ВИЗе, в Березниках, в Соликамске, Перми, Молотово, Чусовой, Лысьве, Асбесте, Салде, в Тагиле, в Кизеле – всюду в различных отраслях ты-

⁴⁴⁷ Подробнее об этих социальных представлениях, которые конечной целью ставили преодоление разницы между рабочими и ИТР, см.: Границы и маркеры социальной стратификации России XVII – XX вв.: векторы исследования. СПб.: Алетей, 2018. С. 263–315.

сячи ударников-героев, знатных людей, рабочих, инженеров, врачей, служащих хотят жить с покрытием все своих культурных потребностей. Они хотят покупать в культурных магазинах, ездить в чистых поездах, обедать в благоустроенных столовых, заказывать одежду в хороших мастерских, посещать театры, кино, лечиться в лучших больницах, отдыхать в прекрасных домах отдыха. Это их право. И мы обязаны эти потребности удовлетворить»⁴⁴⁸.

Эти обязанности по созданию жилфонда и инфраструктуры мы уже рассмотрели выше. Теперь же для нас интересна другая сторона, о которой Кабаков не говорил в своей речи: чтобы жить культурной жизнью, «тысячам героев-ударников» приходилось не только ждать, когда пустят больницу или кинотеатр, но и самим прикладывать усилия. Потребление культурных благ, создаваемых советской властью, оборачивалось бесконечным субботником, вполне по Ильфу и Петрову: «Спасение утопающих есть дело рук самих утопающих». А чьих же еще?

Истоки дискурса о новой культурности восходят к попыткам прессы регулировать жилищно-бытовую проблему на новостройках и хоть как-то удержать коммунальный коллапс. Пресса использовала различные стратегии. Как мы показали ранее, бесхозяйственность и жилищный кризис постоянно находились в фокусе внимания корреспондентов: протекающая крыша в бараках, отсутствие отопления, водоснабжения, нехватка мебели и постельного белья и, конечно же, грязь – обо всем этом газеты сообщали непрерывно. Но одновременно вся сила медиа использовалась для интериоризации более бережного отношения к быту – попыток организовать самодисциплину

Рис. 31. Сожгород ЧТЗ вечером. Шарж. Наш трактор. 5 июня 1934 г.

⁴⁴⁸ Кабаков И. Д. Культурно-бытовое обслуживание трудящихся масс и задачи советов. Доклад на первом съезде советов Свердловской области // Уральский рабочий. № 10 (5845). 11 января 1935 г.

жильцов. Кто виноват в грязи – коммунальная служба или сам жилец? Как мы видели, еще в 1928 г. Луначарский не возлагал на жильца ответственности: быт Лысьвы убог, потому что «некуда деться». Но к середине 1930-х гг. баланс в ответе на этот вопрос ощутимо сместился в другую сторону: виноват не только «головотяп» из горхоза, но и сам жилец, неспособный проникнуться *культурностью*. Об этом же говорил и Г. Л. Пятаков во время встречи с инженерно-техническими работниками тагильского Вагонстроя: «Я в порядке обследования ваших жилищ зашел в квартиру инженера Стандартжилстроя. В этой квартире, чистенько прибранной, живет семья специалиста, и можно прямо сказать, что в ней приятно побывать, а ведь подобное жилище может иметь любой из наших работников. Вероятно, жена этого инженера просто-напросто следит за обиходом своего помещения, что может делать любая домохозяйка»⁴⁴⁹.

Интериоризации новой культурной модели служили многочисленные примеры хорошей организации быта жильцами, которые в то же время стимулировали ударничество, подразумевая: если работаешь так же хорошо, как ударники, то и жить будешь, как они – или, точнее сказать, жить *должен*, как они. Например, серия «образцов того, как надо строить быт, новый социалистический быт» появилась на страницах красноуральской газеты «Гигант». В ноябре 1933 г. в «Гиганте» была опубликована заметка В. Агишева «Образец нового быта»⁴⁵⁰, посвященная семье электротехника М. М. Пугасова. Сам ударник Пугасов допоздна пропадал на работе, а его супруга – депутат горсовета А. А. Пугасова – хлопотала по хозяйству (образцовый «семейный коллектив» проживал, насколько можно понять из статьи, в отдельной квартире), а также вместе с «активом домохозяек» вела общественную работу, обследуя коммунальные предприятия. Сидя за вечерним столом, Пугасовы дают друг другу «отчет»: он исправил мотор, она накормила и напоила корову – так прошел день. Иногда к беседе присоединяются дочери, старшая из которых обучает «недостаточно грамотного» отца математике. В жилье образцового «семейного коллектива» отсутствовали клопы и тараканы, зато имелись «радиошашки и струнный инструмент»; кроме того, Пугасовы старательно оштукатурили стены и покрасили

⁴⁴⁹ Пятаков Г. Л. Правительственные сроки строительства – это закон. Из выступления на инженерно-техническом партийном собрании 31 августа и 1 сентября 1933 г. // Вагоногигант. № 78 (165). 11 сентября 1933 г. Весьма доходчиво аналогичные соображения были изложены знаменитым директором Соликамского калийного комбината, В. Е. Цифриновичем, выступившим на общерудничной конференции домохозяек 13 апреля 1935 г.; этот примечательный текст, своего рода мини-энциклопедия *новой культурности*, приведен в приложении к настоящей книге.

⁴⁵⁰ Агишев В. Образец нового быта // Гигант. № 250 (742). 7 ноября 1933 г.

полы, косяки и рамы, сделав свою квартиру «такой, каких в Красноуральске можно встретить не много». Чистота – девиз Пугасовых; автор заметки специально подчеркнул, что, придя домой, Пугасов «осторожненько снял спецовку и сапоги, убрал их в надлежащее, в отведенное им место», умылся и лишь потом сел ужинать.

Все тот же В. Агишев опубликовал на страницах «Гиганта» заметку об образцовой однокомнатной квартире забойщика И. Новикова, следуя той же логике, что и в заметке о Пугасовых: соблюдение чистоты, опрятность... Правда, в отличие от Пугасовых, Новиковы не играли ни на каких инструментах, зато имели радио, патефон и собирались даже приобрести велосипед. В попытках описать «деловито-аккуратный» быт Новиковых автор заметки иногда подходил к граням, которые можно было бы счесть комичными: «Приобретал Новиков и жена его все, что, по их мнению, нужно для обстановки квартиры. Одних только венских стульев они имеют 16 штук, портреты вождей пролетариата. Цветки на подоконниках, фотографии друзей и самих Новиковых, разные открытки и видочки»⁴⁵¹.

В 1935 г. праздничный номер газеты «Вагоногигант», вышедший в честь 7 ноября, рассказывал о стахановце Киселеве – рационализаторе производства. Статья подчеркивала, что «практические результаты» своего труда стахановец Киселев наблюдал не только на заводе, но и дома: «В его квартире стоит мягкий диван, прекрасная, роскошно убранная кровать, хороший гардероб, сделанный его руками. Недавно был премирован радиоприемником “ЭЧС”⁴⁵², а немного раньше – патефоном. За этот год он купил массу дорогих вещей: два костюма, пальто для себя, пальто и костюм жене, у которой теперь столько одежды, что она говорит: мне уже ничего больше из одежды не хочется». Супруга стахановца, работница столовой Анна Трофимовна, вышла в декретный отпуск: в семье ожидалось пополнение, и счастливый муж по этому поводу сделал жене подарок – «дамский велосипед» за 750 руб. Статья была проиллюстрирована весьма характерным фото: Киселев с супругой, улыбаясь, слушают по своему радиоприемнику

⁴⁵¹ Гигант. № 49 (825). 3 марта 1934 г.

⁴⁵² Радиоприемники ЭЧС выпускались в 1930-х гг. Московским электромеханическим заводом имени Орджоникидзе: ЭЧС-3 – с 1933 г., и ЭЧС-4 – с 1935 г. Насколько можно судить по фото, у ударника Киселева был самый новый приемник – ЭЧС-4, имевший более высокий корпус из-за встроенного громкоговорителя (ЭЧС-4. Четырехламповый приемник с полным питанием от сети переменного тока. М.; Л.: ОНТИ; Главная редакция энергетич. лит-ры, 1935. С. 7). Впрочем, для прослушивания можно было использовать и подключаемый репродуктор, а также применять репродуктор для прослушивания патефона. Именно подключаемым репродуктором пользуется на фотографии в «Вагоногиганте» стахановец Киселев.

«ЭЧС» концерт, окруженные пресловутыми «роскошными» и «дорогими» вещами: беременная Анна Трофимовна сидит на мягком диване, справа в кадр заглядывает тот самый «хороший гардероб», а со стены на счастливую семью смотрит портрет Ленина⁴⁵³.

«Полубуйтесь квартирой Суворова!», – восклицала 3 ноября 1933 г. газета «Ударник Стальмостстроя». – «В ней чистота, половики и нет клопов». Суворов, знатный ударник стройки, «ударно работает и культурно живет». Семья Суворова состоит из 6 человек и занимает две комнаты. В чем же заключается выдающаяся культурность Суворова? Редакция описывала ее короткими предложениями, явно носившими характер рекомендации другим жильцам – делай, как Суворов: «Постель заправлена. На столе чистые клеенки, на полу половики, на стенах портреты, большое зеркало и на окнах шторы. Комната ежедневно проветривается... Белые стирается в прачечной, сушится на улице. Посуда убирается в тумбочку. Картофель хранится в подполье. Ничего в комнатах не разбросано. На пол не плюют, окурки не бросают. Половики и постели тщательно каждую пятidineвку выхлопываются на улице. Койки и мебель вывариваются кипятком. Клопов в комнате нет»⁴⁵⁴.

Важной формой досуга для этих «знатных людей» были банкеты. К середине 1930-х гг. описание культурного застолья стало для региональной прессы общим местом. ...В пятницу, 9 октября 1934 г., на банкет в квартире визовского рабочего Ягуткина собралось 28 человек рабочих с женами. Организатором банкета выступил «знатный человек» заводской столовой Перминов: столовая цеха приготовила ужин («блинчики, котлеты, жаркое из свинины, сыр, винегрет и т.д.)), официантки помогли Перминову сервировать стол, а затем сами приняли участие в банкете. Здесь «не было суеты, уставшей хозяйки, скучной никчемной болтовни, скандала, драк – т. е. не было того, чем “славилась” старые праздники». Участники банкета «говорили о прекрасном октябрьском празднике, похвалялись выполнением программы по цеху, советовались, как добиться перевыполнения заданий в смене», а также веселились, танцевали под гармонию и не переставали удивляться – «раньше даже слово “банкет” было рабочему неизвестно, а поварское ели только буржуи»⁴⁵⁵.

Но это был всего лишь товарищеский банкет (рабочие сложились по 10–30 рублей, чтобы его провести). А вот в Деловом клубе тогда же прошел банкет «знатных людей» со всей области – ударников про-

⁴⁵³ Белкин. Стахановец // Вагоногигант. № 257 (695). 7 ноября 1935 г.

⁴⁵⁴ Полубуйтесь квартирой Суворова! // Ударник Стальмостстроя. № 109 (252). 3 ноября 1933 г.

⁴⁵⁵ Банкет крупносортников // Уральский рабочий. № 259 (5793). 10 ноября 1934 г.

изводства, культурного фронта, «знатные люди» науки (среди гостей был и крупнейший уральский специалист в области металлургии профессор С. С. Штейнберг), а также делегация недавно вошедшего в строй Новокраматорского завода тяжелого машиностроения. Культурную программу вечера сделали артисты свердловских театров, а в «минуту тишины между музыкой и пением» ударники беседуют о важном – об использовании полезного объема печи на заводе имени Куйбышева в Нижнем Тагиле, плавке в ватержакетах Калатинского завода и о прочих вещах⁴⁵⁶. Статья сопровождалась большими фотографиями с банкета – изобильно накрытые столы, ударники в пиджаках, артисты со сцены поздравляют «знатных людей».

А вот как эта же тема разворачивалась в «Былях горы Высокой». 1 мая 1935 г. вечеринку «знатных людей» устроил у себя в квартире ломщик рудника, «выдвиженец-администратор» И. Т. Двойников, правда, инициатором вечеринки был секретарь парткома А. С. Костиков. Вечер планировался роскошный! Супруга Двойникова постелила красивые половики, но готовить ей не пришлось: «Решили, чтобы она тоже была как гостя. Насчет еды договорились заранее со столовой ИТР, там все приготовили и прислали ко мне с двумя официантками. Наш вечер эти официантки обслуживали». Сам Двойников только достал папирос.

К 18.00 на квартиру Двойникова съехались гости. «Как кто входил, того сразу приглашали к маленькому столику на пиво, вино, на закуску... А когда все приглашенные собрались – сели мы пить кофе. Всякие сладкие, как говорится, пироги и торты на столах были наставлены, конфеты, печенье, сладость разная. Цветов в комнате было много. После кофе повелись разговоры и беседы у кого с кем. Играли в шашки и в шахматы. Гармонист гальянский Титов вальсы на баяне потихоньку наигрывал». Тем временем заместитель директора Высокогорского рудника П. С. Кладыков доставил передвижную киноустановку, в доме повесили экран, и гости насладились кинокартиной «Броненосец Потемкин» – «много лучше, чем в клубе».

А после кофе и кино настал час ужина: «На столах были расставлены бутылки и рюмки. Градусы разливали тут. Хотя не шибко крепкие вина, а и дамские и мужские стояли. Консервы всяких сортов для закусок. Пироги еще разные, хлеба, рыбы. Ешь, чего тебе хочется <...> Потом жареное мясо мы с вермишелью ели с подливой. Пироги с рыбой большие. И кофе опять и сладости». Секретарь парткома Костиков произнес речь, «на политическую тему» высказался

---

⁴⁵⁶ Вечер знатных людей // Уральский рабочий. № 259 (5793). 10 ноября 1934 г.

и «соцзаместитель председателя горсовета», потомственный рабочий Ф. Д. Козьмин, а вышедши на пенсию ветеран рудника И. Г. Баранов повторял: «Вот дак вот! Добились! Смотри, до чего дошли! Смотри-ка, какие мы люди стали!» Программа вечера закончилась танцами (не зря Костиков принес с собой патефон!), а потом «на машинах всех развезли по домам»⁴⁵⁷.

Истории о банкетах преследовали сразу две цели. Во-первых, эти пиры демонстрировали новую культурность, резко отличающуюся от старой манеры застолья. Это был культурный образец, позволявший вписать то, что ранее считалось сугубым проявлением мещанства в пространство культурности, создававшееся в рамках пятилеток. Во-вторых, описания банкетов и застолий «знатных людей» играли стимулирующую роль.

Поистине причудливыми были траектории новой культурности! Иногда ее частью оказывались совершенно неожиданные вещи.

В один из моментов пятилетки кролики действительно оказались важным городским атрибутом. Разумеется, они появились в городском пространстве не сами собой. Еще в 1928 г. вышло постановление о пятилетнем плане развития кролиководства в СССР. А на пике экономических тягот пятилетки советское руководство предпринимало отчаянные усилия по форсированной организации кролиководства по всей стране, надеясь решить продовольственные трудности; 3 мая 1932 г. при наркомземе был создан НИИ кролиководства, возглавленный П. М. Никитиных⁴⁵⁸. Анонимный советский корреспондент «Бюллетеня оппозиции» в 1932 г. писал: «Разлад в деревне и разлад города с деревней, как всегда, бьют по рабочему, ухудшая его продовольственное положение. Вы, несомненно, заметили по нашей печати, какое громадное место в нашей внутренней жизни занял вдруг вопрос о кроликах. Вся партия была мобилизована на ноги под лозунгом разведения кроликов. На заводах стали создавать крольчатники. Можно подумать, что дело идет о Бельгии или об Англии, да и в этих густо населенных странах кролик вряд ли является предметом такого государственного культа»⁴⁵⁹. Л. Арагон, в том же 1932 г. находившийся в путешествии по стройкам Большого Урала, зафиксировал кролиководческий бум в знаменитой поэме «Ура, Урал!», глава «Пятнадцатый год революции»:

---

⁴⁵⁷ Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. М.: Гос. изд-во «История заводов», 1935. С. 481–483.

⁴⁵⁸ Балакирев Н. А., Нигматуллин Р. М. Из истории развития кролиководства // Кролиководство и звероводство. 2013. № 1. С. 22.

⁴⁵⁹ Письмо из Москвы // Бюллетень оппозиции. 1932. № 28.

Когда мы вечером выходили с завода,
то около киоска, где продавались плакаты,
призывающие к борьбе с производственным травматизмом,
направленные против прогулов
или агитирующие за разведение кроликов, –
около этого киоска
инженер наклонил свою голову...

Наклонив голову, инженер у Арагона заговорил о механизации всех производственных процессов, что в корне противоречило кустарному кролиководству. Как отмечают современные исследователи С. В. Журавлев и М. Ю. Мухин, несмотря на отчаянную пропаганду кролиководства (в многотиражке московского Электростройзавода на протяжении всего 1932 г. выходило приложение под названием «Электростройзавод в борьбе за кроликов») и усилия администрации завода, борьба за кролика потерпела неудачу: «Крольчатники появились в подвалах коммунальных домов, в сараях рабочих, даже на балконах жилых домов (правда, запах был невыносимым и соседи решительно протестовали). Однако кролиководческая кампания требовала специальных знаний, помещений, регулярного ветеринарного ухода и др. В городских условиях не было нужных кормов, кролики часто дохли»⁴⁶⁰.

На Урал кролик пришел в конце весны 1932 г. «Кролика общественному питанию», – призывала в мае 1932 г. газета «Ударник Стальмостстроя». Автор одноименной статьи констатировал, что кролик является «мощной базой в разрешении мясной проблемы» (ибо он «быстроплодлив» и нетребователен к кормам); и только оппортунизм некоторых руководителей, от которых исходит «”панский душок” пренебрежения к кролику», тормозит возведение крольчатника на Стальмостстрое и развертывание кролиководческой кампании с должным размахом⁴⁶¹. Рядом было перепечатано постановление ЦК ВКП(б) «О развитии кролиководства в промышленных районах Московской, Ленинградской и Иваново-Вознесенской областей».

О первых успехах разведения кроликов в соцгородке Стальмоста газета рапортовала уже 15 июня 1932 г. Хвастаться, правда, пока было нечем: только заводской сельхозкомбинат построил крольчатник и завез 18 кроликов. В нарпите «кролика пока нет ни одного, но зато усиленно развились пьяницы в аппарате»; газета иронически советовала

---

⁴⁶⁰ Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии 1928–1938. М.: РОССПЭН, 2004. С. 154.

⁴⁶¹ Кролика – общественному питанию // Ударник Стальмостстроя. № 46(64). 21 мая 1932 г.

руководству нарпита лучше организовать встречу вновь прибывающих кроликов, чтобы и тех не пропили: «Ведь был случай у сельхозкомбината, пропили лук в Тагиле». Не лучше шли дела и у ЗРК, не способного изжить «кроликобоязнь» – здесь «гонцы за кроликами посланы во все концы, но ни слуху, ни духу пока что от них нет»⁴⁶². Похоже, что редакция сталинмостроевской многотиражки осознала комичность ситуации, и после июньской публикации кролик больше практически не появлялся на страницах этой газеты.

Зато первоуральская газета «Под знаменем Ленина» уделяла кролику куда больше внимания. 23 мая 1932 г. газета провела вместе трестом «Нарпит» специальный слет «ударников общественного питания» по вопросу о кролиководстве. Заведующие столовых вызывали друг друга на соревнование, обещая завести при своем учреждении крольчатники; заведующий «ударной столовой» № 4 Трубстроя Юдин объявил: «Кролик – ценное животное для народного питания. Ему нужно дать быстрее пропуск в рабочую столовую». Газета перечисляла «неисчислимые» выгоды кролиководства, которые давно уже освоили развитые капиталистические страны и которые можно получить и в СССР, если «профорганизации по-большевистски мобилизуют вокруг этого дела активность широчайших масс и членов их семей»⁴⁶³. Первоуральск должен был стать центром кролиководства: планировалось проводить краткосрочные курсы по кролиководству; строители Новотрубного должны помочь в постройке крольчатника, а ревдинцы – снабдить клетки крольчатника проволокой. Рядом публиковались заметки типа «Как содержать кролика в рабочей семье»⁴⁶⁴. Хромпиковские пионеры даже взяли шефство над разведением кроликов при местной столовой⁴⁶⁵. 9 июня 1932 г. «Под знаменем Ленина» предостерегала против «варварского отношения к кролику»: «"Рассейский" предрассудок, что кролик – мелочь, забава, косность, вошедшая в плоть и кровь правления колхоза, срывают начатое дело. <...> Надо пресечь пренебрежительное отношение к кролику. Следует помнить, что борьба за кролика – борьба за разрешение мясной проблемы»⁴⁶⁶. В августе 1932 г. в печати появился уже развернутый план по развитию кролиководства в Первоуральском районе, содержавший циф-

⁴⁶² Кто и как ведет борьбу за кроликов // Ударник Сталинмостроя. № 56(74). 15 июня 1932 г.

⁴⁶³ Кролику – путевку в столовую // Под знаменем Ленина. № 113 (183). 26 мая 1932 г.

⁴⁶⁴ Кролик получил признание // Под знаменем Ленина. № 118 (188). 1 июня 1932 г.

⁴⁶⁵ Под знаменем Ленина. № 121 (191). 4 июня 1932 г.

⁴⁶⁶ Под знаменем Ленина. № 125 (195). 9 июня 1932 г.

ры по кролиководству для Нарпита, кооперативных организаций при заводах, колхозов и школ⁴⁶⁷.

Но даже в Первоуральске дело не ладилось. В октябре 1932 г. «Под знаменем Ленина» констатировала: «Большинство организаций района продолжает явно оппортунистически относиться к кролиководству». Крольчатники так и не были построены, заводские кооперативы содержат кроликов в скверных условиях, а колхозное руководство вовсе проигнорировало районное совещание по кролиководству. Газета вновь потребовала «отказаться от парадов и деклараций, по-будничному настойчиво и конкретно развивать кролиководческое хозяйство»⁴⁶⁸.

10 октября 1932 г. «Челябинский рабочий» сообщал о том, что «головотяпы из нарпита и коопхоза ополчились на кролика» и призывал наказать виновных. Пути гибели кроликов были чрезвычайно разнообразны: «В кролиководческом хозяйстве нарпита ЧТС собаки, принадлежащие директору нарпита Алексею, приехавшему на охоту, задавили 28 кроликов. На заводе имени Колющенко 8 кроликов потеряли неизвестно когда и где. В школе № 3, вследствие плохого надзора, были похищены все кролики». Поголовье кроликов в Челябинске, согласно данным газеты, составило всего 6 810 штук, или жалкие 9,5% от плана, который собирались достигнуть к началу 1933 г. «Вместо разведения кроликов фактически получается, что во многих хозяйствах принимаются меры к уничтожению их», – грустно заключала газета⁴⁶⁹. Челябинский горком отреагировал на кризис в кролиководстве, издав 13 сентября 1932 г.: ввести в кролиководстве премирование, обязать «Челябинский рабочий» бдительно наблюдать за ходом выполнения плана, партийным и комсомольским организациям повести работу по разведению кроликов «отдельными рабочими семьями, школьниками, школами»⁴⁷⁰. В Магнитогорске «крольчатниковая» кампания достигла пика интенсивности зимой 1933 г., хотя первые призывы разводить кроликов раздались еще в 1930 г.⁴⁷¹ Кролики массово гибли в березниковском ЦРК и в соликамском Нарпите⁴⁷². Уралобком пытался поправить дело, приняв специальное постановле-

⁴⁶⁷ План развития кролиководства в Первоуральском районе // Под знаменем Ленина. № 443 (273). 8 августа 1932 г.

⁴⁶⁸ Меньшиков В., Преображенский В. В бюрократической чаше потерян кролик // Под знаменем Ленина. № 228 (298). 12 октября 1932 г.

⁴⁶⁹ Головотяпы из нарпита и коопхоза Колющенко ополчились на кролика // Челябинский рабочий. № 234 (1922). 10 октября 1932 г.

⁴⁷⁰ О состоянии кролиководства в районе // Челябинский рабочий. 15 сентября 1932 г.

⁴⁷¹ Макарова Н. Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг. С. 162.

⁴⁷² Кролику – надлежащие условия развития и заботливый уход // Ударник. № 156 (2236). 15 июля 1933 г.

ние: «В 1934 г. надо добиться такого положения, чтобы в области не было без кроликов ни одного рабочего железнодорожника, ни одной школы в районе, ни одной столовой, ни одного пионера»⁴⁷³. Но и в 1934 г. план развития кролиководства по Уралу был выполнен всего на 18 %⁴⁷⁴. Ситуация оставалась проблемной: на Синарстрое, например, крольчатник располагался прямо на территории завода; рядом с кроликами разъезжали автомобили и тракторы, через крольчатник «ходили рабочие, багали собаки, ходил рогатый скот»⁴⁷⁵.

История о безуспешной борьбе за кролика, разгоревшейся в 1932–1933 гг. интересна именно потому, что кампания эта наиболее ярко иллюстрирует попытку советского руководства навязать жителям городов подсобное хозяйство – огородничество, животноводство. Эта попытка противоречила декларируемому советской идеологией стремлению к строительству могучего сектора обобщественного быта, в котором общественному питанию принадлежала едва ли не центральная роль. Так все же фабрика-кухня должна кормить гражданина нового социалистического города или подсобное хозяйство с кроликами?

Конечно, кролиководческая истерия возникла по большей части от безысходности, от попыток хоть как-то улучшить снабжение городов в условиях жестокого кризиса и обрушившегося на страну голода. Но нужно отметить и то, что манера, в которой внедрялись крольчатники, парадоксальным образом превращала их в элемент новой культуры. При этом советская локальная пресса вовсе не старалась обучить читателей ведению домашнего хозяйства; по большей части, здесь не публиковались рецепты готовки или советы о приготовлении пищи. Огромный сектор советов по ведению домашнего хозяйства отсутствовал в печати, что создавало контраст с призывами заводить подсобное хозяйство с кроликами или хотя бы огородом⁴⁷⁶.

---

⁴⁷³ Обеспечить решительный перелом в развитии кролиководства // Под знаменем Ленина. № 276 (637). 10 декабря 1933 г.

⁴⁷⁴ См. постановление Политбюро «О состоянии кролиководства Московской, Ленинградской, Ивановской и Уральской областей» от 20 января 1934 г.

⁴⁷⁵ Снова о крольчатнике // Встречный Урало-Кузбасса. № 56 (150) 14 июня 1934 г.

⁴⁷⁶ Например, в 1935 г. рабочий строительного цеха М. П. Калугин хвастался своим индивидуальным огородом, с которого он собрал «150 кочней капусты, 165 штук огурцов, все это богатство засолил на зиму», порядка 2 центнеров репы, моркови и свеклы. Для уборки Калугин и его семья использовали «каждый час хорошей погоды», а уж из собранных овощей «моя жена, Анфиса Степановна, почти ежедневно варит вкуснейший украинский борщ со сметаной. Соленые овощи идут как гарнир и как не менее приятные самостоятельные блюда. После работы так приятно покушать соленых огурчиков» (Вкуснейший украинский борщ // Искра. № 211 (1460). 18 сентября 1935 г.).

Как и все другие элементы *новой культурности*, крольчатник оказывался атрибутом активного и независимого гражданина нового города – такого гражданина, который был способен сам решать проблемы, не ожидая милостей от начальства. Кролик, таким образом, не должен был стать конкурентом фабрики-кухни. Ему предстояло *страховать* ее на случай провала точно так же, как субботники по озеленению страховали провалы горсовета в коммунальном благоустройстве, а развитие хобби – нехватку культобслуживания в красных уголках и клубах. И если снабжение проваливалось, то у хорошего, активного, сознательного горожанина есть возможность выручить себя самому вместо того, чтобы жаловаться и ждать милостей от начальства. Иными словами, задачей крольчатника было не только накормить людей, но и сделать их независимыми от перебоев системы снабжения. Это означало бы, кроме прочего, что за пустой желудок работника отвечает не только начальство, не организовавшее питание (хотя начальник, конечно, всегда виноват), но и сам работник, не обзаведшийся кроликом, коровой или хотя бы грядкой...

Другим важным проявлением новой культурности было участие в работах по коммунальному благоустройству. В 1935 г. на слуху в Свердловской области была улица Челюскинцев в Нижнем Тагиле: ее жильцы смогли образцово организовать благоустройство и озеленение. Стараясь использовать успех жителей улицы Челюскинцев, «Тагильский рабочий» в 1936 г. ставил задачу «превращения Тагила в Горловку Свердловской области»⁴⁷⁷.

Почему именно в Горловку? Этот шахтерский город, крупный промышленный центр Донбасса, в середине 1930-х гг. гремел на весь Союз как образец коммунального благоустройства. Руководство Горловки во главе с секретарем парторганизации В. Я. Фурером смогло организовать интенсивную кампанию по озеленению, опираясь на мобилизацию самих горожан. Успех заключался не только в несомненных успехах городского благоустройства Горловки, но и в умении грамотно подать эти успехи. Чего стоила эпическая картина сноса старых лачуг местного «пекина» – района старых хибарок: «На центральной “пекинской” землянке воздвигают трибуну. Около нее собираются тысячи. Сегодня будем разрушать и жечь “Пекин”, и этот день превращается в большой народный праздник. Есть много охотников принять участие в разрушении. Возле каждой землянки – грузовая машина... Юхман, Саша Степаненко, Фоменков – забойщик-рекордсмен в несколько мгновений буквально на части разрывают поко-

---

⁴⁷⁷ Сделаем свой город красивым и благоустроенным // Тагильский рабочий. № 58 (2740). 19 марта 1936 г.

сившуюся хибарку. Машины трогают. Они проезжают под аркой со словами “Прощай, Пекин! Прощай, Собачевка!” Следующая арка показывает путь: “В новую, зеленую Горловку”, и, возглавляемые грузовиком с оркестром, бывшие “пекинцы” въезжают в новый город, в свои новые жилища»⁴⁷⁸. Одну из землянок сохранили в качестве экспоната для грядущих поколений, накрыв ее стеклянным колпаком (увы, в годы войны этот удивительный монумент раннего советского урбанизма был стерт с лица земли)⁴⁷⁹. Горловский опыт стал образцом того, как *новая культурность* советских горожан конвертируется – через приводные ремни производственных организаций – в сверхурочную работу по коммунальному благоустройству.

Этот же опыт старались повторить и на Урале. Например, в мае 1934 г. домохозяйки Кабаковска – жены рабочих завода – обещали «сделать образцовыми кварталами» целого ряда городских улиц, прикрепившись к отдельным домам и создав «группы друзей реконструкции города». Речь шла об озеленении и ремонте дорог⁴⁸⁰. В июне 1934 г. делегация из Кабаковска даже отправилась в Горловку, чтобы перенимать опыт. Впечатление было однозначным: «Мы были восхищены Горловкой, ее культурными улицами... Трудящиеся Кабаковска должны перенимать опыт Горловки. Надо крепче браться за благоустройство города, за культурный Кабаковск»⁴⁸¹. Местная газета «Пролетарий» немедленно призвала «на каждой улице Кабаковска создать участки изучения опыта Горловки» и принялась регулярно публиковать горловские фотографии, чтобы пристыдить нерадивых кабаковских руководителей: «Посмотрите под окна своих учреждений... Там грязь, мусор. А в Горловке не так...» Предполагалось, что залогом

---

⁴⁷⁸ Фурер В. Новая Горловка. Записки партработника. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1934. С. 42. Еще в 1933 г. «Правда» с восхищением отзывалась о Фурере, посвятив целый лист его «опытам переделки старых донбассовских горных поселков в культурные города» (Аграновский А. Уголь и розы // Правда. № 250 (5776). 10 сентября 1933 г.); здесь же была опубликована и статья самого Фурера «Что мы делаем из старой Горловки». Успех Фурера был оглушительным, однако в 1937 г. он попал под маховик «Большого террора». И уже летом 1937 г. статья в той же «Правде», бичуя в самых несдержанных выражениях роман В. Торина «Родство» (1935), где главный герой, секретарь парткома Крамер, был списан с Фурера, зловеще заявляла: «Мы знаем, что рекламная шумиха вокруг благоустройства Горловки была для врага народа Фурера лишь формой маскировки» (Солодовников А., Семенов Л. Родство с врагом // Правда. № 177 (7143). 29 июня 1937 г.) История о том, как в 1933–1935 г. Горловка превратилась во всесоюзный образец благоустройства фактически была забыта.

⁴⁷⁹ Жеребецкий П. Горловка. Донецк: КП «Регион», 2001. С. 130.

⁴⁸⁰ Мы беремся создать образцовые кварталы. Письмо домохозяйки // Пролетарий. № 107 (971). 11 мая 1934 г.

⁴⁸¹ Семенов. Что мы видели в Горловке // Пролетарий. № 142 (1006). 22 июня 1934 г.

горловского успеха стали «энтузиазм и воля ударников-шахтеров» в борьбе за культуру социалистического города, а по сути – готовность горловцев расходовать сверхурочное время для работы на субботниках и воскресниках⁴⁸².

Рис. 32. «Озелененные улицы окружают Уралвагонзавод». Жены инженеров – общественницы тяжелой промышленности. М.: ОГИЗ; ИЗОГИЗ, 1937.

Этот же вопрос в более прямолинейной манере рассматривался и в Первоуральске, испытывавшем в 1930-х гг. перманентный кризис благоустройства. В феврале 1934 г. заведующий орготделом горсовета Анисимов на страницах районной газеты сетовал: «Состояние города ни в какой степени не обеспечивает культурные требования трудящегося, ибо вместе с ростом рабочего класса растут и культурные требования». Говоря о планируемом на 1934 г. строительстве (баня, школа ФЗУ, жилые дома) и благоустройстве, Анисимов подчеркивал: бюджетных ассигнований для реализации поставленных целей не хватит, поэтому дополнительные работы придется выполнять «исключительно силой общественности, бесплатно»⁴⁸³. Что за дополнительные работы? По преимуществу Анисимов имел в виду вырубку леса и его вывоз, для которого придется «мобилизовать рабочих города, имеющих лошадей». Не имея средств оплачивать работу, горсовет – стараясь хоть как-то стимулировать сознательность и культурность горожан – обещал премировать возчиков и лесорубов «промтоварами», а также обеспечить их горячим питанием. О питании, впрочем, еще предстояло договориться с лесхозом...

Итоговая картина нового быта и культуры, сложившаяся в советской публичной сфере ко 2-й половине 1930-х гг., была гибридной. Запальщик, заведующий динамитным складом Высокогорского рудника

⁴⁸² Мы поняли «секрет» успеха Горловки // Пролетарий. № 145 (1009). 26 июня 1934 г.

⁴⁸³ Анисимов. Превратить Первоуральск в образцовый город // Под знаменем Ленина. № 28 (692). 5 февраля 1934 г.

П. А. Васильев так описывал культурные победы страны победившего социализма: «Гальянку⁴⁸⁴ нашу нынче не сравнить с прежней. Самый быт стал культурным бытом. Молодежь растет, видит кругом культуру, у нее желание больше идти вперед. Средних лет мужчины да женщины также здорово выросли в культурном отношении. Одеваться стали чисто, красиво <...> Парни все в галстуках ходят, а девочки в фетровых шляпах, в шелковых платьях, в дорогих чулочках и туфлях. Одни служат по учреждениям, другие стали квалифицированными рабочими и работницами. Все грамотные, все учатся. Теперь и деленье-то отпало: гальянский, ключевской, первочастный. Все сделались вровень, все тагильское население»⁴⁸⁵.

К середине 1930-х гг. наравне с технологическими чудесами символами счастливой и культурной жизни в обновленных городах оказались фетровая шляпа с «дорогими чулочками»! Соцгород описывался через формулу материального и культурного благосостояния (обратите внимание на то, как высокогорец Васильев случайно или намеренно в своем описании нового быта использовал соображения Сталина о стирании различий между городским центром и периферией). Это благосостояние считалось полностью достижением нового, социалистического строительства – подобно тому, как новый соцгород все время нуждался в близости антипода, старого уральского Пропадинска со зловещими фигурами Демидовых, Шуваловых и графини Стенбок-Фермор, *новая культурность* требовала противопоставления со старыми временами, обретала смысл в рамках оппозиции *тогда и теперь*. В запутанной системе антиномий, определявших дискурс о советском городе, именно противопоставление старого и нового было стержнем, вокруг которого можно было строить описание. Но речь шла не только о материальном изобилии и культурных привычках – подобное воспроизведение буржуазной культуры производителей и потребителей товаров и услуг было невозможным в условиях плановой экономики с ее дефицитом и отсутствием индивидуального накопления. Важнее фетровой шляпы, походов в кино и умения разбираться в опере была *интериоризация дисциплины*, которая – предположительно – должна была заставить людей выполнять дополнительную работу (например, разводить кроликов или мостить тротуары), поддерживая, таким образом, главную социальную константу соцгорода – соревнование. Здесь специфика плановой экономики сталкивалась с харак-

---

⁴⁸⁴ Жилой район в западной части Нижнего Тагила, поселок горняков Высокогорского рудника.

⁴⁸⁵ Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. М.: Гос. изд-во «История заводов», 1935. С. 488.

терным для российского общества расслоением по линии грамотности / культурности – по крайней мере, сама правящая элита была уверена в существовании такого разлома, ставшего особенно рельефным со стартом форсированной индустриализации, когда обнажилась чудовищная потребность в кадрах⁴⁸⁶.

В остальном же концепции советского урбанизма менялись. Конструктивизм или освоение классического наследия? Конгломерат заводских поселков, упраздняющих понятие центра, или организованный по строгой плановой иерархии город с центром и периферией? Даже коммунально-бытовой комплекс, бывший одним из главных слагаемых большевистской концепции урбанизма, оборачивался для рядовых горожан неожиданной нагрузкой: *новая культурность* возлагала на горожанина массу забот, связанных с обслуживанием того коммунального комплекса, который по идее сам должен был обслуживать жителей соцгорода. К тому же практически любая из этих позиций могла быть раскритикована и в одночасье превратиться из верной в ложную, поскольку город-надстройка заведомо отставал от завода-базиса; одной рукой перевозносятся новые города как проявление большевистского размаха по преобразованию «старой Расеи», другой рукой всегда можно было указать на то, что жилищно-коммунальная система «все еще отстает» по отношению к производственным мощностям. «Нагнать» их в этой интеллектуальной системе она не могла (возможно, за исключением столицы – Москвы), поскольку надстройка не может стоять выше базиса. Кроме того, все эти тонкости в понимании соцгорода были привязаны к насущным потребностям колоссального строительного проекта индустриализации. Соцгород представлял в разных обликах. На старте проекта это был город домов-коммун в духе Сабсовича, окрыляющего взгляда в прекрасное будущее.

Рис. 33. «Кадры решают все». Магнитогорский металл. 16 мая 1935 г.

⁴⁸⁶ Иллюстрацией этого является помещаемый в приложении к настоящей книге очерк секретаря Салдинской парторганизации Д. М. Ханина «День» (1936).

Этого этапа уральские города застать почти не успели: основная масса строительства была завершена уже на пике первой пятилетки, когда катастрофические тяготы строительства обрушились на страну. Амбиции строительной программы были ревизованы, а уже возведенные здания сделались предметами гордости, зримыми символами успеха, использовавшимися для мотивации изнемогавших строителей. По мере разворачивания второй пятилетки на авансцену выдвигался очередной проект – городское благоустройство в духе новой Москвы, заставлявший строительные достижения предшествующего периода выглядеть по большей части нелепыми. Из символов успеха жилые районы Уралмаша или Красноуральска превращались теперь в памятники ошибкам реконструктивного периода, усугубленным всепроникающим вредительством. Но отменить взмахом пера богатейшую образность, разработанную в годы интенсивного строительства, было невозможно; то, что было относительно легко сделать в Москве, на Урале приобретало болезненный характер.

История о соцгороде находилась в центре целой системы дискурсов, которую вполне уместно назвать *мифологией*. Почему именно мифологией? Потому, что она представляла собой набор утверждений и образов, по умолчанию считавшихся истинными. Создание такой мифологии оказалось возможным благодаря стремительному росту публичной сферы Урала в межвоенный период. Специфика ее заключалась в том, что усилия публичной сферы оказались направлены в период интенсивного строительства на задачи стимулирования строителей. Соцгород, таким образом, был не только градостроительной практикой, но и мифом стимулирования, окруженный другими мифами. Мифология, творившаяся советскими медиа, позволяла описывать место обновленного Урала в мире, наделять смыслами жизнь соцгородов и предлагать готовые модели для осмысления самых разных событий. Важнейшие из этих мифологем мы рассмотрим в следующей главе.

Глава 4

Мифология

Нам нужен героизм овладения техникой,
героизм умения работать, героизм науки,
героизм высокой социалистической техники.
Весь коллектив завода должен ежедневно
жить героизмом

Л. Л. Авербах.
«Ежедневно быть героями»
За тяжелое машиностроение, 14 октября 1934 г.

ГЕРОИ

Полноценное функционирование новой социальной системы соцгорода, построенной на плановой экономике, ориентированной на выравнивание и компенсирующей нехватку конкурентности соревнованием и ударничеством, требовало целой системы стимулирующей мифологии. Под мифами мы имеем в виду базовые символы, помогающие объяснять окружающую реальность и не требующие критического осмысления. Речь здесь идет вовсе не про поиск соответствующих архетипов⁴⁸⁷; мы говорим о мифах как об образах и сюжетах, которые в рамках данной коммуникативной системы являются универсально понятными. Такие понятия, как *вредитель* или *мировая революция* давали возможность быстро и эффективно описывать целый спектр различных явлений, отсылая участников коммуникации к определенным сюжетам, аналогия с которыми позволяла разобраться в ситуации. Как отмечает современный исследователь Д. Бранденбергер, поиск советской элитой новых путей мобилизации после «большой военной тревоги»

---

⁴⁸⁷ Эдельман О. Легенды и мифы Советского Союза // Логос. 1999. № 5. С. 52–65; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. С. 15–18.

1927 г. (и, добавим мы, со стартом индустриализации в 1928–1929 гг.) привел к выводу о том, что «даже самое ортодоксальное прочтение марксизма-ленинизма совместимо с обсуждением знаковых личностей, воплощающих в себе идеологические ценности и приоритеты общества в целом»⁴⁸⁸. На смену склонной к социологическим абстракциям пропаганде 1920-х гг. теперь явилось героическое мифотворчество или, говоря словами Бранденбергера, «полезное прошлое».

Советская мифология, понятая в данном ключе, поистине необъятна: помимо мифов, культивировавшихся на всесоюзном уровне (таких, как челюскинцы, Стаханов или «шесть условий Сталина»), было множество локальных подсистем, оперировавших собственными сюжетными и образными системами. Мы затронем лишь те элементы мифологии, которые были принципиально важны для строек-гигантов Большого Урала и возникавших рядом с ними соцгородов. Эта мифология включала разработанные образы героев, злодеев и вождей, свой календарь, а также историю о мировой революции и о грядущей войне.

Начнем с *героев*, поскольку именно миф о героизме следует считать в этой системе основополагающим. Мы показали в предыдущей главе, что соцгород должен был быть населен ударниками, энтузиастами соревнования, перевыполняющими план на предприятии и внедряющими *новую культуру* в быту. Но в этой массе ударников выделялись настоящие *герои* – ключевые фигуры локальных городских сообществ, чья жизнь должна была служить образцом. Эта парадигма героического довольно резко отличалась от более ранней мифологической системы советской культуры, выстроенной преимущественно вокруг истории о жертвах революционной борьбы и гражданской войны и оставившей отпечаток практически во всех городах страны. Первая волна переименований в постреволюционной России, затронувшая города и улицы, следовала «канону мучеников»: как правило, улицы и фабрики называли в честь местных большевиков и героев гражданской войны, погибших в борьбе или умерших до окончательного триумфа социализма. Достаточно вспомнить завод имени Урицкого в Брянске⁴⁸⁹, площадь Павших Борцов в Царицыне-Сталинграде, целые поселения – подмосковный Рошаль (бывший поселок Крестов

---

⁴⁸⁸ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927 – 1941. М.: Полит. энциклопедия, 2017. С. 76.

⁴⁸⁹ Предприятие было основано генералом С. И. Мальцовым в селе Радица близ Брянска, в 1926 г. – переименовано в Брянский вагоностроительный завод имени Урицкого в честь убитого в 1918 г. руководителя Петроградской ЧК С. М. Урицкого. В 1941 г. завод был эвакуирован в поволжский Энгельс, где и находится по сей день. Сегодня, впрочем, имени Урицкого в названии больше нет: завод, с 1950-х гг. специализирующийся на выпуске троллейбусов, в 1990-х гг. сменил имя на «Тролза».

Брод при пороховом заводе, переименованный в честь убитого в декабре 1917 г. комиссара Румынского фронта С. Г. Рошалья) или прославленное Салтыковым-Щедриным Пошехонье, с 1918 г. именовавшееся Пошехонье-Володарск в честь убитого в 1918 г. редактора «Красной газеты» В. Володарского. К примеру, в центральной части Екатеринбург-Свердловска почти все улицы получили наименования по этому канону (исключением были две главные улицы, названные в честь вождей – Ленина и Троцкого).

Однако уже к началу 1930-х гг. имена П. Д. Хохрякова, И. М. Малышева и многих других героев гражданской войны практически не упоминаются в прессе: канон мучеников сжался до узкого круга ключевых образов, тиражировавшихся в рамках памяти о гражданской войне (на Урале такими образами были герои уральского подполья, захороненные на площади Коммунаров). Но даже и в тех случаях, когда речь заходила о гражданской войне, мученики не служили образцами для подражания: чаще говорилось о тех опытных рабочих, которые, пройдя войну, теперь готовы были демонстрировать чудеса самоотверженности на трудовом фронте. Новая мифология героев, возникавшая на волне пятилетки, была связана не с коммеморацией, а со стимулированием.

Формирование этих героических образов началось с форсированным строительством заводов-гигантов (первостроители) и развитием ударничества (изотовцы), а своего пика достигло на волне стахановского движения в 1935 г. По преимуществу это были рабочие, выдвинувшиеся при помощи ударного труда и в наибольшей степени преуспевшие в соцсоревновании; хотя в число героев входили и деятели культуры, науки, а также военные, в промышленных центрах Урала героический статус почти сплошь обретали именно рабочие. Их «истории успеха» усердно тиражировались средствами массовой информации, и, хотя советские газеты не имели аналогов светской хроники, ярчайших ударников можно – с оговорками – сравнить со «звездами» рыночной экономики.

Таким ударником был, например, А. Тюменцев, мастер Верх-Исетского завода «Красная кровля». Со стартом пятилетки Верх-Исетский завод старался освоить производство высококачественной стали; разгорелось соревнование между «энтузиастами большеобъемных плавок», мастерами Суковым и Тюменцевым. 26 апреля 1931 г. мартиеновская печь № 3 дала первую в СССР шарикоподшипниковую сталь (из нее мастера немедленно отлили портреты Сталина и Орджоникидзе)⁴⁹⁰.

⁴⁹⁰ Рябинин Б. Верх-Исетский завод. Свердловск: Свердловск. обл. гос. изд-во, 1948. С. 105–106.

За этот трудовой подвиг коллектив электропечи ВИЗа был награжден красным знаменем ОКДВА (речь об этом легендарном артефакте пойдет в параграфе 4 настоящей главы)⁴⁹¹. Тюменцева аттестовали следующим образом: «Алеша Тюменцев является одним из лучших молодых мастеров краснознаменной электропечи ВИЗа. Он упорно боролся за овладение сложной техникой электроплавки, систематически повышал свои теоретические знания, добился по темпам работы и по качеству металла производственных результатов, которые в некоторых случаях идут впереди плавок других опытных мастеров. Тюменцев дает плавки лучше зарубежных... Тов. Тюменцев – редактор стенгазеты, лучший общественник мартеновского цеха. За большевистские образцы работы ВЦИК СССР наградил Алешу Тюменцева орденом Ленина»⁴⁹².

Акцент на конкретных героях не очень хорошо согласовывался с большевистской ставкой на коллективизм. В 1930 г., рассказывая об ударниках строительства Березниковского химкомбината, журналист В. Наумов заключал: «Так – кто же герой?. Кто? Кто боевыми темпами поражает мелкобуржуазную стихию в производстве? Всмотримся внимательней в лица лучших ударников... Смотрите. Они одинаковы. Они дышат одним желанием, озадачены одной целью. Здесь нет героев-одиночек. Здесь коллектив – герой... Герой – ударная бригада»⁴⁹³. Еще в 1933 г., называя ударников «главными героями социалистического строительства», магнитогорская газета «За металл» ухитрилась не назвать ни одного имени, подчеркивая: «Десятки, сотни, тысячи ударников насчитывают в своих рядах магнитогорские металлурги. Десятки имен героев социалистического труда стали известны всему Советскому Союзу»⁴⁹⁴.

Д. Бранденбергер, говоря о сдвиге в системе советской пропаганды и агитации от абстрактных социологических тем к символике героизма и патриотизма, подчеркивает, что важную роль в переходе к новой парадигме героического сыграла эпопея челюскинцев⁴⁹⁵. К 1935 г.

---

⁴⁹¹ Почетное знамя – лучшим ударникам // Уральский рабочий. № 139 (4641). 22 мая 1931 г.

⁴⁹² Злобный классовый враг ударил ножом героев-ударников ВИЗа Питерского и Алешу Тюменцева // Уральский рабочий. № 258 (4759). 18 сентября 1931 г.

⁴⁹³ Наумов В. Здесь – коллектив герой // Ударник. № 259 (1457). 7 ноября 1930 г.

⁴⁹⁴ Рапорт четырех тысяч // За металл. № 1 (304). 1 января 1933 г.

⁴⁹⁵ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. С. 79–81. Драма «Челюскина» вызвала огромный отклик и на Урале. Ограничимся одним примером: 10 апреля 1935 г., в честь годовщины спасения челюскинцев, «Уральский рабочий» напечатала картину художника-самоучки В. Эсипова, «ученика 5-го класса Ревдинской школы» (оригинал картины был выставлен в клубе строителей), резюмировав: «Челюскинская эпопея родила тысячи новых поэтов и художников».

манера описывать ударников уже сложилась, устойчивым стал акцент на персональных достижениях знатных рабочих. К примеру, в августе 1935 г. в Сатке чествовали опытного рабочего Н. Н. Шевалдина, 24 года трудившегося на заводе «Магnezит» и прошедшего путь от чернорабочего до форсунщика. В 1929 г. Шевалдин стал членом первой на «Магnezите» ударной бригады, получил почетную грамоту, а сегодня, в 1935 г., пожилой рабочий занимался повышением своего технического уровня, овладевая специальностью электрика-моторщика⁴⁹⁶. А в Лысьве примерно в те же дни отмечали 25-летний юбилей работы ветерана металлургического завода, Н. Е. Ферулева⁴⁹⁷.

Известнейшие стахановцы страны представляли различные промышленные центры: шахтеры А. А. Стаханов, эпоним всего движения, и его дублер М. Д. Дюканов – Донбасс, кузнец А. Х. Бусыгин – Горьковский край, Е. В. Виноградова и ее однофамилица М. И. Виноградова – Ивановскую промышленную область, машинист П. Ф. Кривонос – опять Донбасс. Именно эти шесть имен назвал Г. К. Орджоникидзе, говоря о зачинателях стахановского движения на открытии первого всесоюзного совещания рабочих и работниц-стахановцев в ноябре 1935 г.⁴⁹⁸ А как же Урал? Уральцы на этом совещании практически не выступали⁴⁹⁹, Сталин даже упрекнул уральские партийные организации: «Что-то не слышно или очень мало слышно об Урале, хотя Урал является, как известно, громадным промышленным центром»⁵⁰⁰. Разумеется, свое стахановское движение в сентябре 1935 г. началось и на Урале (первым стахановцем Урала стал забойщик шахты им. Урицкого в Кизеле Г. М. Батуев, в ночь с 11 на 12 сентября превысивший норму более чем в 10 раз⁵⁰¹), однако своего Стаханова или Бусыгина здесь по неясным причинам так и не появилось.

Можно говорить о едином культурном типе стахановца, послужившем основой для завершения формирования советского мифа о героях и складывания стройной системы соответствующих образов. Это были настоящие герои, «знатные» и «лучшие» люди страны⁵⁰²,

⁴⁹⁶ Один из лучших // Саткинский рабочий. № 117 (1106). 22 августа 1935 г.

⁴⁹⁷ Юрьев Б. 25 лет работы в заводе // Искра. № 170 (1419). 28 июля 1935 г.

⁴⁹⁸ Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. 14–17 ноября 1935 г. Стенографический отчет. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 8–9.

⁴⁹⁹ Единственным представителем Большого Урала оказался секретарь магнитогорской парторганизации Р. М. Хитаров, который постарался хоть как-то исправить ситуацию, рассказав о стахановцах Магнитки и назвав их по именам.

⁵⁰⁰ Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. С. 374.

⁵⁰¹ История Урала. Т. 2. Период социализма. Пермь: Пермское книжн. изд-во, 1977. С. 204.

⁵⁰² См.: Введенский В. В. «Знатные люди»: благосостояние передовых работников

чи биографии одновременно демонстрировали основные социальные достижения большевистской политики и служили образцовыми пособиями о том, как надо прожить жизнь в соцгороде.

Сам Сталин, выступая на всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановцев, замечал: «Может быть, Стаханов и Бусыгин имеют претензию быть великими фигурами нашей страны, и они сами разнесли искры стахановского движения по всей стране? Это тоже неверно. Вы видели здесь Стаханова и Бусыгина. Они выступали на совещании. Это – люди простые и скромные, без каких бы то ни было претензий на то, чтобы стяжать лавры фигур всесоюзного масштаба»⁵⁰³. Итак, с одной стороны, Сталин подчеркивал, что стахановцы – не какие-то выдающиеся герои, а лишь первые вестники процесса ликвидации противоположности между физическим и умственным трудом, который разворачивается в СССР и который неизбежно охватит широкие массы рабочих⁵⁰⁴. Впрочем, вождь противоречил сам себе: в другой части своей речи он уже говорил о стахановцах как о героях и именно в публичной мифологизации видел важное отличие труда в СССР от труда в капиталистических странах: «При капитализме труд имеет частный, личный характер. Выработал больше, получай больше и живи себе, как знаешь. Никто тебя не знает и знать не хочет... Ты не согласен с этим – ступай в ряды безработных и прозябай, как знаешь – найдем других, более сговорчивых». Зато в СССР трудящийся «в почете», а труд это – дело «чести и славы»: «Трудовой человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей стра-

---

промышленных предприятий Западной Сибири в середине 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 86–90; Лисицина Я. Ю., Лисицин В. Г. Культурная составляющая образа стахановца Восточно-Сибирского края в быту и искусстве // Известия Иркутск. гос. ун-та. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. № 22. С. 227–283; Чемоданов П. А. Советский стахановец второй половины 1930-х годов как культурно-психологический тип // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-1 (65). С. 190–194.

⁵⁰³ Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. С. 368

⁵⁰⁴ Как отмечает исследователь В. А. Чемоданов, «сама логика развития стахановского движения вела его от отдельных рекордсменов к целым группам, организованно перевыполняющим норму», поскольку «от каждого отдельного стахановца при этом требовалось не только самому добиться высоких результатов, но и “тянуть вверх” коллег по бригаде, цеху, заводу» (Чемоданов В. А. Советский стахановец второй половины 1930-х годов как культурно-психологический тип // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3(65). Ч. 1. С. 192). Вот как, например, воспринял сообщения о Стаханове разметчик Уралмаша А. С. Юрахно: «Я считал – это человек огромной физической силы, поэтому он смог дать такую производительность. У меня даже не мелькнула мысль о том, что можно дать такую производительность на нашем заводе, где каждый станок – уникал» (Стахановцы Уралмаша. М.; Свердловск: ОНТИ, 1936. Ч. 1).

ны, своего рода общественным деятелем. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать, – он герой труда, он овеня славой». Итак, стахановцы – это, с одной стороны, массовое движение, а с другой – круг избранных героев, «овенянных славой», едва ли не профессиональных знаменитостей⁵⁰⁵.

Говоря о стахановцах, современный исследователь П. А. Чемоданов выделяет следующие характерные черты этого «культурного типа»: жажда участия в процессе модернизации, состязательность, коллективизм, чувство ответственности за товарищей по работе, тяга к знаниям и культуре⁵⁰⁶. И, как отмечает С. Коткин, «подобное трюкачество (gamesmanship), о котором постоянно сообщали в газетах (обычно с приложением фотографий), похоже, пленило воображение растущего советского рабочего класса»⁵⁰⁷. Не случайно панно «Знатные люди страны Советов», обрамленное статуями Ленина и Сталина, было одним из главных элементов экспозиции советского павильона на всемирной выставке 1939 г. в Нью-Йорке. Увы, и здесь, среди нескольких десятков стахановцев, запечатленных на панно, тоже не было ни одного уральского рабочего.

Ярким примером конструирования истории об ударнике-герое стала фотосерия «Гигант и строитель», созданная усилиями фотографа М. В. Альперта и запечатлевшая строителя Магнитогорска В. Е. Калмыкова: «Фотографии и подписи к ним рассказывали читателю о том, что рабочий Виктор Калмыков перебрался из палатки в барак, позже Калмыков получил отдельную комнату. <...> Рассматривая фотосерию, зритель становился свидетелем того, как преображался внешний облик ударника, менялась одежда Калмыкова. Сначала на герою можно было видеть лапти, затем – сапоги, позже – прекрасный костюм и белую рубашку с галстуком, полученные Виктором в премию»⁵⁰⁸. Впоследствии В. Е. Калмыков пошел существенно дальше рубашки и комнаты – он стал членом Магнитогорского горкома

---

⁵⁰⁵ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. С. 93.

⁵⁰⁶ Чемоданов В. А. Советский стахановец второй половины 1930-х годов как культурно-психологический тип // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3(65). Ч. 1. С. 192–193.

⁵⁰⁷ Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 209.

⁵⁰⁸ Макаров А. Н. «See USSR»: советская визуальная пропаганда индустриализации 1930-х гг. за рубежом // Научное пространство Европы. Материалы международной научной конференции, 7–15 апреля 2014 г. URL: http://www.rusnauka.com/11_NPE_2014/Istoria/1_166982.doc.htm (дата обращения: 03.08.2018).

комсомола, делегатом VII съезда Коминтерна. Жизнь «самого знаменитого строителя» СССР оборвалась трагически – в 1938 г. Калмыков был репрессирован и расстрелян⁵⁰⁹.

Были на Магнитке и другие герои-первостроители. При строительстве плотины заводского пруда⁵¹⁰ прославились инженер Тамаркин и руководитель бригады землекопов Н. Шайхутдинов, первый ударник-краснознаменец Магнитостроя. А соревнование бригадиров Х. Галиуллина и Х. Сагадеева по укладке бетона, в ходе которого бригада Галиуллина установила мировой рекорд в 1196 замесов за 8 часов работы⁵¹¹, было описано В. Катаевым в книге «Время, вперед!», став едва ли не самым известным сюжетом об ударничестве первостроителей в советской литературе.

Рис. 34. Первостроители Магнитогорска Н. Шайхутдинов и Х. Галиуллин. СССР на стройке. 1933. № 2.

К 1935 г. героев-первостроителей сменили герои-стахановцы. Магнитогорск был форпостом стахановского движения на Урале, и фигуры стахановцев здесь приобрели эпические контуры настоящих рыцарей круглого стола, благородно соревнующихся в ударничестве и вызывающих друг друга на перевыполнение рекордных планов. Центральной фигурой среди героев ударного труда, своего рода сэром Ланселотом этого стахановского круглого стола, был старший оператор блюминга Д. Богатыренко. Вот он за своим аппаратом⁵¹²:

⁵⁰⁹ Юрьев А. Жизнь Виктора Калмыкова // Магнитогорский металл. 30 марта 2017 г. URL: <http://magmetall.ru/contribution/21729.htm> (дата обращения: 01.06.2018).

⁵¹⁰ Считавшейся, как мы отметили в главе 2, настоящим чудом света в СССР.

⁵¹¹ Бригада Галиуллина обогнала международные рекорды // Уральский рабочий. № 210 (4711). 1 августа 1931 г.

⁵¹² Богатырь Богатыренко // Магнитогорский металл. № 129. 6 октября 1935 г.

Его работой все мы горды –
Он ставит славные рекорды:
Сто пятьдесят сверх тыщи тонн
Дал годного за смену он.

Привет стахановцу проката!
Пусть блюмсы катятся рекой
И будут тыщи тонн обжаты
Богатыренковской рукой!

С ним соревновался беспартийный ударник В. П. Огородников: «В сентябре–октябре 1935 г. вся Магнитка с интересом следила за трудовым поединком бригад старших операторов блюминга Д. Богатыренко и В. Огородникова. В течение двух месяцев длился поединок. То выходила вперед бригада Богатыренко, то Василия Огородникова. 28 октября бригада В. Огородникова дала 243 прокатанных слитка вместо 171 по норме, а Богатыренко отстал на 4 слитка»⁵¹³. Авторы сборника «Итоги хозяйственного и культурного строительства Челябинской области» за 1936 г. уверяли, что имена прославленных прокатчиков известны на весь Союз и что «за успехами мастера проката т. Огородникова следит вся страна»⁵¹⁴. 2 ноября 1935 г. в «Магнитогорском металле» нашелся хвалебный стих и для Огородникова:

Дает он больше в много крат,
Чем мог дать раньше весь прокат,
Чем вся промышленность Урала
До революции катала.

Ими руководил хладнокровный, просчитывающий каждый производственный шаг инженер М. Б. Клемперт, оказавшийся одним из героев иллюстрированного альбома «Поколение победителей» (1936), изданного ВЛКСМ: «Клемперт, кроме мелких задач,

35. «Богатырь Богатыренко». Дружеский шарж. Магнитогорский металл. 16 октября 1935 г.

⁵¹³ Каюкин Л. Стахановцы Магнитки // Магнитогорский металл. 06.09.2005. URL: <http://magmetall.ru/contribution/1711.htm> (дата обращения: 30.08.2018).

⁵¹⁴ Итоги хозяйственного и культурного строительства Челябинской области. Челябинск: Изд. Челяб. Облплана, 1936. С. 31.

выполняемых им на ходу, поставил себе главную задачу – изучать человеческие характеры. Надо было проследить всю систему колебаний каждого темперамента в отдельности. Пять старших операторов – пять разных характеров. Уже с первого взгляда Клемперт заметил, что молодой оператор Богатыренко более спокоен, чем другой молодой оператор Огородников, чье поведение было порывистым и чье настроение, выраженное графически, представило бы резкую кривую линию. Третий оператор Черныш не был похож на них обоих. Различные характеры были и у остальных двух операторов, Тищенко и Свистунова»⁵¹⁵.

Не меньшей известностью, чем богатыри блюмингов, пользовалось семейство сталеваров-стахановцев – Зуевы, которые, по словам Хитарова на всесоюзном съезде стахановцев 1935 г., «идут во главе передового отряда стахановцев» Магнитки⁵¹⁶. В газете «Магнитогорский металл» за 1935 г. можно найти дружеский шарж художника Шубанова «По Стаханову, равняйся!» – мастер Зуев с женой любят на собственных сыновей и зятя, держащих равнение на белозубо улыбающегося Стаханова. Рядом было помещено стихотворение⁵¹⁷:

⁵¹⁵ Поколение победителей. М.: Глав. ред. науч.-попул. и юношеской литературы ОНТИ, 1936. С. 58. Дальнейшее сравнительное описание характеров Богатыренко, Огородникова и Черныша, а также размышлений Клемперта и парторга Колупаева относительно того, кого из рабочих нужно выводить на стахановский рекорд, является чрезвычайно важным для анализа стахановского мифа вообще: Клемперт сделал ставку на спокойного, психически устойчивого Богатыренко и не прогадал. Однако Огородников, как отмечает С. Коткин, был чрезвычайно обижен, полагая, что его – беспартийного – специально выставляют в соревновании с Богатыренко как «темный» пример стахановца, нервного и плохо переносящего неудачи, недостаточно ценят и недостаточно премируют (Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. P. 211). В марте 1936 г. Огородников – уже будучи прославленным «мастером проката» – вступил в конфликт с другим трудовым героем, инженером Ф. И. Голубицким (начальником цеха), и уехал из Магнитогорска на Макеевский металлургический завод в Донбассе. Этот демарш вызвал личное вмешательство Орджоникидзе: стропитивого прокатчика вызвали в Москву (!), где нарком лично его отчитал и велел вернуться в Магнитогорск. В фондах Российского государственного архива кинофотодокументов имеется сделанная в 1936 г. фотография В. П. Огородникова с женой на фоне своего дома, полученного в качестве премии (РГАКФД. Ед. хр. 13306. Шифр 0-13306 ч/б. URL: <http://photo.rgakfd.ru/showObject.do?object=1805614011> (дата обращения: 30.08.2018). Примерно половину стоимости дома Огородников выплачивал самостоятельно, а другую половину погашал завод (Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. P. 178). А в 1937 г. знаменитый «мастер проката» был арестован вместе с рядом других ударников по обвинениям во вредительстве и под пытками дал показания на все того же Голубицкого. Летом 1938 г. Огородников был казнен (Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. P. 338).

⁵¹⁶ Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. С. 334.

⁵¹⁷ По Стаханову, равняйся! // Магнитогорский металл. № 131. 9 октября 1935 г.

Молодцы сыны у Зуева!
Обер-мастер Зуев горд.
Посмотрите на семью его –
Все ребята первый сорт!

Посмотрите на жену его –
Мать прекрасных сыновей.
Посмотрите на семью его,
На семью богатырей!

– Эй! Равнение на Стаханова! –
Подает команду он.
И включается семья его
В марш стахановских колонн.

Федор, Сеня и Василий
Дружно выстроились в ряд.
Все стремление, все усилья
Перевыполнить наряд.

Зять Скребец – он с ними вместе.
Дружно трудится народ.
Сто процентов? Мало. Двести?
Догоняйте до трехсот!

Всей семье на стане «300»
Перевыполняют план.
Зуевыми лозунг дан:
– Сто процентов? Мало!
– Триста!

Нарисовал Шибанов и шарж «Дружба с домной», изображающий доменщиков-стахановцев Коппу и Ф. А. Орленко⁵¹⁸. Здесь антропоморфная доменная печь обнимает прижавшихся к ней с боков

---

⁵¹⁸ Биография Орленко также была историей о преображении: на стройку Магнитки он приехал еще в 1929 г. безграмотным плотником, затем выучился читать и стал доменщиком, проделав «героический путь от неграмотного, некультурного, темного парня до квалифицированного рабочего» (Пять лет Магнитогорского металлургического комбината им. И. В. Сталина (1932 – 1937 г.). Магнитогорск: Тип. Магнитогорск. метал. комбината им. И. В. Сталина, 1937. С. 50). Начав свою жизнь на Магнитке в холостяцком бараке на 400 человек, Орленко с женой и четырьмя детьми проживал в трехкомнатной квартире с ванной во 2-м квартале Магнитогорска (Южный Г. Батрак – горновой – мастер // Магнитогорский металл. № 151. 2 ноября 1935 г.)

ударников – своего рода *ménage à trois*. Шарж также сопровождался стихотворением⁵¹⁹:

Рис. 36. Стахановцы-металлурги Коппа и Орленко. Дружеский шарж. Магнитогорский металл. 16 октября 1935 г.

Коппа и Орленко в дружбе огромной
С красавицей первого домной,
Влюбились в красавицу оба!
Клянутся в любви ей до гроба!
И пышет красавица жаром,
Глядя на влюбленную пару!
И оба красавице милы
Ей все отдающие силы!
И ценит она их заботы,
И оба красавице любви!
Смущает влюбленных одно лишь:
– Не чмокнешь любимую в губы!

Боролся он в годы гражданской войны под знаменем легендарного В. К. Блюхера⁵²⁰. Инженеры Л. Э. Вайсберг и Ф. И. Голубицкий⁵²¹, начальники станов «300» и «500», вместе со своими бригадами перевыполняли все мыслимые планы, выстроив грамотную премиальную систему и используя для трансляции стахановского опыта все каналы: «собрания, митинги, стенновки, беседы с женами»⁵²². Стахановец-сталевар мартеновской печи № 7 Грачев без лишней скромности заявлял:

Были там и многие другие – настоящие рыцари производства при магнитогорском круглом столе. Опытный сталевар Г. Е. Бобров клялся бороться за первенство магнитогорских сталеваров в соревновании с ударниками Кузнецка так же, как

⁵¹⁹ Дружба с домной // Магнитогорский металл. № 137. 16 октября 1935 г.

⁵²⁰ Буду бороться, как в отряде Блюхера // Магнитогорский металл. № 137. 16 октября 1935 г.

⁵²¹ Судьбы этих инженеров оказались драматически разными. Л. Э. Вайсберг в 1935 г. был награжден орденом Ленина и стал главным инженером Магнитогорского комбината, позднее работал на Кузнецком металлургическом комбинате, а в 1945 – 1955 гг. возглавлял Ново-Тагильский металлургический комбинат. А Ф. И. Голубицкий, ставший начальником обжимного цеха Магнитки, был расстрелян 29 июля 1938 г.; художественное описание ареста Голубицкого присутствует в романе-фантастике В. И. Машковцева «Время красного дракона».

⁵²² Следовать примеру стахановцев стана «500» // Магнитогорский металл. № 175. 2 декабря 1935 г.

«По общему признанию я, сталевар Грачев, варю плавки обычно быстрее всех», – и затем признавался в том, что больше всего хочет «побить рекорд Боброва, сварить плавку за 7 часов 30 минут»⁵²³. Герои не бросают слов на ветер – уже 6 ноября Грачев исполнил свою мечту, перегнав рекорд Боброва на 20 минут.

Подобно магнитогорцам, своих героев всячески подымали и уралмашевцы. Особенности старания прикладывал к этому секретарь местной парторганизации и один из лидеров РАПП Л. Л. Авербах, вложивший в «раскрутку» стахановцев Машиностроя⁵²⁴ все свое литературское умение и, возможно, постаравшийся повторить успех «Былей горы Высокой», издав в 1936 г. книгу «Стахановцы Уралмаша»⁵²⁵. Как и у «Былей», у этой книги авторство было коллективным: она состояла из очерков 20 лучших рабочих завода, рассказывавших о своем пути к стахановскому движению и о методах работы. Опытный и талантливейший публицист, Авербах во вступительной статье книги под заглавием «Люди сталинской эпохи» стремился превратить сухой технико-производственный рассказ о стахановцах в образцовую историю жизни, в миф о превращении малограмотных хулиганов в исполинов социалистической индустрии – вот вчерашний деревенский кузнец Батуев, «скромный, сдержанный, с большой хитрецей, грозный единоначальник у своего молота», а вот стерженщик чугунолитейного цеха Киселев, первостроитель Уралмаша, который «работает всегда в белой рубашке»; вот токарь Кокшаров⁵²⁶, лучший физкультурник завода, бывший мотористом эскадрильи в рядах РККА; а вот и Коваленко, «высокий паренек из тех, про которых еще недавно говорили “парень ежик, за голенищем ножик”, бывший знакомец милиции»⁵²⁷.

Конечно, свои герои были на всех крупных стройках. Например, на строительстве Березниковского химкомбината ярко выделял-

---

⁵²³ Грачев. Почему я быстро варю плавки // Магнитогорский рабочий. № 151. 2 ноября 1935 г.

⁵²⁴ В декабре 1935 г. Уралмаш подхлестнула газета «Правда», опубликовав критическую заметку о заводе: «Завод застрял на ступени, оставленной нашей индустрией позади. Стиль его работы – вчерашний день промышленности» (Леонтьев А. Техника первоклассная, а работают по-старинке // Правда. № 352 (6593). 23 декабря 1935 г.).

⁵²⁵ В фондах Центра социально-политической истории России, ныне являющемся частью Государственной публичной исторической библиотеки (Москва), сохранился экземпляр книги с дарственной надписью Авербаха Сталину.

⁵²⁶ В упомянутой уже статье «Правды» отмечалась курьезная история, связанная с Кокшаровым: «Стахановец-комсомолец Кокшаров – один из лучших на заводе. Но когда он потерял билет на слет стахановцев, его ни за что не пустили в зал, стена которого украшена его же портретом» (Леонтьев А. Техника первоклассная, а работают по-старинке // Правда. № 352 (6593). 23 декабря 1935 г.).

⁵²⁷ Стахановцы Уралмаша. М.; Свердловск: ОНТИ, 1936. С. 10.

ся М. Ардуанов – татарин, руководивший артелью рабочих-башкир с 1927 г., регулярно перевыполняя план. Его артель считалась «образцовой ударной бригадой», служившей «ярким примером того,

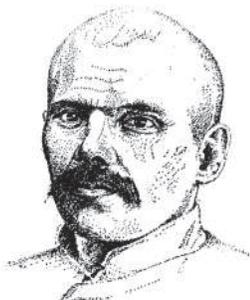

Рис. 37. М. Ардуанов, перестроитель Березников. Ударник. 17 марта 1935 г.

как в нашей стране переплавляются заново люди, растут и крепнут штурмующие колонны героических строителей социализма»⁵²⁸. В 1931 г. Ардуанов был награжден орденом Ленина и на следующий год посетил Москву, встретившись с Орджоникидзе. Портрет Ардуанова газета «Уральский рабочий» в выпуске за 29 января 1934 г. включила в коллаж, оформлявший отчетный доклад Сталина XVI партсъезду – здесь строитель из Березников оказался рядом с самим Н. А. Изотовым, легендарным донбасским шахтером-ударником.

Когда «Ударник» опубликовал в январе 1934 г. серию небольших интервью с тридцатью лучшими ударниками Березниковского комбината, Ардуанов – единственный из всех орденосецев – был лаконичен: «Скажу не много: живу хорошо, заботы стало о рабочих больше... В бараке нехорошо у нас. Вселил коммунальный отдел хулиганов, драки там устраивают, ругаются. Нехорошо это. Надо, чтобы лучше было в квартире»⁵²⁹.

В конце 1934 г. Ардуанов вновь поехал в Москву – теперь уже делегатом VII Съезда Советов. Теперь о себе он говорил так: «За хорошую работу я был премирован 25 раз. Теперь мне говорят ласковые, мужественные слова. Меня считают лучшим человеком. Меня перевоспитал завод, а завод создан под руководством большевистской партии, ее вождя тов. Сталина»⁵³⁰. В 1935 г. в честь Ардуанова был переименован переулок в Березниках – редкий для 1930-х гг. случай переименования улицы в честь ударника⁵³¹.

⁵²⁸ Уральская советская энциклопедия. С. 169.

⁵²⁹ «Работать будем по-ударному. Иначе мы не умеем» // Ударник. № 2 (2405). 2 января 1934 г.

⁵³⁰ Растет страна, растут новые люди. Рассказ члена правительства тов. Ардуанова о седьмом Съезде советов // Ударник. № 63 (2765). 17 марта 1935 г.

⁵³¹ Был в Березниках 1930-х гг. и еще один переулок, названный в честь перестроителя – в 1936 г. на карте города появился Султановский переулок, носивший имя М. Ш. Султанова. Как и Ардуанов (кстати, его земляк – оба они были из татарского села Кыркаентюба), Султанов руководил ударной строительной бригадой и получил орден Ленина (Якупов В. Бригадир ударной стройки // Иная газета. 01.28.2012. URL: <http://www.beriki.ru/2012/01/28/brigadir-udarnoi-stroiki> (дата обращения: 05.09.2018).

Свои герои были в Лысьве, на заводе имени газеты «За индустриализацию». Самой яркой из них макальщица цеха эмалированной посуды Г. Рудометова – «с тех пор, как началась ее трудовая жизнь, она знает только движение вперед, она знает, что добьется того, что захочет». Первый телефон Лысьвы, подключенный к новой автоматической станции, был установлен именно в новой квартире Рудометовой⁵³². Расслабляться Рудометовой не приходилось – на пятки ей наступали макальщицы А. Аликина, поставившая рекорд по маканию чайников, и Заводчикова. На Лысьвенском заводе также работал К. Г. Труханов, которого местная «Искра» именвала «лучшим сталеваром Советского Союза». Труханов гордился своей зажиточной жизнью: «Вот эту квартиру и обстановку, корову и свинью я получил в премию за мою работу, другую свинью и куриц я сам купил»⁵³³. В выступлении на заводской конференции ударников Труханов раскрывал секрет своего трудового героизма: «Ведь если я больше металла выпущу, я больше заработаю и жена меня больше любить будет»⁵³⁴. Героем Молотово был кузнец ковочного цеха А. Г. Гилев, который в сентябре 1935 г. выполнил программу на 205 % и заработал 1 800 рублей: «Стиль работы Гилева – это бусыгинский стиль. В его бригаде строго разграничены обязанности. Его помощники знают, что должны делать. Прежде чем приступить к работе, Гилев А. П. обдумает технологический процесс. Когда спросили т. Гилева о секретах его успеха, он сказал просто: “Сначала обдумую, как подойти к поковке, с чего начать. Главное – подготовка, порядок”»⁵³⁵. В номере «Уральского рабочего», посвященном первому совещанию стахановцев Свердловской области 26 ноября 1935 г., были напечатаны портреты и выступления уже упомянутых уралмашевца Юрахно и кизеловца Батуева, формовщика пермского завода № 19 Носкова, забойщика Красногвардейского рудника в Красноуральске Гумарова, прокатчика завода имени Кабакова Булычева, колонщика Березниковского завода Жемчужникова, молотовского токаря Глумова, забойщика рудника III Интернационала Полозкова. Выступали они по-разному, но все упоминали рост заработков и счастливую новую жизнь стахановца-ударника – или, как суммировал красноуралец Гумаров: «Жить и работать стало весело. Зарабатываю хорошо. Дали мне хорошую квартиру со всем необходимым». Героический забойщик по-своему интерпретировал знамени-

⁵³² Стахановка Галя Рудометова // Искра. № 248 (1497). 7 ноября 1935 г.

⁵³³ Гость сталевара Труханова // Искра. № 254 (1503). 16 ноября 1935 г.

⁵³⁴ Шире стахановское движение! // Искра. № 242 (1491). 30 октября 1935 г.

⁵³⁵ Овладеть рычагами высокой производительности // МЗМ. Производственный журнал машиностроительного завода им. т. Молотова (Урал). 1935. № 14–15.

тое сталинское выражение: вождь говорил о том, что «веселая» жизнь стала базой для стахановских успехов, а Гумаров (как и множество других стахановцев, выступавших в те недели в самых разных концах СССР) поменял слагаемые формулы местами в соответствии с привычной уже концепцией ударничества: вначале успехи, а уж потом квартира со всем необходимым.

Объединение «Уралхудожник» уже готовилось принимать многочисленные заказы на портреты стахановцев, а живописцы Шмелев и Михайлов зарисовывали эскизы большой картины «Сталин и стахановцы», на которой «кроме известных всему Союзу т.т. Стаханова, Кривоноса, Бусыгина будут запечатлены также застрельщики стахановского движения в Свердловской области – т. Гумаров, Суфияров, Полозков и другие»⁵³⁶.

Там. Тамиркан
Главный архитектор Магнитогорского комбината — один из лучших работников Магнитогорска

Рис. 38. Инженер М. Тамаркин. Опыт стройки. 1933. № 10.

Были свои герои и среди ИТР. Например, упоминавшийся уже ранее инженер Тамаркин прославился еще при строительстве ДнепроГЭС, а на Магнитострое отвечал за сооружение знаменитой арочной плотины (напомним, эту плотину И. Фрейдин в своем путеводителе по СССР 1937 г. характеризовал как «одну из величайших в мире»). Именно Тамаркин стал прототипом «большеносого, очкастого и малорослого» инженера Давида Маргулиеса, главного героя повести «Время, вперед!», написанной В. Катаевым по итогам визита на Магнитострой⁵³⁷. В 1936 г. в «Правде» вышел очерк магнитогорского писателя А. О. Авдеенко «Инженер трех эпох»⁵³⁸, посвященный Тамаркину, который к тому времени – вслед за Л. М. Марьясиным – перебрался на Вагонстрой, где ему предстояло руководить строительством колоссального вагоносборочного корпуса⁵³⁹.

⁵³⁶ Портреты стахановцев // Уральский рабочий. № 271 (6106). 26 ноября 1935 г.

⁵³⁷ В фильме 1966 г. «Время, вперед!» роль Маргулиеса сыграл С. Юрский, создав образ, похожий на реального Тамаркина.

⁵³⁸ Авдеенко А. Инженер трех эпох // Правда. № 5 (6251). 5 января 1935 г.

⁵³⁹ Биография Тамаркина завершилась трагически. Осенью 1936 г. Марьясина арестовали, Тамаркин оказался под подозрением. Не выдержав чудовищной атмосферы террора и не желая клеветать на своих арестованных товарищей, прославленный инженер покончил с собой. По воспоминаниям ветерана Уралвагонзавода И. Цехмистренко, Тамаркин совершил суицид, схватившись руками за находившиеся под высоким напряжением шины на заводской подстанции (Юрьев А. Их помнят немногие // Магнитогорский металл. № 83 (13294). 1 августа 2017 г.).

А на страницах альбома «Поколение победителей» можно было встретить историю инженера Ф. М. Бреховских⁵⁴⁰, работавшего в Красноуральске на медеплавильном комбинате имени Красной Армии. Текст об инженере Бреховских примечателен: он отличается от текстов, посвященных ударникам-рабочим, намеренным отказом от патетики. Бреховских работает спокойно, размеренно; ему не нравилась спешка, в которой пускали комбинат, – «нужно было только уметь трезво, без обычной пусковой шумихи, не приурочивая пуска к праздничной дате, решить, на что можно идти, и на что – нельзя». Часто меняющиеся директора стремились в первую очередь освоить смету, а журналисты нагнетали пафосную риторику, но Бреховских оставался, а директора и журналисты менялись. Свои успехи инженер, уже ставший одним из ведущих руководителей завода, не выпячивал, но «упрямо считал, что дело обстоит плохо и вряд ли улучшится» и собирался уехать из Красноуральска, как только комбинат выйдет на проектную мощность. Однако, когда завод наконец начал на эту мощность в 1935 г. выходить, мрачно настроенный, чуждый всякого пафоса Бреховских понял, что уехать отсюда он не может⁵⁴¹.

Таким образом, ИТР – вторая важнейшая категория населения соцгорода – имели собственных героев, но герои эти были, по сравнению с изотовцами и стахановцами, как бы в стороне. Особенно это касалось высшего слоя ИТР – руководителей предприятий. В 1930-е гг. многие из них прославились на весь Урал – достаточно назвать В. Е. Цифриновича (Соликамский калийный комбинат), И. И. Побережского (Пермский моторный завод), К. П. Ловина (ЧТЗ), А. П. Заверьягина (Магнитогорский комбинат), Л. С. Владимирова (Уралмаш), Л. М. Марьясина (Вагонстрой), И. А. Каттеля (Станкомаш)... Эта плеяда красных директоров, выдвинувшихся за годы пятилетки и руководивших либо строительством, либо организацией производства, имела сложный статус: уже не герои (чтобы быть настоящим героем, нужно было быть рядовым рабочим), но и не вожди (о вождях

---

⁵⁴⁰ Из семи братьев Бреховских – уроженцев Архангельской губернии, выходцев из крестьян – пятеро добились выдающихся успехов в науке и технике: старший брат, Ф. М. Бреховских, которому был посвящен очерк в сборнике «Поколение победителей», будет в дальнейшем удостоен Государственной премии, С. М. Бреховских стал основателем Института технического стекла в Москве, Н. М. Бреховских – видным артиллеристом, главным редактором «Артиллерийского журнала», А. М. Бреховских – физиком-металловедом, а ярче всего сложилась карьера Л. М. Бреховских – одного из крупнейших мировых специалистов по акустике океана, в 1953 – 1961 гг. возглавлявшим Институт акустики АН СССР (Дубровский Н. А. Феномен Л. М. Бреховских, человека и ученого // Акустический журнал. 2007. № 3. С. 294–295).

⁵⁴¹ Поколение победителей. М.: Глав. ред. науч.-попул. и юношеской литературы ОНТИ, 1936. С. 65–73.

речь впереди). Ведь их, как и инженера Бреховских, не нужно было мотивировать с помощью постоянного идеологического давления; напротив, это они, уже обладавшие *культурностью*, должны были мотивировать массу людей «первого этажа», рядовых бойцов фронта пятилетки. О том, как сами эти руководители себя ощущали во вновь создаваемом соцгороде, повествует примечательный очерк секретаря Салдинского райкома Д. М. Ханина⁵⁴² «День» (1936), помещенный в приложении к настоящей книге. Подобно вождям, эти начальники выступали на митингах и в прессе, раздавали указания и приказы, их руководство полагалось благодарить за достигнутые успехи; но никакой особой харизмы они не имели, не могли своим появлением вызвать волну трудового энтузиазма; они даже подвергались критике в местной прессе. Несмотря на все уважение, которым были окружены производственные руководители, культ этих руководителей в соцгородах не складывался⁵⁴³.

---

⁵⁴² Д. М. Ханин был человеком примечательной биографии. В 1920-х гг. он занимался литературной работой, и еще в 1932 г. возглавлял отдел детской и юношеской литературы Госиздата (Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 141). В частности, в 1929 г. он выступил с докладом, в котором нападал на «чуковщину» (Лидия Чуковская – Корней Чуковский. «Наша биография не в нашей власти». Переписка (1912 – 1969) // Дружба народов. 2001. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/11/chukovsk.html>. Дата обращения: 02.08.2018; Ханин Д. М. Борьба за детского писателя. Доклад на собрании детских писателей и педагогов в Доме печати в Москве. 4 декабря 1929 г. // Книги детям. 1930. № 1. С. 1–4); по-видимому, он же написал книгу «Комсомол и оппозиция», изданную «Молодой гвардией» в 1928 г. Как Ханин попал на Урал, мы не знаем; в 1934 г. он уже руководил Красноуральским райкомом. На этой должности он попал под разгромную критику «Правды» – 18 февраля 1934 г. главная газеты СССР опубликовала статью «Красноуральский медеплавильный комбинат как он есть», содержавшая свирепую критику положения дел в городе. Уже 24 февраля 1934 г. Д. М. Ханин, злобно охарактеризованный «Правдой» как «образец болтуна», был снят с должности и отправлен работать парторгом на обоганительную фабрику. Передовая статья «Уральского рабочего» кастерилла Ханина на чем свет стоит, обзвав его «Заругострой честных болтунов», и обвинила руководство Красноуральска в неспособности выполнить «гениальные решения» Сталина, «конкретные указания» Кабакова и, конечно, Пятакова. Впрочем, на обоганительной фабрике Ханин не задержался; ему предстояло возглавить парторганизацию Нижней Салды, которой он руководил до 1936 г. (Танкиевская И. Н. Нижняя Салда. Екатеринбург: Изд-во Урал. унта, 2000). Как раз об одном дне в Салде и повествует его очерк, публикуемый в этой книге. В 1937 г. Д. М. Ханин был репрессирован и расстрелян.

⁵⁴³ Ярким исключением из этого правила служит удивительная история начальника Уралмашиностроя А. П. Банникова. Этот популярный руководитель ударной стройки, возглавлявший ее с 1926 г., в 1932 г. умер от белокровия. Урна с прахом Банникова была захоронена в усыпальнице на площади 1-й пятилетки. Усыпальница из черного мрамора представляла собой кубическую авангардистскую композицию с избранием серпа и молота, выполненную по проекту архитектора М. В. Рейшера. Осенью того же года в нее был помещен прах главного инженера Уралмашиностроя, В. Ф. Фидлера,

Другим путем к славе и признанию в качестве местного героя было участие в работе советской прессы, участие в *рабкорши*. Примером образцового горожанина был знаменитый рабкор Г. С. Быков из Нижнего Тагила.

Быков приобрел широчайшую известность после выхода «Былей горы Высокой»⁵⁴⁴, где он выступил одним из наиболее активных авторов. Быков был человеком трудной судьбы: он остался сиротой, и его, умиравшего от голода, выводил старый тагильский большевик А. Ф. Каписко⁵⁴⁵. Начав трудиться на Высокогорском руднике в Нижнем Тагиле, Быков поначалу вел жизнь хулигана. Переломным моментом в его биографии стало чудесное преображение – жена, Фекла Ивановна, научила его читать и писать. Так Быков начал карьеру рабкора и общественника, подвизаясь в живой газете «Железоруда», которая «позорила прогульщиков, лодырей, подкулачников и бездельников; славилась лучших ударников, объявляла примеры, достойные подражания»⁵⁴⁶. Шоу «Железоруды», исполнявшееся по всему Тагилу, открывалось пением «на веселый татарский мотив» следующего куплета:

Мы, живгаз – «Железная руда»,
Партии орудие в классовых боях,
Бьем, куда укажет большевик,
И при свете, и впотьмах.

пережившего Банникова на несколько месяцев. Когда в 1933 г., во время процесса по делу о пожаре в кузнечно-прессовом цехе Уралмаша, Фидлера объявили вредителем, кто-то извлек урну с прахом инженера; в 1938 г. ее обнаружили, и инженер В. Н. Анфимов тайно хранил ее в подвале дома, а затем передал семье Фидлера (Агеев С., Бриль Ю. Неизвестный Уралмаш. История и судьбы. Екатеринбург: Урал. лит. агентство, 2003. С. 55). К сожалению, усыпальница была снесена в 1955 г. при реконструкции площади и возведении памятника Орджоникидзе, прах Банникова перенесен на край площади и захоронен подobeliskом.

⁵⁴⁴ Например, в сентябре 1935 г. «Магнитогорский металл» выступила с инициативой написать книгу «Были горы Магнитной» (Сержантов В. «Были горы Магнитной» // Магнитогорский металл. № 115. 20 сентября 1935 г.

⁵⁴⁵ Были горы Высокой. С. 253.

⁵⁴⁶ Сам Быков с удовольствием припоминал номер «Веселый разговор», показанный живгазетой во время инженерно-технической конференции рудника. Будущий «великан рабселькоровской армии» выскакивал на сцену «в клоунском костюме и разрисован весь», громогласно («Мне ведь не надо глотку-то покупать, у меня ее много. Меднолуженная глотка, как говорится») рассказывая о разнообразных «головотяпских выходках» ИТР: «Начали мы всех по порядку чехвостить за их головотяпские выходки... И пошло, и пошло. Все-то хохочут, а которого протянули – молчит. Остальные смеются и ждут своей очереди. Шибко веселый этот номер у нас тогда получился» (Были горы Высокой. С. 443).

Быков бросил хулиганские выходки, слушал радио, ходил в кино (четыре раза посмотрел «Путевку в жизнь») и – по собственному уверению – даже пугал своего маленького сынишку пьяницами: «Вовка! Пьяные идут!» К 1935 г. он уже имел биографию местного героя и грозы авторитетов, упроченную выходом «Былей горы Высокой».

Вечером 12 апреля 1935 г. Быков был убит выстрелом у входа в собственный дом⁵⁴⁷. Процесс – а дело Быкова следствие связало с произошедшим ранее убийством активиста Д. Ф. Кедуна – имел гигантский резонанс. На гибель рабкора откликнулись М. Горький и К. Б. Радек, опубликовавшие пространные статьи в центральных газетах. В качестве обвинителя на Урал прибыл Л. М. Субоцкий, помощник главного военного прокурора СССР и одновременно – известный литературный деятель. Говоря о Быкове, Субоцкий делал акцент именно на преображении, превращении убитого из хулигана в «великана рабкорской армии»: «От беспризорности и хулиганства пришел Григорий Быков к жизни ясной и чистой, к активному участию в строительстве социализма, к высоким образцам подлинно социалистического труда. Бесстрашный и честный рабочий-ударник, он был настоящим новым человеком нашей Советской страны»⁵⁴⁸.

В «Былях горы Высокой» старый рабочий, краснознаменец Ф. Д. Козьмин (это он от имени горняков в последний день судебного заседания просил судей о «высшей мере социальной защиты» для обвиняемых и был распорядителем почетного караула на похоронах) с поразительной точностью и вниманием к деталям описывал похороны Быкова. То было настоящее погребение красного Ахиллеса!

Гроб с телом был установлен в клубе металлистов⁵⁴⁹, рядом выставили почетный караул, менявшийся каждые пять минут (пионеры и школьники менялись чаще – каждые три минуты). В первом карауле стояли секретарь горкома Кузнецов, второй секретарь горкома Пальцев, а также Ячменев и Костиков; «несмотря на большой резерв желающих стоять в карауле, горняки стояли по нескольку раз». В предпоследнем карауле стояли крупнейшие из руководителей тагильской промышленности: директор Вагонстроя Л. М. Марьясин, директор Тагилстроя (строительства металлургического комбината) М. М. Царевский, секретари парткомов этих промышленных гигантов – Ш. С. Окуджава и Клековкин. В последнем карауле вновь стояли те же, кто и в первом, но только Костикова сменил сам Козьмин. Попрохаться с рабкором пришли,

⁵⁴⁷ Романов В. Григорий Быков. Свердловск: Свердловск. кн. изд-во, 1961. С. 95.

⁵⁴⁸ Субоцкий Л. Лицо врагов // Уральский рабочий. № 149 (5984). 30 июня 1935 г.

⁵⁴⁹ Бывший дом купца Ляпцева, ныне – дворец культуры школьников (ул. Карла Маркса, 39).

по словам Козьмина, больше 30 тысяч человек за два дня. Горняки явились прощаться строем, в своей рабочей одежде и с кайлами на плечах. Последнюю дань памяти Быкову отдали товарищи по книге «Были горы Высокой», вместе с ним ездившие в Москву к Орджоникидзе и Горькому, а за ними наступил черед родственников прощаться, причем плакали они «не так, как в старое время, с причетом, а тихо».

Когда все прощания завершились, по Нижнему Тагилу двинулась невиданная погребальная процессия. Вместо катафалка гроб везли на красной пожарной колеснице с тройкой коней. На ступеньках колесницы, у гроба, ехали родственники. Колесницу сопровождали два духовых оркестра, за которыми шагали «десятики тысяч» людей. Близ Высокогорского рудника к процессии примкнула «огромная колонна горняков» со своим оркестром.

Последний путь рабкора лежал из старой, центральной части города к кладбищу, через плотину металлургического завода имени Куйбышева. Специально для этого случая директор завода Щербина со своими людьми очистил ее от грязи за одну ночь – так Гриша Быков даже после своей смерти заставил все-таки привести в порядок эту плотину, о безобразном состоянии которой он при жизни писал столько замечаний. На кладбище состоялся митинг, а потом гроб на руках сняли с колесницы и опустили в могилу. «Таких похорон не запомнит⁵⁵⁰ никто в Тагиле. Не бывало многолюдства такого»⁵⁵¹.

В 1935 г. тагильский горсовет переименовал улицу Плетеную в улицу Быкова. Новое имя получила также железнодорожная станция Высокогорского рудника, ставшая станцией Кедун-Быково. Позднее в Нижнем Тагиле был установлен памятник Быкову.

Строитель Ардуанов, мажоранты Рудометова, сталевары Бобров и Грачев, инженеры Голубовский и Бреховских, рабкор Быков... Можно назвать немало имен. Мифология героизма была основополагающей для всей социальной машинерии ударничества, и конкретные персонажи, становясь на страницах газет эпическими богатырями и силачами, делали абстрактную социально-экономическую теорию живой и понятной.

39. Г. С. Быков.
Были горы Высокой.
М., 1935.

⁵⁵⁰ Так в тексте. Разумеется, правильно было бы сказать «не упомянуть», поскольку в оригинальной формулировке смысл патетической фразы Козьмина оказывается на поверку ерническим.

⁵⁵¹ Были горы Высокой. С. 456.

ЗЛОДЕИ

Соцгород населяли не только мифические герои. Рядом все время находились различные злодеи, враги, отравляющие жизнь строителей социализма. Типология злодеев была разработана советскими медиа тщательно и следовала своеобразной иерархии – словно бы помещая врагов в различные круги социалистического ада.

Первыми, кого встретил бы советский Данте, спустись он в эту преисподнюю, была бы плеяда дезорганизаторов производства: прогульщик, лодырь, бракодел, рвач, летун. «Я сделал перед рабочим классом большое преступление – в марте и апреле прогулял 2 дня. Теперь для выполнения пятилетки не сделаю ни одного прогула. Вызываю других прогульщиков последовать моему примеру», – каялся в 1930 г. лысьвенский работник парникового хозяйства М. Г. Сорыгин⁵⁵². Впрочем, понятие *рвач* могло быть весьма многозначным. Например, в 1935 г. в Магнитогорске бичевали целую «бригаду рвачей», работавшую на заводской энергоцентраль: «В бригаде Матвеева все работают на “общий котел”. Там процветает полнейшая уравниловка». Матвеев вступил в конфликт со слесарем Бороновским, воспрещая ему перерабатывать, тогда как Бороновский требовал от Матвеева оплаты по выработке. Так кто же тут рвач? На взгляд автора заметки в «Магнитогорском металле», рвачом является бригадир, поскольку принимает сторонние заказы на ремонт велосипедов и примусов, а пьяному слесарю Филилееву проставил рабочую смену, хотя на деле тот ушел домой спать⁵⁵³.

Поэт-рабочий Лысьвенского завода А. Русинов даже заклеил лодырей в стихотворении «Дезертирам»⁵⁵⁴:

Взят расчет. Готов уже в дорогу.
С жарким цехом распростился ты.
Спрячь лицо, привычное к ожогу,
Что хлестали пламени жгуты!
Компаньоном став ретивой тройки –
Симулянтов, пьяниц и рвачей,
С дезертирами советской стройки
Ты бежишь от домен и печей.

⁵⁵² Сорыгин М. Г. Больше не гуляю и другим не советую // Искра. № 25 (72). 20 мая 1930 г.

⁵⁵³ Пожарицкий. Бригада рвачей // Магнитогорский металл. № 115. 20 сентября 1935 г.

⁵⁵⁴ Русинов А. Дезертирам // Искра. № 28 (76). 6 июня 1930 г.

Средь событий, миру нами брошенных,
Взрывы дней расстреливают жизнь.
Пусть слова, как звонкие пощечины
Стыд тебя заставят пережить.
Ты забыл те дни, как в жгучих ранах
Лили кровь рабочие тела,
Чтоб из этих домен и вагранок
Кровь руды горячая лилась.
В эти дни, грохочущие ныне,
В нарастаньи грозových времен
Все мы, все мы лампочками ввинчены
В жизни многовольтовый патрон.
На великой социальной стройке
Тот за нас, кто отдал ей всю жизнь,
Кто умеет выдержанно, стойко
На ударный ход перевестись.
Пусть же хлесткие удары слова
Слышит радостно рабочий мир,
Нет тебе названия другого –
Трудового фронта дезертир.

А тракторстроевский поэт Ан. Поступалов переделал классику Крылова – басню «Свинья под дубом», снабдив ее характерным посвящением: «С глубоким презрением посвящаем рвачам-симулянтам Ракиновой Марии, Борисову, Мусевнину и Чупину»⁵⁵⁵:

Прогульщик, он же рвач,
Почетный лодырь и ловкач,
На стройке мощного гиганта
Прельстился ролью симулянта.
Таких, как этот хват,
У нас еще немало, говорят –
Они – наследья рабского отрыжка.
Ну, словом, что ни день,
Мой лодырь – бюллетень.
«Больной» – и крышка.
А ежели истек
Очередной «болезни» срок,
Так средство есть простое:
Бузой создать простой. Но можно без простоя –

⁵⁵⁵ Поступалов Ан. Свинья под дубом // Наш трактор. № 40. 20 декабря 1930 г.

Волынкою: «струментом» ткнет, покурит;
 Почешет спину; снова ткнет; зевнет;
 Опять закурит; отдохнет –
 Старшего словом обмишурит.
 А там опять на бюллетень свернет.
 И этак – до очередной полочки.
 – Послушай-ка, – ему инструктор из ОЭТ. –
 Твои ведь штучки
 Для промфинплана чистый вред!
 – Да что мне в плане, – симулянт в ответ. –
 Хоть век его не будь, не пожалею даже.
 Не для него тружусь, а для монет.
 Плевать на промфинплан. Мне заработок важен.
 Услыша то, ему рабочие:
 – Болван! Когда б ты мог поднять повыше брюха рыло,
 Тебе бы видно было,
 Что денежки тебе дает ведь промфинплан.

Враги могли вредить и в сфере отношений полов. Стандартным обозначением неприемлемого поведения в этой сфере было *пошляк*.

Например, заведующий конным двором центральной усадьбы в Лысьвенском районе (овощесовхоз Талая) Ульянов сделал предложение доярке овощесовхоза Клавье Г., уверив ее в том, что с прежней женой он разошелся. Спустя две недели, однако, Ульянов выгнал Клавю, заявив, что суд обязал его выплачивать бывшей жене алименты. На деле он и не думал разводиться с женой, спокойно проживавшей в Лысьве. Но обмануть «общественность овощесовхоза» Ульянову не удалось, и «пошляку, оскорбившему достоинство советской гражданки и честной работницы не прошла, безнаказанно хамская выходка». Народный суд приговорил Ульянова к году принудительных работ⁵⁵⁶. В Сатке некто В. Г. Скорынин, разведшийся с женой в 1928 г., категорически отказывался платить алименты, предпочитая постоянно менять работу: «Ребенок этого беспечного, но хорошо обеспеченного папаши ходит в школу полураздетый, почти босиком. А бедная Наталья опять бегает, разузнает, где же нашел себе новое пристанище отец-преступник, чтобы взыскать с него алименты»⁵⁵⁷.

К этим распутникам и «пошлякам» примыкали и жестокие родители, издававшиеся над детьми. Примером может служить

⁵⁵⁶ Пошляк // Искра. № 206 (1455) 12 сентября 1935 г.

⁵⁵⁷ Кардаполова. И в Сатке есть «любящие» отцы // Саткинский рабочий. № 99 (1088). 15 июля 1935 г.

сотрудница одного из магнитогорских детсадов Анциферова. Ее муж, рабочий мартеновского цеха, умер; Анищферова при живом-то муже «зверски обращалась с детьми, а сейчас жизнь детей превратилась в сплошную ад». Старшая дочь Люба ушла жить к тете, а сыну Володе мать заявила: «Ты мне не нужен. Ляг под трамвай или автобус. А не сделаешь этого, я тебя сама изведу со света»⁵⁵⁸. В Сатке рабочий хлебозавода Алпатов, систематически пьянствуя, избивал своих домашних, а 24 июня 1935 г. «разогнал семью, угрожая ножом»⁵⁵⁹.

Истории о злых родителях и о развратниках часто соседствовали. Например, летом 1935 г. в Лысьвенском районе произошла следующая история: 12-летняя девочка Фрося, воспитанница семьи Старковых (родители Фроси умерли, когда ей еще не было года), ушла из дома. Причиной послужило дурное обращение со стороны отчима: приемные родители заботились о Фросе, однако когда приемная мать сломала руку, отношение к Фросе изменилось. Старков запретил ей ходить в школу и взвалил на девочку все тяготы домашней работы, заставляя ее также работать и в поле. Справлялась она с этим плохо и, не выдержав побоев и ругани отчима, ушла из дома, поступив домработницей на станции Кын. Здесь она познакомилась с ремонтником Булатовым, который, «вызвавшись провожать Фросю, по дороге домой изнасиловал ее». Чтобы скрыть преступление, Булатову пришлось «жениться» на Фросе, но две недели спустя он все же выгнал ее на улицу. «Член группы содействия Лысьвенской прокуратуры Босин, которому было заявлено об этом факте, вместо того чтобы привлечь Булатова к уголовной ответственности, сам встал на путь преступления. Воспользовавшись беспомощностью девочки, Босин принудил ее к сожительству. Через полтора месяца также выгнал на улицу. Затравленная, опозоренная девочка стала заниматься нищенством, воровством и проституцией». В конце концов дело дошло до суда (лысьвенская газета не сообщала, как именно это вышло): развратники Булатов и Босин были приговорены к 8 годам заключения, а злой отчим Старков – к 5 годам. Фросю вернули приемной матери, Старковой⁵⁶⁰.

Другим типичным злодеем, которого можно было встретить в соцгороде, был хулиган. В березниковском «Ударнике» за 1931 г. даже появился (за характерной подписью «Гвоздь») стих «К монтажни-

⁵⁵⁸ Поспелов. Мать толкает ребенка на самоубийство // Магнитогорский металл. № 89. 21 августа 1935 г.

⁵⁵⁹ Издевается над семьей // Саткинский рабочий. № 99 (1088). 15 июля 1935 г.

⁵⁶⁰ Дело Старкова, Булатова и Босина // Искра. № 181 (1430). 14 августа 1935 г.

кам», стыдящий монтажников-хулиганов, пьянствовавших, игравших в карты и терроризировавших местное население⁵⁶¹:

– Здравствуй, товарищ. Монтажник ты? Стой-ка!
Видишь: гиганты-краны.
Стройка... ударно-кипучая стройка,
Гордость советской страны.

Было болото вдоль берега Камы,
Ямы, трясины, леса.
Новой раскинулась жизнь панорамой.
Видишь – растут корпуса.

Близятся сроки, и темпы все выше,
Скоро... (и кто же не рад?)
Грудью стальной, бетонной задышит
Химкомбинат.

Новая стройка и новые люди,
Гордость и радость труда.
То, что растет здесь, и то, что здесь будет
Нет, не сдадим мы врагам никогда.

Слушай, монтажник, в рядах ваших кто-то
В шкуру оделся шпаны.
Держится крепко за корни, болота
Прошлого нашей страны.

Карты и драки, вино и разгулы –
Прошлого гибельный путь.
Эти «монтажники» вражеским дулом
В нашу нацелились грудь.

Здесь мы под синим костюмом монтажника,
В хоре рабочих шагов,
Видим прохвоста, рвача, саботажника,
Видим пособников наших врагов.

Видим, вползают в цеха, как мокрицы
(Путь для охвостья на стройке не нов).
Надо в ежовые взять рукавицы
«Дачников», лодырей и летунов.

⁵⁶¹ К монтажникам // Ударник. № 157 (1656). 16 июля 1931 г.

Дружным напором должны быть отбиты
Стаи на стройке слепней, саранчи.
Надо на язвы рабочего быта
Бросить культурной работы лучи.

– Здравствуй, товарищ! Монтажник ты? Стой-ка!
Зорко кругом посмотри:
Стойких монтажников требует стройка.
С партией в ногу: раз, два, три!.

«По вечерам, вместе с мягкой мглой, на улицу вылезает хулиган. Кто, пройдя вечером по рабочим поселкам, не видал пьяных, нахально пристающих к прохожим? Кто из живущих там не слышал звона разбитых окон, плача женщин?» – так начинался опубликованный в лысьвенской «Искре» рассказ о вопиющем хулиганском нападении, произошедшем 12 мая 1931 г. Вечером этого дня работник «Теплобетона» А. Блинов и счетовод «Теплобетона» Н. Петухов шли из одного района города – Зареки – в другой район, Госстрой, имевший мрачную славу гнезда хулиганов. У 4-й линии они встретили «орущую под гармонь орду подвыпившей молодежи». Безо всякой причины хулиганы набросились на Петухова и Блинова, «избитый Блинов вскоре упал, а Петухову удалось вырваться». Хулиганы – Югов, Хомутов, Михайлов, Ноговицын и Подчищалов – кинулись вдогонку за счетоводом, размахивая деревянными кольями и плахами. Они догнали его, сбили с ног и принялись избивать. К негодям присоединился и сидевший неподалеку демобилизованный красноармеец Оньков: «Вместо того, чтоб остановить избиение, Оньков подбежал и сам, поднимая за волосы, стал избивать Петухова. Кто-то закричал на него. Он ответил площадной бранью и грозным: “Не ваше дело. Я агент ГПУ”. Хотя никаким агентом он никогда не был». От полученных побоев Петухов скончался⁵⁶². Уже 23 июня состоялся открытый суд – и хотя, как сухо сообщала «Искра», «полностью распутать клубок преступления не удалось», Хомутов, Михайлов и фальшивый агент ГПУ Оньков получили по 5 лет тюремного заключения, другие – меньше⁵⁶³.

Хулиганили и люди, занимавшие ответственные посты. В июне 1935 г. «Магнитогорский металл» писал об «одичавшем хулигане», заместителе начальника отдела технического контроля прокатного цеха Овчарове. Любовь к сквернословию (Овчаров «записывал

⁵⁶² Ладейщиков В. «В город входить нельзя» // Искра. № 93 (225). 23 июня 1931 г.

⁵⁶³ Убийство Петухова // Искра. № 96 (238). 27 июня 1931 г.

в блокнот ругательства, слышанные им в свое время в разных городах», а затем звонил по телефону и «мычал телефонисткам грязные ругательства») была, пожалуй, наименьшим из пороков этого «зоологического экземпляра»: газета числила за контролером Овчаровым многочисленные драки, а также увольнение сотрудницы Зотовой, «которая отказалась вступить с ним в связь»⁵⁶⁴. Наконец, хулиганы могли быть и иностранцами: так, в сентябре 1931 г. уральская пресса клеймила специалиста германской фирмы «Menk und Hambrock» Шеермана, во время испытания экскаватора этой фирмы на Тагилстрое избившего гаечным ключом экскаваторщика-ударника Воробьева, сделавшего замечание о работе экскаватора; Шеермана обвинили даже не в хулиганстве, а в фашизме⁵⁶⁵.

12 августа 1933 г. драма произошла на ЧТЗ: пятеро хулиганов напали на гулявшего с женой и ребенком мастера литейного цеха Курупия, избили его и нанесли смертельную рану ножом в сердце. Газета «Наш трактор» постаралась представить убийц опытными преступниками: один из хулиганов – Владимир Епифанов, работавший слесарем на электростанции, – является сыном «спекулянта», владельца пимокатной мастерской, Н. Малышев – лодырь и пьяница, А. Щуренко – закоренелый хулиган. Однако двое других – инструментальщик С. Новиков и комсомолец-токарь П. Лузин – ни в чем, кажется, замечены не были. Убийцы, по-видимому, понесли наказание⁵⁶⁶. Рассуждая о том, что классовый враг сосредоточил усилия на руководителях низовых звеньев производства, «Наш трактор» приоткрывал читателям страшноватую статистику: за 5–6 августа пострадавших от хулиганов на ЧТЗ насчитывалось 13 человек, 11–12 августа – 20 человек, и «это только доставленных в больницу!»⁵⁶⁷ По-видимому, принять меры к искоренению хулиганства не удалось: вечером 1 октября 1933 г. шайка хулиганов – токарь Плотников, работник кузнечного цеха Кувшинов и несколько других – убила ударника механосборочного цеха И. Панова. Эта шайка, как заверяла читателей заметка в «Нашем тракторе», пьянствовала, терроризировала население: хулиганы выбивали окна в землянках, пырнули ножом милиционера Ермолаева, нанесли ранение в спину красному партизану Котловано-

⁵⁶⁴ Шенбрун П. Одиравший хулиган // Магнитогорский металл. № 83. 12 августа 1935 г.

⁵⁶⁵ Фашист Шеерман избил ударника Воробьева // Уральский рабочий. № 253 (4754). 13 сентября 1931 г.

⁵⁶⁶ Самохвалов А. Беспощаднее уничтожать врагов! // Наш трактор. № 163 (655). 21 августа 1933 г.

⁵⁶⁷ Мы должны быть беспощадны к вора и хулиганам // Наш трактор. № 160 (652). 17 августа 1933 г.

ву, когда тот играл с детьми в мяч. При этом двое хулиганов – Плотников и Кувшинов – были комсомольцами⁵⁶⁸. Суд, состоявшийся при стечении нескольких сотен человек в клубе ЧТЗ, приговорил Плотникова к расстрелу, а остальных хулиганов – к разным срокам тюремного заключения; газета вновь привела цифры статистики – «только за первую пятидневку октября на тракторном было изрезано 12 человек лучших рабочих ударников»⁵⁶⁹.

14 сентября 1931 г. в поселке Верх-Исетского завода города Свердловска был ударом финки убит визовский ударник-краснознаменец А. Тюменцев, о котором мы уже говорили в начале этой главы; 16 сентября неизвестные хулиганы пырнули ножом заместителя начальника мартеновского цеха Питерского. «Цель этих двух ударов ясна. Она заключается в том, чтобы внести панику в ряды наступающих, деморализовать менее устойчивых, сделать их тормозом для наступления. <...> Нападение на краснознаменца и на помощника заведующего цехом, под руководством которого печь № 1 одержала славную победу, – это акт острой классовой ненависти, острой классовой мести и классовой самозащиты»⁵⁷⁰.

21 сентября 1935 г. при стечении зрителей в Лысьвенском дворце культуры суд слушал дело о жестоком нападении работницы металлургического завода В. Новоселовой на свою коллегу по цеху, И. Комарову. Новоселова и ее жертва были уроженками одной деревни, однако «Варвара Новоселова, войдя в дом торговцев Новоселовых, быстро схватила торгашеские замашки, а вместе с ними и ненависть торгашей против бедноты, раскулачившей Новоселовых, и к советской власти, выселившей их с теплых, доходных мест». Эту-то ненависть она принесла с собой в эмалировочный цех Лысьвенского завода имени газеты «За индустриализацию». И. Комарова «попыталась разоблачить» Новоселову, которая «притаилась» на заводе в качестве шуровщицы. За это Новоселова избивала Комарову, а затем придумала более жестокий способ свести счеты. Сентябрьской ночью Новоселова подкараулила Комарову на улице и плеснула ей в лицо серной кислотой из консервной банки. Жертва получила страшный ожог, лишивший ее зрения. На суде Комарова присутствовать не смогла. А между тем, после выступления прокурора Кукарских и защитника Оленина, последнее слово предоставили подсудимой, ранее пытавшейся «све-

⁵⁶⁸ А. С. Убийцам ударника Панова хулиганам Плотникову и Кувшинову не может быть никакой пощадки // Наш трактор. № 196 (686). 3 октября 1933 г.

⁵⁶⁹ Убийца ударника Панова приговорен к расстрелу // Наш трактор. № 231. 17 ноября 1933 г.

⁵⁷⁰ На акт классовой мести ответить ударной перестройкой по-новому // Уральский рабочий. № 258 (4759). 18 сентября 1931 г.

сти дело на простой спор между ей и Комаровой): «В зале наступила мертвая тишина. Все ждали, что скажет она в свое оправдание. Но она ничего не могла сказать. Зверское преступление, неопровержимые факты классовой мести, все было против нее. Это Новоселова чувствовала и не только по ходу процесса, но и по направленным в ее сторону взглядам двух тысяч человек. И она могла лишь сказать: “Жить хочу!”» В. Новоселову осудили на 10 лет «со строгой изоляцией»⁵⁷¹.

Опасной разновидностью хулигана был *шовинист*. Межнациональные конфликты оказались бичом строек пятилетки; масса рабочих-«нацменов» – в первую очередь, татар и башкир – участвовала в строительстве, и столкновения на почве национальной идентичности однозначно рассматривались советским истеблишментом как вылазки классового врага. Так, в феврале 1931 г. «Челябинский рабочий» жаловался: «Классовый враг ведет бешеную работу на разрыв между нацмен-пролетариями и фронтом развернутой социалистической стройки. Классовый враг активизируется в своих шовинистических вылазках. Недавно в Кизеле, Златоусте, Чусовских городках, в Свердловске были гнуснейшие контрреволюционные вылазки. В Кизеле учинили дикое издевательство над учениками-евреями школы массовых профессий, в другом случае избивали китайцев, разжигали огонь на теле спящего рабочего-татарина. На Челябинкопах приходили и избивали рабочих-китайцев, и последний факт на Колющенко, когда пьяные ворвались в общежитие рабочих-евреев и с молотком в руках выкрикивали черносотенные лозунги: “Бей жидов, не давай им пощады”»⁵⁷². Постоянные конфликты на национальной почве вспыхивали на всех крупных стройках – например, на Магнитострое от рук хулиганов пострадал один из лучших ударников Х. Сагадеев⁵⁷³.

Как видно из приведенных выше примеров, антисемитизм также попадал в категорию *шовинизма*. Показательным был случай, произошедший в декабре 1933 г. в Соликамске. По городу начал циркулировать слух о том, что руководство калийного рудника – главного городского предприятия – причесает раввина и собирается организовать тайную молельню. Согласно газете «Ударник», этот слух запустил комендант жилищного сектора Уланов, который, встретившись в очереди за дровами с коммунистом Теплоуховым,

⁵⁷¹ Ильин В., Волина Е. Темной ночью // Искра. № 215 (1464). 23 сентября 1935 г.

⁵⁷² Сломать хребет шовинизму // Челябинский рабочий. № 30 (1511). 4 февраля 1931 г. Речь шла о драке, учиненной рабочими завода имени Колощенко в Челябинске – Соколовым и Куимовым.

⁵⁷³ Макарова Н. «Город без церквей»: религиозность в Магнитогорске в 1930-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 163.

рассказал ему: «Живет здесь, в Соликамске, еврейский⁵⁷⁴ раввин и ничего не делает, ходит по квартирам ответственных работников, а они кормят его». Слух начал распространяться по городу: нашлись очевидцы, видевшие пресловутого раввина заходящим в квартиры руководителей рудника. Нелепый слух провоцировал уже совсем свирепые заявления: работник транспортного цеха Любимов в беседе с начальником цеха заявил: «До тех пор, пока всех жидов не перевешаем, порядку не будет». Дальше – больше: в ходе партийной чистки член комиссии по чистке Беляков спросил инженера Фельдмахера: «А какое вы имеете отношение к еврейскому раввину?» В конце концов начальник рудника В. Е. Цифринович уволил и Любимова, и Уланова (в их биографиях тут же обнаружились интересные подробности: Любимов, оказывается, был кулаком, Уланов – спекулянтom), а Теплоухов и еще некоторые были исключены из партии⁵⁷⁵. У хулиганов и шовинистов словно по волшебству обнаруживались стереотипные биографии классовых врагов, стоило только начаться разбирательству.

Теоретически, хулиган мог исправиться. Член уралмашевской литорганизации Н. Николаев, например, написал целую поэму «Угольник», фрагментарно опубликованную в заводской газете⁵⁷⁶:

Ты стоишь у дверей,
Плутоватый дикарь.
Проходная раскрыта
И впустит тебя.
Заходи и поймешь,
Что у этих дверей –
Ни железных засовов,
Ни патрулей.
А за этим столом
Контролером сидит
Активист трудкоммуны –
Вчерашний бандит.
На груди у него
Размахнулся орел,
А в груди все былое
Сгорело дотла.

⁵⁷⁴ В оригинальном тексте – «верейский».

⁵⁷⁵ Крепче удар по антисемитам // Ударник. № 279 (2389). 14 декабря 1933 г.

⁵⁷⁶ Николаев Н. Угольник // За тяжелое машиностроение. № 202 (521). 30 августа 1934 г.

Он не слышал, когда
Кто-то смелый пришел
И убил в нем
Властительного орла.
Он тебя поведет,
Как в родные края.
В трудкоммуне увидишь
Знакомых ребят.
И расскажешь с досадой
Тяжелой на век,
Чем закончился пятый
По счету побег.
Здесь за это не будет
Никто презирать.
В белоснежных халатах
Седые врачи
Осторожно положат
Тебя на кровать
И заботливо станут лечить.

История о преображении злодея в героя занимала достаточно важное место в мифологии соцгорода, как мы видели на примере биографии Г. Быкова. Однако она вовсе не была универсальной и уж точно не открывала возможностей для прощения и милосердия. Как правило, обитатели социалистического ада были лишены возможности исправиться: их искренности не верили, а оправдания считали коварной уловкой.

Другой важнейшей категорией злодеев были *вредители*. История о вредителях имела давние корни, однако по-настоящему широкое распространение получила со стартом индустриализации, когда по стране прокатилась серия показательных процессов. Теория вредителя позволяла одновременно сваливать вину на инженерно-техническую интеллигенцию, обвиняя ее в саботаже, и искать скрытых врагов среди массово притекающих на стройку вчерашних крестьян – разумеется, вредящих при попустительстве местных партийных начальников, не проявляющих должной бдительности. Генеральный прокурор СССР Н. В. Крыленко так объяснял суть теории вредительства: «Классовый враг, отступая в беспорядке, мародерствует в тылу великой социалистической стройки, укрываясь за своей оппортунистической агентурой, пытающейся ослабить мощь диктатуры пролетариата»⁵⁷⁷.

⁵⁷⁷ Крыленко Н. В. Формы классовой борьбы на данной этапе. М.: Гос. изд-во «Советское законодательство», 1933. С. 9.

На вредителей возлагали ответственность за высокий травматизм на советских заводах⁵⁷⁸, за скверное снабжение городов товарами и неудовлетворительное качество пищи в столовых⁵⁷⁹. Волна жестоких репрессий против представителей «старой» научно-технической интеллигенции достигла пика в 1930 г., на фоне экономических провалов сталинской пятилетки – так, зимой 1930–1931 гг. на Урале прошел процесс Уральского инженерного центра, который – согласно обвинителям – являлся местным филиалом Промпартии⁵⁸⁰. Одновременно в Березниках прошел открытый процесс над работниками Всехимпрома, обвиненных в «преступном безделье и халатности» при строительстве химического комбината, однако наказание было сравнительно мягким – так, руководитель Всехимпрома, старый большевик А. В. Луговой, отделался общественным порицанием и запретом занимать руководящие должности на один год⁵⁸¹; в Надеждинске судили руководителей Уралмета, в том числе бывшего директора Надеждинского завода барона Е. А. Таубе⁵⁸². После 1931 г. волна террора против «старых» специалистов пошла на спад⁵⁸³. Но, разумеется, появившись однажды, теория вредителя продолжала действовать, позволяя атаковать как руководителей

⁵⁷⁸ Как отмечает М. А. Фельдман, «и на Урале, и в масштабах всего СССР число рабочих – инвалидов труда превышало 10% от общей численности рабочих промышленности» (Фельдман М. А. Условия труда промышленных рабочих Урала в 1910-е – 1930-е гг. // Экономическая история: ежегодник. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2006. С. 276).

⁵⁷⁹ В 1933 г. в Красноуральске состоялся открытый процесс над «вредителями общественного питания» из столовой № 10 обогатительной фабрики комбината имени Красной Армии. Классовый враг, кулак А. И. Белоусов, «пользуясь близорукостью отдельных руководителей», пробрался к руководству столовой и 16 июля 1934 г. подал рабочим опасный обед из намеренно просроченных продуктов: «Мясо для приготовления пищи хранилось в цинковой посуде, от чего получалась окись, затем нарезанное и пропущенное через мясорубку, непрожаренное мясо закатывали в толстый слой каши, еле-еле подсушив, подавали рабочему-ударнику специальным блюдом». Отравилось 20 рабочих; Белоусов был приговорен к 10 годам заключения, а поваров Аристархову и Масленникову – к 6 месяцам и 1 году принудительных работ соответственно (Никакой пощады врагам народа // Гигант. № 165 (657). 23 июля 1933 г.).

⁵⁸⁰ См.: Делицой А. И., Главацкий М. Е. Дело «Уральского инженерного центра» // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917 – 1980-е годы): сборник статей участников научной конференции. Нижний Тагил: НТГПИ, 1997. С. 177–185.

⁵⁸¹ Приговор суда – приговор бюрократизму и волоките // Ударник. № 255 (1453). 3 ноября 1930 г.

⁵⁸² Фомичев И. А. Город Надеждинск. 1893 – 1940 гг. Екатеринбург: [б. и.], 2013. С. 128–129.

⁵⁸³ Детально этот вопрос рассмотрен А. И. Делицой (Делицой А. И. Осуществление политики форсированной советизации технической интеллигенции на Урале в 1930–1931 годах // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2010. № 18 (199). С. 95–103).

и инженеров, так и рядовых работников, как старых специалистов, так и молодых выдвиженцев⁵⁸⁴.

К примеру, 25 и 26 июня 1935 г. в клубе НКВД Магнитогорска слушалось дело «контрреволюционной вредительской группы бывших рабочих обжимного цеха» металлургического комбината. Мастера Цейко обвиняли в том, что он «систематически расслаблял» регулировочные болты прокатного стана и «умышленно вызвал поломку вала и серьезную аварию рамы кантователя». Кроме того, «свои вредительские действия Цейко дополнял разложением трудовой дисциплины и контрреволюционной агитацией». Такой же саботаж вел, согласно обвинению, и мастер Формов, «вредительски проводя в жизнь свой контрреволюционный лозунг: “Механизмы существуют для того, чтобы их ломать”». Вальцовщик Сладков расстраивал прокатный стан, а также порочил вождей партии и «нагло извращал условия жизни в СССР», сварщик Рубан – «распространял черные слухи и контрреволюционные сплетни», а вальцовщик Рябов обо всем этом знал, но «предпочел быть молчаливым свидетелем контрреволюционных действий и агитации». Все обвиняемые получили разные сроки заключения; несчастный Рябов отделался годом исправительных трудовых работ⁵⁸⁵.

Но самым, пожалуй, известным на Урале деянием, приписанным вредителям, был пожар в кузнечно-прессовом цехе Уралмаша, случившийся 19 декабря 1933 г. Цех этот был «одним из самых мощных и сложных сооружений Уралмашзавода» (именно здесь работал мощнейший пятитонный молот), строительство его, завершившееся весной 1933 г., было весьма тяжелым⁵⁸⁶. Пожар, вспыхнувший по неосторожности, допущенной при проведении сварочных работ, превратился в настоящую катастрофу из-за нарушения правил пожарной безопасности: здание цеха было уничтожено, повреждениям подверглось дорогостоящее импортное оборудование. В пожаре обвинили вредителей – группу руководителей и ИТР Уралмаша, включая заместителя директора А. И. Баландина и заместителя начальника кузнечно-прессового цеха В. И. Кушманова. Важную роль в процессе играл и главный инженер строительства Уралмаша В. Ф. Фидлер, к тому времени уже два года как покойный.

---

⁵⁸⁴ Показательная карикатура «Молодые рвачи и их старая тень», сопровождавшая в «Магнитогорском металл» от 15 июня 1935 г. материал о молодых инженерах, показавших себя рвачами: трое «красных специалистов», одетые по большевистской, демократической моде (галифе, косоворотки, кепки) разговаривают, а тень, которую они отбрасывают, превращается в фигуру старого инженера в форменной фуражке и со злобещей усмешкой на губах.

⁵⁸⁵ Враги народа // Магнитогорский металл. № 48. 2 июля 1935 г.

⁵⁸⁶ Агеев С., Бриль Ю. Неизвестный Уралмаш. История и судьбы. С. 177.

Именно инженеры, Баландин и Кушманов, управляли организацией вредителей, куда входили также белогвардейцы Седелев и Волышко, кулацкие сынки Махно («движимый зверской кулацкой злобой к стране пролетарской диктатуры, он наложил перемычки на провода, чтобы вызвать короткое замыкание, чтобы вызвать пожар, чтобы отомстить строителям бесклассового общества») и Фишев, а также переродившийся комсомолец Пашевский⁵⁸⁷. Обвинения были построены на более чем сомнительных умозаключениях, а подсудимым трудно было убедительно объяснить, зачем вообще они создали свою организацию; один из обвиняемых, механик сторевавшего цеха Могилевич, объяснял свое вступление в группу вредителей следующим образом: «Это был какой-то гипноз»⁵⁸⁸.

Однако у обвинения была готова своя объяснительная модель, позволявшая объяснить, почему же вредители столь долго могли маскироваться: «Фидлеры и Баландины строили завод не для пролетарского государства, а для интервентов, именно поэтому первое время вся работа вредительской организации была направлена не столько на ликвидацию оборудования, могущего еще пригодиться предполагаемым будущим хозяевам – капиталистам, а в основном на всяческое замедление темпов стройки». Конечно, в пожаре была вина и уралмашевской парторганизации, не проявившей бдительности и вконец увязшей в бюрократических хитросплетениях аппарата Уралмашстроя, которую вредители, оказывается, специально сделали максимально запутанной. Обвинение перечисляло длинный список вредительских актов: неправильная установка станков, повреждение решеток котлов электростанции, падение вагона на торфоподаче в яму, отсутствие запчастей для кранов и даже подача в котлы электростанции воды Верх-Исетского пруда вместо «нормальной шувакишской». А когда иностранные хозяева поняли, что «мелкие вредительские укусы не дают нужного эффекта», они приказали Баландину (Фидлера к тому времени уже не было в живых) произвести более

---

⁵⁸⁷ Не постеснялся поджечь – не постеснялся и деньги взять // За тяжелое машиностроение. № 174 (493). 28 июля 1934 г.

⁵⁸⁸ Еще раньше между Могилевичем и следователем состоялся примечательный диалог: подсудимый разяснил, что его не устраивало питание в ударной столовой – порции были маленькие, «котлеты подавали без гарнира». «Значит, вы вредили потому, что вам подали в столовой котлеты без гарнира?» – поинтересовался председатель суда. Могилевич ответил утвердительно, добавив: «В разговоре с Кушмановым я жаловался на свои плохие материальные условия. Он сказал: “Иди к нам в контрреволюционную организацию, мы улучшим твои условия”». А на 1000 рублей, якобы полученную от Кушманова, Могилевич купил в Свердловске «четыре пуда белой муки, двенадцать пудов картошки и муки» (Суд над вредителями на Уралмашзаводе // Ударник. № 173 (2575). 29 июля 1934 г.).

эффектный акт вредительства⁵⁸⁹. Пятеро подсудимых – Баландин, Кушманов, Седелев, Петрунь и Махно – были расстреляны⁵⁹⁰. Встречу с работниками Уралмашзавода провел руководитель областного управления НКВД И. Ф. Решетов, призвавший всех работать еще лучше, чтобы дать достойный ответ вредителям (коллектив Уралмаша в ответ сформировал две ударные бригады – имени Наркомвнудела и имени Орджоникидзе)⁵⁹¹.

Обвинения во вредительстве не ограничивались слоем руководителей и инженеров. Вредителем мог оказаться и рядовой рабочий. Так, в конце июня 1930 г. на строительстве Челябинского тракторного во вредительстве был обвинен плотник Стручков: «За тысячи километров из далекого Ижорского района Тамбовской губернии он ехал с единым желанием: сорвать строительство тракторного завода. Ведь трактора – для колхозов, а колхоз ему – нож в горле». Разумеется, биография Стручкова оказалась самой мрачной: до революции он был приказчиком князя Долгорукова и имел, по данным газеты, среди крестьян прозвище «Барон». Ранее осужденный за контрреволюционные выступления и организацию «убийств коммунистов», Стручков развалил своей «агитацией» артель в 50 человек, подбивал строителей не работать в праздник Пасхи. Во время ареста «Барон» грозил милиционерам: «Погодите, мы вас самих скоро перевешаем. Я много перебил коммунистов и еще придется бить». 28 июня суд рассмотрел дело Стручкова и назначил наказание в 8 лет «с высылкой в концентрационный лагерь». Газета Тракторостроя была недовольна: «Не хватает еще заявить: Стручков по недомыслию попал на скамью подсудимых. Он ни в чем не виноват. Уважаемый защитник забывает, что глуп тот контрреволюционер, который прет грудью... Они сейчас взялись за другие методы контрреволюционной работы – вредительство и провокацию»⁵⁹².

Итак, иерархия злодеев развертывалась от драк и сексуальной распущенности до убийств и вредительства. Однако наиболее страшным врагом был *предатель*. Эта категория разрабатывалась постепенно и имела несколько интеллектуальных истоков. Само понятие о предательстве вытекало из беспрерывно шедшего вплоть до начала 1930-х гг. идейно-политического размежевания внутри партии, после-

---

⁵⁸⁹ Блудлив как кошка, труслив как заяц // За тяжелое машиностроение. № 174 (493). 28 июля 1934 г.

⁵⁹⁰ Агеев С., Бриль Ю. Неизвестный Уралмаш. История и судьбы. С. 181.

⁵⁹¹ Бдительность помножить на организованность // За тяжелое машиностроение. № 180 (499). 4 августа 1934 г.

⁵⁹² Бандит Стручков за работой // Наш трактор. № 12. 1 июля 1930 г.

довательной стигматизации частей партии как ренегатов, уклонистов, оппортунистов.

Партия все время шла через волны чисток, в ходе которых политическая позиция ее членов причудливым образом переплеталась с их моральным обликом и частной жизнью; «уклонизм» все больше и больше приближался к предательству. С другой стороны, история о предательстве подпитывалась многочисленными случаями участия рядовых партийных работников в преступлениях, часто – бытовых и уголовных преступлениях. Чаще всего под предателем подразумевался партийный работник или видный руководитель, обвиняемый в тех или иных преступлениях, однако в целом употребление этого понятия было шире.

21 мая 1934 г. многотиражка Богословских копей «Даешь уголь» опубликовала заметку рабкора, 16-летнего комсомольца А. Калашникова под заглавием «Лодыри ходят по бюллетеню». В ней Калашников «разоблачил» работницу копей Л. Калашникову и сотрудницу яслей А. Хороших, жену мастера-экскаваторщика Г. М. Хороших. Обе они находились на больничном, но при этом «дома у себя производили тяжелые работы по подготовке земли под посадку овощей»⁵⁹³. Рабкор, разумеется, был прекрасно осведомлен о том, что взявшие больничные женщины таскают на свои грядки навоз и вскапывают земли: обе «симулянтки» были его родственницами⁵⁹⁴. Однако заметку А. Калашников благоразумно не подписал.

Бюллетени об освобождении от работы у «симулянтков» в тот же день изъяли. Дальше события развивались примерно так⁵⁹⁵: вечером того же дня муж А. Хороших, мастер-экскаваторщик Г. М. Хороших «пьянствовал с Калашниковым Борисом [мужем «разоблаченной» Л. Калашниковой. – К. Б.]; за разговором они пришли к выводу о том, что автор заметки – «Сашка Калашников». Хороших решил убить обидчика. Вначале он обстрелял из ружья квартиру Калашникова, однако самого рабкора дома не было, а члены его семьи практически не пострадали (одна дробиная рикошетом оцарапала бровь 3-х летней девочке, видимо, сестре А. Калашникова). Тогда Хороших стал поджидать рабкора на улице. Около 23.00 показался идущий

⁵⁹³ Приговор // Пролетарий. № 131 (995). 9 июня 1934 г.

⁵⁹⁴ По-видимому, Л. Калашникова была невесткой А. Калашникова, так как являлась женой Б. Калашникова, брата (?) рабкора; А. Хороших, жена экскаваторщика Г. М. Хороших, была – как явствует из текста приговора – «дальней родственницей» А. Калашникова (Приговор // Пролетарий. № 131 (995). 9 июня 1934 г.).

⁵⁹⁵ В последующие дни на страницах «Пролетария» появилось несколько разных вариантов событий – первый из них изложил в краткой заметке редактор «Даешь уголь» Морозов, в дальнейшем «Пролетарий» печатал показания Хороших и текст приговора, в которых приводилось чуть отличное описание событий.

домой Калашников, и тогда Хороших сбил его с ног и начал душиТЬ, приговаривая: «На, вот тебе заметка!» Самостоятельно отбиться от экскаваторщика Калашникову бы не удалось: ему было 16 лет, а нападавшему – 36. Спасителем рабкора выступила соседка А. Калашникова, М. Воробьева, оттащившая нападавшего⁵⁹⁶. Калашников вернулся в редакцию и переночевал там.

Уже 22 мая редакция газеты «Даешь уголь» обратилась в милицию, но, не найдя там поддержки, немедленно обратилась к редакции «Пролетария», которая стеной стала на защиту рабкора. Ответственный редактор «Пролетария» А. Г. Копытцев⁵⁹⁷ 23 мая 1934 г. вынес вопрос на бюро надеждинской парторганизации, которое «предложило» помощнику прокурора Зубовского расследовать происшествие.

Рис. 40. Мастер Хороших. Пролетарий. 26 мая 1934 г.

Не то чтобы у Зубовского было много работы – газета «Пролетарий» сама начала расследовать нападение на А. Калашникова, надеясь направить процесс в то русло, которое считала необходимым: «С первых же шагов расследования мы установили, что руководители копейского отделения милиции не поняли политического значения факта нападения на рабкора т. Калашникова и фактически встали на защиту негодяя мастера Хороших. На требование редакции немедленно арестовать мастера Хороших инспектор милиции Пермьяков заявил: “Составьте акт, пошлите его в милицию, а мы подумаем и примем меры”. <...> Пришли утром из редакции “Даешь уголь” в милицию, Пермьякова там не оказалось, его заместитель староста Осодмила Булатов был пьян. Акта редакции он не принял: “Милиции это не касается, рабкора ведь не

⁵⁹⁶ За покушение на рабкора – карать беспощадно (Из обвинительного заключения по делу нападения на рабкора т. Калашникова) // Пролетарий. № 120 (984). 27 мая 1934 г.

⁵⁹⁷ Александр Галактионович Копытцев (1904–1937) был яркой фигурой. Карьеру журналиста он, рудничный рабочий, начал в 1920-х гг., работал в газете «Тагильский рабочий», позднее, в 1932–1933 гг. – редактор газеты «Челябинский рабочий». В бытность сотрудником «Тагильского рабочего» Копытцев писал под псевдонимом «Сашка Тагилец» и стал героем громкой истории: 7 мая 1926 г. «самогонщик» К. А. Герасимов начал крушить вилами окно дома журналиста. Копытцев не растерялся и обстрелял нападающего из нагана, ранив Герасимова в голову. (см.: Кононова Т. «Крутые парни» из 20-х // Тагильский рабочий. 2 февраля 2006 г.) А. Г. Копытцев фигурирует в «растрельном» списке 13 ноября 1937 г. (Сталинские расстрельные списки. URL: <http://stalin.memo.ru/spiski/pg04239.htm>. Дата обращения: 03.07.2018).

убили»». 24 или 25 мая Хороших был взят под стражу, а осодмиловец И. А. Булатов – привлечен к ответственности.

Уже 26 мая передовые полосы надеждинской газеты оказались заполнены письмами от рабочих. Крупносортщики, литейщики, экскаваторщики клеймили «наглую вылазку агента классового врага – мастера Хороших», требовали для него суровой кары и обещали ответить на «террористический акт» усиленным изданием стенгазет. Рабочие экскаватора № 6 хулили Хороших, который – конечно же! – оказался прогульщиком, бракоделом и дезорганизатором: «Пьяный является на производство, грубо обращается с рабочими, халатно относится к качеству ремонта... выходил на работу с 10 утра, на 15–20 минут для того только, чтоб показаться рабочим». Куда только смотрел треугольник цеха экскавации!

Газета не случайно называла Хороших *предателем*. Использование такой терминологии позволяло сделать обвинение максимально весомым: в советском глоссарии не было более уничтожающего определения для врага. А чтобы у судей не оставалось никаких сомнений относительно того, *как именно* следует покарать «предателя Хороших», в выпуске от 26 мая 1934 г. редакция перепечатала рядом с гневными письмами текст статьи 58-8 Уголовного кодекса, грозившей за совершение террористических актов «высшей мерой социальной защиты» (смертная казнь или изгнание из СССР), и разъяснения пленума Верховного Суда РСФСР от 1924 г., согласно которым убийства рабкоров «подлежат квалификации как общее правило по ст. 58-8». В последующие дни «Пролетарий» регулярно напоминал о «деле предателя Хороших».

Наконец, 6 июня в клубе Богословских копей прошел показательный процесс – выездная сессия Свердловского областного суда над Хороших. Свидетельницей по делу выступала «мать двух комсомольцев» и «жена рабочего» М. Воробьева, чей «героический поступок» спас жизнь рабкора Калашникова. Общественным обвинителем выступил сам редактор «Пролетария» Копытцев, настроенный довольно агрессивно: «Армия рабселькоров – командиров общественного мнения – показывает замечательные образцы конкретной оперативной организаторской работы на самых разнообразных участках социалистического строительства. <...> Это рабкору разоблачили кулацкое гнездо в Туринске. Это рабкору вскрыли засорение чужаками хозяйственного аппарата на Белкинском руднике. Это рабкору разоблачили буржуазных перерожденцев с Бокситостроя. Это по рабкоровским заметкам за последние пять месяцев снято с работы и отдано под суд свыше ста жуликов, растратчиков, проходимцев, чужаков. Вот почему классовый

враг и его агентура яростно ненавидят ударников большевистской печати – рабселькоров»⁵⁹⁸.

Но несмотря на энергичную речь Копытцева и требования обвинителя Зубовского, суд приговорил Г. М. Хороших по статье 58.8 не к «высшей мере социальной защиты», а к 10 годам лишения свободы «с отбыванием в концлагерях без поражения в правах и конфискации имущества». Осодмиловец И. А. Булатов получил 6 месяцев исправительно-трудовых работ. Лаконичную заметку о ходе процесса 10 июня 1934 г. напечатала главная газета области, «Уральский рабочий»⁵⁹⁹. Попытки редакции «Пролетария» представить Хороших как *предателя* успехом не увенчались. А уже 21 июня 1934 г. заводская газета «Сталь» сообщила об убийстве на Богословских копиях комсомольца и стенгазетчика К. Скачкова, которому «подлая рука классового врага растратчика-пьяницы Сизова нанесла смертельный удар в сердце»; вспоминая недавний случай с Хороших, газета призывала покарать убийцу⁶⁰⁰.

Показательной является иерархия врагов в газетных описаниях процесса по делу Кедуна и Быкова, упомянутом ранее. Вначале речь шла о «физических убийцах» рабкора – «деклассированном элементе, прогульщике и хулигане» П. Мокрове, выстрелившем в Быкова, а также об обвиненных в соучастии рецидивисте Я. Мокрове, «кулачком выродке» И. Сеченове, братьях Чернышевых и ряде других. Центральной же фигурой процесса был Петр Криворучкин, «былая гроза Вый, Гальянок и Ключей», который ранее уже привлекался за покушение на рабкора А. Криворучкина (собственного родственника) и полому экскаватора и которому инкриминировали убийство Кедуна. Еще страшнее мать Петра Криворучкина, И. Криворучкина – «жена белодружинника, помощница колчаковцам, старая шинкарка и спекулянтка»⁶⁰¹, подстрекавшая сына и его друзей разделиться с Быковым и писавшая на него жалобы во все инстанции. Почему именно Криворучкины оказались в числе наиболее опасных врагов? Ответ, по-видимому, кроется в том, что они были описаны в «Былях горы Высокой» как сторонники Колчака; связь с белогвардейцами делала Криворучкиных более мрачными фигурами, чем хулиганы и рецидивисты Мокровы.

---

⁵⁹⁸ Множить ряды рабкоров. Из речи общественного обвинителя тов. Копытцева // Пролетарий. № 131 (995). 9 июня 1934 г.

⁵⁹⁹ Хороших осужден // Уральский рабочий. № 133 (5667). 10 июня 1934 г.

⁶⁰⁰ Гроза мошенников и растратчиков // Сталь. № 61 (251). 21 июня 1934 г.

⁶⁰¹ Горев. Заключенный враг. 4-й день процесса // Уральский рабочий. № 147 (5982). 26 июня 1935 г.

Но самой черной краской обвинение рисовало заместителя заведующего орготделом горсовета Нижнего Тагила, депутата горсовета П. О. Пестова, имевшего несчастье быть членом ВКП(б). Ведь в иерархии врагов самым зловещим персонажем был *предатель*: «Павла Пестова допрашивали последним. Перед судом до него прошла вся гниль и мразь, собранная на скамье подсудимых. Зал слышал мрачные откровения убийц, трусливые увертки наводчиков, грязные жизнеописания бандитов, лишенцев и воров. Но ничто за все время процесса не прозвучало так омерзительно, ничто не вызывало такого возмущенного гадливого движения в зале, как слова, которыми начал свои показания Павел Пестов: “Хочу рассказать суду со всей большевистской совестью...”»

Конечно же, газета отказала подсудимому в наличии партийной совести! Пестов был дальним родственником Криворучкиных и, по мнению обвинения, «врос в темное кулацкое гнездо», разрушив все преграды, «отделяющие советского работника от антисоветского подполья». Как и во многих других случаях, непосредственной причиной грехопадения Пестова было объявлено пьянство (Криворучкина «купила его за стакан водки»⁶⁰²). При этом обвинялся Пестов в том, что покровительствовал Криворучкиным, помогал им бороться против лишения прав, а когда все же они оказались лишенцами – в поддержании с ними добрых отношений («за водку», – добавлял «Уральский рабочий») и общения («контрреволюционного общения», – уточнял прокурор Субоцкий⁶⁰³). Кроме того, с Пестовым вел «многолетнюю и ожесточенную борьбу» Быков, сообщавший о связи Пестова с убийцами Д. Кедуна, обещающий написать о нем во второй книге «Были горы Высокой» и – что важнее всего – назвавший агентам угрозыска после покушения именно Пестова в качестве организатора покушения.

Расплывчатость обвинений была такова, что Пестов, видимо, сам не понимал, в чем он должен покаяться, и в конце концов признал себя виновным в «классовой притупленности»⁶⁰⁴. Но такое признание сочли лицемерным, и оно лишь вызвало новый поток свирепых обвинений. В заключительном сообщении «Уральского рабочего» о приговоре по делу Кедуна – Быкова самая беспощадная характеристика была припасена именно для Пестова – «изменник и мерзкий предатель дела пролетариата», «человек, перешагнувший все грани морального и политического разложения, покровитель и попечитель бандитов, живой

⁶⁰² Были горы Высокой. С. 462.

⁶⁰³ Субоцкий Л. Лицо врагов // Уральский рабочий. № 149 (5984). 30 июня 1935 г.

⁶⁰⁴ Враг с партбилетом // Уральский рабочий. № 148 (5983). 29 июня 1935 г.

смердящий труп, воскресший из прошлого»⁶⁰⁵. Если Петр Криворучкин был «главой террористической шайки», а Ирина Криворучкина – ее «матерью», то Пестова объявили ее «душой, идейным вдохновителем преступлений»⁶⁰⁶.

Утром 28 июня выступала защита, но газеты не сообщали о содержании адвокатских речей. Зато они сообщали, что после перерыва с Высокогорского рудника прибыла делегация: «В зал с десятками знамен вошли люди, чьи имена связаны со знатной книгой “Были горы Высокой”»⁶⁰⁷. Старый рабочий Ф. Козьмин от имени коллектива просил суд о «высшей мере» обвиняемым. Всех их признали «террористической группой, мстившей лучшим общественным активистам»; убийцу Быкова – Павла Мокрова и его соучастников Сеченова и Якова Мокрова, убийцу Кедуна – Петра Криворучкина и его соучастника И. Перепелкина, а также «мерзкого изменника» П. Пестова приговорили к расстрелу; «вдохновительницу убийц» Ирину Криворучкину и ее сообщников братьев С. и В. Чернышевых – к 10 годам заключения со строгой изоляцией. Гагина и Г. Долженкова, участников нападения на рабкора Александра Криворучкина и других активистов, осудили на 7 лет лишения свободы, еще нескольких человек – на 3 года за недоносительство. Один подсудимый был оправдан – это был Петр Пестов, брат Павла Пестова⁶⁰⁸.

Кого еще не хватает в этой мрачной картине? Окончательный перелом совершился в 1930-х гг., когда на первый план выдвинулась фигура Троцкого как архипредателя, а все формы несогласия внутри партии вне зависимости от срока давности начали интерпретироваться как измена рабочему делу. Впрочем, попытки советского Данте обнаружить в центре социалистического ада Люцифера оказались бы тщетными: эту роль в мифологии довоенного СССР играл безликий мировой капитал и его жуткое порождение – фашизм. Предательство толковалось как шпионаж, подготовка интервенции. В знаменитом фильме Ф. Эрмлера «Великий гражданин» (1939), посвященном убийству твердокаменного большевика, директора завода товарища Шахова (читай: Кирова), четко выстроена эта иерархия врагов: непосредственный, «физический» исполнитель убийства, дезорганизатор-хулиган – его вдохновители, переродившиеся коммунисты, бывшие когда-то

⁶⁰⁵ Уничтожить врага! // Уральский рабочий. № 149 (5984). 30 июня 1935 г.

⁶⁰⁶ Субоцкий Л. Лицо врагов // Уральский рабочий. № 149 (5984). 30 июня 1935 г.

⁶⁰⁷ Перед приговором // Уральский рабочий. № 148 (5983). 29 июня 1953 г.

⁶⁰⁸ Михайлов Н. Убийцы Григория Быкова приговорены к расстрелу // Уральский рабочий. № 149 (5984). 30 июня 1935 г.

руководителями завода – переродившийся вождь, Иуда, роль которого выполнял в данном случае Г. Л. Пятаков (единственный невымышленный персонаж фильма) – иностранный хозяин, посол крупной капиталистической державы.

Но в 1937–1938 гг. Большой террор полностью стер границу между героем и злодеем. Оказываясь в тисках «чудодейственных органов» НКВД, вчерашние герои превращались в злодеев, и чем больше была их слава до ареста, тем более ужасными *предателями* они оказывались после. В индустриальной сфере крупнейшим предательством было превращение Пятакова из ключевой фигуры промышленного строительства, близкой к пантеону вождей, в зловещего изменника и шпиона; не менее чудовищным было и падение «вождя уральских большевиков» И. Д. Кабакова. Но совершались такие превращения и на местах – достаточно вспомнить уже упомянутую выше драматическую судьбу начальника цеха Голубицкого и «мастера проката» Огородникова. Уничтожение героев опиралось на отработанную уже мифологию злодеев, в которой предательство играло важнейшую роль. Но кем их заменить? Мифология должна была опираться на историю, на уже имевшие место сюжеты и образы («полезное прошлое», говоря словами Д. Бранденбергера), с помощью которых она объясняет и описывает настоящее. Теперь практически все сюжеты и образы оказались под запретом; создать же новых героев просто так, «из ничего», было невозможно; советский агитпроп вновь приобрел тот же абстрактный схематизм, от которого он всеми силами старался уйти на протяжении 1-й половины 1930-х гг.⁶⁰⁹

Однако пантеон героев выстоял, он оставался принципиально значимым вплоть до самого конца плановой экономики. Остается лишь удивляться тому, как советская культура смогла после 1953 г. зашить чудовищный разрыв в собственной ткани, постаравшись забыть драматические события Большого террора. Сотни репрессированных – таких, как несчастный Огородников или «инженер трех эпох» Тамаркин – вернули себе утраченный статус героев, вновь превратились в персонажей справочников и энциклопедий.

Рис. 41. Г. Л. Пятаков. Вагоногигант. 11 сентября 1933 г.

⁶⁰⁹ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. С. 210.

ВОЖДИ

Если герои и злодеи были местными жителями, помогавшими строить социализм или, напротив, вредившими строительству социализма, то вожди представляли собой внешние и высшие силы, руководившие социалистическим строительством. Если трудовых героев можно считать персонажами богатырского эпоса о производственных

Рис. 42. Коллаж: ударники челябинских заводов и Сталин. Челябинский рабочий. 17 декабря 1933 г.

победах, то вожди образовывали настоящий пантеон советской мифологии: этикие земные божества, покровители отдельных сфер человеческой жизни. Говоря о советском пантеоне, мы вовсе не предлагаем аналогию между большевистской идеологией и религией, которую часто используют при изучении советского общества. Эту аналогию мы считаем заведомо неточной: наличие пантеона как раз и демонстрирует принципиальную разницу между большевистской культурой СССР и любыми из монотеистических религий. Если уж искать большевизму аналог в сфере духовного, то остановиться следует на античных практиках гражданского обожествления – как

мы знаем, римских императоров провозглашали богами, что не противоречило политеистскому взгляду на мироздание.

На протяжении 1920-х гг., когда большевистский ЦК старался коллективным авторитетом заменить ушедшую харизму Ленина, постепенно формировался канон вождей, которому предстояло сменить канон мучеников, который мы коротко охарактеризовали в начале предыдущего параграфа. В отличие от мучеников, вождям необязательно было геройски погибнуть, чтобы воплотиться в топографии; от них требовалось занимать высокий пост в официальной иерархии,

а значение переименования теперь перенесло акцент с коммеморации на признательность и благодарность. На советских картах появились не только Ленинград и Свердловск, но и другие города, названные в честь здравствующих руководителей страны.

Рубежным стал 1924 г.: в этом году Елисаветград превратился в Зиновьевск, а донбасская Юзовка – в Сталино. Еще раньше, в 1923 г., Гатчина была переименована в Троцк. Логика переименований была неоднозначной: если Г. Е. Зиновьев в бывшем Елисаветграде родился, то Л. Д. Троцкий был связан с Гатчиной вехами своей революционной карьеры. А Сталин? Переименование рабочего города Юзовки в 1924 г. было не столько целенаправленным манипулированием, призванным возвеличить Сталина путем присвоения его имени пролетарской «столице» Донбасса. Напротив: Юзовка была тогда относительно не крупным городом, и местный совет, рассчитывая избавиться от памяти о капиталисте Дж. Хьюзе, решил переименовать город в честь Сталина благодаря... созвучию: профилем индустрии Юзовки была сталелитейная индустрия, а Сталин уже тогда был одним из признанных вождей СССР. К тому же еще раньше в честь Сталина был переименован и местный металлургический завод, давший, в свой черед, имя городскому району (аналогичным образом в 1936 г. город Каменское получит новое имя Днепродзержинск благодаря металлургическому заводу имени Дзержинского, а Березники едва не превратятся в Ворошиловск из-за наличия в городе гигантского химического комбината имени Ворошилова).

Пантеон вождей не был единым, в нем была своя иерархия.

В пантеон входили вожди высшего уровня, члены Политбюро, прославленные революционеры и крупнейшие теоретики партии. Круг этих мудрых руководителей был узок и в свою очередь делился на две подгруппы – живых вождей и покойников. В честь этих вождей переименовывали города, районы, железные дороги; их имена тиражировались по всей стране, и хотя они – в силу перипетий биографии – имели связи с определенными территориями, через которые пролегал их путь к командным высотам, все же эти имена считались равнозначными в любой точке СССР.

Внутри этой группы выше любых других вождей ценились Ленин и Сталин. Ленинский культ, предпосылки к возникновению которого возникли еще в годы гражданской войны, начал стремительно складываться сразу после смерти «Старика» в 1924 г. Культ Сталина прошел куда более сложную эволюцию. Долгое время он существовал в оболочке теории коллективного руководства. Предполагалось, что после Ильича страной руководит «ленинский ЦК», коллективный вождь ВКП(б). В составе «ленинского ЦК», однако, не было равенства: после распада

руководящей «тройки» Сталин считался первым из цекистов. В брошюре «Коллективный вождь ВКП(б)», изданной в 1927 г. в качестве пояснения к изображавшей членов Политбюро одноименной картине И. И. Бродского, первой шла биография Сталина, а уж затем по алфавиту следовали другие члены Политбюро⁶¹⁰. При этом на самой картине Бродского властная позиция Сталина никак не была акцентирована.

Канон вождей претерпевал изменения по мере возвышения Сталина, концентрации власти в его руках и разгрома всех его противников в ВКП(б), а главное – по мере развертывания колоссальной строительной программы пятилетних планов. «Культ личности» Сталина, являвшийся стержневой конструкцией пантеона, изучен достаточно хорошо⁶¹¹, а вот о пантеоне в целом, насколько нам известно, не выходило специальных работ. Между тем, принципиальный исследовательский интерес представляет не сталинский культ, который в целом поддается объяснению в компаративном аспекте как инвариант диктаторского авторитаризма XX столетия, а феномен культов других вождей, которые под руководством Сталина формировали пресловутый «ленинский ЦК». Сюда, во-первых, относились умершие до начала индустриализации большевики – Дзержинский, Фрунзе и с оговорками Свердлов, который в 1930-е гг. так и не стал полноправным участником пантеона, подлинным «олимпийцем». Возникновение культов этих вождей были стимулированы фактом смерти; однако в зру первых пятилеток они оставались фигурами второстепенными. Даже вожди не могли продлить свое существование после смерти (в отличие от Ленина, который был «живее всех живых»). Поэтому преимущественное внимание концентрировалось на узком круге живых и действующих руководителей, обладавших собственными культурами.

Для того, чтобы быть полноправным участником пантеона, нужно было отвечать сразу нескольким критериям. Надо было являться старым большевиком, авторитетным членом партии. Надо было выйти из бурь внутривнутрипартийной борьбы 1920-х гг. с незапятнанной репутацией, то есть принадлежать к той группировке, которая с самого начала поддерживала Сталина. Надо было принадлежать к верхушке партийного руководства, то есть входить в состав Политбюро. Наконец, надо было занимать чрезвычайно значимый пост в системе управления страной, руководить собственной «вотчиной» (слово из жаргона большевиков 1920-х гг.). Вожди, относившиеся к этому кругу, не

⁶¹⁰ Картина художника И. И. Бродского «Коллективный вождь ВКП(б)» (за единство партии). Л.: Гос. тип. им. Ивана Федорова, 1927.

⁶¹¹ Из самых новых работ об этом см.: Pisch A. The Personality Cult of Stalin in Soviet Posters, 1929–1953. Archetypes, Inventions and Fabrications. Acton: ANU Press, 2016.

просто считались лучшими руководителями и «пламенными революционерами», но и обладали своего рода наборами типичных черт, функциями патронов тех или иных сфер социальной жизни и в силу этого – собственной мифологией и иконографией.

Кого же отнести к этому пантеону? Воспользуемся для первого определения сочинением К. Б. Радека «Зодчий социалистического общества» (1934), панегирическую биографию Сталина, написанную в форме лекции «на курсе истории победы социализма, прочитанного в 1967 г. в школе межпланетарных сообщений». Предусмотрительный Радек в последнем, заключающем абзаце книги писал: «На мавзолее Ленина, окруженный своими ближайшими соратниками – Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Калининим, Орджоникидзе – стоял Сталин в серой солдатской шинели <...> К сжатой, спокойной, как утес, фигуре нашего вождя шли волны любви и доверия, что там, на мавзолее Ленина, собрался штаб будущей победоносной мировой революции»⁶¹².

Именно эти пять человек, названные Радеком, отвечали описанным выше критериям. К этому списку стоит добавить еще С. М. Кирова и, возможно, В. В. Куйбышева, однако их позиции были слабее (показательно, что Радек не назвал ни того, ни другого в составе «штаба мировой революции», собравшегося на мавзолее, хотя в январе 1934 г., когда появился памфлет, оба были еще живы). Киров вошел в число первостепенных вождей пантеона благодаря своей гибели от рук убийцы, и этот случай оказался редчайшим примером того, как канон мучеников взаимодействует с канон вождей.

Оценить состав пантеона можно с помощью анализа наименования городских районов в СССР. Данные об этих названиях присутствуют в материалах переписи 1938 г., где одним из способов фиксации данных

Рис. 43. Районная красная доска: цех ЧТЗ и профиль Сталина. Челябинский рабочий. 30 декабря 1933 г.

⁶¹² Радек К. Б. Зодчий социалистического общества. М.: Партиздат, 1934. С. 55-56.

была разбивка по районам внутри отдельных горсоветов⁶¹³. Наиболее популярным для наименования районов оказалось имя Сталина (37 наименований), что, конечно, не вызывает удивления. Зато вторым номером списка оказался не Ленин, а Киров – «любимый Мироньч» (32 наименования) обошел Ильича (31 наименование) на один пункт и расположился совсем близко к Сталину. Ведущая тройка названий – Сталинский, Кировский, Ленинский – довольно далеко оторвалась от преследователей. Недаром на 4-м месте расположилось безликое, совершенно аполитичное название – Центральный район (25 случаев).

Кто же из советских лидеров расположился в непосредственной близости к этой тройке? Это Л. М. Каганович (16 наименований). А если учесть, что Каганович был – в отличие от Ленина и Кирова – здравствующим руководителем по состоянию на 1938 г., то можно сказать: согласно «топографии вождей» вторым человеком в СССР после Сталина оказался именно «железный Лазарь». За Кагановичем следовало сразу несколько большевистских руководителей, чьими именами были названы 10 или более районов: Ф. Э. Дзержинский (12 наименований), Г. К. Орджоникидзе (11 наименований) и В. В. Куйбышев (10 наименований); опять-таки, все они к 1938 г. были мертвы, хотя в случае с Орджоникидзе большинство районов были названы в его честь еще при жизни. Таким образом, если учитывать состояние дел на момент завершения второй пятилетки, «топография вождей» указывает именно на Орджоникидзе как на третье лицо в иерархии власти после Сталина и Кагановича. А вот «топографические» позиции таких влиятельных, казалось бы, руководителей, как К. Е. Ворошилов и В. М. Молотов, оказались куда более скромными. Глава Красной Армии и председатель Совета народных комиссаров – в честь каждого из них было названо по 8 районов. Сразу за ними шел нарком внутренних дел Н. И. Ежов, чьим именем были названы 5 районов.

В среднюю, наиболее широкую группу руководителей можно отнести тех, чьим именем было названо от 1 до 5 районов: Я. М. Свердлов, А. А. Жданов, М. И. Калинин, Г. П. Петровский, А. А. Андреев, В. Володарский и Артем (Сергеев). В замыкающей же группе вождей, чьим именем назвали всего-то по одному району на весь Союз, оказались два здравствующих вождя (маршал С. М. Буденный, нарком пищевой промышленности А. И. Микоян) и два покойника (один из расстрелянных в 1918 г. бакинских комиссаров М. Азизбеков и глава астраханских большевиков в 1917 г. А. Е. Трусов).

---

⁶¹³ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность городского населения СССР по городским поселениям и внутригородским районам. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_3.php (дата обращения: 02.09.2018).

Какие выводы можно сделать из этого «топографического» экскурса? Во-первых, мы можем с большой точностью назвать сам этот пантеон, который в основном сложился к концу 1930-х гг. и более практически не расширялся (зато переживал сужения в силу политической борьбы после смерти Сталина, а также позднейшей десталинизации). В него входили Сталин, Киров, Ленин, Каганович, Дзержинский, Орджоникидзе, Куйбышев, Фрунзе, Молотов, Ворошилов, Ежов (на очень короткое время), Свердлов, Жданов, Калинин, Петровский, Андреев, Володарский, Артем. В честь всех этих деятелей было названо по крайней мере 2 района в разных городах СССР⁶¹⁴. Районная «топография вождей» является показательным примером, так как районные структуры в наибольшей степени поддаются сравнению. Переименование городов и предприятий куда сложнее учесть из-за большой хронологической длительности и присутствия сразу нескольких пластов стратегий переименования.

Каким было функциональное назначение переименований эпохи первых пятилеток? На протяжении 1920-х гг. можно было наблюдать переход к «топографии вождей», имевшей в основном легитимационные основания – переименование объекта в честь вождя было способом подчеркнуть его значимость, одновременно представляя собой демонстрацию лояльности. Однако около 1930 г. к этим задачам переименований добавляется принципиально новая.

Известные нам случаи использования имен вождей для присвоения новых названий самым разным объектам – от городов и заводов до отдельных цехов и транспортных колонн – оказалось одним из инструментов мобилизации массы строителей социализма. Именно организационные нужды грандиозного строительства первых пятилеток объясняют беспрецедентную динамику переименований. Появление бесчисленных объектов имени Сталина, Орджоникидзе, Ворошилова и прочих вождей на карте страны было вызвано не столько мегаломанией советских руководителей, сколько попытками властных органов на местах подстегнуть трудовой энтузиазм своих коллективов. Каждое переименование сопровождалось кампанией (на уровне от заводской газеты до областной

---

⁶¹⁴ При этом именованья в честь Петровского были локализованы исключительно на Украине – в Киеве, Харькове и Сталино – что позволяет рассматривать его как фигуру республиканского, но не всесоюзного «пантеона». В честь Володарского были названы 2 района – в Ленинграде и в Брянске, однако если в первом случае переименование было связано с мощной кампанией памяти о Володарском как о «любимом вожде рабочих Петрограда», то во втором стало результатом слияния нескольких поселков, получивших еще в начале 1920-х гг. новые названия по обрисованному выше «канону мучеников» (именами Володарского, Урицкого и Воровского соответственно).

газеты), в ходе которой коллективу переименованного предприятия или предприятий переименованного города следовало объявить о новых трудовых обязательствах.

Каким же образом эти стратегии переименования воплощались на Урале? Прежде всего следует сказать о переименовании городов.

Старейшим примером переименования является, конечно, смена имени Екатеринбург на Свердловск в 1924 г. Это переименование, сопровождавшееся конкурсом имен, в ходе которого поступило немало экстравагантных предложений, было типичным проявлением «топографии мучеников» и одновременно – частью волны переименований, связанной со смертью Ленина.

21 декабря 1929 г. пленум Златоустовского окружного исполнительного комитета принял решение о переименовании города в Сталинск (или Сталинск-на-Урале), а округа – в Сталинский. Предложение это было связано с юбилеем Сталина; возможно, дополнительным стимулом послужила и привлекательная для города сталеваров омонимия. Уже 13 января ВЦИК отверг это, мотивировав отказ возможной путаницей из-за наличия других городов с такими названиями⁶¹⁵. При этом заинтересованные ведомства (наркомпочтель и наркомпутъ) «в принципе не возражали против переименования»; Наркомпочтель внес предложение «переименовать город Златоуст в город Коба-на-Урале, а округ – в Коба-Уральский округ»⁶¹⁶. Златоуст все-таки успел немножко побыть Сталинском; отчет объединенного пленума окружного комитета и контрольного комитета ВКП(б), прошедшего 25–30 января 1930 г., предварялся обращением «ко всем трудящимся Сталинского (Златоустовского) округа»⁶¹⁷. Показательно, что обращение это, содержавшее, конечно же, призыв работать больше и лучше, никак не использовало факт переименования для стимулирования энтузиазма местных рабочих. А креативное предложение наркомпочтеля златоустовцы использовать не стали.

Однако спустя год сходное предложение выдвинули в Челябинске. 27 августа 1931 г. газета «Челябинский рабочий» вышла с портретом Сталина на первой полосе. Крупными буквами рядом красовался заголовок: «Пролетарии Челябинска! Слушайте призыв строителей тракторного гиганта!» «Призыв» представлял собой обширный текст, настоящий гимн индустриальному Челябинску. Строители брали на себя различные обязательства, одновременно требуя встречных

⁶¹⁵ Имелся в виду, очевидно, город Сталин (Сталино, будущий Донецк) в Донбассе, поскольку кузбасский Новокузнецк получит соответствующее имя только в мае 1932 г.

⁶¹⁶ Новиков И. А. Град святого Иоанна Златоуста // Псковские краеведческие чтения. Печоры, 2015. С. 4.

⁶¹⁷ Резолюции и постановления объединенного пленума Златоустовского ОК и окр. КК ВКП(б). 25–30 января 1930 г. Златоуст: Пролетарская мысль, 1930. С. 3.

обязательств от других челябинских организаций и предприятий. В числе прочих обязательств тракторостроевцы обещали пустить завод-гигант к 1 ноября 1932 г.

Кульминацией же обращения стало следующее заявление: «Старая Челябинка с каждым днем все больше и больше уступает место бурно растущему, новому социалистическому городу, стройка которого есть практическое выражение генеральной линии партии... Город, который под руководством партии и ее лучшего рулевого тов. Сталина вырастает в крупнейший индустриальный центр, не должен больше носить имя Челябины (в переводе на русский – яма)⁶¹⁸. Вот почему мы просим партийную конференцию возбудить ходатайство перед вышестоящими организациями о переименовании гор. Челябинска в гор. Коба – имя, которое носил тов. Сталин в славные годы своей подпольной революционной работы, в рядах большевистской партии, под руководством товарища Ленина. Да здравствует железная большевистская ВКП(б) и ее лучший бригадир тов. Сталин! Да здравствует лучший отряд челябинских большевиков – вторая районная партийная конференция! Под руководством ленинской партии завершим построение в этом году фундамента социалистической экономики! Вперед, к полному построению социализма!»⁶¹⁹ Рядом,

---

⁶¹⁸ Челябинский партийный работник А. И. Финковский, выступая в 1930 г. на XVI съезде партии, много говорил о преобразении «старой Челябинки»: «Не так давно мы на своей Челябинской окружной партконференции приняли постановление положить конец “старой Челябинке”. Вероятно, очень многим участникам съезда неизвестно, что вкладывается в эти короткие слова “старая Челябинка”. Конец “старой Челябинке” – это уже не агитка, это не красное словцо. Верная линия и политика Центрального комитета и Уральского областного комитета позволяют нам за короткие сроки старую, аграрную Челябинку, былую вотчину атаманщины, кулачества, мещанского болота и поповщины, начать превращать в крупный индустриальный центр Советского Союза, начать превращать в совхозно-колхозный центр большого Урала. Мы закладываем в настоящее время в “старой Челябинке” мировой гигант – Челябинский тракторострой имени т. Сталина... Мы закладываем в “старой Челябинке” единственный в СССР завод-гигант ферросплавов, 15 августа даем первый электроток с Челябинской районной электростанции, проектируем закладку второй электростанции мощностью в 500 тыс. квт., четверо увеличиваем завод Коллошенко, превращая его в мощный завод прицепных орудий к тракторам, в несколько раз увеличиваем мощность Челябинских копей. До миллиарда рублей будет вложено в ближайшие годы в новое строительство Челябинского округа, и это позволит изменить, совершенно изменить, до неузнаваемости, “старую Челябинку”» (XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. С. 118–119). Хотя уничтожение старого ради возведения нового шло тогда по всему Союзу, речь Финковского показывает, что челябинскому истеблишменту не нравилось старое имя города, даже несмотря на то, что оно не было связано ни с царями, ни с капиталистами, ни с религией.

⁶¹⁹ Пролетарии Челябинска! Слушайте призыв строителей тракторного гиганта // Челябинский рабочий. № 196 (1648). 27 августа 1931 г.

на первой полосе газеты, была опубликованы краткие биографические справки «о Сталине-Кобе»⁶²⁰.

И на несколько следующих дней грядущее переименование Челябинбы в Кобу стало главной темой для газеты. Так, ударники завода имени Коллощенко высказывались в поддержку тракторозаводцев, обещая подкрепить просьбу о переименовании ударным трудом, техническим обучением, субботниками и массовым вступлением в партию. Принципиально важно учесть контекст попытки переименования: она осуществлялась не после пуска тракторного завода, не в связи со значимой датой, а в самый ответственный момент строительного штурма. Видимо, задачей этой попытки, жестко связанной с новыми обязательства по запуску тракторного гиганта, было стимулирование строителей Тракторозавода. Правда, выполнить свое обязательство тракторостроевцы не сумели – завод удалось пустить лишь к маю 1933 г. Инициатива челябинцев не была поддержана в верхних эшелонах власти, и историю с переименованием просто забыли. Но в свете лихорадочной гонки за выполнением строительного плана провал переименования не был принципиально важным: о нем следовало забыть и переключиться на поиск новых способов спровоцировать у строителей трудовой энтузиазм⁶²¹.

---

⁶²⁰ Не то чтобы Сталин совсем не был связан с Челябинском – в 1912 г. именно через Челябинск будущий вождь был этапирован в нарымскую ссылку (Озолиньш Э. Каким я помню Сталина // Даугава. 2002. № 4. С. 128–142). Позднее, в 1935 г. художник А. М. Любимов написал для выставки «Урало-Кузбасс» картину «Челябинский пересыльный пункт», примечательную, кроме прочего, и тем, что в веренице заключенных здесь был изображен и Сталин: «Среди конвоируемых товарищ Сталин, шагающий по глубокому снегу под охраной жандармов. Впечатление бесконечно длинной дороги художник создает вереницей идущих вдоль нее людей и светлой точкой мерцающего вдали фонаря. Темна ночь, жесток сибирский мороз, глубокий снег, но образ товарища Сталина содержит в себе столько жизни и могучей силы, что зарядка бодрости остается надолго у зрителя» (Голиков Н. Урало-Кузбасс в живописи // Уральский рабочий. № 290 (6125). 18 декабря 1935 г.) Именно этот эпизод был идеологическим основанием для того, чтобы переименовать город в Кобу – челябинское руководство попыталось превратить историю о пересыльной тюрьме в идеологический ресурс.

⁶²¹ В 1936 г. первый секретарь Челябинской области К. В. Рындин в письме к Сталину просил разрешения переименовать Челябинск в Кагановичград, используя все тот же аргумент, что Финковский в 1930 г. и «призыв тракторозаводцев» 1931 г.: негоже новому индустриальному гиганту носить имя «Челяба», что в переводе означает «яма». Поддержка эта просьба не получила, а публичного освещения попытка не имела. Очевидно, попытка Рындина относится к серии переименований в честь Кагановича, начавшихся после перемещения «железного Лазаря» с поста руководителя Москвы на должность наркома путей сообщения в 1935 г. Новый аппаратный статус, видимо, сделал Кагановича отраслевым боссом, с которым соперничать мог разве что Орджоникидзе, хотя представляется, что пик влияния Кагановича к этому времени уже остался позади.

Подобно Златоусту, имя, связанное со «старым режимом», имел и Надеждинск: местный завод был назван Надеждинским в честь владелицы Богословского горного округа, Надежды Михайловны Половцевой, на чьей земле был построен завод. В 1919 г. поселок получил статус города, став Надеждинском, а уже в 1924 г. местный совет переименовал его, приняв решение о присвоении Надеждинску имени Северорыковск. ЦИК СССР не принял соответствующего постановления, однако в 1930 г. горсовет Надеждинска вновь попытался вымарать из названия память о Половцевой, на этот раз выбрав новым именем Североуральск (также предлагалось назвать город Держинском). Утверждения инициативы надеждинцев на союзном уровне вновь не последовало⁶²². Зато 20 января 1934 г. президиум Уралоблсовета переименовал город в Кабаковск, а заводу присвоил имя Кабакова; это решение в марте 1934 г. утвердил президиум ЦИК СССР⁶²³.

Сменили имя и Березники. В данном случае имело место переименование-поглощение – химический комбинат в Березниках носил имя Ворошилова, и имя это постепенно распространилось на весь населенный пункт и район. О переименовании Березников в Ворошиловск горсовет ходатайствовал еще в 1932 г., но безуспешно. 17 июня 1934 г. было принято решение переименовать Березниковский район в Ворошиловский⁶²⁴. Дальше началась курьезная путаница: поскольку районные организации стали теперь Ворошиловскими, отправители писем начали автоматически именовать город Ворошиловском; естественно, корреспонденция попадала в другие города с этим названием (а их уже было два – с 1925 г. Ворошиловском назывался донбасский Алчевск, а с 1931 г. – еще и Ставрополь). ВЦИК пришлось давать разъяснение: «Постановление ВЦИК о переименовании Березниковского района в Ворошиловский касается только района, наименования города Березники и станции Усольская Пермской железной дороги остаются прежние» (напечатано в выпуске «Ударника» от 15 июля 1934 г.).

Но путать название Березников от этого не перестали! К примеру, в выпуске от 14 апреля 1935 г. «Уральский рабочий» ухитрился упомянуть в двух соседних заметках один и тот же город под двумя разными именами: заметка о соликамском квартете имени Калийного комбината сообщала, что музыканты с успехом выезжали в Красновишерск и Березники, а заметка «Предпраздничные заботы» расска-

⁶²² Фомичев И. А. Фомичев И. А. Город Надеждинск. 1893 – 1940 гг. Екатеринбург: [б. и.], 2013. С. 122.

⁶²³ Фомичев И. А. Надеждинск–Серов. Материалы и документы по истории города. 13 июля 1893 – 3 ноября 1993. Екатеринбург: [б. и.], 2015. С. 108.

⁶²⁴ Кульбиков С. Березники – это Ворошиловск? // Иная газета. 01.04.2011. URL: <http://www.beriki.ru/2011/04/01/berezniki-eto-voroshilovsk> (дата обращения: 30.08.2018).

звала о подготовке к Первомаю в семье мастера химического завода М. Д. Санникова уже в городе Ворошиловске⁶²⁵.

20 декабря 1935 г. Калата – поселок при медеплавильном заводе – была переименована в Кировград, явив тем самым образцовый пример амальгамы «топографии мучеников» (мотивацией для переименования в честь Кирова, никак не связанного ни с Уралом, ни с медной индустрией, послужило убийство) с «топографией вождей».

16 октября 1936 г. Нижнетагильский городской совет предложил переименовать город в Орджоникидзевск «в связи с предстоящим пятидесятилетием боевого организатора побед тяжелой промышленности, вернейшего соратника Ленина и Сталина». Такое переименование для Нижнего Тагила будет честью – утверждал в своей речи председатель горсовета Грушин, ведь «рядом с именами величайших умов человечества – Ленина и Сталина – стоит имя дорогого товарища Серго Орджоникидзе. Это имя золотыми буквами вписано в историю борьбы за социализм, историю преобразования сегода Урала и края ссылок – Сибири – в опорную базу социализма на востоке страны. Это имя неразрывными узами связано с расцветом Тагила, в который много бьющейся ключом кипучей энергии вложил дорогой тов. Серго <...> Серго Орджоникидзе! В нем – воплощение наших побед. Он всегда и везде горит, своим горением двигает вперед дело социализма. И за это его, воплощающего живой образ революции, ее силы и могущества, – любят трудящиеся Тагила, как трудящиеся всей страны. Вот почему передовые люди нашего города – стахановцы, рабочие, техники, инженеры, служащие вагоностроительного завода имени Дзержинского, металлурги, горняки – внесли на пленум городского совета предложение о переименовании нашего города в город Орджоникидзевск. С этим именем – именем верного соратника великого Сталина – трудящиеся Тагила будут бороться с новой энергией, с новыми силами»⁶²⁶. Прецедент такого переименования уже был: 17 февраля 1936 г. Бежица – город-спутник Брянска, где располагался мощный машиностроительный завод «Красный Профинтерн» – была переименована в Орджоникидзевград⁶²⁷ (в 1937 г. донбасскую Кадиевку также переименоуют в Серго, а после войны она получит новое имя в честь своего самого извест-

⁶²⁵ Уральский рабочий. № 86 (5921). 14 апреля 1935 г.

⁶²⁶ Нашему городу – имя тов. Орджоникидзе // Вагоногигант. № 243 (982). 18 октября 1936 г.

⁶²⁷ Собакин Н. Орджоникидзевград. Орел: Изд-во обкома ВКП(б), 1938. С. 15. Город Владикавказ был переименован в Орджоникидзевск еще раньше, в 1931 г.; Рыково (Енакиево) – в 1937 г., когда Серго уже не было в живых, а А. И. Рыков оказался обвиняемым на «3-м московском процессе».

ного уроженца – Стаханов). Но и это решение тагильчан ЦИК не подержал, и Нижний Тагил остался со старым названием.

В честь кого называли крупнейшие уральские заводы? Не все они носили имена вождей: Красноуральский медеплавильный комбинат, например, был назван в честь Красной Армии, а Лысьвенский металлургический и вовсе носил экзотическое имя газеты «За индустриализацию».

Но большинство предприятий имело связь с именами вождей. Березниковский химический и Челябинский ферросплавный комбинаты носили имя Ворошилова, Уралмаш – имя Орджоникидзе, бывший Мотовилихинский завод – имя Молотова. Имя И. Д. Кабакова было присвоено сразу нескольким предприятиям: ЧГРЭС, Надеждинскому металлургическому заводу, Синарскому заводу, шамотному заводу в Камышлове и Верх-Исетскому заводу в Свердловске. Уральский вагоностроительный завод получил имя Дзержинского, а Красновишерский целлюлозно-бумажный комбинат – имя другого чекиста, Менжинского. В Красноуральске Ново-Левинский рудник был переименован в честь Пятакова⁶²⁸.

Наконец, в честь Сталина были названы наиболее мощные уральские заводы – ЧТЗ и Магнитка. Имя Ленина было представлено скромнее – его носил Златоустовский металлургический завод (механический завод в том же Златоусте назывался в честь Сталина). Некоторые из заводов, насколько нам известно, вовсе не имели привязки к имени, как, например, Стальмост в Верхней Салде, саткинский

Под руководством Уралобкома партии, во главе с одним из лучших учеников вт. Сталина, организатором социалистических побед на Урале И. Д. Кабаковым создан индустриальный Урал, индустриальный Челябинск

Рис. 44. Коллаж: челябинские промышленные гиганты и И. Д. Кабаков. Челябинский рабочий. 18 января 1934 г.

⁶²⁸ Сухушин К. Фестиваль в Красноуральске // Уральский рабочий. № 58 (6192). 9 марта 1936 г.

«Магнезит», Новотрубный завод в Первоуральске или Уральский алюминиевый завод.

Но именными были не только города и заводы. Назвать именем кого-либо или чего-либо можно было отдельную бригаду, доменную

Рис. 45. Электропечь имени Косарева на Уралмашзаводе. СССР на стройке. 1932. № 7.

печь, школу – словом, что угодно! Например, бригада рабочих крупносортного цеха Надеждинского завода взяла себе имя «первых семи героев Советского Союза» (имелись в виду, разумеется, челюскинцы)⁶²⁹. На том же заводе имелись домы имени ЦК ВЛКСМ и имени ОГПУ⁶³⁰, а в самом Надеждинске именем Кабакова назвали «дом марксистско-ленинской учебы»⁶³¹. На Уралмаше работала «трехтонная электропечь имени Косарева⁶³², плавящая самые ответственные стали»⁶³³. Число примеров можно умножать едва ли не до бесконечности. Поток переименований – от отдельных печей до гигантских заводов – не был, как мы отметили, лишь итогом мегаломании большевистских вождей. Именам вождей приписывали своего рода магические

свойства; предполагалось, что они способны мобилизовать энергию и укрепить дух рядовых работников.

К примеру, когда 27 мая 1931 г. Мотовилихинский машиностроительный завод был переименован в честь В. М. Молотова, «Мотовилихинский рабочий» сообщил об этом в следующих словах: «Вступая в третий решающий год пятилетки ударники завода выносили поста-

⁶²⁹ Ваше имя несем с гордостью // Сталь. № 61 (251). 21 июня 1934 г.

⁶³⁰ Домны имени ЦК ВЛКСМ и ОГПУ – передовики конкурса // Пролетарий. № 174 (460), 8 августа 1932 г.

⁶³¹ На месте грязного глухого поселка растет новый социалистический Надеждинск // Пролетарий. № 245 (530). 7 ноября 1932 г.

⁶³² А. В. Косарев – руководитель комсомола, первый секретарь ЦК ВЛКСМ в 1929–1938 гг. Репрессирован, расстрелян в 1939 г.

⁶³³ Уральский рабочий. № 111 (4956). 17 мая 1932 г.

новления о наименовании завода именем непоколебимого ленинца, стойкого большевика, именем Предсовнаркома СССР тов. Молотова... Ходатайствуя о присвоении заводу имени Молотова, ударники завода обещали не только выполнять, но и перевыполнять промфинплан третьего решающего года. <...> Молотовец – должно быть не только звание, но и обязательство каждого пролетария завода»⁶³⁴. С первой полосы этого выпуска на читателя взирал и сам эпоним – В. М. Молотов, чья фотография была напечатана рядом.

«Завод, носящий имя любимого вождя народов товарища Сталина, должен стать полностью стахановским», – взывал в 1936 г. С. М. Широглазов, инспектор качества пермского завода имени Сталина⁶³⁵. За этим крылся вполне рациональный расчет: каждое переименование позволяло развязать публичную кампанию, нацеленную на стимулирование ударного труда. Таким образом, культы советских руководителей, достигшие расцвета в годы первых пятилеток, были еще одним результатом попыток советской элиты мотивировать строителей социализма на труд.

Одним из важных способов подобной мотивации были личные визиты вождей на крупнейшие стройки и заводы. Как отмечает современный исследователь С. С. Агеев, детально изучивший историю визитов вождей на Уралмашзавод, «это был весьма действенный способ мобилизовать усилия коммунистов на осуществление партийных решений в сфере промышленности, продемонстрировать населению значимость реализации масштабных советских экономических проектов, вовлечь широкие народные массы в одну из самых грандиозных «строек коммунизма», а для тех, кто трудился на заводе – показать сколь высокое значение их труду придает высшее руководство страны»⁶³⁶.

Визит К. Е. Ворошилова на Урал в 1931 г. вызвал волну производственного энтузиазма. 4 сентября вождь РККА выступил на митинге перед 40 000 слушателей, призывая строителей показать чудеса ударничества: «Если бы не работа в Красной Армии, я бы приехал на кладку. Лучше, правда, в механические мастерские – слесарем. Эта профессия мне ближе. Да здравствуют строители красного Магнитогорска!»⁶³⁷. Митинг закончился громовым «ура!» и пением «Интернационала». Уже

⁶³⁴ Круто поднять вверх темпы борьбы за промфинплан // Мотовилихинский рабочий. № 49 (158). 7 июня 1931 г.

⁶³⁵ Широглазов С. М. Скрытый саботаж // Уральский рабочий. № 83 (6219). 10 апреля 1936 г.

⁶³⁶ Агеев С. С. «Замечательный завод, какая база индустриализации!» Советские вожди на Уралмашзаводе в 1930-е годы // Веси. 2015. № 9. С. 32.

⁶³⁷ Тов. Ворошилов на Магнитострое // Уральский рабочий. № 245 (4746). 5 сентября 1931 г.

6 сентября в честь Ворошилова и очередного празднования Международного юношеского дня состоялся большой субботник. Строившейся «комсомольской» домне № 2 Магнитки немедленно присвоили имя Ворошилова, при этом строители обязались пустить домну № 1 к 1 октября 1931 г.; кроме того, имя наркома взяли себе «первая ударная бригада ИТР», ударная бригада плотников и другие коллективы⁶³⁸.

«Молотовский рабочий», призывая рабочих показать чудеса производственной дисциплины, перечислял: медеплавильный завод имени Красной Армии выдал в честь Ворошилова первую медь, на ЧТЗ организуют новые ударные бригады и массово подают заявления о вступлении в партию, на электрометаллургическом комбинате в том же Челябинске ударники феррохромовых печей выдают сверх задания по 0,2 тонны продукции на печь, а электропечь Верх-Исетского завода «перешла с 2 плавков на 4 и стала давать вместо 14 тонн железа 32 тонны в сутки и т. д., и т. д.»⁶³⁹ А молотовцы что же, будут отставать? Страницы газеты запестрели торжественными обещаниями ударников-слесарей бригад имени Ворошилова, работавших в механическом и в ремонтно-монтажном цехе.

А вот, например, прибытие в Челябинск Д. Е. Сулимова в мае того же 1931 г. не вызвало волны трудового энтузиазма. Да, главу СНК РСФСР встречали на вокзале делегации городских заводов и воинские части; на вокзале состоялся митинг, в ходе которого рабочий Тракторостроя Субботин заверил Сулимова в том, что завод-гигант будет пущен в срок⁶⁴⁰. Сулимов выступил с ответной речью, где, кроме прочего, подчеркнул преобразование «старого купеческого городка» в «мощный индустриальный район»⁶⁴¹.

В мае 1932 г. на Урал прибыл глава СНК В. М. Молотов. Задачей вождя было, по-видимому, «поднять новую волну творческой активности масс». Уральский истеблишмент это понимал; рядом с материалами о приезде Молотова и конспектом его речи на митинге у вокзала газета напечатала «призыв», коллективно подписанный членами 16 ударных бригад имени Молотова с различных заводов области. Молотов посе-

---

⁶³⁸ Куклина Е. Во глубине уральских руд. В сентябре 1931 года «Магнитогорский рабочий» рассказал о визите Климента Ворошилова // Магнитогорский рабочий. 11.09.2016. URL: <https://www.mr-info.ru/15866-vo-glubine-uralskih-rud-v-sentyabre-1931-goda-magnitogorskiy-rabochiy-rasskazal-o-vizite-klimenta-voroshilova.html> (дата обращения: 02.08.2018).

⁶³⁹ Молотовский рабочий. № 87 (186). 12 сентября 1931 г.

⁶⁴⁰ Партия прислала к нам на помощь старого уральского большевика // Челябинский рабочий. № 111 (1562). 12 мая 1931 г.

⁶⁴¹ Сулимов Д. Е. Борьба за хозяйственную и оборонную мощь ведет нас к победе // Челябинский рабочий. № 111 (1562). 12 мая 1931 г.

тил Уралмаш, где начался конкурс между бригадами, призом в котором должно было стать имя вождя, а затем Верх-Исетский завод, где «передовые бригады Кабалина и Мартьянова объявили себя ударными бригадами имени тов. Молотова», а рабочая смена Лукина, уже носившая имя Молотова, 10 мая прокатала рекордные для себя 102 тонны.

«Чудеса» творились даже в городах области, куда вождь и не собирался заглядывать. На шамотном заводе имени Кабакова в Камышлове было организовано еще 6 ударных бригад имени Молотова, 30 человек вступили в партию, а 70 – в профсоюз. В Камышлове все работники станции вступили в ряды Осоавиахима и создали «ударный взвод по изучению военной техники», получивший, конечно же, имя Молотова⁶⁴². «Волна энтузиазма» продолжала бушевать и в последующие дни (Молотов 11 мая уехал Челябинск, 15 мая появился в Нижнем Тагиле, уже утром 17 мая выступал на митинге в Перми, вечером того же дня – в Березниках, а 18 мая добрался до Лысьвы) – «Уральский рабочий» рапортовал о перевыполнении плана в Красноуральске, Надеждинске, Калате, Нижней Салде, Нижнем Тагиле и, конечно же, на заводе имени Молотова в Мотовилихе⁶⁴³. В Чусовой смена мастера Костромкина приняла на себя обязательство «помочь горновым отстающей печи № 3 выжечь козел из печи и овладеть техникой работы»⁶⁴⁴, слесари шахты БИС в Кизеле «взяли шефство над механизмами и обещали не допускать аварий»⁶⁴⁵, и это – не говоря о взлете трудового энтузиазма в колхозах... Но Лысьва была последним пунктом на пути Молотова, и уже 19 мая трудовой взлет прекратился – по крайней мере, газеты прекратили о нем сообщать.

Эта неделя трудовых чудес – с 10 по 18 мая – выглядит особенно рельефно по сравнению с другими визитами высокопоставленных советских руководителей, происходившим в те же дни. В феврале 1932 г. в Уральскую область прибыл нарком РКИ Я. Э. Рудзутак, в мае (едва ли не одновременно с Молотовым) наркомпути А. А. Андреев. И Рудзутак, и Андреев были членами Политбюро, но – судя по газетным материалам – массового энтузиазма их визиты не вызвали. Только вождь высшего уровня мог вызвать волну трудового подъема. От вождя это тоже требовало определенных усилий: Молотову нужно было едва ли не каждый день участвовать во встречах и митингах, личными действиями подкрепляя харизму.

⁶⁴² Уральский рабочий. № 107 (4952). 12 мая 1932 г.

⁶⁴³ Уральский рабочий. № 112 (4957). 18 мая 1932 г.

⁶⁴⁴ Высокие образцы ударного труда // Уральский рабочий. № 113. 19 мая 1932 г.

⁶⁴⁵ Равняться по смене мастера Теплоухова // Уральский рабочий. № 114 (4959). 20 мая 1932 г.

Визит Л. М. Кагановича на Урал, прошедший в октябре 1934 г., оведался скромнее (несмотря на то, что Каганович был, как мы видели, едва ли не вторым по значению руководителем СССР). Да, «железные Лазарь» посетил Уралмаш, детально ознакомился с работой заводских цехов и побеседовал с рабочими и инженерами завода, «поразительно

Рис. 46. 10 000 тракторов Кагановичу.
Наш трактор. 23 ноября 1934 г.

и коммунального благоустройства, оказавшись, таким образом, одним из первых «урбанистов» в отечественной истории), был чрезвычайно влиятелен, однако отсутствие административного влияния за пределами Москвы сыграло с ним злую шутку: практически ничто – даже какие-нибудь заваливающие доменные печи, школы партийной учебы или ударные бригады – не носило имени Кагановича, хотя визит вождя и вызвал трудовой подъем на ЧТЗ (см. иллюстрацию).

⁶⁴⁶ Лазарь Моисеевич Каганович на Уралмаше // За тяжелое машиностроение. № 234 (553). 8 октября 1934 г.

⁶⁴⁷ Агеев С. С. «Замечательный завод, какая база индустриализации!» Советские вожди на Уралмашзаводе в 1930-е годы. С. 29.

находя ключ к каждому человеку» (так, рабочего, чья жена сохраняла в деревне единоличное хозяйство, Каганович немедленно упрекнул в том, что «вы и здесь в стороне держитесь, вот и сейчас в углу одиноко пригорюнились, а на заводе нельзя быть единоличником!»)⁶⁴⁶. Однако на Уралмаше, отметившем, по словам С. С. Агеева, визиты Молотова, Ворошилова, Калинина и Орджоникидзе соответствующим наименованием улиц, Каганович не удостоился даже переулка⁶⁴⁷. Каганович,

в начале 1930-х гг. курировавший вопросы партийного строительства и одновременно занимавший важнейший пост руководителя Москвы (в этом качестве он также являлся главным авторитетом по вопросам градостроения

«Железный Лазарь» навестал упущенное после 1935 г., когда был назначен главой наркомата путей сообщения, соединив, таким образом, свое колоссальное политическое влияние с административной мощью, простиравшейся до самых отдаленных уголков страны. Теперь имя железного сталинского наркома начало творить чудеса, а по стране покати́лся вал переименований! Пермская железная дорога была 11 марта 1936 г. переименована в честь Л. М. Кагановича. Конечно же, трудящиеся Свердловской области встретили переименование «бурным и радостным подъемом». Носить имя Кагановича – высокая честь, которая была завоевана «стахановцами-кривонососцами уральской магистрали в упорной борьбе» под руководством самого «победоносного наркома», «каждодневно учившего больших и “малых” работников железнодорожного транспорта работе по-сталински», и которая вывела бывшую Пермскую дорогу из отсталых в передовые. Новое имя накладывает на уральских железнодорожников еще большие обязательства – теперь дорога «должна работать только с перевыполнением», «не должна знать срывов твердого графика», а поезда обязаны ходить по точным расписаниям⁶⁴⁸. Отделаться какими-нибудь общими словами о борьбе с летунами и рвачами у работников железной дороги не получилось: обязательства, связанные с переименованием, были с большой точностью зафиксированы в специальном приказе по НКПС, вышедшем 14 марта 1936 г. и подписанном заместителем Кагановича, Н. Н. Зиминым⁶⁴⁹. Переименование дороги было приурочено также с стартом всесоюзной стахановской декады на железных дорогах, о ходе которой на дороге имени Кагановича «Уральский рабочий» аккуратно информировал читателей в последующие дни. Итоги декады на Урале подвел В. П. Шахгильдян, в 1933 г. бывший первым секретарем райкома в Березниках и отвечавший за пуск химического гиганта, а с 1935 г. возглавивший Пермскую железную дорогу, теперь сменившую имя⁶⁵⁰.

Что Молотов и Каганович! Вся система управления наркоматом тяжелой промышленности эпохи Г. К. Орджоникидзе опиралась на бесконечные личные поездки по индустриальным объектам. Эти знаменитые поездки и визиты наркома (только на Уралмаше он побывал четырежды!⁶⁵¹), до сих пор играющие очень важную роль в исторической памяти на предприятиях Урала, заслуживают отдельного изучения.

⁶⁴⁸ Высокая честь // Уральский рабочий. № 60 (6196). 14 марта 1936 г.

⁶⁴⁹ О переименовании Пермской железной дороги в дорогу имени Л. М. Кагановича // Уральский рабочий. № 62 (6198). 16 марта 1936 г.

⁶⁵⁰ Шахгильдян В. П. Итоги стахановской декады // Уральский рабочий. № 70 (6206). 26 марта 1936 г.

⁶⁵¹ Агеев С. С. «Замечательный завод, какая база индустриализации!» Советские вожди на Уралмашзаводе в 1930-е годы. С. 28.

Так, на страницах «Былей горы Высокой» о визите наркома на рудники Нижнего Тагила вспоминал директор рудника А. А. Давыдов. «Этот хотя и недолгий приезд товарища Орджоникидзе на гору Высокую сказался на выполнении промфинплана. Рабочие рудника в ознаменование приезда наркома резко подняли производительность своего труда. Кадровые горняки Высокогорского рудника восприняли посещение их предприятия товарищем Орджоникидзе как хозяйский контроль со стороны ЦК партии и правительства над использованием механизации горняками Высокой». Горняки захотели показать наркому свой новый уровень овладения техникой, но в тот визит показать ничего особенного не удалось. Шеф взрывников Н. К. Долженков вспоминал, что еще тогда они готовились продемонстрировать мастерский подрыв породы, но Орджоникидзе зайти к взрывникам не успел. «Я шибко был недоволен таким делом, – сетовал Долженков. – Страшно досадно было. Жалел, что нарком не посмотрел, до чего мы дошли во взрывных работах. Ведь каждый своим делом гордится, интересуется»⁶⁵². Это было летом 1933 г., а уже через год, в августе 1934 г., Долженкову все же представился случай показать Орджоникидзе свое мастерство: Серго приехал в Тагил, и начальство Востокоруды захотело показать ему взрыв. Долженков думал, что Орджоникидзе хочется «посмотреть грандиозный взрыв» и предложил всем поехать на рудник, обещав «устроить взрыв на 20 тонн аммонала».

Но дело оказалось в другом: Орджоникидзе поставил руководству Вагонстроя на вид, что экскаваторы на постройке цеха тяжело литья не используются на полную мощность – котлован копают кайлом и лопатой, тогда как лучше было бы подорвать породу и выгрести все экскаваторными ковшами. Однако руководство Уралвагонстроя убеждало наркома: порода на стройке взрывам не поддается, и тогда Орджоникидзе настоял на том, чтобы при нем произвели показательный взрыв. Результат оказался таким, как нарком и предсказывал, и Орджоникидзе с удовольствием приводил эту историю на всесоюзном совещании работников тяжелой промышленности 20 сентября 1934 г. как пример подхода к механизации труда, подытожив: «Лопатой, киркой много не сделаешь»⁶⁵³. Впрочем, тагильский эпизод в этой пространной речи был лишь одним из массы аргументов, понуканий, призывов, которыми нарком старался воодушевить хозяйственный актив своего ведомства.

⁶⁵² Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. М.: Гос. изд-во «История заводов», 1935. С. 404.

⁶⁵³ Орджоникидзе Г. К. Мобилизовать резервы тяжелой промышленности, выполнить и перевыполнить годовой план // Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. Т. 2. С. 595.

Горняцкое начальство решило продемонстрировать обратное и, видимо, доказать, что их подрывники лучше подрывников треста «Взрывпром», у которых ничего на котловане Вагонки не вышло. Долженкову пришлось готовить взрыв в чрезвычайно короткий срок, не зная ни того, какая порода на стройплощадке Вагонки, ни высоты забоя, ни иных технических параметров.

В 13.00 рудничное начальство в кабинете директора поставило задачу Долженкову, а уже в 16.00 часов («стрелка падает да падает. У-у, ты!») Долженков с товарищами на лимузине с привязанными к бортам бурами поехал на Вагонстрой. Конечно, вагонстроевские прорабы попытались «подложить свинью» доблестным подрывникам (кому же хочется опозориться перед наркомом) и отвели наиболее твердые участки породы для бурения. Но Долженков мотивировал бурильщиков все тем же волшебным именем («Знаете, ребята, по чьему заданию вы делаете? По заданию Орджоникидзе! Давай, ребята, дуй!»), воззвал к высокогорскому производственному патриотизму и, разбив бурильщиков на две «ударные бригады», ухитрился пробурить скважины на 2,5 м за два часа. Время летит!

К 19.00 скважины были готовы; Орджоникидзе задерживался на собрании партактива, и бурильщики засыпали в скважины по три килограмма аммонала. Не двадцать тонн, конечно, но у Долженкова «на сердце отлегло», хотя он и продолжал «сидеть над скважинами, как курица над цыплятами», чтобы никто не наступил на капсюли.

Серго ждали к 23.00, но он, как и полагается мифологическому существу, появился только в полночь, в окружении большой делегации руководящих работников. Долженков подал сигнал «пикулькой» вместо обычно принятых на руднике сирен и рожков, и «последовал глухой сильный взрыв», которым «выдрало все до самого дна». Орджоникидзе оказался прав, и директору Вагонстроя Л. М. Марьянину пришлось признать, что взрывать грунт можно⁶⁵⁴.

---

⁶⁵⁴ Об этой истории вспоминал – не называя, правда, высокогорцев в числе героев – главный инженер Уралвагонстроя Дмитриев, на страницах заводской газеты поздравляя «любимого наркома с юбилеем»: «Я никогда не забуду случая, имевшего место на постройке большого тоннеля выбывного отделения цеха крупного литья... Тов. Серго, осматривая на месте эти работы, потребовал от нас такой организации их, при которой все они были бы полностью механизированы, и дал конкретные указания, как это сделать – “взорвать на выброс одну часть, а другую взрывом растрести так, чтобы можно было бы выбрать экскаватором”. Работы, сделанные по указаниям наркома, прошли исключительно удачно» (Дмитриев. Жизнь Серго – образец для трудящихся // Вагоногигант. № 251 (890). 28 октября 1936 г.). Рядом с этим материалом, впрочем, была помещена заметка экскаваторщика-стахановца Ф. Эрсмана об этом же сюжете; здесь высокогорцы, готовящие взрыв, были упомянуты, хотя Эрсман не забыл написать и о том, что во время подрыва породы нарком отошел именно за его, Эрсмана,

Это был не конец: по закону мифа ударник должен был встретиться с вождем лицом к лицу. «Из группы выделился человек и пошел к нам навстречу, высокий, дородный, с приятным таким взглядом. По-просецки подходит к нам и начинает жать обоим руки». Долженков и его помощник Сандригайло «очумели» и в ответ на просьбу наркома оказать Вагонке «соцпомощь» смогли только «мычать, не помню что»⁶⁵⁵.

Рис. 47. Орджоникидзе и подрывники на Уралвагонзаводе. Были горы Высокой.

Момент встречи с наркомом был запечатлен на специальной иллюстрации в книге: Серго в своей знаменитой фуражке с красной звездой жмет руку молодому рабочему в кепке. Наконец, Орджоникидзе уехал на машине, а взрывники «в приятном таком ощущении тоже отправились восвояси», и, конечно же, «крепко помогли» Вагонке подготовить котлован.

Култ вождей выросал непосредственно из грандиозного напряжения стройки начала 1930-х гг. Имена вождей, их личное присутствие – в первую очередь это касалось Орджоникидзе, непосредственно руководившего индустриализацией, – служили мотиваторами, приобретая едва ли не магическое значение. Можно сделать вывод о том, что культы вождей,

включая и сам сталинский «культ личности», возникали не только из-за мегаломании большевистских руководителей или усиления авторитаризма. У культа вождей был прикладной аспект: вера в особую харизму и особые качества правителей страны, усердно поддерживавшаяся всеми видами советских медиа, была еще одним способом стимулировать строительство. Сегодня может показаться странным, что кто-то в соцгородах Большого Урала, посреди холодных бараков, пустых прилавков и хулиганских бесчинств, мог рассчитывать на то, что имя Молотова или Орджоникидзе придаст рабочим бригадам новые силы. Однако именно таким образом работала мифологическая систе-

---

экскаватор. Сюжет о том, как Орджоникидзе повернул ход события на стройке Вагонки, посоветовав подорвать грунт, попал и в классическую художественную биографию авторства Я. Резника, правда, горняки-высокогорцы и тут не упоминаются (Резник Я. Народный комиссар. Повесть о Серго Орджоникидзе. Свердловск: Средн.-Урал. кн. изд-во, 1965.С. 86).

⁶⁵⁵ Были горы Высокой. С. 408.

ма, и сталинский культ, к концу 1930-х гг. поглотивший все остальные элементы мифологии, не стал бы столь огромным, если бы не использовался тысячи раз во всех уголках страны для того, чтобы призывать, торопить, стыдить и заклинать строителей социализма.

ДАТЫ И ПРАЗДНЕСТВА

Соцгород располагал также собственным календарем, организовавшим городскую жизнь. Вехами этого календаря были ключевые даты – праздники. Современная исследовательница И. Н. Пронина отмечает, что советский праздник при всей своей динамичности вырабатывает «циклически-консервативный ритуал движения», порождающий «историческую непрерывность» и, таким образом, одновременно является утверждением динамизма истории и статической системой, основанной на повторяемости и символизме⁶⁵⁶.

Именно набор значимых дат определял календарь общественной жизни в социалистическом городе. Каковы же были основные даты этого календаря событий? Ключевое место занимали два важнейших праздника – Первомай и Октябрь. К этим дням были приурочены массовые мероприятия. Кроме того, отмечались такие общесоюзные даты, как День Красной Армии и Флота (23 февраля), День солидарности трудящихся женщин (8 марта), международный красный день против империалистической войны (1 августа), международный юношеский день (МЮД, подвижная дата в сентябре, с 1933 г. – 1 сентября⁶⁵⁷). С 1936 г. к ним присоединится День конституции (5 декабря).

Были и другие памятные даты – таковы 18 марта (годовщина Парижской коммуны, которая считалась днем МОПРа) и 23 июня (интернациональный день пролетарской солидарности). К примеру, 18 марта 1933 г. магнитогорская газета «За металл» вышла под лозунгом «Под знаменем партии, во главе с лучшим ленинцем – Сталиным – вперед к мировой коммуне!» Здесь же была напечатана история Коммуны по месяцам. Драматическая история о гибели Коммуны под ударами версальцев обычно служила прологом для оптимистического заключения о близком реванше: «Сейчас не то время, которое было шестьдесят четыре года назад... Капитализм идет

⁶⁵⁶ Пронина И. Н. Массовый праздник в советской социокультурной модели // Вестник Челябин. гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. 2015. № 19. С. 115.

⁶⁵⁷ О праздновании МЮД в Советском Союзе см.: Можаяева Л. А. Антимилитаристская борьба и международная солидарность молодежи в политическом фокусе международного юношеского дня // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2014. № 7. С. 93–102.

к гибели. А на одной шестой части земного шара под руководством великой партии Ленина – Сталина, под руководством гениальной Сталина, бурно развивается могучая социалистическая страна – Советский Союз – отечество всех трудящихся и угнетенных всего мира. Она служит яркой путеводной звездой для борющихся за свое освобождение пролетариев капиталистических стран и угнетенных народов колоний»⁶⁵⁸. И – развивала ту же тему уже челябинская газета в 1934 г. – в этот день каждый советский трудящийся «должен спросить себя: а что сделал я для помощи своим зарубежным братьям и сестрам для укрепления братского союза с пролетариатом других стран? Как выполняю я свои международные обязанности?»⁶⁵⁹

В день интернациональной пролетарской солидарности, который возник, по-видимому, в середине 1930-х гг., обычно подводили итоги соревнованиям на красные знамена, присланные из-за рубежа. Ясной привязки у него не было: на первом слете черной металлургии Урала в апреле 1935 г. говорилось о том, что «опыт прошлого года, когда в течение двух с половиной месяцев между металлургическими заводами нашей области шла борьба за знамя американской секции Межрабпома, закончившаяся передачей этого знамени в международный день солидарности Надеждинскому заводу, показал, как можно увязать интернациональную работу с борьбой за успехи производства. Надеждинский, Лысьвенский, Чусовской, Кушвинский, Тагильский заводы, ВИЗ и Уралмашзавод, без сомнения, помнят еще тот энтузиазм, который вызвало в прошлом году вручение делегацией Межрабпома лучшим ударникам почетных грамот и подарков американских рабочих». Новое соревнование за переходящее знамя планировалось завершить к 23 июня 1935 г., очередному дню интернациональной солидарности⁶⁶⁰. Однако вручение красного знамени надеждинцам прошло в 1934 г. не 23, а 3 июня (об этом подробно говорится в следующем параграфе). В тот же день об этом сообщил и «Уральский рабочий» как о составной части третьего конкурса уральских металлургов, которому присутствие Межрабпома добавляло ценности. Как бы то ни было, дата интернационального дня солидарности не была устоявшейся, и хотя в 1935 г. «Уральский рабочий» щедро выделил место для освещения праздника, несмотря на то, что в разгаре было такое важное событие, как съезд ударников колхозов, в последующие годы мы этой даты не находим.

⁶⁵⁸ День Парижской коммуны – день МОПРа // Вагоногигант. № 63 (501). 18 марта 1935 г.

⁶⁵⁹ Парижская коммуна – день МОПР // Челябинский рабочий. № 39. 18 марта 1934 г.

⁶⁶⁰ Зиринг И. Кто возьмет знамя? // Уральский рабочий. № 83 (5918). 10 апреля 1935 г.

На Большом Урале к этому набору добавлялась и специфически уральская дата – годовщина изгнания с Урала «колчаковских банд». Дата освобождения Урала от колчаковцев была важной – достаточно сказать, что именно к ней был приурочен пуск гигантского Уралмаша⁶⁶¹. К этой дате обычно планировали и праздничные мероприятия. Например, в Березниках в 1931 г. двенадцатилетие изгнания Колчака с Урала отмечали так: утром прошли «детские утренники-гулянья», после окончания рабочего дня на каждом предприятии состоялись 10-минутные митинги «о героической борьбе рабочего класса с колчаковскими бандами». После митингов колонны заводов должны были стягиваться «в организованном порядке», с флагами и лозунгами, к клубу железнодорожников, где заседала районная партконференция. Некоторым из колонн пришлось бы проделать порядочный путь, чтобы к 18.30 прибыть к клубу! В 19.00, когда все колонны должны были собраться на площади около клуба, начинался общий митинг все на ту же тему изгнания Колчака с Урала. А после митинга, с 20.00, проходили массовые гулянья уже для взрослых, с физкультурными выступлениями, играми и бесплатным показом кино⁶⁶².

Памятные даты также были поводом для советских медиа сравнить *старое* и *новое*. Так, тагильская газета «Вагоногигант» писала 15 июля 1933 г., в день 14-летия изгнания колчаковцев с Урала «Лицо Урала изменилось до неузнаваемости. Край ссылки, каторги, дикости, каким он был до советизации, Урал под руководством Центрального комитета нашей партии, во главе с т.т. Лениным, Сталиным превратился в один из важнейших и решающих центров Советского Союза. Там, где были непроходимые леса, тайга, – появились невиданные в мире индустриальные гиганты – Магнитогорский металлургический комбинат, Челябинский завод гусеничных тракторов, Уральский завод тяжелого машиностроения, пуск которого как раз состоится сегодня, новые мощные электростанции, химкомбинаты, шахты, рудники, фабрики, города и, наконец, наш завод – Уралвагонстрой. Урал становится родиной новых гигантов социализма»⁶⁶³. Заметка заканчивалась напоминанием о международном контексте: капиталисты «ищут выхода из кризиса в войне против СССР», поэтому строители Вагонки должны работать лучше и готовиться к обороне!

⁶⁶¹ Конечно, «это было больше мероприятие, чем реальное событие. Завод работал ведь и до 15 июля 1933 г... Еще в 1931 г. были пущены литейные цеха. Цеха вводились в эксплуатацию постепенно, один за другим. И к 15 июля далеко не все были готовы на сто процентов» (Агеев С., Бриль Ю. Неизвестный Уралмаш. История и судьбы. С. 171).

⁶⁶² План празднования 12 годовщины освобождения Урала от колчаковских банд, по Березникам // Ударник. № 155 (1654). 14 июля 1931 г.

⁶⁶³ Пролетарский праздник Урала // Вагоногигант. № 60 (147). 15 июля 1933 г.

В тот же день красноуральская газета «Гигант» напоминала читателям: «Победы над Колчаком уральского пролетариата подняли уверенность рабочих и крестьян Сибири, продолживших окончательный разгром колчаковских банд». Этим историческим победам уподоблялись одержанные за 14-летний срок исполинские победы на фронте социалистического строительства под руководством «партии и гениальнейшего ее вождя т. Сталина»: «Пролетариат Урала, обеспечивший Красной Армии победу над Колчаком, по зову правительства и партии приступает к упорной работе по коренной переделке “Демидовского Урала” и превращению его в форпост передовой социалистической индустрии и крупного земледелия»⁶⁶⁴.

Празднование даты освобождения от Колчака как важнейшего праздника Большого Урала иногда стимулировало интерес к недавней истории. 14 июля 1932 г. в городской газете «Пролетарий» были напечатаны фрагмент «Истории Надеждинского завода» и (под заголовком «Жуткая страничка пребывания колчаковских банд в Надеждинске») воспоминания врача Соловьева. Центральной фигурой был белый командир полковник Н. Н. Казагранди – именно его «Боевая колонна» в ноябре 1918 г. заняла территорию Верхотурского уезда⁶⁶⁵. Впрочем, 14-летие краха «диктатуры виселицы, пыток и расстрелов» надеждинцы отметили скромно – городская «Сталь» поместила письмо от коллектива мартена, который в честь знаменательной даты занялся на субботнике «очисткой цеха от завали и хлама»⁶⁶⁶.

Помимо ежегодных праздников, формировавших повторяющийся цикл, в календаре соцгорода были и *юбилеи*. В декабре 1930 г. «Челябинский рабочий», поздравив ОГПУ с 13-й годовщиной основания, старательно перечислял трудовые коллективы, взявшие себе имя «верного стража революции»: две бригады на ЧГРЭС, на Баландинских мраморных разработках, а на ЧТЗ сразу производственная коммуна, рабкоровская бригада и сквозная смена мехкомбината, к тому же «первая ударная комсомольская бригада Тракторостроя начала формирование второго батальона энтузиастов-рационализаторов имени ОГПУ»⁶⁶⁷. А в 1935 г. отмечалось 30-летие революции 1905 г.; номер «Уральского рабочего», посвященный декабрьскому вооруженному восстанию на Пресне 1905 г., использовал эффектный прием – в черно-белой газете был перепечатан знаменитый рисунок М. Добужинского «Октябрьская

⁶⁶⁴ Крепить оборонную мощь страны // Гигант. № 158(650). 15 июля 1933 г.

⁶⁶⁵ Пролетарий. № 155 (411). 14 июля 1932 г.

⁶⁶⁶ Сталь. № 62 (204). 14 июля 1933 г.

⁶⁶⁷ На знаменах ударных бригад – имя ОГПУ // Челябинский рабочий. № 305 (1472). 20 декабря 1930 г.

Рис. 48. «Парижская Коммуна».
Ударник. 18 марта 1936 г.

Рис. 49. Первомайский выпуск городской газеты. Пролетарская мысль. 1 мая 1935 г.

идиллия»⁶⁶⁸. Сам рисунок был тщательно ретуширован, а вот пятна крови на стене и мостовой – прокрашены красным⁶⁶⁹. 4 июля 1935 г. отмечали 30-летие восстания на броненосце «Потемкин».

Но наиболее важными были, конечно, юбилеи вождей. В феврале 1931 г. 50-летие наркома обороны К. Е. Ворошилова вызвало подъем энтузиазма у целого ряда трудовых коллективов Урала – рабочие гранитной фабрики в Свердловске «перечислили на дирижабль “Клим Ворошилов” половину дневного заработка и организовали новую ударную бригаду имени наркомвоенмора»⁶⁷⁰, а коллектив 1-го калийного рудника в Соликамске обещал наносить сокрушительные удары по «расхлябанности, безответственности, прогулам, летунам, рвачам на производстве» (не взяв, правда, никаких конкретных обязательств)⁶⁷¹.

⁶⁶⁸ Впервые рисунок был опубликован в журнале «Жупел» № 1, 1905 г.

⁶⁶⁹ Уральский рабочий. № 295 (6130). 24 декабря 1935 г.

⁶⁷⁰ Новые ударные бригады, новые колхозы имени тов. Ворошилова // Уральский рабочий. № 35 (4538). 5 февраля 1931 г.

⁶⁷¹ Боец, воспитанный партией Ленина // Ударник. № 29 (1528). 5 февраля 1931 г.

Впрочем, из всех юбилеев, случившихся в годы первых двух пятилеток, наиболее широко отмечалось 50-летие Г. К. Орджоникидзе. Газеты публиковали письмо 168 000 уральских рабочих, обращенное к «дорогому товарищу Серго»: «Для нас, уральских рабочих, отцы и деды которых в темных казематах каторжных уральских заводов гнули горб на Демидовых и Строгановых, для нас, для наших детей и внуков, особой гордостью является то, что мы являемся участниками коренной переделки седого Урала, ставшего ныне Уралом самой передовой социалистической индустрии и культуры – сталинским Уралом. <...> Громя врагов, мы победоносно осуществили сталинскую идею, мы одержали победы на лесах Магнитки, на площадке Тракторного, на стройке Уралмаша, на стройке Ворошиловского химкомбината, в Перми, которая окружена сейчас кольцом индустриальных предприятий, в Тагиле, где создан крупнейший индустриальный узел, на Вишере, где созданы форпосты индустрии. В самых глухих углах Урала мы одержали и одерживаем победы... И ты всегда был с нами, организовывал и учил нас, как выполнять указания нашего великого Сталина»⁶⁷². Поздравительный номер «Уральского рабочего» от 28 октября 1936 г. содержал хвалебные статьи авторства видных уральских хозяйственников – директора пермского завода имени Сталина И. И. Побережского⁶⁷³, руководителя калийного комбината в Соликамске В. Е. Цифриновича; а также целую подборку фотографий Серго на крупнейших уральских заводах – Уралмаше, Вагонстрое, Красноуральском медеплавильном, Пермском имени Сталина, Первоуральском новотрубном, ЧТЗ.

Само собой, стахановцы Урала показали в честь юбилея наркома ряд чудес – на Уралмаше строгальщик Ногин выполнил сменное задание на 383 %, работники ТЭЦ Уралвагонзавода досрочно выполнили октябрьскую программу по выработке электроэнергии, а в Лысьве на заводе имени газеты «За индустриализацию» вальцовщик Денисов прокатал 4 102 листа, выполнив задание на 157 %⁶⁷⁴. Кроме того, как мы видели выше, тагильчане предложили в честь юбилея переименовать свой город в Орджоникидзевск. Словно бы суммируя историю о советских праздниках, передовая статья «Уральского рабочего» восклицала: «Все больше условий к тому, чтобы большинство рабочих передовых предприятий встали в стахановские ряды.

⁶⁷² Трудящиеся сталинского Урала любовно приветствуют товарища Серго. Письмо 168 тысяч рабочих, работниц, инженеров // Уральский рабочий. № 249 (6385). 28 октября 1936 г.

⁶⁷³ Подробнее о биографии И. И. Побережского и об истории его гибели в годы Большого террора см.: Лейбович О. Л. Охота на красного директора. Пермь: ИЦ «Титул», 2017.

⁶⁷⁴ Стахановцы области отметили юбилей железного наркома // Уральский рабочий. № 250 (6386). 29 октября 1936 г.

Все новые победы одерживают они на славном пути от одной замечательной даты к другой. Пятидесятилетие любимого нарком тов. Орджоникидзе. Годовщина великого Октября. Чрезвычайный съезд советов. Годовщина исторической речи товарища Сталина на первом всесоюзном совещании стхановцев промышленности и транспорта... Каждый гражданин нашей родины от всего сердца стремится достойно отметить эти незабываемые события»⁶⁷⁵.

Однако календарь праздничных дат организовывал не только общественную, но и производственную жизнь соцгорода: «В ходе праздника формировалось новое отношение к “празднику” как к труду: в праздник можно и нужно было работать, трудовые свершения стали называться праздником»⁶⁷⁶. Праздничные

даты давали еще одну возможность стимулировать работников, ставя им четкий и ясный ориентир. Хрестоматийным примером такого использования дат является, конечно, знаменитый строительный штурм в Магнитогорске, предпринятый осенью 1931 г. – отчаянная попытка нового руководителя Магнитостроя Я. С. Гугеля пустить завод в кратчайший срок, использовав в качестве своеобразного маяка годовщину Октябрьской революции. Это была, возможно, самая эпическая календарная гонка из всех, какие видел Урал эпохи индустриализации: ведущая областная газета «Уральский рабочий» ежедневно публиковала сводки о ходе строительного штурма. Строительство подстегивалось соревнованием между ударными бригадами; ударники соревновались за красное знамя Веддинга, рабочего пригорода Берлина, известного как

Рис. 50. Выпуск газеты в честь годовщины Октября. Ударник. 7 ноября 1934 г.

⁶⁷⁵ Соревнование сталеваров // Уральский рабочий. № 250 (6386). 29 октября 1936 г.

⁶⁷⁶ Барышева Е. В. Мир идеалов советского праздника (к вопросу конструирования социальной реальности) // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 223.

оплот германских коммунистов. 7 ноября статья за подписью Гугеля, секретаря парткома Карклина и начальника стройкома Зимина сообщила: «Магнитогорский металлургический и коксохимический комбинат ко дню 14 годовщины Октября вступает в испытательную проверку»⁶⁷⁷. К этой же магической дате спешили пустить агрегаты и строители мощнейшей ТЭЦ Березниковского химического комбината⁶⁷⁸.

Но это могли быть и даты вне привязки к календарному циклу. Например, к областной партконференции 23 января 1932 г. перевыполняли план красноуральские строители, а на челябинских коях «приступили к вырубке камер» для подземных столовых⁶⁷⁹. В честь XVII съезда партии коллектив яслей Надеждинского металлургического завода «Металлист» в числе 60 человек обязался воспитать детей рабочих «в чистоте, порядке и культурно, одним словом, создавать за детьми материнский уход». Коллектив «Металлиста» немедленно вызвал на соревнование все остальные ясли и детсады – призом в соревновании должно было стать право носить имя XVII съезда⁶⁸⁰.

17 декабря 1933 г. ЧТЗ проводил у себя «вечер встречи гигантов первой пятилетки»; это мероприятие должно было быть посвящено обмену опытом, однако параллельно прибытие «лучших людей» с соседних челябинских заводов должно было стимулировать рабочих организации-хозяйина: «О чем мы скажем на этом вечере встречи, если будем работать так, как сегодня?. Каждое отделение, каждый рабочий должны завоевать право на участие в этой встрече повышением производительности, качеством своей работы и безусловным выполнением ежедневного графика подачи деталей на сборку»⁶⁸¹.

Циклические праздники, годовщины важнейших речей и выступлений глубиной в 1–2 года, даты проведения съездов, спонтанно возникающие праздники наподобие «дня интернациональной солидарности», юбилеи... Все эти даты формировали своеобразный календарь соцгорода, который опять-таки был ориентирован на то, чтобы стимулировать строителей социализма; каждая дата была вехой, в которую полагалось добиться тех или иных успехов, подвести итоги соревнования, вручить подарки и грамоты. Для того чтобы сделать

⁶⁷⁷ Гугель, Карклин, Зимин. Стройка первой очереди Магнитостроя закончена // Уральский рабочий. № 304 (4805). 7 ноября 1931 г.

⁶⁷⁸ Харитонов. Ударники Березников встречают Октябрь большевистскими победами // Уральский рабочий. № 303 (4804). 5 ноября 1931 г.

⁶⁷⁹ Множатся производственные победы имени областной партконференции // Уральский рабочий. № 16 (4862). 19 января 1932 г.

⁶⁸⁰ Сталь. № 114 (155). 10 декабря 1933 г.

⁶⁸¹ 17 декабря встреча гигантов первой пятилетки // Наш трактор. № 254 (744). 13 декабря 1933 г.

стимулирование более эффективным, использовались разные стратегии – риторическое противопоставление старого и нового, обращение к международному контексту, воспоминания о героическом прошлом.

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Любая заводская или городская газета в провинции обязательно информировала читателей о международном положении. В центре внимания находилось международное рабочее движение.

Устойчивые темы – германская, китайская – перемежались с материалами со всего мира, создававшими ощущение перманентного кризиса, полыхающего на всех континентах. Суммирование и обобщение материалов о кризисах и восстаниях в разных частях мира заслуживает отдельного научного труда, поэтому ниже мы приведем лишь несколько примеров. Так, 27 июня 1930 г. на страницах «Челябинского рабочего» были – под рубрикой «Страна Советов в лесах социалистической стройки» – опубликованы фотографии крупных конструктивистских зданий, вновь выстроенных в Дзержинске (химический техникум и фабрика-кухня), и нового нефтеперегонного завода в Баку; сразу под фото были помещены материалы с говорящими названиями: «Разгул британской военщины», «Банда политических жуликов наступает на рабочих», «Новые победы китайской Красной Армии» и другие⁶⁸².

В 1930 г. газеты сообщали о борьбе «греческих табачников» с полицией («На смену», 21 марта), о «победе повстанцев в Боливии» («Челябинский рабочий», 30 июня) о «восстании в Египте» («Челябинский рабочий», 3 августа) и множестве других вспышек социального недовольства угнетенных масс во всех уголках света. В сентябре 1931 г. началось восстание на флоте Великобритании; соответствующая заметка в «Уральском рабочем» от 18 сентября 1931 г. сопровождалась рисунком, на котором бравый моряк срывает с мачты британский вымпел. В том же номере газеты автор заметки «Два мира» яростно критиковал «смертоносную систему капиталистической организации» и, в частности, видного американского специалиста по вопросам организации труда Э. Стюарта⁶⁸³, который «выпустил исключительный по своему цинизму труд о рабочих ав-

⁶⁸² Челябинский рабочий. № 156 (1323). 27 июня 1930 г.

⁶⁸³ Э. Стюарт возглавлял в 1920-х гг. Бюро статистики труда США и публиковал главным образом сводные обзоры индексов цен и данных о заработной плате. Хотя автоматизация производств, безусловно, находилась в сфере интересов Стюарта, не вполне ясно, какую именно его работу упомянутая заметка сочла «исключительной по своему цинизму».

томатах». Рационализация и интенсификация производства, по мнению советского публициста, радуют «Фордов всех стран», так как идеальный рабочий для них – «покорный раб, немслящее существо, идиот»: «Капитализм создал систему открытого грабежа жиз-

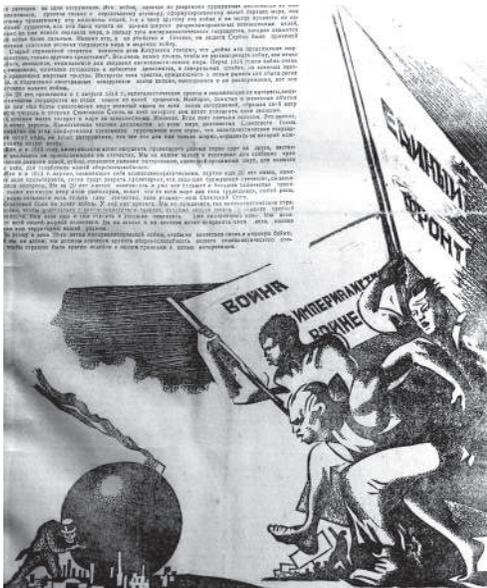

Рис. 51. Война империалистической войне. Единый фронт. За тяжелое машиностроение. 1 августа 1934 г.

в Западной Европе. Общая манера информировать о международных делах претерпела изменения: статьи оставались достаточно спокойными по своему тону пересказами иностранных газет, а вот заголовки по-прежнему имели кричащий характер. Тем не менее, пресса все так же бичевала происки империалистов; исключением оставалась Турция – едва ли не единственная дружественная по отношению к СССР страна, и прессе приходилось специально перепечатывать материалы, разъясняющие читателям этот особый статус Анкары⁶⁸⁵. Читатели заводских и городских газет могли в деталях следить за ходом

производства. Он превратил производство в цивилизованную каторгу. Но капиталистическая фабрика-каторга – высшая ступень жизненного благополучия рабочих капиталистических стран. Миллионы безработных готовы добровольно надеть на себя кандалы капиталистической рационализации, чтобы получить кров и кусок хлеба»⁶⁸⁴.

К середине 1930-х гг. международный фокус сместился: советские вожди больше не ожидали немедленного краха капитализма, а перед лицом нарастающей гитлеровской угрозы СССР начал искать союзников

⁶⁸⁴ Вад. З. Два мира // Уральский рабочий. № 118. 28 апреля 1931 г.

⁶⁸⁵ Так, 30 августа 1935 г. «Саткинский рабочий» перепечатал статью из «Комсомольской правды», озаглавленную «На чем основана дружба СССР с Турцией».

вторжения Италии в Эфиопию, за перипетиями гражданской войны в Испании. Международный кризис оставался для советской культуры довоенной поры лейтмотивом, и к концу 1930-х гг. тема войны начала нарастать. Например, челябинский горсовет начинал свой отчет за 1938 г. со следующих утверждений: «Отчет городского совета проходит в период начала новой империалистической войны за передел мира. Италия, захватив Абиссинию, продолжает интервенцию в Испании; Япония, вот уже второй год подвергая ужасам войны многомиллионное население Китая, покушается на независимость китайского народа; Германия, оккупировав без единого выстрела Австрию, часть территории Чехословакии, привлекая к агрессивной политике Польшу, Венгрию, Италию, стремится втянуть мир в новую мировую бойню. Буржуазно-демократические страны – Англия, Франция, предавая своих союзников (Чехословакия и др. страны), путем уступок агрессорам пытаются “смягчить” напряженное международное положение и тем спасти свое господство. Но позиция уступок не “смягчает”, а разжигает агрессивные элементы Германии, Италии, Японии и Польши и приближает мировую бойню»⁶⁸⁶. До нападения Германии на Польшу оставалось чуть меньше года.

Мировые новости давали дополнительную возможность противопоставить ужасы капитализма процветанию социализма. Иногда это противостояние старались изобразить визуальными средствами. В городской газете Надеждинска «Пролетарий» 7 ноября 1932 г. поместили в шапке первой страницы большой рисунок, детально визуализировавший противостояние капитализма и социализма. Сталин в фуражке и расстегнутой шинели стоит в профиль на фоне дымящихся труб и огромных доменных печей, воспроизводящих реальный облик Надеждинского завода; рядом рабочие тащат металлическую балку. В глубине иллюстрации, как бы над заводскими воротами, видны большие буквы «СОЦИАЛИЗМ»; женщина в платке и рабочий в кепке красят их, поднявшись на стремянку. Над трубами и шахтами парят аэропланы. Слева виден черный силуэт фигуры Ленина, меньшей по росту, чем Сталин, и повернутой к нему лицом.

Ленин и фрагмент знамени с буквами «XV Окт...» являются границей, и слева от нее начинается мрачный капиталистический мир. Красноармеец, стоящий на границе, штыком отбрасывает от границы двух усатых польских панов в конфедератках, размахивающих саблями. За их спиной видна, судя по головным уборам, французская женщина с пушкой и священник с крестом; но еще глубже разгораются

---

⁶⁸⁶ Отчет челябинского горсовета РК и КД перед избирателями. Челябинск: 1-я тип. Челябинполиграфтреста, 1938. С. 3.

Рис. 52. Строительство социализма в СССР и мировая революция. Пролетарий. 7 ноября 1932 г.

классовые бои – суматоха демонстрации. знамя со сжатым кулаком («Рот Фронт») и надписью по-немецки «Wir wollen frei des RFB»⁶⁸⁷. Социалистическое строительство, вожди, враждебные вылазки извне и грядущая революция на Западе, застрельщиком которой выступит пролетариат Германии – все основные темы советской политической культуры 1932 г. были старательно отражены в этой иллюстрации.

Статьи первой полосы надеждынской газеты разъясняли этот же вопрос в следующих словах: «Сегодня на счетах мира подводится два итога. Мы и они. Мир загнивающего капитализма старческими пальцами перебирает костяшки счетов. Итоги для них тяжелые, опустошающие. Фундамент капиталистической индустрии – металлургия – крепко осел. <...> Подводим итоги мы. Мы отвоёвали возможность строительства нового мира на баррикадах Октября, мы отстаивали этот нарождающийся мир на фронтах гражданской войны, мы строили и строим этот новый невиданный мир в капиталистическом окружении под градом провокаций, вредительств, клеветы капиталистического мира и при растущей симпатии мирового пролетариата СССР. И мы уже выстроили фундамент этого нового мира, мы приступили к возведению грандиозного здания, именуемого социалистическим бесклассовым обществом»⁶⁸⁸.

Охотно использовали противопоставление и коминтерновские лидеры, постоянно обращавшиеся к советским трудящимся через

⁶⁸⁷ Аббревиатура RFB расшифровывается как «Roter Frontkämpferbund» («Союз красных фронтовиков»), боевая организация германской компартии, к 1932 г. уже три года находившаяся в Германии на нелегальном положении. Эмблемой RFB как раз и был сжатый кулак, знаменитое приветствие «Рот Фронт».

⁶⁸⁸ К славным боям за социализм // Пролетарий. № 245 (530). 7 ноября 1932 г.

прессу. Например, видный французский коммунист А. Марти, поздравляя строителей Магнитогорска со стартом пускового периода первой очереди в ноябре 1931 г., писал: «В момент, когда вырастают гигантские цехи Магнитогорска, в момент, когда бурными темпами воздвигается социалистический город, в момент, когда ряды бойцов за социалистическую промышленность с каждым днем пополняются подрастающим пролетарским поколением – в капиталистических странах, в частности, во Франции, растет волна безработицы, голод стучится в двери рабочих жилищ, полиция готовит дубинки и приводит в готовность винтовки и револьверы, а социал-демократы в отчаянных попытках спасти обреченную на гибель капиталистическую систему удваивают и утраивают свои судорожные попытки успокоить и обмануть трудящиеся массы»⁶⁸⁹.

К этим публикациям добавлялись и впечатления советских людей от заграницы (эти материалы, впрочем, появлялись относительно редко). Своими впечатлениями от поездки в Великобританию делился с читателями газеты «Пролетарская мысль» директор Златоустовского инструментального завода А. Т. Золотов, побывавший в Польше, Германии и Великобритании. Польша Золотову совершенно не понравилась: она «напоминает дореволюционную русскую деревню с ее хибарами, грязью и клячами», а в столице, Варшаве, «нет абсолютно никакого строительства, не проводится благоустройство города», улицы пусты. Берлин отличается от Варшавы многолюдством, но на улицах, увы, «больше всего штурмовиков». А Британия? Это страна контрастов, страдающая от безработицы и жестокой эксплуатации трудящихся. По тону заметки Золотова чувствуется, что советский директор ощущал себя за границей представителем более высокой культуры: «В Англии своеобразный демократизм. По закону все имеют равные права выборов. Но все ли? Я беседовал с т. н. средним человеком Л. насчет этих самых прав, и он был твердо убежден, что и он, и король Англии пользуются одинаковыми правами... Вот насколько затуманено его сознание, что он не видит суровой эксплуатации, классовой борьбы, лживости буржуазной демократии». Удивляться, впрочем, нечему: британская буржуазия «все подчинила для затемнения сознания рабочих». Даже хваленый спорт она развивает «для того, чтобы выработать чувство злости у людей и отвлечь трудящихся от классовой борьбы» – развит на островах только футбол, и то «игры проходят грубо, в звериной бесчеловечной форме». Не лучше положение и с другими зрелищами: в Лондоне нет постоянного оперного театра,

---

⁶⁸⁹ Марти А. Рабочим и работницам Магнитостроя // Уральский рабочий. № 304 (4805). 7 ноября 1931 г.

а кино, пользующееся огромной популярностью, показывает «совершенно бессодержательные» картины, отличающиеся своей «наивностью» и отвлекающие пролетариев от все той же классовой борьбы. Золотов попытался даже живописать такую кинокартину: «Например, раздается грохот смеха даже при таких случаях, когда человек хотел сесть на трамвай, но не успел – трамвай ушел». Та же ситуация и с газетами, которые принадлежат богатейшим капиталистам и «не пишут о серьезных политических, международных и внутренних делах, ибо это ведь может толкнуть публику на грустные размышления. Это не выгодно буржуазии». Да и вообще – «на первый взгляд, средний англичанин и рабочий, еще не потерявший работу, живет неплохо. Ходят в шляпах, в галстуках и т. п. А когда ближе присмотришься, получается неприглядная картина. Шляпу он купил за полтинник. Воротничок не первой свежести. Дешевый и при том грязный. Ботинки худые»⁶⁹⁰.

Кроме того, многочисленные иностранные инженеры и рабочие, трудившиеся на стройках-гигантах, время от времени выступали на страницах советской прессы, чтобы провести сравнения между своей родиной и страной побеждающего социализма – разумеется, сравнения эти были в пользу последней. Так, 16 сентября 1931 г. группа немецких специалистов, трудившихся в Надеждинске, обратилась через прессу к рабочим СССР, объявив о своем вступлении в ряды ВКП(б) – а ведь в их рядах был социал-демократ с 1906 г. П. Каусман! Новички заявляли: «Мы должны сказать, что мы работаем в очень трудных условиях. Разница производственной и культурно-бытовой обстановки, устарелые методы работы, плохая организация труда, нехватка рабочей силы, техническая отсталость, перебой со снабжением материалами – все это приводит к тому, что нас зачастую неправильно используют. Мы могли бы дать гораздо больше, чем мы даем сейчас»⁶⁹¹.

Наконец, международная революция иногда сама оказывалась на строительных лесах пятилетки. Речь идет, конечно, об иностранных специалистах и рабочих.

Германский инженер Стеше была «единственной женщиной-специалистом» на строительстве Березниковского химкомбината. Правда, ее рассказ о себе очень уж напоминал хрестоматийную историю инженера Генриха-Марии Заузе из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова: в Германии Стеше имела пятилетний опыт работы в «Стутгарском ВТУЗе» и на различных заводах и по приезду

---

⁶⁹⁰ Золотов А. Т. Мои заграничные впечатления // Пролетарская мысль. № 131 (3950). 8 июня 1935 г.

⁶⁹¹ Пауль Каусман, член с.-д. партии с 1906 года, вышвырнул социал-предательский партбилет // Уральский рабочий. № 261 (4762). 21 сентября 1931 г.

в СССР была готова трудиться. «Однако, – делилась Стеше с читателями березниковской газеты, – в первое время никто не знал, какую мне дать работу. В течение 2 месяцев я была принуждена заниматься в лаборатории хлорного завода чисто механическими, техническими анализами (титрование), которые мог бы делать каждый начинающий ученик». Как и Генрих-Мария Заузе, Стеше заявила протест и со временем получила более серьезные задания, но так и не установила связь с заводом: «Меня не приглашают на технические и производственные совещания. Таким образом, я не в состоянии узнать, какой эффект даст моя научная работа в лаборатории и не могу ее контролировать практикой». Через газету Стеше объясняла, что могла бы не только теснее работать с производством, как это принято в Германии, но и вообще работать больше – руководить выполнением не одной, а пяти-семи работ. Германская специалистка с грустью заключала, что ее рабочая сила «не используется здесь полностью»⁶⁹².

В праздничном выпуске тагильского «Вагоногиганта» на развороте, озаглавленном «Вот она, наша Родина», были помещены письма германского электротехника А. Пилионеса и румынской рабочей Ковсман, трудившихся на уральских предприятиях и называвших СССР своей «настоящей» родиной.

Публичные выступления иностранцев, клявшихся в любви к СССР, называвших страну Советов своим новым отечеством и даже рвавших партбилеты социал-демократических партий, должно было иметь стимулирующее воздействие: перед иностранными наблюдателями советские граждане обязаны быть особенно ответственными. Иностранные рабочие ждут освобождения; подвести их – означало бы совершить форменное предательство. У равнения на международное рабочее движение было и вполне рационально-утилитарное обоснование: на рубеже 1920-х – 1930-х гг. большевистские вожди полагали, что симпатия рабочих Запада к СССР застрахует страну от новой войны или, по крайней мере, станет подспорьем в случае конфликта⁶⁹³. Иностранные визитеры обещали, что международный пролетариат не даст Советский Союз в обиду. Разве можно спустя рукава отнестись к просьбам людей, которые готовы защищать социалистическое строительство?

Поток новостей из-за рубежа, которым были наполнены даже локальные заводские газеты, должен был создавать у читателя ощу-

⁶⁹² О моей работе на Березниках // Ударник. № 166 (1665). 27 июля 1931 г.

⁶⁹³ См.: Бугров К. Д. Славянский мир и классовые баталии : сценарии грядущей войны в Восточной Европе в советской военно-утопической мысли 1920-1930-х гг. // Русин. 2017. № 4. С. 73–92.

щение перманентного мирового кризиса: каждый день где-то в мире вспыхивают восстания, капиталисты все больше ужесточают нажим на эксплуатируемые слои, и все больше негодование рабочего класса. Отдельное издание сталинского отчетного доклада XVII партийному съезду в 1934 г. содержало – по контрасту с рисунками советских заводов и городов – зарисовки капиталистической жизни, выполненные Н. Кочергиным: колонны сумрачных безработных маршируют на фоне сияющих небоскребов, крепкий рабочий в тельняшке, сжав руку в кулак, исподлобья смотрит на выстроившихся у закрытых заводских ворот жандармов – «идея штурма зреет в сознании масс!»⁶⁹⁴ Гибель капитализма неминуема и близка, мировая революция является не призраком, а реальностью – именно к такому выводу должны были приходиться советские граждане⁶⁹⁵.

Одновременно советские граждане (особенно – жители соцгородов, созданных при заводах-гигантах!), читая заметки, подобные впечатлениям директора Золотова или сообщениям о том, как германский социал-демократ выбросил свой партбилет под впечатлением от социалистического Надеждинска, проникались чувством своеобразного культурного превосходства, компенсировавшего десятилетия господства дискурса провинциализма. В номере магнитогорской газеты «За металл», посвященном годовщине Парижской коммуны в 1933 г., отмечалось: «Мы должны помнить, что пролетариат капиталистических стран отстал от нас в своем революционном развитии, хотя его революционная борьба становится все более упорной и опасной для буржуазии. Наша задача – помочь международному пролетариату в этой борьбе, крепя с ним братскую интернациональную связь, усиливая работу МОПРа, помогая материально товарищам, брошенным в тюрьмы буржуазией»⁶⁹⁶.

Впрочем, международный контекст не только позволял оттенить достижения социалистического строительства, нагнетать военную истерию и создать атмосферу «осажденной крепости». У интенсивного обращения к международной тематике была и уникальная, специфически советская сторона – обращения эти служили целям сти-

⁶⁹⁴ Сталин И. Отчетный доклад XVII съезду ВКП(б) о работе ЦК ВКП(б). 26 января 1934 г. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 21, 23.

⁶⁹⁵ Среди газетной графики соцгородов Урала одной из самых ярких иллюстраций, посвященных кризису капитализма, был рисунок Малышева «Закат капитализма», напечатанный в «Магнитогорском металле» от 10 июня 1935 г. и изображавший устало опустившегося присесть посреди пустынной равнины тучного капиталиста во фраке и с измощенно-отчаявшимся лицом. Солнце садится за горизонт, а усевшийся на спину капиталисту гриф явно ждет, когда обессилевшая жертва свалится замертво.

⁶⁹⁶ Коммуна непобедима // За металл. № 58 (361). 20 марта 1933 г.

мулирования производственной активности строителей социализма. Находясь на передовом рубеже мировой революции, советские рабочие должны были – теоретически! – трудиться еще лучше. Ударный труд, составлявший основу социальной жизни соцгорода, был немислим вне международного контекста.

И на каждую победу пятилетки откликалась международная коммунистическая общественность, всячески поддерживая символическое перемещение центра на бывшую периферию. Так, 22 августа 1934 г. Надеждинск посетила группа иностранных писателей; интернациональный вечер состоялся в величественном надеждинском дворце культуры. Самым известным из его участников был, конечно же, Л. Арагон (правда, в надеждинской газете «Пролетарий» его именovali то Ароггон, то Оррогон), который в 1934 г. по мотивам своей уральской поездки создаст знаменитую поэму «Ура, Урал!»⁶⁹⁷. Открывший вечер венгерский писатель Ш. Барта «заявил, что основная задача революционных писателей зарубежных стран – разоблачить всю гнилость капиталистической системы, силой художественного слова популяризировать успехи соцстроительства в СССР и этим самым, при горячих симпатиях и поддержке зарубежного пролетариата, помогать Советскому Союзу еще успешнее двигаться вперед»⁶⁹⁸. Сам Арагон включил в поэму «Ура, Урал!» особую «Балладу о двадцати семи, казненных в Надеждинске»⁶⁹⁹:

Небо черное, душный зной
И Колчак – прощайте навек!
И солдаты с красной звездой
Говорят у крыльца с детворой.

---

⁶⁹⁷ См.: Викторова Т. В. «Страна насилия и прекрасных глаз»: Луи Арагон о посещении советского Урала // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 157–170; Журавлева Н. С. Города Урала в 1930-е гг.: поэтические образы Луи Арагона // Известия высших учебных заведений: Уральский регион. 2018. № 1. С. 73–80; Mahot-Boudias F. «Hourra l'Oural» (1934) de Louis Aragon, un poème utopique entre reportage de propagande et rêve politique // Les chantiers de la création [En ligne]. 2010. № 3. URL: <http://lcc.revues.org/255> (дата обращения: 02.09.2018). Впрочем, это эпическое полотно, суммировавшее впечатления Арагона от визитов в Магнитогорск, Челябинск, Златоуст, Лысьву, Надеждинск, заслуживает дальнейшего и самого тщательного изучения – хотя бы по той причине, что ранее, насколько нам известно, об Урале не создавалось крупного художественного произведения на иностранном языке.

⁶⁹⁸ Иностранцы революционные писатели в Надеждинске // Пролетарий. № 186 (472). 23 августа 1932 г.

⁶⁹⁹ Как отмечает знаток истории Надеждинска И. А. Фомичев, история о массовой казни в Надеждинске не подтверждается никакими достоверными источниками, и, видимо, является легендой (Фомичев И. А. Город Надеждинск. 1893 – 1940 гг. Екатеринбург: [б. и.], 2013. С. 95).

Говорят солдаты: сперва
 Надо технику знать хорошо.
 А в глазах у детей синева,
 Синева, синева, синева.

«Кто лучше всех сработает в мае, тот и получит знамя штутгартских рабочих», – призывала в 1930 г. лысьвенская «Искра». Общезаводской митинг 2 мая 1930 г. постановил организовать ударные бригады имени революционных рабочих Штутгарта⁷⁰⁰. Но уже в конце мая рабочий коллектив Чусовой потребовал лишить лысьвенцев штутгартского знамени. Руководители Лысьвы взывали: «Знамя штутгартских рабочих мы ни за что не отдадим! За него мы будем упорно драться. Нам, лысьвенцам, только нужно твердо помнить, что потерять штутгартское знамя – это значит принять на себя позор еще больший, чем попасть на черную доску. Рабочие Штутгарта после этого будут думать, что их знамя попало нам случайно, что лысьвенские пролетарии не могут идти в авангарде заводов округа и выполнении пятилетки»⁷⁰¹. Между тем, красное знамя пермских рабочих, увезенное германским коммунистом А. Геппе в Штутгарт, сыграло в Германии чудодейственную роль: коммунистические организации Штутгарта вступили в соревнование по вербовке новых членов. Через газету Геппе пристыдил лысьвенцев за сорванные обязательства: «Братья по классу в Лысьве, как же вы так? Разве вы не понимаете, что ваши собственные интересы, как и интересы мирового пролетариата требуют выполнения промфинплана? Мне не хочется верить, что вы собираетесь терять почетное звание знаменосцев Штутгартского знамени... Знайте, что рабочие Штутгарта, Германии, всего мира смотрят на вас. Что они все твердо уверены, что вы крепко будете держать в своих руках знамя революции, что вы не опозорите его и никому его не отдадите». В заключение Геппе – от имени штутгартского рабочего класса – угрожал: если Лысьва будет проваливать план и впредь, знамя у нее отберут и вручат «другому заводу, более достойному»⁷⁰².

3 июня 1934 г. в Кабаковск-Надеждинск прибыла делегация Межрабпома в составе А. М. Шальито⁷⁰³ и Л. Паттерсона, члена труппы,

⁷⁰⁰ Ответ штутгартским рабочим // Искра. № 23 (70). 8 мая 1930 г.

⁷⁰¹ Чусовские рабочие требуют лишить Лысьву знамени штутгартских рабочих // Искра. № 28 (76). 6 июня 1930 г.

⁷⁰² Геппе А. «Рабочие Штутгарта доверяют вам свое знамя // Искра. № 56 (104). Суббота 27 сентября 1930 г.

⁷⁰³ По-видимому, это был член правления Межрабпомфильма А. М. Шальито (Литературное наследство. Т. 65. Новое о Маяковском. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 169).

приехавшей в СССР в 1932 г. для съемок фильма «Черное и белое», посвященного расизму в Соединенных Штатах⁷⁰⁴. Фильм, запланированный Межрабпом при поддержке руководства Коминтерна, снят не был, однако часть труппы осталась в СССР. Главным гостем был, разумеется, Паттерсон, презентованный местными газетами как «американский рабочий». С собой он вез знамя, которое планировалось вручить передовикам конкурса металлургов Свердловской области, а также подарки для ударников. Надеждинская газета «Сталь» развернула целую кампанию под лозунгом «Знамя нью-йоркских рабочих должно быть у нас!»⁷⁰⁵ Прибытие делегации одновременно было использовано как символическая дата: в честь прибытия делегации кабаковцы должны были – вместе с гостями – выйти на субботник по озеленению центральной площади города у дворца культуры⁷⁰⁶. Районная газета «Пролетарий» вышла с эмблемами «Рот Фронта» и Межрабпома на первой странице. А член кабаковского литкружка И. Лебедев откликнулся стихотворением под заглавием «Руку, товарищ Джимми»⁷⁰⁷:

Рис. 53. Красное знамя Межрабпома. Пролетарий. 3 июня 1934 г.

Ваше финансовое величество,
 Господин Капитал!
 Погасите в кабинете электричество
 И примите гидрат-хлорал...
 Постарайтесь уснуть на минутку
 И уютно подохнуть во сне.
 Дело ведь не на шутку:
 Мир – весь в огне.

⁷⁰⁴ См.: Лапина Г. В. «Черные и белые»: история неудавшегося кинопроекта // Антропологический форум. 2016. № 30. С. 83–118. Л. Паттерсон был отцом Дж. Паттерсона, который через 4 года обретет всеоюзную известность, снявшись в фильме «Цирк».

⁷⁰⁵ Сталь. № 54 (244). 2 июня 1934 г.

⁷⁰⁶ Пролетарий. № 126 (990). 3 июня 1934 г.

⁷⁰⁷ Лебедев И. Руку, товарищ Джимми // Пролетарий. № 100 (964). 1 мая 1934 г.

Не рядом
 Северная Америка с нами,
 А на Урале алеет нарядом
 Ее пролетариев знамя.
 Значит, Джимми, Билли и Сами,
 Русая Мэгги и черный Джонатан
 Не хотят задыхаться с вами,
 Ваше величество, мистер Морган.
 С тревоги спина миллиардера сутулится
 И ночью в кабинете в банке
 Сквозь зеркала окон в улицу
 Впивается золотой янки.
 «Проклятие! Виданы ли такие прелести –
 Знамя посылать рабочим Урала».
 И судорога сводит искусственные челюсти
 Короля капитала.
 Но зато мы, принимая знамя,
 Пришедшее на Урал через тысячи миль,
 Знаем, что с нами
 И русая Мэгги, и Сами,
 И черный Джимми, и Биль...

В октябре 1934 г. кабаковцы отправили в Нью-Йорк «ответное красное знамя» от коллектива металлургического завода. Это знамя должна была получить «та организация трудящихся Америки, которая лучше развернет массово-политическую работу против гнета и эксплуатации классом капиталистов трудящегося класса»⁷⁰⁸. Знамя было доверено отвезти в Свердловск (передачей артефакта должен был заняться «Уральский рабочий») активистам МОПра – вальцовщикам В. А. Орлову и А. И. Лимову. К знамени прилагалось письмо нью-йоркским рабочим, в котором кабаковцы старательно описывали трудовые достижения и культурно-бытовой рост в своем городе за годы пятилетки⁷⁰⁹.

...Красных знамен в 1930 г. на Урал прибыло несколько. Там было знамя гамбургских коммунистов, которое делегат «Рот Фронта», рабкор «Уральского рабочего» И. Зиринг⁷¹⁰ вручил кунгурским

⁷⁰⁸ Большая честь пала на нашу долю // Сталь. № 104 (267). 6 октября 1934 г.

⁷⁰⁹ Их разделяют тысячи километров... // Уральский рабочий. № 228. 2 октября 1934 г.

⁷¹⁰ И. Зиринг (1895 – не ранее 1937) – германский рабочий-металлист. Участник Первой мировой войны, с 1915 г. – в русском плену, по возвращении в Германию в 1920 г. вступил в коммунистическую партию. В 1929 г. прибыл в СССР, принял советское гражданство, вступил в ВКП(б). Зиринг работал на Лысьвенском заводе,

железнодорожникам. Там было знамя красных фронтовиков, которое поступило в распоряжение революционно-производственного совета при «Уральском рабочем». И было там красное знамя «подпольной берлинской организации молодых фронтовиков Германии», которое получила редакция комсомольской газеты Уральской области «На смену!»

Было и знамя молодежной организации германских коммунистов – «Юнг Штурм». Редакция газеты объявила соревнование заводских и колхозных коллективов за это юнгштурмовское знамя: «Это боевое знамя, под которым боролись и борются, сражаются и умирают тысячи передовых молодых пролетариев Германии за свержение капиталистического строя, за Советскую Германию, для комсомольцев и всей рабоче-крестьянской молодежи Урала есть знамя борьбы за социализм, за пятилетку в четыре года, за строительство Большого Урала». Рядом с призывом «Деритесь как черти за знамя молодых фронтовиков Германии» была напечатана фотография драгоценного артефакта: красное полотнище с надписью «Roter Jungsturm» и сжатый кулак – эмблемой «Рот Фронта»⁷¹¹.

Но, пожалуй, наиболее ценное среди знамен – знамя красных фронтовиков Германии – получил Златоустовский механический завод имени Ленина. Соответствующий «рапорт-постановление» революционно-производственного совета при «Уральском рабочем» предупреждал: если в течение ближайших трех месяцев златоустовцы сбавят темпы, знамя будет у них отобрано и передано второму претенденту – Карабашскому медеплавильному заводу. И впредь вопрос о передаче красного знамени другому заводу должен был обсуждаться два раза в год – 7 ноября и 1 мая⁷¹². Впрочем, Златоустовский механический так и не отдал никому это знамя, которое в торжественной обстановке было получено 6 июня 1930 г. из рук германского рабочего И. Зиринга.

Красное знамя «Рот Фронта» превратилось в важную часть мифологии Златоустовского завода: в брошюре по истории Златоуста авторства В. Василевского, изданной в 1932 г., заключительная глава, повествующая об успехах златоустовцев на фронтах индустриализации, завершалась именно описанием митинга, на котором Зиринг

позднее стал журналистом «Уральского рабочего». В 1937 г. Зиринг был репрессирован (Бирюков Е. Как закатилась звезда Иосифа // Проталина. 2010. № 3-4. URL: http://www.protalina.com/num_3_4_10/birjukov.htm (дата обращения 02.09.2018).

⁷¹¹ Деритесь как черти за знамя молодых фронтовиков Германии // На смену! № 104 (1159). 7 мая 1930 г.

⁷¹² Златоустовский завод имени Ленина завоевал знамя красных фронтовиков // Уральский рабочий. № 128 (4320). 3 июня 1930 г.

вручил заводу знамя «Рот Фронта». Красное знамя в 1929 г. реяло над баррикадами Веддинга, когда полицейские штурмовали рабочие кварталы – Зириг не пожалел красок для этого рассказа: «Вот они идут, тучные и сытые собаки Цергибеля – в полицейских мундирах. Они идут медленно, вынюхивая каждый шаг, вооруженные до зубов, уверенные в победе, потому что за их спиной – армия, танки, флот. Они идут... Но мы не оставляем баррикад. Упал один – на его место становится другой. Патронов нет. К черту замолчавшее оружие! В одной руке знамя, в другой – камень».

Полицейские не смогли захватить знамя, и теперь Зириг привез его на Урал: «Боевое знамя союза красных фронтовиков я отдал Златоустовскому заводу. Завод заслужил это знамя победами на производственном фронте. Мы деремся за советскую Германию. Златоустовские металлисты у домен и мартенов борются за пятилетку, за социализм». И когда Зириг произнес это, оркестр заиграл «Интернационал», и ударник Пономарев, взяв из рук германского коммуниста драгоценную реликвию, «закричал, завопил, заглушая оркестр: “Наше знамя! Златоустовцы добыли знамя!”»⁷¹³...Хотя знамя «Рот Фронта» было утрачено в годы Великой Отечественной войны, в настоящее время реплика знамени экспонируется в музее ПО «Булат» – правопреемника механического завода имени Ленина: «Это бархатное двухстороннее полотнище размером 98 на 141 см, красно-малинового цвета; на лицевой стороне в круглом медальоне на фоне лучей восходящего солнца изображена кисть руки, сжатая в кулак, – символ единения пролетариата. На обеих сторонах – надписи на немецком и русском языках»⁷¹⁴.

Как видим, международный контекст не был просто данью интернационализму большевистской партии и приверженности абстракции мировой революции. Не был он и способом нагнетать военную истерию среди масс. История о героической борьбе угнетенных Запада и Востока, нарратив мировой революции были весьма искусно встроены в систему стимулирующей мифологии. Внимание со стороны зарубежных коммунистических и рабочих организаций помогало преодолеть инерцию провинциализма, подкрепляя ту инверсию центра и периферии, о которой мы уже говорили раньше: линия борьбы за мировую коммуну пролегает через гиганты Березников, Челябинска и Надеждинска, а не через Париж и Нью-Йорк. Одновременно оно позволяло укреплять чувство советского патриотизма, вытеснявшее (как мы видели на при-

⁷¹³ Василевский В. Златоуст. М.; Л.: ОГИЗ – Молодая гвардия, 1932. С. 68.

⁷¹⁴ Куликовских С. Рот-Фронт // Златоустовская энциклопедия. URL: <http://www.zlato-ust.ru/a/ze/ze.html?2279> (дата обращения: 02.09.2018).

мере заметок директора Золотова о Британии) комплекс неполноценности перед технологически развитыми капиталистическими державами. И наконец, подкреплявшаяся выступлениями иностранных гостей вера в то, что пролетариат за рубежом не хочет войны и готов подняться на защиту СССР, помогала не утратить надежду на светлое будущее посреди потока устрашающих новостей о войнах, кризисах и накоплении смертоносного оружия в арсеналах империалистов.

ОКДВА

Присутствие Красной Армии в жизни соцгорода было весьма разносторонним. Прежде всего, армия была непосредственно связана с городом через ежегодный армейский призыв. Городская пресса уделяла большое внимание поддержке призыва новобранцев. Коллектив Красноуральского медеплавильного комбината просил присвоить предприятию имя РККА⁷¹⁵. Важным было и функционирование общественных организаций, ориентированных на военизированную подготовку масс – таких, как Осоавиахим⁷¹⁶.

Однако была в жизни уральских соцгородов и особая военная тема. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (ОКДВА, хотя советская пресса поначалу часто называла ее ОДВКА, поскольку порядок прилагательных в наименовании этой боевой группы устоялся не сразу) постоянно появляется на страницах уральских городских и заводских газет эпохи первых пятилеток. Дело в том, что Уральская область осуществляла шефство над ОКДВА с января 1930 г. Основой для подобных отношений стало, по-видимому, шефство «Уральского рабочего» над газетой ОКДВА «Тревога» и шефства отдельных заводов над частями ОКДВА. Окончательно утверждено это шефство было в ходе 3-го уральского областного совещания рабселькоров⁷¹⁷. Армейской типографии ОКДВА, печатавшей газету «Тревога», было присвоено имя «Уральского рабочего»⁷¹⁸.

Важную роль в шефстве играла колоритная фигура бессменного руководителя ОКДВА, В. К. Блюхера, боевая карьера которого была тесно связана с Уралом (кроме того, в 1918 г. Блюхер некоторое время

---

⁷¹⁵ Уральский рабочий. № 53 (4556). 23 февраля 1931 г.

⁷¹⁶ Сирсон М. Множить строй заводов – крепостей Осоавиахима // Уральский рабочий. № 172 (5017). 1 августа 1932 г.

⁷¹⁷ Пролетарский Урал должен стать шефом Особой // Уральский рабочий. № 9 (4206). 10 января 1930 г.

⁷¹⁸ Уральский рабочий. № 7 (4204). 8 января 1930 г.

был главой Челябинского совета)⁷¹⁹. Блюхер был чрезвычайно популярен в СССР не только благодаря своим достижениям в годы гражданской войны, но и благодаря успешно проведенным в 1929 г. боям с «белокитайцами». Под его руководством Особая Дальневосточная добилась успеха в ходе боевых столкновений на Китайско-Восточной железной дороге близ города Мишаньфу, отбросив от советской границы войска маньчжурского правителя Чжан Сюэяна.

В 1930 г. Блюхер триумфально выступил на XVI съезде РКП(б) с приветствием от имени Красной Армии: делегаты съезда слушали красного полководца стоя, устроили ему овацию, а сам полководец выступал под развернутым знаменем ОКДВА и в окружении своих соратников⁷²⁰. Так начался настоящий «культ Блюхера» и «культ ОКДВА», который достигнет пика к 1935 г. – тогда Блюхер вошел в число первых пяти маршалов Советского Союза, будучи среди них единственным командующим армией⁷²¹. Фактически, командующий ОКДВА являлся советским «наместником» Дальнего Востока⁷²²: в слабо заселенном и слабо освоенном краю армия играла огромную административную

---

⁷¹⁹ Историк С. Е. Лазарев рассматривает «дальневосточников» как влиятельную корпорацию внутри Красной Армии (наподобие знаменитых «конармейцев»), опирающуюся на персональную харизму В. К. Блюхера (Лазарев С. Е. В. К. Блюхер в советской военной элите 1930-х гг. // Молодой ученый. 2010. № 8. Т. 2. С. 104–106. URL <https://moluch.ru/archive/19/1935/> (дата обращения: 07.08.2018). Авторитет вождей ОКДВА, прославившегося не только на фронтах гражданской войны, но и во время секретной миссии в Китай, был огромным. В отличие от большинства других вождей РККА (за вычетом, разумеется, К. В. Ворошилова и С. М. Буденного) Блюхер был для Уральского области эпонимом – его имя носили несколько колхозов: один – образован в 1929 г. в деревне Битимка Первоуральского района (упоминается: ПЗЛ. № 207 (2049). 9 сентября 1938 г.; спустя всего два месяца легендарный командарм будет арестован и умрет в тюрьме, а колхоз получит имя Кирова), другой – создан в 1931 г. в деревне Печенкино в Еткульском районе (позднее – колхоз имени Октября), еще один – в Курганской области (Уральский рабочий. № 274 (5508). 29 ноября 1933 г.). Имя Блюхера носил также кинотеатр в Ишиме, позднее – с 1948 г. – получивший имя 30-летия ВЛКСМ (Официальный сайт МАУК «Объединение Ишимский городской культурный центр». URL: <http://ishimgdk.ru/o-nas/kontsertnyy-zal-im-30-let-vlksm.php>. (дата обращения: 01.07.2018).

⁷²⁰ Великанов Н. Т. Измена маршалов. М.: Алгоритм, 2008. С. 216.

⁷²¹ Саранцев Н. В. Элита Красной Армии в 1930-е годы // Вестник Саратовского гос. соц.-эк. ун-та. 2005. № 11-1. С. 116.

⁷²² Современный биограф Блюхера Н. Т. Великанов отмечает, что командующий ОКДВА, по-видимому, чувствовал себя настоящим «хозяином» Дальнего Востока: «Это чувство в нем породило и постепенно упрочило многолетнее положение главного военачальника мощной вооруженной силы на огромном пространстве отдаленного от центра восточного края страны. И, безусловно, оно подогревалось славой героя гражданской войны, победителя под Волочаевкой и на КВЖД». Японский военный атташе Коотани в декабре 1937 г. называл в одном из своих докладов Блюхера «царьком Дальнего Востока» (Великанов Н. Т. Измена маршалов. М.: Алгоритм, 2008. С. 277, 274).

и хозяйственную роль⁷²³. Вот этот символ советской боевой мощи и поставила на службу строительству уральская пресса, охотно обращающаяся к авторитету Блюхера и ОКДВА, когда нужно было стимулировать рабочих к еще более интенсивному труду на строительстве.

Уже 26 января 1930 г. «Уральский рабочий» напечатал обращение реввоенсовета ОКДВА к уральскому пролетариату. Прославленный Блюхер со страниц газеты взывал к сознательности уральцев: «Товарищи рабочие Красного Урала! До нас дошли тревожные вести с пролетарского Урала, что уральская промышленность не выполнила программы первого квартала... Товарищи уральские рабочие! Вы шеф Особой, и мы гордимся таким шефом. Ваши героические традиции времен гражданской войны и времени возрождения социалистической стройки на Урале вливали революционную отвагу в бойцов Особой. Ваш товарищ краснознаменец Назаров⁷²⁴ зажигал в боях величайший энтузиазм, и мы не можем пройти мимо фактов прорывов в одной из величайших крепостей социализма. Мы просим, мы требуем, чтобы наш шеф – вся масса уральских пролетариев мобилизовалась и начала немедленно бешеную атаку против прогульщиков, лодырей, не выполняющих революционных обязанностей перед страной»⁷²⁵. А 23 февраля 1930 г., как сообщал «Уральский рабочий», делегация Уральской области прибыла в Хабаровск для заключения договора о соцсоревновании.

Рис. 54. Портрет В. К. Блюхера. За тяжелое машиностроение. 6 августа 1934 г.

⁷²³ Колесниченко К. Ю. Деятельность Особого колхозного корпуса ОКДВА в 1932–1936 гг. // Военно-исторический журнал. 2017. № 5. С. 40–46.

⁷²⁴ М. Г. Назаров (1878–1932) – старый большевик, златоустовский железнодорожник. Назаров участвовал в революции 1905–1907 гг., осенью 1905 г. организовывал рабочую боевую дружину. В годы гражданской войны – командир бронепоезда, организатор железнодорожных бронированных сил Красной Армии, участник боев на Урале. С 1922 по 1927 гг. Назаров трудился машинистом Златоустовского депо, но в 1929 г. добровольцем на бронепоезде участвовал в боях на КВЖД с «белокитайцами» (именно этот эпизод биографии имел в виду Блюхер, в своем обращении мастерски используя образ Назарова как образцового труженика и воина). Герой Труда (1927), дважды награжден орденом Красного Знамени (1919, 1927). См.: Бухарцев В., Козлов А. Назаров Михаил Григорьевич // Златоустовская энциклопедия. URL: <http://www.zlatoust.ru/a/ze/ze.html?1853,1854> (дата обращения: 20.08.2018).

⁷²⁵ Обращение реввоенсовета Особой Краснознаменной к уральскому пролетариату // Уральский рабочий. № 22 (4219). 26 января 1930 г.

Летом 1930 г. редакция газеты «Челябинский рабочий» постаралась задействовать символический ресурс ОКДВА, чтобы форсировать пуск новостроек – строящегося Челябинского тракторного завода, ферросплавного завода и ЧГРЭС. 1 июня 1930 г. газета вышла с заголовком «Знамя героической Особой зажжет пламя рабочего энтузиазма». И действительно, 7 июня 1930 г. в Челябинск прибыло знамя 9-й кавалерийской бригады ОКДВА, побывавшее в бою с «белокитайцами» при Мишаньфу; вез его орденосец комбриг Д. А. Вайнерк⁷²⁶. Партизаны гражданской войны, трудившиеся в угольных разработках Копейска, на волне воодушевления «объявили себя ударниками» и направили для встречи знамени почетный караул под своим собственным, сохранившимся со времен гражданской войны, знаменем⁷²⁷. Знамя ОКДВА должно было быть вручено редакции «Челябинского рабочего» и революционно-производственному трибуналу, а уж им предстояло наградить тот коллектив, который сможет досрочно завершить работу над промышленным гигантом. 4 июня 1930 г. газета призывала: «Ударники! Дальневосточная шлет вам свое боевое знамя! Деритесь за большевистские темпы стройки, как дрались герои Особой в боях с белокитайцами!»

Кому же вручить драгоценное знамя? Этой теме были посвящены несколько писем, опубликованных здесь же. Столяр Пионтовский предлагал передать знамя коллективу ЧГРЭС, полагая, что именно этот коллектив работал наиболее эффективно, а уж появление знамени ОКДВА заставит даже тех, кто еще «не включился в революционные темпы», приняться за работу изо всех сил. А строитель Афонин настаивал: «При передаче знамени тому или иному строительству – следует учитывать, главным образом, насколько

---

⁷²⁶ Первоначально, 1 июня 1930 г., газета сообщила о том, что со знаменем едет командир бригады Митюков, награжденный тремя орденами Красного Знамени. Однако, описывая прибытие красного знамени ОКДВА в Челябинск 7 июня, газета уже называет комбригом «т. Вайнерса», все с теми же тремя орденами. И лишь к 8 июня, сообщая о митинге в театре и публикуя обращение ОКДВА к челябинским рабочим, газета наконец расставила все по местам – подписи под обращением гласили: «Командир N-ской отдельной Дальневосточной кавбригады Вайнерх. Начальник политического отдела N-ской отдельной Дальневосточной кавбригады Митюков». Комбригом 9-й кавалерийской бригады был именно Д. А. Вайнерк (Вайнерх), трижды награжденный орденом Красного Знамени в 1923, 1924 и 1930 гг. и позднее служивший на западных границах страны. П. С. Митюков, начальник политотдела, был награжден всего одним орденом Красного Знамени (получил он его тогда же, когда Вайнерк – свой третий орден, в феврале 1930 г., за бои с «белокитайцами»). Позднее Митюков будет комиссаром 8-й Дальневосточной кавалерийской дивизии, сформированной на базе 9-й кавбригады в составе ОКДВА. И Митюков, и Вайнерк пали жертвами репрессий.

⁷²⁷ Знамя героической Особой зажжет пламя рабочего энтузиазма // Челябинский рабочий. № 134 (1301). 1 июня 1930 г.

энергично рабочие и инженерно-технический персонал борются за досрочный пуск гигантов»⁷²⁸.

Боевое красное знамя должно было придать рабочим челябинским строек энергии и сил – так же, как могли их придать, например, имея вождя или памятная дата. Дальневосточный артефакт становился частью мифологии пятилетки, удачно вписываясь в ту картину стройки как войны, которая на протяжении всего 1930 г. разворачивалась на страницах «Челябинского рабочего»: «В этом – великое. В этом – смычка, в этом – спайка. На десятки тысяч верст протянулась рука рабочего – бойца, строителя, энтузиаста, и эту руку схватил красноармеец и крепко пожал. Мы просим ваше знамя. Мы хотим быть такими, как вы. Под этим знаменем мы будем биться за великие темпы, за осуществление плана великих работ. <...> Пятнадцатого августа должен дать первый ток ЧГР-ЭС. Его ждет знамя. Боевое знамя героической Особой, простреленное в боях с врагами страны советов. Пролетарии Тракторостроя должны показать лучшие образцы. Их ждет знамя. Строители завода ферросплавов будут биться за звание социалистических строителей. Их ждет знамя. Боевое знамя героической Особой»⁷²⁹.

6 июня 1930 г. на станции Челябинск комбриг Вайнерк и делегация 9-й кавбригады под звуки оркестра вышли из вагона с драгоценным знаменем. Так началась череда мероприятий, которые «Челябинский рабочий» назвал «днями смычки с Особой»⁷³⁰. Вечером 7 июня на площади Ярославского в Челябинске прошел митинг с участием колонн крупнейших заводов, учащихся школ и техникумов, частей гарнизона. А 8 июня в городском театре Д. А. Вайнерк наконец вручил знамя адресатам на торжественном заседании с участием городского актива:

Рис. 55. Торжественная встреча комбрига Вайнерка и знамени ОКДВА на вокзале в Челябинске. Челябинский рабочий. 7 июня 1930 г.

⁷²⁸ Знамя героической Особой зажжет пламя рабочего энтузиазма // Челябинский рабочий. № 134 (1301). 1 июня 1930 г.

⁷²⁹ Мы будем такими, как вы // Челябинский рабочий. № 139 (1306). 7 июня 1930 г.

⁷³⁰ Сообщение об этом напечатал 7 июня «Уральский рабочий», который буквально не успевал извещать читателей о вручении знамен – за 4 дня до этого красное знамя «Рот Фронта» было вручено Златоустовскому металлургическому заводу.

«Мы верим, что, вступив в бой под этим знаменем, вы добьетесь величайших побед на фронте социалистического строительства. Бойцы просили передать вам, что они с нетерпением ждут того момента, когда их знамя будет развеваться над построенными до срока гигантами промышленности». В свою очередь, «Челябинский рабочий» призвал строителей «по-блохеровски драться за досрочный пуск гигантов»⁷³¹. В последующие дни комбриг – вместе с представителями редакции «Челябинского рабочего» и революционно-производственного трибунала – отправился по ЧГЭС, Тракторострою и другим стройкам города, заслушивая отчеты коллективов строителей, наладчиков, инженеров...⁷³²

Уральские округа были приписаны к разным частям ОКДВА, и «Уральский рабочий» особо выделял подшефную армию в материалах, публикуемых на праздничные дни 23 февраля в 1931–1936 гг. К примеру, 23 февраля 1931 г. «Уральский рабочий» сообщил об обмене красными знаменами с подшефной армией. Прибывшее из Хабаровска знамя ОКДВА, врученное областному съезду советов, следовало передать тому предприятию, которое лучше всех выполнит план третьего года пятилетки. В качестве ответного хода Уральский облисполком направил на Дальний Восток «знамя от рабочих и всех трудящихся Урала», которое предназначалось для той части, которая наилучшим образом подготовит бойцов в техническом отношении. На первой странице была помещена огромная фотография красноармейца со «знаменем героической ОКДВА» в руках. Рядом было напечатано письмо строителей Уралмаша, бравших на себя ударные обязательства и обещавших, что знамя взвевается именно над их корпусами. «Уральские пролетарии могут предъявить образцы подлинного шефства. Взять хотя бы горняцкое шефство Бакала над одним из полков Краснознаменной. Здесь рудник – шеф взвода, ударная бригада – шеф отделения. Здесь силой соревнования отдельные рудники перевыполняют задания на пятьдесят – шестьдесят процентов. Здесь развертывается стрелковая подготовка в массовом масштабе, поднимается на большую высоту вся оборонная деятельность масс»⁷³³.

Упоминается шефство ОКДВА в стихотворении польского коммуниста Ст. Станэ «Плотина» (1932, перевод А. И. Ромма), работавшего в журнале «Интернациональная литература». Стихотворение повествует о строительстве Магнитогорского комбината⁷³⁴:

⁷³¹ Оправдайте доверие Дальневосточной – по-блохеровски деритесь за досрочный пуск гигантов // Челябинский рабочий. № 140 (1307). 8 июня 1930 г.

⁷³² Мы будем такими, как вы // Челябинский рабочий. № 139 (1306). 7 июня 1930 г.

⁷³³ Несокрушимая сила пролетарской революции // Уральский рабочий. № 53 (4556). 23 февраля 1931 г.

⁷³⁴ Глазами иностранцев. 1917–1932. М.: Гос. изд-во худ. лит.-ры, 1932. С. 322.

Шайхутдинов⁷³⁵ – комсомолец, татарин,
Бригадир татарской бригады упорной.
Он в мерзлую землю тараном ударил,
Он победы добьется, вырвет из горла.

Он роет под шелест красного знамени –
Подарок от шефа, от нашей ОКДВА.
За геройский труд это знамя подарено,
Татары подарок не желают отдать.

Сюжет о шефстве (или, точнее сказать – взаимном шефстве) Урала и ОКДВА прослеживается по газетам до самой середины 1930-х гг. Авторитет Особой был – наряду со всеми прочими средствами морального стимулирования – брошен на чашу весов осенью 1931 г., во время решительных боев на строительстве Магнитогорска, Березников и других гигантов. 4 ноября в Свердловск прибыла делегация ОКДВА во главе с краснознаменцем А. В. Бамбулевым; 7 ноября члены делегации должны были выступать на торжественных митингах в Березниках, Нижнем Тагиле и Невьянске⁷³⁶. А 5 апреля 1932 г. Реввоенсовет ОКДВА прислал приветственную телеграмму руководителю Магнитогорского комбината Я. С. Гугелю. В феврале 1933 г., в честь дня Красной Армии, в Первоуральск прибыла группа представителей ОКДВА, чтобы заключить новые шефские договора и обновить старые, а также встретиться с рабочими коллективами предприятий-шефов⁷³⁷. Рисованный портрет Блюхера смотрел на читателей со страниц номера магнитогорской газеты «За металл» от 15 июля 1933 г., посвященного годовщине изгнания колчаковских войск с Урала.

5 августа 1934 г. целая страница «Уральского рабочего» была посвящена 5-летию подшефной ОКДВА. О «великолепном стиле работы большевистской ОКДВА» повествовали перепечатанные материалы газеты «Тревога». Кроме того, уральская газета напечатала портреты руководителей ОКДВА – Блюхера и начальника политуправления Л. Н. Аронштама. Здесь же было напечатано письмо от коллектива Верх-Исетского завода имени Кабакова: «Наш завод гордится знаменем ОКДВА. Под этим знаменем Верх-Исетский завод из предприятия, производившего кровельное железо, превратился в единственный в Союзе завод трансфор-

⁷³⁵ Ударник Магнитостроя, Шайхутдинов входил в число героев-рабочих (см. параграф 1 настоящей главы).

⁷³⁶ Делегация ОКДВА на Урале // Уральский рабочий. № 303 (4804). 5 ноября 1931 г.

⁷³⁷ Под знаменем Ленина. № 41 (402). 29 февраля 1933 г.

маторной стали... Поздравляя вас, боевые товарищи, с праздником, мы уверены, что вы и впредь зорко будете охранять дальневосточные границы от империалистических акул. Мы же со своей стороны даем обязательство – годовую программу перевыполнить как по количеству, так и по качественным показателям. Наш лозунг: “Визовская сталь должна быть лучшей в мире”, и мы этого добьемся”⁷³⁸. Письмо от коллектива Уралмаша, подписанное руководителями завода и лучшими ударниками, обещало в кратчайшие сроки восстановить сожженный вредителями кузнечно-прессовый цех и требовало от бойцов Особой занять первые места в Красной Армии по овладению боевой техникой⁷³⁹.

В 1935 г. профсоюзы-шефы частей ОКДВА подготовили особый прием участникам лыжного пробега Нерчинск – Москва: лыжникам-красноармейцам нужно было сменить лыжи, обувь, а кроме того, «нерчинская команда очень хочет побывать на Уралмаше». Свердловские лыжники собирались проводить красноармейцев до границы Европы и Азии у Решет⁷⁴⁰.

Конкретная механика шефства ОКДВА, стимулировавшего уральцев работать еще лучше, может быть раскрыта на следующем сюжете. В июле 1934 г. упала производительность бригады сталеваров Юдинцева, работавшей на Лысьвенском металлургическом заводе. «Искра» начала критиковать отстающих, и благодаря газетной статье об этом узнала подшефная часть ОКДВА – пулеметный эскадрон под командованием Агеева, бойцы которого «всегда читали и радовались достижениям мартеновского цеха, гордились его ударной работой». Нельзя допустить позора! Эскадрон немедленно вызвал бригаду на соревнование. Юдинцев посетил подшефную часть в составе делегации из Лысьвы, отправленную в честь годовщины Октября «в гости» к дальневосточникам, и тут обнаружил, что эскадрон Агеева сам отстает в политической подготовке. Тут «соревнование развернулось еще крепче», и к январю и кавалеристы ОКДВА, и сталевары Лысьвы сумели наконец ликвидировать позорное отставание: бойцы хорошо прошли стрелковую и строевую подготовку, а сталевары сократили скорость завалки шихты в печь до 4,85 часа вместо 6,33. «Соревнование с бойцами Дальневосточной армии помогло нам ликвидировать отставание», – заявил Юдинцев «Искре»⁷⁴¹.

⁷³⁸ Да здравствуют бойцы, командиры, политработники Особой Краснознаменной. Письмо ударников Верх-Исетского завода им. Кабакова // Уральский рабочий. № 180 (5741). 5 августа 1934 г.

⁷³⁹ Привет доблестной ОКДВА в день ее пятилетия! // За тяжелое машиностроение. № 182 (501). 6 августа 1934 г.

⁷⁴⁰ Добро пожаловать! // Уральский рабочий. № 8 (5843). 9 января 1935 г.

⁷⁴¹ Юрьев Б. Лысьва – ОКДВА // Искра. № 44 (1293). 23 февраля 1935 г.

С 1930 по 1936 гг. особое упоминание об ОКДВА было обязательной частью праздничных выпусков «Уральского рабочего». А вот в 1937 г. «Уральский рабочий» впервые с 1930 г. ни разу не упомянул ОКДВА в выпуске от 23 февраля, то же самое было и в выпуске 1938 г., хотя лично Блюхер был назван в числе полководцев «сталинской» плеяды (вместе с Ворошиловым, Щорсом и Чапаевым). Это означает, что сюжет о шефстве Урала над ОКДВА перестал быть актуальным еще до начала массовых репрессий в силу постепенного истощения строительной программы и изменений политической культуры Советского Союза, связанных с ростом культа Сталина.

Как и все другие формы культурной мифологии, возникшие подобно строительным лесам вокруг заводов-гигантов и их соцгородов, тема шефства ОКДВА над уральским пролетариатом оказалась к концу 1930-х гг. невостребованной, поскольку исчезла потребность в организации непрерывного штурма. Миф об ОКДВА продержался очень долго, больше 7 лет; другие мифы оказывались оставлены за более короткий срок. Какой должна была быть судьба этой мифологии в условиях, когда период строительства закончился, и заводы-гиганты должны были выйти на равномерное, последовательное производство без штурмовщины? Ответа на этот вопрос никто не знал: советские вожди продолжали использовать все ту же интеллектуальную матрицу, которую они тщательно разработали в конце 1920-х гг., обосновывая возможность стремительного строительства заводов-гигантов в разных концах страны, и которая обрастала все новыми чертами по мере того, как развертывалось на практике само это строительство, сталкивавшееся с чудовищными лишениями и трудностями. Календарь дат, харизма вождей, истории о героях, наперекор обстоятельствам перевыполняющих план, красные знамена из Веддинга, увещевания бойцов Дальневосточной – все эти культурные механизмы позволяли стимулировать штурм, будучи частью сложной и многоликой компенсации за отсутствие конкуренции в плановой экономике.

Но как развивалась бы дальше эта мифология, мы не знаем и не узнаем: внезапный и сокрушительный удар Большого террора уничтожил или необратимо деформировал основные ее элементы. Следует согласиться с Д. Бранденбергером в том, что «уничтожение партийным руководством собственного “полезного прошлого” в 1936–1938 гг. подорвало доверие к нему значительной части советского общества»⁷⁴². Тем не менее, элементы мифологии стимулирования продолжали оказывать влияние на советскую культуру вплоть до падения плановой экономики.

---

⁷⁴² Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. С. 201.

Глава 5

Форпосты социализма

...Сверкают созвездия новых городов, крупных промышленных центров, созданных пролетариатом на необжитых, глухих местах. Но вместе с тем участок жилищного и культурно-бытового строительства оставался и еще остается одним из наиболее отстающих.

*Журнал «Опыт стройки» (Свердловск)
1934. № 3.*

НАДЕЖДИНСК И ЛЫСЬВА: СОЦГОРОДА В СТАРЫХ ПОСЕЛКАХ

Надеждинск получил свое имя в честь Н. М. Половцовой – владелицы участка земли, где был в 1896 г. пущен металлургический завод, при котором возник поселок. Завод специализировался на выпуске рельсов и сохранял этот индустриальный профиль вплоть до конца 1920-х гг.⁷⁴³ Наиболее старая часть поселка Надеждинского завода расположена в непосредственной близости к проходной, она состоит из деревянных и каменных домов. На запад от нее разворачиваются кварталы 1920-х гг., состоящие из двухэтажных рубленых домов.

---

⁷⁴³ В «Золотом тельенке» Ильфа и Петрова упомянуты надеждинские рельсы, использовавшиеся при строительстве Восточной магистрали: «Ровно два года назад здесь лег на землю первый черно-синий рельс, выпущенный Надеждинским заводом. С тех пор из прокатных станов завода беспрерывно вылетали огненные полосы рельсов. Магистраль требовала их все больше и больше. Укладочные городки, шедшие навстречу друг другу, в довершение всего устроили соревнование и взяли такой темп, что всем поставщикам материалов пришлось туго». Интересно, что в том же году, когда «Золотой тельенок» появился в печати, производство рельсов на заводе было свернуто, и предприятие полностью перешло на выпуск качественной сортовой стали, используемой в машиностроении.

Рис. 56. Дворец культуры в Надеждинске (Серове). Фото К. Д. Бугрова. 2018 г.

В начале 1930-х гг. Надеждинск подвергся интенсивной реконструкции. Новым центром соцгорода стала обширная площадь, носившая в 1930-е гг. имя Сталина и озелененная в ходе субботников в 1934 г. Вокруг нее расположились крупнейшие архитектурные сооружения советского Надеждинска: гигантский дворец культуры (не имеющий аналогов на Урале по своим размерам и стилистике⁷⁴⁴), фабрика-кухня, гостиница⁷⁴⁵. За дворцом культуры располагался больничный городок, ныне заброшенный, и школа партийной учебы, носившая имя И. Д. Кабакова. Вдоль улицы Агломератчиков, ведущей от завода к площади Сталина, находились три 3-этажных дома стандартного проекта (ул. Агломератчиков, 3, 5; ул. Октябрьской революции, 2; аналогичные дома, как мы увидим ниже, в те же годы строились в Лысьве и Златоусте), по-видимому, предназначенные для руководящего состава и ИТР Надеждинского завода. 7 ноября 1932 г. городская газета «Пролетарий» поместила крупный фотоколлаж под заглавием «На месте грязного глухого поселка растет новый социалистический Надеждинск». Здесь были важнейшие архитектурные сооружения города – дворец культуры, фабрика-кухня, новый жилой дом, гости-

⁷⁴⁴ На смену! № 117 (1172) 22 мая 1930 г.

⁷⁴⁵ Трехэтажное здание гостиницы не сохранилось; по данным И. А. Фомичева, оно находилось примерно там же, где и сегодня стоит гостиничный комплекс (Фомичев. С. 135).

1. Отдых детей на воздухе в детских.
2. Плотояная гостиница.
3. Новые дома под рабочие квартиры.
4. Мертвый час на воздухе в детских.
5. Дом марксистско-ленинской учебы им. И. Д. Бакова.
6. Дворец культуры.
7. Механизированная столовая.
8. Городская прачешня и.

Рис. 57. Коллаж. Новое строительство в Надеждинске. Пролетарий. 7 ноября 1932 г.

XVI съезда в районе необычайно возросло культурно-бытовое строительство, созданы два новых рабочих поселка, Дворец культуры, звуковое кино, поликлиника, хлебозавод, профтехкомбинат, пущена в эксплуатацию первая очередь водопровода, заканчивается строительство больничного городка»⁷⁴⁷.

⁷⁴⁶ «Тов. Лепсе по поводу постройки водопровода сообщил, что лысьвенцам необходимо прислать как можно скорее проект его и ЦК гарантирует поддержку постановки вопроса о кредитах в Цекомбанке. Тов. Луначарский на школьное строительство лысьвенцев от Наркомпроса особо выделить ничего не обещал в текущем году. Однако в своем письме УралОНО он просил, чтобы из фонда школьного строительства по Уралу часть средств была бы обязательно выделена Лысьве» (Уральская неделя. Дайте жилища Уралу! // Уральский рабочий. № 35. 10 февраля 1928 г.).

⁷⁴⁷ В Лысьве необычайно возросло культстроительство // Ударник. № 11 (2414). 12 января 1934 г.

ница, школа партийной учебы (имя Кабакова хорошо видно над входом) — а также фотографии счастливых детей соцгорода.

Еще в конце 1920-х гг. Лысьва считалась примером скверных жилищных условий. На это обращали внимание высокие гости, в том числе наркомпрос Луначарский. Специальная делегация из Лысьвы посетила Москву с жалобами, и смета на жилищное строительство в городе выросла вдвое, до 600 тыс. рублей⁷⁴⁶.

В 1934 г. местная «Искра» с гордостью отчитывалась: «Со времени

Капитальная застройка соцгорода Лысьвы была сосредоточена в двух зонах. Первой была предзаводская территория в старом центре города, развернувшаяся вдоль улиц Революции и Смышляева, в непосредственной близости от заводской плотины. Тут размещались общественные здания – профтехкомбинат, пожарное депо, поликлиника (ул. Коммунаров, 18), пожарное депо, здание горсовета, кинотеатр; в 1931–1932 гг. были выстроены два четырехэтажных дома горсовета (ул. Смышляева, 8, 9)⁷⁴⁸. Несколько в отдалении, выше по холму, располагался дом связи (ул. Кузьмина, 16), позднее подвергшийся перестройке, а также 3-этажный дом с двумя подъездами 1937 г. постройки (ул. Баженова, 45).

Среди этих сооружений наиболее интересным является, конечно, профтехкомбинат (ул. Революции, 15), построенный в 1931 г. (на стройке работали учащиеся школы ФЗУ, которые до этого занимались в заводских постройках и в бывшем господском доме графов Шуваловых)⁷⁴⁹. Здание ФЗУ являлось частью обширной строительной программы по возведению таких школ в промышленных уральских городах и, пожалуй, выступает самым ярким из них⁷⁵⁰: 4-этажное сооружение с горизонтальными окнами (напоминающими о ленточном остеклении), симметричное в плане, в центре имеет массивный закругленный выступ, по бокам которого находятся лестничные клетки. Подобная планировка была распространена для учебных зданий – в выступе обычно размещались «римские» аудитории или актовые залы. Не меньший интерес представляет кинотеатр «Пролетарий», позднее носивший имя «Родина». Итоги реконструкции исторического центра города подводили 7 ноября 1935 г.: «Украшением шуваловской Лысьвы были графская контора, дом управляющего да церковь. На месте церкви теперь разбит сквер, а контора и бывший дом управляющего затерялись среди многоэтажного дома Совета, поликлиники, звукового кино “Пролетарий”, Дворца культуры, здания почты – телеграфа – телефонной станции. Выросли поселки Ленинский

---

⁷⁴⁸ Парфенов Н. М. Застройка и архитектура Лысьвы в XVIII – XX вв. // Культурная жизнь провинции. Кн. 1. Лысьва: ООО «Издат. дом», 2011. С. 12. Фото строительства дома по адресу Смышляева, 8, попало на страницы газеты «На смену!» от 25 января 1930 г.

⁷⁴⁹ Колупаева Н. П. Из истории создания профессионального училища № 6 // Народная энциклопедия Лысьвы. URL: <http://encyclopaedia.lysva.ru/12/12-1-3.pdf> (дата обращения: 12.07.2018).

⁷⁵⁰ В 1930 г. Уралмет планировал вести строительство шести школ ФЗУ – на Верх-Исетском заводе, в Надеждинске, Лысьве, Златоусте, Алапаевске и Чусовом (Медленно поспешает // На смену! № 117 (1172). 22 мая 1930 г.).

и Октябрьский⁷⁵¹. Построена первая очередь водопровода. Озеленены улицы. Открыто автобусное движение. Нет шуваловского поселка! На его месте растет социалистическая Лысьва»⁷⁵².

Второй зоной была местность на другой стороне Травянского пруда – как говорили в Лысьве, «на Мысу». Здесь в конце 1920-х гг. был построен поселок завода, получивший имя Ленина; именем Ленина назвали и его главную улицу. Улица была застроена 7 капитальными 3-этажными домами; аналогичные здания имеются в Златоусте и Надеждинске. Здесь же, на берегу заводского пруда, в 1931 г. был выстроен великолепный дворец культуры (ул. Ленина, 2) – один из самых больших конструктивистских клубов Урала. Для довоенной Лысьвы этот дворец был предметом гордости. Увы, сегодня разглядеть конструктивистские черты дворца культуры сложно: в послевоенный период здание подверглось «обогащению фасадов».

Единственным местом увлечений до революции для рабочих и трудящихся Лысьвы был кабак. За годы первой пятилетки, на фабричном и мре, выстроено прекрасное здание Дворца Культуры, лучшее место культурного отдыха и развлекательной работы и отдыха всех трудящихся города. В Дворце Культуры ставятся спектакли, сменяются вечера, вечера самодеятельности, кино, выставки картин и т. д. Помимо, облас культурного и общественного жизни Лысьвы, самым государственным театром являются и Бюро им. Луначарского. Ничего это стало возможным только после Октябрьской революции, после победы над капитализмом. На СПИМЭ: Дворец Культуры.

Рис. 58. Дворец культуры в Лысьве. Искра. 15 июля 1935 г.

В. З. Рябов, директор Лысьвенского турбогенераторного завода в 1972–1987 гг., вспоминал о состоянии Лысьвы в 1940-х гг., подводя своего рода итог довоенному строительству в городе: «Как оазисы в пустыне проглядывали отдельные каменные дома (исключая заводские постройки ЛМЗ) – здание горисполкома, кинотеатр “Родина”, милиция, городская баня, здание драмтеатра, почта, школы № 1, 2, 3, Дворец культуры металлургов и дома по улице Ленина стояли несколько в стороне от города – на Мысу, как называли тогда ту местность: она выступала между двумя прудами – Большим Лысьвенским и Травянским»⁷⁵³.

⁷⁵¹ Поселок из 28 рубленых двухэтажных домов в северо-западной части Лысьвы, известный также как Гострой, прекрасно сохранился на 2018 г.

⁷⁵² Искра. 7 ноября 1935 г.

⁷⁵³ Рябов В. З. О городе, о заводе и о себе... // Народная энциклопедия Лысьвы. URL: <http://enc.lysva.ru/5/5-10.pdf> (дата обращения: 09.09.2018).

Кроме того, к концу 1937 г. в Лысьве был достроен медгородок, расположившийся на окраине города (ул. Больничная) и состоявший из двух крупных двухэтажных корпусов – хирургического и инфекционного. Особенный интерес представляет первый из них – крупное конструктивистское здание с панорамным остеклением окон операционных залов⁷⁵⁴. К сожалению, в настоящее время хирургический корпус больничного городка заброшен и разрушается.

Реконструкция старых металлургических городов – Надеждинска и Лысьвы – следовала одной и той же модели: советские градостроители перестраивали центральную часть ранее существовавшего поселка, безжалостно снося храмы и создавая новые доминанты. Оба соцгорода имеют крупные дворцы культуры, а также яркие примеры конструктивистской архитектуры, дошедшей до сегодняшнего дня почти без искажений, – профтехкомбинат в Лысьве и фабрику-кухню в Надеждинске. По одному и тому же проекту велось и жилищное строительство конца 1920-х гг.

КРАСНОУРАЛЬСК – ЗАБЫТЫЙ СОЦГОРОД

Предполагалось, что соцгород будет завершен одновременно с заводом. Социально-культурное строительство было намечено, согласно плану капитального строительства на 1931 г., в следующем объеме: «Окончание школы, постройка 3-х клубов – кино во всех поселках и центрального клуба в заводском поселке, постройку детских яслей и детплощадок во всех поселках, постройка школы ФЗУ и общежития для учащихся; окончание хлебозавода, универмага, бани, постройка фабрики-кухни на 45–50 тысяч блюд, № 2 на 2000 обедов в заводском поселке; и столовой на 1000 обедов в Левинском поселке; постройка 3-х домов для поселкового совета и милиции, почты и телеграфа, союзов и парткома»⁷⁵⁵. В 1931 г. был пущен красноуральский водопровод, протянувшийся на 11 километров до реки Туры⁷⁵⁶. Но, как и в других городах, подготовка завода к пуску поглотила все ресурсы и силы

---

⁷⁵⁴ «Главный хирургический корпус выбран в южном варианте – в виде каркаса с многочисленными шлакоблочными заполнениями, с плохим фундаментом. Как вспоминали старожилы, за эти отступления и за выбор проекта четверо строителей жестоко пострадали» (Подоплелов А. П. Здравоохранение в Лысьве: вчера, сегодня и завтра (воспоминания и размышления ветерана) // Народная энциклопедия Лысьвы. URL: <http://encyclopaedia.lysya.ru/12/12-4-2.pdf> (дата обращения: 02.09.2018).

⁷⁵⁵ План капитального строительства на 1931 год // Гигант. № 30(46). 24 ноября 1930 г.

⁷⁵⁶ Красноуральский медеплавильный комбинат. Годы. События. Люди. Екатеринбург: Филантроп, 2001. С. 30.

строителей, и программа строительства соцгорода была выполнена лишь к концу 1932 г.

7 ноября 1932 г. местная газета «Гигант» печатала фотографии новостроек, с гордостью провозглашая: «Отступает тайга под штурмом большевистской сплоченности пролетариата. Вокруг рудников и завода строятся огромные рабочие поселки»⁷⁵⁷. Рядом с фотографиями заводских цехов красовались портреты ударников производства – советских и американских рабочих и инженеров.

В 1932 г. «Уральский рабочий» с гордостью сообщал: «В кольце тайги над хвойным разливом высятся гигантские копры новых шахт, бетонные корпуса обогатительной фабрики и медеплавильного завода, вонзившего в морозную синеву дымящиеся трубы. Уралмедьстрой создал в глуши индустриальный горизонт. Тайга отступила за Кушайку и Лягушиху, за Химстрой и Левинский рудник». Преображение местности вылилось в создание соцгорода: «Большие поселки – Кампанейский и Ново-Заводский – сливаются в 30-тысячный город Красноуральск. В городе растут кирпичные 4-этажные дома, школы, продснаб, клуб и др. Управление строительства и горсовет озабочены планировкой социалистического города на 100–150 тыс. жителей. За прошлый год Уралмедьстрой построил до 30 двухэтажных домов и десятки барачков, но острый жилищный кризис еще не ликвидирован. На рудниках и заводе осели тысячи строителей, они перебрасывают семьи и спрос на жилища растет. Сегодня на жителя приходится 2 кв. метра жилплощади. Нужно крепко строиться, чтобы в 32 году увеличить эту норму до 6 кв. метров на человека. Нужно быстро строить, чтобы в городе развернуть широкую сеть культурно-бытовых учреждений»⁷⁵⁸.

Соцгород Красноуральск включал в себя поселок металлургического завода, являвшийся центром всего поселения, и два поселка рудников – Красногвардейского и Ново-Левинского, расположенные в непосредственной близости. Все эти поселки и промышленные мощности (к которым следует добавить строившийся химический завод) образовывали единый город. Центром города была прямоугольная заводская площадь, образованная улицами Ленина и Кирова и вытянувшаяся с северо-запада на юго-восток.

Общественная инфраструктура располагалась в южной по отношению к заводской площади части города, вдоль двух улиц, ведущих к железнодорожной станции Медь – Советской и Калинина. Здесь находились горсовет, банк, школа ФЗУ, техникум, баня, универсам.

⁷⁵⁷ Иванов Н. Отступает стынь тайги // Гигант. № 262. 7 ноября 1932 г.

⁷⁵⁸ Сказин Н. Профиль красноуральского гиганта // Уральский рабочий. № 16 (4862). 19 января 1932 г.

Сохранившаяся капитальная жилая застройка представлена двухэтажными жилыми домами – трехэтажек в Красноуральске не было, за исключением крупного дома ИТР в северной части.

Центральным звеном этой инфраструктуры был клуб цветников⁷⁵⁹ (ул. Советская, 2). Строительство клуба затянулось; еще в октябре 1933 г. он не был сдан в эксплуатацию, что вызывало поток жалоб: «По плану в первой декаде октября правлением клуба было намечено ввести в эксплуатацию техстанцию, комнату ИТР, читальню и библиотеку. Организовать работу в красных уголках механического и металлургического цехов. Создать конференцию жильцов барачков заводууправления с вопросом организации культурных условий в бараке и заключить договор по шефству клуба над бараками металлургического цеха. Во второй декаде было предположено ввести в эксплуатацию кафе, комнату отдыха, нацменкомнату, детские комнаты, три кружковых комнаты, оформить правление клуба и приступить к практической работе по ИЗО-оформлению клуба и завода. Однако обе декады прошли, а ни одного из намеченных мероприятий не сделано»⁷⁶⁰.

Заработавший-таки в 1934 г., красноуральский клуб цветников был одним из крупнейших на Урале в своем роде – местная газета с полным основанием говорила о том, что этому клубу «могут позавидовать большинство из первенцев первой пятилетки не только Урала, но и всего союза»⁷⁶¹. Здание клуба и сегодня продолжает функционировать в качестве городского культурного центра; здесь же работает Красноуральский историко-краеведческий музей. Хотя перестройка входной группы здания в позднесоветский период и последующая облицовка керамической панелью исказили оригинальный облик, это – один из наиболее крупных рабочих клубов, сохранившихся на территории Большого Урала.

Другим выдающимся конструктивистским зданием Красноуральска, возведенным в начале 1930-х гг., был Продснаб – 3-этажный городской универмаг, магазин № 7, торговавший продуктами питания и промышленными товарами⁷⁶². Рядом с Продснабом расположилось бывшее здание городского совета (ул. Советская, 28). К северо-востоку от Продснаба и горсовета, на улице Калинина, находится здание школы ФЗУ (ул. Калинина, 14), примечательное тем, что у нее

---

⁷⁵⁹ Т. е. рабочих цветной металлургии.

⁷⁶⁰ Подготовка клуба на самотеке // Гигант. № 238 (730). 21 октября 1933 г.

⁷⁶¹ Довольно ссылаться на трудности // Гигант. № 270 (762). 5 декабря 1933 г.

⁷⁶² История Красноуральска: какие тайны хранит здание «Электросетей» на Ленина // Goroda96.ru URL: <http://goroda96.ru/index.php?task=new.view&id=14759> (дата обращения: 30.08.2018).

сохранилась оригинальная пристройка – учебные мастерские с фонарями верхнего света на крыше). Несколько ближе к заводу располагалась баня Красноуральска (ул. Красина, 5). Фотография бани неоднократно появлялась в 1930-х гг. на страницах «Уральского рабочего»; это был один из крупнейших банных комплексов области. По своей планировке красноуральская баня напоминает банно-прачечный комбинат ЧТЗ (4-этажное здание с выходящей на обе стороны лестничной клеткой), но отличается от него и деталями, и размером. На козырьке здания сохранилась оригинальная надпись конструктивистским шрифтом, гласящая «БАНЯ». К сожалению, этот яркий пример коммунальной архитектуры начала 1930-х гг. сегодня заброшен и находится в полуразрушенном состоянии.

Рис. 59. Баня в Красноуральске. Красноуральск – объект вредительства пятаковской банды на Урале. Архитектурно-проектная мастерская № 2 НКТП. Фотоальбом. Красноуральский историко-производственный музей.

В этой же части города находятся детский сад (ул. Каляева, 4) и здание Госбанка (ул. Советская, 4), построенное, очевидно, позже всех остальных (но не позднее 1937 г.), поскольку конструктивистские элементы в его архитектуре отсутствуют. Это постройка в духе неоклассики конца 1930-х гг., уже с портиком, но с колоннами без капителей. Проект был, видимо, типовым (точная копия здания имеется в Кизеле), но примечателен красноуральский Госбанк тем, что на фронте сохранилась оригинальная надпись «БАНК», выполненная конструктивист-

ским шрифтом, и лепной герб СССР. С южной стороны главной площади также расположилось здание школы (ул. Кирова, 15).

Застройка северной части города была менее разнообразной – на северную сторону площади выходили Красноуральский хлебокомбинат и заводоуправление с массивной лестничной клеткой (ул. Кирова, 2), надстроенное в позднейший период на 1 этаж. Кроме того, здесь был построен единственный в городе 3-этажный дом ИТР Красноуральского медеплавильного завода (ул. Дзержинского, 50).

Не меньший интерес представляет собой индустриальное строительство Красноуральска. От заводской проходной хорошо видно высокое (8 этажей) здание обжигового цеха; справа (южнее) расположено приземистое сооружение обогатительной фабрики, впервые в СССР

Рис. 60. Заводоуправление медеплавильного комбината имени Красной Армии в Красноуральске. Красноуральский медеплавильный комбинат. М.: ГНТИ, 1931.

применившей промышленную флотацию (позднее корреспондент «Правды» охарактеризует здание как «прекрасное»). Яркими образцами индустриального дизайна были и здания шахт комбината с конструктивистскими железобетонными копрами, построенные по проектам треста «Техбетон» (современный исследователь И. А. Казусь называет проект «жемчужиной» творчества коллектива «Техбетона») ⁷⁶³. Этот выдающийся проект был реализован: 1 июня 1934 г. «Уральский рабочий» напечатал фотографию копра шахты «Капитальная» Ново-Левинского рудника, которая в точности соответствует тому проекту, который опубликован Казусем. Увы, до настоящего времени постройка не сохранилась: Ново-Левинский рудник в середине XX в. остановили, а шахту

⁷⁶³ Казусь И. А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 103.

частично снесли. Однако проект был, по-видимому, применен дважды: аналогичное здание было выстроено на Красногвардейском руднике – на сайте проекта «Рудники Урала» (www.uralmines.ru), посвященном истории уральской горнодобывающей промышленности, можно увидеть руинированное, но все еще узнаваемое здание.⁷⁶⁴

В конце января 1934 г. газета «Гигант» подводила итоги строительства в самом оптимистическом духе: «Красноуральский район из отсталого, заброшенного, хищнически эксплуатируемого в прошлом исключительно по богатству минерального сырья, волей партии и рабочего класса превратился не столько в один из передовых форпостов социалистической индустрии на севере Урала, но и передового культурного центра»⁷⁶⁵. Соцгород состоялся!

Но уже 18 февраля 1934 г. прогремел гром – в «Правде» вышла статья «Красноуральский медеплавильный комбинат как он есть», содержащая свирепую критику положения дел в городе. «Завод не достроен. Этой истины до приезда бригады тов. Пятакова, которая начала вскрывать действительное положение на комбинате, никто не хотел признавать. <...> Вконец запутавшееся руководство до сих пор не сознает своей вины и своей ответственности за настоящее состояние завода, не согласно с отдельными выводами бригады тов. Пятакова, саботирует проведение в жизнь ее указаний». Корреспондент «Правды» сообщал о рекордной для СССР текучести кадров, пенял на грязь в цехах («особенно мрачно выглядит прекрасное здание обогатительной фабрики»), ругал перебои в снабжении. Досталось и коммунальной сфере «форпоста социалистической индустрии»: «На весь город две парикмахерских. В недавно построенной бане уже не работают души. На всем заводе ни в одном цехе нет уборных. Об умывальниках и помину нет. В Красноуральске несколько клубов. Но в них мухи от тоски дохнут. Обширные залы и комнаты клуба пустуют»⁷⁶⁶.

Это был сокрушительный удар. Уже 24 февраля 1934 г. Д. М. Ханнин, которого «Уральский рабочий» обозвал «Заратустрой честных болтунов», был снят с должности. Но дело, видимо, было вовсе не в том, что специалист по детской литературе Ханнин оказался «Заратустрой». Пройдет год, и в январе 1935 г., на I свердловском съезде Советов, директор Красноуральского медеплавильного комбината К. И. Дук печально отметит: «То, что характеризует сегодня город

---

⁷⁶⁴ Компанейский (Красногвардейский) рудник. URL: <http://uralmines.ru/kompanejskij-krasnogvardejskij-rud/> (дата обращения: 01.08.2018).

⁷⁶⁵ Так строится город // Гигант. № 24 (803), 29 января 1934 г.

⁷⁶⁶ Красноуральский медеплавильный комбинат как он есть // Гигант. № 43 (819), 23 февраля 1934 г. Как видим, «Гигант» перепечатал разгромную статью «Правды».

Рис. 61. Дом ИТР (гостиница) в Красноуральске. Красноуральск – объект вредительства пятаковской банды на Урале. Архитектурно-проектная мастерская № 2 НКТП. Фотоальбом. Красноуральский историко-производственный музей.

Красноуральск, показывает чрезвычайно большой разрыв между уровнем техники и уровнем культурно-бытовых условий трудящихся. Рабочие и специалисты, успешно осваивающие мощность всех агрегатов и машин, обслуживаются еще плохо. А ведь Красноуральск имел больше возможностей для приведения в порядок жилищно-бытовых условий, чем любой другой город. В 1935 г. это отставание мы должны ликвидировать во что бы то ни стало»⁷⁶⁷.

А осенью 1936 г. на Урал в очередной раз вернулся Пятаков, над головой которого уже собрались тучи. 12 сентября 1936 г. на станции Сан-Дonato Пятаков был арестован и вскоре оказался основным обвиняемым на процессе «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Главными пунктами обвинения стали «вредительство» в медной промышленности и на Уралвагонзаводе в Нижнем Тагиле. Теперь оказалось, что именно Пятаков – ни много ни мало! – стоял за всеми трудностями, которые обрушивались на многострадальный Красноуральск, а под видом «конкретных указаний» заместитель наркома раздавал инструкции вредителям, саботажникам и диверсантам. Фигурировал в показаниях Пятакова и красноуральский соцгород, тоже оказавшийся результатом преступного саботажа: «На Урале по линии медной промышленности и по линии бытовой шла

⁷⁶⁷ Дук К. И. Мобилизовать внутренние ресурсы // Уральский рабочий. № 11 (5846). 12 января 1935 г.

преступная работа на Средуралмедьстрое и Красноуральске, прежде всего, в смысле расположения поселка. Мы его приблизили на расстояние 1–2 километра к заводу, что, вообще говоря, не разрешается по санитарному закону, поскольку это производство вредное»⁷⁶⁸. В городском музее Красноуральска хранится альбом фотографий, подготовленный архитектурно-проектной мастерской № 2 НКТП с целью проиллюстрировать «вредительство». Короткие подписи к фото сообщали, что вокзал Красноуральска «убогой архитектуры», что улицы окутывает смог от завода, что местный клуб представляет собой «безвкусное здание времен конструктивизма» и что даже трибуну стадиона вредители – очевидно, по указаниям Пятакова – построили так, чтобы «солнце мешало зрителям смотреть соревнования»...

Газета «Известия» за 30 января 1937 г. содержала не только приговор по делу «параллельного центра», но и подборку «резюлюций» от коллективов ночных смен предприятий СССР. И вряд ли случайно, что было среди «резюлюций» и письмо, подписанное шахтером-стахановцем Красноуральского медного рудника К. Гумаровым: «По национальности я – татарин. По профессии – шахтер. Советская власть принесла мне освобождение от царя и капиталистов, дала мне все права и свободы, превратила мой народ в равноправного члена великой семьи советских народов. Троцкисты хотели все это у меня отнять, хотели опять посадить мне на шею жандармов и заводчиков. Как патриот своей великой страны, я горячо аплодирую приговору Верховного суда, обеими руками подписываюсь под этим приговором»⁷⁶⁹.

Несмотря на драматические тяготы и трудности, с которыми столкнулись строители Красноуральска, соцгород при медплавильном комбинате оказался одним из наиболее крупных на Большом Урале. История этого поселения заслуживает того, чтобы быть рассмотренной в одном ряду с соцгородами Магнитогорска, Уралмаша, ЧТЗ, Березников.

БЕРЕЗНИКИ – СОЛИКАМСК: РЕСПУБЛИКА ХИМИИ

Сооружение Березниковского химического комбината началось в 1929 г. Как отмечает современная исследовательница И. Т. Сидорова, для размещения этого предприятия предлагались различные площадки. Комбинат мог оказаться в Перми или в Губахе,

⁷⁶⁸ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М.: НКЮ Союза ССР; Юридическое издательство, 1937. С. 13.

⁷⁶⁹ Гумаров К. Обеими руками подписываюсь под приговором // Известия. № 27 (6189). 30 января 1937 г.

однако решающим фактором оказалась близость к источнику сырья: «В пользу Березников говорила близость месторождений соваренной и калийных солей, губахинского кокса, кизеловского угля, среднеуральского серного колчедана и транспортных артерий. <...> 24 апреля 1929 г. коллегия Главхима утвердила промышленное задание по БХК»⁷⁷⁰. Кроме того, именно в Березниках находился пущенный еще в 1883 г. первый в России содовый завод. Первую очередь комбината планировали закончить к октябрю 1930 г., но реальный пуск состоялся лишь в апреле 1932 г.⁷⁷¹ Наибольшее значение для визуализации Березниковского комбината имел цикл картин Ф. К. Лехта. Лехт участвовал в крупной командировке столичных мастеров на Урал, итогом которой стала выставка «Гиганты Урала» в 1931 г.; осенью того же года у Лехта прошла и собственная выставка, специально посвященная его визиту на Березниковский комбинат и включавшая 88 работ⁷⁷². Обширная статья «Березниковский химический комбинат» в Уральской советской энциклопедии (1933), написанная самим директором строительства М. А. Грановским⁷⁷³, была проиллюстрирована именно картинами Лехта⁷⁷⁴. Доминирующими архитектурными элементами березниковского визуального образа были заводская ТЭЦ и громадные газгольдеры (современная исследовательница А. А. Шанявская, анализируя березниковские работы Лехта, указывает на своеобразную перекличку картины «Строительство газгольдера» с искусством Ренессанса: «Кажется, что рабочие возводят не стены будущего гиганта химической промышленности, а купол Санта Мария дель Фьоре»⁷⁷⁵).

⁷⁷⁰ Сидорова И. Т. Становление химической промышленности в Верхнем Прикамье на примере Березниковского химкомбината // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2010. № 2. С. 80–81.

⁷⁷¹ Там же, с. 83.

⁷⁷² Шанявская А. А. Целевые творческие командировки советских художников и отечественное искусство 1922–1932 годов. Дис.... канд. искусствовед. СПб.: Санкт-Петербургск. гос. ун-т, 2017. С. 148.

⁷⁷³ По крайней мере, частично текст, помещенный в Уральской советской энциклопедии, был составлен из фрагментов более ранних статей Грановского. Например, абзацы, сообщающие о принципе комбинирования в современной химической индустрии дублируют аналогичные фрагменты из статьи Грановского 1930 г. (Грановский М. А. Давать в срок проекты, оборудование и материалы // Уральский рабочий. № 136 (4323). 11 июня 1930 г.) и, возможно, восходят к еще более ранним статьям или докладам Грановского на эту тему.

⁷⁷⁴ Уральская советская энциклопедия. С. 330 – 334.

⁷⁷⁵ Шанявская А. А. Целевые творческие командировки советских художников. С. 148. См. эту работу Лехта на официальном сайте Березниковского музея: http://www.museum-berezniki.ru/_mod_files/ce_images/news/f.k_leht.____stroitelstvo_gazgol_dera_1000_081015.jpg.

В апреле 1932 г. руководитель стройки М. А. Грановский с гордостью сообщал на страницах «Уральского рабочего»: «Вредитель Сиротинский⁷⁷⁶ на процессе промпартии заявил: “По окончании всей работы постройка должна будет осесть и потребует крупных затрат на перестройку” <...> Все выстроенные корпуса стоят основательно, ни в одном здании нет абсолютно никаких признаков осадки»⁷⁷⁷. Уральская советская энциклопедия, обстоятельно повествуя о строительстве комбината, сообщает о «сознательной путанице», которую вносили вредители на этапе проектирования и которая усугубила и без того трудные условия стройки⁷⁷⁸.

Что же было построено в Березниках? Капитальный жилой фонд, состоявший в основном из 4-этажных домов, можно разделить на две части.

Старейшая часть жилого фонда соцгорода была сконцентрирована в районе треугольника, образованного улицами Пятилетки, Индустриальной и Деменева. Она представляла собой десяток кирпичных домов, размещенных под углами по отношению к улицам Индустриальной и Пятилетки по принципу строчной застройки (здания, стоящие вдоль Деменева, напротив, повернуты к улице фасадами). Особенно примечательны два жилых дома (ул. Березниковская, 84, 86) – необычный архитектурный проект, впервые реализованный в середине 1930-х гг.; в 1940–1950-е гг. домами этого же проекта будут застроены кварталы Березников по улице Парковой. Большая же часть жилой застройки этого старого треугольника не сохранилась.

Вторая часть старого соцгорода располагается в квартале, ограниченном улицами Свободы, Коммунистической, Ленина, Пятилетки. Застройка квартала была осуществлена лишь частично: здесь было выстроено восемь 4-этажных домов; большая их часть размещена по принципу строчной застройки. В глубине квартала построены детский сад и ясли. Здесь также имеется 5-этажный дом (пр. Ленина, 40), очевидно, предназначавшийся для руководящего состава.

Социальная инфраструктура включала фабрику-кухню (Советский пр., 8; здание перестроено), баню-прачечную (ул. Березниковская, 76; здание руинировано). В 1932 г. выпуск № 5 журнала «СССР на стройке» был целиком посвящен химическому комбинату на Каме.

⁷⁷⁶ Грановский ошибся в фамилии – подсудимым был Сироцинский.

⁷⁷⁷ Грановский М. А. К победному завершению Березниковской стройки // Уральский рабочий. № 98. 28 апреля 1932 г.

⁷⁷⁸ Уральская советская энциклопедия. С. 329.

Рис. 62. Школа ФЗУ в Березниках. СССР на стройке. 1932. № 5.

Здесь был подробно охарактеризован и поселок комбината – в журнале он фигурировал как «соцгород Чертан».

Говоря о соцгороде в Березниках, Уральская советская энциклопедия фиксировала «расширение городского хозяйства»: новый корпус больницы, хлебозавод, химический институт, гостиница, фабрика-кухня, дворец культуры, универмаг, ФЗС, «ведется строительство поликлиники, здания Нарсвязи, Госбанка, бани», а также «работы по укладке водопровода, канализации и сооружению городской сети электропередачи». Суммарный жилой фонд Березников здесь охарактеризован цифрой в 248 тыс. кв. м при населении в 73 тыс. человек⁷⁷⁹ (то есть 3,4 кв. м жилой площади на человека, хотя этой цифрой энциклопедия не оперировала). Теперь, когда завод пущен – нельзя ли уделить больше внимания коммунальному строительству? Мастер хлоркалиевого завода Бадретдинов на IV районной партконференции в январе 1934 г. даже заявил о том, что Березникам нужен трамвай, который избавит рабочих от необходимости ходить на работу по 2–3 километра⁷⁸⁰.

Обширная программа благоустройства Березников, стартовавшая в 1934 г., опиралась – как и во всех других соцгородах – на помощь населения. Первый массовый «выход на работу по благоустройству города» был запланирован 30 мая 1934 г.,⁷⁸¹ но в итоге состоялся 6 июня⁷⁸². Город разделили на 6 участков, на каждом из которых должно было работать по 150–200 человек. Однако березниковцы на субботники выходили неохотно: 6 июня вместо ожидавшихся 1 500 человек

⁷⁷⁹ Уральская советская энциклопедия. С. 318–319.

⁷⁸⁰ Бадретдинов. Березникам нужен трамвай // Ударник. № 14 (2417). 16 января 1934 г.

⁷⁸¹ Сегодня начало массовых работ по благоустройству города // Ударник. № 123 (2526). 30 мая 1934 г.

⁷⁸² В поход за благоустроенный город! // Ударник. № 127 (2530). 4 июня 1934 г.

пришла треть, 12 июня вместо 1 000 человек явилось 400, 24 июня субботник провалился и был перенесен на 30 июня⁷⁸³, но и это не пошло – из 1 790 человек явилось всего 300⁷⁸⁴.

Центральным элементом городской инфраструктуры был крупный дом культуры (пр. Ленина, 50), открытый в 1932 г. Фотография этого дворца была напечатана в выпуске «Ударника» за 9 августа 1933 г. с подписью «Выросший на месте тайги». Кроме театра, в 16 «прекрасных комнатах» дворца культуры были «прекрасно оборудованная библиотека с 50 000 экземпляров книг, читальный зал, фотолaborатория, комната отдыха, где можно поиграть в шашки и шахматы, встретиться запросто с товарищем, почитать, получить ценные книги, работает симфонический оркестр, организован класс рояля и танцев»⁷⁸⁵. Конструктивистский фасад дворца культуры был перестроен в 1950-х гг. в неоклассическом стиле.

Рядом с дворцом культуры находился кинотеатр Березников (пр. Ленина, 44), построенный в 1933 г. Это было «новое прекрасное культурное учреждение, рассчитанное на одновременное обслуживание до 1 500 чел. Зрительный зал кино вмещает 1 140 чел., кроме этого зала имеются специальный читальный зал, шахматно-шашечная комната и т. п.»⁷⁸⁶

В 1934 г. был построен цирк на 2 500 мест, при строительстве интенсивно использовался труд участников субботников (стройка началась еще в конце зимы 1934 г., но без массового участия горожан дела не двигались, а между тем, жизненно важным было открыть цирк хотя бы 5 июля). На открытие цирка обещали прибыть «государственная конюшня чистокровных орловских дрессированных лошадей под управлением известного германского дрессировщика Дизендорфа; лучшие пропагандисты за физкультуру (знаменитая группа акробатов “8 Павловых”); знаменитые иностранные артисты (японская группа “5 Симадо”); укротитель всевозможных животных и зверей Золло (транспорт из 5-ти вагонов); воздушные полеты известных по кинофильму “Красные дьяволята” акробатов; музыкальные сатирики, отражающие сегодняшний день на арене цирка, Бим-Бом; немецкие

---

⁷⁸³ Провал субботника 24 июня привел к гневному «разбору» в газете: секретарь комитета ВЛКСМ Ломанов обещал привести «комсомольскую бригаду из 20 человек», а не пришел ни один работник. Погода была хорошей, а значит, «причин объективных быть не могло», сокрушалась газета (Серьезно заняться благоустройством города // Ударник. № 148 (2551), 28 июня 1934 г.).

⁷⁸⁴ Разговорами город не благоустроишь // Ударник. № 153 (2556), 5 июля 1934 г.

⁷⁸⁵ Наумова. Внимание дворцу культуры // Ударник. № 27 (2430), 2 февраля 1934 г.

⁷⁸⁶ Еще одна победа на фронте культурного строительства // Ударник. № 172 (2252), 4 августа 1933 г.

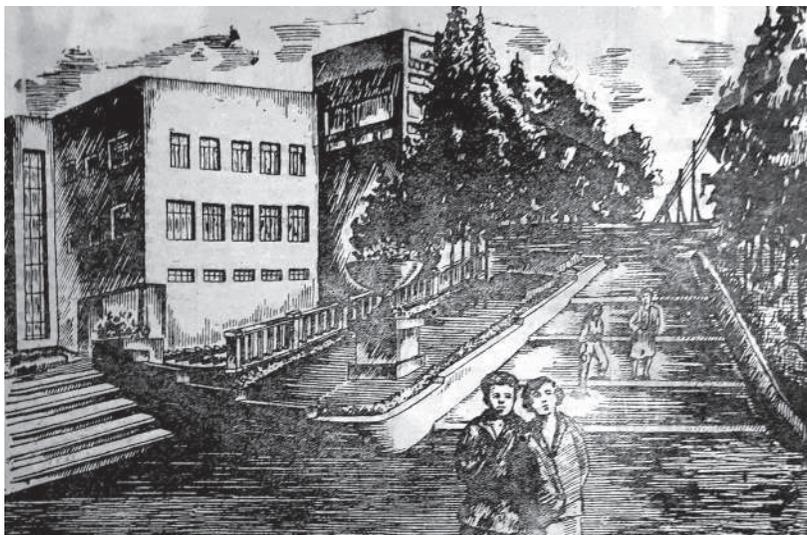

Рис. 63. Дворец культуры и парк в Березниках. Ударник. 17 июля 1935 г.

велосипедисты-фигуристы (группа Норланд); туристы на тройных турниках, артисты советского циркового техникума – группа Круффи, и ряд других номеров»⁷⁸⁷. Увы, срок к 5 июля оказался провален: на субботники по строительству цирка практически никто не являлся (6 июля из необходимых 300 человек пришло всего-то 20), а окрестные колхозы, по договорам обязанные предоставить рабочую силу, присылают на стройку женщин и подростков. Больше того: на 9 июля у дирекции цирка не было и денежных средств («однако это не говорит за то, что строительство должно быть прекращено», – ободряюще добавлял журналист), а глава горсовета Зверев не спешил выделять необходимые 25 000 рублей, несмотря на решение райисполкома⁷⁸⁸.

Впору бы отчаяться! Но, вопреки всем злоключениям и собственной инертности, березниковцы все-таки увидели и рысаков Дизендорфа, и «групповой воздушный полет» (правда, не труппы Павловых, а труппы Кравченко), и японских акробатов Симадо, а с ними и многих других артистов. Цирк, вместимость которого немного сократилась в ходе строительства (до 2 200 мест), был закончен в начале октября

⁷⁸⁷ Ускорить строительство цирка! // Ударник. № 120 (2523). 27 мая 1934 г.

⁷⁸⁸ Не самоустраняться от ответственности за строительство цирка // Ударник. № 157 (2559). 10 июля 1934 г.

1934 г. Постоянные места в цирк получили орденоносцы-ударники – Ардуанов и Султанов. «Ударник» с гордостью опубликовал большое изображение новенького здания цирка⁷⁸⁹.

Цирк, видимо, работал успешно. Например, в сезоне 1935–1936 гг. свои номера безрезниковцам представили такие мастера, как воздушные гимнасты Зиньковские и Альби⁷⁹⁰, клоун-дрессировщик С. Шафрик, наездник А. Т. Кантемиров (Али Бек)⁷⁹¹, планировался «прощальный вечер комиков Пата и Паташона»⁷⁹². Впрочем, этим программа не исчерпывалась: директор цирка В. Винокуров обещал в перерывах организовать танцы для зрителей под музыку оркестра⁷⁹³.

Наконец, Березники располагали крупным медгородком, центральной частью которого было сложное по планировке конструктивистское здание больницы. Состояние Березниковской больницы в специальной статье описывал сам главврач, А. П. Носков⁷⁹⁴. Больница на 285 коек располагалась в новом здании. В ее состав входил «стационар со следующими отделениями: чистым и гнойным хирургическим, родильным, гинекологическим, терапевтическим, глазным, нервным, детским, заразным. Кроме того, имеются три превосходно оборудованных операционных. Эта больница имеет право конкурировать с больницами крупных научных цен-

⁷⁸⁹ Бобирец А. Новый очаг культуры и отдыха // Ударник. № 230 (2632). 5 октября 1934 г.

⁷⁹⁰ Альби – название труппы воздушных гимнастов, созданной гимнастом и комиком В. М. Галаганом в 1931 г. и выступавшей с номером «Воздушный полет».

⁷⁹¹ А. Т. Кантемиров – ключевая фигура в истории российского и советского конно-циркового искусства, знаменитый цирковой наездник; в 1924 г. создал первую в стране конно-цирковую труппу – «Джигиты Осетии».

⁷⁹² Пат и Паташон – чрезвычайно популярный в 1920-х – 1930-х гг. датский дуэт артистов немого кино. Комического эффекта дуэт достигал за счет контраста между низким, энергичным толстяком Паташоном (Х. Мадсен) и длинновязым, тощим усачом Патом (К. Шенстрем). Популярность Пата и Паташона привела к тому, что название дуэта стало использоваться для обозначения любой клоунады, построенной по принципу «толстый и тонкий». В СССР было немало артистов, использовавших образы Пата и Паташона – например, так работали в 1920-х гг. Н. А. Антонов (Пат) и В. М. Бартнев (Паташон). Какие именно Пат и Паташон порадовали безрезниковских стахановцев клоунадой зимой 1934 г., еще предстоит выяснить.

⁷⁹³ Винокуров В. Цирк. Последний месяц // Ударник. № 54 (3052). 6 марта 1936 г.

⁷⁹⁴ А. П. Носков – важнейшая фигура в истории безрезниковского здравоохранения – окончил Вятскую фельдшерскую школу и медицинский факультет Пермского университета. С 1931 г. работал в Березниках. В 1933 г. он возглавил городскую больницу, которой руководил до 1951 г. (А. П. Носков. От фельдшера до главного врача // Официальный сайт Березниковского историко-художественного музея имени Ивана Коновалова. URL: <http://www.museum-berezniki.ru/k-70-letiju-pobedy/ap-noskov-ot-feldshera-do/> (дата обращения: 05.09.2018).

Рис. 64. Больница в Березниках. Фото К. Д. Бугрова. 2015 г.

тров». Персонал больницы – 33 лечащих врача и 14 врачей санитарных здравпунктов по состоянию на 1934 г. – был способен выполнять сложные хирургические, ортопедические, гинекологические и глазные операции. Больница располагала рентгеновским кабинетом, системами лечения светом, теплом и электричеством, лабораторией клинико-диагностического анализа, способной «проводить почти всю работу, какую могут проводить лаборатории крупных центров». Впрочем, были и недостатки в работе чудо-больницы: слабая профилактическая работа, некачественный уход за больными («передовым ударникам заводов иногда оказывается внимания меньше, чем прочему населению», – сокрушался автор статьи). У больницы нет прачечной, постоянно не хватает топлива, плохо налажено снабжение продуктами («совершенно отсутствуют сухие фрукты, ягоды, плохое снабжение сортовой мукой, молочными продуктами: мясо часто и зимой отпускается в виде солонины»). Да и санитарное состояние больницы подводит – несмотря на то, что тараканов и клопов вывели, «работники больницы еще не научились ежеминутно заботиться о чистоте». В самом же здании больницы, которое она делила с поликлиникой, уже не хватает места,

к тому же здесь отсутствует вентиляционная система, а также осталось огромное количество строительных недоделок, которые за три года эксплуатации здания так и не устранили⁷⁹⁵. В 1936 г. в медгородке было построено здание поликлиники (ул. Деменева, 12). Соцгород Чуртан (Чертан) имел также несколько школ, в том числе крупную школу ФЗУ (ул. Циренщикова, 6). А вот каким представлял на страницах газеты «Ударник» вновь выстроенный в Чуртане гастроном: «Свет брызжет в хрустальные стекла больших окон... На гладком паркетном полу играют зайчиками лучи солнца. На прилавках покрытых светлой клеенкой и выкрашенных полках симметрично расставлен товар. Вина, конфеты, лимоны, французские булжи, сельди, масло, печенье, папиросы и проч. Продавцы в белоснежных халатах с лакированными нарукавниками усердно готовятся к встрече покупателей»⁷⁹⁶.

Соседний с Березниками Соликамск тоже располагал заново выстроенным соцгородом, хотя здесь он был куда меньше. Частично новая застройка находилась в непосредственной близости к старому центру Соликамска с его величественными церквями и башнями; тут, на улице 20 лет Победы, были построены банк и кинотеатр (ул. 20 лет Победы, 122 и 127), образовывавшие нечто вроде конструктивистских «ворот» в старый Соликамск; в нескольких кварталах от них, на окраине, возвели крупное больничное здание (ул. Пушкина, 134).

В начале 1930-х гг. шла дискуссия о том, каким должен быть новый Соликамск – следует ли сосредоточить усилия на реконструкции старого центра или же перейти к возведению рабочих поселков рядом с производствами? Архитектор Н. Г. Эйсмонт – во 2-й половине 1930-х гг. он будет разрабатывать генеральный план Челябинска – на страницах березниковской газеты решительно выступил за работу по единому плану и против строительства разбросанных рабочих поселков⁷⁹⁷ (эта статья Эйсмонта опубликована в приложениях к настоящей книге). Однако экономика соцгорода взяла свое, и основная часть новой застройки Соликамска разместилась вдали от центра, в поселках калийного рудника и магниевого завода, образовав рабочий поселок Калиец⁷⁹⁸: «К моменту приемки комби-

⁷⁹⁵ Носков А. Березниковскую больницу сделать образцовой // Ударник. № 46 (2449). 24 февраля 1934 г.

⁷⁹⁶ Открыт магазин «Гастроном» // Ударник. № 130 (2533). 8 июня 1934 г.

⁷⁹⁷ Эйсмонт Н. Г. Соликамск должен стать городом калийной промышленности // Ударник. 21 мая 1931 г.

⁷⁹⁸ Руководитель калийного комбината В. Е. Цифринович не без гордости описывал новый поселок, одновременно воспроизводя ту картину социального деления, о которой

ната в строй в Калийце стояло 48 рубленых двухэтажных домов, 2 каменных общежития, 5 каменных 4-этажных домов, гостиница, амбулатория, фабрика-кухня, универмаг, детские ясли, школы ФЗУ и ФЗД, дом матери и ребенка, прачечная, вендиспансер, баня, столовая горняков. Кроме этого, в поселке стояли бараки, в которых жило не менее 4 тыс. спецпереселенцев, в которых на человека приходилось по 3,55 кв. м жилой площади. В зданиях не было канализации, однако постепенно проводился водопровод⁷⁹⁹. Вдоль улиц Плеханова и Спортивная располагалась капитальная застройка поселка (трехподъездные 4-этажные дома), организованная по модному в начале 1930-х гг. строчному принципу. В настоящее время эти дома снесены.

Зато сохранились 2 капитальных общежития (легко узнаваемые по характерной для общежитий планировке из двух блоков со смещением), расположенные на Комсомольской площади в непосредственной близости от проходной магниевого завода. Южнее поселка Калиец также сохранились два 3-этажных конструктивистских дома (ул. Мира, 48а и 71).

Как пишет современная исследовательница М. В. Назукина: «На сегодняшний день уральский маркер в региональной политике идентичности Пермского края связан в первую очередь с традиционалистским вектором и популяризацией идеи Перми Великой. Однако на уровне локальных сообществ уральские смыслы территориальной идентичности более актуализированы, в частности, в контексте общеуральской истории, и связаны с традициями горнозаводского края. Можно заметить, что города северо-восточной части Пермского региона по-прежнему в большей степени передают уральскую идентичность, чем столица Пермь»⁸⁰⁰.

мы коротко говорили в главе 3: «Мы добились известных успехов в заботе о наших кадрах инженеров и техников и передовых ударников-рабочих. Инженеры и техники 1-го калийного комбината почти на все 100 проц. обеспечены отдельными благоустроенными квартирами, организована неплохая ИТРовская столовая, существует ИТРовский детский сад, работает прекрасный музыкальный квартет по культурному обслуживанию рабочих и ИТР с дотацией от рудоуправления. Основной кадр рабочих производственников живет в сравнительно удовлетворительных жилищных условиях. Работает хороший детский сад на 150 ребят, детские ясли, организованы столовые, торговая сеть» (Цифринович В. Е. Годовщина освоения первого калийного комбината // Ударник. № 88 (2790). 17 апреля 1935 г.).

⁷⁹⁹ Строительство социалистического города Калийград. URL: http://www.himtrade.ru/info/npz/silvinit/SILVINIT_1927-37_Kaliigrad.pdf (дата обращения: 30.09.2018).

⁸⁰⁰ Назукина М. В. Уральские смыслы в локальной идентичности Пермского края // Современный город: власть, управление, экономика. 2016. № 1. С. 210–211.

МОЛОТОВО И ПЕРМЬ

Планировка соцгорода Мотовилихи, известного как Рабочий поселок, была выполнена в 1928 г. московским архитектором С. Е. Чернышевым⁸⁰¹. В состав поселка входило небольшое количество капитальных жилых домов, а также комплекс общественных зданий⁸⁰². Центром этой застройки является неправильный четырехугольник, ограниченный улицами Металлургов – Уральская – Индустриализации – Лебедева⁸⁰³.

В 1931 г. Мотовилиха получила новое имя – Молотово, а уже с 1931 г. развернулось «преобразование бывшей старой Мотовилихи в социалистический город Молотово»⁸⁰⁴. В 1935 г. местная газета «Молотовский рабочий» с удовлетворением декларировала: «Рабочий поселок Молотово вполне заслуженно может быть причислен к перворазрядным городам, сочетающим в себе культурную планировку с разумным благоустройством»⁸⁰⁵. Что же было построено? Инвентаризация жилого фонда, завершившаяся в Молотово в июне 1934 г., дала следующие показатели. Общее число жилых строений составило 6 691 здание суммарной жилой площадью 305 550 кв. м. Абсолютное большинство из них составляли частновладельческие дома, которых было 6 236. Муниципального жилья насчитывалось 259, из них 14 каменных и 10 «смешанных»; все муниципальные дома были не выше двух этажей. Новое же строительство было представлено «социалистическим поселком в количестве 73 домов, из них: каменных 17, стандартных 8, деревянных рубленых 48»⁸⁰⁶. Эти-то 17 каменных домов и составили ядро нового Молотово.

⁸⁰¹ Перескоков Л. В. Соцгород Рабочий поселок // Пермский дом в истории и культуре края: Материалы науч.-практ. конф. 19 декабря 2008 г. Пермь, 2008. С. 43.

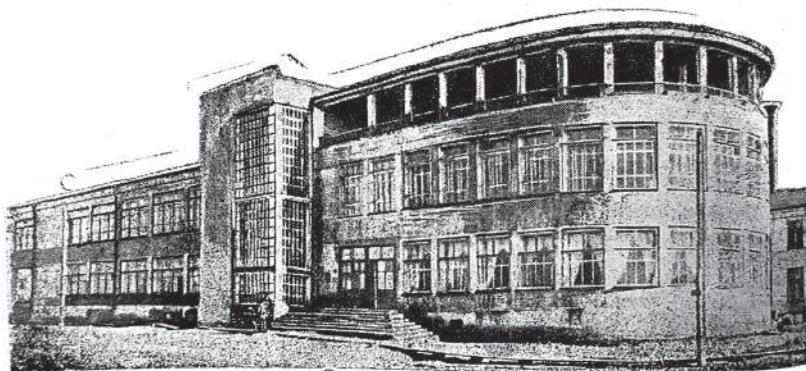
⁸⁰² Ложкин А. Ю., Киселев А. Б. Сохранение культурного наследия в рамках достопримечательного места (на примере соцгородка «Рабочий поселок», Пермь) // Новая жизнь памятников архитектуры конструктивизма. Материалы научно-практической конференции. 20–21 октября 2014 г. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2015. С. 29.

⁸⁰³ См. схему: Ложкин А. Ю., Киселев А. Б. Сохранение культурного наследия в рамках достопримечательного места (на примере соцгородка «Рабочий поселок», Пермь) // Новая жизнь памятников архитектуры конструктивизма. Материалы научно-практической конференции. 20–21 октября 2014 г. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2015. С. 34.

⁸⁰⁴ Материалы к отчету о работе Молотовского городского совета РК и КД за время с 1 октября 1933 года по 1 октября 1934 года. Молотово: Тип. МЗ им. Молотова, 1934. С. 1.

⁸⁰⁵ Лазарев. Социалистическому городу – порядок и чистоту // Молотовский рабочий. № 7 (993). 9 января 1935 г.

⁸⁰⁶ Материалы к отчету о работе Молотовского городского совета РК и КД. С. 23.

В рабочем поселке им. т. Молотова построена и открыта фабрика-кухня. На снимке: фасад фабрики-кухни.

Рис. 65. Фабрика-кухня в Молотово. Опыт стройки. 1933. № 11.

Общественные здания соцгорода Молотово тяготеют к западной части прямоугольника, где расположены техникум, фабрика-кухня и единый диспансер. Наиболее ярким среди них является техникум, выстроенный в 1930-х гг. по проекту выдающегося архитектора П. А. Голосова⁸⁰⁷, прославившегося проектом здания комбината «Правда» в Москве. Здание фабрики-кухни (позднее известное в Перми как ресторан «Горный хрусталь») было завершено в 1932 г. и в настоящее время перестроено в торговый центр с сохранением оригинальных объемов. Фабрика-кухня имела мощность на 45 000 блюд⁸⁰⁸. Имелся на Мотовилихе и деревянный цирк (1932), сгоревший в 1942 г.

Здание единого диспансера (ул. Лебедева, 11) было построено в 1933 г.⁸⁰⁹ (сам диспансер начал работать раньше, видимо, с 1931 г.⁸¹⁰) Позднее в этом здании разместились поликлиника, а сегодня оно заброшено, несмотря на присвоенный в 1993 г. статус памятника архитектуры. В восточной части Рабочего поселка, где не велось капитальное жилое строительство, располагалась клиническая больница.

⁸⁰⁷ Перескоков Л. В. Соцгород Рабочий поселок // Пермский дом в истории и культуре края: Материалы науч.-практ. конф. 19 декабря 2008 г. Пермь, 2008. С. 43.

⁸⁰⁸ Материалы к отчету о работе Молотовского городского совета РК и КД за время с 1 октября 1933 года по 1 октября 1934 года. Молотово: Тип. МЗ им. Молотова, 1934. С. 31.

⁸⁰⁹ Там же, с. 9.

⁸¹⁰ Материалы по развитию хозяйства Пермского района Уральской области в системе УКК. Пермь: Уралполиграф, 1931. С. 79.

Красное кирпичное здание было выстроено в начале XX в. для госпиталя Пермских пушечных заводов. Рядом с ним в 1930-е гг. было выстроено новое здание поликлиники (терапевтический корпус). К 1934 г. новый корпус уже функционировал, а старый был переоборудован: «Увеличилось количество коек, открыто нервное отделение на 25 коек, расширено хирургическое до 80 коек, терапевтическое до 60 коек, кожно-венерическое на 28 коек. Отделения заново переоборудованы, радиофицированы, проведена электрическая сигнализация, создан необходимый для больного уют и обстановка»⁸¹¹. Здание терапевтического корпуса имеет павильонную планировку «зигзагом» (сравните с медицинскими зданиями Свердловска, Соликамска). В 1930-е гг. диспансер считался гордостью всего Урала. Березниковская газета «Ударник», сообщая в январе 1934 г. о III районной партконференции в Молотово, характеризовала город так: «Рядом с заводом, где недавно было поле, вырос большой рабочий поселок с фабрикой-кухней, гостиницей, цирком. Новая больница, диспансер поселка не имеют себе равных на Урале»⁸¹².

Рабочий поселок Мотовилихинского завода был спланирован так, чтобы представлять собой отдельный район по отношению как к Перми, так и к старой части Мотовилихи, где застройка новыми зданиями почти не велась. Исключением оказалось здание Дома связи (ул. Уральская, 36)⁸¹³, возведение которого началось в 1934 г. и по плану должно было завершиться к началу 1936 г. Здание вмещало почту, телеграф, радио и автоматическую телефонную станцию⁸¹⁴. Как отмечает исследователь Л. В. Перескоков, Дом связи заменил в качестве доминанты церковь, расположенную в непосредственной близости и снесенную в начале 1930-х гг.⁸¹⁵

Баня-прачечная, выстроенная по проекту архитектора Ф. Е. Морогова в 1931 г., располагалась достаточно далеко от новостроек Рабочего поселка – в месте, где улица Лифанова встречается с улицей Свердлова. Фотография здания (в объектив также попал идущий по улице Лифанова трамвай) была напечатана в «Молотовском рабочем» за 5 октября 1931 г. Это было крупное 3-этажное здание с запоминающимися круглыми окошками на угловой башне; к сожалению, баня не сохранилась.

⁸¹¹ Материалы к отчету о работе Молотовского городского совета РК и КД. С. 9.

⁸¹² Районные партконференции в Молотово и Красноуральске // Ударник. № 14 (2417). 16 января 1934 г.

⁸¹³ Чрезвычайно похожее здание почтамта было выстроено в 1935 г. в Рыбинске.

⁸¹⁴ Материалы к отчету о работе Молотовского городского совета РК и КД. С. 37.

⁸¹⁵ Перескоков Л. В. Соцгород Рабочий поселок // Пермский дом в истории и культуре края: Материалы науч.-практ. конф. 19 декабря 2008 г. Пермь, 2008. С. 45.

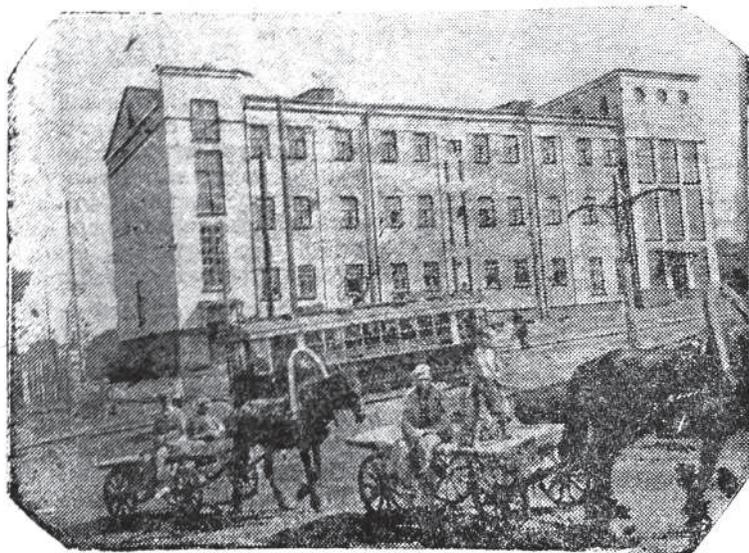

Рис. 66. Баня в Молотово (здание утрачено). Молотовский рабочий.
1 октября 1931 г.

Баня работала на износ, и к 1935 г. большая часть ее систем оказалась испорчена, что привело к частым поломкам и большим очередям. Городская газета уверяла, что за 6 лет работы в бане сменилось 24 директора, и хотя «фамилии этих 24 директоров давно всеми забыты, но осталась баня, на которой сохранились следы головотяпства, безответственности, бестолковщины». 13 января 1935 г. молотовцам пришлось выйти на субботник, чтобы очистить баню от грязи – «мыли стены, двери, полы, лавки, шпарили кипятком тараканов»⁸¹⁶.

Коммунальная инфраструктура Молотово включала также электросеть и канализацию. Эта инфраструктура, правда, не заслужила высокой оценки: по состоянию на 1934 г. она была сильно изношена, а электросеть и вовсе работала «особенно скверно», вызывая «законное негодование рабочих». В начале октября 1931 г. стартовала волна субботников по озеленению Рабочего поселка. «Построение культурного города – дело рук самих рабочих», – взывала местная газета, обеспокоенная чрезвычайно низкой явкой на субботники⁸¹⁷.

⁸¹⁶ О бане // Молотовский рабочий. № 20 (1086). 26 января 1935 г.

⁸¹⁷ Субботин. Превратить Молотово в культурный город – дело рук самих рабочих // Молотовский рабочий. № 104 (203). 4 октября 1931 г.

А что же сама бывшая губернская столица – Пермь? Без Мотовилихи индустриальные позиции Перми были не столь прочны, что отразилось и на масштабах строительства. Еще в конце 1920-х гг. здесь было построено несколько жилых домов горсовета (ул. Уральская, 82; один из них попал на страницы газеты «На смену!» в рубрике «С фото по Уралу» за 2 января 1930 г.). В начале 1930-х гг. пришел черед крупных зданий – таких, как дом чекистов (ул. Сибирская, 30, 1932 г.), «Дом одиночек», в ходе строительства перепрофилированный под гостиницу «Центральная» (ул. Сибирская, 9, 1933 г.)⁸¹⁸, узел связи Камского пароходства (ул. 25 Октября, 2), дом горсовета (ул. Екатерининская, 51, 1930 г.), техникум (ул. Островского, 60)⁸¹⁹. Хотя некоторые из этих зданий были вполне «столичного» масштаба, масштабной реконструкции Пермь 1930-х гг. не знала.

Зато в южной части Перми был выстроен крупный соцгород моторного завода имени Сталина. Здесь в 1930-е гг. были возведены 4 крупных жилых дома, каждый высотой в 4 этажа (Комсомольский пр., ул. 87, 89, 94, 96; ул. Коминтерна, 6, 12; ул. Чкалова, 32, 36)⁸²⁰. Завод выстроил собственную фабрику-кухню (Комсомольский просп., 98), школу ФЗУ (Комсомольский пр., 91), детский сад (ул. Коминтерна, 4), клуб (не сохранился), баню, школы, а также крупное заводоуправление (Комсомольский пр., 93). Особенно примечателен 5-этажный жилой дом на углу улиц Героев Хасана и Чкалова, выстроенный в 1938 г. для руководящего состава и ИТР завода⁸²¹. Как по своей планировке, так и по объемам строительства поселок моторного завода входит в число наиболее значимых соцгородов Большого Урала.

НИЖНИЙ ТАГИЛ И ОКРЕСТНОСТИ

Индустриализация предполагала создание в Нижнем Тагиле сразу двух промышленных гигантов – Уральского вагоностроительного завода, экономической целью которого было снабжение промышлен-

---

⁸¹⁸ Об истории строительства здания см.: Гайсин О. Д. Памятник истории и культуры регионального значения гостиница «Центральная» (ул. Сибирская, 9) // Пермский дом в истории и культуре края: Материалы науч.-практ. конф. 19 декабря 2008 г. Пермь, 2008. С. 144–167.

⁸¹⁹ Обзор и фотографии зданий см.: Козлов И. Пермский конструктивизм // Звезда. 22 апреля 2016 г. URL: <http://zvzda.ru/articles/e1fb89067f40> (дата обращения: 15.08.2018).

⁸²⁰ Гайсин О. Д. Сквер у Пермского моторостроительного завода // Метросфера. 01.10.2008. URL: https://metrosphera.ru/press/publications/ckver_u_permского_motorostroitelного_zavoda (дата обращения: 02.09.2018).

⁸²¹ Ивашкевич В. Сквозь гул моторов... Заводской альбом. Пермь: ООО «Астер», 2014. С. 17–20.

ности Урало-Кузбасса вагонами, и Тагильского металлургического комбината, одного из трех новых флагманов черной металлургии. Однако в 1930-е гг. выстроен был только первый из них. Металлургический же комбинат удалось пустить только в 1940 г.⁸²²

Как и везде на Урале, жилищно-коммунальное строительство на Вагонстрое отставало от индустриального – все силы были брошены на возведение завода. Строительство соцгорода перешло в интенсивную фазу с назначением директором Уралвагонстроя Л. М. Марьясина. Ему-то и пришлось держать ответ перед важными посетителями – в августе 1933 г. Тагил посетил вначале Орджоникидзе, а затем и Пятаков. Руководители тяжелой промышленности были недовольны состоянием поселка Вагонстроя. Орджоникидзе, в частности, советовал строить «хорошие жилища по типу дома “Чекист” в Свердловске»⁸²³. В свою очередь, Пятаков «осматривал дома строителей, столовые, магазины, больницу и знакомился с жилищно-бытовым строительством», и вслед за своим шефом «указал на совершенно неудовлетворительное качество работы Стандартжилстроя, а также на необходимость создания на площадке специального больничного городка»⁸²⁴. Спустя несколько дней Пятаков, осматривавший другие индустриальные объекты, вернулся на Вагонку; 31 августа и 1 сентября 1933 г. он провел встречи с руководителями стройки, где вновь говорил о жилищном строительстве.

Ударник-плотник, комсомолец и депутат райсовета Кусницин рассказал газете, «как он жил, когда приехал на Вагонстрой, как живет теперь и как будет жить в соцгороде Вагоногиганта». Кусницин появился на Вагонстрое в 1932 г., прийдя туда с Тагилстроя, а до того жил в деревне: «На Вагонке тогда было всего несколько барачков, одна столовая да два-три ларька, жил в 4 бараке, в большой общей комнате, не оштукатуренной ни снаружи, ни внутри. Помню, как бился без койки. Долгое время спал на полу. Да к тому же постельных принадлежностей не было. Только когда из бригады уехал Ваняшкин, я занял с женой его койку, матрас, подушку, одеяло». Кусницин перечислял уже знакомые нам ужасы барачного быта: в комнате не было мебели, кроме стола и пары табуреток; кормили в столовой плохо – невкусные суп и каша из сечки, за которыми приходилось

⁸²² Подробнее об этом см.: Сушков А. В., Михалев Н. А., Пьянков С. А. Средний Урал в системе Урало-Кузнецкого комбината: проблемы строительства Новотагильского металлургического завода в 1930-е годы // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. № 25 (279), 2012. С. 56–66.

⁸²³ Вагоногигант. № 70 (157). 17 августа 1933 г. Очевидно, нарком имел в виду знаменитый свердловский «Городок чекистов».

⁸²⁴ Вагоногигант. № 74 (161). 28 августа 1933 г.

стоять в огромной очереди (меню было одинаковым для всех рабочих, что особо подчеркнул рассказчик – «на ударников и не ударников не подразделяли»). Даже чай давали только инженерам, «да и то чаще без сахара!»

Но все это осталось во вчерашнем дне. К 1933 г. ситуация изменилась, и теперь Кусницин с женой и ребенком проживал в оштукатуренном и утепленном бараке, который сам же и построил: «Живу хорошо. В комнате сложен камин. Тепло. Имею стол, табурет и железную койку, умывальник. Получил от коммунального отдела полный комплект постельных принадлежностей – одеяло, простыню, подушку, матрас». Имея статус ударника, Кусницин «пришел жену», сам обзавелся костюмом, двумя парами ботинок и сапогами и с гордостью заявил, что имеет «уже три сундука». Кормить стали лучше (унылую сечку сменили мясной суп, резот из мяса, пирог с капустой, уже не говоря о чае с киселем), выросло культурное обслуживание (раньше с наступлением темноты приходилось ложиться спать, а теперь можно бывать в кино или «на постановках»), ребенка Кусницин каждый день поит молоком, а сам начал заниматься музыкой и «приобрел уже три балалайки». В таких замечательных условиях «работаешь от всего сердца», и бригада Кусницина «даже получила красное переходящее знамя и ударный магазин»⁸²⁵. Таким было сегодняшнее положение.

Но особенно интересной была заключительная часть статьи, где Кусницин представлял себе будущее соцгорода: «Трехэтажные каменные дома уже строят. В квартирах будут водопровод, канализация, душ, теплая уборная, паровое отопление. Вокруг домов – зеленые, асфальтовые дороги и тротуары. Много детских домов и ясель. Я сейчас ударник-плотник, живу в комнате 37 барака. Но я буду жить как ударник завода, а может быть, как редактор или как техник, в высокой и светлой комнате, возможно тоже 37 дома соцгорода Вагоногиганта»⁸²⁶.

Стараниями Марьясина и других руководителей, усилиями плотника Кусницина и тысяч строителей весной 1934 г. строительство соцгорода Уралвагонзавода сдвинулось с мертвой точки; правда, жилые дома вступили в строй только в 1936 г.: наибольшую трудность для строителей представляла, как и на других стройках, внутренняя отделка – строительство сталкивалось с жесточайшими трудностями, о чем с тревогой сообщала статья инженера С. Комаровского, опубли-

---

⁸²⁵ Рядом со статьей о Кусницине была помещена мотивирующая фотография – «первый брусковый дом, отремонтированный и благоустроенный, в котором будут жить лучшие ударники стройки».

⁸²⁶ Вчера, сегодня и завтра плотника Кусницина // Вагоногигант. 26 октября 1933 г.

кованная в «Вагоногиганте» за 18 декабря 1935 г. и включенная в приключения к настоящей книге⁸²⁷.

Выстроенный позже большинства других, в середине 1930-х гг., этот соцгород является ярким примером постконструктивистской стилистики. В литературе того времени он воспринимался как шаг вперед по сравнению со строго конструктивистским строительством 1-й половины 1930-х гг., которое к этому моменту уже оказалось под огнем агрессивной критики. Так, в начале 1935 г. А. О. Авдеевко в своем очерке о знаменитом инженере Уралвагонстроя М. А. Тамаркине, помещенном в «Правде», совершил короткий экскурс в градостроительную эстетику вновь возводимого соцгорода Вагонзавода, еще не достроенного, но уже противопоставленного «магнитогорским казармам»⁸²⁸. Новые многоквартирные дома, согласно изысканиям современной исследовательницы Олоховой, давали порядка 7% жилплощади (13 881 м²); в общем жилом фонде городка 40% приходилось на двухэтажные жилые дома (76 216 м²) и около 44% – на барачную застройку (84 028 м²)⁸²⁹.

Соцгород вагоностроительного завода был построен по линейной схеме – вдоль двух параллельных прямых улиц – Ленина (ныне Ильича) и Сталина (ныне проспект Вагоностроителей), уходящих от заводской проходной на юго-восток. Довоенное жилое строительство сосредоточено в «5 квартале» – прямоугольнике, сформированном улицами Ильича, Дзержинского, Орджоникидзе и проспектом Вагоностроителей, разделенном на северную и южную части проходящей насквозь улицей Патона.

Наиболее интенсивно застраивалась северная часть, где жилищное строительство было завершено к 1936 г. Здесь были построены четыре 3-этажных здания (ул. Ильича, 4, 6, 8, 10), выходящие торцами на Ильича и идентичных по планировке⁸³⁰. Еще два дома расположены параллельно друг другу, в глубине квартала (ул. Орджоникидзе, 23 и ул. Патона, 5). Чуть в отдалении располагается 4-этажный дом (ул. Ильича, 14), повернутый к улице Ильича фасадом.

За пределами «5 квартала», однако в непосредственной близости к нему был возведен большой дом дирекции (ул. Ильича, 2), где в бли-

⁸²⁷ Комаровский С. Требуется оперативное вмешательство // Вагоногигант. № 290 (728). 18 декабря 1935 г.

⁸²⁸ Авдеевко А. Инженер трех эпох // Правда. № 5 (6251). 5 января 1935 г.

⁸²⁹ Олохова О. П. Строительство социалистического города при Уралвагонзаводе в 30-е гг. XX столетия // Успехи современной науки и образования. 2016. № 7. С. 129.

⁸³⁰ По-видимому, именно эти дома были сданы первыми: 27 сентября 1935 г. «Вагоногигант» сообщил, что в доме № 4 уже обитают жильцы, а остальные дома строители обещали сдать к празднику Октября.

зости от завода должно было проживать начальство предприятия. За строительством этого дома внимательно следила газета «Вагоногигант» – например, в марте 1935 г. она пеняла строителям на низкое качество постройки: отсутствие вентиляции, внутренней отделки пятого этажа и внешней отделки всего дома («до сих пор неясно – будет ли дом облицован мрамором, как это указано на красочном чертеже, или только оштукатурен»), а также нехватку дверных ручек и оконных петель – впрочем, такая беда была бичом всего жилищного строительства на Урале 1930-х гг.⁸³¹

На южной стороне квартала – то есть к югу от улицы Патона – также было выстроено три крупных дома, выходящих на проспект Вагоностроителей. Своей архитектурой и размерами выделяется здание, в котором сегодня располагается поликлиника (пр. Вагоностроителей, 7). По планировке оно совершенно не похоже на больничную застройку соцгородов, и это неудивительно: здание строилось как жилой дом (все архитектурные приметы жилого дома – квартирные балконы, подъезды с выходами на две стороны, длинные общие балконы в угловой части, смотрящей на проспект Вагоностроителей – налицо), а больница там разместилась, очевидно, из-за острой потребности в капитальных площадях. Еще один жилой дом (пр. Вагоностроителей, 13) выстроен симметрично по отношению к предыдущему, однако отличается от него этажностью, оформлением и тем, что вместо скругленных общих балконов у него прямоугольные открытые террасы. В глубине квартала находится жилой дом еще более необычной архитектуры (ул. Патона, 10) – «дом с бастиянами», запоминающийся необычным оформлением лестничных клеток.

Всего на старой Вагонке было в довоенный период возведено 11 крупных жилых зданий высотой в 4 и 5 этажей. Планировка поселка демонстрирует переход от строчной застройки к квартальной; все дома оформлены в постконструктивистском духе. Вагонстроевская газета охотно публиковала фотографии вновь возводимых зданий, гордясь вновь возводимым городом⁸³².

⁸³¹ Чья это улица? Чей это дом? // Вагоногигант. № 511. 30 марта 1935 г. Сравните эти жалобы с лентациями саткинских строителей в соответствующем параграфе ниже!

⁸³² Так, номер «Вагоногиганта» от 2 августа 1934 г. содержал – без каких-либо пояснений – фотографии «строящегося соцгорода УВС». Здания, изображенные на иллюстрациях, были, по-видимому, проектными рисунками и построили их не в том виде, как изобразили в газете. Одна из этих фотографий воспроизводит эскиз Горстройпроекта с домами, которые планировалось возвести в районе нынешних домов на улице Бажова, 5 и 7 (Олохова О. П. Строительство социалистического города Нижний Тагил: планы и реальность (начало 1920-х – конец 1930-х гг.) Дис... канд. ист. наук. Нижний Тагил, 2016. С. 276); другая – один из домов по адресу Ильича 4–10, опять-таки построенных не в полном соответствии с изображением. Это же фото было напечатано –

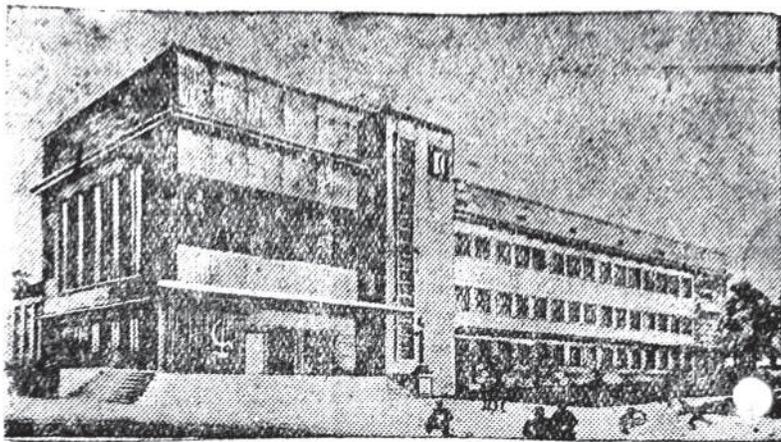

Рис. 67. Проект дома соцгорода Уралвагонзавода. Вагоногигант. 2 августа 1934 г.

«5 квартал» с севера, юга и юго-востока был окружен морем деревянных одно- и двухэтажных домов и барачков, составлявших более 80% жилого фонда вагоностроительного завода. По другую сторону заводской стройплощадки, на северо-западе, находился барачный поселок строителей теплоэлектростанции. К юго-востоку от соцгорода находился маленький коттеджный поселок Пихтовая гора, где в индивидуальных домах проживали руководители Вагонстроя.

Социальная инфраструктура в соцгороде УВЗ отставала от жилищного строительства: в 1930-х гг. не были выстроены капитальные здания больничного городка (как мы отметили выше, больница разместилась в здании жилого дома), клуба, фабрики-кухни. Зато были выстроены небольшое здание клуба ИТР (ул. Ильича, 37), хлебозавод (ул. Свердлова, 6). В 1940 г. соцгород был соединен со старым Нижним Тагилом трамвайной линией.

Гордостью Вагонстроя были школы. Еще в 1933 г. в городке Уралвагонстроя имелось 4 школы с охватом в 2 062 учащихся, к тому же размещались эти школы в бараках; к 1935 г. количество школ

теперь уже с подписью «Проект одного из домов строящегося города Уралвагонстроя» – в выпуске «Вагоногиганта» от 21 сентября и от 18 декабря 1935 г. На краеведческом веб-сайте «История Нижнего Тагила от основания до наших дней» (historyntagil.ru) эту фотографию указывают как проект школьного, а не жилого здания (Нижний Тагил, оставшийся в чертежах // История Нижнего Тагила от основания до наших дней. URL: http://historyntagil.ru/cards/9_tagil_eskiz.htm (дата обращения: 17.08.2018).

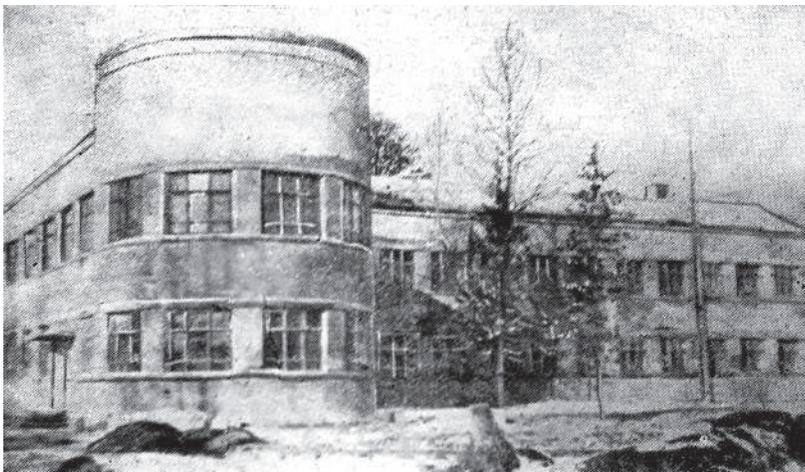

Рис. 68. Школа в соцгороде Уралвагонзавода (здание утрачено) // Вагоногигант, 3 марта 1935 г.

выросло до 8, охват – до 4 286 человек, к тому же школы эти «получили новые большие, благоустроенные светлые здания». Один из выпусков «Вагоногиганта» пестрел письмами жителей соцгорода, деливших своими впечатлениями от новых школ. Бетонщик В. Торсунов вохищался: «Сын мой Ваня ходит учиться в 40 школу. <...> Каждый раз, на работу и с работы, мне приходится ходить мимо нее. Я не могу пройти, чтобы не полюбоваться этим красивым, огромным зданием. Я уже не раз был в самой школе. Просторные классы, кабинеты, светлые коридоры и вся мебель красиво покрашены масляной краской. На окнах цветы. Педагоги ласково общаются с детьми – будущими инженерами, пилотами, строителями, металлургами и учеными»⁸³³. С Торсуновым был согласен формовщик цеха колес Гриффина М. П. Сураев: «Когда я смотрю на четырехэтажное, блистающее свежей краской и стеклами громадных окон здание школы, мне хочется стать мальчиком, взять тетради в руки и идти в просторные светлые классы учиться. В прошлые, черные царские дни нам, детям бедных крестьян, не было возможности посещать школу»⁸³⁴. Рядом с письмами и заметками

⁸³³ Торсунов В. Впереди широкая дорога // Вагоногигант. № 206 (64). 6 сентября 1935 г.

⁸³⁴ Сураев М. П. Хочется стать малышом // Вагоногигант. № 206 (64). 6 сентября 1935 г.

Рис. 69. Баня в соцгороде Уралвагонзавода. Фото К. Д. Бугрова. 2017 г.

были фотографии счастливых и веселых учеников. Напечатала газета и фотографии «светлых, больших» зданий школ, объединив их в коллаж и добавив портреты рабочих – столяров, штукатуров – которые трудились над ремонтом и строительством зданий. В коллаж вошли фото внешнего облика школ № 30 (также представленной фотографией вестибюля), 38, 40 и 42; две из этих школ сохранились и сегодня (ул. Ильича, 12, 22).

А в 1939 г. на Вагонке вступило в строй одно из самых примечательных сооружений коммунальной инфраструктуры, выстроенных на Урале в довоенный период. Речь идет о бане соцгорода УВЗ, редком для Урала образце смешения постконструктивистской стилистики с мотивами древней архитектуры (в таком же духе, с использованием образности древнеавилонских ворот Иштар и римской гробницы Эврисака был построен во 2-й половине 1930-х гг. ряд зданий в Запорожье). Громадный портал бани вызывает ассоциации все с тем же древним Вавилоном!

28 сентября 1936 г. на страницах «Вагоногиганта» было опубликовано стихотворение студента-практиканта УВЗ А. Бобруля под лаконичным заглавием «Соцгород»⁸³⁵:

⁸³⁵ Бобруль А. Соцгород // Вагоногигант. № 226 (965). 28 сентября 1936 г.

Побеждая дали, сквозь пургу и вьюгу
С песнею веселой мы пришли сюда.
Из полей широких, с солнечного юга
Вздуроражить горы песнею труда.

Ранными утрами нас звала сирена
На борьбу с тайгою именем весны...
Как в былые годы шли полки и звенья
В бой за власть Советов молодой страны.

Радостно стучали топоры, лопаты,
И звенело эхо, как весенний гром...
Под напором дюжим отступали скаты,
Вырастал соцгород с каждым новым днем.

В голубое небо задымились трубы,
Стройными рядами выросли цеха.
Яркими огнями засверкали клубы,
Стройные кварталы, улицы в цветах.

И былых просторов ныне не узнаешь,
Где тайга шумела – океан огней.
Жизнь бурлит как море, радугой играя,
Жизнь цветет и крепнет в марше новых дней.

В твоем юном лике, мой родной соцгород,
Вижу облик светлой родины моей...
Я к тебе прикован своим жадным взором,
Ты дитя родное наших бурных дней.

Строительство в старой части Нижнего Тагила было куда скромнее. Амбициозные планы по строительству соцгорода Красный Камень – поселка Тагильского металлургического завода – фактически провалились: Тагилстрой стагнировал, завод был пущен только в 1941 г., а из всего проекта были реализованы лишь два жилых дома (ул. Жуковского, 8 и 20, 1930-е гг.) и туберкулезный диспансер (ул. Победы, 41, 1941 г.). Но в старом центре Тагила не было даже этого, и дома Красного Камня стали настоящим символом нового города⁸³⁶. Свою застройку вел и Высокогорский рудник, но у него хватило

⁸³⁶ В книге, посвященной гибели рабкора Быкова, В. Романов так описывает панораму Тагила тридцатых годов: «У подножия горы Высокой гудел окутанный дымом

ресурсов только на один жилой дом, выстроенный в конструктивистской манере (ул. Фрунзе, 54). Стоит отметить также построенные в 1930-х гг. в самом сердце демидовского Урала конструктивистский банк (ул. Карла Маркса, 31)⁸³⁷, гостиницу «Северный Урал» (пр. Ленина, 6)⁸³⁸ и школу ФЗУ при металлургическом заводе имени Куйбышева (ул. Карла Маркса, 2)⁸³⁹.

В числе реконструированных за годы первых пятилеток городов была и соседняя с Нижним Тагилом Верхняя Салда, где в 1929 г. началось строительство мощного завода Стальмост. Ожидания были высокими, завод имел все шансы войти в число гигантов (в приложении к настоящей книге помещена статья «Старая демидовская Салда отмирает, родится новый социалистический город», опубликованная в газете Стальмостстроя в 1931 г. и, видимо, отражавшая перспективные планы руководства стройки). Однако стройка шла чрезвычайно неудачно, и хотя Стальмост начал выдавать продукцию с 1932 г., прибывший с личной инспекцией в 1934 г. Орджоникидзе приказал свернуть производство и переключиться на завершение строительства. В конце 1930-х гг. Стальмост вновь начал выпуск металлоконструкций, выполняя – кроме прочего – ответственные заказы для Дворца Советов в Москве⁸⁴⁰. Дальнейшее развитие завода определялось военными нуждами: с началом Великой Отечественной войны Стальмост был переброшен

старый завод. Налево – возвышенность Красный Камень, старт будущего социалистического Тагила. Оттуда новые многоэтажные здания наступали на ветхий демидовский город» (Романов В. Григорий Быков. Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1961. С. 80). Армия «наступления» была совсем небольшой и состояла как раз из этих двух домов, выстроенных на улице Жуковского.

⁸³⁷ Штин О. В., Дектерев С. А. Конструктивизм в архитектуре общественных зданий Нижнего Тагила // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2012. № 2. С. 62–63.

⁸³⁸ Домрачева Е.В., Федяшева Н.В. Поздний конструктивизм: архитектура здания гостиницы «Северный Урал» в городе Нижнем Тагиле // Актуальные проблемы архитектуры и дизайна. Материалы всерос. межвуз. конф. молодых ученых и студентов. 1–3 апреля 2008 г., Екатеринбург. URL: http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz22_pri1/23/template_article-ar=K21-40-k33.htm (дата обращения: 23.09.2018).

⁸³⁹ «Помню, в 1931 г. я учился в школе ФЗУ № 4 при заводе имени Куйбышева. Она размещалась в доме № 3 по улице Карла Маркса, где уже много лет находится сейчас военкомат... Не вспомню точно когда, но напротив школы началось строительство громадного здания ФЗУ. И вместо практики нас стали группами приводить на строительство. <...> В 1933 году, к началу учебы, здание было закончено. На первых двух этажах разместилась школа ФЗУ, на третьем и четвертом открылся нижнетагильский рабфак «Востокостали» (Зверев И. Л. Строим «высотный» дом // История Нижнего Тагила от основания до наших дней. URL: http://historyntagil.ru/history/2_20_51.htm (дата обращения: 30.09.2018).

⁸⁴⁰ Досрочно выполнить заказ для Дворца Советов // Уральский мостовик. № 15 (881). 16 февраля 1940 г.

Рис. 70. Жилой дом в соцгороде Стальмоста, Верхняя Салда.
Фото К. Д. Бугрова, 2017 г.

в Челябинск, а на его место в Верхнюю Салду прибыл московский завод № 95, производивший полуфабрикаты из алюминиевых и магниевых сплавов. Позднее завод переключится на производство титана.

Несмотря на все эти перипетии, Стальмост успел приступить к строительству жилого квартала из многоэтажных капитальных домов (ограничен улицами Энгельса – К. Либкнехта – 25 лет Октября). Впрочем, до войны закончить удалось лишь юго-восточный угол – в 1933–1934 гг. здесь были возведены два дома необычной архитектуры (ул. Энгельса, 29, ул. К. Либкнехта, 10). Во 2-й половине 1930-х гг. был выстроен и детский сад (ул. К. Либкнехта, 10), расположенный в центре квартала⁸⁴¹. Эти здания, обладающие характерными приметами постконструктивистского стиля, не имеют архитектурных аналогов на Урале.

В поселке Стальмоста было и специализированное учебное здание – школа ФЗУ, ставшая позднее школой № 1 имени Пушкина. Очевидно, именно ее имели в виду депутаты областного съезда советов от Салдинского района, жалующаясь в январе 1935 г.: «На Стальмосте построена большая образцовая школа, но ОбЛОНО отпустил только пя-

---

⁸⁴¹ См.: Королев Е. «Стальмост». История забытых побед. URL: <http://forum.orbita96.ru/index.php/topic/552-%C2%ABstalmost%C2%BB-istor/> (дата обращения: 28.06.2018). Жилые дома Стальмоста Е. Королев называет по именам: дом специалистов (ул. Энгельса, 29) и дом нормального типа (ул. К. Либкнехта, 10).

тую часть денег, необходимых для ее оборудования, и школа поэтому не используется»⁸⁴². В XXI веке старое здание школы было снесено и на его месте было выстроено новое (ул. Евстигнеева, 13).

Расположенная по соседству Нижняя Салда не прошла реконструкции в годы первых пятилеток, поскольку местный металлургический завод, прославленный тем, что на нем когда-то работал знаменитый инженер В. Е. Грум-Гржимайло, не входил в число гигантов. Тем не менее и этот город в начале 1930-х гг. обзавелся двумя яркими памятниками архитектуры времен индустриализации. В 1931 г. на заводской площади здесь было возведено здание рабочего клуба имени Ленина (ул. Карла Маркса, 2), выдержанное в ярком конструктивистском стиле. Аналогичный проект был ранее применен в Туле. По другую сторону реки и завода располагается здание школы ФЗУ (ул. Парижской Коммуны, 1).

КАЛАТА: ГОРОД ЦВЕТНИКОВ

Калатинский медеплавильный завод был пущен в 1914 г. (в 1936 г. – кардинально реконструирован)⁸⁴³, и вместе с ним возник маленький рабочий поселок. Старая Калата была совсем лишена какого бы то ни было благоустройства. В 1927 г. поэт Г. Амурский – член известной литературной группы «Улита» – публиковал в комсомольской газете «На смену!» стихотворение «Калата»⁸⁴⁴:

Как много тем,
А между тем,
Пишу стихи
О Калате.
О том, как там
Не цвествь цветам,
В объятых газа
Калата.
О том, как труд
В земную грудь
Впился и пьян
От медных руд.

---

⁸⁴² Счет депутатов Салды // Уральский рабочий. № 6 (5841). 6 января 1935 г.

⁸⁴³ Моисеев Г. С. Цветная металлургия Урала (1917–1945 гг.). Екатеринбург: Пост-Модерн, 2003. С. 14, 104.

⁸⁴⁴ Голдин В. Н. Поэзия периода военного коммунизма, НЭП и первой пятилетки. Кн. 1. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. С. 44.

Рис. 71. Дворец культуры в Калате (Кировграде). Фото К. Д. Бугрова, 2017 г.

В годы индустриализации производство в Калате росло – медеплавильный завод был реконструирован (за «славные успехи» получив в награду имя Кирова), в дополнение к нему построен химический завод. Городом Калата стала в 1932 г., а в 1935 г. получила новое имя – Кировград. Оригинальный облик Калаты 1930-х гг. оказался сильно искажен строительством завода твердых сплавов, ради которого пришлось уничтожить городской парк и возведенный еще до революции «служащий поселок» (дома руководителей завода).

Начался и постепенный рост капитального строительства. Украшением Калаты был большой каменный клуб цветников (ул. Ленина, 29), построенный в конструктивистском стиле в 1934 г. В 1930-х гг. было построено здание школы с эффектным закругленным выступом (ул. Свердлова, 50; к сожалению, она сгорела 25 июля 2018 г.), стадион. Часть общественных зданий была деревянной, включая больничный городок. Выпуск калатинской газеты «Больше меди» от 7 ноября 1935 г., подводя своего рода итоги развитию города за годы пятилеток, поместил фотоколлаж, демонстрировавший архитектуру новой Калаты и включавший изображение двухэтажного детского сада, школы и клуба цветников (сфотографированного почему-то сбоку).

Жилой фонд Калаты тоже был представлен преимущественно рублеными двухэтажными домами (эта застройка сохранилась в восточной части города, вдоль улиц Ленина, Сакко и Ванцетти, Розы Люксембург). По городу было разбросано несколько каменных жилых домов, крупнейший из которых имел 4 этажа высоты (ул. Кировградская, 3).

Назначение А. А. Литвинова директором завода, которое произошло летом 1934 г., стало переломным моментом в жизни Калаты 1930-х гг. К началу 1935 г. завод вышел из производственного кризиса; 4 января 1935 г. в клубе цветников состоялся настоящий праздник: Литвинову устроили овадию, с речью выступил ватержакетчик-изготовец Н. Лобацевич, затем на сцену вышли физкультурники – участники лыжного пробега Калата – Свердловск. Лыжникам вручили экземпляр рапорта за 1934 г., чтобы они доставили его в областную столицу на съезд советов. Специально для праздника в Калату приехала труппа Свердловского театра оперы и балеты имени Луначарского, поставившая оперу «Паяцы»⁸⁴⁵.

Но Литвинов не только вывел завод из кризиса, но и активно включился в городское благоустройство. Крупной капитальной застройки в Калате не велось, однако это не мешало местным газетам считать ее благоустроенным поселком – руководство города и завода⁸⁴⁶ эффективно организовывало озеленение, которое в парадигме 1930-х гг. расценивалось как одна из важнейших черт настоящего комфортного города. По состоянию на июнь 1935 г. в Калате высадили 17 000 деревьев, выровняли улицы, изгнали с них уборные и установили на улице Энгельса красивую решетчатую изгородь, выкрасив ее в голубой цвет: «Калата меняет облик не по дням, а по часам. Ее не узнают даже старожилы. И как узнать! Там, где еще недавно не проходил пешеход, сейчас свободно идет легковая машина». Все это сделали сами горожане, организованные горкомхозом и дирекцией медеплавильного завода. С улиц благоустройство «перекинулось» в личные дворы калатинцев. Калата оказалась настоящим городом цветников *в обоих смыслах*.

Была создана даже специальная книга почета Калаты, куда стали заносить «лучших ударников благоустройства»⁸⁴⁷. Первым среди этих ударников считался Шалин, глава улкома (уличного комитета) улицы Ленина. На страницах газеты «Больше меди» он раскрывал механику урбанистического благоустройства по-калалатински: начинать следует с общего собрания, затем активисты улкома должны посетить тех домовладельцев, которые отлынивают; разбить улицу на «десятидворки», назначить десятников; проверить личный состав жильцов и чистоту в их домах; собрать

---

⁸⁴⁵ Гетлинг Ю., Дмитриев С. Радостный день // Уральский рабочий. № 4 (5839). 4 января 1935 г.

⁸⁴⁶ Главную роль играло заводское начальство во главе с Литвиновым.

⁸⁴⁷ Коновалов Н. Калата // Уральский рабочий. № 142 (3977). 22 июня 1935 г.

с домовладельцев пожертвования в хозяйственный фонд. И лишь затем – приступить к работам: рубке и вывозу леса (что потребовало мобилизации тех жильцов, у которых имелись собственные лошади), мощению деревянных тротуаров, выкапыванию канав и подвозу саженцев. Некоторые из жильцов, несмотря на всю настойчивость Шалина, не участвовали в работах – пенсионерка Медведева отказалась работать из-за болезни, а некий К. Пьянков «вместо работы на субботнике напился пьяный и ходил по улице с гармошкой». Но Шалин не унывал: улком смог заключить договор с жилкооперацией, обменяв труд лошадей на людской труд: кооперативные лошади помогут вывезти лес, а домовладельцы отработают стоимость летом на кирпичном заводе жилкооперации. Все это поможет «превратить улицу Ленина в чистую, озелененную, благоустроенную улицу»⁸⁴⁸.

В соседнем с Калатой Невьянске, где работал механический завод, в конце 1930-х гг. был выстроен жилой квартал из 3 крупных домов (ул. Матвеева, 6; ул. Ленина, 4; ул. Карла Маркса, 2), предназначенных для руководителей и ИТР завода. Дома эти сделали бы честь любому соцгороду Урала, однако ими строительство в Невьянске 1930-х гг. и ограничилось.

БОЛЬШОЙ СВЕРДЛОВСК. УРАЛМАШ И ДРУГИЕ

Ядро старого Свердловска-Екатеринбурга, как известно, представляет собой неправильной формы шестиугольник, ограниченный улицами Челюскинцев – Восточная – Фурманова – Московская. В начале 1930-х гг. этот старый город подвергся интенсивной реконструкции, ресурсы для которой предоставлял статус Свердловска как «столицы» обширной Уральской области. Эпицентром строительства стала левобережная (восточная) часть старого города, до революции бывшая беднейшей и застроенная преимущественно деревянными зданиями. Центром нового Свердловска должна была стать площадь Парижской Коммуны; в пространстве от площади Труда до улицы Восточной, на дистанции длиной примерно в один километр, сосредоточились «столичные» здания нового Свердловска, формирующие собой презентационный проспект. История застройки Свердловска 1930-х гг. изучена за последние десятилетия

⁸⁴⁸ Шалин. Улицу Ленина сделаем образцовой // Больше меди. № 96 (186). 5 мая 1935 г.

чрезвычайно тщательно⁸⁴⁹, поэтому мы дадим лишь обзорную характеристику.

Поскольку застройка Свердловска велась главным образом в 1-й половине 1930-х гг., почти вся она следует той логике промышленного и ведомственного развития, о которой мы говорили в главе 3 настоящей работы. Свердловск времен индустриализации оказался настоящим *городом городков*: даже в старой части застройка часто велась по ведомственному принципу – достаточно вспомнить легендарный «городок чекистов» (пр. Ленина, 69)⁸⁵⁰ или «городок милиции» (ул. Чапаева, 13). Стоило сойти с презентационного проспекта Ленина, чтобы очутиться в городе ведомственных кварталов, где новые «пятиэтажные гиганты» соседствовали с одноэтажной деревянной застройкой

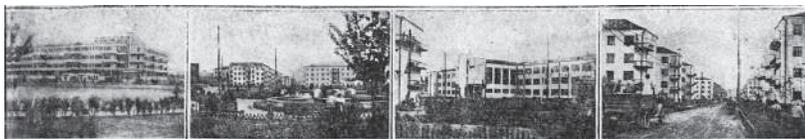

Рис. 72. Коллаж. Здания соцгорода Уралмаш. За тяжелое машиностроение. 15 июля 1934 г.

XIX столетия: застройка, которую мог осуществить только градостроитель, не знающий стоимости земли и престижности центральных кварталов. Хаотичное (но на самом деле – определявшееся логикой пространственного размещения производств и ведомств) расположение большинства новостроек – таких, как огромный 8-этажный

⁸⁴⁹ См.: Смирнов Л. Н. Екатеринбург: наследие конструктивизма. Екатеринбург: НИИМК, 2009; Токменинова Л. И. Архитектура Екатеринбурга: конструктивизм. Екатеринбург: ТД «Альянс», 2014; Екатеринбург. Архитектурный путеводитель. 1920–1940. Екатеринбург: Tatlin, 2015. Впрочем, место для уточнения имеющихся данных остается всегда – достаточно назвать недавние статьи Н. С. Сапрыкиной, открывающие практически неизвестное ранее творческое наследие архитектора С. В. Капачинского (Сапрыкина Н. С. Свердловский конструктивизм С. В. Капачинского. Часть 1: Первый реализованный проект 1930–1931 гг. // Вестник гражданских инженеров. 2017. № 5 (64). С. 15–23; Сапрыкина Н. С. Свердловский конструктивизм С. В. Капачинского. Часть 2: Проект застройки квартала «Уральский специалист», 1932 г. // Вестник гражданских инженеров. 2017. № 6 (65). С. 46–54).

⁸⁵⁰ Токменинова Л. Городок чекистов. Жилой комплекс НКВД. Екатеринбург: Tatlin, 2012. Чрезвычайно интересный пример глубокого социокультурного исследования памятника через биографии его жителей см: Пискунова Л. П., Старостова Л. Э. «Городок чекистов» г. Екатеринбурга: воплощение и трансформация утопии в повседневных практиках советской элиты // Известия Урал. фед. ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2015. № 4. С. 40–52.

дом «Востокостали» (ул. Шейнкмана, 19)⁸⁵¹ или «городок военведа» (ул. Куйбышева, 48) – знаменовало собой еще более глубокий разрыв с традициями дореволюционного градостроения, чем их вызывающий конструктивистский облик. Многие из этих домов сегодня не видны с улиц Екатеринбурга, оказавшись жертвами возобладавшего в 1950-х гг. ансамблевого принципа застройки.

А сама старая часть города, тот самый неправильный шестиугольник – со всех сторон оказался окружен промышленными и ведомственными поселками.

Самым крупным и знаменитым из них был, конечно же, соцгород Уральского завода тяжелого машиностроения – Уралмаша. Этот «Отец заводов», как назвал его в приветственном обращении строителям М. Горький, был одним из признанных гигантов первой пятилетки, подлинным «дворцом техники» с сильными позициями во всех медиа, писавших о стройках социализма. Сами промышленные цеха Уралмаша являются примечательным памятником индустриальной архитектуры, а фотография сквера у проходной, откуда начиналась основная заводская магистраль (по сути – продолжение проспекта Орджони-

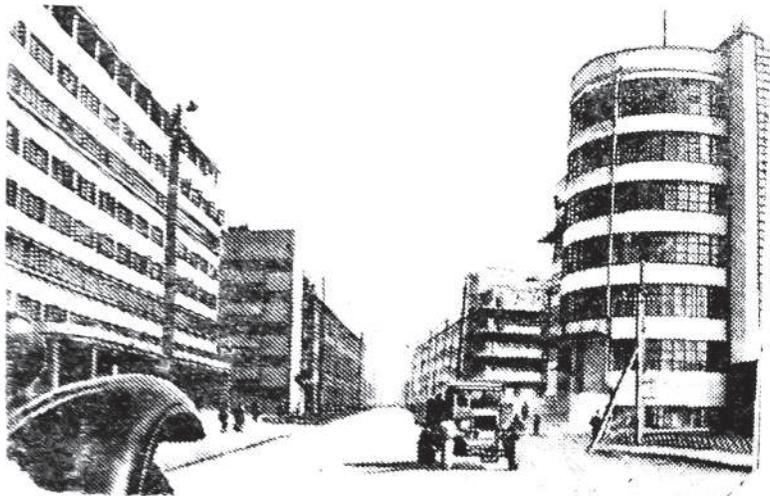

Рис. 73. Заводуправление Уральского завода тяжелого машиностроения имени Орджоникидзе, Свердловск. Фото К. Д. Бургова, 2016 г.

⁸⁵¹ Иванова П. Площадь эволюции. Последний жилой комбинат Свердловска // ЕТВ. URL: https://ekburg.tv/articles/gorodskie_istorii/2016-11-26/ploshhad_ehvoljucii_poslednij_zhiloj_kombinat_sverdlovsk (дата обращения: 26.08.2018).

кидзе внутри завода) часто использовалось в качестве иллюстрации в самых разных изданиях. Соцгород, образовавший Орджоникидзевский район Свердловска, фактически был самостоятельным поселением: «На Уралмаше – единственная в СССР по мощности работающая на торфе газогенераторная станция⁸⁵² и огромный соединяющий ее с цехами газопровод. Сооружен водопровод в 5 км длины. Построены поликлиника, хлебозавод, фабрика-кухня, школы, детские сады и ясли, звуковые кино. Созданы громадные с.-х. комбинат и обширная продовольственная база: 9 000 коров, свиней, кроликов и кур»⁸⁵³.

Соцгород Уралмаша был образован пятью «лучами» дорог, расходящимися из центра поселения – огромной площади 1-й пятилетки, на которую выходили проходная, заводоуправление⁸⁵⁴ и центральная заводская лаборатория, школа ФЗУ (ул. Машиностроителей, 13) и т. н. «дом Техучебы» (бул. Культуры, 2). На площади также нахо-

Свердловск заново перестраивается. На месте улицы Малышева, сейчас одна из самых красивых улиц нового города.

Раньше в старом Екатеринбурге эта ул-

ца именовалась Покровским проспектом, она славилась непролазной грязью, единственным украшением ее была снесенная теперь церковь и куческие лабазы на углу Уткинской.

Рис. 74. Коллаж. Улица Малышева. Вагоногигант. 10 июля 1935 г.

⁸⁵² Об этой электростанции см.: Агеев С., Реймер А. Свердловская ТЭЦ. Екатеринбург: Tatlin, 2017.

⁸⁵³ Вагоногигант. № 60 (147). 15 июля 1933 г.

⁸⁵⁴ По нашим наблюдениям, заводоуправление Уралмаша оказалось крупнейшим среди зданий этого рода в довоенном СССР.

дидились усыпальница директора Уралмашстроя А. П. Банникова и памятник Ленину, установленный на высокой колонне. Наиболее старый массив жилой застройки, выстроенной в 1-й половине 1930-х гг., был развернут вдоль улицы Ильича; здесь популярная в то время строчная застройка была решена необычным образом – в центре массива она образовывала своего рода плазу (пересечение улиц Ильича и Банникова). Всего здесь было построено более 20 капитальных жилых домов, все они – образцы лаконичного конструктивистского стиля безо всяких украшений. Внутри жилого массива также имелись детский сад (ул. Ильича, 9а) и ясли (ул. Краснознаменная, 5); здание последних было особенно эффектным, но, к сожалению, подверглось позднейшей перестройке. На проспекте Орджоникидзе разместился необычной формы «дом-пила» (пр. Орджоникидзе, 12), а к северу от улицы Ильича начинался хорошо видный на фотографиях 1930-х гг. поселок из каркасно-засыпных и рубленых двухэтажек, а также бараки.

Во 2-й половине 1930-х гг. были возведены жилые дома между улицей Сталина (ныне – проспект Орджоникидзе) и улицей Культуры, за «домом Техучебы». Этот квартал, образованный шестью жилыми домами (еще два дома – ул. Банникова, 5 и ул. Красных партизан, 8 – построены на другой стороне улицы Красных партизан) известен как «дворянское гнездо»: в этих новых домах, являющихся примером постконструктивистской стилистики, проживало руководство завода. Здесь же, в многоугольном сквере сложных очертаний, стоит конструктивистская школа (ул. Красных партизан, 4), примечательная, кроме прочего, элементами декора у главного входа – советские серп и молот с книгами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина (имя последнего было в 1950-х гг. заменено на надпись КПСС).

Социальная инфраструктура Уралмаша была развернута в западной части соцгорода (исключение, как видим, являла собой школа ФЗУ). На площадь 1-й пятилетки выходила заводская гостиница (ул. Машиностроителей, 4, известна в Екатеринбурге как «Мадрид»); в непосредственной близости от нее располагались банно-прачечный комбинат (ул. XXII Партсъезда, 6), фабрика-кухня (буль. Культуры, 3), школа (ул. XXII Партсъезда, 8, заброшена), кинотеатр «Темп» (ул. XXII Партсъезда, 10, снесен) и поликлиника (угол улицы 40 лет Октября и Суворовского переулка, снесена). Уралмаш не имел своего капитального здания клуба⁸⁵⁵, и в конце 1930-х гг. под клуб была

⁸⁵⁵ 21 июня 1934 г. местная газета «За тяжелое машиностроение» опубликовала проект уралмашевского клуба. Хотя рисунок не сопровождался пояснительными подписями, хорошо видно, что это – проект архитектора Я. А. Корнфельда, реализованный в 1938 г. в подмосковных Филихах как клуб авиационного завода (ныне – дом культуры имени Горбунова, знаменитая московская «Горбушка»).

переоборудована фабрика-кухня на бульваре Культуры. В северной части бульвара Культуры был размещен стадион, рядом с которым находится самый, возможно, известный пример архитектуры советского авангарда на Урале – «Белая башня», водонапорная башня Уралмаш-завода, выстроенная по проекту М. В. Рейшера в 1929 г.⁸⁵⁶

Помимо Уралмаша, Свердловск обрастал и другими рабочими поселками, где застройка велась в меру возможностей материнских заводов и предприятий. Так, рядом с Уралмашем во 2-й половине 1930-х гг. велось строительство поселка крупного завода энергетического машиностроения, схема которого была, подобно Уралвагонзаводу, линейной, с улицами Бабушкина и Старых Большевиков в качестве параллельных осей. Однако капитальных домов до войны тут было построено всего три – крупный дом дирекции высотой 5 этажей (ул. Краснофлотцев, 7) и два дома в 4 этажа с конструктивистским декором (ул. Стачек, 19 и Краснофлотцев, 10).

К западу от Свердловска начал реконструироваться поселок Верх-Исетского металлургического завода. В старом заводском поселке строительство почти не велось, новый центр ВИЗа должен был переместиться на возвышенность, расположенную в районе сегодняшнего пересечения улиц Токарей и Татищева, где в 1930-х гг. шло строительство заводского клуба⁸⁵⁷ (в годы эвакуации его помещения занял завод по производству кабелей); здесь же были возведены несколько жилых домов (ул. Нагорная, 11, 14) и профтехкомбинат (ул. Нагорная, 12), выстроенный в рамках той же программы, что профтехкомбинат в Лысьве). На берегу Верх-Исетского пруда ВИЗ обустроил однодневный профилакторий для рабочих (ул. Кирова, 40), яркий образец конструктивизма, к сожалению, обезображенный рядом позднейших пристроек. На левом берегу Исети, где располагалась часть поселка ВИЗа, был в начале 1930-х гг. построен кинотеатр «Сталь» (ул. Халтурина, 43а).

К востоку от старого Свердловска был выстроен единственный на Урале вузовский городок Уральского индустриального института (позднее – Уральский политехнический институт, ныне – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина), известный как Втузгородок. Основными магистралями Втузгородка были шедшие с севера на юг параллельно улицы Сталина (ныне – Мира) и Молотова (ныне – С. Ковалевской). Между двумя этими улицами на протяжении 1930-х гг. строился огромный главный учебный корпус

⁸⁵⁶ Токменинова Л. Водонапорная башня УЗТМ. Екатеринбург: Tatlin, 2011.

⁸⁵⁷ Смирнов Л. Н., Бушмина А. В. Архитектура конструктивистских клубов Екатеринбургa 1920–1930-х гг. // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2015. № 1. С. 36.

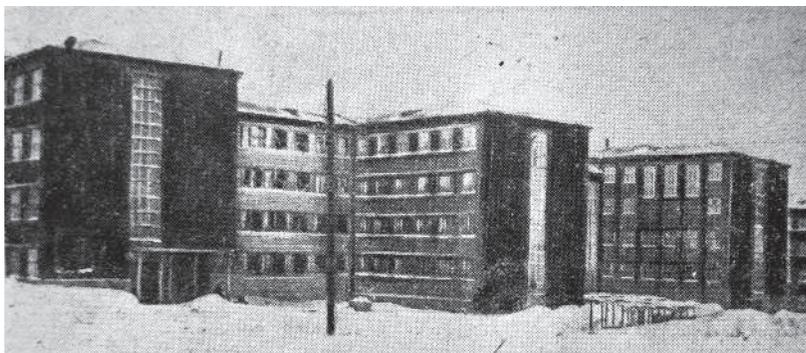

Рис. 75. Один из корпусов Уральского индустриального института во Втузгородке. Нейштадт А. Свердловск индустриальный. Свердловск: Уральское изд-во, 1934.

института (ул. Мира, 19) – возможно, крупнейшее вузовское здание довоенного СССР. Раньше главного корпуса был завершен корпус, в котором сегодня размещаются металлургический и химический факультеты (ул. Мира, 28) и корпус Урало-Казахстанской промышленной академии⁸⁵⁸ (ул. Мира, 17, позднее – строительный факультет УПИ). Институт располагал собственным жилмассивом из 7 общежитий⁸⁵⁹; хотя эти здания удостоились от строго критика С. В. Дидковского нелестного имени «крольчатников»⁸⁶⁰, по меркам 1930-х гг. это был весьма обширный жилой фонд. В 1930-е гг. на улице Сталина (Мира) были выстроены два жилых дома, известные как «профессорские дома», а также школа. Севернее индустриального института планировалось разместить городок Уральского филиала Академии наук СССР; проектные решения неоднократно публиковались в газетах⁸⁶¹, однако реализованы они не были; на территории городка в 1935 г. было возведено пятиэтажное здание Уральского физико-технического института (ул. С. Ковалевской, 22), который в 1939 г. был включен в состав Уральского филиала АН СССР. В измененном виде это здание сохранилось и сегодня⁸⁶².

⁸⁵⁸ Смирнов Л. Н. Петербургский след в архитектуре конструктивизма Екатеринбург. Екатеринбург: Архитектон, 2015. С. 87.

⁸⁵⁹ Подробнее см.: Екатеринбург. Архитектурный путеводитель. 1920–1940. Екатеринбург: Tatlin, 2015. С. 188–192.

⁸⁶⁰ Диковский С. Архитектурные уроды // Правда. № 33 (6639). 3 февраля 1936 г.

⁸⁶¹ См., например, выпуск «Вагоногиганта» от 30 марта 1935 г.

⁸⁶² Гусев А. Начало: о первом этапе создания УФАНа (1932 – 1939 гг.) // Российская Академия наук. Уральское отделение. 10 октября 2012. URL: <http://www.uran.ru/node/2390> (дата обращения: 02.08.2018).

По всему Втузгородку (не имевшему в 1930-х гг. жилой застройки, кроме общежитий и домов профессуры индустриального института) были также разбросаны здания техникумов: автодорожного (пр. Ленина, 91, корп. 1), транспортного строительства (ул. Первомайская, 73) и ремесленного училища (ул. Блюхера, 5а). Кроме того, во 2-й половине 1930-х гг. было выстроено здание института черных металлов (пр. Ленина, 101, корп. 2).

В северной части Свердловска располагалась зона строительства железной дороги. Именно со стартом индустриализации Свердловск превратился в крупнейший транспортный узел; на северо-восточном берегу Верх-Исетского пруда была построена мощная железнодорожная станция Свердловск-Сортировочный⁸⁶³. За железной дорогой, охватывая северо-восточную окраину старого Свердловска, находились кооперативные поселки железнодорожников («Красная Звезда», «Пионер»), застроенные по преимуществу двухэтажными рублеными домами. Однако своего рода центром этого царства железной дороги был привокзальный район, застроенный в конце 1920-х – начале 1930-х гг.: здесь находился клуб железнодорожников имени Андреева (ул. Челюскинцев, 102), управление железной дороги (ул. Челюскинцев, 11; редкий пример крупного общественного здания 1930-х гг. в Свердловске, не имевшего ни одной черты конструктивистского стиля), банно-прачечный комбинат (ул. Свердлова, 64), больница (ул. Гражданская, 7), железнодорожный техникум (ул. Братьев Быковых, 36), многоквартирный дом-гигант (ул. Челюскинцев, 9) и ряд других жилых домов, выдержанных в конструктивистском стиле.

Свои городки образовала и медицинская застройка, развернутая вдоль западных границ старого Свердловска. Знаменитый свердловский Медгородок был построен в 1929–1936 гг. на пустыре между Свердловском и поселком Верх-Исетского завода; он включал 8 зданий и комплексов – институт физиотерапии, институт гигиены труда и профзаболеваний, стационар, гинекологическое отделение, терапевтическое отделение и хирургический корпус (был снесен в 1990-х гг.), а также медицинское училище и медицинский институт⁸⁶⁴. Еще один городок медиков разместился в районе переулка Саперов⁸⁶⁵. Главным сооружением здесь было гигантское здание больницы спецназначения

⁸⁶³ В поселке станции Свердловск-Сортировочный, на значительном удалении от центральной части города, находятся два пятиэтажных дома, выстроенных для работников железной дороги (ул. Ватутина, 1; ул. Крупской, 6).

⁸⁶⁴ Букин В. П., Пискунов В. А. Свердловск. Перспективы развития до 2000 года. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1982. С. 24.

⁸⁶⁵ Екатеринбург. Архитектурный путеводитель. 1920–1940. Екатеринбург: Tatlin, 2015. С. 302–304.

(больница скорой помощи, ул. 8 Марта, 78, ныне заброшено) – самое крупное медицинское сооружение довоенного СССР⁸⁶⁶.

Южная часть Свердловска, не располагавшая крупными промышленными предприятиями, не имела своих соцгородов, хотя и здесь заводы вели жилищное и административное строительство⁸⁶⁷. Не имели крупной застройки и пригороды Свердловска – разве что в Верхней Пышме, городе медеэлектролитного завода, сохранился поселок 1930-х гг., включающий один трехэтажный дом руководящего состава (ул. Красноармейская, 1), ряд двухэтажных домов строчной застройки (в квадрате улиц А. Козицына, Октябрьской, Спицына, Красноармейская) и школу 1936 г. (ул. Красноармейская, 6)⁸⁶⁸. В соседнем с Верхней Пышмой Среднеуральске – поселке, возникшем при строительстве здесь мощной электростанции в 1936 г. – ярчайшим примером новой архитектуры является сама Среднеуральская ГРЭС.

ПЕРВОУРАЛЬСК: СОЦГОРОД В СОЦГОРОДЕ

Решение о строительстве близ старого Шайтанского завода крупного производства труб – Новотрубного завода – было принято в 1931 г.⁸⁶⁹ Однако возведение трубного колосса шло медленно. 28 августа 1932 г. районная газета «Под знаменем Ленина» наконец поместила фото выстроенного механического цеха Трубостроя – «первенца Новотрубного гиганта».

---

⁸⁶⁶ Смирнов Л. Н. Петербургский след в архитектуре конструктивизма Екатеринбург. С. 63–65.

⁸⁶⁷ Можно назвать малоизвестные жилые дома (ул. Титова, 17а, 17б) и заводоуправление (ул. Титова, 19) мясокомбината.

⁸⁶⁸ Главный архитектор Свердловской области В. Г. Вениаминов, до 2011 г. занимавший должность главного архитектора Верхней Пышмы, замечает: «Первая планировочная схема сделана в традиции соцгородков. Она была спланирована для новой территории. В этом она похожа на схему соцгородка Уралмаш. Это три луча, отходящие от проходной завода. На них строится кольцевая планировочная структура. Верхняя Пышма повторяет эту закономерность в идеале. Три планировочных оси от проходной завода. Первая ось идет по улице Кривоусова (прежде Садовая) до пересечения с улицей Свердлова. На этом месте она делилась на две равнозначных улицы – продолжение Кривоусова и Свердлова. Одна из них уходила в западном направлении, другая – в восточном. На этой развилке планировалось создать центральное ядро. Этот участок так и не стал центром будущего города. Он остался в резерве и был занят садами» (Верхняя Пышма – большая деревня – так считает главный архитектор Свердловской области Владимир Вениаминов // GOVP.info. Городской информационный сайт Верхней Пышмы и Среднеуральска. 10.12.2014. URL: <http://govp.info/blagoustroistvo/verkhnyaya-pyshma-bolshaya-derevnya-tak-schitaet-glavnyi-arkhitekto-sverdlovskoi-ob> (дата обращения: 22.08.2018).

⁸⁶⁹ Дунаев Ю. Стальные трубы Урала. Первоуральск: [б.и.], 2014. С. 28.

Несмотря на тяготы, первоуральские строители с готовностью обсуждали черты завтрашнего дня. Еще в 1932 г. на страницах газеты «Под знаменем Ленина» был поднят вопрос о том, где и как, собственно, возводить соцгород Первоуральск. Должен ли это быть конгломерат рабочих поселков или единый город для всего промышленного кластера, который включал в себя новотрубный, хромпиковый, динасовый заводы, а также Среднеуральский медеплавильный комбинат?

Используя цитаты таких авторитетов, как Каганович и Крупская, автор статьи «Где строить соцгород Первоуральск?» Г. Емлин доказывал: город, население которого составит около 200 тыс. человек, целесообразно разместить в центре своеобразного кольца 10–12 км в диаметре, образуемого вновь возводимыми заводами (динасовый и медеплавильный – на западе, новотрубный и хромпиковый – на востоке) и старым поселком Ревда (на юге)⁸⁷⁰. В поддержку этого мнения высказалось еще несколько авторов⁸⁷¹.

Ядром нового города должен был стать поселок вновь создаваемого трубного завода. «Первоуральский трубный завод по масштабам производства, по типу оборудования и по техническим методам будет одним из самых мощных и лучших заводов на земном шаре», – подчеркивал в марте 1933 г. тогдашний руководитель Трубостроя Г. Курашев, деловито перечисляя все, что уже построено: трубоволоочильный цех, механический цех, школа ФЗУ, 21 двухэтажный дом и 54 барака... В 1933 г. планировалось возвести еще несколько цехов, а также 50 рубленых бараков, 31 щитовой восьмиквартирный дом и 18 восемнадцатиквартирных домов, «хлебозавод, баню, прачечную, школу ФЗС, детсады, ясли, столовые» и, наконец, сельхозкомбинат с крольчатником.

⁸⁷⁰ Емлин Г. Где строить соцгород Первоуральск? // Под знаменем Ленина. № 103 (173). 14 мая 1932 г.

⁸⁷¹ Брус М. Построить социалистический город Первоуральск // Под знаменем Ленина. № 80 (150). 10 апреля 1932 г.; Плетнев. Выбор площадки соцгорода – дело всей районной общественности // Под знаменем Ленина. № 116 (186). 29 мая 1932 г. Плетнев – разработчик технико-экономического обоснования проекта соцгорода Первоуральск, сотрудник Уралжилгора – замечал: «Существующие поселки при возникновении большого соцгорода, со всеми его преимуществами коммунально-бытового обслуживания всей рабочей массы... несомненно должны отмереть. При возникновении города сразу же можно будет иметь трамвайное сообщение со всеми заводами, грандиозные массовые парки, дома отдыха и культуры; художественный театр, клубы, стадион и т. д., вузы, втузы, техникумы и прочие учебные заведения, диспансеры, больницы по специальным родам болезней и т. д. В различных частях этого города будут соответственно своим заводам группироваться первоуральцы, хромпиковцы, динасовцы, химики и цветники комбината Средуралмедьстроя, Ревды, магнетитового завода». Но были и другие мнения: руководство Средуралмедьстроя считало, что нужно строить два соцгорода – во избежание загрязнения Чусовой лучше, чтобы медеплавильный завод имел «свой соцгород, на базе снабжения водой из Ревдинского пруда» (Строить нужно два соцгорода // Под знаменем Ленина. № 103 (173). 14 мая 1932 г.).

Курашев настаивал на том, что «первоуральское строительство по важности должно быть приравнено к Магнитострою»⁸⁷².

В номере от 10 января 1934 г. «Под знаменем Ленина» подводила итоги жилстроительства в Первоуральске. Старый Первоуральск располагал всего 60 000 м² жилого пространства: «Удел каждой рабочей семьи в дореволюционное время был – иметь самую примитивную русскую избу и в лучшем случае пятистенку». К 1934 г. объем жилплощади удвоился, но и население выросло вчетверо. По подсчетам газеты, для ликвидации жилищного кризиса в 1934 г. нужно ввести 121 500 кв. м, то есть за один год увеличить объем жилплощади вдвое⁸⁷³. Центром нового строительства должен был стать поселок Трубсторя, где планировалось построить школу, больницу, детский сад, ясли, баню, прачечную, деревянные дома, а также провести озеленение и устроить шоссе⁸⁷⁴.

Но, разумеется, никаких 121 500 м² ни в 1934, ни даже в 1935 г. построено не было. «В нашем районе, как ни в одном другом промышленном районе Советского Союза, имеется разрыв в промышленном и культурно-бытовом строительстве», – мрачно констатировала первоуральская газета в июне 1935 г., тут же добавляя, что Хромпик и Динас по культурному строительству находятся впереди остальных частей Первоуральска⁸⁷⁵.

И впрямь, социально-экономическая логика соцгорода диктовала свои условия: заводы вели застройку в собственных поселках, не оглядываясь на единый план, который к тому же так и не был доработан. Наибольших успехов в жилищно-бытовом строительстве добился динасовый завод, в 1935 г. ухитрившийся превратить свой поселок в этакую Горловку местного разлива: «Что такое площадка Динасового завода наших дней? Это – восемь с половиной тысяч погонных метров мощеных дорог. Это – развернувшееся жилстроительство по линии заводоуправления, помноженное на индивидуальное рабочее строительство. Это – каменная школа, прекрасные ясли, клуб ИТР, площадка физкультуры, достраиваемая больница, звуковое кино, механизированная швейная мастерская... Это – начавшиеся работы по канализации и водопроводу. И наконец – парк – гордость завода и его коллектива»⁸⁷⁶. Один из рабочих динасового завода, Важенин,

⁸⁷² Курашев Г. За успешное завершение Трубсторя // Уральский рабочий. № 52 (5286). 4 марта 1933 г.

⁸⁷³ Под знаменем Ленина. № 9 (663). 11 января 1934 г.

⁸⁷⁴ Анисимов. Превратить Первоуральск в образцовый город // Под знаменем Ленина. № 28 (692). 5 февраля 1934 г.

⁸⁷⁵ Жилстроительству – четкое планирование // Под знаменем Ленина. № 141 (1097). 24 июня 1935 г.

⁸⁷⁶ Под знаменем Ленина. № 170. 30 июля 1935 г.

рассказывал о визите в гости своего брата, шофера из Свердловска, который годом ранее был поражен грязью и некультурностью на Динасе: «Вечером я повел брата по поселку. Показал мощные улицы, детсад, ясли, клуб ИТР и т. д. <...> Старый Динас за короткий срок был отодвинут далеко назад. Динас становится культурным и чистым рабочим поселком»⁸⁷⁷.

В конце 1935 г. поселок Динас даже попал на страницы «Уральского рабочего» благодаря видному поэту и журналисту К. Ф. Реуту, автору очерка «Пригород и город». Реут не пожалел добрых слов: «Динас может поразить и растрогать любого. Это – чудесное, аккуратное, строгое, сработанное во всех мелочах по последнему слову техники замечательное предприятие. В тайгу убегали мраморные колонны парка, покрытые черными блестящими шарами, асфальт и камень создавали редкую по красоте площадку, окаймленную диким рельефом гор и лесов. Завод по чистоте и опрятности больше напоминал аккуратную голландскую молочную ферму, чем действующее предприятие треста “Огнеупоры”».

Если таков пригород, каков же сам центр? Воображению Реута рисовалось, что при въезде в центр Первоуральска «вот-вот засияют витринами гастрономы, пролетит залитый световой рекламой театр, вспыхнут огнями центральные улицы города». Но вместо этого автора ожидало «серое, грязное» райкомовское здание, тьма, пустые улицы и, главное, отсутствие торговых предприятий. Руководитель районной парторганизации П. Н. Чернецов⁸⁷⁸ предстал на страницах очерка Реута типичным «болтуном», рассуждающим о культурной отсталости и неспособным даже организовать торговлю папиросами. Шахтеры-стахановцы на приеме в горсовете жалуются: «Отсталость. Костюм я себе купить в Первоуральске не мог, жену хотел одеть – не мог. Деньги получил и шабаш! Без театров и культурной жизни как бы, ребята, на вино нам не соскочить?» Автор очерка приходил к выводу: «Нет, Динас, Новотрубный завод, Хромпик – не пригород! Пригород в худшем смысле этого слова в этом темном, скучном поселке, который только, видимо, в силу игры обстоятельств называется центром»⁸⁷⁹. Кое-что было построено в других рабочих поселках – например, в поселке хромпикового завода был возведен новый стадион с клубом.

⁸⁷⁷ Важнин. Не узнают старый Динас // Под знаменем Ленина. № 170. 30 июля 1935 г.

⁸⁷⁸ П. Н. Чернецов – руководитель Первоуральской районной парторганизации с 1933 по 1936 гг. В 1937 г. репрессирован, расстрелян. См.: Акифьева Н. В. Троцкизм по-билимбаевски // Первоуральск.ru. Городской информационный портал. 24 мая 2014 г. URL: <http://pervouralsk.ru/blog/kraevedenie/post/1038> (дата обращения: 02.09.2018).

⁸⁷⁹ Реут К. Пригород и город // Уральский рабочий. № 298 (6133). 26 декабря 1935 г.

Рис. 76. Жилой дом в соцгороде Первоуральск. Фото К. Д. Бугрова, 2018 г.

А что же было построено в самом первоуральском соцгороде? Жилищное строительство фактически свелось к кварталу из трех 4-этажных домов: два из них – стандартные (ул. Герцена, 7, 9)⁸⁸⁰, а один – более сложной, Г-образной планировки с встроенной коммунальной инфраструктурой (ул. Чкалова, 38; точный аналог этого дома есть в Каменске-Уральском, в поселке Синарского завода). Но в этом соцгороде – или, лучше сказать, соцквартале? – не было ни благоустройства, ни коммунальной инфраструктуры: «Соцгород шутя, но вполне справедливо, называют Грязьгородом. <...> Несмотря на то, что в Соцгороде живут самые ценные кадры Новоуральского завода и треста Трубстрой – специалисты и рабочие-стахановцы – поселок имеет вид какой-то помеси болота, свалки и строительной площадки. Всюду лужи, грязь, ямы, строительные отбросы и т. п. Особенно плохо то, что в Соцгороде нет самых элементарных социально-бытовых учреждений. Нет, в частности, детских ясель и детсада. У больших 24-квартирных домов нет даже площадки для детей»⁸⁸¹. Впрочем, решительное большинство строителей Новотрубного завода проживало вдали от соцгорода, непосредственно на стройке в барачных поселках – Стахановском, Техническом (сегодня это территория производства)⁸⁸².

⁸⁸⁰ Между двумя первояями // Под знаменем Ленина. № 101 (1348). 1 мая 1936 г.

⁸⁸¹ Грязных Е. Матери ждут... // Под знаменем Ленина. № 152 (1399). 4 июля 1936 г.

⁸⁸² См. схему размещения барачных поселков, составленную крупнейшим знатоком истории Первоуральска, Н. В. Акифьевой: Акифьева Н. В. Исчезнувшие (эпизод 4) // Первоуральск.ру. Городской информационный портал. URL: <http://pervouralsk.ru/blog/kraevedenie/post/2010> (дата обращения: 23.06.2018).

Рис. 77. Школа в бывшем барачном поселке строителей Первоуральского новотрубного завода. Фото К. Д. Бугрова, 2017 г.

Напоминанием об этих поселках осталось капитальное конструктивистское здание школы (ул. Вайнера, 2а); кроме того, к северу от Первоуральского новотрубного завода сохранилась часть Спецпоселка, выстроенного во 2-й половине 1930-х гг.

В феврале 1936 г. газета «Под знаменем Ленина» вынуждена была признать, что жилищно-бытовое строительство Первоуральска совершенно неадекватно индустриальному росту города: «Промышленность Первоуральска за последние годы сильно развилась. Выросли новые предприятия всесоюзного значения. Сильно также увеличилось городское население. Между тем город развивается очень плохо. Особенно медленно идет строительство капитальных жилых зданий, общественных и культурно-бытовых зданий». Председатель первоуральского горсовета Н. Шилов давал разъяснения: «По своим экономическим данным Первоуральск имеет право на развернутое городское строительство... В нем должно быть значительно больше благоустроенных жилых домов, должны быть хорошая баня, гостиница, автоматическая телефонная станция, водопровод, ряд благоустроенных улиц и т. п. Но все эти необходимые городу учреждения сооружать пока нельзя, т. к. нет плана будущего города. Строить мы будем прочно и красиво, на долгие времена. Поэтому строить нужно, сообразуясь с будущим развитием города. Строить хотя и понемногу, но зато сразу настоящий социалистический город. Строить по строгому плану». Далее Шилов сообщал, что план нового города разрабатывается ленинградским Гипрогором

в трех разных вариантах, наиболее вероятным из которых является возведение Первоуральска «вокруг сооружаемого сейчас Трубстроем соцгорода». Как только будет план, Первоуральск «начнет приобретать облик настоящего современного города»⁸⁸³.

Итак, соцгород будет строиться вокруг... соцгорода! Поистине примечательно словопотребление: Н. Шилов использовал понятие «социалистический город» двояко – как обозначение для прекрасного, нового города, который еще только предстоит построить по особому плану, и как имя одного из заводских поселков, образующих Первоуральск, но опять-таки, не тот прекрасный Первоуральск, который будет возведен по плану Гипрогора, а пока всего лишь конгломерат заводских поселков.

Рядом с Первоуральском велось строительство огромного Среднеуральского медеплавильного завода – как видим, решение о том, что Средуралмедьстрой должен войти в состав нового Первоуральска, осталось на бумаге. Городок этот начал строиться на новом месте, к западу от старого заводского поселка Ревда, где уже действовал реконструированный метизный завод. Газета «Под знаменем Ленина» приводила материалы с презентации архитектурного решения для городка Средуралмедьстроя на совещании архитекторов в Свердловске 26 января 1935 г., в самых ярких тонах рисовавшие будущий город: «Город будет обильно теплофицирован. В центре общекомбинатской площадки будет построен грандиозный учебный комбинат, пожарный городок, заводоуправление и т. д. Впервые на Урале будет построена фабрика-заготовочная, которая будет снабжать столовые, ресторан полуфабрикатами. В особо вредных цехах будут устроены пункты холодных закусок. Широкая сеть медпунктов раскинется по городу – в центре большая клиника, на медеплавильном заводе будет устроена научно-исследовательская лаборатория. Промышленные здания будут иметь красивое архитектурное оформление, удобства. Они будут впитывать много света и воздуха. Совещание высказалось против покраски зданий, красивое внешнее оформление будет достигнуто путем чистой кирпичной кладки, облицовкой естественным камнем – использованием натуральных материалов»⁸⁸⁴. В новой Ревде и впрямь был выстроен жилой квартал, выдержанный в постконструктивистской стилистики и по размерам превышавший соцгород Первоуральского новотрубного (ограничен улицами Энгельса – М. Горького – К. Либкнехта – Спортивная), однако сделано это было уже в начале 1940-х гг.

⁸⁸³ Под знаменем Ленина. № 47 (1294). 27 февраля 1936 г.

⁸⁸⁴ Анисимов. Превратить Первоуральск в образцовый город // Под знаменем Ленина. № 28 (692). 5 февраля 1934 г.

КАМЕНСК-УРАЛЬСКИЙ

В начале 1930-х гг. старый Каменск начал превращаться в индустриальную цитадель – здесь было заложено сразу несколько заводов. Первым из них стал основанный в 1931 г. Синарский завод⁸⁸⁵, который должен был отливать чугунные трубы для растущего коммунального хозяйства уральских соцгородов⁸⁸⁶. «Необходимо выстроить такое количество жилых домов, которое обеспечило бы размещение кадров действующего завода не в комнатах, а в отдельных квартирах». Кроме того, Синарстрой собирался «отказаться от постройки нескольких однопроектных домов, так как в небольшом городе это создает большое однообразие». Конкретно на 1935 г. намечалась постройка части больничного городка, диспансера, яслей, прачечной и школы ФЗУ. Предполагалось также начать строить клуб и снять с консервации стройку фабрики-кухни, заложенной еще в 1933 г.⁸⁸⁷ В 1936 г. завод дал первую продукцию.

Поселок Синарского завода, расположенный в нескольких километрах к северу от старого Каменска, является одним из самых ин-

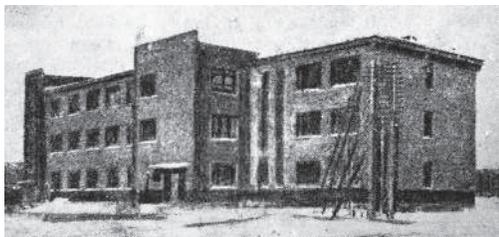

Рис. 78. Заводоуправление Синарского завода имени Кабакова. Рыжиков А. С. Синарстрой. Свердловск: Металлургиздат, 1934.

тересных и наиболее хорошо сохранившихся соцгородов Большого Урала⁸⁸⁸. Центром соцгорода является площадь, ныне носящая имя летчика-космонавта Беляева, на которую выходят здания гостиницы (ул. Карла Маркса, 83) и жилой дом (ул. Карла Маркса, 89).

От площади вглубь поселка уходит улица Беляева (ранее – Клубная). В 1930-е гг. строительство, выдержанное в канонах конструктивизма, велось главным образом в северной части поселка, ограниченной улицами Карла Маркса – Беляева – Бажова – Зои Космодемьянской.

⁸⁸⁵ Дунаев Ю. Стальные трубы Урала. Первоуральск: [б.и.], 2014. С. 58.

⁸⁸⁶ Шмидт Н. Четко выполнять решения партии о Синарстрое // Уральский рабочий. № 258. 16 сентября 1931 г.

⁸⁸⁷ Коровин Б. В. Что будет строиться в соцгороде // Встречный Урало-Кузбасса. № 47 (147). 21 мая 1934 г.

⁸⁸⁸ Гаврилова С. И. Комплексная застройка Каменска-Уральского 1930-х годов: реализованные и нереализованные проекты // Архитектон: известия вузов. 2011. № 4. С. 92–94.

Рис. 79. Жилой дом в соцгороде Синарского завода. Фото К. Д. Бугрова, 2018 г.

Особенно примечателен здесь крупный дом (ул. Беяева, 4), поставленный к улице Беяева торцом, идентичный по архитектуре такому же дому в соцгороде Первоуральского новотрубного завода. В южной части соцгорода в 1930-х гг. был выстроен дом, где, по-видимому, проживало руководство Синарского завода (ул. Беяева, 3).

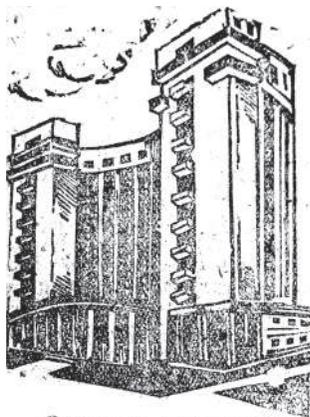
Еще западнее, вдоль улицы Трубной, расположены жилые дома (ул. Трубная, 15, 17, 19, 21), выходящие на улицу торцами и поставленные, в соответствии с градостроительными предпочтениями эры конструктивизма, под углом. Вдоль северной границы поселка – улицы Зои Космодемьянской – развернута социальная инфраструктура: школа ФЗУ и поликлиника. Кроме того, ярким памятником архитектуры первых пятилеток является сам Синарский завод, его электроцентральный, заводоуправление и пожарная станция.

В 1932 г. началось строительство второго индустриального гиганта в Каменске-Уральском – Уральского алюминиевого завода. Он расположился в нескольких километрах к юго-востоку от старого Каменска, в местности Красная Горка. Здесь началось сооружение заводского поселка.

Старт стройки обещал Каменску блестящее будущее: «На пустырях вырастут гиганты. Каменск будет городом цветной и черной металлургии, фасонного литья труб, вагонов, паровозов. Поселок Каменск будет крупнейшим пролетарским городом. По своему географическому положению он будет построен по типу швейцарских городов. Это будет красивый живописный город!» В частности, на площадке Алюминь-

стройка «вырастет социалистический город на 24 тысячи рабочих, парк, школы, магазины»⁸⁸⁹. Уже в 1935 г. на страницах «Челябинского рабочего» будущее население поселка уменьшилось вдвое: «Городок Аллюминиевого завода небольшой. Он рассчитан всего на 10 тысяч жителей. Это и понятно, ибо завод с высокой техникой, с огромной механизацией производства – рабочих потребует немного. Здесь уже построены культурные, многоэтажные кирпичные и камышитовые дома, школа, гостиница, столовые, магазины, общежития. Будущие город изрыт траншеями водопровода и канализации... Отраднейший факт – поселок утонул в березовой роще. И каждое дерево ревностно охраняют сами жители»⁸⁹⁰.

Капитальных кварталов на Аллюминьстрое было в 1930-е гг. выстроено два. Комплекс ЦЖС, находящийся в пределах улиц Каменской, Исетской, Строителей и Аллюминиевой – один из самых ярких памятников конструктивистской архитектуры на Урале. Как мы видели выше, нарком Орджоникидзе советовал строителям Вагонки в Нижнем Тагиле брать в жилстроительстве пример со свердловского «городка чекистов». Вместо вагонстроевцев это сделал аллюминщик Каменска: проект комплекса ЦЖС, составленный архитекторами Валенковым и Коротковым, был творческой переработкой планировки «городка чекистов». Планировалось построить 4 блока, поставленных так же, как прославленный прототип – «елочкой»; был в плане и высотный корпус, но если в «городке чекистов» общежитие для малосемейных было обращено наружу выпуклой стороной, то в «городке аллюминщиков» высотный «корпус холостых» должен был смотреть выпуклой стороной внутрь. Высотный корпус построен не был, хотя фотография проекта была напечатана в «Челябинском рабочем»; остальные 4 блока – возведены в 1935–1937 гг.⁸⁹¹ Квартал 2-27, ограниченный улицами Строителей, Исетской,

**Один из корпусов
будущего соцгорода
Уралалюминия.**

Рис. 80. Один из корпусов соцгорода Уральского аллюминиевого завода. Каменск-Уральский. За уральский аллюминий. 22 января 1935 г.

⁸⁸⁹ Магнитострой цветной металлургии // Челябинский рабочий. № 146. 28 июля 1934 г.

⁸⁹⁰ Уфимцев В. Третий в стране // Челябинский рабочий. № 241. 17 октября 1935 г.

⁸⁹¹ Гаврилова С. И. Архитектура 1930-х годов Красногорского района г. Каменска-Уральского // Архитектон: известия вузов. 2009. № 3 (27). С. 87–88.

Октябрьской и Алюминиевой, в архитектурном отношении менее интересен, воплощая постконструктивистскую стилистику.

К юго-востоку от этих двух кварталов простиралась временная застройка кварталов А-18 и БК-8, состоявшая из двух- и трехэтажных каркасно-камышитовых домов, а также маленький коттеджный поселок, где проживало руководство Алюминьстроя⁸⁹². В настоящее время сохранились лишь отдельные фрагменты этой застройки: большая же часть территории этих кварталов, бывших в соцгороде алюминщиков старейшими, теперь занята гаражами.

Социальная инфраструктура Красной Горки была представлена больницей, поликлиникой (ул. Каменская, 17), школой ФЗУ (ул. Уральская, 42), детскими садами. Рядом с комплексом ЦЖС был разбит парк культуры и отдыха. Целый ряд статей в местной прессе превозносил достоинства вновь возводимого города⁸⁹³.

Рис. 81. Жилой комплекс ЦЖС в соцгороде Уральского алюминиевого завода. Каменск-Уральский. Фото К. Д. Бугрова, 2018 г.

Южнее соцгорода находится сам комбинат – яркий памятник промышленной архитектуры. На заводскую площадь выходят проходная, заводоуправление и заводская лаборатория, от которой уходит центральная заводская аллея. К комплексу зданий комбината относится также Красногорская ТЭЦ⁸⁹⁴.

⁸⁹² Гаврилова С. И. Архитектура 1930-х годов Красногорского района. С. 91–92.

⁸⁹³ Колпаков А. Н. Архитектура нового города // За уральский алюминий. № 91 (166). 11 августа 1936 г.; Игошин С. Город новой эпохи // Челябинский рабочий. № 258. 7 ноября 1935 г. Статья Колпакова включена в приложение к настоящей книге.

⁸⁹⁴ Токменинова Л. Красногорская ТЭЦ. Екатеринбург: Tatlin, 2015.

Мог бы в Каменске появиться и третий соцгород – к 1936 г. в городе предполагалось построить еще и крупный паровозо-вагоноремонтный завод. Но «короткая история подготовки и начала строительства каменского паровозо-вагоноремонтного завода – это история преступной бесхозяйственности, бесшабашного растраниживания народных средств, канцелярско-бюрократических методов руководства»⁸⁹⁵. Руководство стройки не стало (или не смогло) строить собственный рабочий поселок, расселяя рабочих за 5–7 км от стройплощадки; по состоянию на 1934 г. стройка фактически стала. В 1940 г. ее возобновили, но теперь на этом месте должен был разместиться уже магниевый завод; с началом Великой Отечественной войны на базу этого завода была эвакуирована часть Кольчугинского завода имени Орджоникидзе, ведущего предприятия в сфере производства сплавов цветных металлов. Возникшее в результате предприятие получило имя Каменск-Уральского завода по обработке цветных металлов⁸⁹⁶.

ЧТЗ И КОМПАНИЯ: ПЕРЕСТРОЙКА СТАРОЙ ЧЕЛЯБЫ

Второй региональной столицей Большого Урала с 1934 г. был Челябинск. Однако история о преобразении Челябинска началась за несколько лет до этого: концентрация индустриального строительства в Челябинске была огромной даже по меркам первых пятилеток. Здесь одновременно строились мощная электростанция ЧГРЭС, ферросплавный завод имени Ворошилова, абразивный и цинковый заводы. Все это были крупные стройки, однако они меркли перед главным промышленным гигантом не только Челябинска, но и, пожалуй, всего Урала – Челябинским тракторным заводом имени Сталина.

«Челябинский тракторный будет самым мощным гигантом тракторостроения во всем мире», – с гордостью давал справку «Уральский рабочий» в июне 1931 г., приводя цифры: завод «Катерпилер» в «округе» Иллинойс дает ежегодно 25 000 тракторов, «из них только 5–6 тысяч многосильных», а челябинский гигант будет давать по 40 000 многосильных тракторов в год⁸⁹⁷. Председатель облисполкома Уральской области М. К. Ошвинцев, говоря в 1933 г.

⁸⁹⁵ Тунеедцы с Вагонстроя // Челябинский рабочий. № 130. 9 июля 1934 г.

⁸⁹⁶ Гаврилова С. И. Особенности градостроительной структуры Каменска-Уральского (начало XVII – середина XX веков) // Каменск-Уральский. Страницы истории. 13.04.2015. URL: <http://history-kamensk.ru/history/26-osobennosti-gradostroitelnoi-struktury-kamenskauralskogo-nachalo-xvii-seredina-xx-vekov.html> (дата обращения: 05.03.2018).

⁸⁹⁷ Промплощадка – основное звено Челябинского тракторостроения // Уральский рабочий. № 178 (4679). 30 июня 1931 г.

об итогах первой пятилетки на Урале, особо выделял ЧТЗ: «Возьмем Челябинский тракторный завод. Это – краса и гордость нашей машиностроительной индустрии. Нет в мире по масштабу производства и по физическому объему такого завода, каким является ЧТЗ»⁸⁹⁸. Первой продукцией ЧТЗ стало литье с портретом Сталина – заводского эпонима⁸⁹⁹. Характерный облик заводских цехов и заводууправления (пр. Ленина, 3) ЧТЗ стал настоящим символом нового Челябинска.

Выпуск журнала «СССР на стройке», посвященный пуску ЧТЗ, содержал фотоматериал выдающегося качества⁹⁰⁰. Фотография цехов ЧТЗ была включена – вместе с Уралмашем – в число иллюстраций к статье «Архитектура» Уральской советской энциклопедии. Панорама цехов ЧТЗ оказалась в центре впечатляющего коллажа, включенного в отдельное издание книги К. Радека «Зодчий социалистического общества» (1934) – первой полномасштабной биографии Сталина, вышедшей отдельным изданием⁹⁰¹. Самые разнообразие виды цехов завода были представлены в специальном фотоальбоме, который завод готовил специально для ударников производства⁹⁰². В мае 1931 г. бригада ударников-арматурщиков ЧТЗ через городскую газету даже пригласила М. Горького на строительство, чтобы тот описал грандиозные работы⁹⁰³.

Рядом с тракторным гигантом был в сжатые сроки выстроен крупнейший соцгород Урала. Как и все другие соцгорода, он включал в себя меньшую, капитальную часть, и море барачной застройки. Капитальный поселок (известный как 7-й участок) разместился в прямоугольнике, очерченном улицами Тракторная (ныне Ленина), Горького, 1-й пятилетки, Кирова (ныне 40-летия Октября). Он включал 4 блока по 8 домов высотой 4 этажа каждый. К этому поселку примыкал квартал «домов ИНОРСа», выстроенный в 1932–1933 гг., спланированный иным образом (периметральная застройка вместо строчной) и отличавшийся существенно более просторными квартирами. Здесь было 2 квартала по 4 дома в каждом. Внутренняя планировка домов несколько различалась, квартиры были снабжены

⁸⁹⁸ Ошвинцев М. К. Итоги пятилетки и хозяйственные задачи на 1933 год. Свердловск: Уралпартгиздат, 1933. С. 28.

⁸⁹⁹ Челябинский тракторный завод имени Сталина. 1930–1933. Музей Челябинского тракторного завода. Л. 23.

⁹⁰⁰ СССР на стройке. 1932. № 8.

⁹⁰¹ Радек К. Б. Зодчий социалистического общества. М.: Парг. изд-во, 1934.

⁹⁰² Челябинский тракторный завод имени Сталина. 1930–1933. Музей Челябинского тракторного завода.

⁹⁰³ «Опишите социалистическую стройку» // Челябинский рабочий. № 114 (1565). 15 мая 1931 г.

Рис. 82. «Окраина» соцгородка ЧТЗ. 1933 г. Челябинский тракторный завод имени Сталина. 1930–1933. Фотоальбом. Музей Челябинского тракторного завода.

удобствами (санузел, умывальня, кухня, встроенные шкафы). Позднее, в 1949 г., фасады домов ИНОРСа, выходящие на улицу Спартак (Ленина), были «обогащены»⁹⁰⁴.

Еще один жилой квартал был выстроен западнее домов ИНОРСа, в прямоугольнике, очерченном улицами Ленина, Горького, Ловина и Артиллерийской. Он включает в себя 6 домов, отражающих процесс изменения эстетических установок советских архитекторов в середине 1930-х гг. В самом конце 1930-х гг. была начата застройка квартала

Рис. 83. Автобус на улице Спартак в соцгороде ЧТЗ. Челябинский тракторный завод имени Сталина. 1930–1933. Музей Челябинского тракторного завода. (это же фото напечатано: СССР на стройке. 1933. № 8.)

⁹⁰⁴ Володин П. А. Челябинск. М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. С. 33.

с южной стороны улицы Спартак (Ленина) и к западу от здания школы, но выстроен был всего один дом (пр. Ленина, 15). Наконец, с южной стороны от улицы Ленина были построены 3 здания общежитий (современные адреса – ул. Рождественского, 5, пр. Ленина, 11а, 11б).

Итого соцгород ЧТЗ довоенной поры насчитывал более 40 каменных жилых домов. К этому следует добавить 2-й участок, находившийся в районе пересечения сегодняшних улиц Марченко и Ловина и застроенный рублеными двухэтажными домами, и 3-й участок, развернувшийся вдоль улицы Марченко на север и застроенный бараками.

Вокруг жилмассива разместились зоны социальной инфраструктуры. Южнее улицы Спартак (Ленина) находился квартал бытового обслуживания, включавший фабрику-кухню, банно-прачечный комбинат. В непосредственной близости от них разместилась школа ФЗУ, состоявшая из учебного здания и учебных мастерских. Позднее здесь работал кинотеатр «Кировец». В 1936 г. был построен единый диспансер ЧТЗ (архитекторы А. И. Голомбек, В. И. Курочкин, М. А. Лежень), который «должен был стать медицинским учреждением, объединившим в себе все: поликлинику, различные отделения и диагностические кабинеты с новейшим по тем временам оборудованием»⁹⁰⁵. Как мы видели выше, ранее единственным лечебным заведением такого типа на весь Большой Урал был образцовый диспансер в Молотово.

Рис. 84. Единый диспансер ЧТЗ. Фото К. Д. Бугрова, 2018 г.

⁹⁰⁵ Машевич Е. А. Об организации единого диспансера ЧТЗ в г. Челябинске // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2016. №4 (15). Т. 2. С. 132.

Соцгород ЧТЗ уникален среди уральских соцгородов наиболее последовательным осуществлением функционалистских принципов. Планировщики поселка полностью отказались от какого бы то ни было центрального акцента, заменив его системой скверов⁹⁰⁶.

Челябинское руководство оказалось в интересном положении: с одной стороны, строительство промышленных колоссов автоматически вело к преобразованию «старой Челябины», а с другой – превращало город в набор рабочих поселков, настоящий *город городков*. Еще в 1930 г. А. Т. Попков, бывший тогда председателем Челябинского окрисполкома, говорил: «Тракторстрой поставил себе задачей отгородиться от Челябинска железной дорогой, а мы, окружные организации, считаем необходимым втянуть поселок тракторного завода в город, в будущий индустриальный центр»⁹⁰⁷.

Однако прелести промышленного роста испугали любую хаотичность коммунально-бытового строительства. В 1931 г. газета «Челябинский рабочий» декларировала: «Район отсталого земледелия, город мещанства и купечества перестраивается в индустриальный центр не только союзного, но и мирового значения. Первый в мире тракторный завод будет у нас – в Челябинске. Завод ферросплавов, оборудованный по последнему слову техники, пускается здесь, в Челябинске. Величайшая электрическая станция, самая крупная станция в мире на твердом топливе, строится здесь, в Челябинске. Уже через год-два старый казачье-купеческий город должен резко изменить свое лицо, должен стать городом крупнейшей индустрии»⁹⁰⁸. Согласно подсчетам газеты, в 1908 г. жилой фонд города состоял из 3 515 деревянных домов, барачков и землянок, 336 каменных и полукаменных домов. С 1929 по 1930 г. жилая площадь на одного челябинца упала с 4,2 кв. м до 3,5 кв. м. Жилфонд Челябинска на 1931 г. оценивался в 317 тысяч кв. м, давая в среднем на человека 3 кв. м жилой площади⁹⁰⁹. К концу 1933 г. предполагалось, с помощью ввода в строй порядка 400 кв. м жилой площади довести этот пока-

⁹⁰⁶ В настоящее время цельность соцгорода ЧТЗ нарушена точечной застройкой, пусть даже и выполненной с соблюдением этажности. Началась она с 1950-х гг., когда Пионерская площадь была застроена типовой школой со спортивным комплексом. Восточную часть сквера, шедшего от улицы Горького к улице Кирова, занял ледовый дворец «Трактор». Таким образом, обширная Пионерская площадь в центре квартала фактически перестала существовать. А в начале XXI в. два новых дома полностью перекрыли северную часть сквера, шедшего через 7-й квартал от улицы Спартак (Ленина) к улице 1-й пятилетки, заняв место снесенных в 1990-х гг. школьных зданий 1930-х гг.

⁹⁰⁷ Попков А. Т. Растет социалистический Челябинск – индустриальный центр Большого Урала // Челябинский рабочий. № 137 (1304). 4 июня 1930 г.

⁹⁰⁸ 12 лет // Челябинский рабочий. № 162 (1614). 15 июля 1931 г.

⁹⁰⁹ Жилищный кризис не ослабляется // Челябинский рабочий. № 147 (1599). 27 июня 1931 г.

затель до 5,5 кв. м (6,6 кв. м – на каждого рабочего); к 1932 г. – до 6,6 кв. м на одного жителя и до 7 кв. м на рабочего). Именно промышленным гигантам, которые, вытесняя рабочую силу из-за пределов города, стали двигателями жилищного кризиса, теперь предстояло его исправить: из 40 млн рублей, предназначенных для строительства в 1932 г., 31,3 млн были средствами «по линии промышленности»⁹¹⁰.

16 октября 1932 г. газета сообщала: «7 ноября состоится торжественный пуск фабрики-кухни ЧТС. 100 тысяч блюд в сутки – такова производительность этой фабрики-кухни, построенной по последнему слову техники. Сейчас фабрика-кухня уже вступила в частичную эксплуатацию»⁹¹¹.

Городок ЧТЗ часто появлялся на страницах уральских газет. Например, 23 ноября 1933 г. «Уральский рабочий» напечатал фотографию вида поселка ЧТЗ, сопроводив его подписью: «Рабочие ЧТЗ живут в новых, светлых, чистых домах». А 26 декабря 1933 г. в «Уральском рабочем» вышла статья секретаря челябинского парткома М. Смирнова, повествовавшая о преобразении старой Челябины. Фотографии демонстрировали различие между старым и новым: «Еще в 1928 году по улицам Челябинска с грохотом разъезжал так называемый дилижанс... Сегодня Челябинск имеет 20 километров трамвайной линии, которая связывает новые соцгорода с центром и вокзалом. 39 трамвайных вагонов, автобусы и несколько сот легковых автомобилей». Но наиболее интересной на этом газетном листе была схема «Челябинск индустриальный», показывавшая, как будет расти город. Здесь был выделен «старый город», а вокруг него шли значки, показывающие промышленные новостройки. Карта иллюстрировала статью Л. П. Неверова⁹¹² «Его костяк», повествовавшей о новом Челябинске.

Огромный соцгород ферросплавного завода имени Ворошилова и ЧГРЭС имени Кабакова⁹¹³ вытянулся вдоль берега пруда по нынешней улице Российской. Это – огромная (по меркам первой пятилетки) зона жилой застройки, общее количество трех- и четырехэтажных зданий здесь составляет примерно 45 единиц. В поселке также имелись детский сад, школа (ул. Российская, 49а), кинотеатр (ул. Российская, 34), больница. Сама ЧГРЭС с ее выдающейся «башней» является па-

⁹¹⁰ Строится новый, индустриальный Челябинск // Челябинский рабочий. № 150 (1501). 30 июня 1931 г.

⁹¹¹ Челябинский рабочий. № 240 (1927). 16 октября 1932 г.

⁹¹² Л. П. Неверов – журналист и краевед, сотрудник областного краеведческого музея, публиковавшийся в «Уральском рабочем», позднее – входивший в состав редколлегии журнала «Уральский следопыт».

⁹¹³ Пуск обоих гигантов состоялся осенью 1930 г. (Челябинск. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1976. С. 55, 59).

мятником индустриальной архитектуры 1930-х гг., а в глубине территории ферросплавного завода (ныне – Челябинский электрометаллургический комбинат, ЧЭМК) сохранилось конструктивистское здание заводоуправления (ул. Российская, 1/1).

В 1931 г. к югу от ЧТЗ началось возведение крупного завода станкостроительного профиля – Станкомаш имени Орджоникидзе. Директор строительства Каттель аттестовал стройку в уже хорошо известном нам гигантоманском духе: «Этот завод почти в полтора раза больше Челябинского тракторного завода... Челябинский завод крупного станкостроения превосходит не только все станкостроительные заводы СССР, но также заводы Западной Европы и США»⁹¹⁴. Завод, пуск которого состоялся в 1935 г., обзавелся собственным поселком с капитальной застройкой. Его старейшая часть располагается на улице «Челябинского рабочего» и включает 5 конструктивистских жилых домов (один из них, по-видимому, был общим), возведенных в середине 1930-х гг. и стоящих к этой улице торцами. Постройка: «Городок завода строится медленно. Дома строят и переделывают. Зайдите в любой дом, и вы услышите тысячи

Рис. 85. Поселок ЧГРЭС и ферросплавного завода имени Ворошилова. За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 9–10.

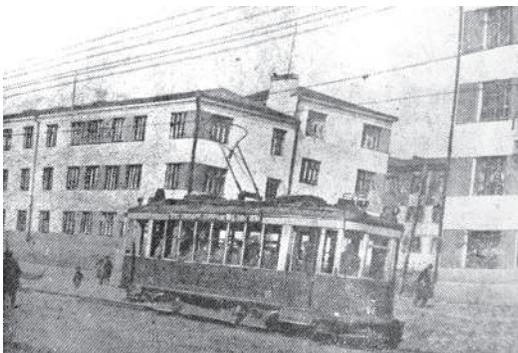

Рис. 86. Трамвай в соцгороде Челябинского ферросплавного завода имени Ворошилова. За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 9–10.

Европы и США»⁹¹⁴. Завод, пуск которого состоялся в 1935 г., обзавелся собственным поселком с капитальной застройкой. Его старейшая часть располагается на улице «Челябинского рабочего» и включает 5 конструктивистских жилых домов (один из них, по-видимому, был общим), возведенных в середине 1930-х гг. и стоящих к этой улице торцами. Постройка: «Городок завода строится медленно. Дома строят и переделывают. Зайдите в любой дом, и вы услышите тысячи

⁹¹⁴ Каттель И. А. Завод-гигант // Челябинский рабочий. № 259. 10 ноября 1935 г.

жалоб на низкое качество работ, на неудобства. Стекла и рамы вставлены кое-как, при небольших порывах ветра они вылетают. Сейчас большинство наружных рам без стекол, рамы разохлись, полы имеют такой вид, словно дома построены много лет тому назад. На красоту отделки домов – никакого внимания! Строят скучнейшие коробки. Эти коробки тесно придавлены друг к другу»⁹¹⁵. В конце 1930-х гг., с переходом к квартальной планировке, эти дома оказались окружены периметральной застройкой (ул. Харлова, 3, ул. Барбюса, 1, 3), выполненной уже в постконструктивистском стиле. Этот квартал был известен в Челябинске как КБС, что, по-видимому, следует расшифровывать как «коммунально-бытовое строительство»⁹¹⁶.

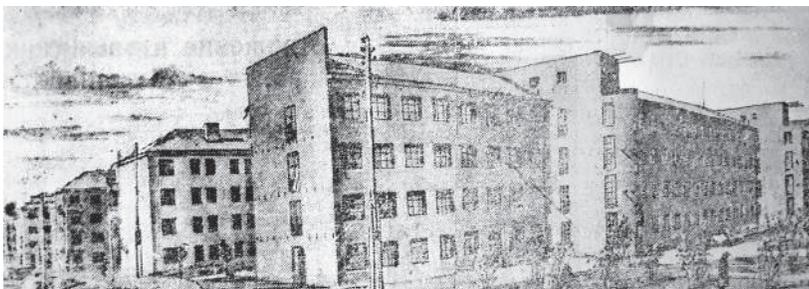

Рис. 87. Соцгород Станкомаша. Челябинский рабочий. 5 октября 1935 г.

В пригороде Челябинска, шахтерском городе Копейске, не велось многоэтажного жилищного строительства. Зато здесь в 1930-х гг. был построен громадный рабочий клуб (ул. Борьбы, 14).

А что же сам Челябинск? Центральная часть города подверглась радикальной переделке; если советский Свердловск наилучшим образом отразил стиль архитектуры начала 1930-х гг., то в Челябинске можно изучать градостроительную эстетику эры постконструктивизма, 2-й половины 1930-х гг. Архитектура Челябинска этих лет детально описана в фундаментальной работе Е. В. Конышевой⁹¹⁷; основная часть столичной застройки сконцентрирована вдоль проспекта Ленина (улица Спартак), на площади Революции формируя один из са-

⁹¹⁵ Игошин С. О недостатках больших и малых // Челябинский рабочий. № 230. 4 сентября 1935 г.

⁹¹⁶ См.: Лютов В., Вепрев О. Вглядываясь в Ленинский. Екатеринбург: БКИ, 2015.

⁹¹⁷ См.: Конышева Е. В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х – 1950-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск: ЧГПУ, 2005.

мых впечатляющих архитектурных ансамблей СССР конца 1930-х гг. Особенно ярко постконструктивистский стиль представляют такие здания, как кинотеатр имени Пушкина (ул. Пушкина, 64), «стоквартирный дом» (пр. Ленина, 54), челябинский «городок чекистов» близ Алого поля (ограничен проспектом Ленина, улицами Красной и Сони Кривой, а также Свердловским проспектом), дорожную больницу с циклопическим портиком (ул. Цвиллинга, 41) или крупный жилой комбинат, где обитали руководители Челябинской области (ул. Пушкина, 32). Самым, возможно, необычным зданием, которое можно встретить в советском Челябинске, является редчайший для СССР сохранившийся конструктивистский дом для заселения отдельной семьей (можно, пожалуй, назвать его виллой) – маленькое одноэтажное жилое здание чрезвычайно лаконичной архитектуры, в котором в 1934–1935 гг. жил первый секретарь Челябинской области К. В. Рындин (ул. Цвиллинга, 6)⁹¹⁸.

ЗЛАТОУСТ – САТКА – БАКАЛ

Крупнейшим индустриальным узлом горной части Южного Урала был старый промышленный город Златоуст. Здесь работали два мощных завода, получившие в 1920-х гг. новые имена – металлургический имени Сталина и механический имени Ленина. Следуя за этой экономической географией, новая застройка социалистического Златоуста тяготела к двум районам.

Наиболее известен тот из них, что прилегает к механическому заводу – старый центр Златоуста, подвергшийся довольно основательной перестройке на рубеже 1920-х – 1930-х гг. «Из отстающего грязного в прошлом, Златоуст превращается в культурный пролетарский город. На месте стареньких, деревянных домишек, на месте лесов и холмов Метгоселка – выросли четырехэтажные дома со светлыми квартирами, водопроводом, канализацией», – рапортовала в 1935 г. местная газета «Пролетарская мысль»⁹¹⁹.

Главным архитектурным символом нового Златоуста стал клуб механического завода – яркий памятник конструктивистского зодчества. Иллюстрируя фотографии клуба статью о культурном расцвете советской страны, газета «Уральский рабочий» сообщала параметры новостройки: «Зрительный зал клуба вмещает 759 человек.

⁹¹⁸ Интересно сравнить дом Рындина с «дворцом» директора Магнитогорского комбината А. П. Завенягина, также сохранившимся до наших дней (см. ниже).

⁹¹⁹ Златоуст культурный // Пролетарская мысль. № 20 (3819). 24 января 1935 г.

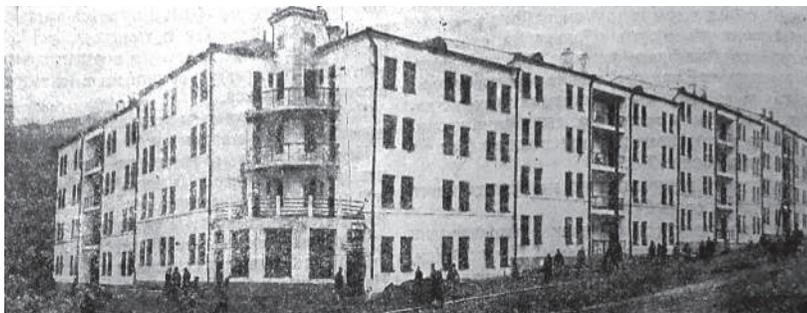

Рис. 88. Жилой дом в Златоусте. Опыт стройки. 1933. № 4–5.

Клуб имеет также малый зал на 189 мест, комнату отдыха, читальню, 18 кружковых комнат, спортзал, фойе и оборудование для кино в большом зале»⁹²⁰.

Напротив клуба располагался банк, выстроенный по такому же проекту, что и в Соликамске. Рабочий клуб и банк образовывали «ворота», ведущие в соцгород. Здесь входящего ожидали два крупных жилых дома одной и той же планировки (ул. Калинина, 1; ул. Ленина, 17) и старейшая в этой части города 4-этажка 1927 г. постройки (ул. Косотурская, 2). Если пройти дальше по улице Ленина, то можно было встретить пятиэтажный дом с эффектным закруглением, стоявший на «стрелке» (место, где соединяются под углом улицы Ленина и Бушуева; в 1990-х гг. дом был снесен) и 4 трехэтажных дома, аналогичные выстроенным в Надеждинске и Лысьве (ул. Ленина, 24; 28; 47; ул. Виктора Геппа, 8). Другие четырехэтажки были разбросаны у входа в соцгород, прячась на боковых улицах (ул. Виталия Ковшова, 23; ул. Скворцова, 9). Всего в этой части города сохранилось на 2018 г. 9 жилых домов довоенной поры, по 3-4 этажа высотой. В 1933 г. была построена мощная баня-прачечная с пропускной способностью 800 человек в час. Появилась в Златоусте и новая больница (кв. Медик) – «одна из лучших больниц в области на 490 коек»⁹²¹, чтобы быть точным.

Вторая часть новой застройки – уже упомянутый Метпоселок, расположенный по другую сторону горы Гурьихи, на ее северном склоне. Главной улицей здесь была улица Кирова, а над ней, поднимаясь уступами на склоны горы, шла жилая застройка – 7 конструктивистских 4-этажек на 3 подъезда каждая. Кроме того, Метпоселок имел собственную ФЭС. Все они располагались в непосредственной близости

⁹²⁰ Тулвин А. Два итога двух культур // Уральский рабочий. № 1 (4847). 1 января 1932 г.

⁹²¹ Вчера, сегодня и завтра Златоуста // Челябинский рабочий. № 241. 17 октября 1935 г.

от проходных металлургического завода имени Сталина и были введены в строй в 1934–1935 гг. Западнее них вдоль улицы Кирова находятся еще 4 дома на 3 этажа, того же проекта что и на улице Ленина.

Еще 3 капитальных четырехэтажки расположены в 500 м к западу – дома 1932 г. постройки, уникальные по своему декору. К югу от них, вдоль Кусинского шоссе, на склоне холма под углом к дороге стоят 5 Г-образных домов, выстроенных в 1940-е гг., но запланированных, очевидно, до войны. Здесь же находится и здание средней школы № 1 – редкий случай стройки, которую сразу по завершении признали «безукоризненной»⁹²². Таким образом, Метпоселок к середине 1930-х гг. насчитывал не менее 15 капитальных жилых домов на 3–4 этажа – более чем солидный фонд для страдавшей от постоянного дефицита эры первых пятилеток.

И совсем уж радужными красками рисовали в середине 1930-х гг. завтрашний день Златоуста: «Гигантский дом Советов, многочисленные клубы, кино, театр, библиотеки, десятки учебных заведений, расположенные в больших, удобных, культурных зданиях; стадион, водные и горнолыжные станции, парк культуры и отдыха, сады и скверы; гостиницы, 5-6-7- и 8-этажные жилые дома, оборудованные всеми современными коммунальными удобствами; широко озелененные улицы, залитые асфальтом, развитое трамвайное движение, автобусные магистрали, связывающие все уголки нового города; море электрического света, излучаемого десятками прожекторов и тысячами ламп»⁹²³.

Новое строительство велось и в Сатке, расположенной примерно в 50 км на запад от Златоуста. На карте индустриальных гигантов 1930-х гг. Саткинский район не занимал почетного места, несмотря на высокую концентрацию важных производств. В самой Сатке располагались чугуноплавильный завод, в 1930-х гг. работавший по старинке на древесном угле, и завод «Магнезит», пущенный незадолго до революции и бывший важнейшим поставщиком огнеупоров.

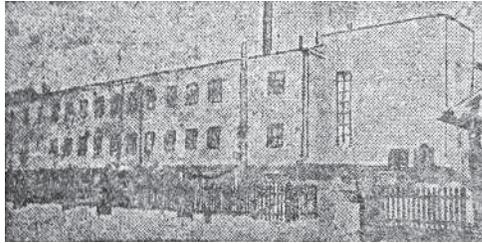

Рис. 89. Баня в Златоусте. Пролетарская мысль. 5 января 1935 г.

⁹²² Минин П. Прораб Алексей Логинов // Пролетарская мысль. № 180 (3999). 5 августа 1935 г.

⁹²³ Вчера, сегодня и завтра Златоуста // Челябинский рабочий. № 241. 17 октября 1935 г.

Определенный след на облике Сатки оставило расширение в 1930-х гг. завода «Магнезит»: по-видимому, именно для размещения технических кадров «Магнезита» (а среди них были и «инорабочие») на улице Куйбышева были в 1935–1937 гг. выстроены четыре конструктивистских жилых дома. Этот градостроительный комплекс является интересным памятником индустриального градостроения 1930-х гг. Дома повернуты к улице Куйбышева торцами и стоят под углом (таким образом фасады домов с лестничными клетками повернуты на северо-восток, а фасады без лестничных клеток – на юго-восток), при этом используя перепад высот: с южного торца у части домов – три этажа, а с северного – четыре. Внешний вид зданий отражает трансформации архитектурной эстетики 2-й половины 1930-х гг. Здания по улице Куйбышева под номерами 1 и 3, построенные в 1935 г., представляют собой образцы последовательного конструктивизма, лишённого каких бы то ни было внешних украшений. Здания под номерами 5 и 7, законченные в 1937 г., имеют декор и являются примерами постконструктивистского оформления; один из этих домов хорошо видно на фотографии вновь выстроенных жилых домов в брошюре Л. А. Козлова «Сатка индустриальная» (1961)⁹²⁴. Уникальным является то, что на всех зданиях по состоянию на 2018 г. сохранились оригинальные номера домов – крупные цифры 1, 3, 5 и 7, помещающиеся на высоте 4 этажа на торцах, близких к улице Куйбышева. Эти дома так и были известны в довоенной Сатке под своими номерами.

Строительство этих домов было, судя по всему, чрезвычайно сложным. «Жилой дом № 1 перестоял 3 срока, намеченных к его окончанию (7 ноября, 1 декабря и 1 января 35 г.)». Причиной срыва сроков было отсутствие различных мелочей, необходимых для отделки жилья: «Печные дверки (обязательно каждая) отламываются от рамок и требуют приварки шарниров, причем, если дверка отломилась уже после того, как была заложена в кладку печи – поправить дело можно, лишь перекладывая топливник (т. е. вернее всю печь)». Та же грустная история – с оконными и дверными ручками, задвижками и петлями: только 25 окон из 120 и 25 дверей из 142 были хорошего качества, а остальные вели себя так же, как злополучные печные дверки.

Но для дома № 1 хотя бы часть окон и дверей можно было установить. Для дома же № 3 не имелось никаких комплектующих: «УКС завода “Магнезит” давал на все эти приборы заявки начиная с 1933 года, повторяя их ежегодно и по мере нужды, и все же мы стоим перед фактом невозможности сдать дом в пользование завода». Северьянов грустно восклицал: «Получены экскаваторы, мощные дробилки и проч., а вот оконные задвижки и шурупы отдел снабжения достать не хочет».

⁹²⁴ Козлов Л. А. Сатка индустриальная. Челябинск: Челяб. кн. изд-во, 1961. С. 24.

Что шурупы! В последнем квартале 1934 г. из-за отсутствия бечевки останавливались работы по кладке домов № 5 и 7, а также больницы магnezитовского поселка. У строителей не было малярных кистей, электропроводов, клея, наждачной шкурки для столяров, олифы, охры, гвоздей, стекла... Точный срок сдачи дома № 1 Северьянов так и не назвал в своей заметке, выразив лишь неверие в способность снабженцев достать необходимое в течение 1935 г.⁹²⁵ Очевидно, жалобы сработали, и в 1935 г. дома № 1 и 3 все-таки были сданы, хотя вряд ли качество отделочных работ было высоким⁹²⁶.

В 18 км от Сатки располагался поселок Бакал, бывший крупным центром добычи железной руды. Бакалу, можно сказать, не повезло: один из трех гигантов черной металлургии на минеральном топливе, которые планировалось заложить на Урале, мог расположиться именно в этом поселке,

Рис. 90. Жилой дом в поселке завода Магнезит, Сатка. Фото К. Д. Бугрова, 2018 г.

⁹²⁵ Северьянов. Отдел снабжения завода «Магнезит» срывает строительство жилищ // Саткинский рабочий. № 9 (998). 18 января 1935 г.

⁹²⁶ А ведь жилья «Магнезиту» не хватало. Еще в 1934 г. директор завода З. Я. Табаков подвергся беспощадной порке на страницах «Челябинского рабочего» за пренебрежение нуждами жилищного строительства и отсутствие заботы «о живом человеке» (Зоров Н. О живом человеке // Челябинский рабочий. № 148. 30 июля 1934 г.). В начале 1935 г. и сам Табаков признавал, что дело плохо: «Причины текучести кроются в отставании культурно-бытовых и жилищных условий от роста технической мощности завода. Несмотря на то, что завод в 1934 году справился с объемом капитального строительства, освоил все средства, отпущенные ему для жилищно-бытового строительства, в том числе и дополнительно ассигнованные наркомом в августе-сентябре во время его пребывания на Урале, все же около 5 тысяч человек продолжает жить в бараках. Это положение не нормально. Рабочие не имеют хорошего кино и больницы» (Табаков З. Я. Задачи перед «Магнезитом» в 1935 году // Саткинский рабочий. № 12 (1001). 24 января 1935 г.) Больница и впрямь была так себе – грязное здание с отваливающейся штукатуркой было еще и очень тесным, «врачи сидят в кабинете по два человека», а ухоголонос и вовсе «в уголке», к тому же «мужская и женская уборные полностью не оборудованы». Больные получали плохо промытое белье и скудную еду: 400 г хлеба, чай и капустный суп. Неудивительно, что эта больница «еще не стала действительной здравницей трудящихся Сатки» (Худаев С. Как больница обслуживает трудящихся // Саткинский рабочий. № 24 (1013). 14 февраля 1935 г.).

Рис. 91. Горно-промышленное училище в Бакале. Фото К. Д. Бугрова, 2018 г.

однако в конечном счете Бакальский комбинат решено было разместить в Челябинске; впоследствии он стал известен как Челябинский металлургический комбинат. Крупного строительства в Бакале не велось; исключением является здание Горно-промышленного училища (ул. Ленина, 27) – яркий образец конструктивистского стиля.

МАГНИТКА

Среди всех соцгородов Большого Урала Магнитогорск является, пожалуй, самым изученным. Это неудивительно: Магнитогорский металлургический комбинат оказался в начале 1930-х гг. ключевым образцом строительства социализма, уступая по символическому значению разве что ДнепроГЭС. Само выражение «Магнитострой» приобрело нарицательное значение – например, на Урале выходило издание «За Магнитострой литературы», а в газетах строящиеся Уралвагонзавод и Уральский алюминиевый завод именовали «Магнитостроем вагоностроения»⁹²⁷ и «Магнитостроем цветной металлургии»⁹²⁸ соответствен-

⁹²⁷ Уральский рабочий. № 234 (5768). 10 октября 1934 г. Рядом с заметкой было опубликовано большое фото панорамы строительства Вагонзавода и портрет ударницы Н. Ждановой, редактора стенгазеты «За темп».

⁹²⁸ Магнитострой цветной металлургии // Челябинский рабочий. № 146. 28 июля 1934 г.

но. И если ДнепроГЭС демонстрировала приручение сил электричества и победу большевиков над могучим Днепром, то Магнитка была символом триумфа индустриализации над отсталостью восточных районов СССР. Значение комбината лишь оттенялось тем фактом, что это был единственный металлургический гигант, выстроенный на Урале за годы первых пятилеток заново: два других – Тагилстрой и Бакалстрой – будут завершены существенно позднее. Чрезвычайно важную роль в укреплении образа Магнитогорска как главной промышленной стройки Союза сыграл С. Д. Нариньяни, корреспондент «Комсомольской правды», находившийся на Магнитострое в 1930–1932 гг.⁹²⁹

Магнитогорск был создан фактически на пустом месте. Видный советский публицист Эм. Миндлин в 1931 г. характеризовал Магнитогорск как идеальный соцгород: «Его основывают не воители и не купцы. История основания его не связана ни с именами прославленных полководцев, ни с именами предприимчивых купцов-мореходов. Магнитогорск не будет иметь памятников старины. Его быт не узнает традиций. Его площади не увидят музейных бутоньерок церквей. О прошлом его не придется рассказывать никому. Магнитогорск растет из будущего, и то, что когда-нибудь сможет стать его прошлым – начинается завтра. Гора дала городу имя. Она же дает ему жизнь. Городу и металлическому заводу и коксохимическому комбинату. Здесь будут заняты люди. Это место не может быть заменено никаким другим»⁹³⁰.

Конечно, Магнитогорск не был единственным городом советского Урала, строившимся с пустого места. Однако реноме Магнитогорска таково, что именно его часто называют «первым социалистическим городом в мире»⁹³¹. В начале 1930-х гг. это определение было несколько скромнее – так, один из многочисленных очерков о Магнитогорске в 1931 г. сообщал, что в новом городе не будет «обычно-

---

⁹²⁹ Как отмечает В. Д. Камынин, «сочинения С. Д. Нариньяни, посвященные Магнитострою, можно разделить на две группы. Его публицистические работы представлены очерками, которые были опубликованы в газетах Магнитогорска и в “Комсомольской правде”, а затем вошли в его брошюры. Сравнение текстов брошюр, изданных в начале 1930-х гг. и в 1950-е гг., показывает, что при переиздании очерки редактировались автором. Вторая часть сочинений С. Д. Нариньяни относится к источникам личного происхождения. Это его “Записи из блокнота”, опубликованные в брошюре «Дорога в шестидесятилетие», а также воспоминания о пребывании на Магнитострое “Как это было”, опубликованные в книге «Ты помнишь, товарищ...» (Камынин В. Д. Спецкор «Комсомольской правды» С. Д. Нариньяни на Магнитострое (к 90-летию со дня выхода первого номера газеты «Комсомольская правда») // Известия Урал. фед. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 4. С. 92).

⁹³⁰ Миндлин Эм. Магнитострой // Наша жизнь. Сб. 3. М.: Федерация, 1931. С. 68.

⁹³¹ Петрова Р. И. Локальный уровень в системе территориальных идентичностей городов Урала // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2016. № 5. С. 49.

го “украшения” – возвышающихся куполов церквей и других зданий культа»: «Это будет второй в СССР – после Мурманска – город без попов и церквей!»⁹³²

Проект строительства нового города – тогда еще фигурировавшего как Магнитогорье – стал предметом интенсивного обсуждения в среде архитекторов и планировщиков. Победу в конкурсе одержал проект московского архитектора С. Е. Чернышева, однако к реализации он принят не был из-за отсутствия привязки к ландшафту строительной площадки. В конечном счете руководство по возведению соцгорода принял германский архитектор Э. Май, в 1930 г. вместе с группой единомышленников прибывший в СССР⁹³³. Первый капитальный дом Магнитогорска был заложен 5 мая 1930 г. Проект Мая был вначале воспринят в СССР как образцовый – так, книга Б. Н. Булатова и Г. П. Геккера «Магнитогорск» (1931) вполне комплиментарно отзывалась о проекте бригады Э. Мая, описывая будущий Магнитогорск в соответствии с планами германского архитектора⁹³⁴.

Возведение Магнитогорска столкнулось с жесточайшими даже по меркам первой пятилетки трудностями. Как подчеркивает Н. Н. Макарова, на Магнитострое не было под рукой леса – важнейшего источника строительных материалов для большинства других строек (отметим, что сходная ситуация была на новостройках Донбасса – таких, как Новокраматорский завод тяжелого машиностроения⁹³⁵ – однако в том случае отсутствие лесов компенсировалось высокой степенью урбанизации и плотностью транспортной сети). Водопровод в Магнитогорске строился низкими темпами; население

---

⁹³² Булатов Б. Н., Геккер Г. П. Магнитогорск. М.; Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1931. С. 153.

⁹³³ Макарова Н. Н. Сталинская Магнитка: общие тенденции градостроительства (1929 – 1953 гг.) // Сибирские строители: события и судьбы. Сб. статей всерос. научн. конф. (г. Сургут, СурГУ, 25-26 ноября 2018 г.). Курган: ООО «Курганский дом печати», 2017. С. 430.

⁹³⁴ Булатов Б. Н., Геккер Г. П. Магнитогорск. С. 149–153.

⁹³⁵ Например, на стройке Новокраматорского завода тяжелого машиностроения в 1930 г. возник целый городок «пещерных людей»: «Тот, кому общий барачный быт становился поперек горла, вытесывал себе пещеру в склоне меловой горы, навешивал дверь и получал этакое отдельное жилье, правда, без окон. Как вспоминали первостроители, вся меловая гора в районе нынешней Ясногорки была источена этими многоэтажными жилищами. Комнаты шли уступами: крыша одной “квартиры” служила полом для соседей сверху. Пещерный поселок получил наименование Норчуки, или Собачевка. Тянулся он на полтора-два километра, и никто не знал, сколько здесь жило народу. <...> Жителей Норчуков на стройплощадке узнавали по одежде, выпачканной мелом. Впоследствии эта “Нахаловка” была ликвидирована по распоряжению Орджоникидзе» (НКМЗ – 80. Страницы истории // Официальный сайт Новокраматорского машиностроительного завода. URL: <http://www.nkmz.com/index.php?id=602>) (дата обращения: 20.07.2018).

снабжалось из водовозных бочек, позднее – из сети водопроводных будок по специальным талонам. Не существовало канализации, а ассенизационный обоз располагал мощностями лишь на 14% от требуемых⁹³⁶. Большая часть города представляла собой конгломерат барачных и каркасных поселков.

В 1932 г. «Уральский рабочий» бичевал низкие темпы строительства соцгорода: «Кроме десяти домов-“коробок” в соцгороде почти ничего не сделано. Начата постройка школы ФЗС, 2 столовых, детских ясель, 2 продмагов, но в течение нескольких месяцев на этих участках работы почти свернуты».

Под огонь критики попал и градостроительный проект Э. Мая: «В практике проектирования соцгорода имеется две тенденции. Правоопportunистическая тенденция выражается в стремлении вместо социалистического города строить рабочий поселок, ничем не отличающийся от старых поселков, лишенный социалистического благоустройства, другая тенденция “левацкого” прожектерства выражается в стремлении немедленного построения города абсолютно идеального социалистического типа, с полным обобществлением быта. С оппортунистическими тенденциями обоих направлений необходимо вести решительную борьбу. Вместе с тем, тип домов-“коробок”, строящихся сейчас на Магнитострое, неприемлем ни в коем случае, ибо такие дома казарменного типа лишены элемента обобществления быта и необходимых удобств».

Как же надо выработать нужный тип дома? Отвечая на этот вопрос, «Уральский рабочий» точно следовал указаниям верховного советского урбаниста начала 1930-х гг. – Л. М. Кагановича. Нужно «привлечь широкую рабочую и инженерно-техническую общественность Магнитостроя и всего Урала», познакомиться с опытом других промышленных районов, где «за последние годы выросло немало рабочих городов с прекрасными типами домов». Нужно также увеличить вложения, обеспечить стройку машинами и нарастить местную промышленность стройматериалов (в частности, использовать шлак). Ведь «для того, чтобы к концу года удовлетворить кадровых рабочих и монтажников жилищной площадью, необходимо построить не меньше 250 тыс. кв. метров, на что требует не меньше 80 милл. рублей»⁹³⁷.

Руководство строительством принял на себя К. Д. Валериус; под его руководством был завершен 1-й квартал Магнитогорска и воз-

---

⁹³⁶ Макарова Н. Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг.: дис... канд. ист. наук. Магнитогорск, 2010. С. 79.

⁹³⁷ Развернутый фронт – строительству социалистического Магнитогорска // Уральский рабочий. № 59. 10 марта 1932 г.

веден 2-й квартал. Различия между двумя кварталами наглядно показывают трансформацию градостроительных практик в СССР 1930-х гг.

1-й квартал (ограничен улицами Маяковского – Пушкина – Чайковского – Кирова), выстроенный по проекту Э. Мая, организован по принципу строчной застройки, с большими зелеными пространствами. Здесь было построено 36 жилых домов двух типов: трехэтажные дома на 30 квартир, спроектированные группой Мая, в свою очередь, выстроенные в двух вариантах – с кухнями (ул. Маяковского, 30–38) и без кухонь (ул. Чайковского, 33–57, ул. Маяковского, 40–52), и четырехэтажные дома Госпроекта на 32 квартир (12 домов, ул. Пионерская, 21–31, 22–32)⁹³⁸. Во 2-й половине 1930-х гг. зеленые зоны 1-го квартала подверглись «облагораживанию»: здесь появились статуи, фонтаны, вазы.

В квартале были сооружены детский сад и ясли, однако крупнейшим общественным зданием 1-го квартала является школа ФЗС, выстроенная по проекту В. Шютте (или, возможно, М. Шютте-Лихоцки). Как отмечает современная исследовательница А. И. Сидорова, здание

Рис. 92. Вид 1-го квартала Магнитогорска. Фото К. Д. Бугрова, 2015 г.

⁹³⁸ Кобышева Е. В. «Солнце, воздух и дом для всех»? Европейский опыт массового жилищного строительства и его советские вариации в годы первых пятилеток // *Quaestio Rossica*. 2016. № 3 С.44–47.

ФЗС размещалось по центральной оси квартала (улица Пионерская), являясь своего рода доминантой в застройке 1-го квартала; к сожалению, выстроенная в послевоенные годы типовая школа-«десятилетка» перекрыла вид на школу ФЗС с Пионерской улицы⁹³⁹.

2-й квартал (ограничен улицами Маяковского – Фрунзе – Чайковского – Пушкина) спланирован иначе: дома идут по периметру квартала, внутри которого опять-таки применена строчная застройка. Периметральная застройка, впрочем, была завершена уже в 1940-х – 1950-х гг. В 1936 – 1939 гг. во 2-м квартале было выстроено девять 5- и 7-этажных жилых домов (пр. Пушкина, 28, 30, 34, 36, пер. Ржевского, 1, 2, 5, 7, 9), а также детский сад и школа необычной планировки (пер. Ржевского, 6).

Отдельно следует сказать о знаменитом поселке Березки, который первоначально был выстроен для американских специалистов, а позднее, в 1930-х – 1940-х гг., превратился в место проживания руководства Магнитогорска. М. Г. Меерович отмечает, что в изданиях по градостроительству поселок описывался как рабочий поселок, хотя по сути таковым не являлся⁹⁴⁰. Сегодня Березки превратились едва ли не в главный символ социального расслоения в СССР эпохи пятилеток. Ключевой здесь оказалась цитата из мемуаров Дж. Скотта (американского рабочего, работавшего в Магнитогорске с 1932 по 1937 г., позднее разочаровавшегося в большевизме), где дом А. П. Завенягина назван дворцом на четырнадцать комнат, с собственным «роскошным садом» и «оленим парком»⁹⁴¹. Цитата эта получила едва ли не нормативный характер; С. Коткин в своем исследовании о Магнитогорске назвал коттеджи Березок «дворцами». Увы, «дворцами» они не являются ни с какой точки зрения, хотя, безусловно, коттеджи Бере-

⁹³⁹ Сидорова А. И. Вопросы реставрации здания школы ФЗС в «Квартале № 1» соцгорода в Магнитогорске // Академический вестник УралНИИпроект РАН. 2013. № 4. С. 55. Авторы статьи проводят интересные параллели между зданием ФЗС в Магнитогорске и школами, построенными по проектам архитекторов группы Э. Мая в Германии (школы имени Ч. Халльгартена и Л. Рихтера во Франкфурте-на-Майне, профсоюзная школа в Бернау).

⁹⁴⁰ Меерович М. Г. Жилой фонд соцгородов-новостроек первых пятилеток. Коттеджи // Творчество и современность. 2016. № 1. С. 37.

⁹⁴¹ «Здесь, в дополнение к домам, которые были выстроены для иностранцев и хорошо отделаны и оснащены, Завенягин соорудил дюжину больших домов для себя и своих наиболее ценных помощников. <...> Дома располагались на холме. Каждый из них был окружен большим садом, почву для которого иногда привозили на грузовиках издалека. Дом Завенягина был дворцом по сравнению с большинством советских жилищ. Трехэтажный, на четырнадцать комнат, оштукатуренный кирпичный дом имел бильярдную комнату, игровую для двух маленьких сыновей Завенягина, музыкальную комнату, большой кабинет. Маленький олений парк позади дома и роскошный парк перед зданием были окружены высокой стеной со штакетником наверху. (Scott J. Behind the Urals: An American Worker in Russia's City of Steel. Bloomington: University of Indiana Press, 1989. P. 231–232).

Рис. 93. Гостиница в Магнитогорске. За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 1.

зок и сегодня представляют собой комфортабельное жилье, особенно бывший директорский дом (ул. Щорса, 33), отличающийся от всех остальных домов поселка своими размерами⁹⁴².

Но и эти «дворцы» ни в какой мере не могут считаться типичными. Хотя Березки включали в себя – согласно подсчетам С. Коткина – 150 жилых зданий⁹⁴³, лишь небольшая часть из них представляла собой упомянутые выше комфортабельные коттеджи. Большая же часть застройки поселка представляла собой дома, которые Коткин, стараясь сделать текст более понятным западному читателю, элегантно назвал «бунгало»⁹⁴⁴ – одноэтажные дома на две семьи с верандами и крохотными земельными участками. Были там и двухэтажные дома, рассчитанные на несколько квартир.

Общественные здания Магнитогорска были сконцентрированы вокруг циклопической Заводской площади (ныне – Комсомольская площадь). Здесь в 1930-е гг. были возведены заводууправление, гостиница, заводская лаборатория, пожарное депо, ресторан, банк, кино-театр «Магнит», а также восьмиэтажный дом общественных организаций – одно из самых высоких зданий на Урале в довоенную пору.

⁹⁴² Но даже и этот дом не имеет трех этажей. Три этажа имел разрушенный ныне клуб горняков (был расположен в конце улицы Щорса), который иногда принимают за дом директора, но который, очевидно, жилым домом никогда не был.

⁹⁴³ Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1997. 178.

⁹⁴⁴ *Ibid.*, p. 175.

Рис. 94. Дворец культуры в Магнитогорске. Фото К. Д. Бугрова, 2015 г.

По сообщениям местной газеты, площадь подлежала благоустройству: «На площади разбивается большой сквер с фонтанами, статуями, киосками для продажи различных вод, цветов, газет и журналов. Будет также построен красивый павильон для пассажиров трамвая и автобуса»⁹⁴⁵.

Заводская площадь была удалена от жилых кварталов – строители Магнитогорска постарались создать защитную зону шириной примерно в 2 км. В непосредственной же близости от жилых кварталов был построен дворец культуры – образец постконструктивистской эстетики.

Важной частью социальной инфраструктуры Магнитогорска стал парк культуры и отдыха металлургов. В мае 1935 г. «Магнитогорский металл» рисовал читателям великолепную картину: «По ровным гудронированным дорожкам будут ходить десятки и сотни посетителей парка и осматривать его достопримечательности. Посетители будут восторгаться огромным трехцветным портретом тов. Сталина, составленным из живых цветов, будут кататься на огромном вертикальном американском колесе, с высоты которого так хорошо видно завод». В парке также будут танцевальные, теннисные, волейбольные и баскетбольные площадки, библиотека, шахматный павильон и павильон для пинг-понга, парашютная вышка, городки, спортивный инвентарь, а также «прекрасный летний театр». А «в специальной беседке

⁹⁴⁵ Скверы, фонтаны, скульптура. Как будет выглядеть заводская площадка // Магнитогорский металл. № 10. 17 мая 1935 г.

Рис. 95. «В “Березках”». Магнитогорский металл. 17 мая 1935 г.

ударник может со всей семьей организовать чаепитие или обед»⁹⁴⁶.

Кроме парка отдыха, магнитогорцы могли использовать для отдыха окрестности города. «Магнитогорский металл» писал об этом регулярно. В частности, статья В. Сержантова в июне 1934 г. разъясняла, что лучшим выбором для отдыха является озеро Банное, на котором находится однодневный дом отдыха на 40 человек. Но Банное далеко, и туда не очень просто попасть «из-за неповоротливости наших транспортных организаций». Зато совсем близко находится другой вариант – Березки, куда ходит автобус (газета поясняла: «Когда-то Березки называли “Американкой”. Здесь в маленьких белых домиках-коттеджах жили иностранные специалисты»). Тут можно побродить по склонам горы Атач, полюбоваться гигантом-заводом, а найди в зарослях старые рудные разработки – ужаснуться тому, «какими варварскими способами уральские заводчики расхищали богатства горы Магнитной». Главное же зрелище ожидает гостей Березок вечером – величественный закат солнца над прудом»⁹⁴⁷.

⁹⁴⁶ Волжский. Культура и отдых // Магнитогорский металл. № 21. 30 мая 1935 г.

⁹⁴⁷ Сержантов В. Достопримечательности Магнитогорска // Магнитогорский металл. № 33. 14 июня 1934 г.

Заключение

Тыходишь в эпоху
Как город, который
Рвал, добывал, дробил.
Заново строил свою историю
И вырос в новый Тагил.

И нам не найти
Никаких аналогий –
Их нет. И это совсем хорошо!
Тагил, прозябающий в сонной берлоге,
В сравнении с нынешним
Просто смешон.

*Н. Куштум.
«Тагил»*

Уральский рабочий. 3 января 1934 г.

История о соцгороде опиралась на противопоставление старого и нового. Описания ненавистного, старого демидовского Урала, которыми изобилует публицистика 1930-х гг., использовали образы и риторику, сформированные еще в дореволюционной культуре стараниями Д. Н. Мамина-Сибиряка и многих других авторов. Скорее всего, при любом развитии событий урбанизация на Урале привела бы к культурному разрыву со старым наследием, а уж форсированная сталинская индустриализация сделала такой разрыв особенно глубоким. Промышленная гигантомания, переворачивавшая сложившиеся представления о центре и периферии, была сильным и жестоким средством для борьбы с отсталостью и провинциализмом.

Но определение вновь возникающего города только как нового было заведомо неполным: в конце концов, этот город противостоял не только захолустным демидовским поселкам, но и городам высокоразвитых капиталистических стран. Специфику нового города определя-

ла плановая экономика, упразднившая накопление и конкуренцию и уравнивающая центр с окраиной.

Тяготы индустриализации, сочетавшиеся с экономической спецификой плановой экономики, заставляли местные элиты изобретать новые способы мотивировать строителей, поднять их на штурм. Так сложилась – в значительной мере спонтанно! – своего рода мифология, элементами которой были различные образы, артефакты, здания; имена вождей, красные знамена из Веддинга и Нью-Йорка, «семиэтажные гиганты» Свердловска и Челябинска оказались частями этой сложной культурной системы, удивительным образом одновременно изоляционистской и интернациональной.

Впрочем, наилучшим образом эту систему описывает стихотворение работника цеха колес Гриффина Уралвагонзавода П. Ялышева, называвшееся «Вагоногигант» и опубликованное в местной газете, носившей то же имя, 7 ноября 1936 г.⁹⁴⁸:

Где горы Урала богаты рудой,
Лесов необъятна ширь,
Бойцов пролетарского стана рукою
Заложен завод-богатырь.

И люди
Украины,
Волги,
Алтая
На стройку гиганта пошли,
Цехов корпусами тайгу раздвигая,
Завод выросал от земли.

Стальные дороги, тайгу рассекая,
Прошли к рубежам городов,
Пошли по ним, грохотом лес оглашая,
Составы больших поездов.

Теперь вместо сосен зеленых
Заводские трубы дымят,
И ярко цеха освещены
Под солнцем дворцами стоят.

В них бывший батрак управляет

⁹⁴⁸ Ялышев П. Вагоногигант // Вагоногигант. № 259 (998). 7 ноября 1936 г.

ных ходов дискурс соцгорода превратился в бесконечно повторяемый набор клише о счастливой и зажиточной жизни. И, наконец, тяжкие испытания Великой Отечественной войны окончательно отпразднили память о первых пятилетках в архив. Упоминания первостроителей в советской литературе послевоенной поры двусмысленны: архитектура первых соцгородов, размах промышленных гигантов перестали впечатлять масштабом! И когда семиэтажка в массовом восприятии советских граждан превратилась из невиданного чуда в обычный дом, осмысление наследия первых пятилеток подошло к главной дилемме: сооружения, представавшие символами прорыва в будущее, начали теперь восприниматься как маркеры прошлого.

Проблема должна была бы решаться так, как в 1931 г. писал об этом утопист и фантазер Я. Ларри, которого мы уже цитировали во введении: на фоне грядущего социализма достижения первостроителей покажутся незначительными, города и заводы, возведенные в реконструктивный период, снесут и выстроят заново – и даже герои «великого перелома» займут место на дальних полках библиотек. Бесконечное обновление, в котором отцы завершают своей проект только для того, чтобы веселая белозубая молодежь немедленно затеяла другой; вечная молодость, обращенная только в будущее... Ларри полагал, что описывает устойчивую модель дальнейшего развития. Но в действительности он, как и десятки других советских публицистов эры индустриализации, описывал уникальную ситуацию слома старого и строительства нового, которая с неизбежностью была ограничена во времени. Когда заводы-гиганты были построены, пафос преобразования улетучился – осталась только плановая экономика, в которой люди должны были уже сами, при помощи интериоризированной *новой культурности*, быть ударниками и выполнять план.

Для этой ситуации старая идеология и мифология, разработанные в условиях всеобщей мобилизации, работали плохо, а новые ходы никто и не стал придумывать. Социальная инфраструктура, ударничество, индустрия оставались базой соцгорода, а между тем развитие СССР ставило на повестку дня совсем другие вопросы. Новый дискурс, новую парадигму мышления можно было выработать только через испытание практикой – так же, как соцгород возник в ходе жестокого испытания идей советских урбанистов на прочность и оказался в значительной мере итогом спонтанного переосмысления этих идей в локальном контексте. Но очередное столкновение СССР с подобной проверкой привело к быстрому и безоговорочному краху всей системы, основанной на плановом хозяйстве. Ее наследие предстояло переосмыслить в условиях стремительно возрождающейся рыночной эко-

номики и частной собственности; это переосмысление в громадной степени определяет жизнь современных городов России.

Какое место в этой жизни занимает соцгород эры пятилеток, все еще остающийся важной частью урбанистических ландшафтов Большого Урала от Магнитогорска до Серова? Иногда соцгород предстает в облике конструктивистского исторического наследия, оказываясь «проданным» под маркой авангардного искусства (неприятной побочной чертой такой «продажи» является то, что все эти здания оказываются лишь приложением, причем заведомо ущербным, к творчеству корифеев отечественного авангарда). Иногда он возникает в ностальгической парадигме, играя роль «старого доброго» прошлого из чье-то детства, оказываясь «проданным» под маркой «винтажного» СССР примерно в той же манере, что и «советское» мороженое или газированная вода. Наконец, часто он предстает в облике ненавистного прошлого (в 1990-е гг. значительная часть местных творческих элит испытывала к этим соцгородам примерно те же чувства, что интеллигенция пореформенной России XIX в. – к демидовскому Уралу), «хибар» мрачного «совка», уродливых, некачественно выстроенных и годящихся только под снос.

Сегодня, в 2018 году, это представление о соцгородах сдает свои позиции; в общественном сознании стараниями искусствоведов и краеведов постепенно закрепляется представление о градостроительном и архитектурном наследии 1930-х гг. как о достойном уважения феномене – памятнике авангарда, который признан в международном масштабе, либо ценном достоянии, связанном с сегодняшним днем нитями персональных биографий.

Одна из практических задач настоящей книги – показать, что мы унаследовали от эры соцгородов гораздо больше, чем обычно думают: особая промышленная мифология, которую часто считают чем-то исконно уральским, была создана во время первых пятилеток как локальный вариант индустриализаторской гигантомании, а привычная всем фигура «уральского Мастера» – это, разумеется, несколько видоизмененный ударник, первостроитель или стахановец, поскольку дискурс о героике труда был одной из главных новаций, разработанных в рамках идеологии соцгорода. Образ рабочего-героя, в соответствии с тенденциями конца 1930-х гг. помещенный в историческое прошлое и описанный с помощью фольклорных приемов, дал Уралу его главный культурный символ – персонажей сказов П. П. Бажова. Это дорогого стоит!

Но все же главной нашей задачей было вовсе не прослеживание советских корней современных культурных моделей. Настоящая книга написана, чтобы предложить новый подход к оценке этого наследия, который бы дополнял обрисованные выше искусствоведческий и

краеведческий подход – подход, который позволяет взглянуть на это наследие так, словно мы обнаружили Атлантиду или следы инопланетной цивилизации. Культура соцгорода, порожденная идеологией и мифологией первых пятилеток, может изучаться не только как часть предыстории сегодняшней России, но и как самостоятельный исторический феномен, обладающий – подобно древним цивилизациям – колоссальной спецификой, интересный именно своей уникальностью. Пятиэтажка на углу или старое здание клуба кажутся совершенно обыденными, но эта будничность таит загадку: шагая по старым соцгородам Вагонки, Уралмаша или ЧТЗ, мы в действительности шагаем по городам цивилизации, которая *была* и *ушла* и которую с каждым уходящим годом будет все сложнее понимать.

И если, прочтя эту книгу, вы, уважаемый читатель, не забудете в Лысьве полюбоваться рабочим клубом, в Сатке отыщете номерные дома завода «Магнезит», а в Каменске-Уральском заглянете в «городок алюминщиков» на Красной Горке – значит, книга достигла своей цели.

Приложения

А. Г. Против халтуры и вранья о нашем округе // Смычка. № 11 (1209). 14 января 1930 г.

Верхнекамский округ в настоящее время – один из самых интересных районов не только Урала, но и всего СССР. Сухие статистические данные о капитальных вложениях в хозяйство округа говорят сами за себя. В 1926–27 г. эти вложения составляли 4 миллиона руб., в 1927–28 г. – 8 миллионов, в 1928–29 г. – 40 миллионов и в этом году 120 миллионов.

Из дикого, глухого района Верхнекамье превращается в мощный, ответственный участок индустриализации. Естественно, что все это строительство и гигантское перерождение лесного края в индустриальный не могло пройти мимо печати. Округ посетили целые плеяды журналистов центральной и областной прессы.

Все это, безусловно, хорошо. Популяризацию строительства округа надо делать. Как полагается, результатом путешествия журналистов явилась в журналах и газетах серия очерков. Но что это за продукция! Сколько в этих очерках вранья и сюсюканья. Заезжие журналисты (за немногими исключениями), нахватавшись мимолетных впечатлений, безжалостно врут, вызывая справедливое возмущение верхнекамской общественности.

Корреспондент «Молодой гвардии» Хасин в журнале «Пионер» рассказал, как в Кизеловском районе борются с клопами. Он такой факт вычитал в газете «Смычка», причем утрировал его до степени неузнаваемости, искажил самое главное, обобщив его, что вот, мол, какие идиоты рабочие в горняцком Кизеле, что клопов-то выволакивают из избы на лошадях. Он же якобы слышал, что Соликамск местные жители зовут не иначе, как «Чигага». Автор, видимо, хотел намекнуть на Чикаго. Правда, Соликамск растет, но «Чигагой» его еще никто не думал именовать.

Корреспондент «Бедноты» В. Майков Соликамск «Чигагой» не назвал, но где-то увидел «небоскребы». Майков пишет: “Редкие деревянные срубы боязливо жмутся к вырастающим подле них небоскребам”. Где вы небоскребы видали, т. Майков? Их у нас нет! В описании шахты № 1 Майков допускает грубейшие ошибки в технических названиях. Чугунные тубинги он почему-то называет по-своему: «тубики». Шахтеры смеются над этими «тубиками».

Ал. Озерский (газ. «Труд») дал очерк «Соляные города». Говоря о новых химических гигантах Верхнекамского округа, он пишет: «Соль – слово корнем вросло в их имена. Усолье, Соликамск... Усть-Сысольск». Даже Коми-область к Верхнекамью приобщил.

Про борьбу за закрытие соликамских церквей Озерский пишет: «"Домиков" не хватало. Тогда обратились все взрослые и из 16 церквей закрыли 15». На самом деле церквей здесь 13, закрыта из них только половина. Причем церкви идут не под квартиры, а под культурные учреждения.

И даже в описании спуска в шахту корреспонденты безжалостно врут. Если Майков пишет: «Залезаем в бадью и люк штольни захлопывается. Стремительно несемся вниз», – то Ал. Озерский кроет как раз наоборот: «Садимся и бадья медленно опускается вниз».

Не так давно в «Огоньке» появился очерк Дроббот. Это уж образец халтуры, образец как не надо писать о таких интересных предприятиях, как первая калийная шахта СССР. Вся «соль» очерка сводится к тому, как Дроббот собирался, одевался и спускался в шахту. Таким очеркам нашим журналам надо бы давать от ворот поворот.

Особенное возмущение вызвала среди подавляющей части специалистов Калийрудника статья «Замороженная шахта», принадлежащая перу Иовлева («Экономическая жизнь»). Автор схватился за непосильную его мозгам, чисто научную тему, высказал узко индивидуальное мнение одного специалиста, оплевал техперсонал шахты и... уехал. Какая польза от таких «научных» статей? Правильно сделала «Торгово-промышленная газета», больно отхлестав автора «научных» трудов.

Но рекорд по части измышлений и вредной фантазии побил, конечно, корреспондент «Комсомольской правды» т. Киш. Он в журнале «Вокруг света» поместил рассказ «Заговор друзей». В нем автор, называя шахту и героев своими именами, поведал миру и удивленной верхнекамской общественности о трагической гибели немца Артура Охорни и русского горняка В. Лапина, задавленных якобы тубингами. По уверению Киша, до сих пор в бюро коллектива хранится заявление погибших горняков.

Но никакого подобного заявления в ячейке не бывало, как не бывало и самой гибели шахтеров.

Такими страшными легендами горняков не воодушевишь на подвиг, и выходит, что Киш оказал в печати для проходки шахты... медвежью услугу.

Газета «Вечерняя Москва» недавно поместила корреспонденцию о том, что в Соликамске в честь 500-летия города закладывается 3-я калийная шахта и город переименован в... Калийград.

А на деле Соликамск пока переименовывать никто не думает и никакой шахты не закладывалось.

Мы за то, чтобы Верхнекамский округ и его первая калийная шахта, ее работа, освещались как можно шире в прессе, но мы против бессовестного вранья, халтуры и сюсюканья.

А. Г.

Л-в. Построим города социализма // Смычка. № 18 (1216). 22 января 1930 г.*Верхнекамью надо отказаться от постройки рабочих городков
обывательского типа*

В пятилетку на жилищное строительство будет затрачена огромная сумма – восемь миллиардов рублей. Эти деньги нужно израсходовать так, чтобы рабочая семья могла навеки распрощиться со старым бытом.

В различных районах Советского Союза строятся крупнейшие заводы-гиганты. Рядом с такими заводами вырастают целые рабочие города. Эти города и должны быть городами социализма.

Уже разработан план, как должен строиться такой социалистический город.

Завод со всеми цехами и вспомогательными предприятиями будет расположен за городом. Это защитит население от дыма заводской трубы и вредных газов. Чтобы попасть в город, нужно будет пересечь широкий бульвар, густо насаженный зеленью.

По обеим сторонам широкой улицы расположены трех- и четырехэтажные дома-коммуны.

В первом этаже – столовая и общественная кухня. На кухне подогревают пищу, которую доставили из фабрики-кухни. Ни одной рабочей семье не придется возиться с хозяйством и готовить себе пищу. На этом же этаже – справочное бюро и парикмахерская. В бюро вы можете получить любую справку.

Во втором этаже расположены комнаты, где население дома в свободное время отдыхает и учится. Тут комнаты для всяких кружков, аудитория для лекций и собраний. Тут же расположена научная лаборатория, где каждый рабочий сможет позаниматься тем, что его интересует. Во втором этаже расположено все необходимое для культурно-просветительской, массовой и научной работы.

Верхний этаж отводится для спален. Там царит абсолютная тишина. В комнаты этого этажа приходят только для того, чтобы отдохнуть.

Ну а как же с детьми? Где они будут проводить свои занятия, игры и свободное время?

Для детей отводится лучшая часть дома. Дети там воспитываются соответственно их возрастом. Все ребята будут разбиты на три группы: с момента рождения до трех лет – первая группа, во второй группе – ребята с трех до семи лет и, наконец, в третьей – группа подростков с семи до пятнадцати лет.

Ребята живут своим мирком. Но они не оторваны от семьи и от общественной жизни дома-коммуны. Они участвуют в работах кружков, помогают производить кое-какие работы по дому и т. д.

Социалистический город обслуживается мясохладобойней, хлебозаводом, фабрикой-кухней, кондитерскими предприятиями и другими фабриками пищевой промышленности. Все такие предприятия будут построены в определенной части города и соединены в единый комбинат.

Другой комбинат обслуживает население социалистического города трамваями, автобусным движением и другими средствами передвижения.

В центре города расположены театры, центральный клуб, местные правительственные органы и т. д.

Перестроить все уже существующие города таким образом нам пока не под силу. Для этого потребовались бы колоссальные затраты.

У отдельных работников возникла мысль: не перевести ли детей в специальные дома, которые расположены в нескольких километрах от города. Тов. Н. К. Крупская с этим мнением не согласна. Вот что она говорит по этому поводу:

– Недавно я беседовала с работницами о строительстве социалистических городов. Они высказываются против воспитания детей вдалеке от семьи.

– И они, – говорит тов. Крупская, – по-моему, правы. Нельзя мать лишать возможности видеть своего ребенка тогда, когда она свободна от своей текущей работы. Да и нельзя детей отрывать от общественной жизни социалистического города.

Совнарком РСФСР уже решил приступить к строительству первых социалистических городов. Они будут построены в Сталинграде, Магнитогорске, на Днепрострое. В Сталинграде уже создана специальная контора, которой поручено начать строительные работы в новом социалистическом городе. В этом городе будут жить рабочие Сталинградского тракторного завода.

Л-в

С. Роз. «Контурсы города социализма. Против старых идей под новой вывеской» // На смену! № 84 (1139). 11 апреля 1930 г.

По проторенной дорожке...

В этом году должна начаться постройка социалистического города Магнитогорска, где будут жить около 50 тысяч жителей. Проекты этого города, выставленные в свердловском отделении Магнитостроя, показывают, какой разброд существует при решении вопроса: каким должен быть социалистический город?

Нет ничего легче, чем идти по старой, известной, проторенной дороге. Это спокойней, верней и предохраняет от ошибок! Именно так поступило большинство архитекторов, составлявших проекты соцгорода Магнитогорска.

Взяты старые формы и им дано новое название. Социалистический Магнитогорск хотят создать из многоэтажных домов, где люди будут томиться в таких же каменных гробах, как и в старых городах. Правда, эти дома-громады будут носить название домов-коммун, они будут иметь общие столовые, комнаты отдыха, отдельные общежития для детей, но все же это – старые дома и никакие коммуны. Людей хотят заключить в отдельные клетушки, вытянутые вдоль длиннейшего коридора. И жители таких домов, чтобы по-

пасть в клуб, столовую, в комнаты отдыха или детские общежития должны бегать по огромным, стометровым коридорам, по какой-то узкой трубе между бесконечными дверьми. Получается та же томительная скука и казенщина теперешних гостиниц, но только с маркой «дом-коммуна».

Нечего и говорить, что огромные, многоэтажные дома с вытянутыми фасадами по внешности повторяют действительность существующих городов и не обеспечивают жителей светом, воздухом, не приближают к зелени, не дают бодрости, не содействуют работе.

Люди в коробочках

Другие архитекторы ударились в другую крайность. «В социалистическом городе каждому должна быть предоставлена возможность отдыхать и работать, не мешая другим. При социализме не должна существовать разница между городом и деревней», – так рассуждают они.

И обе эти задачи решаются так. Города по существу нет. Есть зеленая дорога, уходящая вдаль на много километров. По обеим сторонам поставлены домики. Для Магнитогорска с его 50 тысячами жителей такой город будет растянут на дороге в 50 километров. Для каждого жителя проектируется отдельный домик, где можно делать все, что вздумается. Вид у такого «социалистического» домика будет такой: на четырех столбиках стоит коробочка в 14 квадратных метров. Здесь должен жить один человек. Тут же, на этих 14 метрах, и уборная, и спальня, и место для отдыха и занятий. Канализации нет и мусор сжигается в электрической печи. Под домом, между столбиками, стоит автомобиль, на котором совершаются поездки на завод, на общественную работу, в клубы, на собрания и т. д. Все здания общественного пользования размещены равномерно по всей длине дороги.

Проект этот встречает всеобщее осуждение. Люди в таком городе будут оторваны друг от друга, заключены в скорлупу «собственной» коробочки и отдалены от всякой общественной жизни. Если еще принять во внимание непрактичность такого города и отдельных коробочек, то еще больше выявится вся неприемлемость этого проекта, его антиобщественная, реакционная сущность под наружной показной «левизной».

«ОСА» накануне победы

Между обеими крайностями, между сторонниками домов-громадин старых форм капиталистических городов и творцами индивидуальных коробочек на протяжении 50 километров стоит проект группы молодых архитекторов, группы «ОСА». Город тоже мыслится вытянутым вдоль 25-километровой дороги, но дома имеют другой вид. Дом рассчитан на 32 человека и 8 таких домов собраны в одну группу. Школы и общежития для детей дошкольного возраста расположены на каждом километре. Другие здания общественного пользования тоже распределены равномерно. Проект «ОСА» – наиболее приемлемый и правильно решающий вопрос о социалистическом городе, но он нуждается в переделках, в изменении.

Город линейный, вытянутый вдоль дороги на много километров имеет свои преимущества и неудобства. Очень удачно разрешается в таком случае проблема города-сада, наиболее приближенного к природе. Но чрезвычайная растянутость имеет и свои неудобства, разобщает людей, отрывает их друг от друга. Для крупных городов, даже при естественном роста того же Магнитогорска, это значит идти на дальнейшее удлинение города-дороги и увеличивать существующие неудобства. Поэтому наиболее правильной была бы комбинация линейного и площадного расположения города. При этом должно быть сохранено наибольшее количество зелени, не нужно создавать улицы теперешнего типа. Но при таком расположении города надо сохранить в основном тот тип жилищ, который предлагает группа «ОСА», надо решительно отвергнуть проекты застройки социалистического города небоскребными домами капиталистического образца. Надо идти по линии широкого обобщения быта, создания домов-коммун, избегая скученности и казенщины гостиниц, как предлагают теперь большинство архитекторов. И надо решительно отказаться от того однообразного вида, который придают городу все архитекторы. В проектах социалистического города, выставленных в Магнитогорске, все дома до мелочей похожи друг на друга. Это недопустимо, вредно и скучно.

Вот основные положения, которые надо положить в основу создания социалистического города.

Грязных Б. Социалистическому быту – социалистические жилища // Искра. № 97 (239). 28 июня 1931 г.

Один из отцов города рассказал автору этих строк неписаную легенду о ликвидации жилищного кризиса в Лысьве в 1916 году. Если верить этому достоверному источнику, кризис тогда был ликвидирован в два месяца, отчасти постройкой коттеджей на Мысу и большей частью – сооружением знаменитых Типов.

В заключение он высказался со своей личной точки зрения за постройку в наших условиях казарм типа цуваловских, как за способ наиболее быстрой ликвидации жилищного кризиса.

А далеко ли мы ушли?

Безусловно, мы не говорим об этом, как о правильном взгляде, но позволим себе задать вопрос: далеки ли мы от него в действительности? Те самые каменные и шлакобетонные дома, которые сооружаются заводоуправлением и горсоветом, ни на один шаг не ушли от Типов. То же самое неудобное расположение комнат, то же самое отсутствие культурных учреждений внутри зданий. С той только, пожалуй, разницей, что Типы – постройки казарменные – заставляют чаще сталкиваться друг с другом живущих в них, сближая какими-то общими интересами, а наши новые дома разбиты на маленькие индивидуалистические ячейки.

К тому же эти дома строятся в десять раз медленнее, обходятся в несколько раз дороже. В нашем жилищном строительстве совершенно не используются те богатые строительные возможности, которыми обладает район. Стройки иногда неделями ждут известь, тогда как под ногами у нас имеются бутовые породы, с успехом заменяющие эту известь, алебастр привозится издалека, а рядом с Лысьвой неисчерпаемые залежи его, стены почему-то ложатся целиком из кирпича, тогда как в других местах Союза широко применяется торф, шлак, гравий.

Не узнали, что нужно рабочему

Для всех, конечно, не секрет, что отставание городского коммунального хозяйства от темпов развития местной промышленности создало именно на этом участке узкое место в соцстроительстве. Сейчас, когда по решению пленума ЦК будет произведен решительный поворот всех организаций к коммунальному хозяйству, у нас возникают, на основе горького опыта прошлых лет, подозрения, что этот поворот будет сопутствоваться прежними медвежьими методами работы.

Спросите у любого живущего в новых домах, сооруженных за последние два-три года – удовлетворен ли он, хоть сколько-нибудь, ими? Ответ легко предвидеть конечно, нет! А ведь строительство было новое, проектировалось советскими архитекторами с учетом современных требований. Так в чем же дело?

А исключительно в том, что воздвигая дома для рабочего, мы не спрашивали у него – какой же дом нужен ему? Проекты жилых домов, построенных и строящихся, не обсуждались ни на одном рабочем собрании, нигде не были выставлены для общего обозрения. Вот в этом-то основное зло и заключается!

Мы не спорим против того, что, например, дома горсовета спроектированы дипломированным специалистом, но утверждаем, что если бы этот проект был рассмотрен рабочими, то там не портилось бы отопление зимой. Потому что любой захудалый слесарь, увидев проект системы отопления, опротестовал бы его. Точно так же опротестовали бы рабочие и отсутствие кладовок, отсутствие прачечных, душа и т. д.

Рабочий контроль – за кладкой каждого кирпича

Госплан проектирует через 7–9 лет закончить построение социализма. Построенные до сегодняшнего дня каменные дома переживут этот срок больше чем лет на 100. Какая же участь ожидает их, ничем не ушедших от старых шуваловских казарм? Сможет ли это позорище лысьвенских строителей стоять при социализме, отвечать запросам социалистического быта? Конечно, не может! Безусловно, лет через семь, через девять, эти сооружения либо будут сломаны, либо основательно переделаны.

И это, повторяем, произошло только потому, что над строительством совершенно не было контроля общественности, потому что оно производилось

по проектам спецов, которые никогда для себя лично ничего подобного не построили бы.

Чтобы кончить воздвигать сооружения, предназначенные на слом, которых мы через 5–6 лет будем стыдиться, надо сейчас же установить рабочий контроль над строительством как нечто обязательное, без чего не может быть положен ни один кирпич новой стройки.

Конкретно мы ставим перед горсоветом вопрос о запрещении строительства по проектам, не одобренным рабочими. Руководство этим массовым контролем нужно будет возложить на культурно-политический жилищный совет, специально созданный из представителей разных организаций и рабочих.

Гетлинг Ю. Растет индустриальный Челябинск // Челябинский рабочий. № 103 (1554). 1 мая 1931 г.

Челябинск... Тихо, спокойно текла жизнь старой Челябины. Базары, ярмарки, по субботам – в церковь, в воскресенье – к куму на пельмени... Улички темные, грязные, заболоченные, глухие ставеньки ревностно охраняли маленькие радости и печали владельцев домов – городских обывателей.

Провели железную дорогу – «Великий Сибирский путь». Шумное дыхание паровозов и грохот пробегающих поездов оживили и сонную Челябину. Приоткрылись ставеньки, учащенной стал биться городской пульс. Понемногу, не торопясь, озираясь на своих старших собратьев – Ирбит и Тюмень – превращалась Челябина в торговый центр.

В условиях царского капиталистического строя Челябинск, конечно, не мог быстро развиваться. Капиталисты испокон веков смотрели на Урал как на источник быстрого и верного обогащения. Хищнически эксплуатируя богатейшие железные и медные рудники, платиновые и золотые прииски и могучие лесные массивы, Демидовы, Яковлевы, Приваловы – железные и золотые короли – все свое внимание сосредоточивали на Среднем Урале, где «почти на поверхности земли лежит булат и золото». На костях рабов, потом и кровью крепостных и высланных поселенцев воздвигали они железодельные заводы.

Челябинск с внутренними возможностями менее привлекал капиталистов. «Руды нет... золота мало – ненужный городок...»

Октябрьский переворот отнял богатства Урала у хищников-предпринимателей, но изнурительная гражданская война, чехо-словаковщина, колчаковщина, дутовщина и прочая атаманщина долгие годы не позволяла заниматься восстановлением народного хозяйства и развитием промышленности. Лишь только когда партизаны вместе с блюхеровской конницей очистили от белых все Зауралье, когда кровавые фронты гражданской войны сменились трудовым фронтом и

началось восстановление разрушенной промышленности, перед Челябинском открылись огромные перспективы.

* * *

В 18 километрах на восток от города залегают пласты бурых углей... Долгие годы челябинские копи владели жалкое существование. Две-три неглубокие шахты, небольшой поселок горняков – вот и все. И только сравнительно недавно закончившиеся геологоразведки обнаружили запасы угля до миллиарда тонн. Но это еще не все. Последние дни принесли новые известия – открыто еманжелинское месторождение мощностью в полтора миллиарда тонн.

Два с половиной миллиарда тонн черного золота – это уже хорошие экономические предпосылки для создания индустриального центра.

Не меньшую роль в развитии Челябинска играет и чрезвычайно выгодное географическое положение города. Челябинск стоит на стыке трех дорог: Сибирской, Самарской и Пермской. Это облегчает возможность гибкой связи с важнейшими экономическими районами необъятного Советского Союза, Средним и Северным Уралом, Сибирью, Казахстаном и Средней Азией.

Тысячи вагонов с металлом, хлебом, хлопком непрерывным потоком движутся по артериям железных дорог.

Низменные, ровные как бетон окрестности города представляют чрезвычайно удобный рельеф для планировки и постройки крупнейших заводов. Массивные глыбы серых гранитов, залежи красных и белых глин, «революционера»-трепела, песка, белоснежной извести – позволяют на месте заготавливать материалы, так необходимые для всякого капитального строительства.

На этой экономической базе в 1927 году был заложен фундамент мощной районной электрической станции.

* * *

ЧГРЭС № 1 построен, бесперебойно работает первый турбогенератор мощностью в 24 тысячи киловатт. Через 2–3 недели вступит в строй второй электроагрегат такой же мощности. В начале 1932 года мощность станции будет доведена до 150 тысяч киловатт. Сотни тысяч тонн челябинского угля превратятся в дешевую электроэнергию, дадут могучую двигательную силу для ряда заводов.

Запасы угля огромны. Это заставило правительство Советского Союза уже в текущем году приступить к постройке величайшей тепловой электростанции – ЧГРЭС № 2, мощность которой будет доведена до 500 тысяч киловатт.

Наличие огромного количества дешевой электроэнергии породило постройку целого ряда крупнейших заводов. Уже с прошлого года начал строиться мощный электротермический комбинат. Этот комбинат будет состоять из ряда заводов ферросплава, алундового завода, карборундового завода абразивных изделий и завода абразивного полотная. Уже в 1933 году ЧЭТК должен дать 24 тысячи тонн феррохрома, 13 200 тонн ферровольфрама, ферромolibдена, ферросилиция и других сплавов, освободив Урало-Кузбасскую металлургию от импортных ферросплавов. На комбинате в 1933 году будет работать около 75 электроплавильных печей, которые потребуют до 150 тысяч киловатт электроэнергии. Они возьмут весь электроток с ЧГРЭС № 1.

В нынешнем году начинается постройка электростального завода. Завод будет выпускать 34 500 тонн качественной стали. На заводе будет построено 24 электроплавильных печи, которые возьмут до 100 тысяч киловатт электроэнергии, листопрокатный, сортопрокатный и термические цехи.

На запад от ЧГРЭС, по ту сторону Миасса, форсированным темпом строится мощный цинковый завод. Этот завод будет впервые на Урале выпускать электролитный цинк. Мощность его – 40 тысяч тонн. Завод возьмет до 70 тысяч киловатт электроэнергии.

* * *

Строится тракторный гигант. Завод будет выпускать в год 40 тысяч тяжелых гусеничных тракторов системы «Катерпиллер» мощностью в 60 лошадиных сил.

2400 стальных коней ежегодно будет давать социалистический завод чернозема Сибири и Поволжья.

Челябинский тракторный будет чудеснейшим образцом передовой техники. Новейшие станки, оборудование, усовершенствованные конвейеры, железобетон, стекло, сталь. Все лучшее, что создала американская техника, воплотит в себе этот завод.

Поточная система, помноженная на социалистическую организацию труда, создают величайшие в мире возможности. Через каждые 6 минут с конвейера будет сходить гусеничный трактор весом свыше 9 тонн.

Железобетонный стальной простор простоты и рациональности. Завод будет в полтора раза больше сталинградского гиганта. Американский завод Катерпиллер, находящийся в Пикордин-Иллинойс⁹⁴⁹ и

---

⁹⁴⁹ *Примечание публикатора:* очевидно, в данном случае советский журналист ошибся в названии – гигантский завод фирмы «Катерпиллер» располагался в Пеории, штат Иллинойс.

пока единственный в мире – выпускает в год только 5–6 тысяч тракторов. Цехи растянутся на 250–300 метров, а краса и гордость завода – механосборочный – на 600 метров.

Таковы масштабы Челябинского тракторного, по величине и производительности не имеющего себе равного ни в Европе, ни в Америке.

Ни один капиталист во всем мире не смеет даже мечтать о такой величайшей постройке.

* * *

Постройка одних заводов неизбежно влечет за собой постройку других. Уже сейчас в Востокостали прорабатывается вопрос о строительстве в Челябинске мощного металлургического завода. Этот завод будет выплавлять титано-ванадиевый чугуун. В конце первой пятилетки, в начале второй будут построены кузнечный, химический и целый ряд других заводов. Наличие богатейших залежей известняка и глин создают группу новых заводов стройматериалов. Строятся и будут построены мощные кирпичные, цементные, известковые и другие заводы.

Рост промышленности изменяет лицо города. Старые полуразвалившиеся деревянные халупы сменяются социалистическими кварталами с большими, светлыми домами. Развертывается огромнейшая работа по коммунальному строительству. Прокладывается водопровод и канализация. 7 ноября пойдет первый трамвай.

...Таков Челябинск настоящего и ближайшего будущего. Вот за что мы боремся.

Каменев. Старая демидовская Салда отмирает, родится новый социалистический город // Ударник Стальмостстроя. № 13. 3 декабря 1931 г.

Строительство гиганта Стальмоста перекрасит карту старой демидовской Салды.

Вместе с новым заводом родится новый город, способный шагать в ногу с поступью нашей социалистической эпохи.

Какой же мы должны построить город?

Новый город рассчитан на 30 000 жителей с возможностью дополнительного расширения. Город будет иметь сеть широких улиц-магистралей, на которые выходят укрупненные кварталы. Улицы широкие, с зелеными насаждениями. Каждый отдельный квартал будет представлять законченный жилой комбинат. Кроме жилых домов, строящихся частично обобщественного типа, на каждом таком участке расположатся ясли, детсады, столовая, распределитель закрытого типа, то есть все элементы бытового обслуживания

трудящихся. Каждый квартал будет иметь свои площадки зеленых насаждений. Жилые дома в главной своей массе – каменные-многоэтажные. С учетом того, что к обобществлению быта сразу подойти будет трудно – оно вводится частично. В домах общие комнаты отдыха, души, ванны и прачечные. Часть домов построится с коридорной системой.

Общественное питание предусматривает охват почти всего населения поселка. Система организации питания – центральные фабрики-кухни и заготовители (их будет две) и потом сеть поквартальных столовых, куда пища будет доставляться в термосах.

Медобслуживание населения будет обеспечено, с одной стороны, больничным городком, находящимся на окраине поселка, и с другой стороны – поликлиникой, расположенной недалеко от центральной площади поселка. В больничном городке будут построены следующие объекты: главный корпус, рассчитанный на 240 коек, родильный павильон, заразные бараки, жилые дома для медперсонала.

Профтехкомбинат, включающий в себя ФЗУ, ШУМП, Техникум и ВТУЗ – располагается вблизи завода, для лучшей связи с производством.

Сеть школ ФЗС разбросана по всему поселку в зеленых зонах. Делается это для приближения школы к месту жилья.

Администрация и общественные учреждения располагаются в главной своей массе на центральной площади поселка, соединенной прямыми магистралями с заводом и железнодорожной станцией. Тут расположены: дом Советов, дом Профсовета, Райком, клуб, Дом связи, Универмаг и другие.

Площадь имеет достаточные размеры для общегородских демонстраций.

Для обслуживания более отдаленных кварталов имеются еще два кино. Поселок получает много зеленых насаждений, вкрапленных по отдельным кварталам, по улицам, а кроме того, будут зеленые зоны, ограждающие поселок от нового и старого заводов.

У пруда, на краю поселка, намечено расположить парк отдыха и физкультуры, где организуются все необходимые устройства для всевозможных видов спорта. Кроме того, при ФЗС'ах и в зеленых зонах разобьются зеленые площадки.

Недалеко от железнодорожной станции располагается пищевая комбинат, где будут находиться фабрика-кухня, холодильник, овощехранилище и складские базы ЦРК.

Поселок полностью благоустроится. Все жилые дома и культбытовые здания будут иметь водопровод и канализацию. Водоснабжение предположено из верховьев Верхне-Салдинского пруда. Вода по своему качеству вполне годна для питья. Тем не менее, воду намерено очищать фильтрами, хлорировать, с тем, чтобы обеспечить вполне здоровую воду. Канализационные воды будут спускаться в Салду-реку уже за пределами поселка. Воды эти подвергнутся химической и бактериологической очистке.

Такое примерно, в общих чертах, лицо нового поселка-города. Создавая для трудящихся вполне здоровые условия жизни, новый город, имея в себе все зачатки социалистического городка, обеспечит скорейший переход на социалистические формы жизни и быта.

Старая Салда с ее пережитками, темнотой, уходит безвозвратно. На месте ее вырастает социалистический город – плод побед Октября, решительных и бесповоротных. В этом городе вырастут и воспитаются люди, которые довершат дело, начатое их отцами.

Этим строителям социализма – основное внимание в новом городе.

Старого Урала больше нет // Уральский рабочий. № 19. 23 января 1932 г.

Новый Уральский хребет

Перевал от X к XI облпартконференции измеряется дистанцией шестьсот дней. Это – шестьсот дней большевистского наступления на старый Урал.

Старого Урала в его прежнем виде уже не существует. «Великий кустарь» сдается в музей.

В котлованах Урало-Кузбасса, в пыли и грохоте исторической стройки рушатся, осыпаясь, иссохшие, одряхлевшие сваи многовековой уральской отсталости. То, что еще осталось старого на Урале – лишь подчеркивает, оттеняет его новую индустриальную суть. Так, железную мощь, высоту и стройность безрезниковской углеподачи оттеняют древние почерневшие вышки строгановских солеваров. Так калибр и профиль сегодняшних реконструктивных побед освещаются следами вчерашнего дня.

– ... Если посмотрим на наш Урал, то что он собой представляет? Разве Урал не самая отсталая часть страны в смысле техники? Давайте переберем все отрасли нашего сельского хозяйства. Разве в крестьянском хозяйстве нет у нас деревянных борон? Разве до сих пор не сохой часто ковыряем землю? Разве на наших заводах есть сильное техническое оборудование? Разве до сих пор не называют наши домны «самоварами»?

Так говорилось на седьмой областной партийной конференции по докладу тов. Сулимова о хозяйственном состоянии области. О состоянии, при котором 40 процентов довоенной плавки чугуна достигнутые к тому времени уральской металлургией, квалифицировались на пленуме обкома как «поразительные результаты», как «ураганный подъем».

Но и к восьмой конференции уральская промышленность, при всем ее «ураганном», по тогдашним понятиям, росте, оставалась не больше чем большой своеобразной кустпромартелью. Она оставалась гнездом технического старообрядчества, заквашенного столетиями. Как при Демидове, здесь дымилась «самовары» и постукивали лошадиные копыта в заводских цехах. Как при Абамелек-Лазареве постукивали обушки в угольных лавах. Рабочие делегации приносили конференциям в подарок молоты, кайлы, топоры, ибо эти вещи продолжали символизировать их труд. Сдвигом расценивался – и на самом деле был еще по тем временам! – каждый производственный шаг на пути к старому Уралу. Новая техника, новые качества и количества рисовались в сознании людей смутными туманными пятнами. И тогда один из выступавших на восьмой

конференции, намечая дальние уральские перспективы, говорил, что «может быть не шутка и нам действительно придется строить завод, на котором мы будем производить из уральского металла не гвозди и проволоку, а, может быть, к карманным часам пружины». И эти пружины к карманным часам представлялись тогда неким венцом мечтаний, zenитом дерзновенных технических побед, ибо в самом уральском хозяйстве тогда еще не развернула свою тугую спираль стальная пружина эпохи социалистической реконструкции. «Смелым дерзновением» называли составленный в 1927 году генеральный план развития Урала. Он был рассчитан на три пятилетия. Общие капитальные вложения в уральскую промышленность на все это время, вплоть до 1941 г., были предусмотрены в сумме 1960 мил. руб. Но почти столько же, сколько намечалось для пятнадцатилетия – вложено в уральское хозяйство за один только истекший 1931 год.

Снились, могли ли сниться авторам «генплана» нынешние гигантские величины, если даже в первый год всесоюзной большевистской пятилетки затраты на чистое строительство по Уралу составляли всего 185 мил.? Строительный размах – потребление стройматериалов – остановился к концу 1929 г. на 200 мил. кирпичей и уже эта цифра выглядела для старого Урала крупнейшей величиной. А в два последние года уложено 1 300 мил. кирпичей и 2130 мил. намечено к укладке на 1932 год. Потребление леса и цемента взметнулось таким же почти взметом. Взятые вместе, горы уложенных строительных материалов вырастают в новый уральский хребет, хребет индустриализирующегося Советского Востока.

Чертежи оживают

Решениями XVI съезда ВКП(б) была дана развернутая программа урало-кузнецкой стройки. Новой индустриальной опоры потребовала реконструкция народного хозяйства. Рост советской крупной индустрии, этой «единственной материальной основы социализма», революционизирующей отсталую технику сельского хозяйства, преобразующей его на социалистических основах, решающей экономическую зрелость и независимость СССР, уже не смог быть обеспечен одним угольно-металлургическим Югом. Понадобилось развязать и двинуть в ход грандиозные производительные силы восточных районов Союза, возвести здесь новые индустриальные укрепления, дать стране вторую основную базу металла, угля, химии. Партия повела массы на строительные площадки Урало-Кузбасса. Она повела их на взятие технических высот. И как в давних боях с колчаковщиной – уральские большевики побеждают ныне в борьбе за невиданный в мире социалистический комбинат, становящийся живой железобетонной явью.

В этом – основное ядро итогов, с которыми Урал приходит к одиннадцатой. Они вмещают в себя цепь уже материализованных, овеществленных сдвигов. Новый Урал перестал быть перспективно-плановым построением. Колонны цифр, голубоватая калька, условные линии сходят с проектных листов и оживают, ожили уже в готовых мощных конструкциях. Немые схемы и чертежи, покидая бумагу, встают грохочущим строем возведенных корпусов.

Таблицы недавних контрольных цифр становятся паспортом уже изготавливаемой продукции новых промышленных предприятий.

Первая очередь нового, технически передового Урала сооружена. Надо отчетливо видеть шеренгу выстроенных, смонтированных, пущенных в ход гигантов, чтобы оценить всю реальность, глубину и разгон индустриального перевооружения Урала, всю мощь движения к созданию в законченном виде «технически передового, крупного комбинированного хозяйства».

По отчету обкома ВКП(б) первое слово берут коксобатареи и домны Магнитогорска. Завод-великан, сочетающий на своей семидесятикилометровой площади мировой металлургической техники завод, являющийся выполнением лозунга «догнать и перегнать», паролем реконструктивных усилий всей партии, всей страны – начнет через несколько дней оплачивать эти усилия готовым металлом. Первые магнитогорские летки раскрываются, чтобы выпустить миллионотонный чугунный поток в русло социалистической экономики.

Клепальщики уступают рабочее место горновым. Строители сдают дела коксовикам и металлургам. В гремящую симфонию магнитогорской стройки включаются гудки уже действующего завода.

Линии нашего роста

Магнитогорский чугун уже сам по себе составляет эпоху. Это – новая страница в хозяйственной истории СССР. Это – страница о техническом перевороте, о преодолении наследства веков, о новом металлургическом центре СССР.

Но и другие двигатели огромной индустриальной силы вошли в уральское хозяйство, перекрывая собой все, чем оно располагало до сих пор. Уральская промышленность выросла в течение одного только 1931 года за счет пяти десятков новых заводов, шахт, рудников, электростанций, из которых отдельные ставят всесоюзный рекорд техники и производственной мощи.

Тысячекилометровые россыпи концентрированных туков бросят на социалистические поля Березники, этот химический Магнитогорск, рожденный двадцатимысячным большевистским трудом в таежной и болотной глуши.

Первые десятки тысяч тонн советского калия авансом в счет миллионов выдали калийные шахты Соликамска.

Первые тысячи тонн полновесной меди выплавили печи вступившего в эксплуатацию Красноуральского комбината.

Челябинский ферросплавный завод, первый и единственный в СССР, повернул советскую металлургию спиной к иностранным сплавам, вручил ей ключ к форсированному выпуску собственного высококачественного металла.

Четыре цеха, из которых каждый является крупным заводом, пустил перенец уральского тяжелого машиностроения – УМЗ.

Двести тысяч киловатт дополнительной энергопомощи дали Уралу первая и вторая очереди ЧГРЭС № 1, первые очереди Магнитогорской, Березниковской, Кизеловской и Соликамской электроцентралей. 257 процентов составил рост выработки электроэнергии в 1931 году.

Почти на тысячу километров новых линий и вторых путей сгустилась сеть уральского железнодорожного транспорта. Более чем миллионом тонн угля измеряется эксплуатационная мощность новых шахт Кизела, Челябинкопей и Еманжелинки.

А Вишера и Сухоложье? А челябинские абразивы и кыштымский графит? А десятки других, менее крупных единиц? В течение месяцев, а не лет, возник мощный строй новых промышленных предприятий.

Мы имеем огромный рост основного капитала уральской индустрии. Чтобы уяснить объем и напряжение этого роста, достаточно привести только две цифры: 235 миллионов рублей вложено в промышленность Урала за все восстановительное пятилетие с 23 – 24 по 27 – 28 год. И 670 миллионов, то есть почти вдвое больше, затрачено на чистое строительство по Уралу в течение только 1931 года.

Но количественные измерители говорят далеко не все. Надо познать качественные признаки индустриализации, надо видеть ее основные ведущие линии. Линии развития Урала предначертаны решениями XVI съезда. Урал реконструируется, во-первых, в направлении «развертывания тяжелой промышленности как основной базы социалистического строительства (черная и цветная металлургия, производство электроэнергии, топливо, машиностроение, химия)». Круто поднялся объем и вес этих элементов в системе уральской экономики. Уголь, чугун, сталь, медь, химические продукты – по решающим отраслям Урал резко расширил свои позиции и овладел значительно возросшим удельным весом в народном хозяйстве Союза.

Урал растет под углом комбинирования промышленности на основе полноценного использования несметных внутренних ресурсов. Эта задача, выдвинутая ЦК и XVI съездом, призвала к жизни цепь новых, отсутствовавших ранее производств. Возникли в гигантских зародышах такие производства, неведомые старому Уралу, как коксохимия, тяжелое машиностроение, экскаваторо- и тракторостроение, производство специальных сталей, мостовых конструкций, цинка и никеля, токарно-винторезных станков, калийных солей, дефибрерных камней, болто-заклепочных изделий, титановых белил, диоксида порошка, бумажно-целлюлозных изделий, и прочее, и прочее. Около 150 новых видов промышленной продукции включились в сортament Урала за 600 дней, отделяющих XI партконференцию от X.

Сгусток технической культуры

Уже приемы самой стройки новых предприятий дают четкое представление о том, насколько решительно преодолевает Урал допотопное техническое наследие позавчерашнего дня. Традиционная «коза», этот неизменный герб старой кустарной стройки, изгнана с наших лесов. Краны Кайзера, ленточные конвейеры, железная фаланга машин пришла на строительные площадки Урала. И то, что вырастает на этих площадках, отмечено печатью передовой современной техники, сочетает в себе новейший технический опыт мира, помноженный на ширь и силу социалистического соревнования и ударничества. На силу, которой не обладала и не обладает ни одна страна мира, кроме страны пролетарской диктатуры.

Общую производительность всего Бакала превышает один лишь экскаватор «Бьюик Айрес» на Магнитогорском руднике им. Кабакова.

Годовой выпуск первой очереди УМЗ перекрывает в тоннаже все нынешнее оборудование металлургического Урала.

Магнитогорская домна № 1, готовящаяся со дня на день выдать первый чугун, равна по мощности десятку средних уральских металлургических заводов.

Магнитогорский коксохимкомбинат не имеет равных себе в Европе.

Больше, чем весь медеплавильный Урал в 1930 г. даст стране в 1932 г. Красноуральский комбинат, и т. д., и т. п.

Эти показатели, широко известные, рисуют сегодняшний преобразенный Урал, осваивающий не только промышленные масштабы, но и новую техническую культуру. Концентратом ценнейших технических накоплений является каждое новое звено великанов уральской индустрии, низвергающих стародавние консервативные навыки. Идет велико вселение машин и механизмов в такие трудовые процессы, которые веками покоились на примитивной ручной и конной силе. Идет внедрение совершенного оборудования, сложнейшей современной аппаратуры, новейших технологических схем.

Любой из возведенных на Урале гигантов является живой документальной иллюстрацией к сталинским словам: «Мы – страна самой концентрированной промышленности в мире. Это значит, что мы можем строить нашу промышленность на основе самой лучшей техники и обеспечивать благодаря этому невиданную производительность труда, невиданный темп накопления...»

Гора Атач познакомила Урал с рудником, электрифицированным во всех станциях бурения, разработки, транспортировки и т. д., рудником, на котором кайло и лошадь без остатка вытеснены экскаватором и электровозом. Магнитогорск дал металлургическое предприятие, универсально механизированное, рядом с которым памятниками глубокой старины выглядят ручная завалка, гужевая доставка сыпи к колошникам, примитивные лебедки – весь арсенал кустарных приемов, унаследованных со времен крепостничества.

Комбинат им. Красной Армии, вразрез с архаическим методом пиритной плавки, осуществил плавку меди в отражательных печах, революционизирующих всю цветную металлургию Урала.

Оборудование и технологическая схема березниковских заводов – это сгусток всего современного научного опыта мировой химии.

Но сдвиги в уральской технической базе не ограничиваются рамками новых заводов, шахт, рудников. Вся действующая промышленность стала ареной глубоких качественных изменений. Процесс технической реконструкции заново перевооружил в той или иной доле все индустриальные отрасли, все производственные участки.

Возьмем уголь: количество врубовок в кизеловских шахтах выросло против 1927 года в шесть раз, механизированная за счет тяжелых машин добыча поднялась с 15 до 70 с лишним процентов, осваиваются новые методы разработки – проходка ортами, картофешка и пр.

Возьмем медь: построены обогатительные фабрики в Калате и Пышме, американская система магазинирования внедрена в медных рудниках Карабаша, три завода (серы, серно-кислотный, сушильный), улавливающих

отходы цветной металлургии, получил Калатинский комбинат. Возьмем металлургические заводы: они получили сделанную на Урале разливочную машину (Кушва), овладевают подачей жидкого чугуна в мартены, кладут конец потерям доменных газов, обрастают грануляционными установками, устанавливают новые мощные воздуходувки.

Возьмем стройку: перечеркнуто понятие строительного «сезона», уходят в отставку тепляки, системой становится зимнее бестеплячное бетонирование, широкое применение получают сборные железобетонные конструкции и каркасные стандарты, стремительно растет потребление новых строительных материалов. Бесцементные камни, шлаки, фибролит, крупные блоки, камышит, мессонит и пр. – они ни в какой степени не участвовали в стройке 1920 г., в 1930 г. были использованы в количестве 7 875 – в пересчете на красный кирпич – а за 11 месяцев 1931 г. эта цифра поднялась уже до 60 миллионов. Реконструктивное наступление идет вдоль всего фронта уральской промышленности, доламывая элементы технической реакции, обрывая груз устарелых допотопных традиций.

Вместо пуговиц и крючков

Делегация рабочих Златоуста поднесла VIII областной партконференции металлический герб. Это было в ноябре 1927 г. В стенограмме ответного приветствия мы читаем: «...Златоустовские рабочие если не IX, так X конференции должны преподнести герб, который был бы украшен с одной стороны перьями для ручек, а с другой – булавками, металлическими пуговицами и крючками (аплодисменты)...»

Иные, более ценные, как известно, подарки получила страна от Златоуста за время от X до XI конференции. И эти подарки могут служить ярчайшим образцом того, как уральские большевики овладевали бастионами новой техники, как отвоевывали экономическую независимость СССР, как осуществляли решение партии о превращении Урала в «главную базу снабжения страны качественной сталью и чугуном».

Не пуговицы и булавки включились в сортамент златоустовских заводов, а высококачественные легированные стали, за которыми до сих пор мы обращались к прилавкам капиталистической заграницы. Шарикоподшипниковая, нержавеющая, жароупорная, кислотоупорная, двуслойная, буровая, серебрянка – стали сложнейших марок, металлы ответственной промышленности назначения Златоуст сумел получить в своих печах, чтобы перечеркнуть десятки импортных рубрик, предрешить отказ советской индустрии от обременительных иностранных услуг.

Ударники-рабочие и специалисты Златоуста подобрали ключи к самым сокровенным секретам капиталистической техники, как сумели найти их и ВИЗ, и Надеждинск, и Лысьва. В нынешнем году страна не потратит ни одной валютной копейки на трансформаторное железо; технологию плавки и обработки трансформаторной стали победоносно освоила краснзнаменная визовская электропечь. Надеждинск справился с прокаткой трансформаторной и с производством осевой тракторной и других специальных сталей, Лысьва

дала стране высококачественный автолист. Вместе с Челябинским заводом ферросплавов уральская металлургия утверждается в отведенной ей роли XVI съезда роли всесоюзного поставщика авто-, авиа- и тракторостроения, становится одним из решающих рычагов индустриализации страны.

Было бы ошибкой думать, что в своем техническом росте Урал идет лишь путями расшифровки секретов капиталистической техники, путями перенесения ее, хотя бы и в невероятных для капитализма масштабах, на уральскую почву, путями большевистского овладения техникой передовых капиталистических стран. Да, мы отвоевываем и ставим на службу социалистической стройке технику сложнейших иностранных производств. Да, мы впитываем, критически перерабатываем, ценнейшие завоевания прикладной науки капитализма. Но в новую техническую базу уральской промышленности мы вкладываем и свою собственную, советскую социалистическую инициативу.

Крупнейшими научно-техническими победами отмечено рождение нового Урала. В Карабаше испытана и блестящие результаты дала неведомая миру идея плавки медных руд во взвешенном состоянии. Строители калийных шахт Соликамска, минуя громоздкие и дорогие заграничные способы проходки путем замораживания и цементирования, применяют совершенно новый метод глинизации.

Обработка необогащающихся хромитов на хромовые и алюминиевые соли, новый способ электролиза магнезита, брикетирование сернокислотных хвостов цветной металлургии, извлечение никеля из бедных руд, сухая набивка трепеловых кирпичей, получение пищевой соли из силвинитов, миксеризация шлаков – десятки творческих вкладов колоссальной народно-хозяйственной ценности внесла уральская научно-исследовательская мысль в сталинский фонд экономической независимости СССР. Эти победы закладывают в уральское хозяйство новые революционизирующие пружины, долаивают последние исторические хвосты азиатчины.

Наука повертывается лицом к востоку страны. Она получила на Урале мощную, крепнущую день за днем базу, выросшую со времени X областной конференции за счет десятков научно-исследовательских учреждений. В тесном сотрудничестве с лучшей частью работников науки уральские большевики выковывают кадры новой производственно-технической интеллигенции из людей рабочего класса. В технический комсостав предприятий входят, минуя высшую школу, вчерашние рядовые рабочие, прошедшие школу технических конференций, работающие бок о бок, рука в руку с деятелями науки при разрешении сложнейших технологических процессов. И десятки тысяч новых пролетарских командиров промышленности готовят уральские вузы, вузы, техникумы и рабфаки.

6 вузов и вузов имел Урал в 1929 г. и 4160 учащихся, а сейчас эти цифры поднялись до 27 и 13 380, и с 45 до 70 процентов выросла рабочая прослойка, обеспечивающая нас «такими командные и инженерно-технические силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть» (Сталин).

Выковывается новый Урал

Урал отмечен в свое время тов. Сталиным в качестве «такой комбинации богатств, какой нельзя найти ни в одной стране». Столетиями Урал отщипывал от своих запасов скудные крохи, держал свои естественные ресурсы в плену расточительного неведения и пренебрежения. Хозяйственная стратегия партии мобилизовала этот гигантский индустриальный резерв. Решения XVI съезда потребовали от уральских большевиков хозяйского обмера энергетической и сырьевой базы. За истекшие полтора года эта база выросла на миллиарды тонн угля, железных и медных руд, ценнейшего химического и строительного сырья.

С 1 миллиарда 600 миллионов до 2 миллиардов 500 миллионов тонн увеличились выявленные запасы Кизеловского бассейна и с 400 миллионов – до 1 миллиарда 400 миллионов – запасы Челябинского района. Нашупаны новые угольные месторождения огромной потенциальной мощи.

Железородный фонд вырос за счет дополнительных сотен миллионов тонн, выявленных геологоразведчиками в Алапаевске, Бакале, по титано-магнетитовой полосе и т. д.

Оконтуренные медно-рудные залежи поднялись с 134 до 200 тысяч тонн по Калате и с 137 до 404 тысяч тонн по Карабашу, с одновременным крупнейшим приростом по Левихе и Дегтярке.

Месторождение сарановских хромитов вместо прежних 1 миллиона 500 тысяч тонн исчисляется десятями миллионами тонн.

Новые запасы вольфрамитов, синячихинские, режевские и надеждинские бокситы, варненские антрациты, первоуральский тальк – грандиозные залегания минеральных богатств заприходованы Уралом в течение одного только 1931 года. Чуть ли не каждый день пополняет списки ископаемых Урала, перечень его производительных сырьевых ресурсов. И на основе полноценного использования этих ресурсов возникает, растет вторая шеренга социалистических гигантов – в Тагиле, в Салде, в Челябинске, Уфале, Губахе, Свердловске, призванных окончательно преобразить экономическую структуру Урала.

* * *

«Экономическая география СССР. Уральская область. О. А. Константинов. 1926 год. Москва».

Эту книжку, безнадежно устаревшую при всем ее скромном возрасте, надо перечитать, чтобы охватить всю реальность и безвозвратность исчезновения старого Урала. Карта 1926 года отражает сегодняшний Урал лишь линиями горных цепей, рек и озер. Белые пятна показывает карта там, где ныне стоят громады Березников, Вишерского комбината и Магнитогорка.

Книга сообщает об Урале, что он не имеет ни одного города со стотысячным населением, что Челябинск в промышленном отношении стоит ниже Шадринска и Тюмени. И еще: «Урал очень беден ископаемыми углями (по

Кизелу – 328 миллионов тонн), и тот каменный уголь, который встречается здесь, негоден для металлургии, ибо не поддается коксованию», «общая железорудная база Урала достигает 500 миллионов тонн», «Надеждинский завод является единственным гигантом на Урале», а сортамент металлургии исчерпывается чугуном, мартеновскими слитками, проволокой, кровельным и оцинкованным железом, гвоздями, белой жестью, посудой. «На крайнем Севере – первобытный хозяйственный строй» и т. д., и т. п.

Но нет нужды в очной ставке 1926 и 1932 годов. Всего 600 дней назад, к X областной партконференции, Урал имел совершенно иной экономический профиль. Основной смысл сдвигов, осуществленных за это время в нашем хозяйстве, сводится к тому, что старого Урала больше не существует. На былых пустырях воздвигнуты форты крупной машинной индустрии. В столетних цехах вызревает передовая техника. На слом, в отвалы истории идет ржавое наследство капитализма.

Вырос новый Урал, выросло в целом ряде его составных звеньев «крупное, технические передовое комбинированное хозяйство», чтобы самим фактом своего наличия рапортовать XVII всесоюзной конференции ВКП(б) о победах уральских большевиков в борьбе за генеральную линию партии, за экономическую независимость СССР, за социализм.

Курбатов Ф. Пора заняться благоустройством города // Сталинец. № 152 (372). 20 июня 1932 г.

О бурном росте городов советского Союза знает каждый. Города растут действительно бурно, строительство городов идет вперед действительно гигантскими шагами.

Теперь в советском Союзе нет ни одного более или менее значительного городка, даже районного масштаба, не говоря уже о крупных промышленных центрах, в котором бы не красовалось десяток-полтора новеньких, уже советских домов, выстроенных за период существования советской власти.

Города, да и не только города, а даже поселки, благоустраиваются: обрывают зелеными насаждениями, пыльные грязные улицы превращаются в чистенькие мостовые, по бокам улиц протягиваются асфальтовые тротуары, в дома тянутся трубы водопроводов, а вечером ярко вспыхивают электрические лампочки даже на окраинах города.

А в Сатке?

Увы. Сатка за период существования советской власти ни шагу не сделала вперед. Сатка даже отступает назад. В Сатке за 15 лет не построено ни одного дома за исключением бараков и пары домов на заводе «Магnezит». Сатка стареет.

Саткинский поселковый совет вместо того, чтобы изыскивать средства и возможности (а это сделать можно и нужно), махнул на все рукой и поплыл по течению. Даже больше, саткинский поселковый совет разбазаривает и имеющуюся жилплощадь в домах Сатки.

Предприятия и стройки имеют определенные фонды на новое жилищное строительство и постройку домов для рабочих. Но они, видите ли, считают более спокойным купить готовый домик и не возиться ни с рабочей силой, ни с заготовкой строительных материалов. Так они и делают. Например, завод «Магнезит» за период с ноября прошлого года по июнь текущего купил у частных Сатки 5 домов, уплатив за них 41 тысячу рублей, Магнезитстрой – купил три дома, уплатил 23 тысячи рублей. Несколько дней тому назад завод «Магнезит» купил у частного самый лучший дом в Сатке (каменный, рядом с почтой), уплатив за него 18 тысяч рублей.

Саткинский поссовет вместо того, чтобы решительно добиваться постройки предприятиями новых домов, «благословляет» эти сделки, помогая, таким образом, частнику обогащаться за счет государственных средств.

И не только в части строительства новых зданий, а и в других отраслях городского хозяйства Сатка идет не вперед, а назад.

Возьмем базар. И в самом деле, худшего состояния базара, чем в Сатке, встретить, особенно теперь, едва ли где можно. Вернее всего его – нет.

В сухую погоду на нашем базаре пыль, смешанная с навозом, клубом вьется над базаром. И здесь в этой пыли продают все: мясо, хлеб, муку, масло. В первую очередь, все это обильно пересыпано пылью. В случае эпидемии наш базар станет превосходнейшим рассадником заразных заболеваний.

Около базара столовая нарпита № 1. Казалось бы, соседство неплохое. Столовая должна была показывать образец чистоты. Но тут – наоборот. Столовая показывает образец неряшливости, образец антисанитарии. В сторону базара из столовой нередко выплескивают целые ушаты помоев, грязной воды. Кроме того, вокруг столовой громоздятся горы мусора и никто совершенно не подумает о том, чтобы этот мусор убрать.

А тротуары?.. Теперь даже в поселках уже нередко можно встретить хорошие тротуары и уж тем более зеленые насаждения.

А в Сатке?.. Ни того, ни другого. Тротуары в Сатке если кое-где и есть, то они служат только для того, чтобы в их провалинах случайный ночной прохожий лучше мог изуродовать себя. А зеленые насаждения? Скоро 15-я годовщина Октябрьской революции. А если сосчитать зеленые насаждения, посаженные саткинским комхозом, то едва ли придется по одной штуке на год. Испорчено же комхозом гораздо больше. Возьмем березовый садик над прудом. Говорят, что еще недавно он был прелестным, там были клумбы для цветов, было больше зелени. Одним словом, рабочий после работы мог зайти в этот садик, отдохнуть, подышать свежим воздухом. А теперь? Это не сад, а убежище для коз и уборная для мальчишек и ночных прохожих. Таково «творчество» саткинского комхоза.

Каждый город, пусть он очень незначительный – имеет городскую баню. А Сатка? Бани нет. Говорят, что строится городская баня. Известие, безусловно, приятное. Когда же баня будет готова? Ответ один – неизвестно...

Общественные колодцы. Водопровода в Сатке нет. И отсюда понятно, что колодцы должны занять самое «почетное» место. А у нас... Колодцы в самом безобразном состоянии. Засорены, загрязнены. Воду каждый берет своим ведром. И достаточно одного случая заболевания холерой, как эта зараза

через сутки охватит уже полгорода. А ведь так немудрено поставить водоразборные ведра, очистить колодцы и сделать к ним крышки.

Саткинский комхоз теперь поет одну заученную оппортунистическую песню: у нас урезали контингент, нам не дают хлеба, у нас нет рабочих и мы сделать ничего не можем.

Именно старая оппортунистическая песня. А в январе – марте контингент был, хлеб был? Что же сделал комхоз для улучшения состояния города? Ничего. Комхоз знал, что, например, колодцы нужно почистить, что свалку нужно закрывать, что базар нужно улучшить, что на кладбище надо иметь сторожа... знал, но ничего не сделал, хотя все это можно было сделать.

Саткинский комхоз Сатку тянет назад, к временам рабочего поселка, забывая, что Сатка быстро превращается в город, что в Сатке растет количество индустриальных рабочих. Надо решительно остановить комхозовское отступление. В части жилищной надо форсировать вопрос организации жилищных кооперативов, которые быстрее смогут развернуть новое жилищное строительство. Райисполкому надо крепко заняться вопросом благоустройства города, добиться устранения всех недостатков, как то: на базаре, свалка. общественные колодцы и т. д., могущие стать очагами распространения эпидемических заболеваний.

Сатку надо сделать городом и сделать это возможно скорей.

Воскоьян. ...Но это только начало! // Уральский рабочий. № 296 (3530). 26 декабря 1933 г.

Вы хотите знать, как мы строили социалистический город тракторного?

Если говорить коротко, то главное, к чему мы стремились – это создать такую обстановку за заводскими воротами, которая бы на каждом шагу прививала гражданам нового города чувство отвращения к малейшему грязному пятнышку, ко всякому неряшеству и, я сказал бы, к некрасивому в личном быту а, следовательно, и на производстве. Мы стремились создать жилище, достойное той великолепной техники, которой оснащены цеха ЧТЗ.

Начали мы с разоблачения и устранения старого руководства жилищно-бытовым строительством, забывавшего о том, для кого они строят новый город, пытавшегося сохранить на строительстве социалистического города методы старорежимного подрядчика.

Но это давно и бесповоротно закрытая страница истории соцгородка. Сейчас мы сумели воспитать большинство наших рабочих и ИТР в сознании необходимости строить не для того, чтобы «невзирая на недоделки» спихнуть с рук очередной «объект», а для того, чтобы хорошо и удобно жилое людям, производящим «сталинцы». Приучать людей к этому стилю работы пришлось кропотливо и настойчиво. Учили так: бригада плотника Уткина уложила балки прямо в дымоходы, дому грозил пожар. Мы привели бригаду

на место, показывали, объясняли. На техническом кружке разбирали, учили и... заставляли переделывать.

Бригада плотников Орешкина неправильно установила оконные и дверные коробки. На техкружке обрисовали, как сделать и... заставляли переделывать.

Мы заставили переделать несколько десятков тысяч метров столярных работ, мы учили и наказывали людей, но своего добились: все дома, построенные в 1933 году и строящиеся сейчас, доделаны и доделываются до конца, до последнего гвоздика, до мелочей. Мы исправили тысячи недоделок в ранее построенных домах. На отделку комнат мы мобилизовали всю изобретательности и вкус ИТР и рабочих-маляров.

И посмотрите сейчас соцгородок тракторного! Как широки его улицы, как белы и ровны его стены, как хороша будет весной нежная зеленая опушка на деревьях, посаженных вдоль асфальтовой дорожки, которая ведет вас к самому подъезду. Общая архитектурная компактность организывает вас, подтягивает, заставляет взглянуть на идущего рядом с вами соседа, на то, как он одет, взглянуть на ваши ботинки – вычищены ли они.

Наша ближайшая цель достигнута. Но это только начало.

К 40 выстроенным домам нам надо добавить еще столько же, еще один клуб-театр, еще одну баню, еще, еще и еще много прекрасных зданий, тысячи метров водопроводных, канализационных, отопительных труб, миллионы квадратных и кубических метров кладки, стекла, бетона, дерева... Мы имеем опыт и безграничные возможности. Ибо безграничны перспективы роста Челябинска и его спутников – молодого, буyno растущего социалистического центра.

*ВОСКОНЬЯН – инженер жилищно-бытового строительства
Челябинского тракторного завода*

Мейсахович. Проектирование соцгорода под контроль строителей Вагоногиганта // Вагоногигант. 10 февраля 1934 г.

Окончательно решен вопрос, что соцгород Уралвагонстроя не будет являться самостоятельным городом, а включается в схему роста города Новый Тагил.

Динамичность роста нашего соцгорода иная, чем развитие старых городов, и основное отличие – это полное обобществление быта в соцгороде. Город проектируется строить отдельными кварталами с количеством населения от четырех до шести тысяч человек в каждом.

Группа домов с населением в полторы тысячи человек составляет комплекс, который снабжен детскими яслями, детским садом и столовой. Несколько жилищных комплексов, которые объединяются в кварталы, органически между собой связаны широкими улицами с механическим транспортом. Каждый квартал в отдельности обслуживается здесь же расположенными школами, механизированной прачечной, универсамом и т. д. В квартале предусматриваются зеленые насаждения с физкультурными пло-

щадками. При решении плана домов взята установка на отдельные квартиры. Каждая квартира будет иметь ванную комнату, уборную, кладовую, вделанные в стены шкафы, водопровод, электричество и т. д. Все склады – для топлива, хозяйственной утвари и т. д. – предусмотрены в подпольных этажах. Здания будут строиться трех-, четырех- и пятиэтажные.

Такова характеристика будущего соцгорода вагонного завода к положению проектом на сегодняшний день.

Схемы кварталов всего города до сих пор не имеется. Намечены лишь пятый и шестой кварталы. Отсутствие планировки города не дает полного освоения площадки для строительных работ. Главное же то, что вопросами канализации и водопровода конкретно никто не занимается. А важность этих вопросов, влияющих на окончательный выбор метода организации строительных работ (например, прокладка транспортных магистралей по намеченным улицам), огромна.

Подходя к вопросу решения архитектурной композиции кварталов, нужно отметить, что Горстройпроект проявил здесь много творческой инициативы. Он избежал скучного расположения домов торцами зданий в одну линию и подошел к вопросу проектирования города более обдуманно, более архитектурно.

Но нужно также отметить, что поставленную задачу архитекторам полностью разрешить не удалось. Например, проектируя жилой комплекс буквой «П», «Л», создав прекрасную перспективу, помещают на этой же площади столовую и ясли, которые закрывают всю перспективу, а вследствие разности высот здания столовая кажется приплюснутым блином. Плохо и то, что размеры некоторых улиц запроектированы недостаточно широкими и подъезд пожарных машин к некоторым домам становится затруднительным.

В целом же квартал представляет из себя так называемое «архитектурное пятно», которое нужно считать за достижение Горстройпроекта, хотя и имеются ошибки, которые при решении остальных кварталов должны быть учтены. Решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР о перестройке архитектурных организаций имеет яркое отражение в работе Горстройпроекта. В проектируемых фасадах новых зданий уже нет той упрощенческой формы, которая преобладала раньше.

Горстройпроект дает чертежи на стройку с большим опозданием. Если раньше это было терпимо до сих пор, то сейчас, когда по-настоящему разворачивается строительство соцгорода, рабочие чертежи необходимы каждый час, каждую минуту. Надо немедленно приступить к разработке рабочих чертежей и привезти архитекторов из города на площадку для создания тесной связи между ними и строителями, чего на сегодняшний день мы не имеем.

Проект – это план, без которого нельзя построить красивый город, отвечающего всем запросам трудящихся. Без хорошего проекта не может быть хорошего города. И поэтому необходимо по-новому поставить дело проектирования, поднять в первую очередь творческую инициативу рабочих и инженерно-технического персонала.

Проектирование соцгорода должно быть взято под неослабный общественный контроль.

Старший архитектор соцгорода Мейсахович

Пуцилло С. Прыжок в будущее // Ударник. № 298 (2700). 28 декабря 1934 г.

Поезд подходит к перрону. Большой, оборудованный по последнему слову техники вокзал.

Автобус уже ждет пассажиров у сквера, разбитого перед вокзалом. Через десять минут он доставляет вас на Чуртан.

Чуртан. Как изменился он за истекший год, благоустроился. Дома радиофицированы. В связи с постройкой автоматической телефонной станции в квартирах лучших ударников установлены телефоны.

С балкона одной из таких квартир я видел растущий город.

Много новых, многоэтажных жилых домов появилось на Чуртане. Построена поликлиника, выстроено здание тубдиспансера, медтехникума, совпартшколы, центральной библиотеки. Начато строительство огромного здания, где будет Дом Советов.

В нижних этажах домов открыты культурные магазины. В зеркальных окнах их видны выставки самых разнообразных продуктов и товаров широкого потребления. Здесь фрукты, молочные, мясорыбные продукты, кондитерские и другие изделия. Готовое платье, мануфактура и предметы домашнего обихода. Магазин Точмаша и «Гастроном» на Ждановских полях. Организована продажа мебели, которую еще год тому назад нельзя было найти в городе. Деревянные склады снабжают трудящихся топливом с доставкой его на дом.

Озелененные улицы, покрытые асфальтом, полны жизни. Легковые авто обгоняют конные запряжки и пешеходов. Милиционер в белых перчатках регулирует движение.

Много нового появилось в городе за год, всего не увидишь с балкона.

* * *

Новенький трамвай бойко мчит вас на промплощадку химкомбината. Цеха аммиачного завода уже без разделения на первую и вторую очередь высятся вдалеке.

Шоссе, соединяющее Чуртан с промплощадкой, расширено и замощено. Много построек выросло по обеим сторонам его. И если бы не защитная зеленая зона, комбинат слился бы с Чуртаном.

Но вот и площадка. Отсюда уже на автобусе едем к перевозной переправе через Каму.

Перевоз теперь не то, что раньше. Два парома беспрерывно курсируют от берега к берегу. Через десять минут мы уже на усольской стороне, а там по широкому, хорошо устроенному на песке настилу, автобус мчит в Усолье – самую населенную рабочую окраину города.

* * *

В Усолье новые тротуары на всех улицах. Разбиты скверы, бульвары, ночью освещаемые ярким светом электрофонарей. Электричество завоевало окраины, появилось в каждом, даже самом небольшом домике.

Усолье благоустраивается. Построена хорошая, вместительная баня. Открыты новые магазины, в том числе «Гастроном». Старую пивную заменило культурное рабочее кафе, где недорого можно закусить, где вместо пива или вина вам подадут молоко, кефир, кумыс, чай или какао.

Растет Усолье и в промышленном отношении. На базе камских песков здесь построен большой стекольный завод, который будет снабжать всю промышленность района.

* * *

Сегодня выходной день, а до вечера еще далеко. Отправляемся на стадион. Здесь, как всегда, много народу. Стадион – большое завоевание физкультурников города, вокруг которого развернута значительная работа. Только за один последний год 1000 трудящихся сдали нормы на значок «Готов к труду и обороне».

Построена парашютная вышка, с помощью которой подготовлено 2000 парашютистов. Строится аэродром. Стрелковые тиры на Чуртане и в Усолье дали возможность выпустить больше 3000 ворошиловских стрелков. На крупных заводах, на Чуртане, в Усолье и Ленве созданы военно-санитарные дружины.

И радостно смотреть на загорелую молодежь Березников, готовящую себя к труду и обороне.

Да не только молодежь. Тут много пожилых работников и подрастающей детворы. Она учится и крепнет физически, разумно использует свой отдых.

Хорошо стало учиться малышам. Все они ходят теперь в школу только с утра, занятия производятся в одну смену. Для обслуживания учащихся открыты детские магазины культтоваров в Усолье и на Чуртане, магазин детских игрушек. Работает постоянный пионерский лагерь на 1000 человек, детский пионерский клуб. Увеличилась сеть детских садов.

В Усолье и на Чуртане специальные кухни готовят детские обеды. При кухнях открыты детские столовые.

* * *

Вечер. Город залит морем электрических огней. Где провести время? Можно на автобусе или трамвае отправиться в Дворец культуры, цирк, звуковое кино.

И не только вы, жители города, можете пользоваться обслуживанием этих культурных учреждений. Это доступно и колхозникам близлежащих колхозов. После спектакля, сеанса в звуковом кино или представления в цирке колхозник может хорошо отдохнуть, переночевав в Усольском доме колхозника, заново переоборудованном, или его филиале – на Чуртанском колхозном базаре.

* * *

Бурно растет новый промышленный центр Урала. А вокруг него развиваются колхозы, крепнут пригородные хозяйства промышленных предприя-

тий, с которыми его связывают дороги. На них уже не вязнут в грязи лошади, не ломаются телеги. В частности, приведена в порядок дорога на Пыскор, где раньше была непролазная грязь. Дорога эта имеет большое значение, на ней расположены пригородные хозяйства химкомбината, она ведет в сельсоветы района деятельности Березовской МТС.

А недалеко от города, на живописном берегу Камы, в сосновом бору рождается здравница района – соляной курорт. Там же строится дом отдыха химиков, так как старый Огурдинский дом уже далеко не удовлетворяет запросам.

Быстроходные водные трамваи, регулярно курсирующие от Соликамска до Орла, дают возможность не только хорошо поддерживать связь с окрестностями, но и в выходной отправиться всей семьей отдохнуть за город, в лес, на Каму.

* * *

Таким должен быть город Березники к концу 1935 года, чего требуют пролетарии города в наказе, данном новому составу городского совета. Пока же это только прыжок в будущее.

Цифринович Е. В. Дать решительный бой остаткам грязи, невежества и бескультурия // Ударник. № 91 (2793). 21 апреля 1935 г.

Из выступления тов. Цифриновича на общерудничной конференции домашних хозяек 13 апреля 1935 г.

Мы хотим сегодня откровенно поговорить с вами о том, чем вы должны нам помочь, чтобы наши жилища были чистыми, около жилищ и на наших улицах было благоустроено.

В борьбе за чистоту и культуру, за уют – большую решающую роль должны сыграть женщины. Надо создать такую общественно-политическую обстановку вокруг этого дела, чтобы тех, которые живут в грязи и хотят так жить дальше, высмеивать всем честным народом, чтобы весь наш калийный народ знал, что в такой-то квартире такая-то хозяйка живет в грязи и ей нравится эта грязь. Может быть, это подействует. Если не подействует, мы пойдем даже на то, чтобы их с нашего поселка, с нашего рудника выселить.

Мы с вами построили прекрасное предприятие, поставили новые машины, хотим, чтобы эти машины хорошо работали и учим наших рабочих, что за машинами надо ухаживать, держать их чистыми и смазанными. А как же рабочий может ухаживать за машиной, если он в своей комнате не умеет навести чистоту? И такие рабочие не нужны на предприятии, потому что я не могу им доверить культурный агрегат, машину, так как они наверняка запоганят ее и запортят. Если бы они культурно обставили свой быт, свою комнату, тогда бы и на производстве работали по-другому и, наоборот, работая культурно на производстве, могли бы культурно вести и свой досуг. Я думаю,

что у т. т. Душкиной, Колесниковой, Иртеневой и у других наших ударников производства, у которых около машины каждый уголок сверкает, и в квартирах не хуже. Пусть наши некоторые домашние хозяйки и жены не сердятся на нас, если мы их мужей возьмем в работу и им за это достанется.

Мы создадим такую общественно-политическую обстановку, чтобы наши комсомольцы не ухаживали за комсомолками, которые живут в грязных домах и ничего не делают для того, чтобы эти дома сделать чистыми, передовыми, образцовыми, чтобы наши комсомольцы в эти дома не ходили. И наоборот, чтобы наши комсомолки не ухаживали и не позволяли ухаживать за собой тем комсомольцам, которые живут в домах, где грязно, заплесано и ничего не делают, чтобы навести порядок.

Больше внимания мелочам

Нужно вытравить из нашего быта весь старый хлам, старую грязь, невежество и бескультурие. Мы хотим в этом году чтобы целый ряд наших площадей – как Комсомольская площадь, как площадь около 24-х квартирных домов, как ряд улиц – были благоустроенными, чтобы там были тротуары, разбиты цветники, чтобы летом улицы подметались, не было бы пыли. Все это направлено к тому, чтобы жизнь наша была лучше, культурнее, а тогда и производственные задачи будут у нас решаться лучше. Рабочий, отдохнув в чистой квартире, в чистой постели – станет работать производительнее. Вот почему мы все – директор, председатель горсовета, секретарь партийного комитета и председатель рудкома, все «высшее» начальство, какое есть в Соликамске – занялись такими, казалось бы, мелкими вопросами, как клопами, тараканами, навозом, уборными и всякими прочими вещами. Я знаю, что есть обыватели, которые скажут: чего они суетятся, лезут в такие дела, неужели у них нет дел поважнее, покрупнее? Люди, которые так рассуждают, ничего не понимают в задачах нашего социалистического строительства.

Именно сила нашей большевистской партии состоит в том, что мы, большевики, не чуждаемся занятием и самыми мелкими делами, если это связано с условием культурно-бытовых условий рабочих.

Наш великий вождь товарищ Сталин, который занят решением крупнейших проблем международной пролетарской революции, социалистического строительства, сидя в Москве, прекрасно знает, как у нас идет дело, и он сказал нашим большевикам Свердловской области: вы имеете крупные успехи, вы построили Уралмаш, Березниковский химический комбинат, калийный комбинат, а вот по культурным вопросам вы, свердловские большевики, отстали. Можете ли вы, свердловские большевики, справиться с этим делом? Я думаю, что можете, раз могли построить Уралмаш, Березниковский комбинат и др. Можете справиться, если поймете, захотите и займетесь этим делом, засучив рукава, как подобает большевикам.

У нас тоже до последнего времени профсоюзники и хозяйственники о культуре и быте больше разговаривали, выносили резолюции, а теперь, когда занялись вплотную сами, выступили просто как чернорабочие, мы имеем целый ряд крупных успехов.

Почетные люди

Тов. Просвирнину (заведующему комбытсектором) часто доставалось, и за дело, потому что он медленно поворачивался. Сейчас он перестроился, стал в почете, и ему лучше работать, потому что уже сегодня он мне, как директору, может дать справку, где, в каком доме чисто, где кто борется за чистоту, а кто мешает, тормозит; в какой срок в каком доме мы добьемся соответствующих успехов. А нашего коменданта Петухова, комендантов общежитий энергетиков, строителей и т. д., уборщиц – кто их раньше знал? Работали они, считая свою работу не особенно почетной. Вот, дескать, кто работает в горном цехе, на химфабрике, тем почет и уважение. А теперь – это у нас почетные, знатные люди, именно те уборщицы и коменданты, которые поняли, что работают на важнейшем участке социалистического строительства, борются за чистоту и т. д.

Я недавно был в общежитии энергетиков и должен сказать следующее. У нас иногда думают: вот организовали образцовое общежитие! Но ведь сегодня может быть чисто, а завтра, если не подмели, и образцовое общежитие – не образцовое. И мне кажется, что там люди немножко увлеклись своей образцовостью, думают, что теперь могут не подметать, пыль не вытирать, что образцовость будет закреплена за ними. Нет, не выйдет. Если вы хотите считаться образцовыми – это знает, надо каждый день следить за чистотой, подметать, вытирать пыль, мыть пол и пр.

Мы вовлекли в это дело жен рабочих. Вот сегодня перед нами выступали т. т. Лебедева, Завьялова, Кропачева. У меня тут есть целый список товарищей, которые хорошо нам помогают. Почет им и уважение.

Мы сейчас, как вы знаете, проводим конкурс. Я распорядился приобрести подарки: патефоны, швейную машину, библиотечку для тех домов, в которых будет больше чистоты, порядка и т. д. Но дело не только в подарках, премиях, а в том, чтобы действительно всех убедить, организовать, повести за собой в борьбе за чистоту и культурный быт.

По совету тов. Орджоникидзе – нашего наркома – мы вовлекли жен инженерно-технических работников. Одним словом, мобилизовали все наши силы, ресурсы, и увидели, что обладаем огромнейшими источниками человеческого материала, который при правильной организации может дать блестящие результаты в том, чтобы наладить дело.

Вот почему, товарищи, мы решили, что самой лучшей подготовкой к первомайскому празднику будет подготовка именно начиная с домов, квартир и около домов. Думать, что ознаменование наших пролетарских праздников можно ограничить только торжественным собранием – неправильно, надо добиться того, чтобы наши праздники, имеющие огромное воспитательное и международное значение, чувствовали на убранстве каждой нашей комнаты, каждой квартиры, чтобы каждый угол, каждая улица блестели чистотой.

Возьмемся за дело по-настоящему

Имея такой актив, как мы можем наиболее полно прощупать наши недостатки в обслуживании, торговле, детской консультации и т. д. Мы сможем нашу пать болезненные явления, еще имеющиеся в быту отдельных семей.

На днях тов. Заразилов присутствовал у меня в кабинете, когда один рабочий, я не буду называть фамилии, пришел выпивши с ордером на получение 300 рублей. Кассир ему выписал 200 рублей, а он пришел ко мне, чтобы получить все 300 рублей. Я его позвал и спрашиваю, зачем тебе сегодня 300 рублей, он говорит: я должен сегодня получить и обязательно пропить. А у этого рабочего 5 человек детей. Я ему говорю: «Нет, денег я тебе не дам сегодня не только 200 рублей, но ни копейки, иди домой, я пошлю за твоей женой». Вызвал жену и оказалось, что ребятишки раздеты и если не проследить его, не встретит с поучкой, значит, он всю спустит. На другой этот рабочий, трезвый, наверное, сам был благодарен, что мы деньги у него отобрали и отдали семье, и жена на эти 300 рублей припасет что-нибудь к празднику.

Должны ли мы вмешиваться в такие семейные дела? Я думаю, что должны. Если мы не вмешаемся – сплошь и рядом могут происходить явления подобного рода, которые станут разедать рабочую семью, приводить к тому, что формально как будто бы женщина свободна, а по существу продолжает жить так же, как жила 20–30 лет назад: напьется муж, избьет ее, ребятишек, и есть нечего. Если мы свяжемся крепче с вами, с домашними хозяйками, нашим профсоюзом, партийной организацией, мы сумеем выкорчевать такие явления.

У нас есть клуб горняков. Мне рассказывают, что не часто домашние хозяйки – жены наших рабочих – ходят сюда. В чем дело? Давайте обсудим вместе с вами – как лучше организовать культурный быт, как лучше вас обслужить. Вы читали в газетах, как жены начальствующего состава Красной Армии организуют физкультурные бригады. Можем мы у нас на поселке это сделать? Можем и должны.

Давайте же организуем так, чтобы при помощи наших профсоюзов, во главе с нашей партийной организацией дать бой остаткам грязи, нищеты, невежества и бескультурия и положить начало разумной, культурной, творческой жизни, как полагается хозяевам новой жизни, социалистическим строителям. (Аплодисменты).

Комаровский С. Требуется оперативное вмешательство // Вагоногигант. № 290 (728). 18 декабря 1935 г.

Недавно в «Вагоногиганте» появился ряд материалов о каменном строительстве. Участок этот настолько болен и настолько требуется коренное изменение создавшегося положения, что напечатанное далеко не охватывает всего, что нужно поставить под контроль общественности. В этой статье мы собираемся дать еще несколько штрихов, характеризующих качество технического руководства на каменном строительстве.

Посмотрим, что происходит на домах №№ 1, 2, 3, 4. Почти все полы в этих домах перестлаивались по два раза, переделывались все переплеты. По многу раз переделывались кухонные очаги и печи, отваливались железобетонные балконы, штукатурка и т. д. Ход строительства домов № 5 и 6 не более отраден. В

доме № 4 еще до покрытия кровлей разрушились (раздавились под действием нагрузки) все простенки первого этажа, которые сложены были из трепельного кирпича, треснули сверху донизу поперечные капитальные стены, железобетонные перекрытия заложены не на месте – на 30 сантиметров выше отметки.

В доме № 6 отвалились все железобетонные балконы. В доме дирекции переделывалось все, за исключением стен. Но теперь и до них дошла очередь. Стены два года поливались дождем и большая часть трепельной кладки приходит в негодность.

Дом № 7 строится еще хуже. В нем треснули простенки из красного кирпича, железо-кирпичные перемычки развалились, фундаменты дали трещины. Этот далеко не исчерпывающий всего перечень переделок и брака достаточно характеризует качество технического руководства и людей, осуществлявших его.

Тов. Манохин – начальник участка – еще будучи начальником технического отдела, завел порядок, при котором все проекты, не задерживаясь, попадают непосредственно прорабу, фигуре, о которой говорили и писали достаточно. Чаще всего это человек, закончивший техникум и выполняющий на участке буквально все обязанности, которые связаны с продвижением стройки и ответственностью. Нам кажется, что на участке не существует ни одного документа, виза на котором влечет ответственность, или чертежа, визированного самим начальником участка тов. Манохиным. По крайней мере нам, работникам каменного строительства, такие документы неизвестны.

Отсюда все качества. Отсюда разрушение еще не достроенных домов, балки перекрытий, опирающиеся на печи и т. д.

Такое большое количество брака, простоя, нецелесообразное использование рабочей силы неминуемо должны были сказаться на стоимости строительства. Мы приведем несколько цифр: на дом № 1, сметная стоимость которого равна 372 900 рублей, затрачено 744 837 руб. На дом № 2 затрачено 611 857 руб. (перерасход 239 тыс. рублей). Перерасход по дому № 5, который готов только наполовину, уже превышает 303 тыс. руб., а на дом № 6, техническая готовность которого 62 процента, перерасходовали против сметы 514 тыс. рублей. Такова картина и по остальным домам.

Уже из написанного вырисовывается безобразное положение участка каменного строительства. Нам представляется совершенно необходимым оперативное вмешательство начальника строительства т. Марьясина и главного инженера т. Дмитриева. Участок надо вытащить из позорного провала. Это настоятельно диктуют события настоящего дня.

Ханин Д. День // Уральский рабочий. № 1 (6731). 1 января 1936 г.

Рано утром секретарь райкома записывает в тетрадь: через четыре дня кружок райактива, тема – Китай, достать и прочесть «Советы в Китае», резолюцию второго съезда китайских советов, речь Сталина, Ван Мина, подо-

брать статьи в «Большевике», хорошо бы достать биографии Мао Цзэдуна и Чжу Дэ.

...В райкоме секретаря ждал Соболев, один из первых стахановцев в районе. Работая каменщиком на стройке Стальмоста, он первый показал отсталость технических норм. Теперь завод пускают. Соболева перевели на эксплуатацию, он работает клепальщиком и уже дает полторы – две нормы. Но этого мало. Он жалуется:

– В цехе холодно, воздухопровод замерзает. А то дал бы три и четыре нормы. Отопление бы пустили. Или пусть придумают, как быстро отогреть воздухопровод.

Соболев говорит о самом тяжелом и больном. Построен и полностью готов завод, стоят в светлых корпусах чудесные машины. Они сами подсчитывают, размечают, захватывают металл и обрабатывают его. А вот пустить машины нельзя, холодно: все есть – и котельная, и трубы, и calorиферы, а моторов нет – полтора моторов – нельзя дать тепло в цеха.

– Знаешь что, – говорит секретарь, – давай вместе с директором напишем наркому, не может быть, чтоб из-за моторов не пустили такой завод.

Соболев рад. Соболев согласен. Он видел наркома в прошлом году. Тогда в цехах были горы земли и на них росла трава. Нарком разработал план, назначил людей и через год завод готов. Нарком узнает – поможет. Соболев прощается:

– Постой, – останавливает его секретарь, – ты со своей партгруппой ходил в театр смотреть «Платона Кречета»?

Соболев мнется. Он – парторг в своем цехе, но, увлекаясь технологией производства, упускает массовую работу. Нет, не ходил. Не любит ходить в театр. Не пойдут, если и позовешь. Да и некогда.

– Вздор, любят. Год назад старики-салдинцы отговаривали нас создавать театр: не пойдет рабочий, медведя дрессированного привезут – все пойдут. А вот существует театр год, и ходят. Да еще как ходят! Если ни в театр, ни в школу, ни в кино, что он зимним вечером будет делать? Пить? Или в карты играть?

Соболеву приходится выслушать: мы создали три звуковых кино, театр – для чего? Чтобы сломить старый жизненный уклад. Кругом нас тайга, болота, а мы, мы хотим жить по-социалистически! Учить людей надо новой жизни.

Беседа грозит затянуться, но к секретарю настойчиво просятся три женщины. Они домохозяйки. Обследовали новый детский сад. Безобразия. Построили прекрасный детский сад, а молока не хватает, полотенец тоже, халатов тоже мало. Безобразия!

– А вы в райисполкоме не были?

Нет, они не были, туда они не ходили, они уж прямо к секретарю.

– Зря не ходили, пойдите именно туда.

Секретарь звонит председателю рика. – Шаврин? Вот тут женщины жалуются, что в новом детском саду старые порядки. Они правы, сейчас придут к тебе.

Женщины собираются уходить, но секретарь задерживает их.

– У нас не один детский сад новый. У нас четыре новых школы в этой году построили. Школы хорошие – не чета старым земским. А вот порядка в них мало, не приучены еще ни учителя, ни ребята по-новому. Все нороят по старинке: пальто – навалом, по стенкам мажут. Раз уж вы помогли на с детским садом, может, и со школами поможете? Пойдите помогите нам навести в них порядок. А то, черт ее знает. Стоит большая, светлая каменная школа, и боишься, что через год-другой ее от старой не отличишь.

Женщины пойдут. Они прощаются довольные. Они чувствуют себя силой. С ними считаются. У них просят помощи. Они помогут.

Вслед за ними входит сухонький, необычайно моложавый старичок, бритый, с прямыми, словно нафабранными усами. Секретарь настораживается: он хорошо знает старичка. Во время проверки партдокументов тот был разоблачен как бывший полицейский и выброшен из партии. Три старых партийца и красных партизана подтвердили это. И все же старичок ходит, убеждает, упрасивает. Секретарь знает, почему он ходит: как бывшего полицейского его снимут с пенсии. И он ловит секретаря повсюду: на улице, в клубе, в райкоме, уговаривает, убеждает, клянцется.

И сейчас старичок начинает убеждать:

– Не служил я в полиции. Поклеп на меня. Ну, чем уверить еще вас?

И вдруг, к ужасу секретаря, старичок хочет опуститься на колени. Все сомнения, если они были, погасли.

Старичок, поняв, что промахнулся, уходит. Секретарь читает телеграммы и письма:

– Засыпка семян в вашем районе... Да, в этом деле маху дали, упустили момент, теперь приходится наверстывать тройными усилиями. И наверстывать надо партийной работой.

Одну телеграмму секретарь перечитывает несколько раз. Району утверждена МТС. Двадцать пять тракторов и пять комбайнов. Небольшая, конечно, но и сельское хозяйство в районе невелико. Секретарь обдумывает, как бы заполучить тракторы до весны. Нужен директор. Брюханчиков? Волевой человек, пожалуй, подойдет. Надо поставить на бюро.

Секретарь собирается ехать на Стальмост. Станки уже вертятся на этом новом заводе, несмотря на холод. В этом месяце выполняют первый заказ. Но у автомобиля секретаря захватывает молодая девушка – руководительница недавно открытого дома коммунистического воспитания детей. Она жалуется.

– Дом открыли? Открыли. Дети валом валят? Валят. Фото-кружки создали? Создали. Радио? Создали. Планерный? Создали. Литературный? Создали. Струнный оркестр? Создали. А рик денег не дает, а хозяйственники жмутся, инструмента не дают и никто не помогает. Библиотеку детскую создали, а книг – кот наплакал. Первая парашютная вышка в районе – и с той детям не дают прыгать.

– Поедем со мной, – приглашает секретарь. По дороге он расспрашивает ее о каникулах. Как готовятся? Есть ли план?

– Есть. Лыжные вылазки. Детская спартакиада. Вечер детской самодеятельности – первый раз дети весело будут праздновать.

В кабинете директора секретарь оставляет свою спутницу: она хорошая девушка, большим и полезным делом занята. Помогите ей. Директор кричит. Он знает эту девушку, не раз он ускользал от нее. На этот раз не отвертись, придется дать кое-что. А девушка уж вытаскивает список. Ей нужны для детской технической станции пилы, плоскогубцы, фанера, гвозди, и еще, и еще! Может, лучше немного денег дать, умоляет директор.

Секретарь идет по цехам. Он любит станками, он относится к ним, как к умным, одушевленным существам. Вот «спейсера», машины-инженеры, как зовут их здесь, вот «шеппинги», огромные продольные строгальные станки, точные токарные, маленькие револьверные, секретарь осматривает, чисто ли, смазано ли. Эх, тепло бы сюда, как забила бы здесь жизнь!

В механическом цехе он останавливается возле высокого фрезеровщика, парторга цеха. Тот фрезерует сверло. Секретарь присматривается – работа погонная, главное – настройка, можно сразу на двух станках работать. Парторг соглашается. Пустив станок на самоход, он беседует с секретарем. Из семи коммунистов в цехе только четыре стахановца. Двое пропустили в последний раз учебу. Парторг оправдывается – он новый работник, учится еще, и с ним нужна долгая беседа о партийной работе, о вкусе к ней.

После завода секретарь идет по поселку. Сорок девять деревянных двухэтажных дома недавно приведены в порядок, покрашены, утеплены, к ним подводятся водопровод и канализация. Но в новых домах старое барахло. Табуретки, а не стулья, плохие кровати, неудобные громоздкие столы и шкафы. Мебелью надо торговать, люди зарабатывают по-стахановски и уж думают не о продуктах, а о мебели, патефоне, радио, мотоцикле и часто о пианино.

У одного из домов секретаря останавливает немолодая женщина, вся обсыпанная известью.

– Кончаем, – кричит она издали.

– Что кончаем, Марья Андреевна?

– Последнюю больницу приводим в порядок.

Секретарь дружески здоровается с заведующей здравотделом. Знакомство с ней началось со ссоры. Год назад клопы и тараканы поедом ели больных. Слежавшиеся матрацы на плохих шатающихся кроватях.

На бюро райкома заслушали зав. райздрава. Ей объявили строгий выговор и дали ей план оздоровления больниц. Она закатила истерику. Выговора вы мастера объявлять, а вот как помогать – тут вас нет. Но на второй же день с неслыханной энергией взялась на больницы.

И месяц за месяцем, одна за другой больницы и амбулатории принимали другой вид. Стены заиграли масляными красками, появились новая мебель, посуда, кровати, белье, халаты, ванны и души. Ей мешал всякий, кому не лень. Прокурор подозрительно запрашивал – откуда деньги берутся. Облздрав присылал инспекторов. А она строила, ремонтировала, покупала, летом открыла в районе детский санаторий и пропустила за лето через него 70 детей.

– Нет, Марья Андреевна, – говорит секретарь, – до конца еще далеко.

– А что?

– Надо рентген добыть. Не посылать же вечно людей в Тагил за снимками. Надо автомобили получить – иметь кареты скорой помощи. А самое главное, надо создать районную водолечебницу.

Д-да! Об отдыхе придется забыть. Они прощаются. Ссора давно забыта. Дружба установилась между этими людьми.

У звукового кино строит группа колхозников. Они собрались просмотреть «Крестьяне». Секретарь беседует с одним из них – председателем колхоза. Тот в чем-то убеждает секретаря, наконец, вытаскивает тетрадку и читает по ней.

– За 11 месяцев в колхозах выросло: лошадей на 13%, коров – на 25%, свиней – на 65% и овец – на 150%. Только 6,5% колхозников не имеют коров, да и те в три-четыре месяца получают. Колхозники стали получать за трудодни английских поросят. В Пряничниковском колхозе у каждого колхозника корова и свинья. А кормов не хватает. Клевер надо снять, клевер и вику. И землю лучшим, и корм добудем.

Секретарь возвращается в райком, так уже ждут его вызванные люди.

Так вот, о плане подъема урожайности. Все основано на помощи извне: завезти машины, завезти удобрения и дорого, и государству накладно. В районе есть торф – его надо использовать. Только земли у нас кислые – вместе с торфом обязательно вводить известь. Потом на полях после газоочистки остается пыль, в ней есть фосфор и калийные соли. Нельзя ее использовать?

Секретарь заводского парткома рассказывает, как готовится собрание сочувствующих. Плохо готовится, по-старинке. Сам секретарь с сочувствующими не побеседовал, на квартирах не побывал, не выяснил, кто и как учится и работает. Отложите на пару дней собрания, зато подготовьтесь лучше.

...Вечером секретарь проверяет пропагандистов. В тетрадь подробно записываются результаты проверки, чтобы доложить их бюро райкома.

– Крылов, инженер, руководит кружком по ленинизму. Готовится тщательно, но почти исключительно по хрестоматии, полностью Ленина не читает. Конспекты разрабатывает подробно, обстоятельно и очень грамотно. Историю партии знает нетвердо. Пусть через месяц сдаст зачет лично секретарю.

– Винокуров – добросовестный, но мало знающий. Конспекты не систематизированы. Кружком истории партии никак руководить не может, но для начальной школы подойдет, только помогать надо.

– Ленков. В прошлом году окончил областные курсы марксизма. Учился слабо. После курсов ничего не читал, все позабыл, путает, руководить не может.

...Поздно вечером секретарь возвращается домой. Он заходит в недавно открытый магазин «Гастроном» и покупает пару яблок и конфет младшему сыну. Парнишка обижается: вечно папка с пустыми руками приходит. Улицы освещены электричеством. В голове роем проносятся мысли о жизни, о счастье, о радости. Какие-то обрывки стихов мелькают в памяти, и вдруг разрозненные мысли принимают форму четкой, чеканной фразы: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее».

Мне рассказывали, что «салда» на одном из финских наречий означает болото. Что ж, для прошлого времени это название подходило.

Салдинский район в прошлом в этом отношении был типичен. Лес, болото, два небольших металлургических завода, мелкие приземистые дома, по ночам темь, пьяный крик и волчий вой.

А пройдитесь теперь по необъятным салдинским торфяным болотам. Лес на них вырублен и выкорчеван, каналы перерезали их вдоль и поперек. Возле них выстроены три рабочих поселка, школа, больница, детский сад, бани, столовые, магазины. Высоковольтная линия пересекла болото. И этим летом три крана гидроторфа – впервые на Урале – начнут промывать торфяную массу.

Нет, Салда не болото. Изумительные успехи и высокие заработки станхановцев, крепко подросшие кадры, четыре школы, два детских сада, три бани, театр, три звуковых кино, хлебозавод, магазин «Гастроном», культмаг, шестнадцать тысяч посаженных деревьев, телефоны во всех селах, удвоение радиоточек, стадион, два катка, парашютную вышку, хлебозавод, два новых промышленных предприятия – вот что нового принес Салде только один тысяча девятьсот тридцать пятый год.

Старой демидовской Салды больше нет. Растет новый передовой социалистический район. Вместо старых завалов выросли передовые предприятия, пьяные вечерки сменяются театром и кино, безнадзорность и детское хулиганство вытесняются пионерским клубом и лагерями, угарные бани «по-черному» – общественными банями, темь – электрической лампочкой, старые земские училища в мрачных хибарках – новыми просторными школьными зданиями; весь старый жизненный уклад – новой социалистической, культурной, зажиточной жизнью.

Конечно, это еще только процесс развития. В районе есть еще много, слишком много от старого бескультурья. Пережитки капитализма в быту, в психологии, во всей жизни сказываются еще на каждом шагу, и бьет их социализм на каждом шагу.

Шелегов. Город меди // Уральский рабочий. № 92 (6228). 21 апреля 1936 г.

Невзрачен весенний пейзаж Красноуральска. Размокла глина недорытых канав. Лужи разлились на целые кварталы. По улицам, как говорится, ни пройти, ни проехать. Единственное спасение – болотные сапоги. Без них не всякий рискнет путешествовать по деревянным мосткам, когда-то проложенных на главных магистралях и к рудникам. Доски давно полопались, оторвались. Лучше уж по дороге, по грязевой целине, чем довериться этой шаткой опоре.

Из окон дома, где расположен городской совет, видны кучи мусора, навоза, битых кирпичей, щедро набросанных у подъездов. Перескакивая с камня на камень, падая и оступаясь, добираются жители до своих осажженных грязью квартир, до учреждений и магазинов.

Сегодня единственный благоустроитель города – солнце. Но ведь климат здесь далеко не сухумский. Грязь высыхает медленно. Сам горсовет только на днях издал обязательное постановление, которое обязательным ни для одного коменданта пока не явилось.

Мы видели в Гипрогоре отличные проекты архитектурного оформления этого города. И мы ходили, вернее, с трудом пробирались по его улицам в первые весенние дни. Несхожие картины. Запущенность, пренебрежение к нуждам жителей – работникам прекрасного и крупнейшего медеплавильного завода – видны на каждом шагу...

Красноуральск молод. В его паспорте значится: основан в 1931 году. Расположен на берегу реки Кушайки. До Свердловска – 207 километров. Ближайшая железнодорожная станция – Верхняя – в 12 километрах.

Паспорт давно не меняли. Сейчас нужно было бы вписать в него, что есть своя железнодорожная станция. На десятки тысяч выросло число жителей. На уровне новых требований, поставленных перед заводом, работает дом культуры. А сам город как-то отодвинут от заводских забот. Точно другие люди, не те, что живут в этих домах и вязнут на этих улицах, решают судьбу выплавки меди.

Завод, получивший годовую программу в 30 тысяч тонн черновой меди против 19,5 тысяч прошлых годов, имеет соседом город, в котором ровно ничего не изменилось. За весь 1935 год на благоустройство с трудом отвели 49 тысяч рублей. И только красноуральским советские органам, да, пожалуй, еще облкомхозу сегодня надо доказывать неразрывную связь благоустройства с выплавкой меди. Стахановские показатели организуются не только в цехах, на агрегатах, но и «по месту жительства» людей, работающих на заводах. Вот почему Красноуральск – город меди – получил нынче на благоустройство 2 миллиона 200 тысяч рублей. Огромная сумма!

Внимание всей страны к предприятиям медной промышленности находит выражение и в особых заботах о культурно-бытовом устройстве таких городов, как Красноуральск. В городе, где насчитывается всего два-три дома, присоединенных к водопроводной магистрали, будет затрачено 177 тысяч рублей на одно водоснабжение. Проведут домовую сеть, построят 9 водоразборных будок, выроют колодец на отдаленном Андреевском руднике.

Очистка – 205 тысяч. То, что являют улицы города сегодня – лучший агитатор за эту существенную, неотложную статью расхода. Примечателен другой расход – 40 тысяч рублей на раскорчевку пней. В самых центральных пунктах сейчас в изобилии торчат пни. Тайга отступила давно и далеко, а пни, как символ кустарщины и пошехонья, следов которого мы находим достаточно и в цехах первоклассного завода, занимают десятки гектаров в городской черте.

Непроходимые сегодня улицы будут одеты в мостовые. Небольшая асфальтовая площадка у проходных ворот будет продолжена по улице Кирова к дому культуры. До шести тысяч погонных метров новых мостовых и 35 тысяч метров тротуаров должно быть проложено в этом же году. Мосты, автобусы, новый восьмиквартирный дом, электроосвещение улиц – на все отпущены средства Красноуральску. Разумно, вовремя и по-хозяйски использовать их – значит

очень сильно изменить город. Горсовету предстоит сделать гигантский прыжок от 49 тысяч рублей прошлогодних вложений до двух миллионов нынче.

Без тщательной подготовки и организации работ такого прыжка, конечно, не сделать. Горсовет же не совершил пока и... воробьиного скака. Первый квартал потерян. Из отпущенных на январь – март 300 тысяч рублей на заготовку материалов и проектирование не было затрачено ни копейки. В самом конце марта взялись за составление смет, которые только на днях утверждены в облисполкоме.

Правда, в красноуральском горсовете также недавно снято старое безручное руководство. Новый председатель тов. Скакун берется за дело. Но разве не обязан был тов. Румянцев – председатель райисполкома и зав. облкомхозом тов. Коровин контролировать эту работу? Неужели они так-таки и не заметили, что три месяца в Красноуральске буквально ничего не делалось по благоустройству?

Вот сейчас надо доставать 500 тысяч штук кирпича после того, как распределены все и без того недостающие фонды. Нужны песок, камень, шлак, лес. Нужно не менее 400 рабочих, которых некуда даже поселить. Красноуральский горсовет этих вопросов не решит. Помощь же областных организаций совершенно недостаточна, как будто облкомхоза, скажем, и не касается вся острота положения на предприятиях медной промышленности.

При горсовете в конце марта создана «строительная контора». На днях, после долгих просьб, ей выделили оборотные средства. А до последних дней инженер-строитель тов. Лева в единственном лице представлял весь сметный, счетный, заготовительный и прочий аппарат, осваивающий миллионные вложения.

Крупные суммы. Но и это не все, что получает город. Промышленные предприятия – медеплавильный завод, управление рудников, Химстрой и другие – также затрачивают значительные средства на благоустройство близлежащей территории рабочих поселков. Что они делают, насколько их намерения вяжутся с общим планом реконструкции города – горсовет все еще только выясняет. О жестком контроле за правильным использованием средств, отпущенных предприятиям на благоустройство, при такой оперативности нечего и говорить.

Зато сейчас во весь голос надо сказать о том, что, если коренным образом не изменится руководство этой работой, если не будет серьезной помощи красноуральскому горсовету – ассигнования, как и в прошлые годы, останутся неиспользованными. Об этом уже теперь открыто говорят руководители горсовета.

Итак, кое-что в мае красноуральцы начнут делать. Будут решать коренные проблемы благоустройства. А как быть, если сегодня нельзя подойти к бане, или у дома № 7 мусора особенно большие горы, или если на рынке без лодки трудно подобраться к ларьку? Неужели для того, чтобы перебросить две доски в самых непроходимых местах, нужны особые ассигнования? Почему бы зав. горкомхозом тов. Подрезову в оперативной работе с депутатскими группами и коммунальной секцией не выдвинуть этих вопросов?

В том-то и дело, что горсовет не попытался сочетать капитальные работы с устранением «мелочей», которые вопиют на каждом шагу. Заниматься очисткой – так не меньше, чем на 200 тысяч рублей! А текущие, неотложные нужды

избирателей, рабочих медеплавильного завода и рудников остаются незамеченными. В Красноуральске не начали еще предпраздничной уборки города.

Городской совет города меди должен не только целиком освоить в этом году крупные вложения, но и научиться вовремя засыпать любую лужу, очищать и благоустраивать город силами самих жителей. Для этого их надо организовать.

Колпаков А. Н. Архитектура нового города // За уральский алюминий. № 91 (166). 11 августа 1936 г.

Возводятся корпуса цехов будущего алюминиевого завода, монтируется ремонтно-механический завод, скоро начнется монтаж первой очереди ТЭЦ. В то же время вокруг строительства за последний три года вырос целый город. Утопающие в зелени кварталы двух- и трехэтажных зданий населены рабочими, стахановцами, инженерами, техниками.

Город должен быть достоин советских людей, воздвигающих великодушный завод. При проектировании и планировке нового города необходимо было полностью отойти от методов строительства старых городов, стихийно развивавшихся, с их случайным размещением промышленной и жилой зоны, коммунального, транспортного и прочего хозяйства. Перед архитекторами и строителями поставлена задача создать такой тип поселения, который бы в полной мере удовлетворял культурные запросы трудящихся, их эстетические вкусы, способствовал охране их здоровья. Запроектированный город явится составной частью большого Каменска и в то же время будет представлять нечто самостоятельное, обеспечивая полное обслуживание населения сетью административных, коммунальных, хозяйственных и культурных учреждений.

Первая очередь города рассчитана на размещение 10 000 населения. К пуску всех цехов завода первая и вторая очередь должны вместить 16 тысяч жителей. Исходя из расчета 8–9 квадратных метров жилой площади на человека, потребуется выстроить 78 тысяч квадратных метров.

Новый город расположен в живописнейшем месте Каменского района, на берегу реки Исети. Использование природных условий – далеко не мало важная задача. На реке сооружается плотина и в недалеком будущем уровень воды поднимется на 14–15 метров. Водные станции, купальни и т. д. превратят берег реки Исети в любимое место отдыха и спорта рабочих и служащих. Сады и парки, цветники и аллеи украсят улицы.

По плану город имеет вид сегмента (часть окружности) с проходящей через весь город основной осью. Городскую площадь окаймляют здания Дома советов, Дома культуры и другие. Высотная композиция, художественная архитектурная отделка придают им красивый и величественный вид. В просторных, светлых и красивых комнатах четырехэтажного Дома советов разместятся административные учреждения и общественные организации

завода. Архитектурный облик здания будет выдержан в строгих линиях и украшен скульптурными группами и барельефами.

Основной жилой фонд города – кварталы центрального жилищного строительства. Четыре здания уже построены, идет их внутренняя и внешняя отделка. Эти здания бросаются в глаза уже за несколько километров подъезжающим к Каменску. В шестизэтажных корпусах имеется по сорок квартир, каждая в 3–4 комнаты. Жильцы получают все удобства: ванны, центральное отопление и другое. В первых этажах домов делаются помещения для магазинов, парикмахерских, сберкасс. В архитектурном отношении здания ничем не должны напоминать унылые дома-«коробки». Их художественному оформлению уделяется большое внимание.

Временное и облегченное жилищное строительство удачно выбранного типа ничем не портит архитектурный облик города, а кварталы, которые строятся и будут строиться, приняв архитектурную отделку, смогут соперничать с центральными кварталами больших городов.

Характерная черта строительства нового города – это забота о будущих жителях. К их услугам теплофикация и электрификация. Две школы работают, третья – десятилетка – вступит в строй в нынешнем году. На промплощадке будет выстроено здание ФЗУ. Детсады и ясли смогут охватить 70–75 процентов всей детворы. Для медицинского обслуживания строится больничный городок. Богатый ассортимент хлеба жители получают из своего хлебозавода, мясо и готовые изделия – с городской бойни и колбасно-копильного завода. Магазины равномерно расположены по всем кварталам. Мощная фабрика-кухня, сеть столовых, буфетов, ресторанов, кафе дадут возможность поставить общественное питание.

Впереди много работы. Но как радостно строить город, где так высока забота о человеке.

(Оригинал статьи вышел в «Челябинском рабочем»)

Библиография

І. Газетные статьи (XIX в. – 1-я половина XX в.)

1. 12 лет // Челябинский рабочий. № 162 (1614). 15 июля 1931 г.
2. 17 декабря встреча гигантов первой пятилетки // Наш трактор. № 254 (744). 13 декабря 1933 г.
3. А. С. Убийцам ударника Панова хулиганам Плотникову и Кувшинову не может быть никакой пощады // Наш трактор. № 196 (686). 3 октября 1933 г.
4. Авдеев А. Инженер трех эпох // Правда. № 5 (6251). 5 января 1935 г.
5. Агишев В. Образец нового быта // Гигант. № 250 (742). 7 ноября 1933 г.
6. Аграновский А. Уголь и розы // Правда. № 250 (5776). 10 сентября 1933 г.
7. Анисимов. Превратить Первоуральск в образцовый город // Под знаменем Ленина. № 28 (692). 5 февраля 1934 г.
8. Б. Вас. Как не надо планировать социалистический город // На смену! № 83 (1138). 10 апреля 1930 г.
9. Бадретдинов. Березникам нужен трамвай // Ударник. № 14 (2417). 16 января 1934 г.
10. Бандит Стручков за работой // Наш трактор. № 12. 1 июля 1930 г.
11. Банкет крупносортников // Уральский рабочий. № 259 (5793). 10 ноября 1934 г.
12. Барак утепляют резолюциями // Вагоногигант. № 101 (188). 26 ноября 1933 г.
13. Баянов Б. Когда пылают горны... // На смену! № 21 (1076). 25 января 1930 г.
14. Бдительность помножить на организованность // За тяжелое машиностроение. № 180 (499). 4 августа 1934 г.
15. Безыменский А. И. Удар за ударом // Ударник. № 263 (1461). 13 ноября 1930 г.
16. Белкин. Стахановец // Вагоногигант. № 257 (695). 7 ноября 1935 г.
17. Блудлив как кошка, труслив как заяц // За тяжелое машиностроение. № 174 (493). 28 июля 1934 г.
18. Бобирец А. Новый очаг культуры и отдыха // Ударник. № 230 (2632). 5 октября 1934 г.
19. Бобруль А. Соцгород // Вагоногигант. № 226 (965). 28 сентября 1936 г.
20. Богатырь Богатыренко // Магнитогорский металл. № 129. 6 октября 1935 г.
21. Боголюбов К. В. Д. Н. Мамин-Сибиряк // Уральский рабочий. № 261 (6698). 15 ноября 1937 г.

22. Боец, воспитанный партией Ленина // Ударник. № 29 (1528). 5 февраля 1931 г.
23. Большая честь пала на нашу долю // Сталь. № 104 (267). 6 октября 1934 г.
24. Борьбы за культурное жилище нет // Гигант. № 8(501). 8 января 1933 г.
25. Бригада Галиуллина обогнала международные рекорды // Уральский рабочий. № 210 (4711). 1 августа 1931 г.
26. Брус М. Построить социалистический город Первоуральск // Под знаменем Ленина. № 80 (150). 10 апреля 1932 г.
27. Плетнев. Выбор площадки соцгорода – дело всей районной общественности // Под знаменем Ленина. № 116 (186). 29 мая 1932 г.
28. Буду бороться, как в отряде Блюхера // Магнитогорский металл. № 137. 16 октября 1935 г.
29. В дебрях «Афона» (от нашего спец. корреспондента) // На смену! № 61 (1116). 14 марта 1930 г.
30. В задержке издания учебников виноват УралОНО // Уральский рабочий. № 178 (4679). 30 июня 1931 г.
31. В Лысьве необычайно возросло культстроительство // Ударник. № 11 (2414). 12 января 1934 г.
32. В мобилизации денежных средств – равняться на Бурлеву и Черепанову // Гигант. № 204 (696). 6 сентября 1933 г.
33. В одни сутки... // Гигант. № 107 (600). 16 мая 1933 г.
34. В поход за благоустроенный город! // Ударник. № 127 (2530). 4 июня 1934 г.
35. В. В. Коттеджи нам не нужны! Создадим дома-коммуны! // На смену! № 61 (1116). 14 марта 1930 г.
36. Вад. З. Два мира // Уральский рабочий. № 118. 28 апреля 1931 г.
37. Ваше имя несем с гордостью // Сталь. № 61 (251). 21 июня 1934 г.
38. Вечер знатных людей // Уральский рабочий. № 259 (5793). 10 ноября 1934 г.
39. Винокуров В. Цирк. Последний месяц // Ударник. № 54 (3052). 6 марта 1936 г.
40. Вкуснейший украинский борщ // Искра. № 211 (1460). 18 сентября 1935 г.
41. Владский В. Забытый гигант // На смену! № 121 (1176). 26 мая 1930 г.
42. Волжский. Культура и отдых // Магнитогорский металл. № 21. 30 мая 1935 г.
43. Вот почему я думаю уходить // Гигант. № 232 (724). 12 октября 1933 г.
44. Враг с партбилетом // Уральский рабочий. № 148 (5983). 29 июня 1935 г.
45. Враги народа // Магнитогорский металл. № 48. 2 июля 1935 г.
46. Все силы партии, все силы рабочего класса на выполнение промфинплана, на обеспечение программы третьего года пятилетки // Правда. № 243. 3 сентября 1930 г.
47. Вчера, сегодня и завтра Златоуста // Челябинский рабочий. № 241. 17 октября 1935 г.
48. Вчера, сегодня и завтра плотника Кусницина // Вагоногигант. 26 октября 1933 г.
49. Высокая честь // Уральский рабочий. № 60 (6196). 14 марта 1936 г.
50. Высокие образцы ударного труда // Уральский рабочий. № 113. 19 мая 1932 г.

51. Гель Н. Свердловская ярмарка открыта // Уральский рабочий. № 44. 21 февраля 1928 г.
52. Геппе А. «Рабочие Штутгарта доверяют вам свое знамя // Искра. № 56 (104). Суббота 27 сентября 1930 г.
53. Героический поступок коммуниста Немчинова // Вагоногигант. № 7 (207). 16 января 1934 г.
54. Гетлинг Ю., Дмитриев С. Радостный день // Уральский рабочий. № 4 (5839). 4 января 1935 г.
55. Главное – высокие темпы, выполнение и перевыполнение промфинплана // Уральский рабочий. № 107 (4952). 12 мая 1932 г.
56. Голиков Н. Урало-Кузбасс в живописи // Уральский рабочий. № 290 (6125). 18 декабря 1935 г.
57. Головатяпы из нарпита и коопхоза Колющенко ополчились на кролика // Челябинский рабочий. № 234 (1922). 10 октября 1932 г.
58. Гольдич Л. Урал – крупнейший форпост экономической независимости // Уральский рабочий. № 100 (4945). 1 мая 1932 г.
59. Горев. Заклятый враг. 4-й день процесса // Уральский рабочий. № 147 (5982). 26 июня 1935 г.
60. Горшин И. Б. Доклад о работе Уралобкома ВКП(б) // Челябинский рабочий. № 130 (1297). 27 мая 1930 г.
61. Гость сталевара Труханова // Искра. № 254 (1503). 16 ноября 1935 г.
62. Государство помогает мне, а я государству // Сталь. № 43 (83). 26 мая 1933 г.
63. Грановский М. А. Давать в срок проекты, оборудование и материалы // Уральский рабочий. № 136 (4323). 11 июня 1930 г.
64. Грановский М. А. К победному завершению Березниковской стройки // Уральский рабочий. № 98. 28 апреля 1932 г.
65. Грачев. Почему я быстро варю плавки // Магнитогорский рабочий. № 151. 2 ноября 1935 г.
66. Гроза мошенников и растратчиков // Сталь. № 61 (251). 21 июня 1934 г.
67. Грязных Б. Социалистическому быту – социалистические жилища! // Искра. № 97 (239). 28 июня 1931 г.
68. Грязных Е. Матери ждут... // Под знаменем Ленина. № 152 (1399). 4 июля 1936 г.
69. Гугель, Карклин, Зимин. Стройка первой очереди Магнитостроя закончена // Уральский рабочий. № 304 (4805). 7 ноября 1931 г.
70. Гукон А. Первоуральский новотрубный – база высококачественных труб // Под знаменем Ленина. № 121 (191). 4 июня 1932 г.
71. Гумаров К. Обими руками подписываюсь под приговором // Известия. № 27 (6189). 30 января 1937 г.
72. Гутман А. Что такое губахинская коксохимическая установка и для чего она передается Березниковскому химкомбинату // Ударник. № 186 (2266). 22 августа 1933 г.
73. Да здравствуют бойцы, командиры, политработники Особой Краснознаменной. Письмо ударников Верх-Исетского завода им. Кабакова // Уральский рабочий. № 180 (5741). 5 августа 1934 г.
74. Делегация ОКДВА на Урале // Уральский рабочий. № 303 (4804). 5 ноября 1931 г.

75. Дело Старкова, Булатова и Босина // Искра. № 181 (1430). 14 августа 1935 г.
76. День нашего города // Ударник. № 1 (2989). 1 января 1936 г.
77. День Парижской коммуны – день МОПРа // Вагоногигант. № 63 (501). 18 марта 1935 г.
78. Деритесь как черти за знамя молодых фронтовиков Германии // На смену! № 104 (1159). 7 мая 1930 г.
79. Дидковский С. Периферия // Правда. № 57 (7023). 27 февраля 1937 г.
80. Диковский С. Архитектурные уроды // Правда. № 33 (6639). 3 февраля 1936 г.
81. Дмитриев. Жизнь Серго – образец для трудящихся // Вагоногигант. № 251 (890). 28 октября 1936 г.
82. Добро пожаловать! // Уральский рабочий. № 8 (5843). 9 января 1935 г.
83. Довольно ссылаться на трудности // Гигант. № 270 (762). 5 декабря 1933 г.
84. Домны имени ЦК ВЛКСМ и ОГПУ – передовики конкурса // Пролетарий. № 174 (460), 8 августа 1932 г.
85. Досрочно выполнить заказ для Дворца Советов // Уральский мостовик. № 15 (881). 16 февраля 1940 г.
86. Дружба с домной // Магнитогорский металл. № 137. 16 октября 1935 г.
87. Дук К. И. Мобилизовать внутренние ресурсы // Уральский рабочий. № 11 (5846). 12 января 1935 г.
88. Емлин Г. Где строить соцгород Первоуральск? // Под знаменем Ленина. № 103 (173). 14 мая 1932 г.
89. Ерасова Н. Каким я себе представляю наш детский городок? // Вагоногигант. № 132 (871). 10 июня 1936 г.
90. Еще одна победа на фронте культурного строительства // Ударник. № 172 (2252). 4 августа 1933 г.
91. Живу в дровянике // Ударник. № 222 (2624). 26 сентября 1934 г.
92. Жилищный кризис не ослабляется // Челябинский рабочий. № 147 (1599). 27 июня 1931 г.
93. Жилстроительству – четкое планирование // Под знаменем Ленина. № 141 (1097). 24 июня 1935 г.
94. За игнорирование решений РК ВПК(б) и РСПС «Об улучшении жилищных условий горняков» – Мотырева отдать под суд // Гигант. № 270. 18 ноября 1932 г.
95. За покушение на рабкора – карать беспощадно (Из обвинительного заключения по делу нападения на рабкора т. Калашникова) // Пролетарий. № 120 (984). 27 мая 1934 г.
96. Зиринг И. Кто возьмет знамя? // Уральский рабочий. № 83 (5918). 10 апреля 1935 г.
97. Златоуст культурный // Пролетарская мысль. № 20 (3819). 24 января 1935 г.
98. Златоустовский завод имени Ленина завоевал знамя красных фронтовиков // Уральский рабочий. № 128 (4320). 3 июня 1930 г.
99. Злобный классовый враг ударил ножом героев-ударников ВИЗа Питерского и Алешу Тюменцева // Уральский рабочий. № 258 (4759). 18 сентября 1931 г.

100. Знамя героической Особой зажжет пламя рабочего энтузиазма // Челябинский рабочий. № 134 (1301). 1 июня 1930 г.
101. Золотов А. Т. Мои заграничные впечатления // Пролетарская мысль. № 131 (3950). 8 июня 1935 г.
102. Зоров Н. О живом человеке // Челябинский рабочий. № 148. 30 июля 1934 г.
103. Иванов Н. Отступает стынь тайги // Гигант. № 262. 7 ноября 1932 г.
104. Игошин С. Город новой эпохи // Челябинский рабочий. № 258. 7 ноября 1935 г.
105. Игошин С. О недостатках больших и малых // Челябинский рабочий. № 230. 4 сентября 1935 г.
106. Издевается над семьей // Саткинский рабочий. № 99 (1088). 15 июля 1935 г.
107. Ильин В., Волина Е. Темной ночью // Искра. № 215 (1464). 23 сентября 1935 г.
108. Иностранные революционные писатели в Надеждинске // Пролетарий. № 186 (472). 23 августа 1932 г.
109. Их разделяют тысячи километров... // Уральский рабочий. № 228. 2 октября 1934 г.
110. К монтажникам // Ударник. № 157 (1656). 16 июля 1931 г.
111. К славным боям за социализм // Пролетарий. № 245 (530). 7 ноября 1932 г.
112. Кабаков И. Д. Мобилизовать массы на строительство Большого Урала. Из доклада тов. Кабакова на Свердловском партактиве 8 апреля 1930 г. // На смену! № 84 (1139). 11 апреля 1930 г.
113. Кабаков И. Д. Отчет Уральского областного комитета ВКП(б) XII областной партийной конференции. 18 января 1934 г. // Под знаменем Ленина. № 18 (672). 24 января 1934 г.
114. Кабаков И. Д. Доклад на X Уральской областной партийной конференции // Уральский рабочий. № 136 (4323). 11 июня 1930 г.
115. Кабаков И. Д. Культурно-бытовое обслуживание трудящихся масс и задачи советов. Доклад на первом съезде советов Свердловской области // Уральский рабочий. № 10 (5845). 11 января 1935 г.
116. Калата графини Стенбок-Фермор // Больше меди. № 244. 7 ноября 1935 г.
117. Кардаполова. И в Сатке есть «любящие» отцы // Саткинский рабочий. № 99 (1088). 15 июля 1935 г.
118. Каттель И. А. Завод-гигант // Челябинский рабочий. № 259. 10 ноября 1935 г.
119. Клоп и вошь хозяйничают в бараках новостроек // Мотовилихинский рабочий. № 78 (177). 1 сентября 1931 г.
120. Кожан. Новый город // Уральский рабочий. № 256 (5490). 7 ноября 1933 г.
121. Колпаков А. Н. Архитектура нового города // За уральский алюминий. № 91 (166). 11 августа 1936 г.
122. Комаровский С. Требуется оперативное вмешательство // Вагоногигант. № 290 (728). 18 декабря 1935 г.

123. Коммуна непобедима // За металл. № 58 (361). 20 марта 1933 г.
124. Коновалов Н. Калата // Уральский рабочий. № 142 (3977). 22 июня 1935 г.
125. Коровин Б. В. Что будет строиться в соцгороде // Встречный Урало-Кузбасса. № 47 (147). 21 мая 1934 г.
126. Красноуральский медеплавильный комбинат как он есть // Гигант. № 43 (819). 23 февраля 1934 г.
127. Крепить оборонную мощь страны // Гигант. № 158 (650). 15 июля 1933 г.
128. Крепче удар по антисемитам // Ударник. № 279 (2389). 14 декабря 1933 г.
129. Кролик получил признание // ПЗЛ. № 118 (188). 1 июня 1932 г.
130. Кролика – общественному питанию // Ударник Стальмостстроя. № 46 (64). 21 мая 1932 г.
131. Кролику – надлежające условия развития и заботливый уход // Ударник. № 156 (2236). 15 июля 1933 г.
132. Кролику – путевку в столовую // Под знаменем Ленина. № 113 (183). 26 мая 1932 г.
133. Круто поднять вверх темпы борьбы за промфинплан // Мотовилихинский рабочий. № 49 (158). 7 июня 1931 г.
134. Кто и как ведет борьбу за кроликов // Ударник Стальмостстроя. № 56(74). 15 июня 1932 г.
135. Курашев Г. За успешное завершение Трубстроя // Уральский рабочий. № 52 (5286). 4 марта 1933 г.
136. Ладейщиков В. «В город входить нельзя» // Искра. № 93 (225). 23 июня 1931 г.
137. Ладыгина. Социалистическую перестройку быта – в порядок дня // Уральский рабочий. № 20 (4217). 24 января 1930 г.
138. Лазарев. Социалистическому городу – порядок и чистоту // Молотовский рабочий. № 7 (993). 9 января 1935 г.
139. Лазарь Моисеевич Каганович на Уралмаше // За тяжелое машиностроение. № 234 (553). 8 октября 1934 г.
140. Лебедев И. Руку, товарищ Джимми // Пролетарий. № 100 (964). 1 мая 1934 г.
141. Лежнев М. В Березниках будет парк культуры и отдыха // Ударник. № 156 (2529). 3 июня 1934 г.
142. Леонтьев А. Техника первоклассная, а работают по старинке // Правда. № 352 (6593). 23 декабря 1935 г.
143. Ликвидировать текучесть рабочей силы // Гигант. № 202 (694). 4 сентября 1933 г.
144. Луначарский А. Города-заводы // Уральский рабочий. № 23 (2913). 27 января 1928 г.
145. Магнитострой цветной металлургии // Челябинский рабочий. № 146. 28 июля 1934 г.
146. Марти А. Рабочим и работницам Магнитостроя // Уральский рабочий. № 304 (4805). 7 ноября 1931 г.
147. Машиностроительный гигант // Уральский рабочий. № 24. 28 января 1928 г.

148. Между двумя первомайми // Под знаменем Ленина. № 101 (1348). 1 мая 1936 г.
149. Меньшиков В., Преображенский В. В бюрократической чаше потерян кролик // Под знаменем Ленина. № 228 (298). 12 октября 1932 г.
150. Минин П. Прораб Алексей Логинов // Пролетарская мысль. № 180 (3999). 5 августа 1935 г.
151. Михайлов Н. Убийцы Григория Быкова приговорены к расстрелу // Уральский рабочий. № 149 (5984). 30 июня 1935 г.
152. Множатся производственные победы имени областной партконференции // Уральский рабочий. № 16 (4862). 19 января 1932 г.
153. Множить ряды рабкоров. Из речи общественного обвинителя тов. Копытцева // Пролетарий. № 131 (995). 9 июня 1934 г.
154. Мускатблит Ф. Завод, производящий вагоны // Вагоногигант. 15 июля 1933 г.
155. Мы беремся создать образцовые кварталы. Письмо домохозяек // Пролетарий. № 107 (971). 11 мая 1934 г.
156. Мы будем такими, как вы // Челябинский рабочий. № 139 (1306). 7 июня 1930 г.
157. Мы должны быть беспощадны к вора и хулиганам // Наш трактор. № 160 (652). 17 августа 1933 г.
158. Мы должны иметь свой самолет // Сталь. № 51 (193). 17 июня 1933 г.
159. Мы поняли «секрет» успеха Горловки // Пролетарий. № 145 (1009). 26 июня 1934 г.
160. Мы работаем хорошо и хотим так же жить // Гигант. № 202 (694). 4 сентября 1933 г.
161. Мы хотим жить в уютном бараке // Гигант. № 202 (694). 4 сентября 1933 г.
162. На акт классовой мести ответить ударной перестройкой по-новому // Уральский рабочий. № 258 (4759). 18 сентября 1931 г.
163. На знаменах ударных бригад – имя ОГПУ // Челябинский рабочий. № 305 (1472). 20 декабря 1930 г.
164. На месте грязного глухого поселка растет новый социалистический Надеждинск // Пролетарий. № 245 (530). 7 ноября 1932 г.
165. Надо по-большевистски повернуться лицом к бараку // Гигант. № 263. 10 ноября 1932 г.
166. «Нам вверено жить и строить, страну уважать и любить...» // Сталь. № 60 (250). 18 июня 1934 г.
167. Наумов В. Здесь – коллектив героев // Ударник. № 259 (1457). 7 ноября 1930 г.
168. Наумова. Внимание дворцу культуры // Ударник. № 27 (2430). 2 февраля 1934 г.
169. Наш вопрос УралУЗП // Челябинский рабочий. № 158 (1609). 10 июля 1931 г.
170. Нашему городу – имя тов. Орджоникидзе // Вагоногигант. № 243 (982). 18 октября 1936 г.
171. Не постеснялся поджечь – не постеснялся и деньги взять // За тяжелое машиностроение. № 174 (493). 28 июля 1934 г.

172. Не самоустраняться от ответственности за строительство цирка // Ударник. № 157 (2559). 10 июля 1934 г.
173. Неверов Л. П. Его костяк // Уральский рабочий. № 296 (5530). 26 декабря 1933 г.
174. Несокрушимая сила пролетарской революции // Уральский рабочий. № 53 (4556). 23 февраля 1931 г.
175. Никакой пощады врагам народа // Гигант. № 165 (657). 23 июля 1933 г.
176. Николаев Н. Уголовник // За тяжелое машиностроение. № 202 (521). 30 августа 1934 г.
177. Новогодний отчет уральцев товарищу Сталину // Уральский рабочий. № 2 (8232). 3 января 1943 г.
178. Новые ударные бригады, новые колхозы имени тов. Ворошилова // Уральский рабочий. № 35 (4538). 5 февраля 1931 г.
179. Носилов К. К автономии Урала // Урал. 24 (11) ноября 1918 г.
180. Носков А. Березниковскую больницу сделать образцовой // Ударник. № 46 (2449). 24 февраля 1934 г.
181. О бане // Молотовский рабочий. № 20 (1086). 26 января 1935 г.
182. О героизме // Челябинский рабочий. № 160 (1612). 13 июля 1931 г.
183. О моей работе на Березниках // Ударник. № 166 (1665). 27 июля 1931 г.
184. О переименовании Пермской железной дороги в дорогу имени Л. М. Кагановича // Уральский рабочий. № 62 (6198). 16 марта 1936 г.
185. «Опишите социалистическую стройку» // Челябинский рабочий. № 114 (1565). 15 мая 1931 г.
186. О состоянии кролиководства в районе // Челябинский рабочий. 15 сентября 1932 г.
187. Обеспечить решительный перелом в развитии кролиководства // Под знаменем Ленина. № 276 (637). 10 декабря 1933 г.
188. Обращение работниц Надеждинского металлургического завода ко всем домохозяйкам города Надеждинска // Сталь. № 62 (204). 14 июля 1933 г.
189. Обращение реввоенсовета Особой Краснознаменной к уральскому пролетариату // Уральский рабочий. № 22 (4219). 26 января 1930 г.
190. Один из лучших // Саткинский рабочий. № 117 (1106). 22 августа 1935 г.
191. Один из первостроителей // За медь. № 42 (1658). 27 октября 2011 г.
192. Оправдайте доверие Дальневосточной – по-блюхеровски деритесь за досрочный пуск гигантов // Челябинский рабочий. № 140 (1307). 8 июня 1930 г.
193. Организовать борьбу за культурное жилище // Гигант. № 63 (556). 20 марта 1933 г.
194. Ответ штутгартским рабочим // Искра. № 23 (70). 8 мая 1930 г.
195. Открыт магазин «Гастроном» // Ударник. № 130 (2533). 8 июня 1934 г.
196. Парижская коммуна – день МОПР // Челябинский рабочий. № 39. 18 марта 1934 г.
197. Партия прислала к нам на помощь старого уральского большевика // Челябинский рабочий. № 111 (1562). 12 мая 1931 г.
198. Пауль Каусман, член с.-д. партии с 1906 года, вышвырнул социал-предательский партбилет // Уральский рабочий. № 261 (4762). 21 сентября 1931 г.
199. Перед приговором // Уральский рабочий. № 148 (5983). 29 июня 1953 г.

200. Перелома еще нет, перелом должен быть решительным // Гигант. № 232 (724). 12 октября 1933 г.
201. План капитального строительства на 1931 год // Гигант. № 30(46). 24 ноября 1930 г.
202. План празднования 12 годовщины освобождения Урала от колчаковских банд, по Березникам // Ударник. № 155 (1654). 14 июля 1931 г.
203. План развития кролиководства в Первоуральском районе // Под знаменем Ленина. № 443 (273). 8 августа 1932 г.
204. По Стаханову, равняйся! // Магнитогорский металл. № 131. 9 октября 1935 г.
205. Подготовка клуба на самотеке // Гигант. № 238 (730). 21 октября 1933 г.
206. Пожарицкий. Бригада рвачей // Магнитогорский металл. № 115. 20 сентября 1935 г.
207. Полюбуйтесь квартирой Суворова! // Ударник Стальмостстроя. № 109 (252). 3 ноября 1933 г.
208. Попков А. Т. Растет социалистический Челябинск – индустриальный центр Большого Урала // Челябинский рабочий. № 137 (1304). 4 июня 1930 г.
209. Портреты стахановцев // Уральский рабочий. № 271 (6106). 26 ноября 1935 г.
210. Поспелов. Мать толкает ребенка на самоубийство // Магнитогорский металл. № 89. 21 августа 1935 г.
211. Поступалов Ан. Свинья под дубом // Наш трактор. № 40. 20 декабря 1930 г.
212. Почетное знамя – лучшим ударникам // Уральский рабочий. № 139 (4641). 22 мая 1931 г.
213. Пошляк // Искра. № 206 (1455) 12 сентября 1935 г.
214. Привет доблестной ОЖДВА в день ее пятилетия! // За тяжелое машиностроение. № 182 (501). 6 августа 1934 г.
215. Приговор // Пролетарий. № 131 (995). 9 июня 1934 г.
216. Приговор суда – приговор бюрократизму и волоките // Ударник. № 255 (1453). 3 ноября 1930 г.
217. Пролетарии Челябинска! Слушайте призыв строителей тракторного гиганта // Челябинский рабочий. № 196 (1648). 27 августа 1931 г.
218. Пролетарский праздник Урала // Вагоногигант. № 60 (147). 15 июля 1933 г.
219. Пролетарский Урал должен стать шефом Особой // Уральский рабочий. № 9 (4206). 10 января 1930 г.
220. Промплощадка – основное звено Челябтракторостроя // Уральский рабочий. № 178 (4679). 30 июня 1931 г.
221. Пятаков Г. Л. Правительственные сроки строительства – это закон. Из выступления на инженерно-техническом партийном собрании 31 августа и 1 сентября 1933 г. // Вагоногигант. № 78 (165). 11 сентября 1933 г.
222. «Работать будем по-ударному. Иначе мы не умеем» // Ударник. № 2 (2405). 2 января 1934 г.
223. Рабочие бараки не отремонтированы // Челябинский рабочий. № 237 (1924). 12 октября 1932 г.

224. Равняться по смене мастера Теплоухова // Уральский рабочий. № 114 (4959). 20 мая 1932 г.
225. Развернутый фронт – строительству социалистического Магнитогорска // Уральский рабочий. № 59. 10 марта 1932 г.
226. Развертываем подписку на всех участках строительства и завода // Ударник Стальмостстроя. № 51 (194). 18 мая 1933 г.
227. Разговорами город не благоустроишь // Ударник. № 153 (2556). 5 июля 1934 г.
228. Район, созданный заново // Уральский рабочий. № 6 (5540). 6 января 1934 г.
229. Районные партконференции в Молотово и Красноуральске // Ударник. № 14 (2417). 16 января 1934 г.
230. Рапорт четырех тысяч // За металл. № 1 (304). 1 января 1933 г.
231. Растет страна, растут новые люди. Рассказ члена правительства тов. Ардуванова о седьмом Съезде советов // Ударник. № 63 (2765). 17 марта 1935 г.
232. Реут К. Пригород и город // Уральский рабочий. № 298 (6133). 26 декабря 1935 г.
233. Росе Н. Бытовая коммуна УПИ // На смену! № 39 (1094). № 83 (1138). 15 февраля 1930 г.
234. Русинов А. Дезертирам // Искра. № 28 (76). 6 июня 1930 г.
235. С. Роз. Контуры города социализма. Против старых идей под новой вывеской // На смену! № 84 (1139). 11 апреля 1930 г.
236. Самохвалов А. Беспощаднее уничтожать врагов! // Наш трактор. № 163 (655). 21 августа 1933 г.
237. Сделаем свой город красивым и благоустроенным // Тагильский рабочий. № 58 (2740). 19 марта 1936 г.
238. Северьянов. Отдел снабжения завода «Магnezит» срывает строительство жилищ // Саткинский рабочий. № 9 (998). 18 января 1935 г.
239. Сегодня начало массовых работ по благоустройству города // Ударник. № 123 (2526). 30 мая 1934 г.
240. Семенов. Что мы видели в Горловке // Пролетарий. № 142 (1006). 22 июня 1934 г.
241. Сержантов В. «Были горы Магнитной» // Магнитогорский металл. № 115. 20 сентября 1935 г.
242. Сержантов В. Достопримечательности Магнитогорска // Магнитогорский металл. № 33. 14 июня 1934 г.
243. Серьезно заняться благоустройством города // Ударник. № 148 (2551). 28 июня 1934 г.
244. Сирсон М. Множить строй заводов – крепостей Осовиахима // Уральский рабочий. № 172 (5017). 1 августа 1932 г.
245. Сказин Н. Профиль красноуральского гиганта // Уральский рабочий. № 16 (4862). 19 января 1932 г.
246. Скверы, фонтаны, скульптура. Как будет выглядеть заводская площадка // Магнитогорский металл. № 10. 17 мая 1935 г.
247. Следовать примеру стахановцев стана «500» // Магнитогорский металл. № 175. 2 декабря 1935 г.

248. Сломать хребет шовинизму // Челябинский рабочий. № 30 (1511). 4 февраля 1931 г.
249. Снова о крольчатнике // Встречный Урало-Кузбасса. № 56 (150) 14 июня 1934 г.
250. Солодовников А., Семенов Л. Родство с врагом // Правда. № 177 (7143). 29 июня 1937 г.
251. Соревнование сталеваров // Уральский рабочий. № 250 (6386). 29 октября 1936 г.
252. Сорыгин М. Г. Больше не гуляю и другим не советую // Искра. № 25 (72). 20 мая 1930 г.
253. Социалистический Магнитогорск // На смену! № 39 (1094). 15 февраля 1930 г.
254. Стахановка Галя Рудометова // Искра. № 248 (1497). 7 ноября 1935 г.
255. Стахановцы области отметили юбилей железного наркома // Уральский рабочий. № 250 (6386). 29 октября 1936 г.
256. Строим дома-гиганты // Уральский рабочий. № 55. 25 февраля 1931 г.
257. Строится новый, индустриальный Челябинск // Челябинский рабочий. № 150 (1501). 30 июня 1931 г.
258. Строить нужно два соцгорода // Под знаменем Ленина. № 103 (173). 14 мая 1932 г.
259. Субботин. Превратить Молотово в культурный город – дело рук самих рабочих // Молотовский рабочий. № 104 (203). 4 октября 1931 г.
260. Субоцкий Л. Лицо врагов // Уральский рабочий. № 149 (5984). 30 июня 1935 г.
261. Суд над вредителями на Уралмашзаводе // Ударник. № 173 (2575). 29 июля 1934 г.
262. Сулимов Д. Е. Борьба за хозяйственную и оборонную мощь ведет нас к победе // Челябинский рабочий. № 111 (1562). 12 мая 1931 г.
263. Сураев М. П. Хочется стать малышом // Вагоногигант. № 206 (64). 6 сентября 1935 г.
264. Сухушин К. Фестиваль в Красноуральске // Уральский рабочий. № 58 (6192). 9 марта 1936 г.
265. Счет депутатов Салды // Уральский рабочий. № 6 (5841). 6 января 1935 г.
266. Табаков З. Я. Задачи перед «Магнезитом» в 1935 году // Саткинский рабочий. № 12 (1001). 24 января 1935 г. 1 Худаев Как больница обслуживает трудящихся // Саткинский рабочий. № 24 (1013). 14 февраля 1935 г.
267. Так строится город // Гигант. № 24 (803). 29 января 1934 г.
268. Тамаркин М. Создадим лучший в области парк культуры и отдыха // Вагоногигант. № 128 (867). 5 июня 1936 г.
269. Тов. Ворошилов на Магнитострое // Уральский рабочий. № 245 (4746). 5 сентября 1931 г.
270. Торсунов В. Впереди широкая дорога // Вагоногигант. № 206 (664). 6 сентября 1935 г.
271. Трудящиеся сталинского Урала любовно приветствуют товарища Серго. Письмо 168 тысяч рабочих, работниц, инженеров // Уральский рабочий. № 249 (6385). 28 октября 1936 г.

272. Тулвин А. Два итога двух культур // Уральский рабочий. № 1 (4847). 1 января 1932 г.
273. Тунейдцы с Вагонстроя // Челябинский рабочий. № 130. 9 июля 1934 г.
274. Убийство Петухова // Искра. № 96 (238). 27 июня 1931 г.
275. Убийца ударника Панова приговорен к расстрелу // Наш трактор. № 231. 17 ноября 1933 г.
276. Уничтожить врага! // Уральский рабочий. № 149 (5984). 30 июня 1935 г.
277. Урал и его будущее // Урал. 19 (6) ноября 1918 г.
278. Уральская неделя. Дайте жилища Уралу! // Уральский рабочий. № 35. 10 февраля 1928 г.
279. Ускорить строительство цирка! // Ударник. № 120 (2523). 27 мая 1934 г.
280. Уфимцев В. Третий в стране // Челябинский рабочий. № 241. 17 октября 1935 г.
281. Фашист Шеерман избил ударника Воробьева // Уральский рабочий. № 253 (4754). 13 сентября 1931 г.
282. Харитонов. Ударники Березников встречают Октябрь большевистскими победами // Уральский рабочий. № 303 (4804). 5 ноября 1931 г.
283. Хороших осужден // Уральский рабочий. № 133 (5667). 10 июня 1934 г.
284. Хорошую квартиру ударнику, хорошую мебель в квартиру // Ударник Стальмостстроя. № 57 (320). 4 июня 1932 г.
285. Цифринович В. Е. Годовщина освоения первого калийного комбината // Ударник. № 88 (2790). 17 апреля 1935 г.
286. Чугунов Г. Пустыри // На смену! № 126 (1181). 7 июня 1930 г.
287. Чусовские рабочие требуют лишить Лысьву знамени штутгартских рабочих // Искра. № 28 (76). 6 июня 1930 г.
288. Чья это улица? Чей это дом? // Вагоногигант. № 511. 30 марта 1935 г.
289. Шалин. Улицу Ленина сделаем образцовой // Больше меди. № 96 (186). 5 мая 1935 г.
290. Шахгильдян В. П. Итоги стахановской декады // Уральский рабочий. № 70 (6206). 26 марта 1936 г.
291. Шенбрун П. Одичавший хулиган // Магнитогорский металл. № 83. 12 августа 1935 г.
292. Шире стахановское движение! // Искра. № 242 (1491). 30 октября 1935 г.
293. Широглазов С. М. Скрытый саботаж // Уральский рабочий. № 83 (6219). 10 апреля 1936 г.
294. Шмидт Н. Четко выполнять решения партии о Синарстрое // Уральский рабочий. № 258. 16 сентября 1931 г.
295. Эйсмонт Н. Г. Планировка Челябинска // Архитектура Ленинграда. 1937. № 2. С. 64.
296. Эйсмонт Н. Г. Соликамск должен стать городом калийной промышленности // Ударник. 21 мая 1931 г.
297. Южный Г. Батрак – горновой – мастер // Магнитогорский металл. № 151. 2 ноября 1935 г.
298. Юрьев Б. 25 лет работы в заводе // Искра. № 170 (1419). 28 июля 1935 г.
299. Юрьев Б. Лысьва – ОКДВА // Искра. № 44 (1293). 23 февраля 1935 г.
300. Якамсин С. Урал // Ударник. № 147 (2550). 28 июня 1934 г.

II. Книги, брошюры, стенограммы, журнальные статьи (XIX в. – 1-я половина XX в.)

301. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Декабрь 1925 г. Стенографический отчет. М.: Гос. изд-во, 1926.
302. XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Гос. изд-во, 1929.
303. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930.
304. Александров В. Я. Урал. Его действительность и исследования о нем. (Отдельный оттиск из «Горнозаводской газеты»). СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1901.
305. Базаров В. А. Принципы построения перспективного плана // Базаров В. А. Избранные произведения. Т. 2. М.: Изд. дом «Дело» РАНХИГС, 2014. С. 217–251.
306. Белдыцкий Н. П. Очерки Вишерского края. Пермь: Типо-лит. Губ. правл., 1899.
307. Белдыцкий Н. П. Памяти родных писателей. Пермь: Электротип. губ. земства, 1914.
308. Березин Н. И. Урал. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1910.
309. Богословский П. С. О постановке культурно-исторических изучений Урала // Уральское краеведение. Свердловск: Изд. Урал. обл. бюро краеведения, 1927.
310. Большой Свердловск. Свердловск: Изд. Урал. обл. проект. бюро, 1930. URL: <http://www.1723.ru/read/books/sverdlovsk-1930.htm> (дата обращения 01.09.2018).
311. Булатов Б. Н., Геккер Г. П. Магнитогорск. М.; Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1931.
312. Булгаков Б. За образцовое культослуживание новостроек. Очерки по культработе в Магнитогорске. М.: Профиздат, 1932.
313. Бунин А. В., Ильин Л. А., Поляков Н. Х., Шквариков В. А. Градостроительство. М.: Изд-во АН СССР, 1945.
314. Бухарин Н. И. Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1988. С. 391–418.
315. Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. М.: Гос. изд-во «История заводов», 1935.
316. Василевский В. Златоуст. М.; Л.: ОГИЗ – Молодая гвардия, 1932. С. 68.
317. Весновский В. А. Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург: Тип. «Уральской жизни», 1904.
318. Володин П. А. Челябинск. М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950.
319. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность городского населения СССР по городским поселениям и внутригородским районам. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_3.php (дата обращения: 02.09.2018).
320. Генеральный план хозяйства Урала на период 1927 – 1941 гг. и перспективы первого пятилетия. (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск: Уралплан, 1927.

321. Гинзбург М. Я. Итоги и перспективы // Современная архитектура. 1927. № 4–5.
322. Главацкий А. А. К вопросу о районировании союзной металлургии с транспортной точки зрения // Федорович И. И. Кузнецкий бассейн и Урал-Кузнецкая проблема. Харьков: Госплан УССР, 1926. С. 111–129.
323. Глазами иностранцев. 1917–1932. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1932.
324. Города в поисках плана // За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 1. С. 78–83.
325. Груздев С. А. Екатеринбург областной центр // Екатеринбург за двести лет (1723–1923). Екатеринбург: Изд. юбилейн. комиссии Екатеринбургск. гор. совета раб. и красноармейск. деп-тов, 1923. С. 76–104.
326. Ден В. Э. Экономическая география. СПб.: Лит. Трофимова, 1907.
327. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.; Л.: ОГИЗ, 1931.
328. Заключительный очерк // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Ч. 2. Приуральский край. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольф, 1901. С. 292–311.
329. Индустрия социализма VII съезду Советов. М.: Изогиз; «Строим», 1935.
330. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.; Л.: Гос. изд-во «Стандартизация и рационализация», 1933
331. Итоги хозяйственного и культурного строительства Челябинской области. Челябинск: Изд. челяб. Облплана, 1936.
332. Каганович Л. М. За социалистическую реконструкцию Москвы и городов СССР. М.; Л.: ОГИЗ «Московский рабочий», 1931.
333. Каганович Л. М. Улучшение материально-бытовых условий трудящихся и городское хозяйство // За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 1. С. 10.
334. Как не надо строить // Современная архитектура. 1928. № 2. С. 41–47.
335. Картина художника И. И. Бродского «Коллективный вождь ВКП(б)» (за единство партии). Л.: Гос. тип. им. Ивана Федорова, 1927.
336. Кельцев С. Сибирско-уральская научно-промышленная выставка // Кельцев С. Из поездки на Урал. М.: Тип. О-ва распр. полезн. книг Мохова, 1888.
337. Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 4. М.: Политиздат, 1984. С. 496–497.
338. Колосовский Н. Н. Великая Сибирская сверхмагистраль. М.: Планхозгиз, 1930.
339. Крекшин Е. Город заводов // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. № 5.
340. Крыленко Н. В. Формы классовой борьбы на данной этапе. М.: Гос. изд-во «Советское законодательство», 1933.
341. Лейканд М. Урал через 5 лет. Свердловск: ГИЗ, 1929.
342. Ленин В. И. О продовольственном налоге // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 43. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. С. 205–245.

343. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1971. С. 1–609.
344. Леонов Л. М. Русский лес. М.: Молодая гвардия, 1954.
345. Луначарский А. В. Речь о пролетарской архитектуре // Архитектура СССР. 1934. № 8. С. 4–6.
346. Малахов М. В. Уральский горный промысел // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Ч. 2. Приуральский край. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольф, 1901. С. 174–210.
347. Мамин-Сибиряк Д. Н. Поправка доктора Осокина // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений. Т. 4. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915. С. 276–299.
348. Мамин-Сибиряк Д. Н. Братья Гордесевы // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений. Т. 2. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915. С. 341–388.
349. Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург. Исторический очерк // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу, с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбургской недели», 1889. С. 1–58.
350. Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915. С. 3–177.
351. Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений. Т. 2. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915. С. 1–268.
352. Материалы к отчету о работе Молотовского городского совета РК и КД за время с 1 октября 1933 года по 1 октября 1934 года. Молотово: Тип. МЗ им. Молотова, 1934.
353. Материалы по развитию хозяйства Пермского района Уральской области в системе УКК. Пермь: Уралполиграф, 1931.
354. Менделеев Д. И. К познанию России. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1907.
355. Милютин Н. А. Соцгород. Проблема строительства социалистических городов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930.
356. Миндлин Эм. Магнитострой // Наша жизнь. Сб. 3. М.: Федерация, 1931. С. 63–76.
357. Митинский А. Н. Горнозаводский Урал. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1909.
358. З. Т. Рец. на: Нейштадт Т. А. Свердловск индустриальный // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. № 5.
359. Немирович-Данченко В. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1890.
360. Николаева З. Свердловск строится // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. № 4. С. 51.
361. Новый Челябинск. Заводы, жилища, водопровод, трамвай // За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 9–10.
362. О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Дискуссия в Коммунистической академии. М.: Изд-во Ком. академии, 1928.

363. Обращение ЦК ВКП(б) ко всем членам партии, ко всем рабочим о развертывании самокритики. 2 июня 1928 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 4. М.: Политиздат, 1984. С. 338–342.

364. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 21–23 октября 1927 г. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2018.

365. Овладеть рычагами высокой производительности // МЗМ. Производственный журнал машиностроительного завода им. т. Молотова (Урал). 1935. № 14–15.

366. Озеров И. Х. Горные заводы Урала. М.: Тип. тов. И. Д. Сытина, 1910.

367. Озеров И. Х. Новая Россия. Пг.: Тип. акц. об-ва изд. дела «Копейка», 1916.

368. Озеров И. Х. От слов к делу! // Торгово-промышленный мир России. Петроград: Торгово-промышленный мир России, 1915. С. 26–27.

369. Окунев Я. Грядущий мир. Пг.: Третья стража, 1923.

370. Орджоникидзе Г. К. Мобилизовать резервы тяжелой промышленности, выполнить и перевыполнить годовой план // Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. Т. 2. С. 580–604.

371. Островский З. Дома, улицы, больницы, транспорт, быт Магнитогорска // За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 1. С. 53.

372. Отчет челябинского горсовета РК и КД перед избирателями. Челябинск: 1-я тип. Челябинграфтреста, 1938.

373. Охитович М. К проблеме города // Современная архитектура. 1929. № 4.

374. Ошвинцев М. К. Итоги пятилетки и хозяйственные задачи на 1933 год. Свердловск: Уралпартиздат, 1933. С. 28.

375. Павлов А. А. Пути сообщения на Урале. Ирбитская ярмарка // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Ч. 2. Приуральский край. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольф, 1901. С. 215–232.

376. Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. 14–17 ноября 1935 г. Стенографический отчет. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.

377. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 3. М.: Плановое хозяйство, 1930.

378. Петров Г. С. Наши пролежни. Сборник статей. М.: Тип. А. П. Поплавского, 1913.

379. Письмо из Москвы // Бюллетень оппозиции. 1932. № 28.

380. Письмо харьковской группы ОСА // Современная архитектура. 1928. № 1.

381. Поколение победителей. М.: Глав. ред. науч.-попул. и юношеской литературы ОНТИ, 1936.

382. Постановление ЦК ВКП(б) о социалистическом соревновании фабрик и заводов. 9 мая 1929 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 4. М.: Политиздат, 1984.

383. Примечания // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 23. Л.: Наука, 1981.

384. Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М.: НКЮ Союза ССР; Юридическое издательство, 1937.
385. Прошлое и настоящее Челябинской области. Челябинск: ОГИЗ, 1937.
386. Путеводитель по Екатеринбург и его окрестностям. Екатеринбург: Изд. ред. журнала «Разумный кинематограф и наглядные пособия», 1914.
387. Пять лет Магнитогорского металлургического комбината им. И. В. Сталина (1932 – 1937 г.). Магнитогорск: Тип. Магнитогорск. метал. комбината им. И. В. Сталина, 1937.
388. Радек К. Б. Зодчий социалистического общества. М.: Парт. изд-во, 1934.
389. Резник Я. Народный комиссар. Повесть о Серго Орджоникидзе. Свердловск: Средн.-Урал. кн. изд-во, 1965.
390. Резолюции и постановления объединенного пленума Златоустовского ОК и окр. КК ВКП(б). 25–30 января 1930 г. Златоуст: Пролетарская мысль, 1930.
391. Решетников Ф. М. Глумовы // Решетников Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Изд. книжн. магазина П. В. Луковникова, 1904.
392. Ротте П. Распад муниципального хозяйства Запада // За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 5–6. С. 37–40.
393. Рябинин Б. Верх-Исетский завод. Свердловск: Свердловск. обл. гос. изд-во, 1948.
394. Сабсович Л. М. Города будущего и организация социалистического быта. М.: Гос. тех. изд-во, 1929.
395. Свердловск столица Урала. Справочник-путеводитель на 1925 год. Екатеринбург: Уралкнига, 1924.
396. Свердловск. Справочник-путеводитель на 1929–1930 год. Свердловск: Изд. Свердл. горсовета, 1929.
397. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в европейской России: очерк по экономической географии. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1910.
398. Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России (очерк по политической географии) // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 74–91.
399. Собакин Н. Орджоникидзеград. Орел: Изд-во обкома ВКП(б), 1938.
400. Советская архитектура за 30 лет. РСФСР. М.: Изд-во Акад. арх. СССР, 1950.
401. СССР на стройке. 1932. № 7.
402. СССР на стройке. 1932. № 8.
403. СССР на стройке. 1933. № 8.
404. Сталин И. Отчетный доклад XVII съезду ВКП(б) о работе ЦК ВКП(б). 26 января 1934 г. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.
405. Сталин И. В. Год великого перелома: К XII годовщине Октября // Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. С. 118–135.
406. Сталин И. В. О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК: Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. С. 27–64.

407. Сталин И. В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. С. 245–290.
408. Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951. С. 282–379.
409. Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XV съезду ВКП(б). 3 декабря 1927 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 10. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. С. 271–353.
410. Сталин И. В. Против опошления лозунга самокритики // Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. С. 127–138.
411. Сталин И. В. Речь на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. С. 66–77.
412. Сталин И. В. Соревнование и трудовой подъем масс: предисловие к книжке Е. Микулиной «Соревнование масс» // Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. С. 108–111.
413. Стахановцы Уралмаша. М.; Свердловск: ОНТИ, 1936.
414. Струве П. Б. Интеллигенция и народное хозяйство // Струве П. Б. *Patriotica*: политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. С. 83–87.
415. Тиунов В. Гиганты на Урале. Свердловск: Гранит, 1931.
416. Урал после районирования. Свердловск: Изд. Уралсовета, 1926.
417. Уральская железная промышленность в 1899 год: по отчетам о поездке, совершенной С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте. СПб.: Тип. В. Демакова, 1900.
418. Уральская советская энциклопедия. Т. 1. М.; Свердловск: Изд-во Уралоблсполкома «Уральская советская энциклопедия», 1933.
419. Уральский завод тяжелого машиностроения. 1928–1933. Свердловск; М.: Урал. обл. гос. изд-во, 1933.
420. Уфимское государственное совещание. Предисловие и примечания А. Ф. Изюмова // Русский исторический архив. Прага: Орбис, 1929.
421. Фрейдин И. Страна Советов. Краткий экономико-географический очерк СССР. М.: Молодая гвардия, 1937.
422. Фурер В. Новая Горловка. Записки партработника. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1934.
423. Ханин Д. М. Борьба за детского писателя. Доклад на собрании детских писателей и педагогов в Доме печати в Москве. 4 декабря 1929 г. // Книги детям. 1930. № 1. С. 1–4.
424. Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1906.
425. Чехов А. П. Письмо Чеховым, 29 апреля 1890 г. Екатеринбург // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 1975. С. 70–73. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/letters/1890-1892/letter-813.htm> (дата обращения: 27.08.2018).
426. Чрезвычайный VIII всесоюзный съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. М.: Изд. ЦИК СССР, 1936.

427. Эвенчик Б. И. Урал в плане Урало-Кузнецкого комбината. М.: Советская Азия, 1932.
428. ЭЧС-4. Четырехламповый приемник с полным питанием от сети переменного тока. М.; Л.: ОНТИ; Главная редакция энергетич. лит.-ры, 1935.

III. Мемуары, публикация фотографий, фотоальбомы

429. А. П. Носков. От фельдшера до главного врача // Официальный сайт Березниковского историко-художественного музея имени Ивана Коновалова. URL: <http://www.museum-berezniki.ru/k-70-letiju-pobedy/ap-noskov-ot-feldshera-do/>. (дата обращения: 05.09.2018).
430. Голдин В. Н. Поэзия периода военного коммунизма, НЭП и первой пятилетки. В 2 кн. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007.
431. Екатеринбург. История города в фотографии. Т. 2. Екатеринбург: Фонд развития фотографии, 2015.
432. Зверев И. Л. Строим “высотный” дом // История Нижнего Тагила от основания до наших дней. URL: http://historyntagil.ru/history/2_20_51.htm (дата обращения: 30.09.2018).
433. Ивашкевич В. Сквозь гул моторов... Заводской альбом. Пермь: ООО «Астер», 2014.
434. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. Т. 5. М.: МФД, 2000.
435. Красноуральск – объект вредительства пятаковской банды на Урале. Архитектурно-проектная мастерская № 2 НКТП. Фотоальбом. Красноуральский историко-производственный музей.
436. Лидия Чуковская – Корней Чуковский. «Наша биография не в нашей власти». Переписка (1912 – 1969) // Дружба народов. 2001. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/11/chukovsk.html> (дата обращения: 02.08.2018).
437. Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
438. Литературное наследство. Т. 65. Новое о Маяковском. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
439. Нижний Тагил, оставшийся в чертежах // История Нижнего Тагила от основания до наших дней. URL: http://historyntagil.ru/cards/9_tagil_eskiz.htm (дата обращения: 17.08.2018).
440. Озолиньш Э. Каким я помню Сталина // Даугава. 2002. № 4. С. 128–142.
441. Открытый исследовательский проект «Наследие С. М. Прокудина-Горского». Электронное периодическое издание «Храмы России». URL: <http://prokudin-gorskiy.ru/index.php> (дата обращения: 28 июня 2018 г.)
442. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М.: Россия молодая, 1996.
443. Подоплелов А. П. Здравоохранение в Лысьве: вчера, сегодня и завтра (воспоминания и размышления ветерана) // Народная энциклопедия Лысьвы. URL: <http://encyclopaedia.lysva.ru/12/12-4-2.pdf> (дата обращения: 02.09.2018).
444. РГакФД. Ед. хр. 13306. Шифр 0-13306 ч/6. URL: <http://photo.rgakfd.ru/showObject.do?object=1805614011> (дата обращения: 30.08.2018).

445. Рябов В. З. О городе, о заводе и о себе... // Народная энциклопедия Лысьвы. URL: <http://enc.lysva.ru/5/5-10.pdf> (дата обращения: 09.09.2018).
446. Сталинские расстрельные списки. URL: <http://stalin.memo.ru/spiski/pg04239.htm>. (дата обращения: 03.07.2018).
447. Челябинский тракторный завод имени Сталина. 1930–1933. Музей Челябинского тракторного завода.
448. Scott J. Behind the Urals: An American Worker in Russia's City of Steel. Bloomington: University of Indiana Press, 1989.

IV. Исследовательская литература

1. Абашев В. В. «Дикая красота и сумрачное величие...» Панорама Урала в путевых очерках Вас. И. Немировича-Данченко // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2015. № 4. С. 67–78.
2. Абашев В. В. Увидеть Урал: ландшафтные описания Вас. И. Немировича-Данченко и Д. Н. Мамина-Сибиряка // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 25–31.
3. Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геоэтики. Пермь: Перм. гос. нац.-иссл. ун-т, 2012.
4. Абашев В. В. Урал в монументальной геопанораме (очерк М. В. Малахова в «Живописной России») // Уральский исторический вестник. 2018. № 2 (59). С. 59–67.
5. Агаркова А. А. Образно-символические аспекты регионального пространства в контексте исторической трансформации культурной идентичности (опыт Донбасса) // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности. Материалы I Международной научной конференции. Донецк, 16–18 мая 2016 г. Ростов-на-Дону: Южный фед. ун-т, 2016. С. 110–113.
6. Агеев С. С. «Замечательный завод, какая база индустриализации!» Советские вожди на Уралмашзаводе в 1930-е годы // Веси. 2015. № 9. С. 19–32.
7. Агеев С., Бриль Ю. Неизвестный Уралмаш. История и судьбы. Екатеринбург: Урал. лит. агентство, 2003. С. 55.
8. Агеев С., Реймер А. Свердловская ТЭЦ. Екатеринбург: Tatlin, 2017.
9. Акифьева Н. В. Исчезнувшие (эпизод 4) // Первоуральск.ru. Городской информационный портал. URL: <http://pervouralsk.ru/blog/kraevedenie/post/2010> (дата обращения: 23.06.2018).
10. Акифьева Н. В. Троцкизм по-билимбаевски // Первоуральск.ru. Городской информационный портал. 24 мая 2014 г. URL: <http://pervouralsk.ru/blog/kraevedenie/post/1038> (дата обращения: 23.06.2018).
11. Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л.: Наука, 1970.
12. Артемов Е. Т. Восточное направление в российской экономической политике XX в.: преемственность приоритетов // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург: АМБ, 2010. С. 18–39.
13. Баканов С. А. Демографическая деградация городов в старопромышленных районах Урала (1959–2010) // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 1. С. 74–85.
14. Баканов С. А. Строительство районных электростанций по плану ГОЭЛРО на Урале в 1920-е – начале 1930-х годов // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2009. № 32. История. С. 65–70.

15. Баканов С. А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. Екатеринбург, 2012.
16. Балакирев Н. А., Нигматуллин Р. М. Из истории развития кролиководства // Кролиководство и звероводство. 2013. № 1. С. 19–22.
17. Барковская Н. В. Поэзия серебряного века. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1999.
18. Барышева Е. В. Мир идеалов советского праздника (к вопросу конструирования социальной реальности) // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 221–229.
19. Барышников М. Н. У истоков отечественного институционализма (из творческого наследия И. Х. Озерова) // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. Т. 2. № 3. С. 153–161.
20. Белоусов А. Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама российской культуры: провинция и ее локальные тексты. М: Языки славянской культуры, 2004. С. 457–482.
21. Бельчиков Н. Ф. Революционно-демократическая беллетристика 60-х годов // Литературное наследство. 1936. Т. 25. С. 99–105.
22. Бирюков Е. Как закатилась звезда Иосифа // Проталина. 2010. № 3-4. URL: http://www.protalina.com/num_3_4_10/birjukov.htm (дата обращения 02.09.2018).
23. Блажес В. В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987.
24. Боженова С. И. Взгляды Г. М. Кржижановского на планирование // Известия Санкт-Петерб. гос. экон. ун-та. 2016. № 1. С. 94–97.
25. Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927 – 1941. М.: Полит. энциклопедия, 2017.
26. Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. СПб.: ДНК, 2009.
27. Бугров К. Д. Славянский мир и классовые баталии: сценарии грядущей войны в Восточной Европе в советской военно-утопической мысли 1920-1930-х гг. // Русин. 2017. № 4. С. 73–92.
28. Букин В. П., Пискунов В. А. Свердловск. Перспективы развития до 2000 года. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1982.
29. Бурев А. Г. Самодетальное строительство жилья в Свердловске 1924–1925 гг. Кооперация и частники // Архитектон: известия вузов. 2014. № 8. URL: http://archvuz.ru/2014_4/10#13 (дата обращения: 02.09.2018).
30. Бухаркина О. А. А. В. Подсосов: судьба личности на фоне истории // Десятые Татищевские чтения: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20–21 ноября 2013 года). Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. С. 487–490.
31. Бухарцев В., Козлов А. Назаров Михаил Григорьевич // Златоустовская энциклопедия. URL: <http://www.zlatoust.ru/a/ze/ze.html?1853,1854> (дата обращения: 20.08.2018).
32. Введенский В. В. «Знатные люди»: благосостояние передовых работников промышленных предприятий Западной Сибири в середине 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 86–90.

33. Великанов Н. Т. Измена маршалов. М.: Алгоритм, 2008.
34. Верхняя Пышма – большая деревня – так считает главный архитектор Свердловской области Владимир Вениаминов // GOVP.info. Городской информационный сайт Верхней Пышмы и Среднеуральска. 10.12.2014. URL: <http://govp.info/blagoustroistvo/verkhnyaya-pyshma-bolshaya-derevnya-tak-schitaet-glavnyi-arkhitekto-sverdlovskoi-ob> (дата обращения: 22.08.2018).
35. Викторова Т. В. «Страна насилия и прекрасных глаз»: Луи Арагон о посещении советского Урала // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 157–170.
36. Гаврилов Д. В. Модернизационный взлет Урала в конце XIX – начале XX вв. // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII – XX вв. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2005. С. 40–93.
37. Гаврилов Д. В. Урало-Кузбасс: грандиозный проект мирового масштаба // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XI Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 26–27 сентября 2013 г. Т. 1. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. С. 15–32.
38. Гаврилова С. И. Комплексная застройка Каменска-Уральского 1930-х годов: реализованные и нереализованные проекты // Архитектон: известия вузов. 2011. № 4. С. 85–98.
39. Гаврилова С. И. Архитектура 1930-х годов Красногорского района г. Каменска-Уральского // Архитектон: известия вузов. 2009. № 3 (27). С. 57–64.
40. Гаврилова С. И. Особенности градостроительной структуры Каменска-Уральского (начало XVII – середина XX веков) // Каменск-Уральский. Страницы истории. 13.04.2015. URL: <http://history-kamensk.ru/history/26-osobennosti-gradostroitelnoi-struktury-kamenska-uralskogo-nachalo-xvii-seredina-xx-vekov.html> (дата обращения: 05.03.2018).
41. Гайсин О. Д. Памятник истории и культуры регионального значения гостиница «Центральная» (ул. Сибирская, 9) // Пермский дом в истории и культуре края: Материалы науч.-практ. конф. 19 декабря 2008 г. Пермь, 2008. С. 144–167.
42. Гайсин О. Д. Сквер у Пермского моторостроительного завода // Метросфера. 01.10.2008. URL: https://metrosphera.ru/press/publications/ckver_u_permского_motorostroitelного_zavoda (дата обращения: 02.09.2018).
43. Гаспаров Б. М. Платонов и Решетников // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 176–192.
44. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе // Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Изд. дом «Дело», 2015. С. 59–92.
45. Голикова С. В. Горнозаводской субстрат уральского областничества // Studia Culturae. 2016. Т. 1. № 27. С. 165–175.
46. Голикова С. В. Пространственная организация горнозаводского Урала (XVIII – начало XX вв.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1. С. 118–124.
47. Голынец Г. В., Голынец С. В. Академия художеств и искусство Урала // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 35. С. 188–202.

48. Границы и маркеры социальной стратификации России XVII – XX вв.: векторы исследования. СПб.: Алетейя, 2018.
49. Гройс Б. Gesamkunstwerk Сталин. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013.
50. Гусев А. Начало: о первом этапе создания УФАНа (1932–1939 гг.) // Российская Академия наук. Уральское отделение. 10 октября 2012. URL: <http://www.uran.ru/node/2390> (дата обращения: 02.08.2018).
51. Девятайкина Г. Л. Топонимы в поэтике «Уральских рассказов» Д. Н. Мамина-Сибиряка // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2007. № 53. С. 27–35.
52. Делицой А. И. Осуществление политики форсированной советизации технической интеллигенции на Урале в 1930–1931 годах // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2010. № 18 (199). С. 95–103.
53. Делицой А. И., Главацкий М. Е. Дело «Уральского инженерного центра» // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы): сборник статей участников научной конференции. Нижний Тагил: НТГПИ, 1997. С. 177–185.
54. Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870 – 1890-х годов // Дергачевские чтения – 2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы VI Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 2–3 октября 2002 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 5–10.
55. Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк: Личность. Творчество. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1981.
56. Дмитриев А. Докладная записка Ивана Озерова Николаю II // Звезда. 2014. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/4/84z-pr.html> (дата обращения: 16.08.2018)
57. Домрачева Е.В., Федяшева Н.В. Поздний конструктивизм: архитектура здания гостиницы «Северный Урал» в городе Нижнем Тагиле // Актуальные проблемы архитектуры и дизайна. Материалы всерос. межвуз. конф. молодых ученых и студенто. 1-3 апреля 2008 г., Екатеринбург. URL: http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz22_pril/23/template_article-ar=K21-40-k33.htm (дата обращения: 23.09.2018).
58. Дубровский Н. А. Феномен Л. М. Бреховских, человека и ученого // Акустический журнал. 2007. № 3. С. 294–301.
59. Дунаев Ю. Стальные трубы Урала. Первоуральск: [б.и.], 2014.
60. Дэвис У. Р., Хлевнюк О. В. Отмена карточной системы в СССР. 1934 – 1935 г. // Отечественная история. 1999. № 5. С. 87–108.
61. Екатеринбург. Архитектурный путеводитель. 1920–1940. Екатеринбург: Tatlin, 2015.
62. Екатеринбург: наследие конструктивизма. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2009.
63. Еркин Л. И., Сухоруков В. И. Развитие и совершенствование коксохимического производства Урала. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987.

64. Ершов М. Ф. Художественные тексты как исторические источники о жизни провинциальной России рубежа XIX – XX вв. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 51–67.
65. Ефремова Е. Н. «Здесь будет город-сад»: утопический образ города в заводской газете Уралмаша // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 57–82.
66. Жеребецкий П. Горловка. Донецк: КП «Регион», 2001.
67. Жилкина Л. Геополитические взгляды В. П. Семенова-Тянь-Шанского и современность // *Власть*. 2013. № 4. С. 179–181.
68. Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928-1938 гг. М.: РОС-СПЭН, 2004.
69. Журавлева В. А. Градостроительство на Урале в 20 – 30-е гг. XX в. Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 2007.
70. Журавлева Н. С. Города Урала в 1930-е гг.: поэтические образы Луи Арагона // *Известия высших учебных заведений: Уральский регион*. 2018. № 1. С. 73–80.
71. Журин Н. П. Стилистика ар-деко в архитектуре Новосибирска – до и после конструктивизма // *Вестник ТГАСУ*. 2016. № 6. С. 65–72.
72. Зайцев Г. Б. Художественная жизнь Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. // *Известия Урал. гос. ун-та*. 1997. № 7. С. 106–115.
73. Зубков К. И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта // *Уральский исторический вестник*. 2011. № 1. С. 24.
74. Зырянов П. Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М.: Высшая школа, 1992. С. 133.
75. Иванов А. В. Горнозаводская цивилизация. М.: АСТ, 2014.
76. Иванова П. Площадь эволюции. Последний жилой комбинат Свердловска // ЕТВ. URL: https://ekburgtv/articles/gorodskie_istorii/2016-11-26/ploshhad_chvojucii_poslednij_zhiloj_kombinat_sverdlovskaja (дата обращения: 26.08.2018).
77. Иконников А. В. Утопическое мышление и архитектура. М.: Архитектура-С, 2004.
78. Ильченко М. С. Образ «социалистического города» в публичной риторике: дискуссии межвоенного периода и современные языки описания // *Вестник Перм. ун-та. Сер. История*. 2017. № 4(39). С. 162–171.
79. Ильченко М. С. Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда: градостроительный эксперимент 1920 – 1930-х гг. // *Quaestio Rossica*. 2016. № 3. С. 55–71.
80. История Красноуральска: какие тайны хранит здание «Электросетей» на Ленина // *Goroda96.ru* URL: <http://goroda96.ru/index.php?task=new.view&id=14759> (дата обращения: 30.08.2018).
81. История Урала. Т. 2. Период социализма. Пермь: Пермское книжн. изд-во, 1977. 611 с.
82. Казакова-Апкаримова Е. Ю. Идеология областничества как фактор формирования региональной идентичности (на примере Сибири и Урала) // *Вестник Вятск. гос. гум. ун-та*. 2014. № 12. С. 46–52.
83. Казанцева Л. К. Исторический опыт разработки Урало-Кузнецкой проблемы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1993.

84. Казусь И. А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

85. Камынин В. Д. Спецкор «Комсомольской правды» С. Д. Нариньяни на Магнитострое (к 90-летию со дня выхода первого номера газеты «Комсомольская правда») // Известия Урал. фед. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 4. С. 97–106.

86. Капкан М. В. Уральские города-заводы: мифологические конструкты // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2006. № 47. С. 36–45.

87. Каюкин Л. Стахановцы Магнитки // Магнитогорский металл. 06.09.2005. URL: <http://magmetall.ru/contribution/1711.htm> (дата обращения: 30.08.2018).

88. Ключкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX в. в.) Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2006.

89. Козлов А. Е. Соотношение морального и провинциального кодов в русской литературе XIX в. // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 121–125.

90. Козлов И. Пермский конструктивизм // Звезда. 22 апреля 2016 г. URL: <http://zvzda.ru/articles/e1fb89067f40> (дата обращения: 15.08.2018).

91. Козлов Л. А. Сатка индустриальная. Челябинск: Челяб. кн. изд-во, 1961.

92. Колеров М. Социализм в одной стране. Изолированное государство, протекционизм и первоначальное социалистическое накопление. М: Изд. кн. маг. «Циолковский», 2017.

93. Колесниченко К. Ю. Деятельность Особого колхозного корпуса ОК-ДВА в 1932–1936 гг. // Военно-исторический журнал. 2017. № 5. С. 40–46.

94. Колосова Е. Н., Филатов В. В. К истории создания Уральского филиала АН СССР (1932–1939). Неюбилейные заметки // Уральский геологический журнал. 2007. № 4. С. 1–123.

95. Колупаева Н. П. Из истории создания профессионального училища № 6 // Народная энциклопедия Лысьвы. URL: <http://encyclopaedia.lysva.ru/12/12-1-3.pdf> (дата обращения: 12.07.2018).

96. Компанейский (Красногвардейский) рудник // Рудники Урала. Прошлое и настоящее уральских рудников. URL: <http://uralmines.ru/kompanejskij-krasnogvardejskij-rud/> (дата обращения 01.08.2018).

97. Кононова Т. «Крутые парни» из 20-х // Тагильский рабочий. 2 февраля 2006 г.

98. Конышева Е. В. «Солнце, воздух и дом для всех»? Европейский опыт массового жилищного строительства и его советские вариации в годы первых пятилеток // Quaestio Rossica. 2016. № 3 С.44–47.

99. Конышева Е. В. Градостроительство и архитектура г. Челябинска конца 1920-х – середины 1950-х годов. Дис. ... канд. искусствоведения. СПб.: Санкт-Петербургский гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, 2003.

100. Конышева Е. В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х – 1950-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск: ЧГПУ, 2005.

101. Конышева Е. В. Советское градостроительное проектирование середины 1930-х гг.: на переломе эпох // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2011. № 30 (247). С. 71–77.

102. Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. Харьков: Фолио, 2011.

103. Корнилов Г. Е. Урало-Кузбасс в советской экономической стратегии: историография проблемы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4 (42). С. 287–303.

104. Королев Е. «Стальмост». История забытых побед // Орбита96.рф. URL: <http://forum.orbita96.ru/index.php/topic/552-%C2%ABstalmost%C2%BB-istor/> (дата обращения: 28.06.2018).

105. Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861 – 1914. М.: НЛЮ, 2006.

106. Кочухова Е. С., Рабинович Е. И. «Культурно-политический комбинат» под открытым небом: центральный парк 1930-х vs. клубные сады 1920-х: случай Свердловска // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 2. С. 6–18.

107. Красноуральский медеплавильный комбинат. Годы. События. Люди. Екатеринбург: Филантроп, 2001.

108. Куклина Е. Во глубине уральских руд. В сентябре 1931 года «Магнитогорский рабочий» рассказал о визите Климента Ворошилова // Магнитогорский рабочий. 11.09.2016. URL: <https://www.mr-info.ru/15866-vo-glubine-uralskih-rud-v-sentyabre-1931-goda-magnitogorskiy-rabochiy-rasskazal-o-vizite-klimenta-voroshilova.html> (дата обращения: 02.08.2018).

109. Куликов В. А. Корпоративный порядок и общество в заводских и рудничных поселках Юга Российской империи в последней трети XIX – начале XX в. // Tractus Aevorum. Сетевой научный журнал. 2018. № 5 (1). URL: <http://ta.bsu.edu.ru/current-issue/144> (дата обращения: 01.09.2018).

110. Куликовских С. Рот-Фронт // Златоустовская энциклопедия. URL: <http://www.zlatoust.ru/a/ze/ze.html?2279> (дата обращения: 02.09.2018).

111. Кульбиков С. Березники – это Ворошиловск? // Иная газета. 01.04.2011. URL: <http://www.beriki.ru/2011/04/01/berezniki-eto-voroshilovsk> (дата обращения: 30.08.2018).

112. Курлаев А. Е. Фотографии С. М. Прокудина-Горского как источник по изучению индустриального наследия Урала // Российский научный журнал. 2016. № 3. С. 46–50.

113. Кырчиков М. С. И. Д. Кабаков и уральский регионализм конца 1920-х – середины 1930-х гг. // Научный диалог. 2017. № 5. С. 198–207.

114. Лазарев С. Е. В. К. Блюхер в советской военной элите 1930-х гг. // Молодой ученый. 2010. № 8. Т. 2. С. 104–106. URL: <https://moluch.ru/archive/19/1935/> (дата обращения: 07.08.2018).

115. Лапина Г. В. «Черные и белые»: история неудавшегося кинопроекта // Антропологический форум. 2016. № 30. С. 83–118.

116. Лаппо Г. Истинные города В. П. Семенова-Тян-Шанского сегодня // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. С. 79–94.

117. Ласточкина В. Б. Организация экономического районирования в Советской России в 1920-е – 1930-е годы // Вестник Чувашского ун-та. 2015. № 4. С. 116–120.

118. Лейбович О. Л. Охота на красного директора. Пермь: ИЦ «Титул», 2017.

119. Лисицина Я. Ю., Лисицин В. Г. Культурная составляющая образа стхановца Восточно-Сибирского края в быту и искусстве // Известия Иркутск. гос. ун-та. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. № 22. С. 227–283

120. Литовская М. А. «Фабульные крючочки и петельки»: поэтика компромисса в творчестве П. П. Бажова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 8–17.

121. Ложкин А. Ю., Киселев А. Б. Сохранение культурного наследия в рамках достопримечательного места (на примере соцгорода «Рабочий посёлок», Пермь) // Новая жизнь памятников архитектуры конструктивизма. Материалы научно-практической конференции. 20–21 октября 2014 г. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2015. С. 27–38.

122. Лютов В., Вепрев О. Вглядываясь в Ленинский. Екатеринбург: БКИ, 2015.

123. Мазур Л. Н. Соцгород как исторический феномен раннесоветской эпохи // Город, социум, среда: история и векторы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил: Нижнетагильск. гос. соц.-пед. ин-т, 2017. С. 7–14.

124. Макаров А. Н. Информационно-пропагандистское сопровождение индустриализации 1929-1941 гг. средствами советского фоторепортажа. Дис. ... канд. ист. наук. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. ун-т, 2013. С. 74.

125. Макаров А. Н. «See USSR»: советская визуальная пропаганда индустриализации 1930-х гг. за рубежом // Научное пространство Европы. Материалы международной научной конференции, 7–15 апреля 2014 г. URL: http://www.rusnauka.com/11_NPE_2014/Istoria/1_166982.doc.htm (дата обращения: 03.08.2018).

126. Макарова Н. «Город без церквей»: религиозность в Магнитогорске в 1930-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 158–180.

127. Макарова Н. Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Магнитогорск, 2010.

128. Макарова Н. Н. Сталинская Магнитка: общие тенденции градостроительства (1929 – 1953 гг.) // Сибирские строители: события и судьбы. Сб. статей всерос. научн. конф. (г. Сургут, СурГУ, 25–26 ноября 2018 г.). Курган: ООО «Курганский дом печати», 2017. С. 426–441.

129. Машевич Е. А. Об организации единого диспансера ЧТЗ в г. Челябинске // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2016. № 4 (15). Т. 2. С. 131–134.

130. Меерович М. Г. Градостроительная политика СССР 1917–1929. От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: НЛЮ 2017.

131. Меерович М. Г. Советский город в дискуссии 1929–1930 гг.: урбанизация или дезурбанизация // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (52). С. 100–111.

132. Меерович М. Г. Жилой фонд соцгородов-новостроек первых пятилеток. Коттеджи // Творчество и современность. 2016. № 1. С. 36–49.
133. Меерович М. Г. Советский город в дискуссии 1929 – 1930 гг.: урбанизация или дезурбанизация // Уральский исторический вестник. 2016. № 3. С. 100–111.
134. Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917 – 1937 годы). М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008.
135. Мельников Н. Н. Реализация плана ГОЭЛРО на Урале: от первых сетевых объединений до единой энергосистемы региона (1920–1930 гг.) // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 284–292.
136. Металлургические заводы Урала. Энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2001.
137. Михеев М. В. Урал в системе межрегиональной конкуренции в период сталинизма (1930–1940-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 1. С. 66–72.
138. Можаява Л. А. Антимилитаристская борьба и международная солидарность молодежи в политическом фокусе международного юношеского дня // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2014. № 7. С. 93–102.
139. Моисеев Г. С. Цветная металлургия Урала (1917–1945 гг.) Екатеринбург: ПостМодерн, 2003.
140. Мурзин А. Э. Советский миф в судьбе Урала. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016.
141. Назукина М. В. Уральские смыслы в локальной идентичности Пермского края // Современный город: власть, управление, экономика. 2016. № 1. С. 210 – 211.
142. Невзгодин И. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. Новосибирск, 2013. С. 48.
143. НКМЗ – 80. Страницы истории // Официальный сайт Новокраматорского машиностроительного завода. URL: <http://www.nkmz.com/index.php?id=602> (дата обращения: 12.01.2018)
144. Новиков И. А. Град святого Иоанна Златоуста // Псковские краеведческие чтения. Печоры, 2015. С. 4. URL: <http://elib.cspu.ru/xmlui/handle/123456789/792> (дата обращения: 20.06.2018)
145. Олохова О. П. Строительство социалистического города Нижний Тагил: планы и реальность (начало 1920-х – конец 1930-х гг.) Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Тагил: Нижнетагильск. гос. пед. ин-т, 2016.
146. Олохова О. П. Строительство социалистического города при Уралвагонзаводе в 30-е гг. XX столетия // Успехи современной науки и образования. 2016. № 7. С. 128–131.
147. Омельчук К. Носилов. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1989.
148. Орельская О. В. Нижегородская архитектура XX века как отражение российского и зарубежного зодчества. Дис. ... доктора архитектуры. Нижний Новгород: Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2009.

149. Орельская О. В. Между конструктивизмом и неоклассицизмом в нижегородской архитектуре 1930-х годов // Вестник Волжского регион. отд. Рос. академии архитектуры и строит. наук. 2011. № 14. С. 52–56.
150. Официальный сайт МАУ МОК «Парк культуры и отдыха», Пермский край, город Березники, пр. Ленина, 50. URL: <http://parkber.narod.ru/p2aa1.html> (дата обращения 30.08.2018).
151. Официальный сайт МАУК «Объединение Ишимский городской культурный центр». URL: <http://ishimgdk.ru/o-nas/kontsertnyy-zal-im-30-let-vlksm.php>. (дата обращения: 01.07.2018).
152. Очерки истории педагогической науки в СССР (1917–1980). М.: Педагогика, 1986.
153. Парфенов Н. М. Застройка и архитектура Лысьвы в XVIII – XX вв. // Культурная жизнь провинции. Кн. 1. Лысьва: ООО «Издат. дом», 2011. URL: <http://encyclopaedia.lysva.ru/12/12-2-62.pdf> (дата обращения: 18.06.2018).
154. Перескоков Л. В. Соцгород Рабочий поселок // Пермский дом в истории и культуре края: Материалы науч.-практ. конф. 19 декабря 2008 г. Пермь, 2008. С. 42–46.
155. Петрова Р. И. Локальный уровень в системе территориальных идентичностей городов Урала // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2016. № 5. С. 46–51.
156. Пискунова Л. П., Старостова Л. Э. «Городок чекистов» г. Екатеринбург: воплощение и трансформация утопии в повседневных практиках советской элиты // Известия Урал. фед. ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2015. № 4. С. 40–52.
157. Поршнева О. С., Казакова-Апкаримова Е. Ю. Столица Урала: эволюция административного статуса Екатеринбурга и идентичности горожан в XVIII – начале XX в. // Известия Урал. фед. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 178–191.
158. Пронина И. Н. Массовый праздник в советской социокультурной модели // Вестник Челяб. гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. 2015. № 19. С. 114–121.
159. Романенко А. П. «Великий перелом» – символ советского культурного слома // Эпоха «Великого перелома» в истории культуры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 270–276.
160. Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895 – 1907). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
161. Романов В. Григорий Быков. Свердловск: Свердловск. кн. изд-во, 1961.
162. Рукосуев Е. Ю. Перевод металлургических заводов Урала на минеральное топливо в конце XIX–начале XX века (по материалам Съездов горнопромышленников Урала) // Известия высших учебных заведений. Горный журнал. 2016. № 7. С. 86–102.
163. Савин О. И., Данилова Э. В. «Займы индустриализации» и профсоюз // Федерализм. 2012. № 4. С. 131–136.
164. Пинаев С. М. «Займы индустриализации» конца 1920-х гг. и особенности их реализации // Вестник Томск. гос. ун-та. 2011. № 8. С. 290–295.

165. Сапрыкина Н. С. Свердловский конструктивизм С. В. Капачинского. Часть 1: Первый реализованный проект 1930 – 1931 гг. // Вестник гражданских инженеров. 2017. № 5 (64). С. 15–23.
166. Сапрыкина Н. С. Свердловский конструктивизм С. В. Капачинского. Часть 2: Проект застройки квартала «Уральский специалист», 1932 г. // Вестник гражданских инженеров. 2017. № 6 (65). С. 46–54.
167. Саранцев Н. В. Элита Красной Армии в 1930-е годы // Вестник Саратовского гос. соц.-эк. ун-та. 2005. № 11-1. С. 114–122.
168. Сверлик Г. И. Соревнование, не оправдавшее надежд // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2014. № 3. С. 256–268.
169. Селиванова А. Н. Творческие поиски в теории и практике советской архитектуры 1930-х годов. Дис. ... канд. архитектуры. М.: НИИТАГ, 2009.
170. Сидорова А. И. Вопросы реставрации здания школы ФЗС в «Квартале № 1» соцгорода в Магнитогорске // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2013. № 4. С. 54–59.
171. Сидорова И. Т. Становление химической промышленности в Верхнем Прикамье на примере Березниковского химкомбината // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2010. № 2. С. 80–83.
172. Смирнов Л. Н. Екатеринбург: наследие конструктивизма. Екатеринбург: НИИМК, 2009.
173. Смирнов Л. Н. Петербургский след в архитектуре конструктивизма Екатеринбурга. Екатеринбург: Архитектон, 2015.
174. Смирнов Л. Н., Бушмина А. В. Архитектура конструктивистских клубов Екатеринбурга 1920–1930-х гг. // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2015. № 1. С. 32–37.
175. Созина Е. К. «Обыкновенные таланты» // Литература Урала. Очерки и портреты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Изд-во Дома учителя, 1998. С. 157–158.
176. Созина Е. К. Индивидуальное и общее в судьбе и творчестве литератора-разночинца: размышления над прозой Ф. М. Решетникова // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 С. 41–50.
177. Созина Е. К. Провинция в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. П. Чехова: топология судьбы // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 15–26.
178. Соловьева Т. В. Идея Уральской республики в условиях революционных потрясений // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 287–298.
179. Страхов В. В. Внутренние займы в СССР конца 1920-х – 1930-е годы // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2008. № 2. С. 59–79.
180. Строительство социалистического города Калийград. URL: http://www.himtrade.ru/info/npz/silvinit/SILVINIT_1927-37_Kaliigrad.pdf (дата обращения: 30.09.2018)
181. Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918–1920). М.: Наука, 1966.

182. Сушков А. В., Михалев Н. А., Пьянков С. А. Средний Урал в системе Урало-Кузнецкого комбината: проблемы строительства Новотагильского металлургического завода в 1930-е годы // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. № 25 (279), 2012. С. 56–66.

183. Танкиевская И. Н. Нижняя Салда. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.

184. Тарасова Е. А. Архитектура жилых и массовых культурно-бытовых зданий (часть 2). 1933—1941 // *Всеобщая история архитектуры*. Т. 12. Кн. 1. Архитектура СССР. М.: Стройиздат, 1975. URL: http://ussr.totalarch.com/general_history_architecture/1933_1941/house (дата обращения: 21.08.2018).

185. Тимошенко А. И. Решение социальных проблем в программе «Урало-Кузбасс»: проекты и реализация // *Уральский исторический вестник*. 2011. № 1. С. 34–41.

186. Токменинова Л. Городок чекистов. Жилой комплекс НКВД. Екатеринбург: Tatlin, 2012.

187. Токменинова Л. И. Архитектура Екатеринбурга: конструктивизм. Екатеринбург: ТД «Альянс», 2014;

188. Тургель И. Д. «Вторые» города горнозаводского Урала: опыт институционально-эволюционного анализа // *Региональная экономика: теория и практика*. 2013. № 44. С. 2–13.

189. Федосихин В. С. Сергей Чернышев – автор жилого квартала № 1 в Магнитогорске // *Архитектура. Строительство. Образование*. 2016. № 1 (7). С. 118–123.

190. Фельдман М. А. «Генеральный план развития Свердловской области на 1928 – 1941 гг.»: между мифом и реальностью // *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 322–332.

191. Фельдман М. А. Урало-Кузбасс: между замыслом и реализацией. Взгляд из другого века // *Вопросы управления*. 2011. № 3. URL: <http://vestnik.uara.ru/ru/issue/2011/03/33/> (дата обращения 02.09.2018).

192. Фельдман М. А. Условия труда промышленных рабочих Урала в 1910-е – 1930-е гг. // *Экономическая история: ежегодник*. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2006. С. 263–282.

193. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008.

194. Фокеев А. Л., Чеботарева Е. Г. Демократическая очеркистика 1860-х годов и народническая литература (традиции и преемственность) // *Вестник Вятск. гос. гум. ун-та*. 2009. № 4–2. С. 131–134.

195. Фомичев И. А. Город Надеждинск. 1893 – 1940 гг. Екатеринбург: [б. и.], 2013.

196. Фомичев И. А. Надеждинск-Серов. Материалы и документы по истории города. 13 июля 1893 – 3 ноября 1993. Екатеринбург: [б. и.], 2015.

197. Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. Проблема города будущего. М.: Наука, 1980.

198. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Кн. 1–2. М.: Стройиздат, 1996.

199. Харитоновна Е. В. Завод как типичная форма организации жизненного уклада на Урале // *Дергачевские чтения – 2004. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы VII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 2–3 октября 2004 г.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 462–467.

200. Христофоров И. А. Между рынком и утопией: либеральные экономисты и начало эпохи Великих реформ // *Российская история.* 2015. № 3. С. 106–116.

201. Челябинск. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1976.

202. Чемоданов П. А. Советский стахановец второй половины 1930-х годов как культурно-психологический тип // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2016. № 3-1 (65). С. 190–194.

203. Чолахян В. А. Проблемы освоения новой техники на Сталинградском тракторном заводе в годы первой пятилетки // *Известия Саратовского гос. ун-та. Серия: История. Международные отношения.* 2007. № 1. С. 66–75.

204. Шанявская А. А. Целевые творческие командировки советских художников и отечественное искусство 1922–1932 годов. Дис. ... канд. искусствоведения. СПб.: Санкт-Петербургск. гос. ун-т, 2017.

205. Шеметова Т. А. Восстановление приграничной ярмарочной торговли с китайской провинцией Синьцзян в начале 20-х гг. XX века: проблемы и перспективы // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2011. № 8-3. С. 209–212.

206. Шмакова Н. П. Челябинск в 30-е годы // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2000. № 1. С. 54–63.

207. Штин О. В., Дектерев С. А. Конструктивизм в архитектуре общественных зданий Нижнего Тагила // *Академический вестник УралНИИпроект РААСН.* 2012. № 2. С. 53–57.

208. Шенников Г. К. Натурализм социального романа Д. Н. Мамина-Сибиряка // *Вестник Челяб. гос. ун-та.* 1996. № 1. С. 26–34.

209. Эдельман О. Легенды и мифы Советского Союза // *Логос.* 1999. № 5. С. 52–65

210. Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М: Дело АНХ, 2010.

211. Эрлих А. Сталинизм и марксистские модели роста // *Экономическая политика.* 2009. № 4. С. 125–143.

212. Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. Дис. ... доктора фил. наук. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2005.

213. Юрьев А. Жизнь Виктора Калмыкова // *Магнитогорский металл.* 30 марта 2017 г. URL: <http://magmetall.ru/contribution/21729.htm> (дата обращения: 01.06.2018).

214. Юрьев А. Их помнят немногие // *Магнитогорский металл.* № 83 (13294). 1 августа 2017 г. URL: <http://magmetall.ru/pdf/2017-08-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2018).

215. Якупов В. Бригадир ударной стройки // Иная газета. 01.28.2012. URL: <http://www.beriki.ru/2012/01/28/brigadir-udarnoi-stroiki> (дата обращения: 05.09.2018).
216. Ярош Н. Н. Планирование городского хозяйства в период формирования советского государства // Экономический журнал. 2012. № 27. С. 122–133.
217. Войналович В. А. Историчні передумови формування соціокультурного профілю українського Донбасу // Гілея: науковий вісник. 2016. № 4. С. 397–405.
218. Davies R. W. *Soviet Economy in Turmoil, 1929 – 1933*. London: Macmillan Press, 1989.
219. Fitzpatrick Sh. Ordzhonikidze's Takeover of Vesenkha // *Soviet Studies*. 1985. № 37. P. 153–172.
220. Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1997.
221. Mahot-Boudias F. «Hourra l'Oural» (1934) de Louis Aragon, un poème utopique entre reportage de propagande et rêve politique // *Les chantiers de la création* [En ligne]. 2010. № 3. URL : <http://lcc.revues.org/255> (дата обращения: 02.09.2018).
222. Pisch A. *The Personality Cult of Stalin in Soviet Posters, 1929–1953. Archetypes, Inventions and Fabrications*. Acton: ANU Press, 2016.

Список сокращений

- ВОПУ – Временное областное уральское правительство
ВСНХ – Верховный совет народного хозяйства
ИТР – инженерно-технический работник (работники)
МОПР – Международная организация помощи рабочим
МЮД – Международный юношеский день
НКТП – народный комиссариат тяжелой промышленности
НКПС – народный комиссариат путей сообщения
ОКДВА – Особая Краснознаменная Дальневосточная армия
РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция
РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия
УВЗ – Уральский вагоностроительный завод имени Дзержинского
УЗП – Управление зрелищными предприятиями
УЗТМ – Уральский завод тяжелого машиностроения имени Орджоникидзе
УКК – Урало-Кузнецкий комбинат
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания
УССР – Украинская советская социалистическая республика
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
ЧГРЭС – Челябинская государственная районная электростанция имени Кабакова
ЧТЗ – Челябинский тракторный завод имени Сталина
ЧЭМК – Челябинский электрометаллургический завод имени Ворошилова

Указатель имен

- Авдеев О. А., писатель 216, 325
Авербах Л. Л., партийный деятель 144, 165, 201, 213,
Агишев В., журналист 186–187
Азизбеков М., партийный деятель 248
Аксаков С. Т., писатель 18
Александр II, император 51
Александров В. Я., инженер 56
Аликина А., рабочая Лысьвенского завода 215
Алпатов, рабочий хлебозавода в Сатке 225
Альби, труппа воздушных гимнастов В. М. Галагана 314
Альперт М. В., фотограф 207
Амурский Г., поэт 333
Андреев А. А., партийный деятель 248, 259, 343
Андроников Н. М., партийный деятель 84
Анфимов В. Н., инженер УЗТМ 219
Анциферова, работница детсада 225
Арагон Л., поэт 190–191, 281
Ардуанов М., рабочий Березниковского комбината 214, 221, 314
Аронштам Л. Н., красный командир 293
Артем (Сергеев), партийный деятель 44, 248–249,
Аткинсон Т., британский путешественник 28
Афонин, рабочий из Челябинска 290
Бадретдинов, рабочий Березниковского комбината 311
Бажов П. П., писатель 381
Базаров В. А., экономист 70, 75
Баладин А. И., руководитель промышленности 234–236
Бамбулевич А. В., красный командир 293
Банников А. П., руководитель промышленности 218–219, 340
Баранов И. Г., рабочий Высокогорского рудника 190
Барбот де Марни Е. Н., инженер 34
Барто А., поэтесса 104
Батуев Г. М., рабочий шахты им. Урицкого 205, 215
Батуев, рабочий УЗТМ 213
Безыменский А. И., поэт 75
Белдыцкий Н. П., публицист 22, 49–50
Беллами Э., утопист 111
Белов В. Д., инженер 34
Беляков, партийный работник 231
Берг О. И., владелица завода 124
Берг П. В., владелец завода 124
Березин Н. И., публицист 55
Бессонов С. А., экономист 78
Блинов А., служащий «Теплобетона» 227
Блок А. А., поэт 43, 111
Блюхер В. К., полководец 212, 287–289, 292–293, 295,
Бобирец А., журналист 146, 314
Боборыкин П. Д., публицист 22
Бобров Г. Е., рабочий Магнитогорского комбината 212–213
Бобруль А., поэт 329
Богатыренко Д., рабочий Магнитогорского комбината, 208–210,
Богословский П. С., ученый 31–32
Бороновский, рабочий Магнитогорского комбината 222
Босин, член группы содействия прокуратуры 225

- Бреховских Ф. М., инженер 217–218, 221
Бродский И. И., художник 246
Буденный С. М., красный командир 248
Булатов Б. Н., экономист 119, 370
Булатов И. А., осодмиловец 238–240
Булатов, рабочий 225
Бульчев, рабочий Верх-Исетского завода 215
Бусыгин А. Х., рабочий-стахановец 216
Бухарин Н. И., партийный деятель 64, 72, 75–76, 126
Быков Г. С., рабкор 218–221, 232, 240–242, 330
Быкова Ф. И., жена Г. С. Быкова 219
Вайнерк Д. А., красный командир 290–291
Вайсберг Л. Э., инженер Магнитогорского комбината 212
Валериус К. Д., руководитель строительства 371
Васильев П. А., рабочий Высокогорского рудника 198,
Васильченко С. Ф., партийный работник 44
Весновский В. А., публицист 30, 60
Виноградова Е. В., рабочая, стахановка 205
Виноградова М. И., рабочая, стахановка 205
Винокуров В., директор цирка 314
Винокуров, служащий «Стальмоста» 180
Витте С. Ю., государственный деятель 35, 51
Владимиров Л. С., руководитель промышленности 217
Воеводин Л. Е., инженер 34
Волгин И., публицист 178
Володарский В., партийный деятель 203, 248–249
Вольинко, рабочий УЗТМ 235
Вольхин Н. Д., рабочий УЗТМ 165
Воробьев, рабочий Тагилстроя 228
Воробьева М., жительница поселка Богословских копей 238
Ворошилов К. Е., партийный деятель 245, 247, 249, 253, 255, 257–258, 260, 269, 288, 295
Воскобойников И. И., художник 106
Гагин, обвиняемый по делу Кедуна–Быкова 242
Галиуллин Х., рабочий Магнитогорского комбината 208
Гарвей Н. И., журналист 62
Гассельблат В. А., инженер 66, 72
Гаусман, иностранный специалист 98
Геворкян Г., скульптор 106
Геккер Н. Н., экономист 119, 370
Гель Н., публицист 71
Геппе А., германский коммунист 282
Гершгорн В., поэт 33
Гершенкрон А., ученый 51
Гилев А. Г., рабочий завода имени Молотова 215
Гинзбург М. Я., архитектор 159–160
Главацкий А. А., инженер 79
Глебов А. В., рабочий УЗТМ 104
Глинка В. А., государственный деятель 60–61
Глумов, рабочий завода имени Молотова 215
Говард Э., философ 111
Говорков В. И., художник 172
Гоголев Е. Е., служащий «Стальмоста» 180
Головницкий Л. Н., скульптор 106
Голомбек А. И., архитектор 358
Голосов П. А., архитектор 319
Голубицкий Ф. И., инженер Магнитогорского комбината 210, 212, 243
Гольдич Л. Е., хозяйственный руководитель 95
Горшин И. Б., партийный деятель 94
Горький М., писатель 21, 27, 218, 220–221, 338, 356
Грановский М. А., руководитель промышленности 309–310
Грачев, рабочий Магнитогорского комбината 212–213, 221
Громан В. Г., экономист 75–76
Груздев С. А., публицист 40–42, 46
Грум-Гржимайло В. Е., инженер 333

- Грязных Б., журналист 143
Губашев, рабочий Надеждинского завода 179
Гугель Я. С., руководитель промышленности 271–272, 293
Гумаров, рабочий Красноуральского комбината 215–216, 308
Данилова, работница «Стальмоста» 175
Двойников И. Т., служащий Высокогорского рудника 189
Демидовы, династия предпринимателей 20, 23, 25, 50, 55, 60, 79, 102, 109, 122, 124–125, 198, 268, 270, 331, 377, 381
Ден В. Э., экономист 57
Денисов-Уральский А. К., художник 45
Диковский С. В., писатель 164–165
Дитмар, Н. фон, руководитель промышленности 43–44
Дмитриев, инженер Уралвагонзавода 263,
Добужинский М., художник 268
Долженков Е., обвиняемый по делу Кедуна–Быкова 242
Долженков Н. К., рабочий Высокогорского рудника 262–264
Достоевский Ф. М., писатель 18
Друзин В. А., скульптор 106
Дук К. И., руководитель промышленности 306
Дулько, партийный работник 180
Дюканов М. Д., рабочий 205
Емлин Г., публицист 345
Епифанов В., рабочий ЧТЗ 228
Ерасова Н., жена ИТР 152–153
Ермолаев, милиционер 228
Жданов А. А., партийный деятель 248–249
Железнов Б. А., экономист 72
Жемчужников, рабочий Березниковского комбината 215
Забелин И. Е., ученый 22
Завенягин А. П., руководитель промышленности 363, 373
Заводчикова, рабочая Лысьвенского завода 215
Затонский В. П., партийный деятель 83
Захаров, рабочий Надеждинского завода 179
Зверев, глава Березниковского горсовета 313
Земятченский П., ученый 29–30
Зимин Н. Н., руководитель транспорта 261
Зимин, руководитель промышленности 272
Зиновьев Г. Е., партийный деятель 245
Зиринг И., журналист 266, 284–286
Золотов А. Т., руководитель промышленности 277–278, 280, 287
Зубовский, работник прокуратуры 238, 240
Зуев, рабочий Магнитогорского комбината 210–211
Зуев, служащий «Стальмоста» 180
Иловайский Д. И., публицист 22
Ильф И., писатель 185, 278, 296
Кабаков И. Д., партийный деятель 69–70, 82, 84, 90–97, 105, 144–145, 184–185, 218, 243, 255, 256, 259
Кабалин, рабочий Верх-Исетского завода 259
Каганович Л. М., партийный деятель 127–128, 134–135, 145, 161, 167, 247–248, 252, 260–261, 345, 371,
Казраганди Н. Н., деятель «белого движения» 268
Казанцев В. Г., художник 45
Кайгородов Д. Н., ученый 18
Калашников А., рабкор 237–239
Калинин М. И., партийный деятель 247–249, 260
Калмыков В. Е., рабочий Магнитогорского комбината 207–208
Кантемиров А. Т., цирковой наездник 314
Каписко А. Ф., партийный работник 219
Карклин, партийный деятель 272
Катаев В., писатель 208, 216
Каттель И. А., руководитель промышленности 217, 361
Каусман П., иностранный специалист 278,
Кедун Д. Ф., рабочий Высокогорского рудника 220, 240–242
Кельцев С. А., публицист 34
Киров С. М., партийный деятель 242, 247–249, 254, 288, 344

- Киселев, рабочий УЗТМ 213
Киселев, рабочий Уралвагонзавода 187–188
Киселева А. Т., работница Уралвагонзавода 187–188
Кладыков П. С., хозяйственный руководитель 189
Клековкин, руководитель промышленности 220
Клемперт М. Б., инженер Магнитогорского комбината 209–210
Коваленко, рабочий УЗТМ 213
Ковсман, иностранная работница 279
Козьмин Ф. Д., рабочий Высокогорского рудника 190, 220–221, 242
Кокшаров, рабочий УЗТМ 213
Колосовский Н. Н., экономист 79
Колупаев, партийный деятель 210
Колчак, адмирал 11–12, 41, 97, 102, 240, 267–268, 281, 293,
Комарова И., рабочая Лысьвенского завода 229–230
Кондратьев Н. Д., экономист 75–76
Коппа, рабочий Магнитогорского комбината 212
Копытцев А. Г., журналист 238–240
Королев Н. С., рабочий Красноуральского комбината 142
Корольков Н. М., издатель 60
Косарев А. В., руководитель комсомола 256
Косиор И. В., хозяйственный руководитель 85, 117
Костиков А. С., партийный работник 189–190, 220
Костромкин, рабочий Чусовского завода 259
Котлованов, житель соцгорода ЧТЗ 228–229
Кочергин Н., художник 280
Кржижановский Г. М., экономист 65, 68, 79–81, 84, 86, 169,
Криворучкин А., рабкор
Криворучкин П., обвиняемый по делу Кедуна–Быкова 240, 242
Криворучкина И., обвиняемая по делу Кедуна–Быкова 240–242
Крыленко Н. В., генеральный прокурор СССР 232
Крячков А. Д., архитектор 164
Кувшинов, рабочий ЧТЗ 228–229
Кузьмина М. И., владелица завода 124
Куйбышев В. В., партийный деятель 76–78, 80, 82–84, 86–87, 90, 169, 247–249
Кукарских, прокурор 229
Куликов, рабочий «Стальмоста» 175
Куприн А. И., писатель 43
Курашев Г., руководитель промышленности 346
Курдюков В., рабочий Красноуральского комбината 178–179
Курочкин В. И., архитектор 358
Курупий, рабочий ЧТЗ 228
Кусницин, рабочий Уралвагонзавода 323–324
Кутузов М. И., полководец 105
Кушманов В. И., инженер УЗТМ 234–236
Куштум Н., поэт 377
Ларин, партийный деятель 118
Ларри Я., писатель 9
Лебедев И., поэт 283
Лежень М. А., архитектор 358
Ленин В. И., партийный деятель 57, 63–64, 74, 101–102, 169–171, 173, 188, 203, 207, 244–251, 254–257, 265–267, 275, 300, 340,
Леонов Л. М., писатель 18
Лепешинский В. В., инженер 79
Лехт Ф. К., художник 309
Ликстанов И. И. (Кожан), писатель 122, 144–146,
Лимов А. И., рабочий Надеждинского завода 284
Литвинов А. А., руководитель промышленности 335
Лобаевич А., рабочий Калатинского завода 335
Ловин К. П., руководитель промышленности 217
Ломинадзе В. В., партийный деятель 86
Ломов Г. И., экономист 101
Лондон Дж., писатель 49–50, 54,
Луговой А. В., руководитель промышленности 233

- Лузин П., рабочий ЧТЗ 228
Лукин, рабочий Верх-Исетского завода 259
Луначарский А. В., партийный деятель 159, 183, 186, 298
Львов Г. Е., предприниматель 58
Львов С. Е., государственный деятель 58
Любимов А. М., художник 252
Любимов, рабочий Соликамского комбината 231
Май Э., архитектор 370
Макаров В. А., поэт 105
Малахов В. М., публицист 22–25, 37, 47
Мальшев А., художник 280
Мальшев И. М., участник гражданской войны 203
Мамин-Сибиряк, писатель 25, 17–20, 27–31, 33, 47–50, 60, 122–123, 377
Марти А., французский коммунист 277
Мартьянов, рабочий Верх-Исетского завода 259
Марьясин Л. М., хозяйственный руководитель 323–324
Матвеев, рабочий Магнитогорского комбината 222
Медведева, жительница Калаты 336
Менделеев Д. И., ученый 29, 35–36, 40, 52, 54, 56–57, 68
Менжинский В. Р., партийный деятель 255
Микоян А. И., партийный деятель 248
Микулина Е., публицист 171
Милютин Н. А., партийный деятель 113
Миндлин Эм., публицист 168, 369
Мирзоян Л. И., партийный деятель 84
Мирошников, рабочий Красноуральского комбината 176
Митинский А. Н., инженер 19, 34
Митюков П. С., красный командир 290
Михаил Николаевич, великий князь 34
Михайлов, художник 216
Могилевич, рабочий УЗТМ 235
Мокров П., обвиняемый по делу Кедуна–Быкова 240, 242
Мокров Я., обвиняемый по делу Кедуна–Быкова 240, 242
Молотов В. М., партийный деятель 86, 95, 117, 247–249, 255–259, 261, 264
Морогов Ф. Е., архитектор 320
Мотырев, завхоз 140
Мускатблит Ф., публицист 98
Мушкетов И. В., ученый 22
Назаретян А. М., партийный деятель 84
Назаров М. Г., красноармеец 289
Нариньяни С. Д., журналист 369
Наумов В., журналист 204
Неверов Л. П., журналист 121–122, 360
Нейштадт А., публицист 165
Немирович-Данченко Вас. И., публицист 15–18, 22, 48
Немчинов, рабочий Вагонстроя 174
Никитиных П. М., ученый 190
Николаев Н., поэт 231–232
Николаева З., журналистка 130–131, 144
Новиков И., рабочий Красноуральского комбината 187
Новиков С., рабочий ЧТЗ 228
Новоселова В., рабочая Лысьвенского завода 229–230
Ногин, рабочий УЗТМ 270
Носилов К. Д., публицист 38, 40, 42–43, 46, 103,
Носков А. П., врач 314, 316,
Носков, рабочий Пермского моторного завода 215
Овчаров, служащий Магнитогорского комбината 227
Огородников В. П., рабочий Магнитогорского комбината 209–210, 243
Озеров И. Х., экономист 14, 52–54, 57–59, 61–62, 65,
Окуджава Ш. С., партийный деятель 220
Окунев Я. М., писатель 110
Оленин, адвокат 229
Оньков, красноармеец 227
Орджоникидзе Г. К., партийный деятель 63, 81–87, 161, 184, 203, 205, 210, 214, 219, 221, 237, 247–249, 252, 254–255, 260–264, 270–271, 323, 325, 331, 353, 355, 370
Орленко Ф. А., рабочий Магнитогорского комбината 211–212

- Орлов В. А., рабочий Надеждинского завода 284
Островский З., публицист 138–139
Охитович М. А., философ 113
Ошвинцев М. К., партийный деятель 82, 355
Павлов А. А., публицист 21
Панов И., рабочий ЧТЗ 228–229
Паттерсон Л., американский коммунист 282–283
Паунова, работница «Стальмоста» 175
Пашевский, рабочий УЗТМ 235
Пермяков, милиционер 238
Пестов П. О., обвиняемый по делу Кедуна–Быкова 241–242
Петров Г. С., публицист 49, 56
Петров, писатель 185, 278, 296
Петровский Г. П., партийный деятель 248–249
Петрунь, рабочий УЗТМ 236
Петухов Н., служащий «Теплобетона» 227
Пилюнос А., иностранный рабочий 279
Пионтковский, рабочий из Челябинска 290
Питерский, инженер Верх-Исетского завода 204, 229
Плотников, рабочий ЧТЗ 228–229
Побережский И. И., руководитель промышленности 217, 270
Половцова Н. М., владелица завода 253, 296
Полозков, рабочий рудник имени III Интернационала 215–216
Пономарев, рабочий Златоустовского завода имени Ленина 286
Попков А. Т., глава челябинского окр-исполкома 359
Поступалов Ан., рабочий ЧТЗ 223
Потанин Г. Н., ученый 22
Прокудин-Горский С. М., фотограф 22, 25–26
Пугасов А. А., рабочий Красноуральского комбината 186–187
Пьянков К., житель Калаты 336
Пятаков Г. Л., партийный деятель 141–143, 186, 218, 243, 255, 306–308, 323
Радек К. Б., партийный деятель 220, 247, 356
Резник Я., публицист 264
Рейшер М. В., архитектор 218, 341
Рерберг И. И., архитектор 157
Реут К. Ф., поэт 347
Решетников Ф. М., писатель 15–16, 28, 49, 54, 62
Решетов И. Ф., работник НКВД 237
Рикман, публицист 69
Рошаль С. Г., партийный деятель 203
Рубан, рабочий Магнитогорского комбината 234
Рудзук Я. Э., партийный деятель 259
Рудометова Г., рабочая Лысьвенского завода 215, 221
Русинов А., рабочий Лысьвенского завода 222
Рыбаков, служащий «Стальмоста» 180
Рыков А. И., партийный деятель 64, 76, 78, 254
Рябов В. З., руководитель промышленности 300
Рябов, рабочий Магнитогорского комбината 234
Сабсович Л., экономист 112–113, 118–119, 136, 149, 199
Сагадеев Х., рабочий Магнитогорского комбината 208, 230
Сажин П. А., скульптор 106
Сандригайло, рабочий Высокогорского рудника 264
Санников М. Д., рабочий Березниковского комбината 254
Свердлов Я. М., партийный деятель 246, 248–249
Свистунов, рабочий Магнитогорского комбината 210
Северьянов, прораб из Сатки 366–367
Седелев, рабочий УЗТМ 235–236
Седельникова, уборщица завода имени Молотова 138
Семенов-Тянь-Шанский В. П., ученый 22, 36, 41–42
Сергей Николаевич, великий князь 34
Серебренников Н., публицист 148, 155–157

- Сержантов В., публицист 219, 376,
Сиродинский, обвиняемый по делу
Промпартии 310
Скачков С., стенгазетчик Богословских
копей 240
Скорынин В. Г., житель Сатки 224
Скотт Дж., иностранный рабочий 373
Скрипник Н. А., партийный деятель 80
Сладков, рабочий Магнитогорского
комбината 234
Смирнов М., партийный работник 360
Сокуров Б., поэт 105
Сорьгин М. Г., рабочий Лысьвенского
завода 222
Сталин И. В., партийный деятель 73–
77, 79–82, 84–88, 91, 98, 101–104, 109,
114, 124–125, 128, 131, 134–135, 138,
145, 156, 167–168, 171, 177, 198, 202–
207, 211, 213–214, 216, 218, 233, 244,
245–255, 257, 261, 265–268, 270–271,
275, 280, 295, 297, 322, 340, 356, 375,
378–379.
Стандэ С., польский коммунист 292
Старкова Ф., жительница Лысьвы 225
Стаханов А. А., рабочий, основатель
стахановского движения 255
Стенбок-Фермор, владелица завода 125,
198
Степанов В., рабочий Красноуральского
комбината 175
Стеше, германский инженер 278–279
Стольпин П. А., государственный дея-
тель 62
Строгановы. династия владельцев заво-
дов 146, 270
Струве П. Б., публицист 51–55
Струмилин С. Г., экономист 64–65, 75,
Стручков, рабочий Тракторостроя 236
Стюарт Э., ученый 273
Субоцкий Л. М., партийный деятель
220, 241–242
Суворов А. В., полководец 104–105
Суворов, рабочий «Стальмоста» 188
Суков, рабочий Верх-Исетского завода
203
Сулимов А. И., хозяйственный руково-
дитель 137
Сулимов Д. Е., партийный деятель 127,
258
Султанов М. Ш., рабочий Березников-
ского комбината 214, 314
Сураев М. П., рабочий Уралвагонзавода
328
Сырцов Л. А., партийный деятель 86
Табаков З. Я., руководитель промыш-
ленности 367
Тамаркин М. А., инженер 151–152, 208,
216, 243, 325
Таубе Е. А., руководитель промышлен-
ности 233
Твардовский А. Т., поэт 103
Темиргалиев, машинист 174
Теплоухов, служащий Соликамского
комбината 230–231
Тиманов, рабочий Красноуральского
комбината 178
Тимофеев Б. А., писатель 21
Титов, гармонист 189
Тищенко, рабочий Магнитогорского
комбината 210
Толоконцев А. Ф., хозяйственный руко-
водитель 81, 99
Томский М. П., партийный деятель 64
Торсунов В., рабочий Уралвагонзавода
328
Троцкий Л. Д., партийный деятель 64,
90, 203, 236, 242, 245
Трусов А. Е., партийный деятель 248
Труханов К. Г., рабочий Лысьвенского
завода 215
Тюменцев А., рабочий Верх-Исетского
завода 203–204, 229
Уланов, служащий Соликамского ком-
бината 230
Ульянов, работник совхоза 224
Уральский А., поэт 66
Урицкий М. С., партийный деятель 202,
249
Фармаковский С. П., инженер 34
Федорович И. И., экономист 79
Фельдмахер, инженер Соликамского
комбината 231
Ферулев Н. Е., рабочий Лысьвенского
завода 205

- Фидлер В. Ф., инженер УЗТМ 219, 234–235
- Финковский А. И., партийный работник 251–252
- Финш О., германский ученый 28
- Фишев, рабочий УЗТМ 235
- Формов, рабочий Магнитогорского комбината 234
- Фрейдлин И., публицист 101–103, 216
- Фрунзе М. В., партийный деятель 246, 249
- Фулер В. Я., партийный деятель 195–196
- Ханин Д. М., партийный работник 199, 218, 306
- Хитаров Р. М., партийный деятель 205, 210
- Хлопьянкин М. И., партийный деятель 84
- Хороших А., работница яслей 237
- Хороших Г. М., рабочий Богословских копей 237–240
- Хохряков П. Д., участник гражданской войны 203
- Хренников Т., композитор 104
- Хрулькова, служащая «Стальмоста» 180
- Худояровы, династия художников 45
- Хьюз Дж., владелец завода 245
- Царевский М. М., руководитель промышленности 220
- Цейко, рабочий Магнитогорского комбината 234
- Цифринович В. Е., руководитель промышленности 186, 217, 231, 270, 316–317,
- Чернецов П. Н., партийный работник 347
- Чернышев С. Е., архитектор 117, 318, 370
- Чернышевский Н. Г., публицист 15, 110
- Чернышевы, обвиняемые по делу Кедуна–Быкова 240, 242,
- Черныщ, рабочий Магнитогорского комбината 210
- Чехов А. П., писатель 18, 28–29
- Чугунов Г., поэт 108
- Чулочников П., поэт 174
- Шайхутдинов Н., рабочий Магнитогорского комбината 208, 293
- Шалин, глава уличного комитета из Калаты 335–336
- Шальто А. М., руководитель Межрабпома 282
- Шафрик С., клоун 314
- Шахильдян В. П., руководитель транспорта 261
- Шевалдин Н. Н., рабочий завода «Магнезит» 205
- Шеерман, иностранный специалист 228
- Шелест А., поэтесса 106
- Шилов Н., глава первоуральского горсовета 349–350
- Широглазов С. М., служащий Пермского моторного завода 257
- Шмелев, художник 216
- Штейнберг С. С., ученый 189
- Шубанов, художник 210
- Шуваловы, династия заводладельцев 16, 24, 125, 144, 198, 299–300
- Шютте В., архитектор 372
- Шютте-Лихоцьки М., архитектор 372
- Щербина, руководитель промышленности 221
- Щуренко А., хулиган 228
- Эвенчик Б. И., экономист 72, 95
- Эйсмонт Н. Г., архитектор 135, 316,
- Эрмлер Ф., кинорежиссер 242
- Эрсман Ф., рабочий Уралвагонзавода 263
- Юдин, работник столовой Трубостроя 192
- Юдинцев, рабочий Лысьвенского завода 294
- Юрахно А. С., рабочий УЗТМ 206, 215
- Ягуткин, рабочий Верх-Исетского завода 188
- Ядринцев Н. М., ученый 22
- Якамсин С., рабочий Березниковского комбината 107
- Ялышев П., рабочий Уралвагонзавода 378
- Янен А. А., руководитель промышленности 143
- Ярцев М. Ф., владелец завода 124

Список иллюстраций

Глава 1. УРАЛ

1.1. Ужасы провинциальности

1. Вид Екатеринбурга. *Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Ч. 2. Приуральский край.* СПб.; М.: Тип. М. О. Вольф, 1901.

2. Вид Златоуста с восточной стороны. *Уральская железная промышленность в 1899 году: по отчетам о поездке, совершенной С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте.* СПб.: Тип. В. Демакова, 1900.

3. Вид Тагильского завода. *Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Ч. 2. Приуральский край.* СПб.; М.: Тип. М. О. Вольф, 1901.

1.2. Кладовая богатств

4. Вид Челябинска. *Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге.* СПб.: М-во путей сообщ., 1902.

5. План горы Высокой (Нижний Тагил). *Уральская железная промышленность в 1899 году: по отчетам о поездке, совершенной С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте.* СПб.: Тип. В. Демакова, 1900.

1.3. Проблема отсталости

6. «Тагил. То, что нам досталось в наследство от Демидовых». *Планировка и строительство городов. 1933. № 3.*

7. Верхне-Салдинский завод. *Фото К. Д. Бугрова, 2017.*

Глава 2. ЗАВОДЫ

2.1. Урало-Кузбасс.

8. «Лампочка Ильича»: Челябинская ГРЭС. *Челябинский рабочий. 21 января 1933 г.*

2.2. Заводы-гиганты

9. Г. К. Орджоникидзе – народный комиссар тяжелой промышленности. *За тяжелое машиностроение. 22 февраля 1934 г.*

10. Костяницын В. Н. Выбор площадки для постройки Челябинского тракторного завода. *Индустрия социализма VII съезду Советов. М.: Изогиз; «Строим», 1935.*

11. Челябинские промышленные гиганты. *Челябинский рабочий. 1 мая 1934 г.*

12. Вид цехов ЧТЗ – оформление газетной рубрики «День нашего завода». *Наш трактор.*

13. Березниковский химический комбинат имени Ворошилова. *Уральская советская энциклопедия. Т. 1. М.; Свердловск: Изд-во Уралоблисполкома «Уральская советская энциклопедия», 1933.*

14. Карта новостроек Урало-Кузнецкого комбината. *Челябинский рабочий. 23 января 1933 г.*

2.3. Рождение соцгорода

15. Новые города СССР (европейская часть). *На стройке социализма. До-стижения первой пятилетки. М.: ОГИЗ; ИЗОГИЗ, 1933.*

16. Улица Пятилетки в Березниках. *Ударник. 8 октября 1934 г.*

Глава 3.

3.1. Анатомия соцгорода

17. «Тогда» и «сейчас»: картины дореволюционной жизни (а) и социалистического строительства (б), видны здания дома культуры и кинотеатра, реально выстроенные в Березниках). *Ударник. 15 июля 1935 г.*

18. «Презентационный проспект» в Свердловске – район площади Труда. *Нейштадт А. Свердловск индустриальный. Свердловск: Уральское изд-во, 1934.*

19. Схема соцгорода ЧТЗ. *Наш трактор. 15 декабря 1934 г.*

3.2. Жилье и инфраструктура

20. «Орден клопа». *Наш трактор. 4 сентября 1931 г.*

21. Трамвай в соцгороде Уралмаша. *Индустрия социализма VII съезду Советов. М.: Изогиз; «Строим», 1935.*

22. Рабочий клуб. Златоуст. *Опыт стройки. 1933. № 4–5.*

23. Школа ФЭС соцгорода ЧТЗ. *Челябинский тракторный завод имени Сталина. 1930–1933. Фотоальбом. Музей Челябинского тракторного завода.*

3.3. Архитектура и стиль

24. Фабрика-кухня соцгорода Уралмаша. *Фото К. Д. Бугрова. 2016 г.*

25. Рабочий клуб в Нижней Салде. *Фото К. Д. Бугрова. 2017 г.*

26. Новое строительство в Челябинске. *Челябинский рабочий. 17 августа 1931 г.*

27. Жилой дом соцгорода Уралвагонзавода. *Фото К. Д. Бугрова. 2017 г.*

3.4. Соревнование

28. Почетная грамота ударника Новотрубного завода (Первоуральск). *Музей Первоуральского новотрубного завода.*

29. «Мы знаем, куда идут наши займы». *Магнитогорский металл. 9 мая 1933 г.*

30. Подписание договора о соревновании советами жен инженеров Златоустовских металлургического и инструментального заводов. *Жены инженеров – общественницы тяжелой промышленности. М.: ОГИЗ; ИЗОГИЗ, 1937.*

3.5. Новая культурность

31. Соцгород ЧТЗ вечером. Шарж. *Наш трактор. 5 июня 1934 г.*

32. «Озелененные улицы окружают Уралвагонзавод». *Жены инженеров – общественницы тяжелой промышленности. М.: ОГИЗ; ИЗОГИЗ, 1937.*

33. «Кадры решают все». *Магнитогорский металл. 16 мая 1935 г.*

Глава 4.

4.1. Герои.

34. Первостроители Магнитогорска Н. Шайхутдинов и Х. Галиуллин. *СССР на стройке. 1933. № 2.*

35. «Богатырь Богатыренко». Дружеский шарж. *Магнитогорский металл. 16 октября 1935 г.*

36. Стахановцы-металлурги Коппа и Орленко. Дружеский шарж. *Магнитогорский металл. 16 октября 1935 г.*

37. М. Ардуанов, первостроитель Березников. *Ударник. 17 марта 1935 г.*

38. Инженер М. Тамаркин. *Опыт стройки. 1933. № 10.*

39. Г. С. Быков. *Были горы Высокой. М., 1939.*

4.2. Злодеи

40. Мастер Хороших. *Пролетарий. 26 мая 1934 г.*

41. Г. Л. Пятаков. *Вагоногигант. 11 сентября 1933 г.*

4.3. Вожди

42. Коллаж: ударники челябинских заводов и Сталин. *Челябинский рабочий. 17 декабря 1933 г.*

43. Районная красная доска: цех ЧТЗ и профиль Сталина. *Челябинский рабочий. 30 декабря 1933 г.*

44. Коллаж: челябинские промышленные гиганты и И. Д. Кабаков. *Челябинский рабочий. 18 января 1934 г.*

45. Электropечь имени Косарева на Уралмашзаводе. *СССР на стройке.*

46. 10 000 тракторов Кагановичу. *Наш трактор. 23 ноября 1934 г.*

47. Орджоникидзе и подрывники на Уралвагонзаводе. Были горы Высокой.

4.4. Даты и празднества

48. «Парижская Коммуна». *Ударник. 18 марта 1936 г.*

49. Первомайский выпуск городской газеты. *Пролетарская мысль. 1 мая 1935 г.*

50. Выпуск газеты в честь годовщины Октября. *Ударник. 7 ноября 1934 г.*

4.5. Мировая революция

51. Война империалистической войне. Единый фронт. *За тяжелое машиностроение. 1 августа 1934 г.*

52. Строительство социализма в СССР и мировая революция. *Пролетарий. 7 ноября 1932 г.*

53. Красное знамя Межрабпома. *Пролетарий. 3 июня 1934 г.*

4.6. ОКДВА

54. Портрет В. К. Блюхера. *За тяжелое машиностроение. 6 августа 1934 г.*

55. Торжественная встреча комбрига Вайнерка и знамени ОКДВА на вокзале в Челябинске. *Челябинский рабочий. 7 июня 1930 г.*

Глава 5. ФОРПОСТЫ СОЦИАЛИЗМА**5.1. Надеждинск и Лысьва: соцгорода в старых поселках**

56. Дворец культуры в Надеждинске (Серове). *Фото К. Д. Бугрова. 2018 г.*

57. Коллаж. Новое строительство в Надеждинске. *Пролетарий. 7 ноября 1932 г.*

58. Дворец культуры в Лысьве. *Искра. 15 июля 1935 г.*

5.2. Красноуральск – забытый соцгород

59. Баня в Красноуральске. *Красноуральск – объект вредительства пятаковской банды на Урале. Архитектурно-проектная мастерская № 2 НКТП. Фотоальбом. Красноуральский историко-производственный музей.*

60. Заводоуправление медеплавильного комбината имени Красной Армии в Красноуральске. *Красноуральский медеплавильный комбинат. М.: ГНТИ, 1931.*

61. Дом ИТР (гостиница) в Красноуральске. *Красноуральск – объект вредительства пятаковской банды на Урале. Архитектурно-проектная мастерская № 2 НКТП. Фотоальбом. Красноуральский историко-производственный музей.*

5.3. Березники – Соликамск: республика химии

62. Школа ФЗУ в Березниках. *СССР на стройке. 1932. № 5.*

63. Дворец культуры и парк в Березниках. *Ударник. 17 июля 1935 г.*

64. Больница в Березниках. *Фото К. Д. Бугрова. 2015 г.*

5.4. Молотово и Пермь

65. Фабрика-кухня в Молотово. *Опыт стройки. 1933. № 11.*

66. Баня в Молотово (здание утрачено). *Молотовский рабочий. 1 октября 1931 г.*

5.5. Нижний Тагил и окрестности

67. Проект дома соцгорода Уралвагонзавода. *Вагоногигант. 2 августа 1934 г.*

68. Школа в соцгороде Уралвагонзавода (здание утрачено). *Вагоногигант, 3 марта 1935 г.*

69. Баня в соцгороде Уралвагонзавода. *Фото К. Д. Бугрова, 2017 г.*

70. Жилой дом в соцгороде Стальмоста, Верхняя Салда. *Фото К. Д. Бугрова, 2017 г.*

5.6. Калата: город цветников

71. Дворец культуры в Калате (Кировграде). *Фото К. Д. Бугрова, 2017 г.*

5.7. Большой Свердловск. Уралмаш и другие.

72. Коллаж. Здания соцгорода Уралмаш. *За тяжелое машиностроение. 15 июля 1934 г.*

73. Заводоуправление Уральского завода тяжелого машиностроения имени Орджоникидзе, Свердловск. *Фото К. Д. Бугрова, 2016 г.*

74. Коллаж. Улица Малышева. *Вагоногигант. 10 июля 1935 г.*

75. Один из корпусов Уральского индустриального института во Втузгородке. *Нейштадт А. Свердловск индустриальный. Свердловск: Уральское изд-во, 1934.*

5.8. Первоуральск: соцгород в соцгороде

76. Жилой дом в соцгороде Первоуральск. *Фото К. Д. Бугрова, 2018 г.*

77. Школа в бывшем барачном поселке строителей Первоуральского новотрубного завода. *Фото К. Д. Бугрова, 2017 г.*

5.9. Каменск-Уральский

78. Заводоуправление Синарского завода имени Кабакова. *Рыжиков А. С. Синарстрой. Свердловск: Металлургиздат, 1934.*

79. Жилой дом в соцгороде Синарского завода. *Фото К. Д. Бугрова, 2018 г.*

80. Один из корпусов соцгорода Уральского алюминиевого завода. Каменск-Уральский. *За уральский алюминий. 22 января 1935 г.*

81. Жилой комплекс ЦЖС в соцгороде Уральского алюминиевого завода. Каменск-Уральский. *Фото К. Д. Бугрова, 2018 г.*

5.10. ЧТЗ и компания: перестройка старой Челябин

82. «Окраина» соцгородка ЧТЗ. 1933 г. *Челябинский тракторный завод имени Сталина. 1930–1933. Фотоальбом. Музей Челябинского тракторного завода.*

83. Автобус на улице Спартак в соцгороде ЧТЗ. *Челябинский тракторный завод имени Сталина. 1930–1933. Фотоальбом. Музей Челябинского тракторного завода. (это же фото напечатано: СССР на стройке. 1933. № 8.)*

84. Единый диспансер ЧТЗ. *Фото К. Д. Бугрова, 2018 г.*

85. Поселок ЧГРЭС и ферросплавного завода имени Ворошилова. *За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 9–10.*

86. Трамвай в соцгороде Челябинского ферросплавного завода имени Ворошилова. *За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 9–10.*

87. Соцгород Станкомаша. *Челябинский рабочий. 5 октября 1935 г.*

5.11. Златоуст – Сатка – Бакал

88. Жилой дом в Златоусте. *Опыт стройки. 1933. № 4–5.*

89. Баня в Златоусте. *Пролетарская мысль. 5 января 1935 г.*

90. Жилой дом в поселке завода Магnezит, Сатка. *Фото К. Д. Бугрова, 2018 г.*

91. Горно-промышленное училище в Бакале. *Фото К. Д. Бугрова, 2018 г.*

5.12. Магнитка

92. Вид 1-го квартала Магнитогорска. *Фото К. Д. Бугрова, 2015 г.*

93. Гостиница в Магнитогорске. *За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 1.*

94. Дворец культуры в Магнитогорске. *Фото К. Д. Бугрова, 2015 г.*

95. «В “Березках”». *Магнитогорский металл. 17 мая 1935 г.*

Научное издание

Бугров Константин Дмитриевич

СОЦГОРОДА БОЛЬШОГО УРАЛА

Редактор Е. Д. Бугрова
Корректор Е. Д. Бугрова
Компьютерная верстка А. Ю. Матвеев

Подписано в печать 24.12.2018. Формат 60 x 84 / 16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 200 экз. Заказ № 342.
Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7(343)389-94-76, 350-90-13
Факс: +7(343)358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
www.print.urfu.ru